Москва
ООО «Фирма СТД»
2008

Sigmund Freud

DIE TRAUMDEUTUNG

Зигмунд Фрейд

ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ

Под общей редакцией

Е. С. Калмыковой, М. Б. Аграчевой, А. М. Боковикова

Перевод на русский язык

А. М. Боковиков

Данное издание воспроизводит текст Фрейда в исправленном виде на основе вышедшего в 1980 году девятого издания второго тома «Учебного издания».
Первое издание:

Данная книга является вторым томом десятитомного собрания сочинений З. Фрейда, в котором мы публикуем «Толкование сновидений» — одно из главных произведений Фрейда. Впервые эта работа была издана в 1899 году и выдержала более десяти изданий. Настоящий текст является переводом последнего прижизненного издания, в котором учтены все варианты изменений и дополнений, внесенных З. Фрейдом в предыдущие немецкие издания.

«Толкование сновидений» дает читателю ключ ко всей психоаналитической концепции, проясняет основные понятия, термины, образы и раскрывает богатейшую символику сновидений. Фрейд подробно проясняет и исследует механизмы и законы, по которым «строятся» сновидения, и читатель может вместе с автором шаг за шагом продвигаться по «королевской дороге» — к бессознательному.

ISBN 978-5-89808-040-2

ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ
(1900)

«Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo»

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЕЙ

(1) Библиографические сведения

1900 Лейпциг и Вена, издательство Франца Дойтике. (Книга появилась в 1899 году.) IV + 375 страниц.

1909 2-е (расширенное и исправленное) издание, в том же издательстве. VII + 389 страниц.

1911 3-е (расширенное и исправленное) издание, в том же издательстве. X + 418 страниц.

1914 4-е (расширенное и исправленное) издание, в том же издательстве. X + 498 страниц.

1919 5-е (расширенное и исправленное) издание, в том же издательстве. IX + 474 страницы.

1921 6-е (перепечатка без каких-либо изменений 5-го издания, но с новым предисловием и исправленной библиографией), в том же издательстве. VII + 478 страниц.

1922 7-е издание (перепечатка без каких-либо изменений 6-го издания), в том же издательстве.

1925 *Собр. соч.*, 2-й том и часть 3-го (расширено и исправлено). Лейпциг, Вена и Цюрих, Международное психоаналитическое издательство. 543 страницы и страницы 1–185.

1930 8-е (расширенное и исправленное) издание. Лейпциг и Вена, издательство Франца Дойтике. X + 435 страниц.

1942 *Собр. соч.*, двойной том 2/3 (перепечатка без каких-либо изменений 8-го издания). Страницы XV и 1–642.

1987 *Собр. соч.*, дополнительный том, 604 etc., 610 etc., 616–619, 620 etc., 746 [только (1911*a*), (1913*h*), (1914*e*), (1932*e*)].

Хотя на титульной странице указан год, знаменующий начало нового столетия, «Толкование сновидений» вышло в свет еще в начале ноября 1899 года. Эта работа наряду с «Тремя очерками по теории сексуальности» (1905*d*) является одной из двух книг, которую с каждым новым изданием Фрейд старался более или менее систематически дорабатывать с учетом нового состояния знания. Однако после третьего издания изменения, внесенные Фрейдом, перестали каким-либо образом обозначаться, что послужило причиной путаницы у читателей, поскольку новый материал порой предполагал знание о тех изменениях, которые произошли во взглядах Фрейда спустя много лет после появления книги. Издатели первого собрания трудов

Фрейда («Собрания сочинений») попытались решить эту проблему, перепечатав «Толкование сновидений» в его первоначальной форме в одном томе, а во втором томе собрав все то, что было добавлено позже. К сожалению, эта работа проводилась несколько бессистемно, сами дополнения не были датированы, из-за чего многие преимущества этого издательского проекта не были реализованы. При последующих тиражах было решено снова вернуться к старому варианту — к однотомному изданию, в котором различные этапы написания книги никак не дифференцируются.

Особой темой, где было внесено больше всего дополнений, является символика сновидений. В самом начале части Д 6-й главы (с. 357) Фрейд поясняет, что значение этой стороны проблемы стало ему полностью понятным лишь со временем.

В первом издании обсуждение символики ограничилось несколькими страницами в конце раздела под названием «Учет изобразительных возможностей» в 6-й главе. Во втором издании (1909) к этому разделу ничего добавлено не было; и наоборот, в 5-й главе в конце раздела «Типичные сновидения» Фрейд добавил несколько страниц о сексуальной символике. При третьем издании (1911) их число увеличилось, тогда как первоначальный пассаж в 6-й главе теперь остался без изменений. Без сомнения, перегруппировка была давно назревшей, и поэтому при четвертом издании (1914) Фрейд ввел в 6-й главе самостоятельный раздел (Д), посвященный символике, куда он перенес соответствующий материал, накопившийся тем временем в 5-й главе, и, кроме того, дополнил этот раздел другим, совершенно новым материалом. Во всех более поздних изданиях в этом общем построении книги ничего больше не менялось, хотя впоследствии также добавилось много нового материала. После выхода в свет двухтомного издания (1925), то есть в восьмом издании (1930), в раздел «Типичные сновидения» снова вошли несколько пассажей, которые ранее были опущены.

В четвертом, пятом, шестом и седьмом изданиях (выходивших с 1914-го по 1922 год) в конце 6-й главы имеются две статьи Отто Ранка («Сновидение и поэзия», 1914*a*, и «Сновидение и миф», 1914*b*, впервые опубликованные в «Толковании сновидений»), которые, однако, в дальнейшем снова были изъяты.

По поводу библиографии: в первом издании имелся список примерно из восьмидесяти книг, в основном тех работ, на которые ссылается в тексте Фрейд. В том же виде он содержится также во втором и третьем изданиях. Тем не менее в третьем издании

был добавлен второй список, насчитывающий около сорока книг, которые появились после 1900 года. После этого оба списка литературы быстро увеличивались в размерах: в конечном счете в восьмом издании первый список включал в себя 260, а второй более 200 работ. На этой стадии в тексте Фрейда фактически упоминалась лишь небольшая часть работ — они входили в список трудов, вышедших до 1900 года. С другой стороны, второй список, включавший литературу, опубликованную после 1900 года, не поспевал (об этом можно судить по собственным замечаниям Фрейда в своих предисловиях) за публикацией многочисленных аналитических или квазианалитических работ, посвященных проблеме сновидений. И наконец, большое число работ, упомянутых Фрейдом в тексте, не входят *ни в один* из списков. Как следует из письма Фрейда Андре Бретону (1933*e*), начиная с четвертого издания за библиографию отвечал исключительно Отто Ранк.

(2) Настоящее издание

Настоящее издание основывается на тексте двойного тома II/III «Собрания сочинений», который в свою очередь соответствует восьмому изданию (1930), последнему из тех, что были опубликованы при жизни Фрейда. Вместе с тем это издание отличается от всех предыдущих одним важным моментом: в нем учитываются варианты, содержавшиеся в различных немецких изданиях. Мы попытались обозначить и датировать каждое существенное изменение, сделанное после первой публикации книги. От издания к изданию Фрейд почти всегда *добавлял* новый материал, а не выбрасывал что-то из старого. Выброшенные пассажи, а также более ранние варианты материала, от которых Фрейд впоследствии отказался или которые он существенно изменил, большей частью в данное издание *не* вошли. Исключение составляет небольшое число примеров, представляющих, как нам кажется, особый интерес; они приведены в примечаниях издателей. Дополнения к 6-й главе, сделанные Ранком, опущены — обе статьи являются совершенно независимыми и непосредственного отношения к книге Фрейда не имеют; кроме того, они заняли бы еще около пятидесяти страниц.

Списки литературы полностью переработаны; они приводятся здесь в соответствии с пятым томом английского «Стандартного издания» трудов Фрейда с исправлениями и дополнениями.

Первый список литературы включает все работы, которые действительно упомянуты в тексте или в сносках. Во втором списке приводятся все работы, вышедшие до 1900 года, которые указаны Фрейдом в библиографии, вошедшей в «Собрание сочинений», и которые в тексте им не цитируются. Нам казалось важным привести этот список, потому что такая обширная библиография, посвященная проблеме сновидений в старой литературе, практически недоступна. Помимо трудов, фактически упомянутых в тексте и поэтому включенных в первый список литературы, работы, появившиеся *после* 1900 года, не учтены. Между тем по поводу обоих списков необходимо высказать одно замечание. Последующие исследования показали, что в списках литературы ранних немецких изданий имеется очень много ошибок. Некоторые из них были исправлены еще раньше в «Стандартном издании», другие — в настоящем. Тем не менее значительное число указанных в библиографии работ до сих пор верифицировать не удалось, и они вызывают сомнения; эти названия помечены звездочками.

Редакторские дополнения — сноски, указания источников при цитировании, а также многочисленные перекрестные ссылки — заключены в квадратные скобки.

(3) Исторический контекст

Как нам известно из писем к Флиссу (1950*a*), Фрейд работал над «Толкованием сновидений» с некоторыми перерывами с конца 1897-го по сентябрь 1899 года. Однако представленные в этой работе теории у него начали формироваться задолго до этого; то же самое относится и к собранному материалу.

Помимо отдельных упоминаний об этой теме, которые можно найти в письмах Фрейда по меньшей мере до 1882 года, первый важный опубликованный в печати фрагмент, свидетельствующий об интересе Фрейда к сновидениям, содержится в «Этюдах об истерии» Брейера и Фрейда (1895) — в пространной сноске к первой из описанных им историй болезни (случай госпожи Эмми фон Н., датированный 15 мая). В ней он обсуждает тот факт, что невротические пациенты, по-видимому, испытывают потребность связывать между собой все представления, которые случайно в одно и то же время присутствуют в их чувствах. Он пишет: «Во власти такого принуждения к ассоциированию я не-

давно сумел убедиться благодаря наблюдениям в другой области. На несколько недель мне пришлось сменить мою привычную постель на более жесткое ложе, на котором мне стали чаще или ярче сниться сновидения — возможно, лишь потому, что я не мог достичь нормальной глубины сна. В первые четверть часа после пробуждения я помнил все сновидения, приснившиеся ночью, и решил их записывать и попытаться понять. Все эти сновидения мне удалось свести к двум моментам: во-первых, к принуждению развивать те представления, которые занимали меня днем лишь мимоходом, то есть которые были только слегка затронуты, но не разрешены, и, во-вторых, к принуждению связывать друг с другом вещи, присутствующие в одном и том же состоянии сознания. Свободной властью последнего момента можно было объяснить бессмысленность и противоречивость сновидений».

В сентябре того же года (1895) Фрейд написал первую часть «Проекта психологии» (опубликованного в качестве приложения к письмам Флиссу); части 19, 20 и 21 этого «Проекта» представляют собой первое приближение к созданию теории сновидений. В них уже содержатся многие важные элементы, которые вновь появляются в данной работе, так, например, представления (1) о сновидении как исполнении желания, (2) о галлюцинаторном характере сновидений, (3) о регрессивном функционировании психики при галлюцинациях и в сновидении, (4) о том, что состояние сна означает моторный паралич, (5) о механизме смещения в сновидении и (6) о сходстве между механизмами сновидения и механизмами невротических симптомов. Но еще важнее всего этого то, что в «Проекте» уже содержатся однозначные указания на, пожалуй, самое существенное из открытий, которые были дарованы миру «Толкованием сновидений», — на разграничение двух разных способов психического функционирования, то есть первичного и вторичного процессов.

Этим, однако, значение «Проекта» и связанных с ним писем к Флиссу, которые были написаны в конце 1895 года, отнюдь не исчерпывается. Не будет преувеличением утверждать, что основная часть седьмой главы «Толкования сновидений» и даже последующие «метапсихологические» очерки Фрейда стали полностью понятными только после публикации «Проекта».

Хотя нет возможности во всех подробностях обсудить здесь этот вопрос[1], однако охарактеризовать его позицию в общих чертах достаточно просто. В сущности, в своем «Проекте» Фрейд стремился интегрировать две разные по своему происхождению теории в единое целое. Первая в конечном счете восходит к физиологической школе Гельмгольца, одним из ведущих представителей которой являлся учитель Фрейда физиолог Эрнст фон Брюкке. Согласно этой теории, нейрофизиология и, следовательно, психология подчиняются чисто химическим и физическим законам. Одним из таких законов является, например, «принцип константности», который часто упоминается как Фрейдом, так и Брейером и который в 1892 году (в посмертно опубликованном в 1940 году очерке Брейера и Фрейда) описывается следующим образом: «Нервная система стремится... сохранять константным нечто в условиях своего функционирования, что можно назвать "суммой возбуждения"». Второй теорией, рассматривавшейся Фрейдом в его «Проекте», являлось анатомическое учение о нейронах, которое в конце 80-х годов XIX века начало утверждаться среди нейроанатомов. (Само название «нейрон» было введено Вальдейером только в 1891 году.) Согласно этой теории, функциональной единицей центральной нервной системы является некая клетка, которая не имеет непосредственной анатомической связи с соседними клетками. Из вступительных замечаний к «Проекту» отчетливо видно, что он основывается на сочетании двух этих теорий. Его цель, — писал Фрейд, — «заключается в том, чтобы представить психические процессы как количественно определимые состояния материальных частиц, которые можно выявить» (Freud, 1950*a*, 378). Далее он постулировал, что эти «материальные частицы» — нейроны; их состояние деятельности отличается от состояния покоя «количеством», которое подчиняется «общему закону движения». Таким образом, нейрон может быть либо «пустым», либо «наполненным определенным количеством», то есть катектированным[2].

---

[1] Более подробную информацию читатель найдет в упомянутом томе писем (Freud, 1950*a*), а также в содержательном предисловии к нему Эрнста Криса. В этом контексте представляет интерес также работа Зигфрида Бернфельда «Ранние теории Фрейда» (Bernfeld, 1944).

[2] Следует подчеркнуть, что эти умозрительные заключения были сделаны Фрейдом задолго до того, как были проведены какие-либо систематические исследования нервных импульсов и условий их передачи.

Нервное возбуждение следует объяснять как «количество», текущее по системе нейронов; такой поток, в зависимости от состояния «контактных барьеров» между нейронами, может встретиться либо с «сопротивлением», либо пойти по «проторенному пути». (Термин «синапс» был введен Фостером и Шеррингтоном только в 1897 году.) Деятельность всей нервной системы подчиняется общему принципу «инерции», в соответствии с которым нейроны всегда стремятся избавиться от «количества», которым они обладают. Этот принцип соотносится с «принципом константности». С помощью этих и сходных понятий, выступавших в качестве «строительных элементов», Фрейд создал необычайно сложную и изобретательную рабочую модель психики как неврологического аппарата.

Вскоре, однако, стали накапливаться неясности и проблемы, и в течение нескольких месяцев после написания «Проекта» Фрейд постоянно занимался совершенствованием своей теории. Тем не менее с течением времени его интерес сместился от неврологических и теоретических проблем к психологическим и клиническим вопросам; в конце концов он отказался от всего проекта. Когда через несколько лет, в седьмой главе данной книги, Фрейд снова обратился к теоретической проблеме, он, очевидно, больше уже не стремился к нейрофизиологическому обоснованию — хотя, разумеется, он никогда не переставал верить, что когда-нибудь физический фундамент психологии будет создан[1]. И тем не менее многие общие структурные особенности ранней модели, равно как и многочисленные отдельные идеи, вошли в новую модель, разработанную в «Толковании сновидений», и именно поэтому «Проект» имеет для нас здесь такое большое значение. Система нейронов, которую прежде постулировал Фрейд, теперь была заменена *психическими* системами или инстанциями; вместо физического «количества» появился гипотетический «катексис» психической энергией; принцип инертности лег в основу принципа удовольствия (или, как Фрейд его здесь называет, принципа неудовольствия). Кроме

---

[1] Ср. замечание Фрейда в его обсуждении первичного и вторичного процессов на с. 599: «Механика этих процессов мне совершенно неизвестна; кто захотел бы всерьез отнестись к этим представлениям, должен был бы подыскать аналогии из физики и проложить себе путь к наглядному объяснению процесса движения при возбуждении нейронов».

того, отдельные подробные описания психических процессов, которые можно найти в седьмой главе, также во многом обязаны тем предшествовавшим физиологическим описаниям, и их удается лучше понять, если учитывать эти ранние представления. Например, это относится к описанию откладывания следов памяти в «системах воспоминания», к обсуждению того, что такое желание, и различных способов исполнения желания, но также к особому подчеркиванию роли вербальных мыслительных процессов при приспособлении к требованиям действительности.

Всего этого достаточно для того, чтобы доказать правомерность утверждения Фрейда в конце 1-й части очерка «Об истории психоаналитического движения», что «Толкование сновидений» «в целом было готово в начале 1896 года» (Freud, 1914*d*). (Вместе с тем три момента, имеющих теоретическое значение, были открыты Фрейдом позднее; речь идет об эдиповом комплексе, что прежде всего позволило дать правильную оценку *инфантильных* корней бессознательных желаний, лежащих в основе сновидений; далее, о господствующем в сновидениях желании не прерывать сон и о роли «вторичной переработки».)

Фрейд постоянно посылал Флиссу рукопись и гранки для критических замечаний. По всей видимости, Флисс оказал значительное влияние на окончательный вид книги, в том числе и на то, что из соображений такта несколько пассажей были опущены. Но самая строгая критика исходила от самого автора, и она касалась прежде всего стиля и литературной формы: «...я полагаю, — пишет Фрейд 21 сентября 1899 года (1950*a*, письмо 119), когда книга была завершена, — моя самокритика была не такой уж неправомерной. И во мне тоже где-то сидит чувство формы, умение ценить красоту как проявление совершенства, а потому витиеватые, напрямую не выражающие мыслей фразы в моей работе о сновидениях глубоко уязвили существующий во мне идеал. И едва ли я поступаю неправильно, когда объясняю подобный изъян формы как свидетельство недостаточного владения материалом».

Несмотря на эту самокритику и плохое настроение, которое он какое-то время испытывал после того, как общественность почти полностью проигнорировала эту книгу — за первые шесть лет после ее публикации был продан всего 351 экземпляр, — Фрейд все же всегда считал «Толкование сновидений» самым важным своим трудом. «Озарения подобного рода, — писал он в предисловии к третьему английскому изданию (см. с. 21), — выпадают на долю человека, но только раз в жизни».

Предварительное замечание
[к первому изданию]

Делая попытку описать здесь толкование сновидений, я, как мне кажется, не выхожу за рамки невропатологических интересов. Ибо при психологической проверке сновидение оказывается первым звеном в ряду аномальных психических образований, из которых другими звеньями — истерическими фобиями, навязчивыми и бредовыми представлениями — врач должен заниматься по практическим соображениям. Как будет показано, на такое практическое значение сновидение претендовать не может; но тем больше его теоретическая ценность как парадигмы. Кто не умеет объяснить себе возникновение образов сновидений, тот тщетно будет пытаться понять фобии, навязчивые и бредовые идеи и то, каким образом можно на них терапевтически повлиять.

Но этой же взаимосвязью, которой обязана своей важностью наша тема, объясняются и недостатки данной работы. Изрядное количество встречающихся в ней пробелов соответствует не меньшему числу точек соприкосновения, где проблема образования сновидений соотносится с более общими проблемами психопатологии, обсудить которые здесь не было возможности и которым будут посвящены дальнейшие исследования, если на то будут время и силы и если появится последующий материал.

Своеобразие материала, который я использовал для разъяснения толкования сновидений, затрудняло мою работу над этой публикацией. Из изложения само собой станет понятным, почему все сновидения, которые описаны в литературе или которые можно собрать у незнакомых людей, непригодны для моих целей. У меня был только выбор между собственными сновидениями и сновидениями моих пациентов, с которыми проводится психоаналитическое лечение. Использование последнего материала затруднялось тем обстоятельством, что здесь процессы сновидения подвергались нежелательному усложнению из-за привнесения невротических элементов. С сообщением же собственных сновидений неразрывно было связано то, что я раскрывал перед чужим взором больше интимных подробностей моей внутренней жизни, чем мне бы хотелось и чем обычно это делает автор — не поэт, а естествоиспытатель. Это было неприятно, но неизбежно; и я примирился с этим, чтобы не отказы-

ваться вообще от аргументации своих психологических положений. Разумеется, я не мог противостоять искушению при помощи разного рода пропусков и замен скрыть наиболее интимные подробности; но это всегда наносило существенный ущерб ценности приводимых мною примеров. Я могу только высказать надежду, что читатели этой книги войдут в мое затруднительное положение и будут ко мне снисходительны и, кроме того, что все люди, которые так или иначе затрагиваются в приводимых сновидениях, не откажутся предоставить свободу мысли по крайней мере этой сфере жизни.

Предисловие ко второму изданию

Тем, что не минуло еще и десяти лет с тех пор, как вышла в свет эта трудная для прочтения книга, и уже появилась потребность во втором ее издании, я обязан отнюдь не интересу специалистов, к которым обращался на предыдущих страницах. Мои коллеги-психиатры, похоже, не особо старались преодолеть первоначальное отчуждение, которое могло пробудить в них мое новое понимание сновидений, а философы по профессии, привыкшие обсуждать проблему жизни сновидений как добавление к состояниям сознания с помощью нескольких — как правило, одних и тех же — тезисов, очевидно, не заметили, что именно с этого конца можно извлечь много всего, что должно привести к коренному преобразованию наших психологических теорий. Реакция научной критики могла лишь подтвердить мое ожидание, что участью этого моего труда будет его замалчивание; также и небольшая кучка смелых сторонников, которые следуют за мной по пути врачебного применения психоанализа и по моему примеру толкуют сновидения, чтобы эти толкования использовать при лечении невротиков, едва ли могли раскупить первое издание книги. Поэтому я чувствую себя обязанным тому широкому кругу образованных и любознательных лиц, чья заинтересованность и стала причиной предложения мне спустя девять лет снова взяться за этот непростой и во многих отношениях фундаментальный труд.

С радостью могу сказать, что мне не пришлось вносить много изменений. Я только включил кое-где новый материал, добавил несколько идей, возникших благодаря накопленному мною опыту, и местами кое-что переработал; но все существенное о сновидении и его толковании, а также о вытекающих из этого психологических принципах осталось без изменений. Все это — по крайней мере, субъективно — выдержало испытание временем. Кто знаком с моими другими работами (об этиологии и механизме психоневрозов), знает, что я никогда не выдавал неготового и неполного за полное и готовое и всегда старался менять свои формулировки по мере накопления опыта; но в области толкования сновидений я мог оставаться на своих первоначальных позициях. За долгие годы своей работы над проблемами неврозов я постоянно испытывал сомнения и кое в чем заблуждался; и только в *толковании сновидений* я каждый раз снова обретал уверенность. Поэтому, наверное, мои многочисленные

научные противники проявляют здоровый инстинкт, не желая следовать за мной в область изучения сновидений.

Также и материал данной книги, эти большей частью обесцененные событиями или устаревшие сновидения, на примере которых я разъяснял правила толкования сновидений, проявил при пересмотре «инерционную способность», противившуюся внесению каких-либо изменений. Для меня лично эта книга имеет еще и другое субъективное значение, которое я сумел понять лишь по ее окончании. Она оказалась частью моего самоанализа, моей реакцией на смерть отца, то есть на самое значимое событие — ведущую к коренным изменениям утрату в жизни мужчины. Поняв это, я почувствовал себя неспособным уничтожить следы этого воздействия[1]. Но читателю, наверное, безразлично, на каком материале он учится оценивать и толковать сновидения.

Если необходимое замечание не укладывалось в прежний контекст, я указывал, что оно появилось еще до второй редакции, с помощью квадратных скобок[2].

Берхтесгаден, лето 1908 года.

Предисловие к третьему изданию

Если между первым и вторым изданием этой книги прошло девять лет, то потребность в третьем издании стала чувствоваться уже немногим более чем через год. Я мог бы порадоваться такой перемене; но если прежде пренебрежение моим трудом со стороны читателей я не считал доказательством его негодности, то и теперь проявившийся к нему интерес я не могу расценивать как доказательство того, что он превосходен.

Прогресс научной мысли не оставил в стороне и «Толкования сновидений». Когда в 1899 году я писал эту книгу, *теории*

---

[1] [Отец Фрейда умер в 1896 году. Указания на то, какие чувства в то время испытывал Фрейд, можно найти в его письме Флиссу от 2 ноября 1896 года (Freud, 1950*a*, письмо 50).]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* В последующих изданиях [начиная с 4-го] я от этого вновь отказался.

сексуальности [1905*d*] еще не существовало, а анализ более сложных форм психоневрозов еще только зарождался. Толкование сновидений должно было стать вспомогательным средством, обеспечивающим психологический анализ неврозов; углубившееся с тех пор понимание неврозов само стало оказывать влияние на представления о сновидениях. Теория толкования сновидений развивалась в том направлении, на котором не был сделан достаточный акцент в первом издании этой книги. С тех пор благодаря собственному опыту, а также работам В. Штекеля и других я научился правильнее оценивать объем и значение символики в сновидении (или, вернее, в бессознательном мышлении). Таким образом, в течение этих лет скопилось многое, что требовало специального к себе внимания. Я попытался учесть эти новации с помощью многочисленных вставок в тексте и примечаний. Если эти добавления угрожают порой выйти за рамки изложения или если не везде удалось поднять первоначальный текст до уровня наших нынешних взглядов, то к этим недостаткам своей книги я прошу снисхождения, поскольку они являются лишь следствиями и признаками ускоренного развития нашего знания. Я также отважусь предсказать, по каким другим направлениям отклонятся последующие издания «Толкования сновидений», если появится в них потребность. С одной стороны, они должны будут искать более тесную связь с богатым материалом поэзии, мифологии, языка и фольклора, а с другой стороны, более подробно, чем это было возможно сейчас, затронут отношения сновидения к неврозу и психическому расстройству.

Господин Отто Ранк оказал мне ценную услугу при выборе дополнений и собственноручно проверил оттиски. Я благодарен ему и многим другим за внесенные поправки.

Вена, весна 1911 года.

Предисловие к четвертому изданию

В прошлом году (1913) доктор А. А. Брилл в Нью-Йорке подготовил английский перевод этой книги. (The Interpretation of Dreams. G. Allen & Co., London.)

Господин доктор Отто Ранк на этот раз не только обеспечил корректуру, но и обогатил текст двумя самостоятельными статьями. (Приложение к главе VI.)

Вена, июнь 1914 года.

Предисловие к пятому изданию

Интерес к «Толкованию сновидений» не стих и во время мировой войны, и еще до ее окончания появилась необходимость в новом издании. В нем, однако, не удалось полностью учесть новую литературу, появившуюся после 1914 года; если она выходила на иностранных языках, то ни я, ни доктор Ранк вообще не имели возможности с ней ознакомиться.

Венгерский перевод «Толкования сновидений», сделанный доктором Холлосом и доктором Ференци, близок к выходу в свет. В моих «Лекциях по введению в психоанализ», опубликованных в 1916/17 годах (X. Хеллером в Вене), одиннадцать лекций посвящены изложению проблемы сновидений; я стремился сделать изложение более простым и преследовал цель показать внутреннюю связь сновидений с учением о неврозах. В целом по своему характеру оно представляет собой выдержки из «Толкования сновидений», хотя в отдельных местах приводится больше подробностей.

На основательную переработку этой книги, которая подняла бы ее на уровень наших нынешних психоаналитических представлений, но зато уничтожила бы ее историческое своеобразие, я так и не смог решиться. Однако я думаю, что за свое почти двадцатилетнее существование задачу свою она выполнила.

Будапешт – Штайнбрух, июль 1918 года.

Предисловие к шестому изданию

Трудности, которые в настоящее время испытывает книжное дело, стали причиной того, что настоящее новое издание вышло в свет намного позже, чем это соответствовало потреб-

ности, и что оно — впервые — появляется в виде перепечатки предшествующего издания без внесения каких-либо изменений. И только список литературы в конце книги был дополнен и продолжен доктором О. Ранком.

Таким образом, мое предположение, что эта книга за свое почти двадцатилетнее существование задачу свою выполнила, не подтвердилось. Я мог бы скорее сказать, что ей предстоит решить новую задачу. Если раньше речь шла о том, чтобы дать некоторые разъяснения по поводу сущности сновидения, то теперь настолько же важно преодолеть упорное непонимание, на которое эти разъяснения наталкиваются.

Вена, апрель 1921 года.

Предисловие к восьмому изданию

На период между последним, седьмым, изданием этой книги (1922) и нынешней новой редакцией приходится издание «Собрания сочинений», организованное Международным психоаналитическим издательством в Вене. В нем восстановленный текст первого издания составляет второй том, все более поздние дополнения объединены в третьем томе. Появившиеся в этот же промежуток времени переводы относятся к книге, выходившей в самостоятельной форме, — это французский перевод И. Мейерсона (1926), имеющий название «La science des rêves» (в «Bibliotheque de Philosophie contemporaine»), шведский перевод Йона Ландквиста («Drömtydning», 1927) и испанский перевод Луиса Лопеса Балестероса-и-де Торреса, вошедший в VI и VII тома «Obras Completas». Венгерский перевод, который еще в 1918 году я считал близким к выходу в свет, до сих пор так и не появился[1].

Также и в данной редакции «Толкования сновидений» я относился к этому труду, в сущности, как к историческому документу и внес в него только те изменения, которые напрашивались благодаря прояснению и углублению моих собственных мыслей. В связи с такой установкой я окончательно отказался

[1] [Он вышел в 1934 году. — Помимо упомянутых в этих предисловиях переводов при жизни Фрейда вышли в свет русское (в 1913), японское (1930) и чешское (1938) издания.]

включать в эту книгу литературу по проблемам сновидений, вышедшую после первой публикации «Толкования сновидений», и опустить соответствующие разделы предыдущих изданий. Кроме того, я отказался от обеих статей — «Сновидение и поэзия» и «Сновидение и миф», которые Отто Ранк подготовил для прежних изданий. [Ср. с. 7 и 8.]

Вена, декабрь 1929 года.

Предисловие к третьему (исправленному) английскому изданию[1]

В 1909 году Дж. Стэнли Холл пригласил меня в Университет Кларка в Вустере прочесть пять лекций о психоанализе[2]. В этом же году доктор Брилл опубликовал первый из своих переводов моих трудов, за которым вскоре последовали другие. Если психоанализ стал играть теперь определенную роль в интеллектуальной жизни Америки или будет играть ее в будущем, то значительную часть такого результата надо будет приписать этой деятельности и другим начинаниям доктора Брилла. Его первый перевод «Толкования сновидений» появился в 1913 году. С тех пор в мире многое произошло, и многое изменилось в наших взглядах на неврозы. Эта книга, удивившая при своем появлении (1900) мир своим новым вкладом, который она внесла в психологию, выходит, в сущности, без изменений. В полном соответствии с моими нынешними представлениями она содержит самое ценное из открытий, которые благосклонная судьба позволила мне совершить. Озарения подобного рода выпадают на долю человека, но только раз в жизни.

Вена, 15 марта 1931 года.

---

[1] [Это предисловие, написанное на английском языке, отсутствует в ранее выходивших немецких изданиях, и не существует дословного немецкого текста.]

[2] [«О психоанализе», 1910*a*.]

I
НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ПРОБЛЕМАМ СНОВИДЕНИЙ

На последующих страницах я постараюсь привести доказательство того, что имеется психологическая техника, позволяющая толковать сновидения, и что при использовании этого метода любое сновидение предстает полным смысла психическим образованием, которое в надлежащем месте может быть включено в душевную деятельность в состоянии бодрствования. В дальнейшем я попытаюсь прояснить процессы, которыми обусловлены странность и непонятность сновидения, и на основании этого сделать вывод о природе психических сил, из взаимодействия или противодействия которых и образуется сновидение. Если это удастся, то мое изложение на том и прервется, достигнув пункта, где проблема видения снов выливается в более общую проблему, для решения которой нужно будет привлечь другой материал.

Своему изложению я предпосылаю обзор того, что было сделано предыдущими авторами, а также современного положения проблем сновидения в науке, поскольку в дальнейшем у меня будет не так много поводов к этому возвращаться. Научное понимание сновидения, несмотря на тысячелетние попытки, продвинулось очень мало. Все авторы настолько единодушны в этом, что кажется излишним приводить отдельные голоса. В сочинениях, список которых я прилагаю в конце своей книги, имеется много ценных замечаний и интересного материала по нашей теме, но там нет ничего или почти ничего, что касалось бы сущности сновидения или окончательно разрешало бы его тайну. Еще меньше, разумеется, перешло в знание образованных людей, не являющихся специалистами.

Какое понимание[1] в древние времена человечества нашло сновидение у первобытных людей и какое влияние оно, возможно, оказало на формирование их представлений о мире и о душе — это настолько интересная тема, что я лишь с большой неохотой

[1] [Этот и следующий абзацы были добавлены в 1914 году.]

отказываюсь от ее рассмотрения в данном контексте. Я сошлюсь на известные труды сэра Дж. Лаббока, Г. Спенсера, Э. Б. Тайлора и др. и только добавлю, что значение этих проблем и умозрительных рассуждений может стать нам понятным лишь после того, как мы решим стоящую перед нами задачу «толкования сновидений».

Очевидно, отзвук древнего представления о сновидениях лежит в основе оценки сновидений у народов классической античной эпохи[1]. Они считали, что сновидения связаны с миром сверхчеловеческих существ, в которых они верили, и приносили откровения со стороны богов и демонов. Кроме того, им казалось, что сновидения имеют особый смысл для сновидца, как правило, открывая ему будущее. Однако чрезвычайное разнообразие снов по их содержанию и впечатлению не позволяло прийти к единому их пониманию и заставляло разграничивать сны и разбивать их на группы в зависимости от их ценности и достоверности. Разумеется, у отдельных античных философов оценка сновидения была связана с местом, которое они отводили *искусству предсказывать будущее* как таковому.

В обоих посвященных сновидениям сочинениях Аристотеля сновидение становится уже объектом психологии. Мы узнаем, что сновидение имеет демоническую, а не божественную природу; поскольку сама природа имеет не божественное, а демоническое происхождение; таким образом, сновидение возникает не как сверхчеловеческое откровение, а по законам человеческого духа, родственного, однако, божеству. Сновидение определяется как душевная деятельность спящего, покуда он спит[2].

Аристотелю известны некоторые особенности жизни во сне, например, что сновидение превращает слабые, действующие во время сна раздражения в сильные («человеку кажется, будто он проходит через огонь и горит, тогда как на самом деле происходит лишь совершенно незначительное нагревание той или другой части тела»[3]), и делает из этого вывод, что по сновидениям

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Далее я следую подробному описанию Бюхзеншютца («О снах и толковании сновидений в древности». Берлин, 1861).

[2] [«О толковании сновидений», 2-я глава, с. 73 и «О снах и толковании сновидений», 3-я глава, с. 69.]

[3] [«О толковании сновидений», 1-я глава, с. 72.]

врач может догадаться о первых, незаметных днем признаках начинающегося изменения в теле[1].

Как известно, древние до Аристотеля считали сновидение не творением грезящей души, а внушением с божественной стороны, и оба противоположных течения, с которыми мы все время сталкиваемся при оценке жизни во сне, обнаруживаются уже и у них. Истинные и ценные сновидения, ниспосланные спящему, чтобы предостеречь его или открыть ему будущее, они отличают от пустых, обманчивых и ничтожных, целью которых было ввести его в заблуждение или погубить.

Группе (1906, т. 2, с. 930)[2] приводит такую классификацию сновидений по Макробиусу и Артемидору [из Далтиса (см. с. 117, прим. 1)]: «Сновидения разделяли на два класса. Одни оказывают влияние только через настоящее (или прошлое), но для будущего они не имеют никакого значения; они охватывают *ἐνύπνια, insomnia,* которые непосредственно воспроизводят данное представление или его противоположность, например, голод или его утоление, и *φαντάσματα,* которые расширяют данное представление в форме фантазии, например кошмара или о государственном изменнике. И наоборот, второй класс сновидений считался определяющим будущее; к нему относятся: 1) непосредственное пророчество, которое человек воспринимает во сне (*χρηματισμός, oraculum*), 2) предсказание предстоящего события (*ὅραμα, visio*), 3) символическое, нуждающееся в истолковании сновидение (*ὄνειρος, somnium*). Эта теория сохранялась на протяжении многих столетий».

С этой различной оценкой снов[3] была связана задача «толкования сновидений». Поскольку в целом от сновидений ожидали важных разъяснений, но не все сны можно было понять непосредственно и не всегда можно было узнать, не сообщал ли некий непонятный сон все-таки что-то важное, это дало толчок усилиям заменить непонятное содержание сновидения понятным и при этом полным значения. Самым большим

---

[1] [*Дополнение, сделанное в 1914 году:*] Об отношении сновидений к болезням говорит греческий врач *Гиппократ* в одной из глав своего знаменитого труда [«О сновидениях»].

[2] [Этот абзац был добавлен в 1911 году в виде сноски, а в 1914 году включен в текст.]

[3] [Этот абзац был добавлен в 1914 году.]

авторитетом в толковании сновидений в эпоху поздней античности считался *Артемидор* из *Дальдиса*, обстоятельный труд которого должен возместить нам пропавшие сочинения на эту тему[1].

Донаучное понимание сновидений у древних, несомненно, находилось в полном созвучии с их общим мировоззрением, в котором во внешний мир в качестве реальности обычно проецировалось то, что имело реальность только в душевной жизни. Кроме того, здесь придавалось значение тому главному впечатлению, которое получает бодрствующий человек от сохраняющегося утром воспоминания о сновидении, ибо в этом воспоминании сновидение — как нечто чуждое, проистекающее словно из иного мира — противостоит остальному психическому содержанию. Впрочем, было бы ошибочно полагать, что учение о сверхъестественном происхождении сновидений в наши дни не имеет сторонников; не говоря уже обо всех писателях-пиетистах и мистиках, которые изо всех сил стараются сохранить остатки когда-то обширной области сверхъестественного, пока они не оказались захвачены естественнонаучным разъяснением, — встречаются также очень проницательные, не склонные к каким-либо авантюрам люди, которые пытаются обосновать свою религиозную веру в существование и во вмешательство сверхчеловеческих духовных сил именно необъяснимостью явлений сна (Haffner, 1887). Оценка сновидений со стороны некоторых философских школ, например шеллингианцами[2], явно созвучна не подвергавшимся сомнениям в древности представлениям

---

[1] [*Дополнение, сделанное в 1914 году:*] О дальнейшей судьбе толкования сновидений в средневековье см. у Дипгена (1912) и в специальных исследованиях М. Фёрстера (1910 и 1911), Готтхарда (1912) и др. О толковании сновидений у иудеев писали Алмоли (1848), Амрам (1901), Лёвингер (1908), а также совсем недавно, с учетом психоаналитической точки зрения, Лауэр (1913). Сведения о толковании сновидений у арабов приводят Дрексль (1909), Ф. Шварц (1913) и миссионер Тфинкджи (1913), у японцев — Миура (1906) и Ивайя (1902), у китайцев — Зеккер (1910/11), у индусов — Негеляйн (1912).

[2] [Фридрих Шеллинг являлся основным представителем пантеистической «натурфилософии», которая в начале XIX века была популярной в Германии. — Фрейд часто возвращался к вопросу об оккультном значении сновидений. См., в частности, «Новый цикл лекций по введению в психоанализ», 1933*a* (30-я лекция). См. также с. 84 и 620 ниже.]

о божественном происхождении снов; да и дискуссия о предвидящей, раскрывающей будущее силе сновидения не закончена, потому что попытки психологически объяснить накопленный материал недостаточны, как бы ни хотелось отвергнуть такое утверждение каждому, кто посвятил себя научному способу мышления.

Описать историю нашего научного познания проблем сновидения трудно из-за того, что в этом познании, каким бы ценным оно ни было в отдельных своих частях, нельзя заметить прогресса в определенных направлениях. Дело никогда не доходило до возведения фундамента из надежных результатов, на котором последующий исследователь мог бы затем продолжить свои построения. Каждый новый автор приступает к изучению проблемы заново и словно с самого начала. Если бы я захотел придерживаться хронологической последовательности при рассмотрении авторов и рассказывать о каждом из них по отдельности, какие взгляды на проблемы сновидения он высказывал, то мне бы пришлось отказаться от идеи набросать общую картину современного состояния знания о сновидениях. Поэтому я предпочел привязать изложение к темам, а не к авторам, и при описании каждой проблемы я буду приводить материал, который имеется в литературе для ее решения.

Но так как мне не удалось осилить всю необычайно разбросанную и затрагивающую другие темы литературу по данному вопросу, я должен просить читателей довольствоваться хотя бы тем, что в своем изложении я не упустил ни одного существенного факта и ни одной важной точки зрения.

До недавнего времени большинство авторов считали себя обязанными рассматривать сон и сновидение в единой взаимосвязи и, как правило, сюда же присоединяли оценку аналогичных состояний, простирающихся в область психопатологии, и сходных со снами явлений (таких, как галлюцинации, видения и т. д.). И наоборот, в самых последних работах обнаруживается стремление придерживаться ограниченной темы и в качестве предмета исследования брать один какой-либо вопрос из области сновидений. В этой перемене мне хочется видеть выражение убежденности в том, что в таких непонятных вещах понимания и согласия можно достичь только благодаря целому ряду детальных исследований. Я и могу предложить здесь не что иное, как такое детальное исследование, причем сугубо психологического характера. У меня мало поводов заняться проблемой

сна, ибо это, по существу, физиологическая проблема, хотя и в характеристике состояния сна должно содержаться изменение условий функционирования психического аппарата. Поэтому я оставляю без внимания и литературу, посвященную сну.

Научный интерес к феноменам сновидения как таковым приводит к следующим, отчасти пересекающимся постановкам вопроса.

А
Отношение сновидения к жизни в бодрствовании

Пробудившийся человек в своем наивном суждении предполагает, что сновидение, если оно и не происходит из другого мира, тем не менее погрузило спящего в этот другой мир. Старый физиолог Бурдах, которому мы обязаны добросовестным и проницательным описанием феноменов сновидения, выразил это убеждение в часто цитируемом положении (Burdach, 1838, 474): «...Жизнь дня с ее треволнениями и наслаждениями, с радостями и горестями никогда не повторяется; скорее, сновидение желает нас от них избавить. Даже когда вся наша душа преисполнена какой-то проблемой, когда острая боль разрывает наше сердце или когда какая-либо цель забирает всю нашу психическую энергию, — сновидение либо дает нам нечто совершенно чуждое, либо заимствует из действительности лишь отдельные элементы для своих комбинаций, либо лишь входит в тональность нашего настроения и символизирует действительность». И. Г. Фихте (Fichte, 1864, т. I, 541) в этом же смысле прямо говорит о *дополняющих сновидениях* и называет их одним из тайных благодеяний самоисцеляющей природы духа. Аналогичным образом[1] высказывается и Л. Штрюмпель в своем справедливо получившем высокую оценку со всех сторон исследовании природы и возникновения сновидений (Strümpell, 1877, 16): «Кто видит сон, тот отворачивается от мира бодрствующего сознания...» (ibid., 17); «В сновидении почти полностью теряется память относительно упорядоченного содержания бодрствующего сознания и его обычного поведения...» (ibid., 19); «По-

[1] [Это предложение было добавлено в 1914 году.]

чти недоступное припоминанию отделение души в сновидении от обычных содержаний и процессов бодрствующей жизни…»

Однако подавляющее большинство авторов придерживаются противоположного мнения об отношении сновидения к жизни в бодрствовании. Например, Хаффнер (Haffner, 1887, 245): «Прежде всего сновидение служит продолжением жизни в бодрствовании. Наши сновидения всегда присоединяются к представлениям, незадолго до этого присутствовавшим в сознании. При тщательном наблюдении чуть ли не всегда обнаружится нить, которой сновидение связано с переживаниями предыдущего дня». Вейгандт (Weygandt, 1893, 6) говорит прямо противоположное приведенному выше утверждению Бурдаха: «Очень часто, по-видимому, в огромном большинстве сновидений можно наблюдать, что они не вырывают нас из привычной жизни, а в нее возвращают». Маури (Maury, 1878, 51) говорит в лаконической формуле: «Nous rêvons de ce que nous avons vu, dit, désiré ou fait»[1]. Йессен в своей «Психологии», появившейся в 1855 году, высказывается подробней: «Так или иначе содержание сновидений всегда определяется индивидуальностью, возрастом, полом, общественным положением, уровнем образования, привычным образом жизни, а также событиями и опытом всей прежней жизни» (Jessen, 530).

Наиболее определенно по этому вопросу[2] высказывается философ Й. Г. Э. Маас (Maaß, 1805 [т. 1, с. 168 и 173]): «Опыт доказывает наше утверждение, что чаще всего нам снятся вещи, на которые больше всего направлены наши страсти. Из этого следует, что наши страсти должны влиять на создание наших снов. Честолюбивому человеку снится достигнутый (возможно, только в его воображении) или пока еще не достигнутый лавровый венец, тогда как влюбленный в своих снах общается с предметом своих сладких чаяний... Все чувственные желания и отвращения, которые таятся в сердце, могут, если они пробуждаются по какой-то причине, приводить к тому, что из представлений, связанных с ними, возникнет сновидение, или к тому, что эти представления будут вмешиваться в уже существующее сновидение». (По сообщению Винтерштейна в «Центральном психоаналитическом бюллетене».)

---

[1] [Нам снится то, что мы видели, о чем говорили, чего желали и что делали (*фр.*). — *Примечание переводчика.*]

[2] [Этот абзац был добавлен в 1914 году.]

Точно так же представляли себе зависимость сновидения от жизни и древние люди. Я цитирую Радештока (Radestock, 1879, 139): «Когда Ксеркс перед походом на греков не стал внимать добрым советам, не отказался от своего решения и слушался только своих снов, которые все время его к этому подстрекали, старый толкователь снов, перс Артабан, сказал ему очень метко, что сновидения чаще всего содержат то, о чем человек думает в бодрствовании».

В стихотворении Лукреция «De rerum natura» [«О природе вещей»] есть одно место (IV, 962):

Et quo quisque fere studio devinctus adhaeret,
aut quibus in rebus multum sumus ante morati
atque in ea ratione fuit contenta magis mens,
in somnis eadem plerumque videmur obire;
causidici causas agere et componere leges,
induperatores pugnare ac proelia obire...[1]

Цицерон («De divinatione», LXVII, 140)] [«О предвидении»] говорит абсолютно то же самое, что и гораздо позднее Маури: «Maximeque reliquiae earum rerum moventur in animis et agitantur, de quibus vigilantes aut cogitavimus aut egimus»[2].

Противоречие этих двух представлений об отношениях между жизнью во сне и в бодрствовании кажется действительно неразрешимым. Поэтому здесь уместно вспомнить воззрения Ф.В. Хильдебрандта (Hildebrandt, 1875, 8 etc.), который считает, что особенности сновидения вообще нельзя описать иначе, как через «ряд [трех] противоположностей, которые внешне обостряются до противоречий». «*Первую* из этих противоположностей образуют, с одной стороны, *полная оторванность или закрытость* сновидения от действительной и настоящей жизни, а с дру-

---

[1] [Если же кто-нибудь занят каким-либо делом прилежно,
Иль отдавалися мы чему-нибудь долгое время,
И увлекало наш ум постоянно занятие это,
То и во сне представляется нам, что мы делаем то же:
Стряпчий службы ведет, составляет условия сделок,
Военачальник идет на войну и в сраженья вступает... (лат., перевод Ф. А. Петровского). — *Примечание переводчика.*]

[2] [И все это по большей части происходит в душе как следы того, о чем мы в бодрствующем состоянии думали или что делали (лат., перевод М. И. Рижского). — *Примечание переводчика.*]

гой стороны, постоянное *вторжение* одного в другое, постоянная зависимость одного от другого. Сновидение — это нечто совершенно обособленное от действительности, воспринимаемой в бодрствовании, так сказать, герметически закрытое в самом себе бытие, отделенное от реальной жизни непроходимой пропастью. Оно отрывает нас от действительности, изглаживает из нашей памяти обычное воспоминание о ней и переносит нас в другой мир, в совершенно другую жизненную историю, которая в сущности не имеет ничего общего с настоящей...» Затем Хильдебрандт рассуждает о том, как при засыпании все формы нашего существования «словно исчезают за невидимой опускной дверью». Во сне, например, совершаешь морское путешествие на остров Святой Елены, чтобы живущего там в плену Наполеона угостить превосходным мозельским вином. Бывший император встречает необычайно любезно, и чувствуешь чуть ли не сожаление, когда эта интересная иллюзия исчезает при пробуждении. Но тут начинаешь сравнивать ситуацию во сне с действительностью. Виноторговцем ты никогда не был, да и быть не хотел. Морского путешествия никогда не совершал, и, во всяком случае, его целью едва ли был бы остров Святой Елены. К Наполеону же испытываешь отнюдь не симпатию, а скорее лютую патриотическую ненависть. Да и ко всему прочему тебя вообще еще не было на свете, когда на острове умер Наполеон; установить с ним личные отношения попросту невозможно. Таким образом, переживание в сновидении представляется чем-то чуждым, которое помещено между двумя вполне подходящими другу другу и одна другую продолжающими жизненными эпохами.

«И все же, — продолжает Хильдебрандт (ibid., 10), — кажущееся противоречие является таким же истинным и правильным. Я полагаю, что наряду с этой закрытостью и оторванностью существуют самая сокровенная связь и самые тесные отношения. Мы можем даже сказать: что бы ни представляло собой сновидение, оно берет свой материал из действительности и из духовной жизни, который развертывается в этой действительности... Как бы причудливо оно с этим материалом ни обращалось, все же оно никогда не отделится от реального мира, а его самые возвышенные, равно как и комичные образования должны будут всегда заимствовать свой основной материал из того, что либо стояло перед нашими глазами в чувственном мире, либо так или иначе уже заняло место в нашем бодрствующем мышлении, то есть, другими словами, из того, что мы уже пережили внешне или внутренне».

Б
Материал сновидения — память в сновидении

То, что весь материал, составляющий содержание сновидения, так или иначе происходит от реальных переживаний, то есть воспроизводится, *вспоминается* во сне, может, во всяком случае, считаться для нас бесспорным фактом. Но было бы ошибкой предполагать, что такая взаимосвязь содержания сновидения с жизнью в бодрствовании без труда должна выявиться в результате проведенного сравнения. Напротив, ее приходится внимательно отыскивать, и в целом ряде случаев она долгое время остается скрытой. Причина этого заключается во многих особенностях, которые обнаруживает память в сновидении и которые, несмотря на то, что в целом их отмечают, до сих пор все же не нашли какого-либо объяснения. Пожалуй, имеет смысл остановиться на этих особенностях более подробно.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что в содержании сновидения проявляется материал, который в бодрствовании человек не признает относящимся к своим знаниям и переживаниям. Возможно, он помнит, что ему это снилось, но не помнит, что когда-либо это пережил. В таком случае он остается в неведении, из какого источника возникло сновидение, и, наверное, испытывает искушение поверить в самостоятельно продуцирующую деятельность сновидения, пока, наконец, — зачастую спустя долгое время — новое переживание не приносит обратно утерянное воспоминание о раннем переживании и тем самым не раскрывает источник сновидения. В таком случае приходится согласиться, что в сновидении человек знал и помнил нечто, чего он не помнил в бодрствовании[1].

Особенно впечатляющий пример подобного рода приводит Дельбёф [Delboeuf, 1885, 107 etc.] из своего собственного опыта. Ему приснился двор его дома, покрытый снегом; под снегом он нашел двух маленьких полузамерзших ящериц, которых

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Вашиде (Vaschide, 1911) утверждает также, что не раз отмечалось: в сновидении иностранная речь звучит привычнее и чище, чем в бодрствовании.

он как любитель животных взял на руки, согрел и отнес обратно к норе возле стены. Туда же он положил несколько листьев папоротника, который рос возле стены и который, как он знал, они очень любили. Во сне он знал название растения: *Asplenium ruta muralis*. Сновидение продолжалось, после какой-то вставки снова вернулось к ящерицам, и, к удивлению Дельбёфа, он увидел двух новых маленьких животных, растянувшихся на остатках папоротника. Затем он перевел взгляд на открытое поле, увидел пятую, шестую ящерицу, направлявшуюся к норе в стене, и вскоре вся дорога оказалась усеяна ящерицами, следовавшими в этом же направлении.

Знания Дельбёфа в бодрствовании включали в себя лишь несколько латинских наименований растений, и название *Asplenium* туда не входило. К своему великому удивлению, ему пришлось убедиться, что папоротник с таким названием действительно существует. Его правильное обозначение — *Asplenium ruta muraria*; сновидение немного его исказило. О случайном совпадении едва ли можно было думать, и для Дельбёфа так и осталось загадкой, откуда во сне он взял слово *Asplenium*.

Сновидение приснилось в 1862 году; шестнадцать лет спустя философ, находясь в гостях у одного своего друга, увидел небольшой альбом с засушенными цветами, какие в качестве сувениров продают в некоторых частях Швейцарии туристам. У него всплывает воспоминание, он открывает гербарий, находит в нем *Asplenium* из своего сна и узнает свой собственный почерк, которым написано название растения. Теперь можно было установить связь. Сестра этого друга в 1860 году — за два года до сна о ящерицах — посетила Дельбёфа во время своего свадебного путешествия. У нее тогда был с собой этот купленный для брата альбом, и Дельбёф под диктовку одного ботаника согласился подписать латинские названия под каждым высушенным растением.

Случайность, сделавшая этот пример столь поучительным, позволила Дельбёфу свести и другую часть содержания этого сновидения к его забытым источникам. Однажды, в 1877 году, в руки к нему попал старый том иллюстрированного журнала, в котором он увидел изображение шествия ящериц, приснившегося ему в 1862 году. Журнал был датирован 1861 годом, и Дельбёф сумел вспомнить, что с момента выхода в свет журнала он являлся его подписчиком.

То, что в распоряжении сновидения имеются воспоминания, которые недоступны бодрствованию, является настолько удивительным и теоретически важным фактом, что я хотел бы привлечь к нему еще большее внимание, сообщив о некоторых других «гипермнестических» сновидениях. Маури [Maury, 1878, 142] рассказывает, что какое-то время ему часто днем приходило в голову слово «Муссидан». Он знал, что это — название французского города, и больше ничего. Однажды ночью ему приснился разговор с каким-то человеком, который сказал ему, что он из Муссидана, а на вопрос, где этот город, ответил: Муссидан — окружной город в департаменте Дордонь. Проснувшись, Маури не поверил информации, которую он получил во сне, но, заглянув в географический справочник, убедился, что она была совершенно верной. Этот случай доказывает наличие в сновидении большего знания, но забытый источник этого знания в нем выяснен не был.

Йессен (Jessen, 1855, 551) рассказывает о совершенно аналогичном сновидении из давних времен: «Сюда относится, помимо прочего, сновидение Скалигера (Hennings, 1784, 300), который написал стих во славу знаменитых мужей в Вероне и которому приснился человек, назвавшийся Бруньолусом и пожаловавшийся на то, что про него забыли. Хотя Скалигер и не вспомнил, что когда-нибудь о нем слышал, он все же посвятил ему стих, а впоследствии его сын узнал в Вероне, что некогда этот Бруньолус прославился в ней как критик».

Гипермнестический сон[1], который отличается такой характерной особенностью, что в следующем сновидении опознается вначале не узнанное воспоминание, рассказывает маркиз д'Эрве де Сен-Дени [d'Hervey, 1867, 305] (по Vaschide, 1911, 232–233): «Однажды мне снилась молодая женщина с золотистыми светлыми волосами, которая беседовала с моей сестрой, пока та показывала ей какую-то вышивку. Во сне она показалась мне очень знакомой, я даже подумал, что видел ее уже не раз. После пробуждения это лицо по-прежнему живо стояло передо мной, но я абсолютно не мог его узнать. Тогда я снова заснул, и мне вновь привиделся этот же образ. В этом новом сне я обращаюсь к светловолосой даме и спрашиваю ее, не имел ли я удовольствия видеть ее уже где-то раньше. "Конечно, — отвечает дама, —

[1] [Этот и следующий абзацы были добавлены в 1914 году.]

вспомните морское купание возле Порника". Я тотчас снова проснулся и мог теперь со всей уверенностью вспомнить подробности, которые были связаны с этим милым лицом, представшим во сне».

Этот же автор [ibid., 306] (по Vaschide, ibid., 233–234) рассказывает: один знакомый ему музыкант слышал во сне мелодию, которая показалась ему совершенно новой. И только через несколько лет он нашел ее нотную запись в старом сборнике музыкальных пьес, который он до этого держал в руках, но этого не помнил.

В одной, к сожалению, недоступной для меня работе («Proceedings of the Society for psychical research») Майерс опубликовал целую коллекцию таких гипермнестических сновидений. Я полагаю, каждый, кто занимается сновидениями, вынужден будет признать самым обычным явлением, что сновидение приводит доказательства наличия знаний и воспоминаний, которыми бодрствующий человек, казалось бы, не обладает. В психоаналитической работе с неврозами, о которой я расскажу чуть позже, я по нескольку раз каждую неделю имею возможность показать пациентам на основании их сновидений, что они прекрасно знают разного рода цитаты, непристойные слова и т. п. и что они пользуются ими во сне, хотя в бодрствующем состоянии их не помнят. Я хотел бы здесь привести еще один безобидный пример гипермнезии во сне, поскольку в нем очень легко можно было обнаружить источники, из которых проистекают знания, доступные лишь сновидению.

Пациенту приснилось, что он, находясь в кофейне, попросил «контужовки». Рассказав мне об этом, он спросил, что это означает, ибо он никогда не слышал такого названия. Я ответил, что «контужовка» — это польская водка, и это название он не мог придумать во сне, потому что оно давно уже мне известно по рекламным плакатам. Сначала пациент мне не поверил. Но через несколько дней после того, как ему приснился сон про кофейню, он увидел это название на плакате, вывешенном на углу улицы, по которой он как минимум два раза в день проходил уже несколько месяцев.

Я сам на собственных сновидениях убедился[1], насколько открытие происхождения отдельных элементов сновидения зависит от случая. Так, в течение нескольких лет до написания этой

[1] [Этот абзац был добавлен в 1909 году.]

книги меня преследовал образ очень простой по форме колокольни, и мне не удавалось припомнить, чтобы я когда-либо ее видел. Затем однажды я ее узнал, причем нисколько в этом не сомневаясь, на небольшой станции между Зальцбургом и Райхенхаллем. Это было во второй половине 90-х годов, а в первый раз я проезжал эту станцию в 1886 году. В последующие годы, когда я уже активно занимался изучением сновидений, один часто повторявшийся во сне образ какого-то странного места буквально не давал мне покоя. Я видел во сне в определенном пространственном расположении по отношению ко мне, всегда от себя слева, темное помещение, в котором высвечивались несколько причудливых фигур из песчаника. Проблеск воспоминания, в котором, однако, я был далеко не уверен, говорил мне, что это вход в винный погребок, но мне не удавалось выяснить, ни что означает этот образ сновидения, ни откуда он взялся. В 1907 году я случайно приехал в Падую, в которой, к моему великому сожалению, мне не удавалось вновь побывать с 1895 года. Мое первое посещение прекрасного университетского города осталось неудачным: я не смог увидеть фресок Джотто в Мадонна дель Арене; по дороге туда я узнал, что церковь в этот день закрыта, и повернул обратно. Во время моего второго визита, двенадцать лет спустя, я решил наверстать упущенное и первым делом отправился в Мадонна дель Арену. На улице, ведущей туда, по левую руку от направления моего движения, вероятно, на том самом месте, где в 1895 году я повернул обратно, я увидел помещение, которое так часто видел во сне, с теми же самыми фигурами из песочника. Это и в самом деле был вход в небольшой ресторан в саду.

Одним из источников, из которых сновидение черпает материал для воспроизведения, отчасти таким, который не вспоминается в мыслительной деятельности в бодрствовании и никогда не используется, являются детские годы. Я приведу лишь нескольких авторов, которые обратили внимание на этот факт и его подчеркивали.

Хильдебрандт (Hildebrandt, 1875, 23): «Уже давно было признано, что иногда сновидение с изумительной репродуцирующей силой возвращает нашей душе оставленные и даже позабытые процессы из далеких времен».

Штрюмпель (Strümpell, 1877, 40): «Еще более поражает, когда замечаешь, что сновидение вновь извлекает совершенно невредимыми и в первозданной свежести образы отдельных мест,

вещей, людей из глубочайших наслоений, которые были отложены временем на самых ранних переживаниях юности. Это не ограничивается только впечатлениями, ярко проявлявшимися в сознании при своем возникновении или связывавшимися с высокими психическими ценностями и впоследствии возвращавшимися в сновидении в виде воспоминания, которому радо пробудившееся сознание. Напротив, глубина памяти в сновидении охватывает также такие образы людей, вещей, мест и событий из самого раннего детства, которые либо осознавались лишь незначительно, либо не обладали психической ценностью, либо утратили и то, и другое, а потому как в сновидении, так по пробуждении кажутся совершенно чужими и незнакомыми до тех пор, пока не раскрывается их раннее происхождение».

Фолькельт (Volkelt, 1875, 119): «Особенно примечательно то, каким образом детские и юношеские воспоминания включаются в сновидение. О чем мы давно уже больше не думаем, о том, что для нас давно уже потеряло всякую ценность, — обо всем этом неустанно напоминает нам сновидение».

Господство сновидения над материалом, относящимся к детству, который, как известно, большей частью страдает пробелами сознательного припоминания, дает повод к возникновению интересных гипермнестических сновидений, из которых я опять-таки хочу привести несколько примеров.

Маури рассказывает (Maury, 1878, 92), что ребенком он часто ездил из своего родного города Мо в соседний Трильпор, где его отец руководил строительством моста. Однажды ночью в сновидении он снова оказывается в Трильпоре и играет на улицах города. К нему приближается человек, одетый в униформу. Маури спрашивает, как его зовут; тот представляется: его зовут К., он сторожит мост. По пробуждении Маури, все еще сомневающийся в истинности воспоминания, спрашивает пожилую служанку, жившую у них в доме с самого его детства, не помнит ли она человека, носившего такую фамилию. «Конечно, — звучит ее ответ, — он сторожил мост, который в то время строил ваш отец».

Столь же красивый пример, подтверждающий надежность проявляющегося во сне детского воспоминания, приводит Маури [ibid., 143–144] в сообщении о господине Ф., проведшем свое детство в Монбризоне. Этот человек спустя двадцать пять лет после своего отъезда решил вновь посетить родину и навестить старых друзей семьи, которых он давно уже не видел. Ночью накануне своего отъезда ему приснилось, будто он уже находит-

ся возле цели и неподалеку от Монбризона встречает с виду незнакомого ему господина, который ему говорит, что он — господин Т., друг его отца. Сновидец знал, что в детстве он действительно был знаком с господином с такой фамилией, но в состоянии бодрствования уже не мог вспомнить, как он выглядит. Через несколько дней, действительно приехав в Монбризон, он опознает увиденную им во сне местность, которую считал незнакомой, и встречает господина, в котором сразу же узнает господина Т. из своего сновидения. Разве что этот человек был значительно старше, чем выглядел во сне.

Я могу здесь рассказать свой собственный сон, в котором впечатление, всплывшее в памяти, было замещено отношением. Мне снился человек, про которого во сне я знал, что он работает врачом в моем родном городе. Его лицо не было четким, но оно смешалось с представлением об одном из моих учителей в гимназии, с которым я до сих пор еще иногда встречаюсь. Затем, в состоянии бодрствования, я никак не мог понять, какое отношение связывает этих двух людей. Но, спросив у своей матери про врача, который лечил меня в эти первые годы моего детства, я узнал, что он был слеп на один глаз, точно так же, как слеп на один глаз и учитель гимназии, личность которого в сновидении перекрылась личностью врача. С тех пор, как я не видел этого врача, прошло тридцать восемь лет, и, насколько я знаю, в бодрствующей жизни никогда о нем не думал[1], хотя шрам на шее должен был бы напоминать мне о его помощи.

Все выглядит так, будто необходимо создать противовес чрезмерной роли детских воспоминаний во сне, когда многие авторы утверждают, что в большинстве сновидений обнаруживаются элементы самого недавнего прошлого. Роберт (Robert, 1886, 46) утверждает даже: «Как правило, обычное сновидение занимается только впечатлениями последних дней». Но мы уви-

---

[1] [Последняя часть этого предложения, после запятой, была добавлена в 1909 году, она сохранялась во всех последующих изданиях до 1922 года, но затем снова была пропущена. Ссылка на этого же человека на с. 268 становится понятной только в контексте этого пропущенного конца предложения. Видимо, речь идет о несчастном случае, описываемом Фрейдом на с. 560, следствием которого и стал шрам. Это сновидение в дальнейшем упоминается Фрейдом в 13-й лекции по введению в психоанализ (Freud, 1916–1917, *Studienausgabe*, Bd. 1, S. 206).]

дим, что построенная Робертом теория сновидения настоятельно требует такого оттеснения на задний план самых старых и выдвижения на передний план самых ранних переживаний. Факт же, о котором говорит Роберт, действительно существует, в чем я мог убедиться на основании собственных исследований. Американский ученый Нельсон [Nelson, 1888, 380–381] полагает, что в сновидении чаще всего используются впечатления предпоследнего или третьего дня, словно впечатления дня, непосредственно предшествовавшего сновидению, пока еще недостаточно ослаблены, недостаточно отдалены.

Многие авторы, которые не сомневаются в тесной взаимосвязи содержания сновидения с жизнью в бодрствовании, обратили внимание на то, что впечатления, полностью овладевающие мышлением в бодрствовании, появляются в сновидении только тогда, когда в мыслительной работе, совершающейся днем, они в некоторой степени отодвигаются на задний план. Так, например, недавно умерший близкий человек не снится, как правило, сразу после его смерти, когда скорбь по нему пока еще наполняет тех, кто остался в живых (Delage, 1891 [40]). Между тем, в одной из последних работ — мисс Халлам — собраны примеры и противоположного поведения, и в этом отношении она отстаивает идею психологической индивидуальности (Hallam, Weed, 1896 [410–411]).

Третья, самая удивительная и непонятная особенность памяти в сновидении проявляется в выборе воспроизводимого материала, поскольку в отличие от бодрствования, где ценится самое важное, сновидение, напротив, использует также самое безразличное и незначительное. Я здесь предоставлю слово тем авторам, которые особенно резко выражали свое удивление по этому поводу.

Хильдебрандт (Hildebrandt, 1875, 11): «Самое поразительное то, что сновидение заимствует свои элементы, как правило, не из серьезных и важных событий, не из тех интересов, которые побуждали нас к каким-то поступкам в течение прошедшего дня, а из второстепенных вещей, так сказать, из ничего не стоящих обрывков того, что было пережито недавно или, наоборот, в далеком прошлом. Вызывающая потрясение смерть члена семьи, под впечатлением которой мы засыпаем под утро, изглаживается из нашей памяти до тех пор, пока первый момент бодрствования не возвращает нас к ней с сокрушительной силой. И наоборот, бородавка на лбу незнакомца, который нам случайно встретился и о котором мы вообще боль-

ше не думаем после того, как прошли мимо него, играет какую-то роль в нашем сновидении...»

Штрюмпель (Strümpell, 1877, 39): «...такие случаи, когда сновидение разбивается на составные части, которые хотя и проистекают из переживаний прошедшего или предпоследнего дня, все же являются для бодрствующего сознания такими несущественными и незначительными, что предаются забвению вскоре после того, как были восприняты. Подобными переживаниями являются, например, случайно услышанные высказывания или мимоходом замеченные поступки других, мимолетные восприятия вещей или людей, отдельные небольшие отрывки из книг и т. п.»

Хэвлок Эллис (Ellis, 1899, 727): *«The profound emotions of waking life, the questions and problems on which we spread our chief voluntary mental energy, are not those which usually present themselves at once to dream consciousness. It is, so far as the immediate past is concerned, mostly the trifling, the incidental, the "forgotten" impressions of daily life which reappear in our dreams. The psychic activities that are awake most intensely are those that sleep most profoundly»*[1].

По мнению Бинца (Binz, 1878, 44–45), особенности памяти во сне, о которых здесь идет речь, служат поводом для того, чтобы высказать неудовлетворенность своим же объяснением сновидения: «Естественное сновидение ставит перед нами такие же вопросы. Почему нам не всегда снятся впечатления прожитого дня, а вместо этого без какого-либо понятного мотива мы погружаемся в далекое, почти забытое прошлое? Почему в сновидении сознание так часто воспринимает впечатления *безразличных* воспоминаний, в то время как клетки мозга, несущие в себе наиболее яркие следы пережитого, по большей части остаются безмолвствующими и бездействующими, хотя незадолго до этого в состоянии бодрствования они испытывали сильнейшее возбуждение?»

---

[1] [«Глубокие эмоции бодрствующей жизни, вопросы и проблемы, на которые мы добровольно распространяем свою основную умственную энергию, обычно не заявляют о себе сразу спящему сознанию. Если иметь в виду непосредственное прошлое, то это в основном будут пустяковые, несущественные, "забытые" впечатления повседневной жизни, которые вновь проявляются в наших снах. Психическая активность, которая проявляется здесь наиболее интенсивно, — это та, что спит особенно глубоко» (англ.). — *Примечание переводчика.*]

Легко понять, почему странное предпочтение памяти в сновидении безразличного и, следовательно, несущественного в дневных переживаниях должно вести к тому, что зависимость сновидения от бодрствования вообще не усматривается и обнаружение этой связи в каждом отдельном случае, по меньшей мере, усложняется. Вполне возможно, что именно поэтому мисс Уитон Калкинс (Calkins, 1893 [315]) при статистической обработке своих собственных сновидений (и сновидений своего спутника жизни) насчитала одиннадцать процентов снов, в которых связь с бодрствованием не просматривалась. Несомненно, Хильдебрандт (Hildebrandt, 1875 [12–13]) был прав, утверждая, что все образы сновидения можно было бы генетически разъяснить, если бы каждый раз у нас было достаточно времени и материала для исследования их происхождения. Правда, он называет это «чрезвычайно трудным и неблагодарным занятием. Ведь в большинстве случаев в самых отдаленных уголках памяти пришлось бы выискивать всевозможные совершенно незначимые в психическом отношении вещи и вновь извлекать наружу всякого рода индифферентные моменты давно прошедшего времени, позабытые, возможно, уже через час». Я должен, однако, выразить сожаление, что этот проницательный автор отступил от намеченного пути; он привел бы его в самый центр проблемы объяснения сновидений.

Работа памяти в сновидении, безусловно, крайне важна для построения любой теории памяти в целом. Утверждают, что «ничего из того, чем душа когда-то обладала, не может исчезнуть полностью» (Scholz, 1887, 34). Или, как выражается Дельбёф [Delboeuf, 1885, 115], *«que toute impression même la plus insignifiante, laisse une trace inaltérable, indéfiniment susceptible de reparaître au jour»*[1], — вывод, к которому заставляют прийти также и многие другие, патологические, проявления душевной жизни. Необходимо иметь в виду эту необычайную работоспособность памяти в сновидении, чтобы живо ощутить противоречие, с которым будут сталкиваться другие теории сновидения, о которых речь пойдет несколько позже, если попытаются объяснить абсурдность и несвязность сновидений через частичное забывание того, что известно нам днем.

---

[1] [Любое впечатление, даже самое незначительное, оставляет неизгладимый след, всякий раз способный проявляться днем (фр.). — *Примечание переводчика.*]

Можно, например, даже прийти к мысли свести феномен видения снов как таковой к воспоминанию, видеть в сновидении выражение не успокаивающейся даже ночью репродуцирующей деятельности, которая является самоцелью. С этим бы согласовались сообщения, такие, например, как сообщение Пильца (Pilcz, 1899), согласно которым можно доказать наличие прочных отношений между временем сна и содержанием сновидений: в глубоком сне воспроизводятся впечатления из давнего времени, но к утру — самые последние. Но такое представление с самого начала становится маловероятным уже по причине того, как сновидение обращается с материалом, подлежащим припоминанию. Штрюмпель [Strümpell, 1877, 18] справедливо обращает внимание на то, что повторения переживаний в сновидении не происходит. Сновидение, пожалуй, делает такую попытку, но недостает последующего звена; переживание возникает в измененном виде или же вместо него возникает нечто совершенно чужое. Сновидение дает лишь фрагменты репродукции. Несомненно, это является настолько типичным, что позволяет сделать теоретический вывод. Впрочем, бывают исключения, когда сновидение повторяет переживание в такой же мере полно, в какой это способна сделать наша память в бодрствовании. Дельбёф [Delboeuf, 1885, 239–240] рассказывает про одного своего университетского коллегу, что во сне он во всех деталях заново совершил опасную поездку на автомобиле, во время которой только чудом избежал серьезной аварии. Мисс Калкинс (Calkins, 1893) упоминает два сновидения, которые по своему содержанию представляют собой точное воспроизведение переживания предыдущего дня, и у меня самого впоследствии будет повод для того, чтобы привести ставший мне известным пример воспроизведения во сне без каких-либо изменений одного детского переживания. [Ср. с. 204 и 212.][1].

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* Основываясь на последующем опыте, я добавлю, что совсем не редко в сновидении повторяются безобидные и маловажные дневные занятия, например, паковка чемодана, приготовление еды на кухне и т. п. Но в случае таких сновидений сновидец делает акцент не на воспоминании, а на «действительности»: «Все это я действительно делал днем». [Ср. с. 203 и 595–596. Темы, обсуждавшиеся в этом и предыдущем разделах, снова затрагиваются в двух первых разделах 5-й главы.]

В
Внешние раздражители и источники сновидений

Что следует понимать под внешними раздражителями и источниками сновидений, можно пояснить ссылкой на народную поговорку: «Все сны от желудка». За этими словами скрывается теория, в которой сновидение понимается как следствие нарушения сна. Человеку ничего бы не снилось, если бы его сну ничто не мешало, а сновидение и является реакцией на такую помеху.

В описаниях разных авторов самое большое место занимает обсуждение причин, которые приводят к возникновению сновидения. То, что эта проблема впервые возникла лишь после того, как сновидение стало объектом биологического исследования, является совершенно естественным. Древним людям, считавшим сновидение божьим посланием, и не требовалось искать побудительного источника; по воле божественной или демонической силы возникало сновидение; из знаний ее или намерений — его содержание. В науке сразу же возник вопрос, всегда ли раздражители, ведущие к возникновению сновидений, являются одинаковыми или же они могут быть разнообразными, и вместе с тем обсуждалась дилемма: к какой области относится причинное объяснение сновидения — к психологии или, скорее, к физиологии. Большинство авторов, по-видимому, предполагают, что причины нарушения сна, то есть источники сновидения, могут быть разнообразны и что роль возбудителя сновидений играют как телесные раздражители, так и душевные волнения. В предпочтении того или иного источника сновидения, в установлении рангового порядка среди них в зависимости от их значения для возникновения сновидений мнения существенно расходятся.

Там, где перечисление источников сновидений является полным, в конечном счете возникает четыре их вида, которые также использовались для классификации самих сновидений: 1) *внешнее (объективное) раздражение органов чувств;* 2) *внутреннее (субъективное) раздражение органов чувств;* 3) *внутреннее (органическое) телесное раздражение;* 4) *чисто психические источники раздражения.*

1) Внешние раздражения, исходящие от органов чувств

Младший Штрюмпель, сын философа, работа которого о сновидении уже не раз служила нам руководством в проблеме сновидения, сообщил, как известно, о наблюдении над одним пациентом [1883–1884, т. 2], страдавшим общей анестезией телесных покровов и парезом некоторых высших органов чувств. Когда у этого человека закрывали от внешнего мира оставшиеся у него органы чувств, он впадал в сон. Когда мы хотим заснуть, мы все обычно стремимся оказаться в ситуации, аналогичной той, что была в эксперименте Штрюмпеля. Мы закрываем важнейшие органы чувств, глаза, и стараемся изолировать другие органы чувств от любых раздражителей или пытаемся не допустить какого-либо изменения действующих на них раздражителей. Мы засыпаем, хотя наши действия никогда в полной мере не удаются. Мы не можем ни полностью изолировать наши органы чувств от раздражителей, ни устранить их возбудимость. Нас в любое время способен разбудить более сильный раздражитель, и это доказывает, «что и во сне душа остается неразрывно связанной с внешним миром»[1]. Чувственные раздражения, действующие на нас во время сна, вполне могут стать источниками сновидений.

Такие раздражители образуют целый ряд — от неизбежных, которые приносит с собой или иногда вынуждено допускать состояние сна, до случайных раздражителей, которые пригодны или предназначены для того, чтобы сон прервать. Более яркий свет может попасть в глаза, может раздаться шум, пахучее вещество может возбудить слизистую оболочку носа. Непроизвольным движением во сне мы можем обнажить отдельные части тела и в результате почувствовать холод либо, изменив положение тела, сами вызвать ощущения давления или прикосновения. Нас может укусить муха, или что-то неприятное, произошедшее ночью, может не давать покоя сразу нескольким органам чувств. Внимательные наблюдатели составили целый список сновидений, в которых раздражение, констатируемое при пробуждении, и отдельные содержания сновидения настолько совпадали друг с другом, что раздражение справедливо можно было признать источником сновидения.

---

[1] [Ср. замечания Бурдаха на с. 71.]

Собрание таких сновидений, которые объясняются — более или менее случайными — объективными чувственными раздражителями, я приведу здесь по Йессену (Jessen, 1855, 527–528): «Каждый неясно воспринятый шум вызывает соответствующие образы сновидения: раскаты грома переносят нас на поле битвы, крик петуха превращается в вопль ужаса человека, скрип двери вызывает сновидение о разбойничьем нападении».

«Когда ночью с нас спадает одеяло, нам снится, что мы ходим голые или что мы упали в воду. Когда мы лежим в постели наискось или когда ноги свешиваются через край, нам снится, возможно, что мы стоим на краю страшной пропасти или что мы падаем вниз с огромной высоты. Если голова случайно оказывается под подушкой, то снится, будто над нами висит огромная скала, готовая нас похоронить под своей тяжестью. Накопление семенной жидкости вызывает сладострастные сновидения, местные болевые ощущения — представление об истязаниях, вражеском нападении или случившихся телесных повреждениях...»

«Майеру (Meier, 1758, 33) однажды снилось, что на него напали несколько человек, которые уложили его спиной на землю и между большим и вторым пальцами ноги вбили в землю кол. Пока он представлял себе это во сне, он проснулся и увидел, что между пальцами ноги у него торчит соломинка. Хеннингсу (Hennings, 1784, 258) как-то приснилось, что его повесили. Проснувшись, он заметил, что воротник рубашки сдавил ему шею. Хоффбауэру [Hoffbauer, 1796, 146] приснилось в юности, что он упал с высокой стены; по пробуждении он обнаружил, что кровать под ним сломалась и что он действительно упал на пол... Грегори сообщает, что однажды, ложась спать, он положил к ногам бутылку с горячей водой, а затем во сне совершил прогулку на вершину Этны, где жар раскаленной земли был почти нестерпим. Одному человеку, которому на голову поставили шпанских мушек, снилось во сне, что его оскальпировали индейцы; другому человеку, спавшему в мокрой сорочке, снилось, что его уносит потоком реки. Случившийся во сне приступ подагры вызвал у одного больного представление, будто он попал в руки инквизиции и терпит страшные пытки (Macnish [1835, 40])».

Аргументацию, основанную на сходстве раздражителя и содержания сновидения, можно усилить, если путем планомерной стимуляции органов чувств у спящего удастся вызывать со-

ответствующие раздражителю сновидения. Такие опыты, согласно Макнишу [loc. cit., Jessen (1855, 529)], уже проводил Жиро де Бузаренг [de Buzareingues, 1848, 55]. «Во сне он оставлял открытыми колени, и ему снилось, что он ночью едет в дилижансе. При этом он замечает, что путешественники хорошо знают, как ночью в карете мерзнут колени. В другой раз он не укрыл голову, и ему снилось, будто он присутствовал на религиозной церемонии, проходившей на свежем воздухе. В стране, в которой он жил, было принято постоянно носить головные уборы, за исключением мероприятий, подобных вышеупомянутому».

Маури (Maury, 1878 [154–156]) рассказывает о новых наблюдениях над вызванными им самим сновидениями. (Ряд других опытов успехом не увенчался.)

1. Его щекочут пером по губам и кончику носу. — Снится страшная пытка: смоляная маска накладывается ему на лицо и затем срывается вместе с кожей.

2. Точат ножницы о пинцет. — Он слышит звон колоколов, потом набат и переносится в июньские события 1848 года.

3. Ему дают понюхать одеколон. — Он находится в Каире, в лавке Иоганна Марии Фарины. За этим следует множество приключений, которые он воспроизвести не может.

4. Его слегка щиплют за шею. — Ему снится, что ему ставят шпанских мушек, и он вспоминает врача, который лечил его в детстве.

5. К его лицу подносят раскаленное железо. — Ему снятся «кочегары»[1], которые врываются в дом и принуждают жильцов отдать им свои деньги, заставляя их босиком стоять на раскаленных угольях. Затем появляется герцогиня Абрантская, секретарем которой во сне он является.

6. Ему на лоб капают воду. — Он находится в Италии, сильно потеет и пьет белое орвиетское вино.

7. Через красную бумагу на него падает свет свечи. — Ему снится гроза, буря, и он снова находится на корабле, на котором однажды уже попал в морской шторм в проливе Ла-Манш.

Другие попытки экспериментальным путем вызывать сновидения принадлежат д'Эрве [d'Hervey, 1867, 268–269 и 376–377], Вейгандту (Weygandt, 1893) и другим. Многими отмечалась «уди-

---

[1] «Кочегарами» (*«chauffeurs»*) во времена Французской революции называли разбойничьи банды в Вандее, которые применяли подобные пытки.

вительная способность сновидения вплетать в свои сюжеты неожиданные впечатления из мира чувств таким образом, что они создают в них постепенно подготовляемую катастрофу» (Hildebrandt, 1875 [36]). «В молодые годы, — рассказывает этот автор, — я иногда пользовался будильником, чтобы регулярно вставать в определенное время. Очень часто со мной бывало так, что звук этого инструмента включался во вроде бы очень продолжительное сновидение таким образом, будто весь этот сон подлаживался только под него и находил в нем свое собственное логически неизбежное завершение, то есть достигал своей естественной конечной цели» [ibid., 37].

Три таких сна, связанных с будильником, я буду еще рассматривать в другом контексте [с. 47–48].

Фолькельт (Volkelt, 1875, 108–109) рассказывает: «Одному композитору однажды снилось, что он дает урок в школе и что-то объясняет ученикам. Он уже закончил свои объяснения и обращается к одному из мальчиков с вопросом: "Ты меня понял?" Тот кричит, как одержимый: "О, ja!" ["О, да!"] Негодуя из-за этого, он велит ему замолчать. Но уже весь класс кричит: "Or ja!" Потом: "Eurjo!" И, наконец: "Feuerjo!" ["Пожар!"] Он просыпается от крика "Пожар!" на улице.

Гарнье (Garnier, 1872 [т. I, 476]), согласно Радештоку, сообщает, что Наполеон однажды проснулся от взрыва адской машины. Заснув в карете, он видел сон, в котором еще раз переживал переход через Тальяменто и канонаду австрийцев, пока испуганно не вскочил с возгласом: «Мы заминированы!»[1]

Большую известность получило сновидение, пережитое Маури (Maury, 1878, 161). Он болел и лежал в кровати в своей комнате, рядом сидела его мать. Ему снился террор во времена революции; он присутствовал при страшных сценах убийств и в конце концов сам предстал перед трибуналом. Там он увидел Робеспьера, Марата, Фукье-Тенвиля и всех остальных печальных героев той страшной эпохи, отвечал на их вопросы и после разного рода инцидентов, которые не зафиксировались в его памяти, был осужден и в сопровождении огромной толпы отправился на место казни. Он входит на эшафот, палач привязывает его к доске, она опрокидывается, нож гильотины падает, он чувствует, как голова отделяется от туловища, пробуждается в нео-

[1] [См. по этому поводу с. 247–248 и 500.]

писуемом ужасе — и обнаруживает, что валик дивана, на котором он спал, откинулся назад, и край дивана касается его шейного позвонка, словно нож гильотины.

С этим сновидением связана интересная дискуссия, затеянная Ле Лореном (Le Lorrain, 1894) и Эггером (Egger, 1895) в «Revue philosophique» по поводу того, может ли сновидец, и если да, то каким образом, втиснуть в такое короткое время, которое протекает между восприятием раздражителя и пробуждением, столь богатый материал сновидения[1].

Примеры подобного рода позволяют считать, что из всех источников сновидений объективные чувственные раздражения во время сна можно установить наиболее определенно. Кроме того, согласно представлениям неспециалистов, только они играют определенную роль. Если спросить образованного человека, не знакомого с литературой о сновидениях, как возникают сны, то он, несомненно, ответит указанием на какой-нибудь известный ему случай, в котором сновидение объяснялось объективным чувственным раздражением, обнаруженным при пробуждении. Однако научное исследование на этом остановиться не может; повод к дальнейшим вопросам оно черпает из наблюдения, что раздражитель, действующий во время сна на органы чувств, проявляется в сновидении не в своем действительном виде, а заменяется каким-либо другим представлением, находящимся с ним в каком-либо отношении. Однако отношение, связывающее источник сновидения с тем, что получилось во сне, по словам Маури, является «une affinité quelconque, mais qui n'est pas unique et exclusive»[2] (Maury, 1853, 72). Если, например, взять три сновидения, связанные с будильником, которые привел Хильдебрандт (Hildebrandt, 1875, 37–38), то встает вопрос, почему один и тот же раздражитель вызывает столь разные сновидения и именно эти, а не другие:

«Итак, я гуляю ранним весенним утром и бреду по зеленеющим полям до соседней деревни; там я вижу ее жителей в праздничных одеждах, с молитвенниками в руках идущих в церковь. Все верно! Сегодня воскресенье, и скоро начнется утренняя служба. Я решаю принять в ней участие, но из-за того, что мне очень

---

[1] [Дальнейшее обсуждение см. на с. 84 и 498 и далее.]

[2] «Неким сходством, которое, однако, не является единственным и исключительным» (фр.). — *Примечание переводчика.*

жарко, я хочу немного освежиться на кладбище возле церкви. Читая различные надписи на могилах, я слышу, как звонарь поднимается на колокольню, и вижу на ней небольшой деревенский колокол, который возвестит о начале богослужения. Еще какое-то время он висит неподвижно, потом он начинает раскачиваться, и слышится звон, причем удары колокола настолько громки и пронзительны, что они прерывают мой сон. Но на самом деле эти звуки исходят от моего будильника».

«Вторая комбинация. Ясный зимний день; улица покрыта снегом. Я обещал вместе с другими проехаться на санях, но приходится долго ждать, пока мне докладывают, что сани стоят возле ворот. Теперь начинаются приготовления к поездке — я надеваю шубу, достаю мешок для ног и, наконец, сажусь на свое место. Но отъезд по-прежнему откладывается, пока наконец натянутые вожжи не дают явный знак ждущим с нетерпением рысакам. Бубенчики начинают издавать свою всем хорошо знакомую музыку, которая, однако, раздается с такой силой, что мгновенно разрывает паутину сна. Опять-таки это не что иное, как резкий звон будильника».

«Третий пример. Я вижу, как кухарка по коридору идет в столовую с целой грудой тарелок. Я опасаюсь, что фарфоровая колонна в ее руках потеряет равновесие. "Осторожней, — предостерегаю я ее, — сейчас все упадет на пол". На это, разумеется, следует возражение: это уже дело привычное и т. д. Но я по-прежнему озабоченным взглядом слежу за ней. И действительно, на пороге двери она спотыкается — посуда со звоном падает и разбивается вдребезги. Но дребезжание продолжается слишком долго и почему-то переходит в продолжительный звон, и этот звон, как обнаруживается при пробуждении, издавал будильник».

На вопрос, почему душа в сновидении искажает природу объективного чувственного раздражения, пытались ответить Штрюмпель (Strümpell, 1877 [103]) и Вундт (Wundt, 1874 [659–660]). Они считают, что при наличии таких вторгающихся во сне раздражителей она находится в условиях формирования иллюзий. Чувственное впечатление нами *распознается и правильно интерпретируется,* то есть относится к группе воспоминаний, к которой оно принадлежит в соответствии со всем предшествующим опытом, если впечатление является сильным, ярким, достаточно устойчивым и если мы располагаем необходимым временем для его осмысления. Если эти условия не выполняются,

то мы искажаем объект, от которого исходит впечатление; на его основе мы выстраиваем иллюзию. «Когда кто-нибудь гуляет по широкому полю и не совсем отчетливо видит вдали какой-то предмет, может случиться так, что сначала он примет его за лошадь». Немного приблизившись, он может подумать, что это лежащая корова, и, наконец, подойдя еще ближе, четко увидит, что это группа сидящих людей. Столь же неопределенны и впечатления, получаемые душой во сне от внешних раздражителей; на их основе она образует иллюзии, пробуждая благодаря впечатлению большее или меньшее число образов воспоминаний, благодаря которым впечатление получает свою психическую ценность. Из каких воспринимаемых областей памяти вызываются соответствующие образы и какие из ассоциативных отношений вступают при этом в силу — это, по мнению Штрюмпеля, установить невозможно и зависит, так сказать, от произвола душевной жизни.

Мы оказываемся здесь перед выбором. Мы можем согласиться, что закономерность в образовании сновидений действительно невозможно проследить далее, и вместе с тем должны будем отказаться от вопроса, не подлежит ли толкование иллюзии, вызванной чувственным впечатлением, еще и другим условиям. Или мы можем предположить, что объективное чувственное раздражение, вторгающееся во сне, играет в качестве источника сновидений лишь скромную роль и что подбор образов воспоминаний, вызывающих пробуждение, обусловливают другие моменты. И действительно, если проанализировать экспериментально вызванные сновидения Маури, которые с этой целью я и привел здесь столь подробно, то появится искушение заявить, что произведенный опыт, собственно говоря, разъясняет происхождение лишь одного элемента сновидения. Все остальное его содержание кажется скорее слишком самостоятельным, слишком индивидуально обусловленным, чтобы его можно было объяснить заявлением, что оно должно соотноситься с экспериментально введенным элементом. Более того, начинаешь сомневаться даже в теории иллюзии и в способности объективного впечатления создавать сновидение, когда узнаешь, что это впечатление иногда подвергается в сновидении самому причудливому и странному истолкованию. Так, например, Симон (Simon, 1888) рассказывает об одном сновидении, в котором он видел сидевших за столом великанов и отчетливо слышал страш-

ный стук, производимый их челюстями при жевании. Проснувшись, он услышал стук копыт мчавшейся под его окнами лошади. Если здесь шум лошадиных копыт вызвал представления, связанные с воспоминаниями о «Путешествиях Гулливера», пребывании у великанов Бробдиньягов и у добродетельных, похожих на лошадей существ — как, например, я мог бы это истолковать безо всякой поддержки со стороны автора, — то неужели выбору столь необычайных для этого раздражителя воспоминаний не содействовали, кроме того, и другие мотивы?[1]

2) Внутреннее (субъективное) раздражение органов чувств

Вопреки всем возражениям необходимо признать, что роль объективного возбуждения органов чувств во время сна как источников сновидений является очевидной, и если эти раздражители по своей природе и частоте, возможно, кажутся недостаточными для того, чтобы объяснить все образы сновидения, то, следовательно, нужно искать другие, но аналогично им действующие источники сновидений. Я не знаю, у кого впервые возникла мысль наряду с внешними чувственными раздражениями учитывать также внутреннее (субъективное) возбуждение органов чувств; однако является фактом, что это в той или иной степени явно делается во всех последних исследованиях этиологии сновидений. «Существенную роль, — утверждает Вундт (Wundt, 1874, 657), — в иллюзиях сновидений играют субъективные зрительные и слуховые ощущения, знакомые нам в бодрствующем состоянии в виде светового хаоса в темном поле зрения, шума и звона в ушах и т. д., а среди них особенно субъективные возбуждения сетчатой оболочки. Этим и объясняется

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1911 году:]* Образ великанов во сне позволяет предположить, что речь здесь идет о некой сцене из детства сновидца. [Ср. с. 413.]

[Дополнение, сделанное в 1925 году:] Впрочем, приведенная выше интерпретация как реминисценция из «Путешествий Гулливера» является хорошим примером того, каким не должно быть толкование. Толкователь сновидений должен не играть своим умом, а опираться на мысли сновидца.

удивительная склонность сновидения словно силой волшебства вызывать перед взглядом спящего многочисленные сходные или полностью согласующиеся объекты. Мы видим перед собой бесчисленных птиц, бабочек, рыб, пестрые камни, цветы и т. п. При этом световая пыль темного поля зрения принимает фантастические формы, а многочисленные световые точки, из которых она состоит, воплощаются сновидением в столь же многочисленные отдельные образы, которые вследствие подвижности светового хаоса воспринимаются как движущиеся предметы. Этим, пожалуй, объясняется также явная склонность сновидения к самым разнообразным образам животных, богатство форм которых легко сочетается с особой формой субъективных световых образов».

Как источник образов сновидений субъективное возбуждение органов чувств имеет, очевидно, то преимущество, что в отличие от объективного возбуждения оно не зависит от внешних случайностей. Ими, так сказать, всякий раз, когда это понадобится, можно воспользоваться для объяснения. Но они уступают объективным чувственным раздражениям в том отношении, что их роль в качестве возбудителей сновидений почти или совсем невозможно подтвердить с помощью наблюдения и эксперимента. Основным доказательством способности субъективных чувственных раздражений вызывать сновидения служат гипнагогические галлюцинации, которые Иоганнес Мюллер (1826) описывал как «фантастические зрительные явления». Это зачастую очень яркие, изменчивые образы, регулярно возникающие у многих людей при засыпании и какое-то время сохраняющиеся после открытия глаз. Маури, который в значительной степени был им подвержен, обращал на них особое внимание и говорил об их связи, скорее даже об их идентичности, с образами сновидений (как, впрочем, еще до него Иоганнес Мюллер [ibid., 49–50]). Для их возникновения, говорит Маури, необходима известная душевная пассивность, ослабление внимания (Maury, 1878, 59– 60). Достаточно, однако, на секунду впасть в такую летаргию, чтобы при определенном предрасположении увидеть гипнагогическую галлюцинацию, после которой человек, возможно, вновь просыпается, пока наконец такая много раз повторяющаяся игра не завершается наступлением сна. Если затем через короткое время пробуждаешься, то, согласно Маури, часто удается проследить в сновидении те же образы, которые до наступления сна возникали в виде гипнагогических галлюцинаций (ibid., 134–135). Так,

например, Маури однажды приснился ряд причудливых фигур с искаженными лицами и странными прическами, которые с неимоверной назойливостью докучали ему в период засыпания и о которых он помнил после пробуждения. В другой раз, когда он испытывал чувство голода, поскольку находился на строгой диете, у него возник гипнагогический образ блюда и вооруженной вилкой руки, бравшей с блюда какую-то пищу. Во сне же он сидел за богато убранным столом и слышал шум, который производили принимавшие пищу люди своими вилками и ножами. В другой раз, когда у него были воспалены и болели глаза, во время засыпания у него возникла гипнагогическая галлюцинация: он видел микроскопически маленькие знаки, которые с большими усилиями пытался разобрать; проснувшись через час, он вспомнил о сновидении, где ему приснилась раскрытая книга, напечатанная очень мелким шрифтом, которую он с трудом старался прочесть.

Точно так же, как эти образы, гипнагогически могут появляться и слуховые галлюцинации различных слов, имен и т. д. и затем повторяться в сновидении, словно увертюра, возвещающая лейтмотив начинающейся оперы.

По тому же пути, что Иоганнес Мюллер и Маури, идет и современный исследователь гипнагогических галлюцинаций Дж. Трамбелл Лэдд (Ladd, 1892). Путем упражнений он добился того, что через две-три минуты после постепенного засыпания мог моментально выйти из сна, не открывая глаз, и благодаря этому имел возможность сравнивать исчезающие ощущения на сетчатке с сохраняющимися в памяти образами сновидения. Он утверждает, что между тем и другим всегда можно установить следующую тесную связь: светящиеся точки и линии, порождаемые самой сетчаткой, представляют своего рода контуры, схему для психически воспринимаемых образов сновидения. Например, одному сновидению, где он ясно видел перед собой печатные строки, которые он читал и изучал, соответствовало расположение светящихся точек на сетчатке в виде параллельных линий. Скажем его словами: четко напечатанная страница, которую он читал в сновидении, соответствовала объекту, казавшемуся его бодрствующему восприятию частью реального печатного листка, который рассматривают через небольшое отверстие в куске бумаги со слишком большого расстояния, чтобы можно было что-то отчетливо различить. Лэдд полагает, не умаляя, впрочем, значения централь-

ного [церебрального] компонента феномена, что едва ли во сне у нас возникают зрительные образы, которые бы не опирались на материал внутреннего состояния возбуждения сетчатки. Особенно это относится к сновидениям, возникающим вскоре после засыпания в темной комнате, тогда как для сновидений, снящихся ближе к утру, и для пробуждения источником раздражения служит попадающий в глаза объективный свет в освещенной комнате. Бесконечно изменчивый характер внутреннего зрительного возбуждения в точности соответствует веренице образов, проходящих перед нами в сновидении. Если придать значение наблюдениям Лэдда, придется признать важную роль этого субъективного источника раздражения в возникновении сновидения, поскольку зрительные образы, как известно, являются главной составляющей наших снов. Вклад других органов чувств, в том числе слуха, менее значителен и непостоянен.

3) Внутреннее (органическое) телесное раздражение

Если мы собираемся искать источники сновидений не вне, а внутри организма, то должны вспомнить о том, что почти все наши внутренние органы, в здоровом состоянии почти никак не дающие о себе знать, в состоянии раздражения — назовем его так — или во время болезни становятся источниками, как правило, неприятных для нас ощущений, которые следует приравнять к возбудителям болевых ощущений, получаемых извне. Существуют очень давние сведения, которые заставляют, например, Штрюмпеля утверждать (Strümpell, 1877, 107): «Душа достигает во сне гораздо более глубокого и широкого сознания своей телесности, нежели в бодрствовании, и вынуждена воспринимать и допускать воздействия определенных раздражений, проистекающих от различных частей и изменений ее тела, о которых в бодрствовании она ничего не знала». Еще Аристотель считал вполне вероятным, что сновидение обращает внимание человека на начинающееся заболевание, которого он совершенно не замечает в бодрствовании (благодаря усилению впечатлений во сне, см. с. 23), а представители медицины, воззрения которых, разумеется, далеки от веры в пророческий дар сновидения, по меньшей мере, допускали возможность того, что сно-

видение способно известить о болезни (ср. Simon, 1888, 31, и работы многих предшествующих авторов)[1].

Недостатка в достоверных примерах такой диагностической деятельности сновидений нет и в наше время. Так, например, Тисье (Tissié, 1898 [62–63]) со слов Артига (Artigues, 1884 [43]) рассказывает историю одной 43-летней женщины. В течение нескольких лет, несмотря на кажущееся полное здоровье, ее преследовали страшные сны, а затем при врачебном обследовании у нее выявилась начинающаяся болезнь сердца, от которой она вскоре умерла.

Очевидно, выраженные нарушения внутренних органов у целого ряда лиц служат возбудителями сновидений. Многие указывают на частые кошмары у больных, страдающих сердечными и легочными заболеваниями. Более того, эта сторона жизни сновидений настолько подробно описана многими авторами, что я могу ограничиться здесь лишь указанием на литературу (Radestock [1879, 70], Spitta [1882, 241–242], Maury [1878, 33–34], M. Simon [1888], Tissié [1898, 60 etc.]). Тисье полагает даже, что больные органы накладывают свой характерный отпечаток на содержание сновидений. Обычно сновидения сердечных больных очень короткие и оканчиваются пробуждением в страхе; почти всегда определенную роль в их содержании играет тема мучительной смерти. Легочным больным снятся удушение, давка, бегство, и очень часто они видят известный кошмарный сон, который, кстати, вызывал у себя экспериментальным путем Бернер (Borner, 1855), кладя себе на

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Помимо такого использования сновидений в диагностических целях (например, у Гиппократа [см. выше с. 24, прим. 1] нужно вспомнить об их терапевтическом значении в древности.

У греков были оракулы сновидений, к которым обычно обращались желавшие выздороветь больные. Больной отправлялся в храм Аполлона или Эскулапа, там его подвергали различным церемониям, купали, натирали, окуривали и, приведя таким образом в состояние экзальтации, укладывали на шкуру принесенного в жертву барана. Он засыпал и видел во сне целебные средства. Они являлись ему в естественном виде или в символах и образах, которые затем истолковывали ему жрецы. Подробнее о целительных сновидениях у греков см. у Леманна (Lehmann, 1908, Bd. I, 74), Буше-Леклерка (Bouché-Leclerq 1879–1882), Херманна (Hermann, 1858, §41, 262 etc., и 1882, §38, 356), Бöттингера (Böttinger, 1795, 163 etc.), Ллойда (Lloyd, 1877), Дёллингера (Döllinger, 1857, 130).

лицо подушку, закрывая дыхательные отверстия и т. п. При расстройствах пищеварения в сновидении содержатся представления, связанные с наслаждением и отвращением. Влияние сексуального возбуждения на содержание сновидений достаточно понятно каждому по его собственному опыту, и это служит важнейшим подтверждением всей теории вызывания снов посредством органических раздражителей.

Если проработать литературу о сновидениях, становится также совершенно очевидным, что отдельные авторы (Maury [1878, 451–452], Weygandt, 1893) стали заниматься проблемами сновидений, обратив внимание на влияние собственных болезненных состояний на содержание своих снов.

Впрочем, число источников сновидений, полученных на основе бесспорно установленных фактов, возросло не настолько существенно, как это может показаться на первый взгляд. Ведь сновидение — это феномен, возникающий у здоровых людей (наверное, у всех и, наверное, каждую ночь), и органическое заболевание отнюдь не относится к его необходимым условиям. Для нас речь идет не о том, откуда берутся особые сновидения, а о том, что может быть источником раздражения в случае обычных сновидений нормальных людей.

Между тем нам нужно сделать лишь еще один шаг, чтобы натолкнуться на источник сновидений, который значительно обильнее всех предыдущих и поистине неиссякаем. Если установлено, что внутренние органы в болезненном состоянии становятся источниками сновидений, и если мы признаем, что в состоянии сна душа, отрешившись от внешнего мира, может уделить больше внимания внутренним органам, то невольно напрашивается предположение, что органам не нужно заболевать, чтобы передать спящей душе возбуждения, которые так или иначе становятся образами сновидения. То, что в бодрствовании мы смутно воспринимаем как общее самочувствие лишь по его качеству, в которое, по мнению врачей, вносят свой вклад все системы органов, усилившись во время ночного сна и сочетаясь с другими своими отдельными компонентами, становится мощнейшим и вместе с тем самым обычным источником представлений, возникающих в сновидении. В таком случае остается только исследовать, по каким правилам органические раздражения превращаются в подобные представления.

Мы здесь затронули ту теорию возникновения сновидений, которая пользуется наибольшей популярностью среди ученых-медиков. Мрак, которым окутано ядро нашей личности, «moi

splanchnique», как называет это Тисье [Tissié, 1898, 23], и загадочность возникновения сновидения настолько друг другу соответствуют, что нельзя не провести между ними связь. Ход мыслей, превращающий вегетативное органическое ощущение в образы сновидения, имеет для врача еще и другое значение: он позволяет также в этиологическом отношении объединить сновидение и душевное расстройство, обнаруживающие так много сходства в своих проявлениях, ибо изменения общего самочувствия и раздражения, исходящие от внутренних органов, играют важнейшую роль в возникновении психозов. Поэтому не следует удивляться, если теорию физических раздражителей не удается свести к одному автору, который бы ее самостоятельно разработал.

Ряд авторов придерживался идей, высказанных в 1851 году философом Шопенгауэром. Образ мира возникает у нас благодаря тому, что наш интеллект переводит впечатления, получаемые извне, в формы времени, пространства и каузальности. Раздражения, поступающие изнутри организма, от симпатической нервной системы, оказывают днем в лучшем случае бессознательное влияние на наше настроение. Ночью же, когда заглушающее воздействие дневных впечатлений прекращается, впечатления, исходящие изнутри, получают возможность привлечь к себе внимание — подобно тому, как ночью мы слышим журчание ручейка, которое заглушалось дневным шумом. Как же иначе может реагировать интеллект на эти раздражения, кроме как исполняя присущую ему функцию? То есть он облекает их во временные и пространственные формы, неразрывно связанные с каузальностью, и в результате возникает сновидение [ср. Schopenhauer, 1862, т. 1, 249 etc.]. В более тесную взаимосвязь физических раздражений и образов сновидений пытались проникнуть Шернер (Scherner, 1861) и за ним Фолькельт (Volkelt, 1875) — оценку их представлений мы дадим в разделе, посвященном теориям сновидений [см. далее с. 103–105].

В одном особенно последовательно проведенном исследовании психиатр Краус [Krauß, 1859, 255] вывел возникновение сновидений, равно как делириев[1] и бредовых идей из одного и того же элемента, то есть *органически обусловленного ощущения*. Нельзя представить себе такой части организма, кото-

[1] [Видимо, «галлюцинаций».]

рая не могла бы стать исходным пунктом сновидения или бредового представления. Органически обусловленные ощущения «можно разделить на два ряда: 1) на общие настроения (общие чувства) и 2) на специфические ощущения, присущие главным системам вегетативного организма, в которых мы выделили пять групп: а) мышечные ощущения, б) пневматические, в) гастрические, г) сексуальные и д) периферические».

Процесс возникновения сновидений на основе телесных раздражений Краус описывает следующим образом: ощущение по какому-либо закону ассоциации вызывает родственное ему представление и вместе с ним объединяется в некую органическую структуру, по отношению к которой, однако, сознание ведет себя не так, как обычно. На само ощущение оно не обращает никакого внимания, а ориентируется целиком на сопутствующее представление, и именно по этой причине данный факт так долго не замечали [ibid., 233–234]. Краус обозначает этот процесс особым термином — *транссубстанциацией* ощущений в образы сновидения [ibid., 246].

Влияние органических телесных раздражений на образование сновидений признается сегодня чуть ли не всеми, но на вопрос о закономерностях связи между ними отвечают совершенно по-разному, часто приводя туманные объяснения. Если взять за основу теорию телесных раздражений, то при толковании сновидений появляется особого рода задача — сводить содержание сновидения к вызывающим его органическим раздражителям. И если не признавать правил толкования, которые были сформулированы Шернером (Scherner, 1861), то часто приходится сталкиваться с тем неприятным фактом, что органический источник раздражения выдает себя не иначе, как через содержание сновидения.

Однако довольно сходным образом толковались разные по своей форме сновидения, которые называют «типичными», потому что у многих людей они очень близки по содержанию. Это известные сновидения о падении с высоты, о выпадении зубов, о полете и о смущении из-за своей наготы или плохой одежды. Последнее сновидение, по-видимому, объясняется восприятием во сне того, что спящий человек сбросил с себя одеяло и лежит голым. Сновидение о выпадении зубов объясняется раздражением полости рта, под которым, однако, не следует понимать болезненное состояние возбуждения десен. Сновидение о полете, согласно Штрюмпелю [Strümpell, 1877, 119], является

адекватным представлением, которым пользуется душа, чтобы истолковать сумму раздражений, исходящих от расширяющихся и спадающихся легких, если при этом кожные ощущения от грудной клетки снизились настолько, что уже не воспринимаются сознанием. Это последнее обстоятельство передает ощущение, связанное с формой представления о парении. Поводом для сновидений о падении с высоты, видимо, является то, что при наступившем ослаблении тактильного чувства либо свешивается рука, либо вдруг выпрямляется согнутое колено; благодаря этому тактильные ощущения начинают снова осознаваться, но переход к сознанию психически осуществляется в сновидении о падении (ibid., 118). Слабость этих, казалось бы, убедительных попыток объяснения, очевидно, заключается в том, что здесь без каких-либо на то оснований отбрасывается или, наоборот, привлекается та или иная группа органических ощущений, пока наконец не достигается констелляция, благоприятная для толкования. Впрочем, в дальнейшем у меня еще будет возможность вернуться к типичным сновидениям и их возникновению [ср. с. 254–256 и 392–394].

Сравнив между собой ряд сходных сновидений, М. Симон попытался вывести некоторые закономерности влияния органических раздражителей на содержание сновидений. Он утверждает (Simon, 1888, 34): «Когда во сне какой-либо орган, обычно участвующий в выражении аффекта, по какой-то другой причине находится в состоянии возбуждения, в которое он, как правило, повергается при таком аффекте, то возникающее при этом сновидение будет содержать представления, соответствующие аффекту».

Другое правило гласит (ibid., 35): «Если какой-либо орган находится во сне в состоянии деятельности, возбуждения или расстройства, то сновидение будет содержать представления, относящиеся к осуществлению органической функции, которая присуща данному органу».

Маурли Вольд (Vold, 1896) попытался экспериментально доказать влияние, постулируемое в теории физических раздражителей, на образование сновидений для отдельной области. Он изменял положение конечностей спящего человека и сравнивал содержания сновидения с этими изменениями. В качестве результата он приводит следующие выводы:

1. Положение конечности в сновидении в целом соответствует ее положению в действительности, то есть человеку

снится статическое состояние членов тела, соответствующее реальному.

2. Если человек видит во сне движение конечности, то оно всегда таково, что одно из положений, возникающих при его исполнении, соответствует действительному.

3. Положение собственных конечностей может приписываться в сновидении постороннему человеку.

4. Может также сниться, что данное движение затруднено.

5. Член тела в данном положении может предстать в сновидении в виде животного или чудовища, при этом между ними возникает определенная аналогия.

6. Положение конечности может вызвать в сновидении мысли, имеющие к ней какое-либо отношение. Так, например, при движении пальцев снится счет.

Из таких результатов я бы сделал вывод, что и теория физических раздражителей не может полностью исключить мнимой свободы в формировании образов сновидения[1].

4) Психические источники раздражения

Когда мы обсуждали отношение сновидения к жизни в бодрствовании и происхождение материала сновидений, мы узнали, что, по мнению как самых древних, так и самых современных исследователей, людям снится то, что они делали днем и что их интересует в бодрствовании [см. с. 27 и далее]. Этот интерес, присущий жизни в бодрствовании и сохраняющийся во сне, не только представляет собой психическую связь, соединяющую сновидение с жизнью, но и служит для нас немаловажным источником сновидений, который наряду с тем, что стало интересным во сне — раздражителями, воздействующими во время сна, — должен объяснить происхождение всех образов сновидения. Мы слышали, однако, и возражения против вышеприведенного утверждения, то есть, что сновидение отвлекает спящего от интересов дня и что нам, как правило, снятся вещи, больше всего занимавшие нас днем, лишь тогда, когда они уже потеряли свою актуальность для бодрствующей жизни [с. 27

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Более подробно об опубликованных после того в двух томах протоколах сновидений этого исследователя см. ниже [с. 237, прим.].

и 38–39]. Поэтому при анализе сновидений у нас на каждом шагу возникает впечатление, что недопустимо устанавливать общие правила, не вводя ограничений с помощью таких слов, как «часто», «обычно», «в большинстве случаев», и не предупреждая о возможных исключениях.

Если бы дневных интересов, наряду с внутренними и внешними раздражителями во сне, было достаточно для объяснения этиологии сновидений, то мы бы могли дать удовлетворительный отчет о происхождении всех элементов сновидения; загадка источников сновидения была бы разрешена, и оставалось бы только разграничить роль психических и соматических раздражителей в отдельных сновидениях. В действительности же такое полное разъяснение сновидения ни в одном случае еще не удавалось, и у каждого, кто пытался это сделать, оставались — как правило, в большом количестве — составные части сновидения, о происхождении которых он сказать ничего не мог. По-видимому, дневные интересы как психический источник сновидений не играют такой важной роли, как следовало бы ожидать после категорических утверждений, будто каждый продолжает заниматься в сновидении своим делом.

Другие психические источники сновидений неизвестны. Поэтому все отстаиваемые в литературе объяснения сновидений — за исключением разве что теории Шернера, о которой будет говориться позднее [с. 103 и далее], — имеют большие пробелы там, где речь идет о выведении наиболее характерного для сновидения материала из образов представлений. В этом отношении большинство авторов склонны максимально принижать роль психики — к которой так трудно подступиться — в образовании сновидений. Классифицируя сновидения и выделяя *сны, обусловленные нервным раздражением*, и *ассоциативные сновидения*, из которых последние имеют свой источник исключительно в репродукции [уже пережитого материала] (Wundt, 1874, 657–658), они все же не могут избавиться от сомнений в том, могут ли «они возникать без стимулирующего телесного раздражения» (Volkelt, 1875, 127). Характеристика чисто ассоциативного сновидения также оказывается несостоятельной: «В собственно ассоциативных сновидениях уже не может быть речи о таком прочном [возникшем на основе соматического раздражения] ядре. Здесь свободное группирование проникает также и в центр сновидения. Жизнь представлений, и без того уже независимая от разума и рассудка, уже не поддер-

живается здесь теми полновесными телесными и психическими возбуждениями и, таким образом, отдается на откуп своих собственных разнообразных побуждений и стимулов, своего собственного разброда и шатания» (ibid., 118). Преуменьшить значение психического компонента в образовании сновидений пытается также Вундт (Wundt, 1874, 656–657), утверждая, что «фантазмы сновидения, пожалуй, неправомерно рассматриваются как чистые галлюцинации. Вероятно, большинство представлений в сновидениях на самом деле являются иллюзиями, поскольку они исходят от слабых чувственных впечатлений, никогда не угасающих во сне». Вейгандт (Weygandt, 1893, 17) присоединился к этим воззрениям и обобщил их. Относительно всех представлений в сновидении он утверждает, что «их непосредственной причиной являются чувственные раздражения, и только потом присоединяются репродуктивные ассоциации». Еще дальше в оттеснении на задний план психических источников раздражения заходит Тисье (Tissié, 1898, 183): «Les rêves d'origine absolument psychique n'existent pas»[1], и в другом месте (ibid., 6): «Les pensées de nos reves nous viennent du dehors»[2].

Те авторы, которые, подобно авторитетному философу Вундту, занимают промежуточную позицию, не упускают случая заметить, что в большинстве сновидений действуют соматические раздражители и неизвестные или известные в качестве дневных интересов психические возбудители сновидения.

Впоследствии мы узнаем, что загадку образования сновидений можно разрешить благодаря открытию неожиданного психического источника раздражения. Пока же не будем удивляться переоценке роли раздражителей, не относящихся к душевной жизни, в образовании сновидений. Это происходит не только потому, что их легко обнаружить и даже подтвердить при помощи эксперимента; соматическая точка зрения на возникновение сновидений вполне отвечает идеям, преобладающим сегодня в психиатрии. Хотя господство мозга над организмом и подчеркивается самым категорическим образом, тем не менее все, что может указать на независимость душевной жизни от до-

---

[1] [Сновидений, которые происходят только из психики, не существует (фр.). — *Примечание переводчика.*]

[2] [Образы наших снов приходят к нам извне (фр.). — *Примечание переводчика.*]

казуемых органических изменений или на спонтанность ее проявлений, сегодня пугает психиатров так, будто признание этого вернет нас во времена натурфилософии [см. с. 25, прим. 2] и метафизических представлений о сущности души. Недоверие психиатров словно взяло психику под опеку и требует, чтобы ни одно из ее побуждений не считалось проявлением ее собственных способностей. Это, однако, свидетельствует исключительно о незначительной вере в прочность цепочки каузальных связей, протянувшейся между телесным и психическим. Даже там, где психическое в ходе исследования выступает в качестве первичной причины явления, более глубокое изучение когда-нибудь сумеет найти дальнейший путь, ведущий к органическим первоосновам душевной жизни. Но там, где психическое на уровне наших нынешних знаний означает конечный пункт, его отрицать не нужно[1].

Г
Почему сновидение забывается при пробуждении?

То, что сновидение к утру «улетучивается», всем известно. Правда, его можно припомнить. Ведь мы знаем сновидение только из воспоминания о нем после пробуждения; но нам очень часто кажется, что мы помним его лишь урывками, тогда как ночью знали о нем больше; мы можем наблюдать, как воспоминание о сновидении, с утра еще живое, в течение дня исчезает до небольших фрагментов; мы часто знаем, что нам снился сон, но не знаем, что снилось, и мы так привыкли к тому, что сновидение подвержено забыванию, что не отбрасываем как абсурдную возможность то, что человеку могло ночью что-нибудь сниться, а утром он не знает ничего ни о его содержании, ни о том, что ему вообще что-то снилось. С другой стороны, нередко бывает, что сновидения чрезвычайно долго сохраняются в памяти. У своих пациентов я анализировал сновидения, приснившиеся им двадцать пять и более лет назад, и сам могу вспомнить одно свое сновидение, которое видел по меньшей

---

[1] [Темы, затронутые в этом разделе, вновь обсуждаются в 5-й главе, разделе В (с. 233 и далее).]

мере тридцать семь лет назад и которое до сих пор не утратило в моей памяти своей свежести. Все это кажется очень странным и на первых порах непонятным.

О забывании сновидений наиболее подробно пишет Штрюмпель [Strümpell, 1877, 79–80]. Это забывание представляет собой, по-видимому, сложное явление, поскольку Штрюмпель сводит его не к одной, а к целому ряду причин.

Прежде всего забывание сновидений объясняется всеми теми причинами, которые вызывают забывание в бодрствующей жизни. В бодрствовании мы обычно забываем многие ощущения и восприятия либо потому, что они были слишком слабыми, либо потому, что они имели слишком незначительную связь с соответствующим психическим возбуждением. Это же относится и ко многим образам сновидения; они забываются потому, что были слишком слабыми, тогда как более яркие образы при приближении к ним вспоминаются. Впрочем, сам по себе момент интенсивности решающей роли для сохранения в памяти образов сновидения не играет. Штрюмпель [Strümpell, 1877, 82], как и другие авторы (Calkins, 1893 [312]) признает, что человек нередко вскоре забывает образы сновидения, о которых известно, что они были очень яркими, тогда как среди сохранившихся в памяти имеется много призрачных, неотчетливых образов. Далее, в бодрствовании обычно легко забывается то, что произошло всего один раз, и, наоборот, запоминается то, что воспринималось не раз. Большинство сновидений представляют собой однократные переживания[1]; эта особенность в равной мере способствует забыванию всех сновидений. Гораздо более важной является третья причина забывания. Чтобы ощущения, представления, мысли и т. п. отложились в памяти, необходимо, чтобы они не оставались разобщенными, а соответствующим образом вступали в связи и ассоциации. Если небольшой стих разбить на слова и перемешать их друг с другом, то запомнить их будет очень сложно. «Упорядоченная и логически связанная последовательность помогает вспомнить слова, одно за другим, и вся осмысленная фраза удерживается в памяти легко и долго. Абсурдное обычно мы запоминаем так же трудно и так же редко, как беспорядочное и бессвязное» [Strümpell, 1877, 83]. Сно-

[1] Не раз отмечалось, что существуют периодически повторяющиеся сновидения; см. сборник Шабане (Chabaneix, 1897). [Ср. с. 205.]

видения же в большинстве случаев лишены осмысленности и порядка. Композиции сновидения не имеют возможности запоминаться и забываются, потому что, как правило, распадаются уже в следующие моменты времени. Однако с этими рассуждениями не совсем согласуется то, что было отмечено Радештоком (Radestock 1879, 168). Он утверждает, что мы запоминаем лучше всего самые странные сновидения.

Еще более важными для забывания сновидений Штрюмпелю [Strümpell, 1877, 82–83] представляются другие моменты, вытекающие из отношений сновидения и жизни в бодрствовании. Забывание сновидения бодрствующим сознанием, по-видимому, представляет собой лишь эквивалент ранее упомянутому факту [ibid., 47], что сновидение (почти) никогда не заимствует упорядоченные воспоминания из бодрствующей жизни, а берет из нее детали, вырываемые из ее обычных психических связей, в которых они вспоминаются в бодрствовании. Тем самым композиция сновидения не имеет места среди психических рядов, которыми наполнена душа. Она лишена всех вспомогательных средств запоминания. «Таким образом, структура сновидения словно отрывается от земли — от нашей душевной жизни, — парит в психическом пространстве, точно облако на небе, которое может быстро развеять новый порыв ветра» (ibid., 87). В этом же направлении действует и то обстоятельство, что осязаемый мир, вторгающийся при пробуждении, тотчас овладевает вниманием с такой силой, которую могут выдержать лишь немногие образы сновидения. Они исчезают под впечатлениями от наступающего дня, словно сверкание звезд перед сиянием солнца.

И, наконец, забыванию сновидений содействует еще и тот факт, что большинство людей вообще проявляют незначительный интерес к своим сновидениям. Кто, например, будучи исследователем, какое-то время интересуется сновидениями, тот в этот период и чаще видит сны, точнее, чаще и легче их запоминает.

Две другие причины забывания сновидений, которые Бонателли [Bonatelli, 1880] (по Benini [1898, 155–156]) добавляет к причинам, перечисленным Штрюмпелем, пожалуй, уже в них содержатся, а именно: 1) изменение общего чувства между сном и бодрствованием является неблагоприятным для взаимной репродукции и 2) иное расположение представлений в сновидении делает его, так сказать, непереводимым для бодрствующего сознания.

При наличии всех этих причин забывания становится поистине удивительным, как отмечает сам Штрюмпель [Strümpell, 1877, 6], что так много сновидений все же сохраняется в памяти. Непрекращающиеся попытки авторов найти общие закономерности припоминания сновидений равносильны признанию того, что и здесь тоже что-то остается загадочным и неразрешенным. Совсем недавно были вполне обоснованно выделены отдельные особенности припоминания сновидений, например, что сновидение, которое утром человек считает забытым, в течение дня может всплыть в памяти благодаря какому-либо восприятию, случайно соприкоснувшемуся с все же забытым содержанием сновидения (Radestock, 1879 [169], Tissié, 1898 [148–149]). Воспоминание о сновидении подлежит, однако, ограничению, существенно снижающему его ценность для критического рассмотрения. Можно усомниться, не искажает ли наша память, опускающая так много в сновидении, то, что она сохранила.

Эти сомнения в точности репродукции сновидения высказывает также Штрюмпель (Strümpell, 1877 [119]): «В таком случае вполне возможно, что бодрствующее сознание непроизвольно что-то добавляет в воспоминание о сновидении: человек воображает, что ему снилось то, чего данное сновидение не содержало».

Особенно категорически высказывается Йессен (Jessen, 1855, 547): «Кроме того, однако, при исследовании и толковании связных и последовательных сновидений необходимо особо принимать во внимание то, пожалуй, мало учитывавшееся до сих пор обстоятельство, что с истиной почти всегда дело не ладится, ибо мы, вызывая в памяти приснившийся сон, сами того не замечая и не желая, заполняем и дополняем пробелы в образах сновидения. Редко связное сновидение бывает настолько связным и, возможно, вообще никогда таким не бывает, как это нам кажется в воспоминании. Даже самый правдивый человек едва ли способен рассказать приснившийся сон без каких-либо добавлений и прикрас: стремление человеческого разума видеть все во взаимосвязи настолько велико, что, вспоминая в известной степени бессвязное сновидение, он невольно восполняет недостаток связности».

Чуть ли не переводом этих слов Йессена звучат следующие замечания В. Эггера [Egger, 1895, 41], несомненно, все же сделанные им самим: «…l'observation des rêves a ses difficultés spéciales et le seul moyen d'éviter toute erreur en pareille matière

est de confier au papier sans le moindre retard ce que l'on vient d'éprouver et de remarquer; sinon, l'oubli vient vite ou total ou partiel; l'oubli total est sans gravité; mais l'oubli partiel est perfide; car si l'on se met ensuite à raconter ce que l'on n'a pas oublié, on est exposé à compléter par imagination les fragments incohérents et disjoints fourni par la mémoire...; on devient artiste à son insu, et le récit périodiquement répété s'impose à la créance de son auteur, qui, de bonne foi, le présente comme un fait authentique, dûment établi selon les bonnes methods...»[1]

Такого же мнения придерживается Шпитта (Spitta, 1882, 338), который, по-видимому, предполагает, что уже при попытке воспроизвести сновидение мы привносим порядок в плохо связанные между собой элементы сновидения — «приводим элементы, существующие *рядом друг с другом,* в отношения *последовательности и обусловленности*, то есть добавляем процесс логического соединения, отсутствующий в сновидении».

Поскольку у нас нет никакого другого контроля над правдивостью наших воспоминаний, кроме объективного, а в сновидении, которое является нашим собственным переживанием и для которого мы знаем лишь один источник познания — воспоминания, он невозможен, то какова же тогда ценность нашего воспоминания о сновидении?

---

[1] [...Наблюдение за сновидениями имеет свои особые трудности, и единственный способ избежать ошибок в этой области — записывать содержание сновидения тотчас после пробуждения. В противном случае наступает забвение — либо полное, либо частичное. Полное забвение особой ценности не представляет, а частичное забвение коварно, ибо то, что не было забыто, мы, принимаясь впоследствии рассказывать, дополняем воображением, соединяя привнесенные фрагменты с сохранившимися бессвязными и отрывочными воспоминаниями. Рассказчик, сам того не сознавая, становится артистом. Он искренне верит в правдивость своего не раз повторяемого повествования и преподносит его как подлинный факт, полученный с помощью хорошего метода... (фр.). — *Примечание переводчика.*]

Д
Психологические особенности сновидения

При научном рассмотрении сновидений мы исходим из предположения, что сновидение является результатом нашей собственной психической деятельности. И все-таки готовое сновидение кажется нам чем-то чужим, в авторстве которого нам настолько мало хочется признаваться, что мы так же охотно говорим «Мне приснилось», как и «Я видел сон». Откуда берется эта «психическая чуждость» сновидения? После обсуждения нами источников сновидений мы, видимо, должны полагать, что она не обусловлена материалом, который попадает в содержание сновидения; он большей частью является общим для жизни в сновидении и в бодрствовании. Можно задаться вопросом, не вызывается ли это впечатление изменениями психических процессов в сновидении, и попытаться дать психологическую характеристику сновидения.

Никто так категорически не подчеркивал принципиального различия между жизнью во сне и в бодрствовании и не делал таких далеко идущих выводов, как Г. Т. Фехнер в своей книге «Элементы психофизики» (Fechner, 1889, т. 2, 520–521). Он считает, что «ни простого снижения сознательной душевной жизни», ни отвлечения внимания от влияний внешнего мира не достаточно для того, чтобы объяснить отличия жизни во сне от жизни в бодрствовании. Скорее он полагает, что и *место действия сновидений является совершенно иным, чем место действия представлений, возникающих в бодрствовании.* «Если бы место действия психофизической деятельности во время сна и в бодрствовании было одним и тем же, то сновидение, на мой взгляд, могло бы быть просто продолжением — на более низком уровне интенсивности — представлений, имеющихся в бодрствующей жизни, и должно было бы иметь с ними общее содержание и форму. Но дело обстоит совершенно иначе».

Что понимал Фехнер под таким перемещением психической деятельности, так и осталось неясным; и, насколько мне известно, никто не пошел тем путем, на который он указал своим замечанием. Анатомическое толкование в смысле физиологической локализации в мозгу или даже с точки зрения гистологических слоев коры головного мозга, наверное, исключается. Но, быть может, когда-нибудь его мысль окажется плодотворной,

если отнести ее к психическому аппарату, состоящему из нескольких встроенных одна в другую инстанций[1].

Другие авторы довольствовались тем, что выделяли ту или иную конкретную психологическую особенность сновидения и делали ее исходным пунктом последующих попыток объяснения.

Было справедливо отмечено, что одна из главных особенностей жизни сновидения проявляется уже в состоянии засыпания, и ее можно охарактеризовать как феномен, предваряющий сон. Согласно Шляйермахеру (Schleiermacher, 1862, 351), наиболее характерным для состояния бодрствования является то, что мыслительная деятельность осуществляется в *понятиях*, а не в *образах*. Сновидение же мыслит преимущественно образами, и можно наблюдать, что вместе с приближением ко сну, по мере того как затрудняется произвольная деятельность, возникают *непроизвольные представления*, все без исключения относящиеся к разряду образов. Неспособность к такой мыслительной работе, которую мы воспринимаем как намеренную и произвольную, и постоянно связанное с этим *распылением* появление образов — вот две характеристики сновидения, которые при его психологическом анализе мы должны признать важнейшими особенностями жизни во сне. Относительно образов — гипнагогических галлюцинаций — мы уже знаем [с. 51–52], что даже по содержанию они идентичны образам сновидения[2].

Следовательно, сновидение мыслит преимущественно зрительными образами — но не только. Оно оперирует также слуховыми образами и в меньшей степени впечатлениями, получаемыми от других органов чувств. Многое и в сновидении попросту мыслится или представляется (вероятно, также замещается остатками словесных представлений) точно так же, как в бодрствовании. И все же для сновидения характерны лишь те содержательные элементы, которые ведут себя как образы, то есть которые больше похожи на восприятия, чем на представления памяти. Оставив в стороне все хорошо известные психиатру

---

[1] [Эта идея развивается в разделе В 7-й главы (с. 537 и далее).]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1911 году:]* Г. Зильберер (Silberer, 1909) показал на прекрасных примерах, как в состоянии сна даже абстрактные мысли превращаются в наглядно-пластичные образы, выражающие то же самое. *[Дополнение, сделанное в 1925 году:]* Я вернусь к этим данным в другой связи [Ср. с. 352–353 и 505 и далее].

дискуссии о сущности галлюцинаций, мы вместе со всеми компетентными авторами можем сказать, что сновидение *галлюцинирует*, что оно замещает мысли галлюцинациями. В этом отношении не существует никакого различия между визуальными и акустическими представлениями. Было замечено, что воспоминание о последовательности звуков, под которые человек засыпает, при погружении в сон превращается в галлюцинацию той же мелодии, а при пробуждении, которое может опять сменяться дремотой, вновь уступает место более слабому и качественно иному представлению в памяти.

Превращение представления в галлюцинацию является не единственным отличием сновидения от соответствующих ему мыслей в бодрствовании. Из этих образов сновидение создает ситуацию, оно представляет нечто как существующее в данный момент, оно *драматизирует* мысль, как выражается Шпитта (Spitta, 1882, 145). Однако характеристика этой стороны жизни в сновидении будет полной только тогда, когда мы добавим, что в сновидениях — как правило, а исключения нуждаются в особом объяснении — человек не мыслит, а переживает, то есть полностью верит в галлюцинации. Критические сомнения, что, в сущности, ничего не переживалось, а просто мыслилось в своеобразной форме, то есть снилось, возникают только при пробуждении. Эта особенность отличает настоящее сновидение от дневных грез, которые человек никогда не спутает с реальностью.

Бурдах обобщил вышеупомянутые особенности жизни во сне следующим образом (Burdach, 1838, 502–503): «К важнейшим характеристикам сновидения относятся: а) то, что субъективная деятельность нашей души представляется объективной, поскольку продукты фантазии воспринимаются так, словно они проистекают от органов чувств... б) сон устраняет произвольность. Поэтому сну присуща известная пассивность... Образы сновидения обусловливается уменьшением произвольности».

Речь здесь идет о попытке выяснить причины веры души в галлюцинации сновидения, которые могут проявиться лишь после прекращения произвольной деятельности. Штрюмпель (Strümpell, 1877) утверждает, что душа при этом ведет себя корректно и сообразно своим механизмам. Элементы сновидения — это отнюдь не простые представления, а *истинные* и *реальные переживания души*, подобные тем, что возникают в бодрствовании через посредство органов чувств (ibid., 34). Если в бодрствовании душа мыслит и представляет словесными об-

разами и с помощью речи, то в сновидении она мыслит и представляет реальными образами ощущений (ibid., 35). Кроме того, в сновидении добавляется сознание пространства, поскольку, как в бодрствовании, ощущения и образы переносятся во внешнее пространство (ibid., 36). Следовательно, нужно признать, что в сновидении душа занимает ту же позицию по отношению к своим образам и восприятиям, как и в бодрствовании (ibid., 43). Если при этом она все-таки заблуждается, то это объясняется тем, что в состоянии сна у нее нет критерия, единственно способного различить чувственные восприятия, полученные извне и изнутри. Она не может подвергнуть свои образы проверке, которая может выявить их объективную реальность. *Кроме того*, она пренебрегает различием между *произвольно* заменяемыми образами и другими, где такая произвольность отсутствует. Она заблуждается, потому что не может применить закон каузальности к содержанию своего сновидения (ibid., 50–51). Словом, ее отход от внешнего мира содержит в себе также причину ее веры в субъективный мир сновидений.

К таким же выводам из несколько иных психологических представлений приходит Дельбёф (Delboeuf, 1885, 84). Мы верим в реальность образов сновидений, потому что во сне у нас нет других впечатлений для сравнения, ибо мы оторваны от внешнего мира. Но в истинность наших галлюцинаций мы верим не потому, что во сне мы лишены возможности проводить испытания. Сновидение может мистифицировать перед нами все эти испытания, например, показывать нам, что мы дотрагиваемся до увиденной розы, и при этом она нам всего лишь снится. Согласно Дельбёфу, не имеется надежного критерия того, является ли нечто сновидением или живой действительностью, кроме — и это только в практическом обобщении — факта пробуждения. Я называю иллюзией все, что было пережито между засыпанием и пробуждением, если при пробуждении обнаруживаю, что лежу раздетым в своей постели. Во время сна я считал образы сновидения настоящими по причине неусыпной *привычки мышления* предполагать наличие внешнего мира, противоположностью которого выступает мое «я»[1].

---

[1] Попытку, аналогичную попытке Дельбёфа, объяснить деятельность сновидения через изменение, которое должно быть последствием отклоняющегося от нормы условия в правильном функционировании сохранного психического аппарата, предпринял Хаффнер (Haffner, 1887, 243), но он описывает это условие несколько иными словами. По его мнению, первым признаком сновидения

Если, таким образом, оторванность от внешнего мира является моментом, определяющим наиболее яркие особенности сновидения, то, пожалуй, имеет смысл привести в связи с этим некоторые остроумные замечания Бурдаха, проясняющие отношения спящей души с внешним миром и способные удержать от переоценки вышеупомянутых выводов. «Сон происходит лишь при том условии, — утверждает Бурдах, — что душа не возбуждается чувственными раздражителями... но речь идет не столько о недостатке чувственных раздражений, сколько о недостатке интереса к ним[1]; некоторые чувственные впечатления даже необходимы, поскольку они служат успокоению души. Мельник, например, засыпает только тогда, когда слышит стук жернова, а тот, кто из предосторожности считает

является отсутствие пространства и времени, то есть эмансипация представления от присущего индивиду места в пространственной и временной протяженности. С этим связана вторая характерная черта сновидения — смешение галлюцинаций, продуктов воображения и фантазий с внешними восприятиями. «Поскольку совокупность высших душевных сил, в частности образование понятий, суждений и умозаключений, с одной стороны, и свободное самоопределение — с другой, присоединяются к чувственным образам фантазии и всегда берут их за свою основу, то и эта деятельность имеет отношение к беспорядочности представлений в сновидениях. Мы говорим, что она имеет отношение, ибо сама по себе наша сила суждения, равно как и наша сила воли, во сне нисколько не изменяется. Судя по этой деятельности, мы столь же сообразительны и столь же свободны, как в состоянии бодрствования. Также и в сновидении человек не может нарушать законы мышления, то есть считать идентичным то, что представляется ему противоположным и т. д. Он и в сновидении может желать только того, что он представляет себе как благо (*sub rations boni*). Но при таком использовании законов мышления и воли человеческий дух вводится в заблуждение в сновидении из-за смешения одного представления с другим. В результате этого мы допускаем и совершаем в сновидении величайшие противоречия, хотя, с другой стороны, мы формируем самые проницательные суждения, делаем самые последовательные умозаключения и можем принимать самые добродетельные и благочестивые решения. *Недостаток ориентировки* — вот тайна полета нашей фантазии в сновидении, а *недостаток критической рефлексии*, равно как и взаимопонимания с другими людьми, является главным источником безмерных экстравагантностей наших суждений, а также наших надежд и желаний, проявляющихся в сновидении» [Проблема «проверки реальности» обсуждается ниже, на с. 567–568.]

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Ср. в этой связи работу «Désinterêt», в которой Клапаред (Claparede, 1905) описывает механизм засыпания.

нужным зажечь ночник, не может заснуть в темноте» (Burdach, 1838, 482).

«Душа изолируется во сне от внешнего мира, отходит от периферии... Однако связь не прерывается полностью; если бы человек слышал и чувствовал не во сне, а только после пробуждения, то разбудить его вообще было бы невозможно... Еще убедительнее наличие ощущений доказывается тем, что спящий человек пробуждается иногда ото сна не только из-за чувственной силы впечатления, но и по причине психической связи последнего; безразличное слово не пробуждает спящего, но если его назвать по имени, то он просыпается... Следовательно, душа различает во сне чувственные ощущения… Поэтому человека может разбудить и отсутствие чувственного раздражения, если оно связано с представлением о важной вещи; так, например, кто-то может проснуться при выключении ночника, мельник — от остановки мельницы, то есть от прекращения чувственной деятельности, а это заставляет предположить, что она воспринималась, но, так как эта деятельность безразлична или, скорее даже, приносит удовлетворение, она не тревожит душу» (ibid., 485–486).

Если даже нам захочется закрыть глаза на эти немаловажные возражения, то мы все же должны будем согласиться, что все вышеупомянутые особенности жизни сновидений, проистекающие из ее оторванности от внешнего мира, не способны полностью объяснить ее своеобразие. Ибо в противном случае можно было бы обратно превращать галлюцинации сновидения в представления, а ситуации в сновидении — в мысли и тем самым разрешить проблему толкования сновидений. Именно так мы и поступаем, когда после пробуждения воспроизводим в памяти сновидение, но, каким бы удачным ни был такой обратный перевод, сновидение целиком сохраняет свою загадочность.

Все авторы также, не задумываясь, считают, что с материалом представлений, относящимся к бодрствующей жизни, в сновидении происходят и другие, еще более глубокие изменения. Одно из них пытается выделить Штрюмпель, рассуждая следующим образом (Strümpell, 1877, 27–28): «Вместе с прекращением деятельности органов чувств и обычного осознания жизни душа утрачивает также и почву, в которой коренятся ее чувства, желания, интересы и действия. Даже те духовные состояния, чувства, интересы и оценки, которые в бодрствовании присоединяются к образам памяти, подвергаются… затемнению, из-за чего нарушается их связь с образами; образы вос-

приятия вещей, людей, мест, событий и поступков в бодрствующей жизни по отдельности воспроизводятся в большом количестве, но ни один из них не привносит с собой свою *психическую ценность*. Последняя отделена от них, и поэтому они ищут в душе собственные средства...»

Это лишение образов их психической ценности, которое в свою очередь объясняется отрывом от внешнего мира, является, по мнению Штрюмпеля, главной причиной того впечатления чуждости, с которым в нашем воспоминании сновидение противопоставляется жизни.

Мы слышали [с. 68], что уже засыпание приносит с собой отказ от одной из форм душевной деятельности, а именно от произвольного руководства течением представлений. Напрашивается и без того уже очевидное предположение, что состояние сна может распространяться и за рамки психических функций. Та или иная из этих функций не устраняется полностью; теперь встает вопрос: продолжают ли оставшиеся функции работать без нарушений и могут ли при таких обстоятельствах они вообще нормально работать. Есть точка зрения, согласно которой особенности сновидения можно объяснить снижением психической деятельности в состоянии сна; но такому воззрению противостоит впечатление, производимое сновидением на наше суждение в бодрствовании. Сновидение бессвязно, оно беспрепятственно соединяет самые резкие противоречия, допускает всякие невозможности, устраняет наши знания, влияющие на нас днем, притупляет наши этические и моральные чувства. Если бы кто-нибудь стал вести себя в бодрствовании так, как ведет себя в некоторых ситуациях в сновидении, то того, наверное, мы назвали бы сумасшедшим; кто в бодрствовании стал бы так говорить или рассказывать о таких вещах, как это было в содержании сновидения, тот произвел бы на нас впечатление ненормального или слабоумного человека. Поэтому, на наш взгляд, мы верно определим положение вещей только в таком случае, если психическую деятельность в сновидении будем считать лишь весьма незначительной, а высшую интеллектуальную работу в сновидении — невозможной или, по меньшей мере, серьезно нарушенной.

С необычайным единодушием — об исключениях речь пойдет в другом месте [с. 78 и далее] — авторы высказывали эти суждения о сновидении, которые непосредственно ведут к опре-

деленной теории или к объяснению жизни во сне. Остается дополнить мое только что высказанное резюме подборкой изречений различных авторов — философов и врачей — о психологических особенностях сновидения.

По мнению Лемуана (Lemoine, 1855), *бессвязность* образов является единственно важной характеристикой сновидения.

Маури соглашается с Лемуаном; он говорит (Maury, 1878, 163); «Il n'y a pas de rêves absolument raisonnables et qui ne contiennent quelque incohérence, quelque anachronisme, quelque absurdité»[1].

Гегель, по словам Шпитты, говорил об отсутствии у сновидения какой бы то ни было объективной понятной связности.

Дюга утверждает: «Le rêve, c'est l'anarchie psychique, affective et mentale, c'est le jeu des fonctions livrées à elles-mêmes et s'exerçant sans contrôle et sans but; dans le rêve l'esprit est un automate spirituel»[2].

Об «ослаблении внутренней связи и смешении представлений, связанных в бодрствовании логической силой центрального "я"», говорит даже Фолькельт (Volkelt, 1875, 14), согласно учению которого психическая деятельность во время сна отнюдь не кажется бесцельной.

Абсурдность связей между представлениями, имеющимися в сновидении, едва ли можно подвергнуть более резкой оценке, чем это сделал Цицерон (De divinatione, II [lxxi, 146]): «Nihil tarn praepostere, tarn incondite, tarn monstruose cogitari potest, quod non possimus somniare»[3].

Фехнер говорит (Fechner, 1889, т. 2, 522): «Как будто психическая деятельность из мозга разумного человека переносится в мозг глупца».

---

[1] [Абсолютно рациональных сновидений не существует. Им всегда присущи некоторая бессвязность, абсурдность, анахронизм (фр.). — *Примечание переводчика*.]

[2] [Сновидение — это анархия психическая, эмоциональная и умственная. Это игра функций, предоставленных самим себе, происходящая бесконтрольно и бесцельно. Дух в сновидении — это своего рода одухотворенный автомат (фр.) — *Примечание переводчика*.]

[3] [Нет ничего столь нелепого, столь беспорядочного, столь чудовищного, что не могло бы нам присниться (лат.). — *Примечание переводчика*.]

Радешток (Radestock, 1879, 145): «На самом деле кажется невозможным в этом хаосе выявить четкие законы. Уклоняясь от строгого полицейского надзора со стороны разумной воли, руководящей течением представлений в бодрствовании, и внимания, сновидение, словно в калейдоскопе, смешивает все в своей безумной игре».

Хильдебрандт (Hildebrandt, 1875, 45): «Какие удивительные скачки позволяет себе спящий человек, например, в своих умозаключениях! С какой непринужденностью он ставит буквально на голову самые известные эмпирические положения! С какими нелепыми противоречиями в устройстве природы и общества он может мириться, пока наконец, как говорится, не зайдет чересчур далеко и чрезмерное напряжение, исходящее от бессмыслицы, не вызовет его пробуждения! Иногда мы совершенно спокойно перемножаем: трижды три будет двадцать; нас нисколько не удивляет, что собака рассказывает стихотворение, что покойник сам ложится в гроб, что кусок скалы плывет по морю; мы всерьез принимаем на себя ответственные поручения от герцогства Бернбург или княжества Лихтенштейн наблюдать за военно-морским флотом страны или же поступаем на службу к Карлу XII незадолго до сражения под Полтавой».

Бинц (Binz, 1878, 33) указывает на вытекающую из этих впечатлений теорию сновидений: «Из десяти сновидений по меньшей мере девять абсурдны. Мы соединяем в них людей и вещи, не имеющие между собой абсолютно ничего общего. Уже в следующее мгновение, словно в калейдоскопе, группировка становится иной, быть может, еще более бессмысленной и нелепой, чем была раньше; и, таким образом, изменчивая игра не совсем спящего мозга продолжается, пока мы не пробуждаемся, не щиплем себя за ухо и не задаемся вопросом, действительно ли мы по-прежнему обладаем способностью разумно представлять и мыслить».

Маури (Maury, 1878, 50) находит для описания отношения образов сновидения к мыслям в бодрствовании очень интересное для врача сравнение: «La production de ces images que chez l'homme éveillé fait le plus souvent naître la volonté, correspond, pour l'intelligence, à ce que sont pour la motilité certains mouvements que nous offrent la chorée et les affections

paralytiques...»[1] В остальном сновидение представляется ему «toute une série de dégradations de la faculté pensante et résonante»[2] (ibid., 27).

Едва ли необходимо приводить высказывания авторов, повторяющих тезис Маури относительно отдельных форм высшей психической деятельности.

Согласно Штрюмпелю, в сновидении — разумеется, также и там, где бессмыслица в глаза не бросается — отступают на задний план все логические операции души, основывающиеся на взаимосвязях и отношениях (Strümpell, 1877, 26). По мнению Шпитты (Spitta, 1882, 148), представления в сновидении, по-видимому, абсолютно не подчиняются закону причинности. Радешток (Radestock, 1879 [153–154]) и другие подчеркивают свойственную сновидениям слабость суждения и умозаключения. По мнению Йодля (Jodl, 1896, 123), в сновидении нет критики, нет коррекции перцептивного ряда посредством содержаний сознания. Этот же автор утверждает: «Все формы деятельности сознания присутствуют в сновидении, но в неполном, заторможенном, изолированном виде». Противоречия, в которые включается сновидение вопреки нашим знаниям в бодрствовании, Штрикер (вместе со многими другими) объясняет тем, что в сновидении забываются факты или теряются логические отношения между представлениями (Stricker, 1879, 98), и т. д. и т. п.

Авторы, которые в целом столь неблагоприятно отзываются о психической деятельности в сновидении, тем не менее признают, что некоторый остаток душевной деятельности у сновидения сохраняется. Вундт, теории которого стали очень важными для многих других исследователей проблемы сновидений, признает это безоговорочно. Можно задать вопрос о форме и характере проявляющегося в сновидении остатка нормальной душевной деятельности. Почти все соглашаются с тем, что, по всей видимости, меньше всего в сновидении страдает способность к воспроизведению, память; более того, она обнаруживает

---

[1] [Создание этих образов, которые у бодрствующего человека чаще всего побуждаются силой воли, соответствует для мышления тому, чем для двигательной способности являются некоторые движения, возникающие при хорее и параличе (фр.). — *Примечание переводчика.*]

[2] […последовательной деградацией способности мыслить и рассуждать (фр.). — *Примечание переводчика.*]

даже некоторое превосходство по сравнению с этой же функцией в бодрствовании (ср. выше с. 31 и далее), хотя абсурдность сновидения отчасти объясняется забывчивостью, присущей именно жизни во сне. По мнению Шпитты, эмоциональная жизнь души, настроение, не затрагивается во сне, и затем именно она управляет сновидением. Под «настроением» он понимает «константное объединение чувств в качестве сокровенной субъективной сущности человека» (Spitta, 1882, 84–85).

Шольц (Scholz, 1887, 37) усматривает одну из проявляющихся в сновидении форм душевной деятельности в *«аллегоризирующем преобразовании»*, которому подвергается материал сновидения. Зибек констатирует наличие в сновидении «дополняющей толковательной способности» души (Siebeck, 1877, 11), которая используется ею в отношении всего, что было увидено и воспринято. Особую трудность представляет оценка так называемой высшей психической функции в сновидении, то есть функции сознания. Поскольку о сновидении мы хоть что-либо знаем лишь благодаря сознанию, не может быть никакого сомнения, что во время сна оно сохраняется; тем не менее Шпитта считает (Spitta, 1882 [84–85]), что в сновидении сохраняется только сознание, но не *само*сознание. Дельбёф (Delboeuf, 1885 [19]) признается, что такого различия понять он не может.

Законы ассоциации, по которым соединяются представления, относятся также и к образам сновидения; более того, их господство проявляется в сновидении более четко и ясно. Штрюмпель (Strümpell, 1877, 70): «Сновидение, по-видимому, протекает по законам либо исключительно чистых представлений, либо органических раздражений, вызывающих такие представления, то есть без рефлексии и разума, эстетического вкуса и моральной оценки». [Ср. с. 73–74 и 234–235.] Авторы, взгляды которых я здесь привожу, представляют себе образование сновидений примерно так: сумма чувственных раздражений, действующих во сне и проистекающих из различных источников, рассматривавшихся в другом месте [см. выше раздел B], вызывает в душе прежде всего множество впечатлений, предстающих в виде галлюцинаций (по Вундту [см. с. 61] — в виде иллюзий, поскольку они происходят от внешних и внутренних раздражителей). Эти галлюцинации соединяются друг с другом по известным законам ассоциации и в свою очередь пробуждают, по тем же законам, новый ряд представлений (образов). Весь материал затем перерабатывается, насколько это возможно, благодаря сохранившимся остаткам ду-

шевной способности упорядочения и мышления (см., например, работы Вундта [Wundt, 1874, 658] и Вейгандта [Weygandt, 1893]). Просто до сих пор пока еще не удалось выяснить мотивы, которые позволили бы понять, почему образы, не имеющие причины вовне, возникают по тому или по другому закону ассоциации.

Вместе с тем не раз отмечалось, что ассоциации, соединяющие друг с другом представления в сновидении, имеют совершенно особый характер и отличаются от ассоциаций, действующих в бодрствующем мышлении. Так, например, Фолькельт (Volkelt, 1875, 15) утверждает: «В сновидении представления соединяются друг с другом по случайному сходству и практически неуловимой внутренней связи. Все сновидения пронизаны такими шаткими, непрочными ассоциациями». Маури придает наибольшее значение этой особенности соединения представлений, позволяющей ему показать аналогию жизни во сне с некоторыми психическими расстройствами. Он выделяет две главных особенности «délire»: 1) une action spontanée et comme automatique de l'esprit; 2) une association vicieuse et irrégulière des idées[1] (Maury, 1878, 126). Сам Маури приводит два превосходных примера сновидений, в которых простое созвучие слов способствует соединению представлений. Однажды ему приснилось, что он совершил паломничество (*pelerinage*) в Иерусалим или Мекку, а затем после многих приключений оказался у химика Пеллетье (*Pelletier*), который после разговора дал ему цинковую лопату (*pelle*), и в последующем фрагменте сновидения она превратилась в огромный меч (ibid., 137). В другой раз он шел во сне по тракту и по придорожным столбам отсчитывал *кило*метры; после этого он оказался у бакалейщика, у которого были большие весы. Какой-то человек клал на чашу весов *кило*граммы, отвешивая Маури товар; затем бакалейщик сказал ему: «Вы не в Париже, а на острове *Гилоло*». За этим последовали разные образы: он увидел цветы лобелии, потом генерала *Лопеса*, о смерти которого недавно читал, и, наконец, перед самым пробуждением ему снилось, что он играл в лото (ibid. [126])[2].

---

[1] [«бреда»: 1) спонтанное, словно автоматическое действие духа; 2) извращенная, беспорядочная ассоциация идей (фр.). — *Примечание переводчика*.]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* Позднее [с. 533, прим.] нам станет понятным смысл таких сновидений, в которых содержатся слова с одинаковыми начальными буквами и сходные по звучанию.

Но, пожалуй, мы не можем оставить без внимания то, что такое принижение психической деятельности сновидения не осталось без возражений с другой стороны. Хотя, казалось бы, возражать здесь сложно. Нельзя, впрочем, и придавать большого значения словам одного из авторов, принижающих душевную жизнь в сновидении (Spitta, 1882, 118), утверждающего, что во сне царят те же психологические законы, что и в бодрствовании, или словам другого исследователя (Dugas, [1897*a*]), который пишет: «Le rêve n'est pas déraison, ni même irraison pure»[1]. Тот и другой не делают даже усилий соотнести такую оценку с описанной ими же самими психической анархией и ослаблением всех функций во сне. Но другие, по-видимому, считали возможным, что в безумии сновидения есть все же свой метод, быть может, только притворство, как у принца Датского, к безумию которого относится приведенное здесь проницательное суждение. Эти авторы, видимо, не решились судить по внешнему виду, или тот внешний вид, в котором представало перед ними сновидение, был другим.

Так, например, Хэвлок Эллис [Ellis, 1899, 721] определяет сновидение, не желая останавливаться на его кажущейся абсурдности, как «an archaic world of vast emotions and imperfect thoughts»[2], изучение которого способно помочь нам понять примитивные фазы развития психической жизни.

Дж. Салли (Sully, 1893, 362) отстаивает такую же точку зрения на сновидение[3] в еще более категоричной и более убедительной форме. Его суждения заслуживают тем большего внимания, если мы будем иметь в виду, что он, как, пожалуй, ни один другой психолог, был убежден в скрытой осмысленности сновидения. «Now our dreams are a means of conserving these successive personalities. When asleep we go back to the old ways of looking at things and of feeling about them, to impulses and activities -which long ago dominated us»[4].

---

[1] [Сновидение — это и не схождение с ума и не отсутствие ума в чистом виде (фр.). — *Примечание переводчика.*]

[2] [Архаичный мир безграничных эмоций и несовершенных мыслей (англ.). — *Примечание переводчика.*]

[3] [Этот абзац был добавлен в 1914 году.]

[4] [Наши сновидения являются средством сохранения этих последовательных личностей. Засыпая, мы возвращаемся к старым способам смотреть на вещи и размышлять о них, к импульсам и действиям, которые когда-то давно у нас преобладали (англ.). — *Примечание переводчика.*]

Такой мыслитель, как Дельбёф, утверждает — правда, не приводя доказательств, опровергающих другой материал, и поэтому, в сущности, несправедливо: «Dans le sommeil, hormis la perception, toutes les facultés de l'esprit, intelligence, imagination, mémoire, volonté, moralité, restent intactes dans leur essence; seulement, elles s'appliquent à des objets imaginaires et mobiles. Le songeur est un acteur qui joue à volonté les fous et les sages, les bourreaux, et les victimes, les nains et les géants, les démons, et les anges»[1] (Delboeuf, 1885, 222). Энергичнее всего оспаривает принижение психической деятельности в сновидении маркиз д'Эрве [d'Hervey, 1867], с которым бурно полемизировал Маури и сочинение которого я, несмотря на все усилия, не сумел раздобыть[2]. Маури говорит о нем (Maury, 1878, 19): «M. le Marquis d'Hervey prête à l'intelligence, durant le sommeil, toute sa liberté d'action et d'attention et il ne semble faire consister le sommeil que dans l'occlusion des sens, dans leur fermeture au monde extérieur: en sorte que l'homme qui dort ne se distingue guère selon sa manière de voir, de l'homme qui laisse vaguer sa pensée en se bouchant les sens; toute la différence qui sépare alors la pensée ordinaire du celle du dormeur c'est que, chez celui-ci, l'idée prend une forme visible, objective et ressemble à s'y méprendre, à la sensation déterminée par les objets extérieurs; le souvenir revêt l'apparence du fait présent»[3].

---

[1] [Во сне все свойства психики, кроме восприятия: мышление, воображение, память, воля, мораль — в сущности остаются неприкосновенными, разве что они касаются вымышленных и непостоянных вещей. Сновидец — это актер, который по желанию играет роли сумасшедших и мудрецов, палачей и жертв, карликов и великанов, демонов и ангелов (фр.). — *Примечание переводчика*.]

[2] [Принадлежащий знаменитому синологу труд был опубликован анонимно.]

[3] [Маркиз д'Эрве приписывает мышлению во время сна всю свободу действия и внимания и, очевидно, считает, что сон заключается лишь в выключении чувств и отрешенности от внешнего мира. Следовательно, спящий мало чем отличается от мечтателя, предоставляющего своим мыслям полную свободу, стараясь отключить восприятие. Все отличие обычного мышления от мышления во сне заключается в том, что у сновидца мысль принимает видимую, объективную форму и очень похожа на ощущения, возникшие под влиянием внешних объектов; воспоминание принимает черты реального события (фр.). — *Примечание переводчика*.]

Однако Маури добавляет: «Qu'il y a une différence de plus et capitale à savoir que les facultés intellectuelles de l'homme endormi n'offrent pas l'équilibre qu'elles gardent chez l'homme éveillé»[1].

У Вашида (Vaschide, 1911, 146–147)[2], который наилучшим образом знакомит нас с книгой д'Эрве, мы обнаруживаем, что этот автор о кажущейся бессвязности сновидений высказывается следующим образом[3]: «L'image du rêve est la copie de l'idée. Le principal est l'idée; la vision n'est qu'accessoire. Ceci établi, il faut savoir suivre la marche des idées, il faut savoir analyser le tissu des rêves; l'incohérence devient alors compréhensible, les conceptions les plus fantasques deviennent des faits simples et parfaitement logiques»[4]. И далее: «Les rêves les plus bizarres trouvent même une explication des plus logiques quand on sait les analyser»[5].

Й. Штерке (Stärcke, 1913 [243]) обратил внимание на то, что такой же взгляд на бессвязность сновидений в 1799 году (с. 136) отстаивал один старый автор — Вольф Давидсон, который мне был неизвестен: «Странные скачки наших представлений в сновидении имеют свое объяснение в законе ассоциаций, но только это соединение иногда осуществляется в душе незаметно, и в результате нам часто кажется, будто мы наблюдаем скачок представлений там, где его нет».

Шкала оценки сновидения как психического продукта имеет в литературе большую протяженность; она простирается от глубочайшего пренебрежения, с проявлением которого мы уже

---

[1] [Имеется еще одно существенное отличие: мыслительные способности спящего человека не отличаются тем равновесием, которое характерно для бодрствующего (фр.). — *Примечание переводчика.*]

[2] [Этот и следующий абзацы были добавлены в 1914 году.]

[3] [На самом деле это не дословная цитата Эрве де Сен-Дени, а перифраза Вашида.]

[4] [Образ сновидения является лишь копией идеи. Главное — это идея; видение второстепенно. Установив это, надо уметь следовать за ходом идеи, анализировать ткань сновидения; бессвязность тогда становится понятной, самые фантастические представления становятся простыми и совершенно логичными фактами (фр.). — *Примечание переводчика.*]

[5] [Самые странные сны находят совершенно логическое объяснение, если уметь их анализировать (фр.). — *Примечание переводчика.*]

познакомились, до предчувствия не раскрытой пока еще его ценности и переоценки, ставящей сновидение значительно выше душевной деятельности в бодрствовании. Хильдебрандт, который, как мы знаем [см. выше, с. 29], дает психологическую характеристику жизни во сне в трех антиномиях, в третьем из этих противоречий обобщает конечные пункты этого ряда так (Hildebrandt, 1875, 19–20): «Это находится между *повышением*, *потенцированием*, нередко доходящим до *виртуозности*, и, с другой стороны, значительным *снижением* и *ослаблением* душевной жизни, часто оказывающейся ниже уровня человеческого».

«Что касается первого, то кто не знает по собственному опыту, что в творчестве гения сна проявляются иногда глубина и искренность чувства, тонкость ощущения, ясность мысли, меткость наблюдения, находчивость, остроумие — все, что по скромности нашей мы не признали бы своим достоянием в бодрствующей жизни? Сновидение обладает чудесной поэзией, меткой аллегорией, несравненным юмором, превосходной иронией. Оно видит мир в своеобразном идеализированном свете и усиливает эффект своих проявлений зачастую в самом тонком понимании их сокровенной сущности. Оно представляет нам земную красоту в истинно небесном блеске, возвышенное — в наивысшем величии, страшное — в самых ужасающих образах, смешное — с неописуемым комизмом; и иногда после пробуждения мы настолько исполнены каким-либо из таких впечатлений, что нам кажется, будто реальный мир никогда не давал нам ничего подобного».

Возникает вопрос: действительно ли это один и тот же объект, к которому относятся те пренебрежительные замечания и это воодушевленное восхваление? Неужели одни упустили из виду сновидения абсурдные, а другие — проницательные и проникновенные? Но если бывают и те, и другие сновидения, заслуживающие той и другой оценки, то имеет ли смысл искать психологические характеристики сновидения? Не достаточно ли будет сказать, что в сновидении возможно все — от глубочайшего снижения душевной жизни до ее повышения, необычного для бодрствования? Каким бы удобным ни было такое решение вопроса, ему противостоит предположение, лежащее, по-видимому, в основе стремлений всех этих исследователей сновидений: существует универсальная в своих общих чертах характеристика сновидения, которая должна устранить эти противоречия.

Нельзя отрицать, что психическая деятельность сновидения находила более охотное и теплое признание в тот давно ми-

нувший интеллектуальный период, когда умами владела философия, а не точные естественные науки. Изречения, как, например, Шуберта (Schubert, 1814 [20–21]) о том, что сновидение является освобождением духа от власти внешней природы, избавлением души от оков чувственности, и аналогичные суждения младшего Фихте (Fichte, 1864, т. 1 [143–144])[1] и других, которые в целом описывают сновидение как подъем душевной жизни на более высокую ступень, сегодня нам кажутся едва ли понятными; в настоящее время их повторяют разве что мистики и набожные люди[2]. Проникновение естественнонаучного образа мышления сопровождалось реакцией в оценке сновидения. Именно представители медицины скорее других склонны считать психическую деятельность в сновидении малосущественной и не имеющей ценности, тогда как философы и неискушенные наблюдатели — психологи-любители, мнением которых нельзя пренебрегать именно в этой области, в полном согласии с догадками простых людей, как правило, признавали высокую психическую ценность сновидений. Кто склоняется к низкой оценке психической деятельности во сне, тот, естественно, в этиологии сновидения будет отдавать предпочтение соматическим источникам раздражения; у того, кто считает, что видящая сны душа сохраняет большую часть своих способностей, существующих в бодрствовании, разумеется, не будет никакого мотива не признавать у нее самостоятельных побуждений к сновидению.

Из всех функций, повышение которых при здравом сравнении можно признать за сновидениями, больше всего обращает на себя внимание функция памяти; мы уже подробно обсуждали нередкие проявления, доказывающие это [см. раздел Б]. Другое, часто превозносившееся старыми авторами, преимущество сновидения, а именно, что оно способно не считаться со временем и пространством, легко можно считать иллюзией. Это

---

[1] Ср. работы Хаффнера (Haffner, 1887) и Шпитты (Spitta, 1882 [11–12]).

[2] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Остроумный мистик Дю Прель, один из немногих авторов, перед которыми я бы хотел извиниться за то, что пренебрег ими в предыдущих изданиях этой книги, утверждает, что не бодрствование, а сновидение является воротами к метафизике, поскольку она касается человека (Du Prel, 1885, 59).

преимущество, как отмечает Хильдебрандт (Hildebrandt, 1875 [25]), является преимуществом иллюзорным; сновидение точно так же считается со временем и пространством, как и бодрствующее мышление, и именно потому, что оно само является лишь формой мышления. С точки зрения времени сновидение может обладать неким другим преимуществом, в ином смысле быть независимым от течения времени. Сновидения, подобные приведенному выше на с. 46–47 сновидению Маури о его казни на гильотине, по-видимому, доказывают, что сновидение способно переработать за очень короткий промежуток времени гораздо больше содержаний восприятия, нежели наша психика в состоянии бодрствования. Тем не менее этот вывод оспаривался с использованием различной аргументации; после появления статей Ле Лорена (Le Lorrain, 1894) и Эггера (Egger, 1895) «о мнимой продолжительности сновидений» по этому поводу развернулась интереснейшая дискуссия, которая, пожалуй, пока еще не внесла полной ясности в этом щекотливом и сложном вопросе[1].

То, что сновидение способно взять на себя дневную интеллектуальную работу и довести ее до завершения, не достигнутого днем, то, что оно способно разрешать сомнения и проблемы, а у поэтов и композиторов может стать источником нового вдохновения, судя по многочисленным сообщениям и на основании примеров, собранных Шабане (Chabaneix, 1897), не подлежит никакому сомнению. Но если не сам факт, то все же его трактовка вызывает сомнения, касающиеся принципиальных вещей[2].

Наконец, провозглашаемая пророческая сила сновидения представляет собою объект спора, в котором с трудом преодолимые сомнения сталкиваются с упорно повторяемыми уверениями. Авторы эти избегают — и, пожалуй, обоснованно — отрицать все факты, относящиеся к этой теме, поскольку, возможно, в ближайшее время найдется естественное психологическое объяснение ряда подобных случаев.

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Дальнейшую литературу и критическое обсуждение этих проблем см. в парижской диссертации Тоболовской (Tobowolska, 1900). [См. также с. 498 и далее.]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Ср. критику у X. Эллиса (Ellis, 1911, 268). [См. также ниже с. 567.]

E
Этические чувства в сновидении

По причинам, которые могут стать понятными только после знакомства с результатами моих собственных исследований сновидений, из темы о психологии сновидения я выделил частную проблему — могут ли, и если да, то в какой мере, моральные диспозиции и ощущения в бодрствовании распространяться на жизнь во сне. То же противоречие в воззрениях авторов, на которое мы вынуждены были обратить внимание при описании других форм психической деятельности, касается нас также и здесь. Одни утверждают, что сновидение не имеет ничего общего с нравственными требованиями, столь же категорично, как и другие, которые говорят, что моральная природа человека остается в сновидении неизменной.

Обращение к повседневному опыту, казалось бы, устраняет всякие сомнения в правильности первого утверждения. Йессен пишет (Jessen, 1855, 553): «Человек во сне не становится ни лучше, ни добродетельнее; скорее похоже на то, что совесть молчит в сновидениях, поскольку человек не испытывает никакого сострадания и с полным безразличием и безо всякого последующего раскаяния может совершать тягчайшее преступление — кражу, убийство и ограбление».

Радешток (Radestock, 1879, 146): «Необходимо учитывать, что в сновидении возникновение ассоциаций и соединение представлений происходит без наличия рефлексии и разума, эстетического вкуса и нравственного суждения; в лучшем случае суждение является слабым, и преобладает *этическое безразличие*».

Фолькельт (Volkelt, 1875, 23): «Но особенно безудержно, как известно каждому, это проявляется в сновидениях о половых отношениях. Подобно тому, как сам сновидец абсолютно лишается стыдливости и всякого нравственного чувства и суждения, точно такими же видятся ему все остальные, даже самые уважаемые, люди, совершающие поступки, которые в бодрствовании он не решился бы соотнести с ними даже в мыслях».

Полную противоположность этому составляют суждения Шопенгауэра [Schopenhauer, 1862, т. 1, 245], утверждающего, что каждый человек действует и говорит в сновидении в полном согласии со своим характером. К. Ф. Фишер[1] считает, что

[1] (Fischer, 1850 [72–73]), согласно Шпитте (Spitta, 1882 [188]).

субъективные чувства и устремления или аффекты и страсти проявляются в произвольности сновидений таким образом, что в них отражаются моральные особенности человека.

Хаффнер (Haffner, 1887, 251): «Если не брать в расчет редкие исключения... добродетельный человек останется добродетельным и в сновидении; он будет противостоять искушениям, бороться с ненавистью, завистью, гневом и всеми пороками; греховный же человек и в своих снах, как правило, будет находить образы, которые он имеет перед собой в бодрствовании».

Шольц (Scholz, 1887, 36): «В сновидении содержится истина; несмотря на всю маскировку, в величии или унижении мы всегда узнаем собственное "я"... Честный человек и в сновидении не может совершить бесчестного поступка; если же такое случится, то сам им возмутится как чем-то чуждым его натуре. Римский император, приказавший казнить одного из своих подданных за то, что тому приснилось, будто он отрубил императору голову, был не так уж неправ, когда оправдывался тем, что тот, кто видит подобные сны, должен иметь такие же мысли и в бодрствовании. О том, что не укладывается в нашем уме, мы потому-то и говорим характерным образом: "Мне и во сне это не снилось"».

В противоположность этому Платон полагает, что лучшие люди — это те, кому всего лишь во сне видится то, что другие делают в бодрствовании[1].

Пфафф[2], перефразируя известную поговорку, говорит: «Расскажи мне свои сны, и я скажу, что у тебя в душе».

В небольшом сочинении Хильдебрандта, из которого я уже заимствовал множество цитат, совершеннейшем по форме и богатейшем мыслями вкладе в изучение проблем сновидения, обнаруженном мною в литературе, на передний план как раз выдвигается проблема нравственности в сновидении. Хильдебрандт [Hildebrandt, 1875, 54] тоже устанавливает в качестве правила: чем чище жизнь, тем чище сновидение; чем больше грязи в первом, тем больше грязи и во втором.

---

[1] [Это предложение было добавлено в 1914 году. Ср. также с. 618. Данная ссылка, несомненно, относится к вступительным разделам 9-й книги Платона «Государство».]

[2] Pfaff, 1868 [9] (по: Spitta, 1882, 192).

Нравственная природа человека остается неизменной и в сновидении: «Но если ни одна очевидная арифметическая ошибка, ни одно романтическое отклонение в науке, ни один курьезный анахронизм не ранит нас и даже не кажется нам подозрительным, то различие между добром и злом, между справедливостью и несправедливостью, между добродетелью и пороком никогда не пропадает. Сколько бы из того, что сопровождает нас днем, ни исчезало в часы сна, категорический императив Канта непрерывно следует по пятам за нами, и даже во сне мы не можем от него отрешиться... (Этот факт) можно объяснить только тем, что основа человеческой природы, нравственная сущность, слишком прочна, чтобы участвовать в калейдоскопическом встряхивании, которому фантазия, разум, память и прочие факультеты такого же ранга подвергаются в сновидении» (ibid., 45–46).

В ходе дальнейшего обсуждения предмета у обеих групп авторов обнаруживаются удивительные смещения и непоследовательности. Строго говоря, у всех тех, кто считает, что в сновидении нравственная личность человека распадается, интерес к аморальным сновидениям должен был бы пропасть благодаря такому объяснению. Попытку возложить ответственность на сновидца за его сны, из «скверны» сновидений делать вывод о злых умыслах его натуры, они могли бы отвергнуть с таким же спокойствием, как и внешне равноценную попытку, исходя из абсурдности его сновидений, доказать никчемность его интеллектуальных достижений в бодрствовании. Другие же, для которых «категорический императив» распространяется также на сновидения, должны были бы без всяких ограничений возлагать на себя ответственность за аморальные сновидения; им следовало бы лишь пожелать, чтобы их собственные сновидения предосудительного характера не поколебали их уважение собственной нравственности, которого они придерживаются во всем остальном.

И все же кажется, что никто с уверенностью не знает про себя, насколько он хороший или плохой, и никто не может отрицать наличия у себя воспоминаний об аморальных снах. Ибо, помимо противоречия в оценке моральности сновидений, у авторов, принадлежащих к обеим группам, обнаруживается стремление выяснить происхождение безнравственных сновидений, и возникает новое противоречие, в результате которого их источник пытаются найти либо в функциях психической жизни, либо в соматически обусловленных ее нарушениях. Неопровержимые факты заставляют сторонников идеи об ответственности, равно

как и безответственности, человека за жизнь во сне искать точку соприкосновения и признать наличие особого психического источника аморальности снов.

Все те, кто продолжает настаивать на наличии нравственности в сновидении, тем не менее не желают брать на себя полную ответственность за свои сновидения. Хаффнер утверждает (Haffner, 1887, 250): «Мы не ответственны за сновидения, потому что наше мышление и воля лишены базиса, на котором единственно зиждется правда и действительность нашей жизни... Именно поэтому никакое желание и никакое действие в сновидении не может быть добродетелью или грехом». И все же человек ответственен за греховный сон, поскольку он его косвенно вызывает. У него возникает обязанность нравственно очищать свою душу — как в бодрствовании, так и особенно перед отходом ко сну.

Гораздо более глубокий анализ этого смешения отрицания и признания ответственности за нравственное содержание сновидений проводит Хильдебрандт [Hildebrandt, 1875, 48–49]. Указав, что при обсуждении мнимой безнравственности сновидений необходимо учитывать драматический способ представления снов, уплотнение сложнейших процессов мышления, которые совершаются за самые ничтожные промежутки времени и обесценивание и умаление элементов воображения, признаваемое также и им, он утверждает, что все-таки нельзя попросту отрицать всякую ответственность за грехи и чувство вины в сновидении.

«Когда мы хотим решительно отвергнуть какое-либо несправедливое обвинение, а именно такое, которое относится к нашим помыслам и намерениям, то мы часто используем выражение: “Мне это и во сне не снилось”. Этим мы, однако, высказываем, что, с одной стороны, считаем область сновидения весьма отдаленной, где мы должны были бы отвечать за свои мысли, поскольку там эти мысли имеют с нашей действительной сущностью лишь такую слабую и рыхлую связь, что их едва ли можно рассматривать как наши собственные; но когда мы ощущаем необходимость категорически отрицать наличие этих мыслей и в этой сфере, то тем самым косвенно признаем, что наше оправдание было бы неполным, если бы оно не простиралось дотуда. И я полагаю, что мы, хотя и бессознательно, говорим здесь на языке истины» (ibid., 49).

«Нельзя представить себе ни одного поступка в сновидении, главный мотив которого в виде желания, прихоти, побуж-

дения не прошел бы предварительно через душу бодрствующего человека» (ibid., 51). Об этом первом побуждении нужно сказать: сновидение его не изобретало — оно только скопировало его и заимствовало, оно лишь в драматической форме переработало частицу исторического материала, обнаруженного им у нас; оно воплотило слова апостола: «Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца» [1-е послание Иоанна, III, 15]. И если после пробуждения человек, сознающий свою нравственную силу, может посмеяться над своим порочным сновидением, то едва ли от первоначальной основы его можно отделаться такой же улыбкой. Человек чувствует себя ответственным за промахи, допущенные в том, что приснилось, — если не за все целиком, то все же за некоторый их процент. «То есть, если мы понимаем в этом неопровержимом значении слова Христа: "Из сердца исходят злые помыслы" [Матфей, XV, 19], то тогда едва ли мы можем бороться с убеждением в том, что каждый допущенный в сновидении грех влечет за собой хотя бы минимум чувства вины» (ibid., 52).

Следовательно, в зачатках и наметках дурных побуждений, которые в виде искушающих мыслей постоянно возникают в нашей душе, Хильдебрандт видит источник аморальности сновидений, и, по его мнению, эти аморальные элементы следует учитывать при нравственной оценке личности. Именно эти же мысли и такая же их оценка, как мы знаем, во все времена заставляла благочестивых и набожных людей обвинять себя в том, что они закоренелые грешники[1].

Во всеобщем проявлении этих *контрастирующих* представлений — у большинства людей, причем не только в этической сфере — едва ли существуют какие-либо сомнения. Но их обсуждение порой было не очень серьезным. Шпитта (Spitta, 1882,194) цитирует следующее относящееся к этой теме высказывание Целлера (Zeller, 1818 [120–121]): «Разум редко быва-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Небезынтересно будет узнать, как относилась к нашей проблеме святая инквизиция. В «Tractatus de Officio sanctissimae Inquisitionis» Томаса Кареньи (Carena, 1659) есть следующее место: «Если кто-нибудь высказывает в сновидении еретические мысли, то это должно послужить для инквизиторов поводом изучить его поведение в жизни, ибо во сне обычно возвращается то, чем человек занимался днем» (Dr. Ehniger, S. Urban, Schweiz).

ет организован настолько удачно, чтобы он всегда обладал полной властью и чтобы постоянное ясное течение его мыслей не прерывали не только несущественные, но и полностью искаженные и абсурдные представления; более того, величайшие мыслители жаловались на эту неприятную и раздражающую сумятицу представлений, ибо она нарушает их глубочайшее созерцание и их наисвятейшую и наисерьезнейшую умственную работу».

Более понятным психологическое положение этих контрастных мыслей становится из следующего замечания Хильдебрандта о том, что иногда сновидение дает нам возможность заглянуть в глубины и сокровенные уголки нашей личности, которые в состоянии бодрствования чаще всего остаются для нас закрытыми (Hildebrandt, 1875, 55). Эту же мысль проводит и Кант в своей «Антропологии» [Kant, 1798][1], утверждая, что сновидения, по всей видимости, нужны для того, чтобы раскрывать нам скрытые склонности и демонстрировать нам не то, какие мы есть, а то, кем могли бы стать, будь мы воспитаны по-другому. Радешток (Radestock, 1879, 84) говорит, что сновидение часто открывает нам только то, в чем мы не хотим себе признаваться, и поэтому будет несправедливо называть его обманчивым и лживым. Й. Э. Эрдманн [Erdmann, 1852, 115] утверждает: «Сновидение никогда не открывало мне, что нужно о ком-то думать; но как к нему я отношусь и что я о нем думаю — об этом, к моему великому удивлению, я уже несколько раз узнавал из сновидения». Точно так же считает И. Г. Фихте (Fichte, 1864, т. 1 [539]): «Характер наших сновидений остается гораздо более верным отражением нашего общего настроения по сравнению с тем, что мы узнаем о нем путем самонаблюдения в бодрствовании»[2]. Наше внимание обращают на то, что проявление этих побуждений, чуждых нашему нравственному сознанию, является лишь аналогией с уже известным нам наличием в сновидениях других представлений, которых нет в бодрствовании или которые играют в нем незначительную роль, такими замечаниями, как у Бенини (Benini, 1898, 149): «Certe nostre inclinazioni ehe si credevano suffocate e spente da un pezzo, si ridestano; passioni vecchie e

---

[1] [Очевидно, в данном труде такого не содержится.]

[2] [Два последних предложения были добавлены в 1914 году.]

sepolte rivivono; cose e persone a cui non pensiamo mai, ci vengono dinanzi» [1] и у Фолькельта (Volkelt, 1875, 105): «Представления, которые почти незаметно вошли в бодрствующее сознание и которые, наверное, никогда не будут извлечены из забвения, очень часто сообщают о своем присутствии в душе через сновидения». Наконец, здесь будет уместно напомнить, что, по мнению Шляйермахера, уже засыпание сопровождается появлением *нежелательных* представлений (образов) [см. выше с. 68].

«Нежелательными представлениями» мы можем назвать весь тот материал представлений, появление которого в аморальных, равно и в абсурдных сновидениях вызывает у нас отчуждение. Важное различие состоит только в том, что нежелательные представления в нравственной области позволяют усмотреть их противоречие нашим остальным ощущениям, тогда как другие просто кажутся нам чужеродными. До сих пор еще не было сделано ничего, что бы позволило нам устранить это различие благодаря более глубокому пониманию.

Какое же значение имеет появление нежелательных представлений в сновидении, какие выводы для психологии бодрствующей и грезящей души можно сделать из этого проявления по ночам контрастирующих этических побуждений? Здесь необходимо указать на новые разногласия и на новые различные группировки авторов. Пожалуй, мы не можем продолжить ход мыслей Хильдебрандта и его сторонников иначе, кроме как в том русле, что аморальным побуждениям и в бодрствовании присуща известная сила, которая сдерживается и не может проявиться на деле, и что во сне пропадает то, что, действуя подобно торможению, мешает нам замечать наличие этих побуждений. Таким образом, сновидение демонстрирует настоящую, хотя и не всю целиком, сущность человека и относится к средствам, делающим доступной нашему знанию скрытую часть души. Основываясь только на этом, Хильдебрандт [Hildebrandt, 1875, 56] приписывает сновидению роль *предостережения*, обращающего наше внимание на скрытые нравственные дефекты нашей души подобно тому, как, по признанию врачей, оно может сообщить

---

[1] [«Некоторые наши желания, которые долгое время мы считали подавленными и угасшими, вновь пробуждаются, давно погребенные страсти получают новую жизнь; вещи и люди, о которых мы никогда больше не думали, вспоминаются нам».]

сознанию о незаметных дотоле телесных недугах. Также и Шпитта едва ли может прийти к иной точке зрения, когда указывает на источники возбуждения [Spitta, 1882, 193–194], которые, например, играют важную роль в пубертате, и утешает сновидца: он сделал все, что было в его силах, если в бодрствовании вел добродетельный образ жизни и старался подавлять греховные мысли, как только они возникали, не давая им вызреть и проявиться на деле. В соответствии с этим воззрением мы могли бы назвать *«нежелательными»* те представления, которые были *«подавлены»* в течение дня, и должны были бы рассматривать их проявление как чисто психический феномен.

По мнению других авторов, мы не вправе делать подобные заключения. По мнению Йессена, нежелательные представления в сновидении, равно как в бодрствовании, в лихорадочном состоянии и при других делириях, имеют «характер приведенной к покою волевой деятельности и *до некоторой степени механического* процесса воспроизведения образов и представлений вследствие внутренних побуждений» (Jessen, 1855, 360). Далее, аморальное сновидение говорит о душевной жизни сновидца только то, что он когда-то каким-либо образом получил знание о данном содержании представления, которое совсем не обязательно должно быть его собственным душевным побуждением. При чтении другого автора, Маури, могут зародиться сомнения, не приписывает ли и он тоже сновидению способность разлагать душевную деятельность на ее компоненты, вместо того чтобы непланомерно ее разрушать. О сновидениях, в которых человек переступает границы моральности, он говорит: «Ce sont nos penchants qui parlent et qui nous font agir, sans que la conscience nous retienne, bien que parfoit elle nous avertisse. J'ai mes défauts et mes penchants vicieux; à l'état de veille, je tâche de lutter contre eux, et il m'arrive assez souvent de n'y pas succomber. Mais dans mes songes j'y succombe toujours ou pour mieux dire j'agis, par leur impulsion, sans crainte et sans remords... Evidemment les S visions qui se déroulent devant ma pensée et qui constituent le rêve, me sont suggérées par les incitations, que je ressens et que ma volonté absenté ne cherche pas à refouler» (Maury, 1878, 113)[1].

---

[1] [«Именно наши наклонности заставляют нас говорить и действовать вопреки нашей совести, которая нас не удерживает, хотя и может предупреждать.

Если верить в способность сновидения раскрывать действительно существующее, но подавленное или скрытое моральное предрасположение сновидца, то более четкое выражение этой позиции, чем у Маури (ibid., 165), найти трудно: «En rêve l'homme se révèle donc tout entier à soi-même dans sa nudité et sa misère natives. Dès qu'il suspend l'exercice de sa volonté, il devient le jouet de toutes les passions contre lesquelles, a l'état de veille la conscience, le sentiment d'honneur, la crainte nous défendent»[1]. В другом месте он также находит точные слова (ibid., 462) : «Dans le rêve, c'est surtout l'homme instinctif qui se révèle... L'homme revient pour ainsi dire à l'état de nature quand il rêve; mais moins les idées acquises ont pénétré dans son esprit, plus les penchants en désaccord avec elles conservent encore sur lui d'influence dans le rêve»[2]. Затем в качестве примера Маури рассказывает о том, что в своих снах он нередко представал жертвой как раз того суеверия, с которым яростнее всего боролся в своих сочинениях.

Однако ценность всех этих проницательных замечаний для психологического понимания жизни во сне подрывается у Маури тем, что в столь правильно подмеченном им явлении он видит только доказательство *automatisme psychologique*[3], который, по его мнению, господствует в жизни во сне. Этот автоматизм он понимает как полную противоположность психической деятельности.

У меня есть недостатки и порочные склонности; в бодрствовании я стараюсь с ними бороться, и часто мне удается не уступить им. Но в моих снах я всегда поддаюсь им или, точнее, действую под их влиянием, не испытывая ни страха, ни угрызений совести... Очевидно, образы, возникающие передо мной и составляющие сновидение, подсказываются мне теми побуждениями, которые я чувствую и которые моя отсутствующая воля даже не пытается подавить» (фр.). — *Примечание переводчика.*]

[1] [«Во сне человек проявляет себя во всей своей наготе и природном убожестве. Как только он перестает проявлять свою волю, он становится игрушкой всех тех страстей, от которых в бодрствовании его охраняют совесть, чувство чести и страх» (фр.) — *Примечание переводчика.*]

[2] [«Во сне проявляется инстинктивный человек... Во сне он словно возвращается к своему природному состоянию; но чем менее глубоко в его душу проникли приобретенные идеи, тем большее влияние на него сохраняют во сне наклонности, которые с ними не согласуются» (фр.). — *Примечание переводчика.*]

[3] [Психологический автоматизм (фр.). — *Примечание переводчика.*]

В одном месте «Очерков о сознании» Штрикера (Stricker, 1879 [51]) говорится: «Сновидение состоит не только из иллюзий; если, например, человек во сне боится грабителей, то, хотя эти грабители воображаемые, страх все же реален». Он обращает наше внимание на то, что развитие аффекта в сновидении не допускает оценки, которая достается остальному содержанию сновидения, и перед нами встает вопрос: какой из психических процессов во сне реален? То есть: какой из них может претендовать на включение себя в состав психических процессов бодрствования?»[1]

Ж
Теории сновидения и его функции

Суждение о сновидении, в котором предпринимается попытка с некой точки зрения объяснить как можно больше его особенностей и вместе с тем определить связь сновидения с более широкой областью явлений, можно назвать теорией сновидения. Отдельные теории сновидения различаются тем, что они выдвигают на передний план ту или иную характеристику сновидения и привязывают к ней свои объяснения. Из теории не обязательно можно сделать вывод о некой функции, то есть о пользе или каком-либо ином эффекте сновидения, но наше мышление, привыкшее ориентироваться на телеологию, будет все же предпочитать те теории, в которых рассматриваются функции сновидения.

Мы познакомились уже с несколькими представлениями о сновидении, которые в этом смысле более или менее заслуживают названия теории. Вера древних людей, что сновидение ниспосылается богами, чтобы направлять поступки людей, была настоящей теорией сновидения, которая давала ответы на все относящиеся к нему вопросы. С тех пор как сновидение стало объектом биологического исследования, мы знаем многочисленные теории сновидения, но среди них встречаем также и далеко не совершенные.

Если не претендовать на полноту, то можно дать следую-

---

[1] [Вопрос об аффектах в сновидении обсуждается в разделе 3 6-й главы (с. 463 и далее. Вся тема моральной ответственности за сновидения затрагивается также ниже на с. 618–619.]

щую классификацию теорий сновидения, основанную на представлениях о мере и характере психической деятельности во сне.

1. Теории, как, например, теория Дельбёфа [Delboeuf, 1885, 221–222], допускающие, что в сновидении продолжается вся психическая деятельность, совершавшаяся в бодрствовании. Согласно эти теориям, душа не спит, ее аппарат остается сохранным, но, оказавшись в условиях, отличающихся от состояния бодрствования, при нормальном функционировании она неизбежно будет давать иные результаты, чем в бодрствовании. Здесь возникает вопрос, способны ли эти теории вывести отличия сновидения от мышления в бодрствовании исключительно из условий состояния сна. Кроме того, здесь нет подхода к функции сновидения; непонятно, зачем человек видит сны, почему сложный механизм душевного аппарата продолжает действовать даже тогда, когда он оказывается в условиях, на работу в которых он, по всей видимости, не рассчитан. Единственно целесообразными реакциями остаются сон без сновидений или пробуждение при наличии нарушающих сон раздражителей вместо третьей реакции, реакции в виде видения снов.

2. Теории, в которых, наоборот, говорится о снижении психической деятельности в сновидении, ослаблении связей, оскудении перерабатываемого материала. Согласно этим теориям, сну должна быть дана совершенно иная психологическая характеристика, чем у Дельбёфа. Сон простирается далеко за пределы души, он состоит не только в ограждении души от внешнего мира — скорее, он проникает в ее механизм и на какое-то время делает его непригодным. Если мне будет позволено сделать сравнение с психиатрическим материалом, то я бы сказал, что первые теории конструируют сновидение как паранойю, а упомянутые вторыми представляют его по образцу слабоумия, или аменции.

Теория, утверждающая, что в жизни во сне проявляется лишь фрагмент душевной деятельности, парализованной сном, пользуется наибольшей популярностью среди врачей и в научном мире в целом. Если предполагать наличие более широкого интереса к объяснению сновидений, то ее, пожалуй, можно назвать господствующей теорией сновидения. Следует подчеркнуть то, с какой легкостью эта теория избегает опаснейших подводных камней при объяснении сновидений, а именно — проявляющихся в сновидении противоречий. Поскольку, согласно этой теории, сно-

видение — это результат частичного бодрствования («постепенное, частичное и вместе с тем аномальное бодрствование», — говорит о сновидении Гербарт в своей «Психологии» [Herbart, 1892, 307]), то ряд состояний, начиная от постепенного пробуждения до полного бодрствования, она может сопоставить с другим рядом — от пониженной деятельности сновидения, проявляющейся в абсурдности, до сконцентрированной мыслительной деятельности. [Ср. с. 196.]

Для кого физиологическая точка зрения стала незаменимой или, по крайней мере, кому она кажется наиболее научной, тот найдет изложение этой теории у Бинца (Binz, 1878, 43):

«Однако это состояние (оцепенения) к утру постепенно подходит к концу. Все меньше становится утомляющих веществ, накопившихся в сером веществе мозга, они все больше разлагаются или уносятся беспрерывно циркулирующим потоком крови. Тут и там оживают отдельные группы клеток, тогда как вокруг все пока еще находится в оцепенении. Теперь перед нашим затуманенным сознанием происходит *изолированная работа отдельных групп*, и ей недостает контроля со стороны других, образующих ассоциации частей мозга. Поэтому возникающие образы, которые чаще всего соответствуют материальным впечатлениям недавнего прошлого, следуют один за другим в хаотическом беспорядке. Число освобождающихся мозговых клеток становится все больше, и все меньше — бессмыслица сновидения».

Понимание сновидения как неполного, частичного бодрствования или как следов его влияния, несомненно, можно найти у всех современных физиологов и философов. Наиболее подробно оно изложено у Маури [Maury, 1878, 6–7]. В его исследовании нередко кажется, будто автор представляет себе бодрствование или засыпание связанными с определенными анатомическими центрами, причем определенная анатомическая область и определенная психическая функция для него неразрывно связаны. Но я хотел бы здесь только сказать, что, даже если бы теория частичного бодрствования подтвердилась, говорить о ее более детальной разработке было бы слишком рано.

При таком понимании жизни во сне, разумеется, о функции сновидения не может быть и речи. Пожалуй, о месте и значении сновидения особенно последовательно высказывается Бинц (Binz, 1878, 35): «Все факты, как мы видим, заставляют охарактеризовать сновидение как *телесный*, всегда бесполезный и почти всегда прямо-таки болезненный процесс...»

Выражение «телесный» по отношению к сновидению, обязанное своим происхождением самому автору, указывает, пожалуй, больше чем на одно направление. Оно относится прежде всего к этиологии сновидения, которой Бинц особенно интересовался, когда исследовал экспериментальное вызывание сновидений путем применения ядов. В подобного рода теориях возникновение сновидений объясняется исключительно с соматической точки зрения. В крайней форме это звучит следующим образом: после того как мы, удалив от себя раздражители, погрузились в сон, нет никакой потребности и надобности в видении снов до самого утра, когда постепенное пробуждение из-за вновь возникающих раздражителей может отразиться в феномене сновидения. Между тем оградить сон от раздражителей не удается; подобно тому, как Мефистофель жалуется на зародыши жизни[1], отовсюду к спящему проникают раздражения — извне, изнутри и даже из всех тех частей тела, которые в бодрствовании никогда его не заботили. В результате сон нарушается, душа пробуждается то в том, то в этом уголке и затем некоторое время функционирует благодаря пробудившейся части, будучи рада снова уснуть. Сновидение представляет собой реакцию на вызванное раздражением нарушение сна, впрочем, реакцию совершенно излишнюю.

Называть сновидение, которое все же остается проявлением деятельности душевного органа, телесным процессом, имеет еще и другой смысл: тем самым сновидение лишается *значения* психического процесса. Очень старое в применении к сновидению сравнение с «десятью пальцами совершенно не сведущего в музыке человека, бегающими по клавишам инструмента» [Strümpell, 1877, 84; ср. ниже с. 235], пожалуй, лучше всего иллюстрирует то, какую оценку, как правило, находила деятельность сновидения у представителей точных наук. С этой точки зрения сновидение представляется чем-то совершенно не поддающимся толкованию; ну как могут десять пальцев немузыкального человека создать что-либо музыкальное?

Теория частичного бодрствования уже давно вызывала серьезные возражения. Бурдах считал (Burdach, 1838, 508–509):

---

[1] [В «Фаусте» Гёте, 1-я часть, 3-я сцена. В одном примечании (1930*a*, *Studienausgabe*, т. 9, с. 248, прим. 2) Фрейд цитирует этот стих дословно.]

«Когда говорят, что сновидение — это частичное бодрствование, то этим, во-первых, не объясняется ни бодрствование, ни сон, а во-вторых, утверждается только то, что некоторые силы души действуют в сновидении, тогда как другие бездействуют. Но такое неравенство имеет место на протяжении всей жизни...»

С господствующей теорией сновидения, в которой сон рассматривается как «телесный» процесс, связано весьма интересная и импонирующая точка зрения на сновидение, впервые высказанная в 1886 году Робертом. Здесь за сновидением признается наличие определенной функции — полезного результата. В основу своей теории Роберт кладет два факта наблюдения, на которых мы уже останавливались при оценке материала сновидения (ср. с. 38–39), а именно то, что человеку часто снятся самые малозначительные впечатления дня и очень редко то, что представляло днем большой интерес. Роберт считает абсолютно верным следующее утверждение: возбудителями сновидения никогда не бывают мысли, доведенные до конца, — ими всегда являются только такие мысли, которые лишь созревают в уме или слегка задевают душу (Robert, 1886, 10). «Поэтому в большинстве случаев нельзя объяснить сновидения, ибо причинами его являются *чувственные впечатления прошедшего дня, не доведенные до полного осознания спящим*». [Ibid., 19–20.] Следовательно, условием того, что впечатление проникает в сновидение, является либо то, что была нарушена переработка этого впечатления, либо то, что оно было слишком незначительным и не могло претендовать на такую переработку.

Сновидение представляется Роберту «телесным процессом секреции, который в своих духовных реактивных проявлениях достигает сознания». [Ibid., 9.] *Сновидения — это продукты секреции задушенных в зародыше мыслей.* «Человек, лишенный способности видеть сны, по всей видимости, сошел бы с ума, потому что в его мозгу накопилось бы огромное множество незаконченных, недодуманных мыслей и мимолетных впечатлений, под бременем которых оказалось бы подавленным то, что должно было бы запечатлеться в памяти в виде готового целого». [Ibid., 10.] Сновидение служит перегруженному мозгу своего рода предохранительным вентилем. *Сновидения обладают исцеляющей, снимающей напряжение силой* (ibid., 32).

Было бы неверно задавать Роберту вопрос, каким же образом представление в сновидении может привести к устранению

напряжения. По-видимому, из двух особенностей материала сновидения автор делает вывод, что такое отбрасывание несущественных впечатлений происходит *каким-то образом* в форме соматического процесса и что видение снов является не особым психическим процессом, а всего лишь известием, получаемым нами о том выделении. Впрочем, секреция — это не единственное, что происходит ночью в душе. Роберт сам добавляет, что, кроме этого, перерабатываются побуждения дня, а «тот мыслительный материал, который не удается переварить и выделить, а потому остается лежать в уме, *заимствованными у фантазии мыслительными нитями связывается в завершенное целое* и в виде безвредных образов фантазии включается в память» (ibid., 23).

Вместе с тем Роберт вступает в резкое противоречие с господствующей теорией при обсуждении источников сновидения. Согласно этой теории, человеку вообще ничего бы не снилось, если бы внешние и внутренние раздражения не будили постоянно душу, а по мнению Роберта, стимул к сновидению находится в самой душе, в ее перегрузке, которую требуется устранить. Поэтому Роберт совершенно логично считает, что причины, связанные с физическим самочувствием и обусловливающие возникновение сновидений, играют второстепенную роль и что они не могли бы заставить видеть сны душу, в которой не было бы материала для образования сновидения, заимствованного у бодрствующего сознания. Следует только признать, что на образы фантазии, развивающиеся в сновидении из глубины души, могут влиять нервные раздражители (ibid., 48). Следовательно, по мнению Роберта, сновидение все же не зависит целиком от соматических источников; оно хотя и не является психическим процессом и не имеет места среди психических процессов бодрствования, тем не менее представляет собой повседневный соматический процесс в аппарате душевной деятельности; оно выполняет функцию предохранения этого аппарата от перегрузки или, если применить сравнение, очистки души от мусора[1].

На те же особенности сновидения, проявляющиеся в выборе его материала, опирается другой автор, Делаж, разрабатывая свою собственную теорию. Поучительно проследить, как едва заметное

---

[1] [Теория Роберта обсуждается далее на с. 180, прим., с. 193–194 и на с. 581.]

изменение в понимании одних и тех же вещей привело его к конечному результату, имеющему совершенно иное значение.

Делаж (Delage, 1891 [41]), после того как потерял близкого ему человека, на собственном опыте убедился, что обычно *не* снится то, что постоянно занимало кого-то днем, или же снится только после того, как в течение дня это начинает ослабляться другими интересами. Его последующие наблюдения над другими людьми подтвердили универсальность такого положения вещей. Интересное замечание подобного рода, которое оказалось верным для большинства случаев, делает Делаж о сновидениях молодых супругов: «S'ils ont été fortement épris, presque jamais ils n'ont rêvé l'un de l'autre avant le mariage ou pendant la lune de miel; et s'ils ont rêvé d'amour, c'est pour être infidèles avec quelque personne indifférente ou odieuse»[1]. [Ibid.] Что же все-таки снится человеку? По мнению Делажа, имеющийся в наших сновидениях материал состоит из фрагментов и остатков впечатлений последних дней и прежних времен. Все, что проявляется в наших сновидениях, все, что мы вначале склонны считать творением жизни во сне, при ближайшем рассмотрении оказывается нераспознанным воспроизведением, «souvenir inconscient»[2]. Но этот материал представлений обнаруживает общую черту — он проистекает от впечатлений, которые, по всей вероятности, сильнее затрагивали наши органы чувств, чем наш разум, или от которых внимание вновь отвлеклось вскоре после их появления. Чем менее осознанным и при этом чем более сильным было впечатление, тем больше шансов, что оно будет играть определенную роль в следующем сновидении.

Как и Роберт, Делаж выделяет, по существу, те же две категории впечатлений, малосущественные и незавершенные, но он трактует взаимосвязь иначе, полагая, что эти впечатления способны сниться не потому, что они безразличны, а потому, что они не завершены. Малосущественные впечатления тоже в известной степени не были полностью завершены, и они тоже по своему характеру в качестве новых впечатлений «autant de ressorts

---

[1] [Если они были сильно влюблены друг в друга, то почти никогда не видели во сне друг друга до свадьбы и во время медового месяца; а если им и снились любовные сцены, то их персонажами были люди, им безразличные или неприятные (фр.). — *Примечание переводчика*.]

[2] [Неосознанным воспоминанием (фр.). — *Примечание переводчика*.]

tendus»[1], которые могут разряжаться во сне. По сравнению со слабыми и почти незаметными впечатлениями еще больше шансов сыграть свою роль в сновидении будет у сильного переживания, переработка которого случайно была приостановлена или преднамеренно отодвинута на задний план. Психическая энергия, накопившаяся днем благодаря торможению и подавлению, ночью становится движущей силой сновидения. В сновидении проявляется то, что было подавлено психикой. [Ibid., 43.][2]

К сожалению, ход мыслей Делажа в этом месте обрывается; самостоятельной психической деятельности в сновидении он отводит лишь самую незначительную роль и, таким образом, со своей теорией сновидения непосредственно присоединяется к господствующему учению о частичном сне мозга: «En somme le rêve est le produit de la pensée errante, sans but et sans direction, se fixant successivement sur les souvenirs, qui ont gardé assez d'intensité pour se placer sur sa route et l'arrêter au passage, établissant entre eux un lien tantôt faible el indécis, tantôt plus fort et plus serré, selon que l'activité actuelle du cerveau est plus ou moins abolie par le sommeil»[3]. [Ibid., 46.]

3. В третью группу можно объединить теории сновидения, приписывающие видящей сны душе способность и склонность к особой психической деятельности, которую в бодрствовании она либо вообще осуществлять не может, либо осуществляет

---

[1] [В той же мере касаются напряжений (фр.). — *Примечание переводчика.*]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* Точно так же высказывается писатель Анатоль Франс («Красная лилия»): «Ce que nous voyons la nuit, ce sont les restes malheureux de ce que nous avons négligé dans la veille. Le rêve est souvent la revanche des choses qu'on méprise ou le reproche des êtres abandonnés». [«То, что нам снится ночью, — лишь жалкие остатки того, чем мы пренебрегли накануне. Нередко сновидение является реваншем всего, что нами было отвергнуто, или упреков покинутых нами людей» (фр.). — *Примечание переводчика.*]

[3] [В конечном счете сновидение есть результат мысли, блуждающей без цели и направления, останавливающейся последовательно на воспоминаниях, которые сохранили достаточно интенсивности для того, чтобы появляться на ее пути и ее останавливать. Связь между этими воспоминаниями может быть то слабой и неопределенной, то более сильной и четкой, в зависимости от того, насколько в данный момент сон подавил деятельность мозга (фр.). — *Примечание переводчика.*]

весьма далеким от совершенства образом. Из реализации этих способностей возникает в основном полезная функция сновидения. Суждения о сновидении, которые выносили в прошлом психологи, относятся большей частью к этой группе. Но вместо перечисления их я хотел бы довольствоваться высказыванием Бурдаха, согласно которому сновидение представляет собой «естественную деятельность души, которая не ограничена властью индивидуальности, не нарушена самосознанием, не обусловлена самоопределением, а выступает как предающаяся свободной игре жизненность чувствительных центров» (Burdach, 1838, 512).

Это самозабвенное и свободное использование собственных сил Бурдах и другие, очевидно, представляют себе как состояние, в котором душа освежается и собирает новые силы для дневной работы, то есть чем-то вроде каникул. Бурдах [ibid., 514] цитирует и, следовательно, принимает также любезные слова, которыми писатель Новалис восхваляет царство снов: «Сновидение является защитой от будничности и монотонности жизни, свободным отдыхом стесненной фантазии, когда она смешивает все образы жизни и радостной детской игрой прерывает вечную серьезность взрослого человека. Без сновидений мы бы, наверное, раньше состарились, и поэтому сновидение, пусть оно даже и не ниспослано непосредственно свыше, можно все же считать драгоценным даром, дружелюбным спутником на пути к могиле»[1].

Еще убедительнее освежающую и целительную деятельность сновидения изображает Пуркинье (Purkinje, 1846, 456): «Прежде всего эти функции выполняют продуктивные сновидения. Речь идет о легкой игре воображения, никак не связанной с событиями дня. Душа не желает продолжать жить напряжением бодрствующей жизни, а хочет прекратить ее, от нее отдохнуть. Она создает состояния, противоположные состояниям в бодрствовании. Она исцеляет печаль радостью, заботы — надеждами и светлыми, заставляющими забыться образами, ненависть — любовью и дружескими чувствами, страх — мужеством и уверенностью; сомнения она разгоняет убежденностью и твердой верой, напрасные ожидания — их исполнением. Многие раны души, которые сохранялись открытыми в течение целого дня, исцеляет сон, укрывая их и предохраняя от новых волнений. На этом отчасти основывается исцеляющее боль воздействие

[1] [«Генрих фон Офтердинген» (1802), 1-я часть, 1-я глава.]

времени». Мы все ощущаем, что сон — это благодеяние для жизни души, и смутное предчувствие в массовом сознании, очевидно, не намерено отказаться от предрассудка, что сновидение есть один из путей, по которым сон ниспосылает свои благодеяния.

Наиболее оригинальную и значительную попытку объяснить сновидение на основании особой деятельности души, способной свободно проявиться лишь в состоянии сна, предпринял в 1861 году Шернер. Книга Шернера, написанная тяжелым и высокопарным стилем, в которой чувствуется чуть ли не пьянящее воодушевление автора темой, которое должно действовать отталкивающе, если не сумеет увлечь читателя, создает для анализа такие большие трудности, что мы с готовностью обратимся к более ясному и краткому изложению, в котором философ Фолькельт представляет нам учение Шернера. «Пожалуй, из мистических нагромождений, из всего этого великолепия и блеска мысли проглядывает и просвечивает полная догадок видимость смысла, но из-за этого путь философа не становится ясным». Такую оценку представления Шернера находят даже у его единомышленника. [Volkelt, 1875, 29.]

Шернер не принадлежит к числу авторов, которые допускают, что душа переносит все свои способности в сновидения. Он рассуждает о том [по Фолькельту, ibid., 30], каким образом в сновидении ослабляется центральность, спонтанная энергия «я», как вследствие этой децентрализации изменяются познание, чувствование, желание и представление, и почему остатки этих душевных сил имеют не истинно духовный характер, а лишь свойства механизма. Но зато полного размаха в сновидении достигает деятельность души, которую можно назвать *фантазией*, избавленная от всякого господства разума и потому свободная от строгой воздержанности. Вынимая последние камни из памяти бодрствования, душа создает из них новые структуры, полностью отличающиеся от образований, возникающих в бодрствовании; она проявляет себя в сновидении не только репродуктивно, но и *продуктивно*. [Ibid., 31.] Ее особенности придают жизни во сне ее особые свойства. Она демонстрирует предпочтение несоразмерного, преувеличенного, огромного. Но вместе с тем благодаря освобождению от сдерживающих категорий мышления она приобретает большую гибкость, расторопность и изворотливость; она крайне чувствительна ко всем малейшим изменениям настроения, к подстрекательским аффек-

там, она тотчас переводит внутреннюю жизнь во внешнюю пластическую наглядность. Фантазия в сновидении *лишена понятийного языка*; то, что она хочет сказать, ей нужно наглядно изобразить, а так как понятие не оказывает здесь ослабляющего воздействия, она живописует с невероятной быстротой, энергией и силой. Из-за этого ее язык, каким бы ясным он ни был, становится многословным, тяжеловесным, неуклюжим. Особенно же ясность ее языка затрудняется из-за того, что она не расположена выражать объект через его истинный образ и предпочитает избирать *чуждый образ*, поскольку он способен выразить собой лишь тот момент объекта, в воспроизведении которого есть надобность. В этом состоит *символизирующая деятельность* фантазии... [Ibid., 32.] Далее, очень важно, что фантазия в сновидении изображает предметы не исчерпывающе, а лишь в их очертаниях, причем самым вольным путем. Поэтому ее художество кажется плодом гениального вдохновения. Однако фантазия не останавливается на простом изображении предмета — она испытывает внутреннюю необходимость в той или иной степени соединить с ним «я» сновидца и таким образом создать действие. Например, сновидение, вызванное зрительным раздражением, рисует золотые монеты на улице; сновидец их собирает, радуется, уносит с собой. [Ibid., 33.]

Материал, с помощью которого фантазия осуществляет свою художественную деятельность, по мнению Шернера, состоит в основном из почти незаметных днем органических телесных раздражений (ср. с. 53 и далее), так что в гипотезе об источниках и возбудителях сновидения чересчур фантастическая теория Шернера и, пожалуй, чересчур рассудительное учение Вундта и других физиологов, которые в остальном ведут себя по отношению друг к другу как антиподы, здесь полностью совпадают. Но если, согласно физиологической теории, душевная реакция на внутренние телесные раздражители исчерпывается оживлением каких-либо соответствующих им представлений, которые затем посредством ассоциации призывают к себе на помощь некоторые другие представления, и на этой стадии осуществление психических процессов сновидения, по-видимому, заканчивается, то, по мнению Шернера, телесные раздражители дают душе лишь материал, который она может использовать в своих фантастических целях. Образование сновидения, согласно Шернеру, начинается только там, где оно скрывается от взгляда других людей.

Однако едва ли можно считать целесообразным то, что фантазия в сновидении делает с телесными раздражениями. Она ведет с ними поддразнивающую игру, изображая органический источник, из которого проистекают в данном сновидении раздражения, в той или иной пластичной символике. Более того, Шернер считает, в чем Фолькельт [Volkelt, 1875, 37] и другие авторы с ним не согласны, что у фантазии в сновидении имеется определенный излюбленный символ для отображения организма в целом; этот символ — *дом*. К счастью, однако, в своих изображениях она, по всей видимости, не привязана к этому материалу; напротив, она может использовать целый ряд домов, чтобы изобразить отдельный орган, например, очень длинную улицу — для отображения раздражения, идущего от кишечника. В других случаях отдельные части дома действительно могут символизировать отдельные части тела, как, например, в сновидении, вызванном головной болью, потолок комнаты (который представляется сновидцу усеянным отвратительными, похожими на жаб пауками) — голову. [Ibid., 33–34.]

Помимо символики дома для изображения частей тела, посылающих раздражители, используются самые разные предметы. «Так, например, дышащие легкие символизируются гудящей печью, в которой бушует пламя, сердце — пустыми ящиками и коробками, мочевой пузырь — круглыми, по форме похожими на мешок или вообще просто имеющими полость предметами. В сновидении, вызванном возбуждением полового органа, мужчине может сниться, что он находит на улице верхнюю часть кларнета, рядом с ней курительную трубку и шубу. Кларнет и курительная трубка по своей форме напоминают мужской член, шуба символизирует волосы на лобке. В аналогичном сновидении женщины узкая область между сжатыми бедрами изображается тесным, окруженным домами двором, а влагалище — ведущей через середину двора скользкой и влажной, очень узкой тропинкой, по которой сновидица должна пройти, чтобы отнести письмо некоему господину». (Volkelt, ibid., 34.) «Особенно важно то, что в конце такого вызванного телесными раздражителями сновидения фантазия, так сказать, демаскируется, открыто изображая возбуждающий орган или его функцию. Так, например, сновидение, вызванное раздражениями, идущими от зубов, обычно завершается тем, что сновидец вынимает у себя изо рта зуб». [Ibid., 35.]

Однако фантазия в сновидении может обратить свое внимание не только на форму органа, вызывающего возбуждение, —

с таким же успехом в качестве объекта символизации она может выбрать и вещество, которое в нем содержится. Так, например, в сновидении, вызванном раздражением кишечника, человеку снится, что он идет по грязным улицам, при раздражении мочевого пузыря — пенящаяся вода. Либо символически изображаются раздражитель как таковой, возбуждение, которое он вызывает, объект желаний, или же «я» сновидца вступает в конкретную связь с символизациями собственного состояния, когда, например, при болезненных раздражениях мы отчаянно сражаемся с кусающейся собакой или свирепым быком, или когда в сексуальном сне сновидицу преследует обнаженный мужчина. [Ibid., 35–36]. Из всего возможного богатства конструкций символизирующая деятельность фантазии остается главной движущей силой любого сновидения. [Ibid., 36.] Глубже проникнуть в сущность этой фантазии и показать место этой именно так понимаемой психической деятельности в системе философских идей попытался Фолькельт в своей прекрасно и по-доброму написанной книге, которая, однако, остается слишком сложной для каждого, кто в ходе предшествующей учебы не был подготовлен к полному догадок пониманию философских систем.

По мнению Шернера, с деятельностью фантазии, осуществляющей символизацию в сновидении, не связана ни одна полезная функция. Душа во сне играет предоставленными ей раздражениями. Можно было бы предположить, что она играет просто так. Но можно было бы также задаться вопросом, может ли наше детальное рассмотрение теории сновидения Шернера, произвольность которой и нежелание стеснять себя какими бы то ни было правилами исследования слишком очевидны, привести к чему-то полезному. Здесь было бы уместно наложить вето на отвержение учения Шернера по причине того, что оно недоступно проверке, как слишком высокомерное. Это учение опирается на впечатления, полученные от своих сновидений человеком, который уделял им много внимания и который по своему характеру был, видимо, склонен исследовать непонятные вещи в душе. Далее, в ней речь идет о предмете, который тысячелетиями казался людям загадочным, но вместе с тем богатым содержанием и многосторонним и в прояснение которого строгая наука, как она сама признается, не внесла особого вклада, за исключением того, что пыталась в противоположность распространенным мнениям оспаривать наличие у данного объекта содержания и значения. Наконец, честно скажем себе, что и мы, по всей

видимости, при попытках объяснить сновидение едва ли сумеем избежать фантазирования. Существуют даже ганглиозные клетки, отвечающие за фантазирование; приведенная на с. 96 цитата такого рассудительного и точного исследователя, как Бинц, где говорится, как Аврора пробуждения проносится по скоплениям спящих клеток коры головного мозга, не уступает по фантастичности и неправдоподобию попыткам толкования Шернера. Я надеюсь далее показать, что за ними стоит нечто реальное, но оно описано слишком расплывчато и не имеет характера универсальности, на который может претендовать теория сновидения. Пока же теория сновидения Шернера в ее противопоставлении медицинским теориям может нам показать, в какие крайности до сих пор впадают исследователи при объяснении жизни во сне[1].

3
Отношения между сновидением и душевными болезнями

Говоря об отношении сновидения к душевным расстройствам, можно иметь в виду три вещи: 1) этиологическое и клиническое отношение, когда, например, сновидение отображает психотическое состояние, 2) изменения, которым подвергается жизнь в сновидении в случае душевной болезни, 3) внутренняя связь между сновидением и психозами — аналогии, указывающие на их принципиальное сходство. Эти разнообразные отношения между двумя рядами феноменов в прежние времена — да и в настоящее время снова — являлись излюбленной темой авторов-медиков, как это показывает литература по данному предмету, собранная Шпиттой [Spitta, 1882, 196–197 и 319–320], Раденштоком [Radestock, 1879, 217], Маури [Maury, 1878, 124–125] и Тисье [Tissié, 1898, 77–78]. Недавно свое внимание на эти взаимосвязи обратил Санте де Санктис[2]. В интересах нашего изложения будет достаточно лишь просто коснуться этого важного вопроса.

---

[1] [Кроме того, теории Шернера обсуждаются на с. 238–240 и 354.]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* В дальнейшем эти отношения обсуждали такие авторы, как Фере [1887], Иделер [1862], Ласеж [1881], Пишон [1896], Реги [1894], Веспа [1897], Гисслер [1888 и др.], Казовски [1901], Пачантони [1909] и др.

По поводу клинических и этиологических отношений между сновидением и психозами я хочу привести следующие примеры. Хонбаум [Hohnbaum, 1830, 124] сообщает (по Краусу [Krauß, 1858, 619]), что первой вспышке безумия часто предшествовало тревожное, кошмарное сновидение и что преобладающая идея была связана с этим сном. Санте де Санктис приводит аналогичные наблюдения над параноиками и считает сновидение для некоторых из них «vraie cause déterminante de la folie»[1]. Психоз может разразиться вслед за сновидением, содержавшим бредовую идею, или медленно развиваться благодаря последующим сновидениям, которым приходится пока еще бороться с сомнениями. В одном из случаев, описанном де Санктисом, за взбудоражившим сновидением последовали легкие истерические приступы, а затем возникло тревожно-меланхолическое состояние. Фере [Féré, 1886] (по Тисье [Tissié, 1898, 78]) сообщает об одном сновидении, следствием которого явился истерический паралич. Здесь сновидение предстает пред нами как причина душевного расстройства, хотя точно так же мы вправе сказать, что первые признаки душевного расстройства проявились в жизни во сне, что оно впервые прорвалось в сновидении. В других примерах сновидение содержит болезненные симптомы, или же психоз ограничивается жизнью во сне. Так, например, Томайер [Thomayer, 1897] обращает внимание на *страшные сны*, которые следует понимать как эквиваленты эпилептических приступов. Аллисон [Allison, 1868] (по Радештоку [Radestock, 1879, 225]) описал ночное умопомешательство (*nocturnal insanity*), при котором днем люди внешне совершенно здоровы, тогда как ночью у них регулярно возникают галлюцинации, приступы бешенства и т. п. Аналогичные наблюдения имеются у де Санктиса [de Sanctis, 1899, 226] (эквивалент паранойи в сновидении алкоголика — голоса, обвинявшие супругу в неверности) и у Тисье. Тисье [Tissié, 1898, 147 и далее] приводит огромное множество наблюдений, сделанных в недавнее время, в которых поступки патологического характера (совершенные на основе бредовых идей, навязчивые импульсы) вытекают из сновидений. Гислен [Guislain, 1833] описывает случай, в котором сон сменялся перемежающимся помешательством.

---

[1] [«Настоящей определяющей причиной безумия» (фр.). — *Примечание переводчика*.]

Нет сомнений в том, что когда-нибудь наряду с психологией сновидения врачи будут заниматься также психопатологией сновидения.

Особенно часто в случаях выздоровления от душевной болезни можно выявить, что при здоровом функционировании днем жизнь во сне продолжает носить характер психоза. Грегори (по Краусу — Krauß, 1859 [270]), по-видимому, первым обратил внимание на это явление. Макарио [Macario, 1847] (по Тисье [Tissié, 1898, 89]) рассказывает об одном маньяке, который через неделю после своего полного выздоровления снова испытал в сновидениях скачку идей и бурные импульсы своей болезни.

Что касается изменений, которые претерпевает жизнь во сне при длительном психозе, то здесь пока еще было проведено слишком мало исследований[1]. И наоборот, внутреннее сходство между сновидением и душевным расстройством, проявляющееся в значительном совпадении обоих явлений, уже давно привлекало к себе внимание. Согласно Маури [Maury, 1853, 124], первым на это указал Кабанис в своих «Rapports du physique et du moral» (Cabanis, 1802), после него это отмечали Лелю [Lélut, 1852], Моро (Moreau, 1855) и особенно философ Мэн де Биран [de Biran, 1834, 111 etc.]. Но, несомненно, это сравнение является более давним. Радешток (Radestock, 1879 [217]) в главе, в которой он его обсуждает, приводит целую подборку высказываний, доказывающих аналогию между сновидением и сумасшествием. Кант говорит в одном месте [Kant, 1764]: «Сумасшедший — это человек, грезящий наяву». Краус (Krauß, 1859 [270]): «Безумие есть сновидение в бодрствовании». Шопенгауэр [Schopenhauer, 1862, т. I, 246] называет сновидение кратковременным сумасшествием, а сумасшествие — длительным сновидением. Хаген [Hagen, 1846, 812] характеризует делирий как сновидение, но вызванное не сном, а болезнями. Вундт в «Физиологической психологии» [Wundt, 1874, 662] говорит: «Фактически в сновидении мы сами можем пережить почти все явления, с которыми мы встречаемся в домах для умалишенных».

Отдельные соответствия, на основе которых проводится такое сопоставление, Шпитта (Spitta, 1882 [199]) (впрочем, во многом по аналогии с Маури — Maury, 1853) перечисляет следующим

---

[1] [Позднее Фрейд сам провел такое исследование (1922*b*; *Studienausgabe*, т. 7, с. 224–226).]

образом: «1) Исчезновение или ретардация самосознания, вследствие чего отсутствие знания о состоянии как таковом, то есть неспособность удивляться, недостаток морального сознания; 2) измененное восприятие органами чувств, а именно — сниженное во сне и в целом существенно повышенное при умопомрачении; 3) соединение представлений между собою исключительно по законам ассоциации и репродукции, то есть автоматическое образование рядов и, следовательно, непропорциональность отношений между представлениями (преувеличения, фантазмы) и вытекающее из всего этого: 4) изменение, или деградация личности и иногда особенностей характера (перверсии)».

Радешток добавляет также сюда аналогии в материале (Radestock, 1879 [219]): «Большинство галлюцинаций и иллюзий встречаются в сфере слуха, зрения и общего чувства. Меньше всего элементов, как и в сновидении, предоставляют обоняние и вкус. У больного горячкой в бреду, как и у спящего, возникают воспоминания о далеком прошлом; то, что бодрствующему и здоровому человеку кажется давно позабытым, вспоминается спящему и больному». Аналогия сновидения и психоза приобретает свое полное значение благодаря тому, что она, словно семейное сходство, простирается до тонкой мимики и особенностей выражения лица.

«Человеку, страдающему физическими и душевными недугами, сновидение дает то, в чем ему отказывала действительность: счастье и благополучие; точно так же и душевнобольному рисуются светлые картины счастья, величия, богатства и превосходства. Мнимое обладание благами и воображаемое исполнение желаний, отклонение или уничтожение которых как раз и заложили психическую основу безумия, зачастую составляют главное содержание делирия. Женщина, потерявшая дорогого ей ребенка, бредит материнскими радостями, разорившийся человек считает себя необычайно богатым, обманутая девушка ощущает себя нежно любимой».

(В этом месте Радешток вкратце излагает проницательные рассуждения Гризингера (Griesinger, 1861, 106), в которых со всей ясностью раскрывается общая для сновидения и психоза особенность представления — *исполнение желания*. Мои собственные исследования показали мне, что именно здесь следует искать ключ к психологической теории сновидения и психозов.)

«Причудливые соединения мыслей и слабость суждения и есть то, что прежде всего характеризует сновидение и безумие».

Переоценка [продолжает Радешток] собственной душевной деятельности, кажущейся бессмысленной трезвому разуму, происходит и там, и здесь; *быстрому течению представлений* в сновидении соответствует *скачка идей* при психозе. У обоих отсутствует всякая *мера времени. Расщепление личности* в сновидении, распределяющее, например, собственное знание на две персоны, из которых чужое «я» корректирует во сне собственное «я», совершенно тождественно известному раздвоению личности при галлюцинаторной паранойе. Сновидец также слышит собственные мысли, произносимые посторонними голосами. Даже для константных бредовых идей имеется аналогия в стереотипно повторяющихся патологических сновидениях (rêve obsédant). После выхода из делирия больные нередко говорят, что на протяжении всего времени болезнь казалась им не таким уж неприятным сном; более того, они даже рассказывают, что во время болезни им казалось, будто это всего лишь сон, подобно тому, как это часто случается в сновидениях.

После всего этого не следует удивляться, когда Радешток обобщает свое представление и представления других авторов в таких словах: «Безумие, ненормальное болезненное явление, надо рассматривать как усиление периодически повторяющихся нормальных состояний во сне» (ibid., 228).

Пожалуй, еще более глубоко, чем при помощи такой аналогии между проявляющимися вовне феноменами, Краус (Krauß, 1859 [270–271]) пытался обосновать сходство сновидения и сумасшествия с точки зрения этиологии (вернее, с точки зрения источников возбуждения). Как мы уже знаем [см. с. 56–57], единым для них элементом, по его мнению, является *органически обусловленное ощущение*, то есть ощущение от телесного раздражителя, общее чувство, возникающее под воздействием всех без исключения органов (ср. Peisse [1857, т. 2, 21], по Maury, 1878, 52).

Бесспорное, вплоть до малейших характерных особенностей, совпадение сновидения и душевного расстройства относится к наиболее прочным опорам медицинской теории сновидения, в которой сновидение изображается как бесполезный процесс и выражение сниженной психической деятельности. Тем не менее нельзя ожидать окончательного прояснения проблемы сновидений от изучения душевных расстройств — всем хорошо известно, в каком неудовлетворительном состоянии находятся наши

знания о последних. Однако вполне вероятно, что изменение представлений о сновидении повлияет и на наши взгляды на внутренний механизм душевных расстройств, и поэтому мы вправе сказать, что, стараясь разрешить загадку сновидения, мы работаем и над прояснением проблемы психозов[1].

ДОПОЛНЕНИЕ, СДЕЛАННОЕ В 1909 ГОДУ

Я должен объяснить, почему я не продолжил рассмотрения литературы по проблемам сновидения, которая появилась в период между первым и вторым изданием этой книги. Возможно, читателю мое оправдание покажется неудовлетворительным; тем не менее я руководствовался именно им. Мотивы, побудившие меня к рассмотрению проблемы сновидения в литературе, полностью были изложены в предшествовавшем предисловии; продолжение этой работы стоило бы мне огромных трудов и принесло бы очень мало полезного или поучительного. Ибо промежуток в девять лет, о котором здесь идет речь, не принес ничего нового и ценного ни с точки зрения фактического материала, ни с точки зрения новых подходов к пониманию сновидения. Моя работа осталась без внимания и не упоминается в большинстве появившихся с тех пор публикаций; самое незначительное признание она, разумеется, нашла у так называемых «исследователей сновидения», которые тем самым дали блестящий пример присущего человеку науки нежелания учиться чему-то новому. «Les savants ne sont pas curieux»[2], — насмешливо утверждает Анатоль Франс. Если в науке существует право на реванш, то и я тогда со своей стороны имею полное право пренебрегать литературой, появившейся после издания этой книги. Немногочисленные статьи, опубликованные в научных журналах, настолько полны невежества и непонимания, что я не могу ответить критикам ничем другим, кроме как пожелать еще раз прочесть эту книгу. Возможно, это пожелание должно звучать так: прочесть ее вообще.

---

[1] [Обсуждение отношения между сновидением и психозом можно найти в 29-й лекции «Нового цикла лекций по введению в психоанализ» (Freud, 1933, *Studienausgabe,* Bd. I, S. 458—459).]

[2] [Ученые нелюбопытны (фр.). — *Примечание переводчика*.]

В работах тех врачей, которые решились применять психоаналитический метод лечения, опубликовано множество сновидений, истолкованных согласно моим указаниям. Поскольку эти работы выходят за рамки подтверждения моих положений, я включил полученные ими результаты в контекст моих рассуждений. Второй список литературы в конце книги содержит наиболее важные публикации, появившиеся после первого издания «Толкования сновидений»[1]. Объемная книга Санте де Санктиса, посвященная сновидениям (Sante de Sanctis, 1899), которая вскоре после выхода в свет была переведена на немецкий язык, по времени своего появления совпала с моим «Толкованием сновидений», а потому я мог ее использовать столь же мало, сколько итальянский автор — мой труд. К сожалению, я был вынужден затем констатировать, что его прилежная работа очень бедна идеями, бедна настолько, что я не смог найти никакой возможности соотнести ее с обсуждавшимися мною проблемами.

Я должен упомянуть только две публикации, которые близко подходят к моему пониманию проблем сновидения. Молодой философ Г. Свобода, предпринявший попытку распространить сделанное В. Флиссом [Fließ, 1906][2] открытие биологической периодичности (с циклом в двадцать три и двадцать восемь дней) на психические явления, в своем полном фантазии сочинении постарался этим ключом, помимо прочего, разрешить и загадку сновидения. При этом значение сновидений свелось у него к немногому: их содержательный материал объясняется совпадением всех тех воспоминаний, которые как раз в эту ночь завершают в первый или в энный раз один из биологических периодов. Личное сообщение автора заставило меня вначале предположить, что он сам не собирается всерьез отстаивать эту теорию. Но, по-видимому, в этом выводе я заблуждался[3]; в другом месте [см. с. 182 и далее] я приведу несколько наблюдений, касающихся положений Свободы, которые, однако, на мой взгляд, не принесли убедительного результата. Гораздо более отрадным

---

[1] [См. «Предисловие издателей», с. 7 и 8.]

[2] [Изложение теорий Флисса, а также его отношений со Свободой можно найти в разделе IV предисловия Эрнста Криса к письмам Фрейда Флиссу (Freud, 1950).]

[3] [Два последних предложения датированы 1909 годом; последняя часть предложения была добавлена в 1911 году.]

для меня явилось то, что в одном неожиданном месте я обнаружил точку зрения на сновидение, по своей сути полностью совпадающей с моей собственной. Временные отношения исключают возможность того, что на это суждение повлияло прочтение моей книги; поэтому я должен приветствовать в ней единственное в литературе бесспорное совпадение идей независимого мыслителя с сущностью моей теории сновидений.

Книга, в которой имеются места, обратившие на себя мое внимание, была опубликована в 1900 году (второе издание) [1-е издание — 1899 год] под названием «Фантазии реалиста» Линкеуса[1].

ДОПОЛНЕНИЕ, СДЕЛАННОЕ В 1914 ГОДУ

Предыдущее разъяснение было написано в 1909 году. С тех пор, однако, положение вещей изменилось; мой вклад в «толкование сновидений» в литературе больше не замалчивается. Но уже сама новая ситуация делает для меня продолжение предшествовавшего сообщения невозможным. Толкование сновидений выдвинуло целый ряд новых положений и проблем, которые обсуждались авторами совершенно по-разному. Но я не могу изложить эти работы прежде, чем представлю свои собственные воззрения, на которые ссылаются авторы. Поэтому то, что показалось мне ценным в этой современной литературе, я изложил в контексте своих последующих рассуждений.

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1930 году:]* Ср. «Йозеф Поппер-Линкеус и теория сновидения» (1923*f*). [Фрейд написал еще и вторую статью на эту тему (1932*c*). Пассаж, вскользь затронутый в этом тексте, полностью приводится ниже, на с. 317, прим. 2 .]

II
МЕТОД ТОЛКОВАНИЯ СНОВИДЕНИЙ

Пример анализа сновидения

Заглавие, которое я дал своему трактату, позволяет увидеть, к какой традиции в понимании сновидений я хотел бы присоединиться. Я поставил перед собой задачу показать, что сновидения доступны толкованию, и все, что было сделано для прояснения обсуждаемых здесь проблем сновидения, является для меня лишь возможным побочным приобретением при выполнении моей собственной задачи. Предполагая, что сновидение доступно толкованию, я тут же вступаю в противоречие с господствующей теорией сновидений, да и вообще со всеми теориями сновидений, за исключением учения Шернера [см. выше с. 103 и далее], ибо «истолковать сновидение» — значит раскрыть его «смысл», заменить его чем-то, что в качестве полновесного и равноценного звена включается в цепь наших душевных действий. Но, как нам уже известно, в научных теориях сновидения не остается места для проблемы толкования сновидений, ибо сновидение является в них не душевным актом, а всего лишь соматическим процессом, который дает о себе знать посредством сигналов в психическом аппарате. Иначе во все времена обстояло дело с мнением обычных людей. Они пользуются своим полным правом вести себя непоследовательно и, хотя и признают, что сновидение непонятно и абсурдно, все же не могут отважиться отрицать, что оно имеет какое-либо значение. Движимые смутным предчувствием, они все же, по-видимому, предполагают, что сновидение имеет некий смысл, быть может, скрытый; оно предназначено заменить другой мыслительный процесс, и речь здесь идет только о том, чтобы правильно раскрыть эту замену и добраться до скрытого значения сновидения.

Поэтому обычные люди с давних пор пытались «толковать» сновидения и пользовались при этом двумя, в сущности, разными методами. В первом из этих методов содержание сновидения рассматривается как нечто целое и предпринимается попытка заменить его другим, понятным и в некоторых отношениях аналогичным содержанием. Это — *символическое* толкование сновидений; разумеется, оно с самого начала терпит неудачу с теми сновидениями, которые оказываются не просто непонятными,

а запутанными. Примером этого метода служит толкование, которое библейский Иосиф дал сновидению фараона. Семь тучных коров, после которых появились семь тощих, пожравших первых, — это символическое замещение предсказания о семи голодных годах в Египте, которые поглотят весь тот избыток, что был создан в сытые годы. Большинство искусственных сновидений, придуманных поэтами, предназначены для такого символического истолкования, ибо они передают мысли поэта в замаскированном виде, приспособленном к известным по опыту особенностям наших снов[1]. Мнение, будто сновидение занимается главным образом будущим, которое оно заранее может предвидеть — остаток приписывавшегося когда-то снам пророческого значения, — становится затем мотивом перемещения смысла сновидения, найденного с помощью символического толкования, в будущее.

Насчет того, как найти путь к этому символическому толкованию, разумеется, нельзя дать никаких определенных указаний. Успех зависит от остроумия, проницательности и непосредственной интуиции, а потому толкование сновидения посредством символики можно возвести в ранг искусства, связанного, очевидно, с особым талантом[2]. От таких притязаний держится вдалеке другой из популярных методов толкования сновидений. Его можно было бы назвать «методом расшифровки», поскольку он обращается со сновидением как со своеобразной тайнописью, в которой каждый знак при помощи составленного заранее ключа переводится в другой знак, значение которого известно. Напри-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* В новелле «Градива» писателя В. Йенсена я случайно обнаружил несколько созданных совершенно корректно искусственных сновидений, которые можно толковать, словно они были не придуманы автором, а приснились реальным людям. На запрос с моей стороны писатель подтвердил, что моя теория была ему незнакома. Я воспользовался этим совпадением между моим исследованием и творчеством писателя в качестве доказательства правильности моего анализа сновидений. («Бред и сновидения в "Градиве" В. Йенсена», Freud, 1907*b*.)

[2] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Аристотель [«De divinatione fer somnum», II] считал, что наилучшим толкователем снов является тот, кто лучше всех улавливает сходство; ибо образы сновидения, подобно образам, отраженным в воде, искажены движением, и лучше всего их угадывает тот, кто может распознать в искаженном образе истинный (Büschenschütz, 1868, 65).

мер, мне приснилось письмо, но затем похороны и т. д.; я заглядываю в «сонник» и обнаруживаю, что «письмо» означает «неприятность», «похороны» — «помолвку» и т. д. Теперь мне остается только из этих расшифрованных ключевых слов создать взаимосвязь, которую я опять-таки отношу к будущему. Интересная разновидность этого метода расшифровки, благодаря которой в известной степени корректируется его механичность, описывается в сочинении о толковании сновидений Артемидора из Далдиса[1]. Здесь в расчет принимается не только содержание сновидения, но также личность и жизненные условия сновидца,

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Артемидор из Далтиса, родившийся, вероятно, в начале второго века по нашему летосчислению, оставил нам самую полную и тщательную во всем греческо-римском мире разработку толкования сновидений. Он, как отмечает Т. Гомперц (Gomperz, 1866 [7–8]), стремился толковать сновидения на основе наблюдения и опыта и строго отделял свое искусство от других. обманчивых методов. Согласно Гомперцу, принцип его искусства толкования, принцип ассоциаций, идентичен с магией. Элемент сновидения означает то, о чем он напоминает. Разумеется, то, о чем он напоминает толкователю сновидения! Неустранимый источник произвола и ненадежности связан с тем обстоятельством, что элемент сновидения может напоминать толкователю об одних вещах, а остальным людям — о чем-то другом. Техника, излагаемая мною в дальнейшем, отличается от античной в одном важном пункте — работа по толкованию возлагается от самого сновидца. В ней в расчет принимается то, что приходит в голову по поводу данного элемента не толкователю сновидения, а сновидцу. Согласно недавним сообщениям миссионера Тфинкджи (Tfinkdji, 1913 [516–517, 523]), современные восточные толкователи сновидений также придают большое значение содействию сновидца. Авторитетный человек рассказывает о толкователях сновидений у месопотамских арабов: «Pour interpréter exactement un songe, les oniromanciens les plus habiles s'informent de ceux qui les consultent de toutes les circonstances qu'ils regardent nécessaires pour la bonne explication... En un mot, nos oniromanciens ne laissent aucune circonstance leur échapper et ne donnent l'interprétation désirée avant d'avoir parfaitement saisi et reçu toutes les interrogations désirables». [«Чтобы правильно объяснить смысл сновидения, наиболее умелые толкователи считают необходимым основательно расспросить того, кто к ним обращается, о всех деталях, необходимых для хорошего объяснения. Словом, наши толкователи не оставляют ни одно обстоятельство без внимания и отказываются давать объяснение, пока не получат ответ все свои вопросы» (фр.). — *Примечание переводчика.*] При этом всегда задаются вопросы, которые позволяют получить точные сведения о ближайших родственниках (о родителях, жене, детях), а также типичная формула: «Habuistine in hac nocte copulam conjugalem ante vel post somnium?» [«Была ли у тебя до или после сна половая связь с женой?»] —

а потому один и тот же элемент сновидения имеет иное значение для богача, женатого и оратора, нежели для бедного, холостяка и торговца. Существенным моментом в этом методе является то, что работа по толкованию направлена не на сновидение в целом, а на каждую часть его содержания в отдельности, словно сновидение — это конгломерат, в котором каждый кусочек породы требует специального определения. Несомненно, что поводом к созданию этого метода расшифровки послужили бессвязные и запутанные сновидения[1].

Для научного рассмотрения темы непригодность обоих популярных методов толкования сновидения не подлежит никакому сомнению. Символический метод в своем применении ограничен и не может претендовать на универсальность. В методе расшифровки все сводится к тому, чтобы «ключ», сонник, был надежен, а для этого нет никаких гарантий. Невольно возникает

«L'idée dominante dans l'interprétation des songes consiste à expliquer le rêve par son opposé» [«Главная идея в толковании сновидения состоит в том, чтобы заменить содержание сна на его противоположность» (фр.). — *Примечание переводчика.*]

[1] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* Доктор Альфред Робитзек обращает мое внимание на то, что в восточных сонниках, по сравнению с которыми наши представляют собой жалкие подобия, толкование элементов сновидения осуществляется в основном по созвучию и сходству слов. При переводе на наш язык эти связи неизбежно теряются, и именно отсюда проистекает непонятность толкований в наших популярных «сонниках». Об этом необычайном значении игры слов в древних восточных культурах можно сделать вывод из работ [известного археолога] Хуго Винклера. *[Дополнение, сделанное в 1911 году:]* Наиболее красивый пример толкования сновидений, дошедший до нас из древности, основывается на игре слов. Артемидор рассказывает [4-я книга, 24-я глава]: «Но мне кажется, что и Аристандр дал очень удачное истолкование Александру Македонскому, когда тот осаждал Тир и, раздосадованный упорным сопротивлением города, увидел во сне сатира, пляшущего на его щите; случайно Аристандр находился вблизи Тира в свите царя, победившего сирийцев. Разложив слово «сатир» [Σάτύρος] на Σά и τυρός, он содействовал тому, что полководец повел осаду энергичнее и взял город. (Σάτύρος = Тир твой.) Впрочем, сновидение настолько тесно связано с его словесным выражением, что Ференци [Ferenczi, 1910] справедливо замечает, что каждый язык имеет свой собственный язык сновидений. Как правило, сновидение нельзя перевести на другие языки и, как я думал, книгу, подобную этой, тоже. *[Дополнение, сделанное в 1930 году:]* Тем не менее доктору А. А. Бриллу в Нью-Йорке, а затем и другим после него удалось создать переводы «Толкования сновидений».

искушение согласиться с философами и психиатрами и вместе с ними отказаться от решения проблемы толкования сновидений как от надуманной задачи[1].

Но только меня опыт научил кое-чему получше. Мне довелось убедиться, что здесь снова перед нами один из тех нередких случаев, когда древняя, упорно сохраняющаяся народная вера ближе подошла к истине вещей, чем суждения современной науки. Я считаю своим долгом утверждать, что сновидение действительно имеет значение и что научный метод толкования снов возможен. К знанию об этом методе я пришел следующим путем.

С некоторых пор я в терапевтических целях занимаюсь изучением некоторых психопатологических образований, истерических фобий, навязчивых представлений и т. п.; и с тех же пор из важного сообщения Йозефа Брейера мне известно, что в случае этих образований, воспринимаемых как симптомы болезни, их раскрытие и устранение совпадают[2]. Если такое патологическое представление удается свести к отдельным элементам, из которых оно сформировалось в душевной жизни больного, то в результате оно распадается, а больной от него избавляется. Из-за бессилия других наших терапевтических устремлений и ввиду загадочности таких состояний, мне казалось заманчивым, несмотря на все трудности, пройти по пути, проложенному Брейером, до полного прояснения. Каким образом сложилась в конце концов техника этого метода и каковы были результаты этих стараний — об этом я сделаю подробное сообщение в другой раз. В ходе этих психоаналитических занятий я натолкнулся на толкование сновидений. Пациенты, которых я обязывал сообщать мне все мысли и чувства, возникавшие у них в связи с определенной темой, рассказывали мне свои сновидения и тем самым демонстрировали, что сновидение может быть встроено в психологическую цепочку, которую можно проследить в обратном направлении от некой патологической идеи до более глубоких

---

[1] После завершения моей рукописи мне попалось сочинение Штумпфа (Stumpf, 1899), которое совпадает с моей работой в намерении доказать, что сновидение не бессмысленно и доступно толкованию. Толкование, однако, осуществляется у него посредством аллегоризирующей символики без ручательства за универсальность метода.

[2] Breuer, Freud (1895).

воспоминаний. Теперь напрашивалась мысль трактовать само сновидение как симптом и применять к нему метод толкования, разработанный для последнего.

Для этого необходима известная психическая подготовка больного. От него требуются две вещи: усиление внимания к своим психическим восприятиям и выключение критики, с которой он обычно просеивает появляющиеся мысли. В целях самонаблюдения при сконцентрированном внимании для него полезно занять удобное положение и закрыть глаза[1]; необходимо категорически потребовать от него отказаться от критики воспринятых мыслительных образований. То есть ему говорят, что успех психоанализа зависит от того, насколько он будет способен замечать все то, что приходит ему на ум, и об этом рассказывать и не поддастся соблазну утаивать мысли — одну как несущественную или не относящуюся к теме, другую — потому что она покажется ему бессмысленной. К своим мыслям он должен относиться совершенно беспристрастно; ведь все дело будет именно в этой критике, если ему не удастся найти желанного разъяснения сновидения, навязчивой идеи и т. п.

Занимаясь психоаналитической работой, я обратил внимание на то, что психическое состояние размышляющего человека совершенно иное, чем психическое состояние человека, который наблюдает за своими психическими процессами. При размышлении психическая активность гораздо выше, чем при самом внимательном наблюдении, о чем свидетельствуют также напряженное выражение лица и морщины на лбу человека, погруженного в раздумья, в отличие от спокойствия на лице человека, занятого самонаблюдением. В обоих случаях необходима концентрация внимания[2], но размышляющий человек помимо этого занимается критикой, из-за которой отбрасывает часть возникающих у него мыслей, после того как они были восприняты, или обрывает другие, а потому не следует теми путями мыслей, которые они бы открыли. В отношении же других мыслей он ведет себя таким образом, что они вообще не осознаются, то есть подавляются еще до того, как были восприняты. И наоборот, человек, занимающийся самонаблюдением, старается

[1] [Спустя некоторое время закрыванию глаз (остаток старого гипнотического метода лечения) Фрейд уже никакого значения не придавал.]

[2] [Функция внимания обсуждается ниже (с. 593–594).]

лишь подавить критику; если это ему удается, то в его сознание попадает множество мыслей, которые в противном случае остались бы непостижимыми. С помощью полученного путем самонаблюдения материала можно осуществить толкование патологических идей, а также образов сновидения. Как мы видим, речь здесь идет о создании психического состояния, которое имеет определенную аналогию с состоянием перед засыпанием (и, несомненно, также с гипнотическим состоянием) с точки зрения распределения психической энергии (активного внимания). При засыпании из-за ослабления произвольной (и, разумеется, также критической) активности, влияющей на течение наших представлений, возникают «нежелательные представления». В качестве причины такого ослабления мы обычно называем «усталость»; возникающие нежелательные представления превращаются в зрительные и слуховые образы. (Ср. замечания Шляйермахера и др. на с. 68–69 [а также с. 91–92].)[1] В состоянии, которое используется для анализа сновидений и патологических идей, от этой активности отказываются намеренно и произвольно, а сэкономленную психическую энергию (или часть ее) используют для внимательного слежения за возникающими нежелательными мыслями, сохраняющими свой характер представлений (в этом и состоит отличие от состояния при засыпании). *Тем самым «нежелательные» представления делаются «желательными».*

Требуемая здесь установка[2] на внешне «свободное течение» мыслей с отказом от обычной критики, по всей видимости, многим людям дается нелегко. Как правило, «нежелательные» мысли вызывают сильнейшее сопротивление, мешающее им проявиться. Но если верить нашему великому поэту и философу Ф.Шиллеру, то точно такая же установка должна составлять предпосылку и для поэтического творчества. В одном месте своей переписки с Кёрнером, указанием на которое мы обязаны Отто Ранку, Шиллер отвечает на жалобу друга на его недостаточную продуктивность:

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1919 году:]* Благодаря непосредственному наблюдению за таким превращением представлений в зрительные образы Г. Зильберер внес важный вклад в решение проблемы толкования сновидений. (Silberer, 1909, 1910, 1912.) [См. ниже с. 353–354, а также с. 451 и далее.]

[2] [Этот абзац был добавлен в 1909 году и изменен в соответствии с последующим изложением.]

«Причина твоих жалоб, как мне кажется, заключается в давлении, оказываемом твоим разумом на воображение. Я должен здесь высказать одну мысль и проиллюстрировать ее сравнением. Мне кажется неправильным и вредным для творческой работы души, когда разум, словно стоя на страже, слишком критически разглядывает стекающиеся идеи. Идея, если рассматривать ее изолированно, может быть совсем незначительной и весьма авантюрной, но, возможно, благодаря другой идее, пришедшей вслед за ней, становится важной; быть может, в некой взаимосвязи с другими идеями, которые могут показаться такими же пошлыми, она может предстать очень важным звеном. Всего этого не может оценить рассудок, если он не сохраняет идею до тех пор, пока не рассмотрит ее во взаимосвязи с другими идеями. И наоборот, у творческих умов, как мне кажется, разум снимает с ворот свою стражу, идеи врываются в беспорядке, и лишь затем он осматривает и оценивает их огромное скопище. Вы, господа критики, или как вы себя называете, стыдитесь или боитесь сиюминутного преходящего сумасбродства, которое встречается у всех настоящих творцов, а большая или меньшая продолжительность которого отличает мыслящего художника от мечтателя. Отсюда и ваши жалобы на отсутствие плодотворности, потому что вы слишком рано отбрасываете мысли и слишком строго их отбираете». (Письмо от 1 декабря 1788 года.)

И все же «такое снятие стражи с ворот разума», как это называет Шиллер, подобное погружение в состояние самонаблюдения без критики отнюдь не является чем-то сложным. Большинство моих пациентов делают это после первого указания; да и я сам вполне могу это сделать, если при этом помогаю себе, записывая свои мысли. Сумма психической энергии, которой таким образом лишается критическая деятельность и с помощью которой можно повысить интенсивность самонаблюдения, значительно колеблется в зависимости от темы, на которой должно фиксироваться внимание.

Первым шагом при применении этого метода является то, что объектом внимания следует делать не сновидение в целом, а лишь отдельные фрагменты его содержания. Если я спрошу неопытного пациента: «Какие мысли приходят к вам по поводу этого сновидения?», то, скорее всего, он ничего не сумеет уловить в своем умственном поле зрения. Я должен предъявлять ему сновидение по частям, и тогда по поводу каждой части он приводит ряд мыслей, которые можно назвать «задними мыслями» данного фрагмента сновидения. Следовательно, уже по этому первому важному

условию мой метод толкования сновидений отличается от популярного, исторического и легендарного метода толкования посредством символики и приближается ко второму методу, методу «расшифровки». Он, как и последний, представляет собой толкование *en detail*, а не *en masse*; в нем, как и в последнем, сновидение с самого начала понимается как нечто скомпонованное из разных частей, как конгломерат психических образований. [Ср. с. 423–424 и с. 451–452.][1]

В ходе моей психоаналитической работы с невротиками мне довелось истолковать, пожалуй, уже больше тысячи сновидений, но этот материал мне бы не хотелось использовать здесь для ознакомления с техникой и теорией толкования сновидений. Не говоря уже о том, что мне могли бы возразить, что это сновидения невропатов, которые не позволяют сделать вывод о сновидениях здоровых людей, к отказу от них меня вынуждает и другая причина. Темой, на которую нацелены эти сновидения, разумеется, всегда является история болезни, лежащая в основе невроза. Поэтому для каждого сновидения понадобилось бы пространное предварительное сообщение и ознакомление с сущностью и этиологическими условиями психоневрозов. Эти вещи сами по себе являются новыми и неосвоенными, а потому они бы отвлекли внимание от проблемы сновидения. Мое же намерение, скорее, заключается в том, чтобы через толкование сновидений подойти к разрешению более сложных проблем психологии неврозов[2]. Но если я отказываюсь от сновидений невротиков, от основного своего материала, то я не вправе быть слишком привередливым в отношении остального. Остаются еще только те сновидения, которые иногда мне рассказывали мои знакомые — здоровые люди — или которые я находил в качестве примеров в литературе о сновидениях. К сожалению, во всех этих сновидениях мне недостает анализа, без которого я не могу най-

---

[1] [Техника толкования сновидений обсуждается также ниже (с. 524 и далее).]

[2] [В начале раздела Д в 7-й главе Фрейд говорит о трудностях, возникших при изложении им этой темы из-за представленной еще в предисловии к первому изданию программы (с. 14). Как отмечается на с. 164, а также на с. 168 (прим.), он не раз пытался оставить без внимания эту программу. Вопреки заявленному противоположному намерению Фрейд использует многие сновидения своих пациентов и неоднократно (например, на с. 167 и далее) начинает обсуждать механизм возникновения невротических симптомов.]

ти их смысл. Ведь мой метод не так удобен, как популярный метод расшифровки, который переводит данное содержание сновидения в соответствии с установленным ключом; скорее, я склоняюсь к тому, что одно и то же содержание сновидения у разных людей и в разном контексте может скрывать разный смысл. Поэтому я отношусь к своим собственным сновидениям как к богатому и удобному материалу, который происходит от нормального в целом человека и относится к разнообразным моментам повседневной жизни. Разумеется, можно усомниться в надежности такого «самоанализа». Произвол при этом отнюдь не исключен. Но, на мой взгляд, ситуация при самонаблюдении более благоприятна, чем при наблюдении за другими; во всяком случае, можно попытаться установить, насколько в толковании сновидений помогает самоанализ. Другие трудности мне пришлось преодолевать внутри себя самого. Каждый человек испытывает понятную боязнь раскрывать интимные стороны своей душевной жизни, рискуя при этом встретить непонимание со стороны окружающих. Но эту боязнь необходимо отбросить. «Tout psychologiste, — пишет Дельбёф [Delboeuf, 1885], — est obligé de faire l'aveu même de ses faiblesses s'il croit par là jeter du jour sur quelque problème obscure...» [1]. И у читателя, позволю себе предположить, первоначальный интерес к интимным деталям, которые мне придется разглашать, очень скоро уступит место исключительно полному углублению в освещаемую ими психологическую проблему[2].

Итак, я приведу одно из моих собственных сновидений и на его примере попытаюсь разъяснить свой метод толкования. Каждое такое сновидение нуждается в предварительном сообщении. Я должен, однако, попросить читателя на все это время превратить мои интересы в свои собственные и вместе со мной погрузиться в мельчайшие подробности моей жизни, ибо без такого переноса понять скрытое значение снов невозможно.

---

[1] [«Каждый психолог должен уметь признаваться в своих слабостях, если собирается пролить свет на некоторые неясные проблемы» (фр.). — *Примечание переводчика.*]

[2] Тем не менее, вопреки вышесказанному, я должен признаться, что почти никогда не приводил полного истолкования мною собственных сновидений. Думаю, что я вправе не раскрываться полностью перед читателем.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

Летом 1895 года с помощью психоанализа я лечил одну молодую даму, которая находилась в близких дружеских отношениях со мной и моей семьей. Вполне понятно, что такое смешение отношений может стать источником разнообразных сложностей для врача, особенно для психотерапевта. Личная заинтересованность врача больше, его авторитет меньше. Неудача угрожает подорвать старую дружбу с родственниками больного. Лечение закончилось частичным успехом, пациентка избавилась от истерического страха, но не от всех своих соматических симптомов. В то время я еще не был полностью уверен в критериях, свидетельствующих об окончательном избавлении от истерии, и предложил пациентке решение, которое показалось ей неприемлемым. Из-за такого расхождения во мнениях мы на лето прекратили лечение. Однажды меня посетил мой молодой коллега, один из ближайших моих друзей, который недавно побывал в гостях у моей пациентки — Ирмы — и ее семьи. Я спросил его, как он ее нашел, и услышал в ответ: ей лучше, но пока еще не совсем хорошо. Я помню, что эти слова моего друга Отто или, вернее, тон, которым они были сказаны, меня рассердил. Мне показалось, что в этих словах прозвучал упрек — нечто вроде того, будто я обещал пациентке слишком много, и объяснил себе — обоснованно или нет — кажущуюся предвзятость Отто по отношению ко мне влиянием родных пациентки, которым, как я считал, никогда не нравилось мое лечение. Впрочем, неприятное ощущение было у меня еле заметным, и я никак его не проявил. В тот же вечер я описал историю болезни Ирмы, чтобы в свое оправдание передать ее доктору М., нашему общему другу, который в то время пользовался большим авторитетом в нашем кругу. Этой же ночью (пожалуй, скорее к утру) мне приснилось следующее сновидение, которое я записал сразу, как только проснулся[1].

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Это первое сновидение, которое я подверг детальному истолкованию. [См. также выше с. 9.]

СНОВИДЕНИЕ (23/24 ИЮЛЯ 1895 ГОДА)

Большой зал — много гостей, которых мы принимаем. Среди них Ирма, которую я тотчас отвожу в сторону, словно хочу ответить на ее письмо, упрекнуть ее в том, что она до сих пор еще не приняла «решения». Я говорю ей: «Если у тебя по-прежнему боли, то только по твоей вине». Она отвечает: «Если б ты знал, какие у меня боли в горле, в желудке и в теле, меня буквально сжимает». Я пугаюсь и смотрю на нее. Она выглядит бледной и отечной; мне приходит в голову мысль, что я проглядел какое-то органическое заболевание. Я подвожу ее к окну и осматриваю ей горло. При этом она слегка противится, как все женщины, которые носят вставную челюсть. Я думаю, что ей-то этого не нужно. Рот открывается, и я вижу справа большое белое[1] пятно, а чуть дальше — непонятные сморщенные образования, напоминающие носовую раковину, удлиненные серо-белые струпья. Я тотчас подзываю доктора М., который повторяет осмотр и подтверждает мое мнение... Доктор М. выглядит совсем не так, как обычно; он очень бледен, хромает и почему-то без бороды... Мой друг Отто тоже стоит теперь рядом с ней, а друг Леопольд производит перкуссию ее легких и говорит: «У нее приглушенные звуки слева внизу». Он указывает также на инфильтрированный участок кожи на левом плече (несмотря на одежду, я ощущаю его, как и он...). Доктор М. говорит: «Несомненно, это инфекция. Ничего страшного: у нее будет дизентерия, и яд выйдет...» Мы сразу же понимаем, откуда эта инфекция. Недавно, когда она себя почувствовала нездоровой, приятель Отто сделал ей инъекцию препарата пропила — пропилена... пропиленовой кислоты... триметиламина (его формулу я отчетливо вижу перед глазами)... Такие инъекции нельзя делать столь легкомысленно... По всей вероятности, и шприц не был чист.

По сравнению со многими другими это сновидение имеет одно преимущество. Сразу понятно, с каким событием прошедшего дня оно связано и какой темы касается. Информация об этом приведена в предварительном сообщении. Слова, которые

[1] [Слово «белое», несомненно, ошибочно в собрании сочинений было пропущено (с. 111).]

я услышал от Отто о состоянии Ирмы, история болезни, которую я писал до поздней ночи, занимали мою душевную деятельность и во время сна. Тем не менее никто, ознакомившись с предварительным сообщением и с содержанием сновидения, не сможет догадаться, что означает мой сон. Я этого и сам также не знаю. Я удивляюсь симптомам болезни, на которые жалуется в сновидении Ирма, ибо они совсем не похожи на те, что я у нее лечил. Я улыбаюсь бессмысленной идее об инъекции пропиленовой кислоты и утешению, высказанному доктором М. В конце сновидение кажется мне более туманным и непонятным, чем в начале. Чтобы выяснить значение всего этого, я должен решиться на подробный анализ.

АНАЛИЗ

Большой зал — много гостей, которых мы принимаем. В то лето мы жили на улице Бельвю в особняке, на одном из холмов, расположенных рядом с Каленбергом[1]. Когда-то этот дом был предназначен для увеселительного заведения и поэтому имел необычайно высокие комнаты, похожие на залы. Сон также приснился мне на Бельвю, незадолго до празднования дня рождения моей жены. Днем жена сказала мне, что ждет много гостей, среди них и Ирму. Мое сновидение предвосхищает эту ситуацию: день рождения жены, много народу, среди них Ирма; мы принимаем гостей в большом зале особняка на Бельвю.

Я упрекаю Ирму за то, что она не приняла «решения»; я говорю: «Если у тебя по-прежнему боли, то только по твоей собственной вине». Это я мог бы сказать ей и наяву или, быть может, даже говорил. Тогда я придерживался мнения (впоследствии признанного мною неверным), что моя задача исчерпывается сообщением больным скрытого смысла их симптомов; принимают они затем это «решение», от которого зависит успех лечения, или нет — за это я уже не ответственен. Этому ныне успешно преодоленному заблуждению я благодарен за то, что в течение некоторого времени оно облегчало мне мое существование, поскольку при всем моем неизбежном невежестве я должен был обеспечивать успешное лечение. Но во фразе, ко-

---

[1] [Каленберг — излюбленное место для пешеходных прогулок близ Вены.]

торую я говорю Ирме во сне, я замечаю, что прежде всего не хочу быть виноватым в тех болях, которые она до сих пор испытывает. Если это вина самой Ирмы, то тогда я не могу быть виновным. Не следует ли в этом направлении искать смысл сновидения?

Жалобы Ирмы: боли в горле, желудке и теле; ее словно сжимает. Боли в желудке относились к симптомокомплексу моей пациентки, но они не были очень резкими; она жаловалась только на ощущения тошноты и дурноты. Боли в горле, в теле, резь в глотке почти никакой роли у нее не играли. Я удивляюсь, почему в сновидении я выбрал именно эти симптомы, в данный момент мне это непонятно.

Она выглядит бледной и отечной. У моей пациентки всегда розовый цвет лица. Я предполагаю, что здесь ее заменил другой человек.

Я пугаюсь при мысли, что проглядел у нее органическое расстройство. Легко понять этот никогда не исчезающий страх специалиста, который имеет дело почти исключительно с невротиками и привык относить на счет истерии многие проявления, которые другие врачи лечат как органические. С другой стороны, мною овладевает — я сам не знаю, откуда взявшееся — легкое сомнение в том, что мой испуг не совсем искренен. Если боли Ирмы имеют органическую причину, то опять-таки я не обязан их лечить. Мое лечение устраняет только истерические боли. То есть мне кажется, будто я сам желаю ошибки в диагнозе; тем самым можно было устранить и упрек в неудачном лечении.

Я подвожу ее к окну, чтобы осмотреть ее горло. При этом она слегка противится, как женщины, которые носят вставную челюсть. Я думаю, что ей-то это не нужно. Мне никогда не доводилось осматривать у Ирмы ротовую полость. События в сновидении напоминают мне о предпринятом недавно обследовании одной гувернантки, вначале производившей впечатление молодой, красивой женщины; но, перед тем как открыть рот, она приняла определенные меры, чтобы скрыть свою челюсть. С этим случаем связываются другие воспоминания о врачебных обследованиях и маленьких тайнах, которые при этом раскрываются, не доставляя никому удовольствия. *«Ей это не нужно»,* — прежде всего, пожалуй, комплимент для Ирмы; но я предполагаю еще и другое значение. При внимательном анализе всегда чувствуется, исчерпаны или нет все задние мысли. То, как Ирма стоит у окна, внезапно вызывает у меня в памяти

другое переживание. У Ирмы есть близкая подруга, к которой я отношусь с большим уважением. Когда однажды вечером я нанес ей визит, то застал ее стоящей возле окна в позе, воспроизведенной в сновидении, а ее врач, все тот же доктор М., заявил мне, что у нее дифтеритные налеты в горле. Персона доктора М. и налеты вновь появляются в продолжение сновидения. Теперь мне приходит на ум, что за последние месяцы у меня появились все основания считать, что эта дама тоже является истеричной. Более того, Ирма сама мне об этом сказала. Но что мне известно о ее состояниях? Именно то, что она также страдает приступами истерического удушья, как и Ирма в моем сновидении. Таким образом, я заменил в сновидении мою пациентку ее подругой. Теперь я вспоминаю, что у меня часто возникало предположение, что эта дама тоже может обратиться ко мне с просьбой избавить ее от симптомов. Но сам я считал это маловероятным, потому что по своему характеру она очень скрытная. Она *сопротивляется*, как это показывает сновидение. Другим объяснением было бы, *что ей это не нужно*; она действительно до сих пор демонстрировала, что умеет справляться со своими состояниями без посторонней помощи. Остается еще несколько особенностей, которые нельзя отнести ни к Ирме, ни к ее подруге: бледность, отечность, вставные зубы. Вставные зубы приводят меня к выше упомянутой гувернантке; я чувствую, что склонен удовлетвориться *плохими* зубами. Но тут вспоминается другая особа, к которой могут относиться все эти вещи. Она тоже не является моей пациенткой, и мне не хочется, чтобы она ею была, потому что, как я заметил, она меня стесняется, и я не считаю ее сговорчивой больной. Она обычно бледна, а однажды, в относительно благоприятный период, была отечной[1]. Таким образом, я сравнивал мою пациентку Ирму с двумя другими особами, которые тоже воспротивились бы лечению. Какой же смысл может быть в том, что я смешал ее во сне с подругой? Не в том ли дело, что мне хоте-

---

[1] К этой третьей особе можно свести и неразъясненную пока еще жалобу на боли в животе. Речь идет, разумеется, о моей собственной жене; боли в животе напоминают мне об одном из случаев, когда я был свидетелем ее страха. Я должен признаться, что отношусь к Ирме и своей жене в этом сновидении не очень любезно, но в свое оправдание должен заметить, что сравниваю обеих с идеалом хорошей, послушной пациентки.

лось совершить эту подмену? Либо подруга Ирмы вызывает во мне больше симпатии, либо я более высокого мнения об ее интеллекте. Дело в том, что я считаю Ирму неумной, потому что она не принимает моего решения. Другая была бы умнее, то есть скорее бы согласилась со мной. *Рот хорошо открывается*; она рассказала бы мне больше, чем Ирма[1].

Что я вижу в горле: белое пятно и покрытые струпьями носовые раковины. Белое пятно напоминает о дифтерите и тем самым о подруге Ирмы, но, кроме того, о тяжелом заболевании моей старшей дочери почти два года назад и обо всем ужасе того тяжелого времени. Струпья на носовой раковине напоминают мне о беспокойстве о моем собственном здоровье. Я часто тогда употреблял кокаин, чтобы избавиться от неприятной отечности в носу, и несколько дней назад узнал, что у одной пациентки, подражавшей в этом мне, случился обширный некроз слизистой оболочки носа. Рекомендация использовать кокаин, данная мною в 1885 году[2], стала причиной серьезных упреков по отношению ко мне. Дорогой друг, умерший в 1895 году [дата сновидения], из-за злоупотребления этим средством ускорил свою смерть.

Я тотчас подзываю доктора М., который повторяет осмотр. Это попросту соответствует той репутации, которую имел среди нас доктор М. Но то, что я делаю это «тотчас», требует особого объяснения. [См. ниже с. 515.] Это напоминает мне об одном моем печальном переживании как врача. Однажды, продолжая прописывать одно средство, считавшееся тогда еще безобидным (сульфонал), я вызвал у одной больной тяжелую интоксикацию и сразу же обратился за советом к более опытным стар-

---

[1] Я подозреваю, что толкования этой части отнюдь не достаточно, чтобы проследить за всем скрытым смыслом. Если бы я захотел продолжить сравнение трех этих женщин, то ушел бы далеко в сторону. Каждое сновидение имеет по меньшей мере одно место, в котором оно непонятно, так сказать, пуповину, которой оно связано с неизвестным. [Ср. с. 527.]

[2] [Это является опечаткой во всех прежних немецких изданиях. Должен быть указан 1884 год, потому что именно в этом году вышла первая работа Фрейда о кокаине. Подробное описание исследований, посвященных кокаину, имеется в первом томе, шестая глава, биографии Фрейда, написанной Эрнестом Джонсом (Jones, 1960). Из него можно сделать вывод, что этим «дорогим другом» был Фляйшль фон Марксов (см. с. 484, прим.). Другие косвенные намеки на этот эпизод содержатся ниже — на с. 185–186, 221–222, 231 и 486.]

шим коллегам. То, что этот случай действительно возник перед моими глазами, подтверждается еще и другим обстоятельством. Больная, подвергшаяся интоксикации, носила то же имя, что и моя старшая дочь. До сих пор я никогда об этом не думал; теперь же мне это кажется чуть ли не возмездием судьбы. Как будто замена людей должна продолжиться в другом смысле; эта Матильда вместо той Матильды; око за око, зуб за зуб. Как будто я выискиваю всевозможные случаи, на основе которых я мог бы упрекнуть себя как врача в недостаточной добросовестности.

Доктор М. бледен, без бороды и хромает. И в самом деле, доктор М. часто выглядел плохо и вызывал беспокойство у своих друзей. Две других особенности, видимо, относятся к другому человеку. Мне приходит мысль о моем старшем брате, живущем за границей, который тоже бреет подбородок и, если я верно припоминаю сон, в целом похож на доктора М. Несколько дней назад о нем пришло сообщение, что он хромает из-за артрических болей в бедре. То, что я соединил в сновидении двух людей в одного человека, должно иметь некий повод. Я действительно вспоминаю, что был недоволен ими обоими по схожим причинам. Тот и другой недавно отклонили предложение, с которым я к ним обратился.

Мой друг Отто стоит теперь рядом с больной, а друг Леопольд обследует ее и указывает на приглушенные звуки слева внизу. Мой друг Леопольд тоже врач, родственник Отто. Судьбе было угодно, чтобы оба избрали себе одинаковую специальность и сделались конкурентами, которых постоянно сравнивают друг с другом. В течение нескольких лет они ассистировали мне, когда я еще возглавлял амбулаторию для нервнобольных детей[1]. Сцены, подобные той, что была воспроизведена во сне, происходили там очень часто. Пока я дискутировал с Отто по поводу диагноза, Леопольд обследовал ребенка еще раз и получал неожиданные данные, помогавшие принять решение. Между ними существовало такое же различие в характерах, как между инспектором Брезигом и его другом Карлом[2]. Один отличался «проворством», другой был медлительным, осторожным, но зато основательным. Если в сновидении я противопос-

[1] [В институте Кассовица в Вене.]

[2] [Два главных персонажа популярного романа «Ut mine Stromtid», написанного в 1862–1864 годах Фрицем Ройтером на мекленбургском диалекте.]

тавил Отто осмотрительному Леопольду, то сделал это, вı.
для того, чтобы отдать предпочтение второму. Это сравнение подобно вышеупомянутому сравнению между непослушной пациенткой Ирмой и ее считавшейся более умной подругой. Теперь я замечаю также один из путей, на которые оттесняется ход мыслей в сновидении: от больного ребенка к институту детских болезней. *Приглушенные звуки слева внизу* производят на меня впечатление, будто они во всех деталях соответствуют тому случаю, когда Леопольд поразил меня своей основательностью. Кроме того, мне мерещится нечто вроде метастатического поражения, но оно, пожалуй, относится к пациентке, которую мне хотелось бы иметь вместо Ирмы. Эта дама, насколько я мог заметить, имитирует туберкулез.

Инфильтрированный участок кожи на левом плече. Я тут же понимаю, что это мой собственный ревматизм плеча, который я ощущаю каждый раз, когда продолжаю бодрствовать до глубокой ночи. Слова в сновидении звучат так же двусмысленно: *я ощущаю его, как и он...* То есть ощущаю в собственном теле. Впрочем, мне приходит в голову, сколь необычно звучат слова «инфильтрированный участок кожи». Мы привыкли говорить «инфильтрация слева сзади и сверху»; это относится к легкому и тем самым опять-таки указывает на туберкулез.

Несмотря на одежду. Это, однако, всего лишь вставка. Разумеется, в институте детских болезней мы обследовали детей раздетыми; это некое противопоставление тому, как необходимо обследовать взрослых пациентов женского пола. Об одном выдающемся клиницисте рассказывали, что он всегда проводил физическое обследование своих пациентов только через одежду. Дальнейшее для меня непонятно; честно говоря, у меня нет желания вдаваться здесь в слишком большие подробности.

Доктор М. говорит: «Несомненно, это инфекция. Ничего страшного: у нее будет дизентерия, и яд выйдет...» Сначала мне кажется это смешным, но я должен, как и все остальное, это тщательно проанализировать. При ближайшем рассмотрении обнаруживается некий смысл. То, что я выявил у пациентки, было локальным дифтеритом. Из того времени, когда была больна моя дочь, мне вспоминается дискуссия относительно дифтерита и дифтерии. Последняя представляет собой общую инфекцию, проистекающую от локального дифтерита. Подобную общую инфекцию и имеет в виду Леопольд, указывая на приглушенные звуки, заставляющее предположить наличие метастатического очага.

Но мне кажется, что как раз при дифтерии подобных метастазов не бывает. Они напоминают мне скорее пиемию.

«Ничего страшного» — это утешение. Я думаю, оно имеет следующий смысл: последняя часть сновидения показывает, что боли пациентки проистекают от тяжелого органического поражения. Мне представляется, что и этим тоже я лишь хочу избавиться от чувства вины. Психическое лечение нельзя делать ответственным за то, что продолжается дифтерит. Теперь мне все же неловко, что я приписываю Ирме столь тяжелый недуг, причем исключительно для того, чтобы себя выгородить. Это выглядит очень жестоко. Поэтому мне нужно уверить себя в благоприятном исходе, и мне кажется удачным выбором, что утешение я вкладываю в уста доктора М. Но я возвышаюсь здесь над сновидением, что нуждается в пояснении. Почему же это утешение столь абсурдно?

Дизентерия. Я встречал как-то теоретическое утверждение, будто болезненные вещества могут удаляться через кишечник. Быть может, я хочу таким образом посмеяться над многочисленными притянутыми за уши объяснениями и странными взглядами доктора М., касающимися патологии? По поводу дизентерии мне приходит в голову еще кое-что другое. Несколько месяцев назад мне передали одного молодого человека со своеобразными проблемами дефекации; до этого мои коллеги трактовали этот случай как «анемию с недостаточным питанием». Я обнаружил, что речь идет об истерии, но не захотел испытывать на нем свой метод психотерапии и послал его в морское путешествие. Несколько дней назад я получил от него написанное в отчаянии письмо из Египта о том, что у него случился там новый приступ, который врач счел за дизентерию. Хотя я предполагаю, что такой диагноз — это всего лишь заблуждение несведущего коллеги, позволившего одурачить себя истерии, но я не смог избежать упреков, что из-за меня пациент вдобавок к истерическому поражению кишечника получил еще и органическое заболевание. Кроме того, слово «дизентерия» созвучно «дифтерии», которая в сновидении не упоминается.

Да, наверное, своим утешительным прогнозом: будет дизентерия и т. д. — я хочу посмеяться над доктором М., ибо я вспоминаю, как нечто подобное несколько лет назад он, смеясь, рассказывал мне об одном коллеге. Его вместе с ним пригласили на консультацию к одному тяжелобольному, и он счел своим долгом сказать коллеге, который выглядел весьма оптимистичным,

что обнаружил у пациентки белок в моче. Но тот не смутился и спокойно ответил: «Ничего страшного, белок выйдет наружу!» Таким образом, для меня несомненно, что в этой части сновидения содержится насмешка над несведущим в истерии коллегой. Словно в подтверждение этого возникает мысль: а знает ли доктор М., что симптомы у его пациентки, подруги Ирмы, заставляющие подозревать туберкулез, тоже основываются на истерии? Распознал он эту истерию или «попался на ее удочку»?

Но какие у меня могут быть мотивы, чтобы так плохо относиться к приятелю? Все очень просто: доктор М. столь же мало согласен с моим «решением» в случае Ирмы, как и сама Ирма. Таким образом, я отомстил в этом сновидении уже двум людям — Ирме словами: «Если у тебя по-прежнему боли, то только по твоей вине», и доктору М., вложив ему в уста абсурдное утешение.

Мы сразу же понимаем, откуда эта инфекция. Это непосредственное знание в сновидении является непонятным. Ведь до сих пор мы этого не знали, и на инфекцию первый указал Леопольд.

Когда она себя почувствовала нездоровой, приятель Отто сделал ей инъекцию. Отто действительно рассказал, что во время короткого пребывания в семье Ирмы его неожиданно позвали в соседнюю гостиницу, чтобы сделать там инъекцию какому-то человеку, который вдруг себя плохо почувствовал. Инъекции снова напоминают мне о несчастном друге, отравившемся кокаином [ср. с. 130, прим.]. Я прописал ему это средство лишь для внутреннего употребления, он же незамедлительно сделал себе инъекцию кокаина. *Препарат пропила... пропилен... пропиленовая кислота.* Почему мне пришло это в голову? Вечером перед тем, как я стал писать историю болезни, а затем видел сон, моя жена открыла бутылку ликера — подарок нашего приятеля Отто, — на которой можно было прочесть «Ананас»[1]. Отто имел обыкновение делать подарки по самым разным поводам; надо надеяться, когда-нибудь его от этого излечит жена[2]. От этого

---

[1] Впрочем, слово «ананас» удивительно созвучно с фамилией моей пациентки Ирмы.

[2] *[Дополнение, сделанное в 1909 году, но вновь выброшенное в изданиях начиная с 1925 года:]* В этом отношении этот сон не оказался пророческим. В другом отношении он был верным, ибо «неразрешенные» проблемы с желудком у моей пациентки, в которых я не хотел быть виновным, явились предвестниками серьезной желчнокаменной болезни.

ликера исходил такой запах сивухи, что я даже не решился его отведать. Моя жена предложила подарить эту бутылку прислуге, но я еще более настороженно воспротивился этому, гуманно заметив, что они тоже не должны травиться. Очевидно, запах сивухи (амил...) пробудил во мне воспоминания о целом ряде: пропил, метил и т. д., из-за чего в сновидении и возник препарат пропила. При этом, однако, я совершил подмену: мне снился пропил, хотя я чувствовал запах амила, но подобные замены, наверное, позволительны как раз в органической химии.

Триметиламин. Я четко видел во сне химическую формулу этого вещества, что во всяком случае свидетельствует об огромном напряжении моей памяти, и эта формула была напечатана жирным шрифтом, словно из контекста хотели выделить нечто особенно важное. К чему же подводит меня триметиламин, на что этим способом обращают мое внимание? — К разговору с одним из моих друзей, который уже в течение нескольких лет знает обо всех моих начинаниях, точно так же, как и я о его[1]. В то время он рассказал мне о своих некоторых идеях, связанных с химией сексуальности, и помимо прочего упомянул, что одним из продуктов обмена сексуальных веществ, по его мнению, является триметиламин. Таким образом, это вещество приводит меня к сексуальности — к тому моменту, которому я придаю основное значение в возникновении нервных болезней. Моя пациентка Ирма — молодая вдова; если я стараюсь оправдать неуспех ее лечения, то мне, пожалуй, лучше всего сослаться на это обстоятельство, которое ее друзьям хотелось бы изменить. Как все же удивительно составлено это сновидение! Другая женщина, которую мне хотелось бы иметь в сновидении пациенткой вместо Ирмы, тоже молодая вдова.

Я начинаю понимать, почему я так ясно видел в сновидении формулу триметиламина. В этом одном слове соединяется очень

---

[1] [Это был Вильгельм Флисс, берлинский биолог и отоларинголог, который в годы, непосредственно предшествовавшие публикации «Толкования сновидений», оказывал значительное влияние на Фрейда и который часто, хотя, как правило, анонимно, появляется в данной книге. См. Freud (1950*a*).]

много важных моментов: триметиламин — это намек не только на огромное значение сексуальности, но и на одного человека, о чьей поддержке я с удовлетворением думаю, когда чувствую себя одиноким в своих взглядах. Неужели же этот друг, играющий в моей жизни столь важную роль, не будет присутствовать в мыслительной взаимосвязи сновидения? Напротив; он особый знаток воздействий, причиной которых являются патологические явления в носу и его придаточных полостях, и совершил в науке открытие необычайно удивительной взаимосвязи между носовой раковиной и женскими половыми органами. (Три сморщенных образования в горле Ирмы.) Я дал ему возможность исследовать Ирму на предмет того, не связаны ли ее боли в желудке, например, с заболеванием носа. Он сам, однако, страдает гноетечением из носа, что доставляет мне беспокойство, и, по-видимому, на это указывает пиемия, мысль о которой появляется у меня в связи с метастазами в сновидении[1].

Такие инъекции нельзя делать столь легкомысленно. Здесь упрек в легкомыслии бросается непосредственно другу Отто. Мне кажется, что нечто подобное я подумал в тот вечер, когда он словами и взглядом выразил, что он не на моей стороне. Мне подумалось: как легко он поддается влиянию; как он скоропалителен в своих суждениях. Кроме того, вышеупомянутое высказывание снова навевает воспоминание о покойном друге, который так быстро решился сделать себе инъекцию кокаина. Давая ему это средство, я, как уже отмечал, не имел в виду инъекции. Упрекая Отто в легкомысленном обращении с химическими веществами, я замечаю, что снова касаюсь истории с той несчастной Матильдой, в которой такой же упрек можно было бы сделать мне самому. Очевидно, я собираю здесь доказательства своей добросовестности, но вместе с тем и противоположного.

По всей вероятности, и шприц не был чист. Еще один упрек Отто, возникший, однако, по другим основаниям. Вчера я случайно встретил сына одной 82-летней дамы, которой мне ежедневно приходится делать две инъекции морфия[2]. В настоя-

---

[1] [Эта часть сновидения более подробно анализируется ниже (с. 303–305).]

[2] [Эта пожилая дама (которая неоднократно встречается в сочинениях Фрейда, относящихся к тому времени) еще раз упоминается ниже на с. 252.]

щее время она живет в сельской местности, и я слышал, что она страдает воспалением вен. Я тотчас подумал о том, что все дело в инфильтрате, возникшем из-за грязного шприца. Я горжусь тем, что за два года ни разу не допустил инфильтрата; однако я всегда беспокоюсь, действительно ли шприц чистый. В этом отношении я добросовестен. От воспаления вен я снова перехожу к моей жене, которая во время беременности страдала тромбозом вен, и в моей памяти всплывают три аналогичных ситуации: моя жена, Ирма и покойная Матильда, идентичность которых, очевидно, дало мне право заменять друг другом во сне этих троих людей.

Итак, я закончил толкование сновидения[1]. Во время этой работы мне трудно было защищаться от всех тех идей, к которым подводило меня сравнение содержания сновидений со скрывавшимися за ними мыслями. Благодаря этому мне открывался и «смысл» сновидения. Я отмечал свои намерения, которые реализуются через сновидение и, видимо, являлись его мотивами. Сновидение исполняет определенные желания, возникшие у меня из-за событий предыдущего вечера (сообщение Отто, написание истории болезни). Вывод из сновидения заключается в том, что я не повинен в сохраняющемся недуге Ирмы и что виноват в этом Отто. Отто рассердил меня своим замечанием о неполном излечении Ирмы. Сновидение отомстило ему за меня, обернув упрек против него самого. Сновидение освобождает меня от ответственности за самочувствие Ирмы, сведя его к другим моментам (сразу целому ряду обоснований). Оно изображает положение вещей именно так, как мне бы того хотелось; *следовательно, его содержанием является исполнение желания, его мотивом — желание*.

Это является очевидным. Но с точки зрения исполнения желания мне становятся понятными также некоторые детали сновидения. Я мщу Отто не только за то, что он скоропалительно выступил не на моей стороне, приписав ему легкомысленное врачебное вмешательство (инъекцию), но и за плохой ликер, который

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* Хотя, разумеется, я сообщил не все, что мне приходило в голову по ходу дела.

пахнет сивухой, и я нахожу в сновидении выражение, объединяющее оба упрека: инъекцию пропиленового препарата. Но я все еще не удовлетворен и продолжаю мстить, противопоставляя ему его более надежного конкурента. Видимо, я хочу этим сказать: он мне приятней, чем ты. Но Отто не единственный человек, который должен почувствовать силу моего гнева. Я мщу также своей непослушной пациентке, заменяя ее более разумной и послушной. Я не могу спокойно снести и отказа от моего предложения со стороны доктора М. и в форме прозрачного намека высказываю ему свое мнение, что здесь он ведет себя как невежда («будет дизентерия и т. д.»). Мне кажется даже, что я апеллирую к более знающему человеку (моему другу, который рассказал мне о триметиламине) подобно тому, как от Ирмы я обратился к ее подруге, а от Отто — к Леопольду. Уберите от меня этих людей, замените их тремя другими по моему выбору, и тогда я отделаюсь от упреков, которых я не заслужил!

Безосновательность этих упреков доказывается в сновидении самым красноречивым образом. Боли Ирмы нельзя ставить мне в вину, ибо она сама виновата, не захотев принять моего «решения». Боли Ирмы меня не касаются, ибо они органического происхождения и вообще не поддаются психотерапевтическому лечению. Недуг Ирмы вполне объясняется ее вдовством (триметиламин), и здесь, разумеется, я изменить ничего не могу. Недуг Ирмы был вызван сделанной Отто по неосторожности инъекцией непригодного для этого вещества, чего я бы никогда не сделал. Недуг Ирмы возник из-за инъекции грязным шприцем, как и воспаление вен у моей пожилой дамы, а когда инъекции делались мной, ничего подобного не случалось. Я замечаю, однако, что эти объяснения болезни Ирмы, предназначенные для того, чтобы меня оправдать, между собой не согласуются и даже исключают друг друга. Вся защитная речь — а ничем другим этот сон и не является — живо напоминает мне оправдание одного человека, которого сосед обвинил в том, что тот вернул ему испорченную кастрюлю. Во-первых, он вернул ее в целости, во-вторых, когда он брал кастрюлю, она уже была дырявой, а в-третьих, он вообще не брал у соседа кастрюли. Но тем лучше: если хоть один из этих доводов окажется веским, этого человека следует оправдать[1].

---

[1] [Этот анекдот Фрейд обсуждает также во 2-й и 7-й главах своей книги об остроумии (Freud, 1905*c*, Studienausgabe, т. 4, с. 61, 191, причем в 7-й главе со ссылкой на приведенный выше пассаж.]

В сновидении имеются и другие темы, отношение кот рых к моим попыткам снять с себя ответственность за болезнь Ирмы не столь очевидно: болезнь моей дочери и пациентки с таким же именем, вред кокаина, болезнь моего пациента, путешествующего по Египту, беспокойство о здоровье жены, брата, доктора М., мой собственный телесный недуг, беспокойство об отсутствующем друге, страдающем гноетечением из носа. Но если посмотреть на это внимательно, то все складывается в один единственный круг мыслей примерно с такой идеей: заботься о здоровье, собственном и чужом, врачебной добросовестности. Мне припоминается неясное, но неприятное ощущение, когда Отто сообщил мне о состоянии здоровья Ирмы. Исходя из круга мыслей, играющих свою роль в сновидении, мне хотелось бы задним числом выразить это мимолетное ощущение. Как будто он мне сказал: «Ты недостаточно серьезно относишься к своим врачебным обязанностям, недобросовестен, не держишь своих обещаний». После этого в моем распоряжении оказались все те мысли, с помощью которых я мог бы доказать, насколько я добросовестен, насколько пекусь о здоровье моих родственников, друзей и пациентов. Как ни странно, среди этого мыслительного материала оказались и неприятные воспоминания, говорящие скорее о справедливости обвинений со стороны моего приятеля Отто, чем о моей правоте. Весь материал, так сказать, беспристрастен, но связь этого более широкого материала, на котором основывается сновидение, с более узкой темой сна, породившей желание оправдать себя в связи с болезнью Ирмы, все-таки очевидна.

Я не хочу утверждать, что полностью раскрыл смысл этого сновидения, что его толкование не имеет пробелов.

Я мог бы еще долго им заниматься, извлекать из него дальнейшие объяснения и обсуждать новые загадки, которые оно задает. Мне даже известны места, откуда можно проследить за дальнейшими связями мыслей; однако различные опасения, возникающие при толковании любого своего сновидения, удерживают меня от этой работы. Кто собирается упрекнуть меня за такую скрытность, пусть сам попробует быть более откровенным, чем я. На данный момент я удовлетворюсь только что сделанным выводом: если проследить за продемонстрированным здесь

методом толкования сновидений, то оказывается, что сновидение действительно имеет смысл и отнюдь не является выражением раздробленности мозговой деятельности, как полагают разные авторы. *После завершения работы по толкованию сновидение можно понимать как исполнение желания*[1].

[1] [В письме Флиссу от 12 июня 1900 года (Freud, 1950*a*, письмо №137) Фрейд рассказывает о своем последующем посещении Бельвю, дома, в котором ему приснился этот сон. «Ты действительно веришь, — пишет он, — что когда-нибудь на этом доме будет висеть мраморная доска с надписью:

"Здесь 24 июля 1895 года
доктору Зигм. Фрейду
открылась тайна сновидения"?

На сегодня шансы на это невелики».

III
СНОВИДЕНИЕ ЕСТЬ ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЯ

Миновав ложбину и добравшись неожиданно до возвышенности, откуда дорога расходится во все стороны и во всех направлениях открывается прекраснейший вид, можно ненадолго остановиться и поразмыслить, куда обратиться прежде всего[1]. Нечто похожее происходит и с нами после того, как было истолковано это первое сновидение. Нам становится очевиден неожиданный вывод. Сновидение не похоже на неправильное звучание музыкального инструмента, которого вместо руки музыканта коснулась какая-то внешняя сила [см. с. 97]: оно не бессмысленно, не абсурдно, не предполагает, что одна часть нашей души спит, тогда как другая начинает пробуждаться. Сновидение является полноценным психическим феноменом, а именно представляет собой исполнение желания; его можно включить во взаимосвязь понятных нам душевных проявлений в бодрствовании. Его создала необычайно сложная умственная деятельность. Но в тот момент, когда мы хотим порадоваться обретению этой истины, на нас обрушивается куча вопросов. Если сновидение, согласно сведениям, полученным при толковании, представляет собой исполнение желания, то откуда берется та причудливая и непонятная форма, в которой оно выражается? Какие изменения произошли с мыслями сновидения, прежде чем из них образовалось явное сновидение, которое мы помним при пробуждении? Каким путем произошло это изменение? Откуда берется тот материал, который был переработан в сновидение? Откуда проистекают те особенности, которые мы сумели подметить в мыслях сновидения, например то, что они могут про-

---

[1] [В письме Флиссу от 6 августа 1899 года (Freud, 1950*d*, письмо №114) Фрейд описывает вступительную главу своей книги следующим образом: «В результате возникла фантазия о прогулке. Сначала темный лес авторов (которые не видят деревьев), где нет перспектив и легко заблудиться. Потом узкая ложбина, по которой я веду читателя — мой пример сновидения с его особенностями, деталями, нескромностями, плохими шутками, а затем вдруг возвышенность, красивый вид и запрос: «Пожалуйста, куда изволите пойти?»]

тиворечить друг другу? (См. аналогию с кастрюлей, с. 138–139.) Может ли сновидение дать нам какие-либо новые сведения о наших внутренних психических процессах, может ли его содержание скорректировать наши мнения, в которых мы были уверены днем? Я предлагаю все эти вопросы пока оставить в стороне и последовать дальше по одному-единственному пути. Мы узнали, что сновидение представляет собой исполненное желание. В качестве следующего нашего шага мы должны выяснить, является это характерной особенностью всех сновидений или всего лишь случайным содержанием того сновидения («об инъекции Ирме»), с которого начался наш анализ. Ибо если бы мы даже выяснили, что каждое сновидение имеет смысл и психическую ценность, мы должны были бы все же допустить, что этот смысл не является в каждом сновидении одним и тем же. Наше первое сновидение было исполнением желания, другое, возможно, представляет собой исполненное опасение, третье может иметь своим содержанием рефлексию, четвертое — просто воспроизводить некое воспоминание. Итак, существуют ли и другие сны-желания или, быть может, не бывает вообще ничего другого, кроме снов-желаний?

Легко показать, что сновидения часто имеют явный характер исполнения желания, а потому приходится удивляться, почему язык сновидений давно уже не был понят. Вот, например, сновидение, которое я могу вызывать у себя, словно в эксперименте, когда угодно. Если вечером я ем анчоусы, оливки или иные какие-нибудь соленые блюда, то ночью у меня появляется жажда, и я просыпаюсь. Но пробуждению предшествует сон, каждый раз имеющий одинаковое содержание, а именно, что я пью. Я пью воду большими глотками; это доставляет мне такое большое удовольствие, какое может доставить прохладный напиток каждому, кто изнемогает от жажды. Затем я просыпаюсь и чувствую, что действительно хочу пить. Поводом для такого простого сновидения является жажда, которую я испытываю при пробуждении. Из этого ощущения проистекает желание пить, и это желание я вижу исполненным в сновидении. При этом оно выполняет функцию, о которой я быстро догадываюсь. У меня крепкий сон, и мне не свойственно просыпаться из-за потребностей. Когда мне удается утолить свою жажду с помощью сновидения о том, что я пью воду, то мне уже не нужно просыпаться, чтобы удовлетворить эту потребность. Следовательно, это сновидение о комфорте. Сновидение возникает вместо действия,

которое обычно совершается в жизни. К сожалению, потребность в воде, утоляющей жажду, не так просто удовлетворить с помощью сновидения, как мою жажду мести по отношению к другу Отто и доктору М., но намерение одинаково. Не так давно это сновидение было несколько модифицировано. Еще перед сном я почувствовал жажду и выпил стакан воды, стоявший на столике рядом с моей кроватью. Ночью, через несколько часов у меня снова возник приступ жажды, повлекший за собой неудобства. Чтобы попить воды, мне нужно было бы встать и взять стакан, стоявший на ночном столике моей жены. В соответствии с этим мне приснилось, будто жена дает мне попить из сосуда; этим сосудом явилась этрусская урна, которую я привез из Италии, а затем подарил одному из знакомых. Вода в ней по вкусу оказалась настолько соленой (видимо, от пепла), что я вынужден был проснуться. Можно заметить, насколько удобно сновидение умеет все обставлять; поскольку единственным его намерением является исполнение желания, оно может быть совершенно эгоистичным. Любовь к комфорту действительно несовместима с внимательным отношением к другим. Привнесение урны, вероятно, тоже является исполнением желания; мне жалко, что у меня нет больше этого сосуда, как, впрочем, и того, что стакан с водой у постели моей жены мне недоступен. Урна соответствует также ставшему теперь более сильным ощущению соленого вкуса, который, как мне известно, и заставил меня проснуться[1].

---

[1] О существовании сновидений о жажде было известно также Вейгандту, который говорит по этому поводу (Weygandt 1893, 41): «Именно ощущение жажды воспринимается всеми наиболее точно: оно всегда создает представление об утолении жажды. Формы, в которых сновидение представляет себе утоление жажды, разнообразны и зависят от соответствующего воспоминания. И здесь тоже имеется общий элемент, который заключается в том, что после представления об утолении жажды возникает разочарование из-за незначительного эффекта мнимых прохладительных напитков». Вместе с тем он не замечает универсальности реакции сновидения на раздражитель. Если другие люди, которых ночью одолевает жажда, просыпаются без сновидений, то это не ставит под сомнение мой эксперимент, а только говорит о том, что их сон некрепок.

[Дополнение, сделанное в 1914 году:] Ср. в этой связи: Исаия, XXIX, 8: «И как голодному снится, будто он ест, но пробуждается, и душа его тоща; и как жаждущему снится, будто он пьет, но пробуждается, и вот он томится, и душа его жаждет...»

Такие сны о комфорте мне часто снились в юношеские годы. С тех пор я привык работать до глубокой ночи, и для меня было проблемой просыпаться вовремя. Мне часто снилось, что я уже встал с постели и стою перед умывальником. Через какое-то время я начинал понимать, что все еще не проснулся, но тем не менее продолжал спать. О таком же сновидении, связанном с инертностью, мне известно от одного моего молодого коллеги, который, похоже, разделяет мою склонность поспать. Хозяйке, у которой он жил недалеко от больницы, строго вменялось в обязанности вовремя будить его каждое утро, но ей стоило большого труда выполнить это поручение. Однажды утром его сон был особенно сладок. Женщина подошла к дверям его комнаты и позвал: «Господин Пепи, вставайте, вам пора в больницу». Вслед за этим ему приснилась комната в больнице, кровать, на которой он лежал, и табличка у изголовья, где можно было прочесть: Пепи Г., канд. мед., 22 года. Во сне он сказал себе: «Если я уже в больнице, то, значит, мне не нужно туда идти», перевернулся на другой бок и продолжил свой сон. При этом он открыто признал мотив своего сновидения.

Другое сновидение, раздражитель которого также оказал свое действие во время самого сна: одна из моих пациенток, которой пришлось подвергнуться неудачно прошедшей операции на челюсти, по предписанию врачей была должна днем и ночью носить на больной щеке охлаждающий аппарат. Но стоило ей заснуть, как она его тут же отбрасывала. Однажды меня попросили сделать ей на этот счет замечание, так как она снова уронила аппарат на пол. Пациентка стала оправдываться: «На этот раз я действительно не виновата; все это следствие сновидения, которое приснилось мне ночью. Мне снилось, будто я была в опере, сидела в ложе и с интересом следила за представлением. Но в санатории лежал господин Карл Мейер и страшно му́чился от боли в челюсти. Я сказала, что у меня ничего не болит и аппарат мне не нужен, поэтому я его и отбросила». Это сновидение бедной страдалицы похоже на оборот речи, который вертится на языке у человека, попавшего в неприятную ситуацию: «Я знаю удовольствия и получше». Сновидение демонстрирует это лучшее удовольствие. Господин Карл Мейер, которому сновидица приписала свои боли, был самым безразличным для нее молодым человеком среди ее знакомых, о которых она смогла вспомнить.

Не сло́жнее раскрыть исполнение желания в некоторых других сновидениях, рассказанных мне здоровыми людьми. Как-то

один мой приятель, знакомый с моей теорией исполнения желаний и рассказавший о ней жене, мне говорит: «Я должен рассказать тебе про свою жену, что вчера ей приснилось, будто у нее началась менструация. Наверное, ты знаешь, что это означает». Действительно, я это знаю. Если молодой женщине снилось, что у нее менструация, это значит, что менструации не было. Я могу себе представить, что ей хотелось бы еще какое-то время наслаждаться свободой, прежде чем начнутся тяготы материнства. Это был искусный способ сообщить ей о ее первой беременности. Другой мой приятель пишет, что жене его недавно приснилось, будто она заметила молочные пятна на пластроне своей рубашки. Это тоже является признаком беременности, но только уже не первой; молодой матери хочется кормить второго ребенка лучше, чем в свое время первого.

Одной молодой женщине, на несколько недель лишенной общения из-за ухода за своим заболевшим ребенком, после благополучного исхода болезни снится общество, в котором находятся Альфонс Доде, Поль Бурже, Марсель Прево и др.; все они с ней очень любезны и всячески ее развлекают. Эти писатели в сновидении имеет те же черты, что и на своих портретах; М. Прево, чей портрет ей неизвестен, напоминает ей человека, который накануне продезинфицировал комнату больного ребенка и стал первым за долгое время посетителем ее дома. Это сновидение можно перевести без пробелов: «Настало время для чего-то более интересного, чем этот вечный уход за больным».

Пожалуй, этих примеров достаточно для доказательства того, что очень часто и при самых разнообразных условиях встречаются сновидения, которые можно понять только как исполнение желаний и которые открыто демонстрируют свое содержание. Это в основном короткие и простые сновидения, резко отличающиеся от запутанных и чрезвычайно насыщенных композиций, которые в первую очередь привлекали к себе внимание авторов. Однако есть смысл остановиться на этих простых сновидениях чуть подробней. Пожалуй, самые простые формы сновидений можно выявить у детей, психическая деятельность которых, несомненно, менее сложна, чем у взрослых. Детская психология призвана, на мой взгляд, оказывать психологии взрослых те же услуги, какие оказывает исследование строения или развития низших животных изучению структуры высших классов. До сих пор, однако, было сделано не так много сознательных шагов, чтобы использовать детскую психологию в этих целях.

Сновидения маленьких детей часто[1] представляют собой простодушные исполнения желаний и в таких случаях[2], в отличие от сновидений взрослых, совершенно неинтересны. Они не задают никаких загадок, но, разумеется, бесценны для доказательства того, что сновидение, по своей сути, означает исполнение желания. Мне удалось собрать несколько примеров таких сновидений, приснившихся моим собственным детям.

Прогулке из Аусзее в красивый Халльштатт летом 1896 года я обязан двумя сновидениями, одно из которых приснилось моей восьмилетней в то время дочери, а другое — пятилетнему сыну. В качестве предыстории я должен сообщить, что в это лето мы жили на холме возле Аусзее, откуда в хорошую погоду мы наслаждались прекраснейшим видом на Дахштайн. В подзорную трубу хорошо был виден горный приют Симони-Хютте. Дети все время пытались рассмотреть его через подзорную трубу; не знаю, с каким успехом. Перед прогулкой я рассказывал детям, что Халльштатт лежит у подножия Дахштайна. Они были очень рады предстоящему дню. Из Халльштатта мы прошли в Эхернталь[3], который привел детей в полный восторг своими сменяющимися пейзажами. И только один из детей, пятилетний мальчик, стал постепенно капризничать. Как только мы видели новую гору, он сразу же спрашивал: «Это Дахштайн?», на что мне приходилось отвечать: «Нет, это только предгорье». Повторив этот вопрос несколько раз, он замолк; спуститься с нами по ступенькам к водопаду он вообще отказался. Я решил, что он очень устал. На следующее утро он пришел ко мне, совершенно счастливый, и сказал: «Сегодня ночью мне снилось, что мы были на Симони-Хютте». Я понял его: он ожидал, когда я рассказывал о Дахштайне, что по дороге в Халльштатт он взберется на гору и увидит приют, о котором так много говорилось. Затем, когда ему стало понятно, что ему придется довольствоваться предгорьем и водопадом, он оказался разочарован и расстроился. Сон возместил ему это. Я попытался выяснить подробности сновидения; они были скудными. «Туда нужно подниматься по ступенькам шесть часов», как он слышал.

---

[1] [Это слово было добавлено в 1911 году.]

[2] [До 1911 года: «поэтому».]

[3] [В ранних немецких изданиях вместо «Эхернталь» ошибочно указывалось «Эшернталь».]

Также и у моей восьмилетней дочери во время этой прогулки возникли желания, которые были удовлетворены в сновидении. Мы взяли с собой в Халльштатт двенадцатилетнего сына наших соседей, настоящего рыцаря, завоевавшего, как мне казалось, все симпатии маленькой девочки. На следующее утро она мне рассказала свой сон: «Представь себе, мне снилось, будто Эмиль — один из нас, что он говорит вам "папа и мама" и спит вместе с нами в большой комнате, как наши мальчишки. Затем в комнату входит мама и бросает нам под кровати целую горсть шоколадных конфет в синих и зеленых обертках». Братья, которым умение толковать сновидения не передалось по наследству, заявили точь-в-точь, как наши авторы: «Это сновидение — бессмыслица». Девочка же заступилась по меньшей мере за одну часть своего сновидения, и для теории неврозов полезно будет узнать, за какую: «То, что Эмиль — один из нас, это бессмыслица, но то, что касается шоколадных конфет, — нет». Как раз последнее мне было непонятным. Но жена дала мне по этому поводу разъяснение. По дороге с вокзала домой дети остановились перед автоматом и захотели именно такие шоколадные конфеты — в сверкающих металлом обертках, которые, как они знали, мог продать автомат. Мать, однако, справедливо сочла, что в этот день и так было исполнено много желаний, и предоставила исполнение этого желания сновидению. Я эту небольшую сцену не видел. Другую часть сновидения, отвергнутую моей дочерью, я понял сразу. Я слышал сам, как воспитанный гость говорил по дороге детям, что надо подождать папу и маму. Эту временную принадлежность к нашему семейному кругу сновидение девочки превратило в усыновление. Других форм совместного пребывания, нежели формы, воспроизведенные в сновидении, которые были переняты у братьев, ее нежность пока еще не знала. Почему шоколадные конфеты были брошены под кровати, объяснить без расспросов ребенка, разумеется, было нельзя.

О точно таком же сновидении, как у моего сына, я узнал от одного своего приятеля. Оно касается его восьмилетней дочери. Отец вместе с несколькими детьми отправился на прогулку в Дорнбах[1] с намерением посетить приют Рорер-Хютте, но повернул назад, поскольку уже было поздно. Он пообещал детям возместить это в следующий раз. На обратном пути они прошли

[1] [Холмистая местность неподалеку от Вены.]

мимо щита, указывавшего дорогу на Гамо. Дети тут же попросили отправиться на Гамо, но по тем же причинам снова были вынуждены тешить себя надеждой, что смогут сделать это в другой день. На следующее утро восьмилетняя девочка радостно сказала отцу: «Папа, сегодня ночью мне снилось, что ты был с нами в Popep-Хютте и на Гамо». Таким образом, ее нетерпение предвосхитило исполнение отцовского обещания.

Таким же прямолинейным является и другой сон, вызванный у моей в то время трехлетней дочурки живописными красотами Аусзее. Девочка впервые в жизни каталась на лодке по озеру, и время прошло для нее очень быстро. Когда мы пристали к берегу, она не хотела выходить из лодки и горько плакала. На следующее утро она рассказала: «Сегодня ночью я каталась по озеру». Будем надеяться, что продолжительность этой поездки во сне удовлетворила ее в большей степени.

Моему старшему, в то время восьмилетнему, сыну приснилось осуществление его фантазии. Он ехал с Ахиллом на колеснице, которой управлял Диомед. Разумеется, накануне он восхищался мифами древней Греции — книжкой, которую подарили его старшей сестре.

Если согласиться со мной, что разговор детей во сне тоже относится к сновидению, то тогда я могу привести один из первых снов из моей коллекции. Мою младшую девочку, которой тогда было девятнадцать месяцев, утром рвало, и поэтому весь день ее держали на сухом пайке. Ночью, после дня голодания, можно было услышать, как она возбужденно восклицает во сне: *«Анна Ф(р)ейд, зем(л)яника, клубника, яи(ч)ница, каша»*. Свое имя она употребила тогда, чтобы выразить вступление во владение; список блюд охватывал, наверное, все, что казалось ей самой желанной едой; то, что ягоды присутствовали здесь в двух вариантах, было демонстрацией против домашней санитарной полиции. Причиной этого, видимо, явилось замеченное ею побочное обстоятельство, что няня отнесла ее недомогание на счет переедания земляники; таким образом, за это неудобное для нее заключение она взяла свой реванш в сновидении[1].

---

[1] Вскоре после этого то же самое действие, что и у младшей внучки, совершило сновидение бабушки, возраст которой в сумме с возрастом ребенка составляет около семидесяти лет. После дня вынужденного голодания из-за беспокойств, доставляемых блуждающей почкой, ей приснилось (очевидно, при этом она перенеслась в счастливое время цветущего девичества), что ее «настоятельно» приглашали в гости на обед и ужин и оба раза угощали самыми изысканными блюдами.

Считая детство счастливым, потому что ему неведомы пока еще сексуальные страсти, мы не должны упускать из виду, каким богатым источником разочарований, лишений и вместе с тем поводом к сновидениям могут стать для него другие важные жизненные влечения[1]. Вот еще один пример этого. Моему 22-месячному племяннику было поручено поздравить меня с днем рождения и преподнести мне в подарок корзиночку с вишнями, которые в это время года еще считаются редкостью. По-видимому, сделать это было ему нелегко, потому что он повторял не переставая: «Здесь вишни», и его невозможно было заставить выпустить из рук корзиночку. Но он сумел все же себя вознаградить. Прежде он каждое утро рассказывал матери, что ему снился «белый солдат», гвардейский офицер в плаще, которым когда-то он любовался на улице. На следующий день после жертвы, принесенной им в день моего рождения, он проснулся довольный со словами, причиной которых могло быть только сновидение: *«Ге(р)ман съел все вишни!»*[2]

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1911 году:]* Более глубокое изучение душевной жизни детей показывает нам, однако, что сила сексуального влечения, принимающего инфантильные формы, играет достаточно важную роль в психической деятельности ребенка, на которую до сих пор не обращали должного внимания. Это заставляет нас до некоторой степени усомниться в безоблачном счастье детства, о котором впоследствии взрослые говорят с таким упоением (Ср. мои «Три очерка по теории сексуальности», 1905*d*). [Вместе с тем вышеупомянутый тезис в тексте явно противоречит многим другим высказываниям (например, на стр. 267 и далее).]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1911 году.]* Необходимо упомянуть, что, как правило, у маленьких детей вскоре появляются более сложные и менее понятные сновидения и что, с другой стороны, сновидения, имеющие столь простой инфантильный характер, при определенных обстоятельствах нередко встречаются и у взрослых. Насколько богаты неожиданным содержанием сновидения у детей в возрасте от четырех до пяти лет, показывают примеры в моем «Анализе фобии пятилетнего мальчика» (1909*b*) и у Юнга (1910*a*). — *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Аналитически истолкованные детские сновидения см. также у Хуг-Хелльмут (Hug-Hellmuth, 1911, 1913), Путнема (Putnam, 1912), ван Раальте (van Raalte, 1912), Шпильрейн (Spielrein, 1913) и Тауска (Tausk, 1913), а также у Бьянчиери (Bianchieri, 1912), Буземанна (Busemann, 1909, 1910), Дольи и Бьянчиери (Doglia und Bianchieri, 1910, 1911) и прежде всего у Виггама (Wiggam, 1909), который подчеркивает их тенденцию к исполнению желания. — *[Дополнение, сделанное в 1911 году:]* С другой стороны, у взрослых сновидения инфантильного типа особенно часто возникают тогда, когда они попадают

Что снится животным, мне неизвестно. Одна поговорка, упоминанием которой я обязан одному из моих слушателей, утверждает, что знает об этом, ибо она задает вопрос: «Что снится гусю?» и сама на него отвечает: «Кукуруза (Маис)»[1]. Вся

в непривычные жизненные условия. Так, например, Отто Норденскьёлд в своей книге «Антарктика» (1904) рассказывает об экипаже судна, с которым ему довелось провести зимовку (т. I, с. 336– 337): «Очень характерными для направления наших самых сокровенных мыслей были наши сны, которые никогда не были такими яркими и многочисленными, как тогда. Даже те из наших товарищей, которым раньше сны снились лишь в исключительных случаях, теперь каждое утро, когда мы друг с другом обменивались своими последними переживаниями из этого мира фантазий, могли рассказывать длинные истории. Все они касались того внешнего мира, который теперь был от нас так далек, но часто также приноравливались к нашей нынешней жизни. Приведу одно особенно характерное сновидение. Одному из наших товарищей снилось, будто он сидит на школьной скамье и занимается тем, что сдирает шкуру с миниатюрных тюленей, специально изготовленных для учебных целей. Впрочем, чаще всего наши сновидения вращались вокруг темы еды и питья. Один из нас, грезивший по ночам, что его приглашают на большой званый ужин, был от всей души рад рассказать утром о том, что он "ел обед из трех блюд"; другому снился табак, целые горы табака; третьему — корабль, на всех парусах мчавшийся по открытому морю. Заслуживает упоминания еще один сон: приходит с почтой почтальон и подробно объясняет, почему так долго не было писем — он отнес их не по тому адресу, и ему стоило больших трудов вернуть их обратно. Разумеется, с нами во сне происходили самые невероятные вещи, но недостаток фантазии почти во всех сновидениях, которые я видел сам или о которых рассказывали товарищи, явно бросался в глаза. Наверное, если бы все эти сновидения были записаны, они представляли бы большой интерес с психологической точки зрения. Но легко можно понять, каким вожделенным был сон, потому что он мог нам дать все то, что каждый из нас так страстно желал». — *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Приведу еще цитату Дю Преля (Du Prel, 1885, 231): «Мунго Парку, изнемогавшему от жажды во время путешествия по Африке, беспрестанно снились водные долины и луга его родины. Тренку, терзаемому голодом в темнице близ Магдебурга, снилось, что он окружен обильными яствами, а Джордж Бак, участник первой экспедиции Франклина, когда из-за ужасных лишений он был близок к смерти от голода, постоянно видел во сне изобилие всевозможной пищи».

[1] *[Дополнение, сделанное в 1911 году:]* Другая венгерская поговорка, приведенная Ференци [Ferenczi, 1910], утверждает в более развернутой форме, что «свинье снятся желуди, а гусю — маис». *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Еврейская пословица гласит: «Что снится курице? — Просо». (Bernstein, Segel, 1908, 116).

теория, утверждающая, что суть сновидения — исполнение желания, заключена в этих двух фразах[1].

Теперь мы видим, что мы бы пришли к нашей теории о скрытом смысле сновидения более коротким путем, если бы обратились к общеупотребительным оборотам речи. Хотя народная мудрость и отзывается порой весьма презрительно о сновидениях (считают, что она признает правоту науки, утверждая, что «сны — это пена»), все же в разговорной речи сновидение выступает чаще всего как исполнение заветных желаний: «Мне и во сне такого не снилось», — восклицает в восхищении тот, у кого действительность превзошла все ожидания[2].

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Я отнюдь не собираюсь утверждать, что ни один автор до меня не пытался выводить сновидение из желания. (Ср. начало следующей главы). Кто придает значение таким указаниям, тот мог бы сослаться на врача Герофила, жившего в древности при Птолемее I, который, согласно Бюхзеншютцу (Büchsenschütz, 1868, 33), выделяет три вида сновидений: ниспосланные богом, естественные, возникающие тогда, когда душа создает себе образ того, что ей полезно и что может случиться, и смешанные сновидения, возникающие сами собой при приближении к образам, когда мы видим желаемое. Из собрания примеров Шернера Й. Штерке (Stärcke, 1913 [248]) выделяет одно сновидение, которое сам автор характеризует как исполнение желания. Шернер утверждает: «Фантазия тотчас исполняет желание сновидицы в бодрствовании просто уже потому, что оно было живо в ее душе». Это сновидение относится к снам-настроениям; к ним близки сновидения о «страстной мужской и женской любви» и о «дурном настроении». Как мы видим, Шернер приписывает желанию в сновидении то же значение, что и любому другому душевному состоянию в бодрствовании, не говоря уже о том, что он соотнес желание с сущностью сновидения.

[2] [Детские сны (большинство из которых были приведены в этой главе) и сновидения, инфантильные по своему содержанию, Фрейд обсуждает в 8-й главе своих «Лекций по введению в психоанализ» (1916–1917).]

IV
ИСКАЖЕНИЕ В СНОВИДЕНИИ

Утверждая, что исполнение желания является смыслом *каждого* сновидения, то есть что других сновидений, кроме снов-желаний, не бывает, я заранее предвижу самые решительные возражения. Мне возразят: «То, что есть сновидения, которые следует понимать как исполнение желаний, отнюдь не ново — это давно уже отмечалось многими авторами. (Ср. Radestock, 1879, 137–138; Volkelt, 1875, 110–111; Purkinje, 1846, 456; Tissié, 1898, 70; M. Simon, 1888, 42 о вызванных голодом сновидениях заключенного барона Тренка и одно место у Гризингера — Griesinger, 1845, 89.)[1] А то, что не может быть никаких других сновидений, кроме снов, исполняющих желания, — это опять-таки одно из неправомерных обобщений, которое, к счастью, легко опровергнуть. Ведь достаточно часто встречаются сновидения, где можно обнаружить самое неприятное содержание, но нет ни одного следа какого-либо исполнения желания». Философ-пессимист Эдуард фон Гартман, пожалуй, наиболее далек от теории исполнения желаний. В своей «Философии бессознательного» (Hartmann, 1890, т. 2, 344) он говорит: «Что касается сновидения, то в состояние сна переносятся вместе с ним все хлопоты бодрствования, за исключением разве что одного — того, что в какой-то степени может примирить образованного человека с жизнью, а именно удовольствия, получаемого от науки и искусства...» Но и менее недовольные наблюдатели, такие, как Шольц (Scholz, 1887, 33), Фолькельт (Volkelt, 1875, 80) и др., подчеркивали, что в сновидении чаще присутствуют боль и неудовольствие, нежели удовольствие. Более того, Сара Уид и Флоренс Халлам, проанализировав свои сны, в числовом выражении представили доказательства преобладания в сновидениях неудовольствия (Hallam, Weed, 1896 [499]). 57,2% сновидений они называют неприятными и только 28,6% — приятными. Помимо этих сновидений, переносящих в состояние сна разнообразные неприятные чувства, возникшие в жизни, существуют также страшные сны,

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Еще неоплатоник Плотин сказал: «Когда пробуждается страсть, приходит фантазия и словно показывает нам ее объект» (Du Prel, 1885, 276.) [*Ennead*, IV, 4, 17.]

в которых эти самые ужасные из всех неприятных ощущений будоражат нас до тех пор, пока мы не просыпаемся, и особенно таким страшным снам подвержены дети (ср. работу Дебаккера [Debacker, 1881], посвященную *pavor nocturnus*), у которых сны-желания, как мы обнаружили, проявляются открыто.

И действительно, именно страшные сны, казалось бы, исключают возможность обобщения тезиса, к которому мы пришли, основываясь на примерах в предыдущем разделе, что сновидение представляет собой исполнение желания, и даже вроде бы делают его абсурдным.

Тем не менее опровергнуть эти якобы убедительные возражения не очень сложно. Просто необходимо иметь в виду, что наше учение основывается не на оценке явного содержания сновидения, а относится к содержанию мыслей, которое открывается благодаря работе по истолкованию сновидения. Сопоставим *явное* и *скрытое содержание сновидения*. Действительно, есть сновидения, явное содержание которых имеет самый неприятный характер. Но пытался ли кто-нибудь истолковать эти сновидения, раскрыть их скрытое содержание? Если нет, то оба возражения к нам уже не относятся; ведь остается возможность того, что даже неприятные и страшные сны после истолкования окажутся исполнениями желания[1].

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* Совершенно невероятно, с каким упорством читатели и критики игнорируют эту идею и оставляют без внимания принципиальное различие между явным и латентным содержанием сновидения. — *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Из всех высказываний, имеющихся в литературе, ни одно, однако, не соответствует этому моему положению, как одно место в статье Дж. Салли «Сон как откровение» (Sully, 1893, 364), ценность которой не уменьшается из-за того, что я впервые ссылаюсь на нее только сейчас: *«It would seem, then, after all, that dreams are not the utter nonsense they have been said to he by such authorities as Chaucer, Shakespeare and Milton. The chaotic aggregations of our night-fancy have a significance and communicate new knowledge. Like some letter in cipher, the dream-inscription when scrutinized closely loses its first look of balderdash and takes on the aspect of a serious, intelligible message. Or, to vary the figure slightly, we may say that, like some palimpsest, the dream discloses beneath its worthless surface-characters traces of an old and precious communication».* [*«После всего этого, наверное, становится ясным, что сновидения — это не полная бессмыслица, как полагают такие авторитеты, как Чосер, Шекспир и Милтон. Хаотические нагромождения наших ночных причуд имеют*

В научной работе часто бывает полезно, когда решение проблемы доставляет трудности, привлечь вторую проблему, подобно тому, как два ореха проще расколоть друг о друга, чем каждый из них по отдельности. Поэтому перед нами стоит не только вопрос: каким образом неприятные и страшные сны могут быть исполнениями желаний, но и, основываясь на наших предыдущих рассуждениях о сновидении, у нас возникает второй вопрос, почему сновидения, индифферентные по своему содержанию, которые оказываются исполнениями желаний, не обнаруживают этого своего смысла в явном виде? Возьмем, например, подробно проанализированное нами сновидение об инъекции Ирме; оно отнюдь не имеет неприятного характера и в результате толкования оказывается очевидным исполнением желания. Но зачем вообще нужно толкование? Почему сновидение не говорит прямо того, что оно означает? На самом деле и сновидение об инъекции Ирме поначалу не кажется изображением исполнения желания сновидца. У читателя не возникнет такого впечатления, но я сам не знал этого, пока не провел анализ. Назовем такое поведение сновидения, которое нуждается в объяснении, *фактом искажения в сновидении,* и тогда встает второй вопрос: откуда берется это искажение?

Если расспросить о самых первых мыслях, которые возникают по этому поводу, то можно, пожалуй, найти самые разные решения, например сказать, что во время сна человек не в состоянии дать соответствующего выражения своим мыслям. Однако анализ некоторых сновидений заставляет нас дать искажению во сне другое объяснение. Я постараюсь показать это на примере второго моего сновидения, которое опять-таки требует большой откровенности с моей стороны, но вознаграждает за эту личную жертву основательным прояснением проблемы.

свое значение и сообщают новое знание. Как в зашифрованном письме, "надпись" в сновидении после тщательного изучения теряет свое первое впечатление галиматьи и приобретает аспект серьезной, понятной вести. Или, выражаясь несколько иначе, мы можем сказать, что, подобно некоему палимпсесту, сновидение обнаруживает под своими ничего не значащими буквами на поверхности следы древнего ценнейшего сообщения». Разрядка Фрейда.]

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

Весной 1897 года я узнал, что два профессора нашего университета предложили выдвинуть меня на присуждение звания экстраординарного профессора. Это известие было для меня неожиданным, и я обрадовался ему как выражению признания моих заслуг со стороны двух выдающихся ученых, которое нельзя было объяснить личными отношениями. Но я тут же сказал себе, что не вправе связывать с этим событием каких-либо ожиданий. В последние годы министерство оставило без внимания ряд таких ходатайств, и несколько моих старших коллег, как минимум равных мне по заслугам, уже много лет понапрасну ожидали подобного назначения. У меня не было никаких причин думать, что меня ждет лучшая участь. Таким образом, я решил заранее этим утешиться. Насколько мне известно, я нечестолюбив и достаточно успешно занимаюсь своей врачебной деятельностью, не обладая высоким званием. Впрочем, речь шла совсем не о том, каким я считал виноград — кислым или сладким, потому что, без сомнения, он висел для меня чересчур высоко.

Однажды вечером меня навестил один мой коллега [Р.] — один из тех, судьба которого послужила для меня предостережением. Будучи уже долгое время кандидатом на звание профессора, которое в нашем обществе делает врача полубогом для его больных, и менее смиренным, чем я, он время от времени наведывался в бюро высокого министерства, чтобы способствовать решению своего вопроса. После одного из таких посещений он и пришел ко мне. Он сообщил, что на этот раз ему удалось припереть к стенке высокопоставленного чиновника и напрямую спросить его, действительно ли его назначению препятствуют конфессиональные соображения[1]. Ответ гласил, что, конечно... при нынешних веяниях... его превосходительство... пока не может и т. д. Теперь, по крайней мере, я знаю, в чем дело», — закончил мой друг свой рассказ, который не принес мне ничего нового и только укрепил меня в моем смирении. Эти же конфессиональные соображения вполне относились и к моему случаю.

---

[1] [Выражение «конфессиональные соображения» относится, разумеется, к антисемитизму, свирепствовавшему в Вене уже в 90-е годы.]

Утром после этого визита мне приснился следующий сон, который интересен также и своей формой. Он состоял из двух мыслей и двух образов, причем мысль и образ сменяли друг друга. Но я приведу здесь лишь первую половину сновидения, поскольку другая ничего общего не имеет с той целью, которой должно служить сообщение об этом сне.

I... *Приятель Р. — мой дядя. Я испытываю к нему большую нежность.*

II. *Я вижу, что его лицо несколько изменилось. Оно словно вытянулось; особенно выделяется обрамляющая его рыжая борода.*

Затем последовали две другие части — снова мысль и образ, которые я пропущу.

Толкование этого сна происходило следующим образом.

Когда утром мне вспомнилось это сновидение, я рассмеялся и сказал: «Этот сон — полная бессмыслица!» Но я никак не мог от него отделаться, и он весь день преследовал меня, пока, наконец, вечером я не упрекнул себя: «Если кто-нибудь из твоих пациентов сказал бы про свое сновидение, что это полная бессмыслица, то, наверное, ты бы сделал ему замечание и предположил, что за сном скрывается какая-нибудь неприятная история, которую он отказывается принимать к сведению. Ты поступаешь точно так же; твое мнение, будто этот сон — полная бессмыслица, означает лишь твое внутреннее сопротивление толкованию сновидения. Не удерживай себя от этого». Таким образом, я приступил к толкованию.

«Р. — мой дядя». Что это может значить? Ведь у меня был всего один только дядя, дядя Йозеф[1]. С ним, однако, случилась печальная история. Однажды — с тех прошло уже больше тридцати лет — он, поддавшись корыстолюбивым намерениям, совершил поступок, который сурово карается законом, а затем также понес наказание. Мой отец, который тогда за несколько дней поседел от горя, имел обыкновение всегда говорить, что дядя Йозеф никогда не был плохим человеком, но, наверное, был дураком; так он выразился.

---

[1] Удивительно, как здесь моя память — в бодрствовании — ограничивается в целях анализа. Я знал пятерых своих дядей, и одного из них любил и уважал. Но в тот момент, когда я преодолел нежелание истолковать свое сновидение, я сказал себе: «У меня был всего один дядя, тот, которого я видел во сне».

Если, таким образом, приятель Р.— мой дядя Йозеф, то тем самым я хочу, наверное, сказать: «Р.— дурак». Маловероятно и очень неприятно! Но тут я вспоминаю лицо, виденное мной во сне, вытянутое, с рыжей бородой. У моего дяди действительно такое лицо, вытянутое, обрамленное красивой светлой бородой. Мой приятель Р. был темным брюнетом, но, когда брюнеты начинают седеть, они расплачиваются за великолепие своей молодости. Их черная борода постоянно претерпевает неприятную метаморфозу; сначала она становится рыжей, затем желтовато-коричневой и, наконец, седой. На этой стадии находится теперь борода моего приятеля Р.; впрочем, и моя тоже, как, к своему неудовольствию, замечаю я. Лицо, увиденное мною во сне, является одновременно лицом моего приятеля Р. и моего дяди. Оно сродни смешанной фотографии Гальтона, который, чтобы выявить семейное сходство, фотографировал несколько лиц на одну и ту же пластину [Galton, 1907, 6 etc. и 221 etc.]. Таким образом, не может быть никаких сомнений в том, что я действительно думаю: мой приятель Р.— дурак, как мой дядя Йозеф.

Пока еще я не догадываюсь, с какой целью я установил эту связь, против которой вынужден постоянно защищаться. Она все же не очень глубокая, поскольку мой дядя был преступником, а мой приятель Р. имеет безукоризненную репутацию. Правда, однажды его оштрафовали за то, что он сбил велосипедом школьника. Неужели я имею в виду этот проступок? Но тогда над этим сопоставлением можно было только посмеяться. Но тут мне вдруг вспоминается другой разговор, причем на эту же тему, который у меня состоялся несколько дней назад с другим моим коллегой Н. Я встретил Н. на улице; его тоже предложили сделать профессором. Он знал об оказанной мне чести и поздравил меня. Я решительно отклонил его поздравления. «Именно вам не следовало бы шутить, поскольку вы по своему опыту знаете цену таких предложений». Он ответил, по-видимому, не очень серьезно: «Этого нельзя знать. Против меня есть нечто особенное. Разве вы не знаете, что одна особа обвинила меня в правонарушении? Мне нет надобности вас уверять, что расследование было прекращено; это была попытка обыкновенного вымогательства, и мне потом еще пришлось прилагать все старания, чтобы избавить обвинительницу от наказания. Но, наверное, в министерстве используют это дело против меня, чтобы не возводить меня в звание. Но ваша-то репутация безупречна». Вот предо мной и преступник, а вместе с тем истолкование и тен-

денция моего сновидения. Мой дядя Йозеф изображает собой двух коллег, не получивших звания профессора, — одного как дурака, другого — как преступника. Теперь я также знаю, зачем мне такое изображение нужно. Если в отсрочке присвоения звания моим приятелям Р. и Н. решающую роль сыграли конфессиональные соображения, то тогда и мое назначение поставлено под сомнение; если же в обоих случаях она объясняется другими причинами, которые меня не касаются, то надежды у меня остаются. Именно так и ведет себя мое сновидение; оно превращает одного из них, Р., в дурака, а другого, Н., — в преступника; я же ни тот, ни другой; то, что есть у нас общего, упраздняется; я могу радоваться своему скорому назначению, и лично меня не касается неприятная информация, которую я узнал из рассказа Р. о высокопоставленном чиновнике.

Но я должен заняться дальнейшим истолкованием этого сновидения. В моих чувствах оно не получило еще удовлетворительного завершения, я все еще не могу успокоиться из-за той легкости, с которой я обесцениваю двух уважаемых коллег, чтобы освободить себе путь к профессуре. Правда, мое недовольство собственными действиями уменьшилось после того, как я сумел оценить значение высказываний в сновидении. Я готов спорить с каждым, что действительно считаю Р. дураком и что я не верю в рассказ Н. о той афере с вымогательством. Я также не считаю, что Ирма опасно заболела из-за инъекции препарата пропилена, сделанной Отто; здесь, как и там, мое сновидение выражает только мое *желание, чтобы дело обстояло именно таким образом*. Утверждение, в котором реализуется мое желание, во втором сновидении звучит менее абсурдно, чем в первом; здесь благодаря умелому использованию фактических исходных данных ему придана форма похожей на истину клеветы, в которой «что-то есть», ибо против приятеля Р. в свое время высказался один профессор, а приятель Н. сам простодушно предоставил мне материал, позволяющий мне его очернить. Тем не менее, повторяю, сновидение нуждается, на мой взгляд, в дальнейшем разъяснении.

Я вспоминаю теперь, что сновидение содержит еще один элемент, который до сих пор не принимался в расчет при истолковании. После того как мне пришла в голову мысль, что Р. — мой дядя, я стал испытывать во сне к нему нежные чувства. К кому относится это чувство? К своему дяде Йозефу я, разумеется, нежных чувств никогда не питал. Приятель Р. мне приятен

и дорог; но если бы я пришел к нему и выразил словами свою симпатию, которая хотя бы приблизительно соответствовала степени моей нежности в сновидении, то он, без сомнения, очень бы удивился. Моя нежность к нему кажется мне ненастоящей и преувеличенной, подобно моему суждению о его духовных качествах, которое я выражаю через слияние его личности с личностью дяди, но преувеличенной в противоположном смысле. Я начинаю догадываться об истинном положении вещей. Нежные чувства в сновидении не относятся к скрытому содержанию, к мыслям, стоящим за сновидением; они находятся в противоречии с этим содержанием; они годятся для того, чтобы скрыть от меня знание, полученное при толковании сновидения. Вероятно, именно в этом и состоит их предназначение. Я вспоминаю, с каким сопротивлением я приступил к толкованию этого сновидения, как долго я его откладывал и как называл сновидение полной бессмыслицей. Из моей психоаналитической работы с больными я знаю, как трактовать подобный отказ. Он не имеет познавательной ценности, а лишь выражает аффект. Когда моя маленькая дочка не хочет яблоко, которым ее угощают, она утверждает, что яблоко горькое, даже его не попробовав. Когда мои пациентки ведут себя, как моя дочь, я знаю, что все упирается у них в представление, которое они хотят *вытеснить*. То же самое относится и к моему сновидению. Я не хотел его толковать, потому что толкование содержит нечто, чему я противлюсь. После произведенного толкования сна я узнаю, чему я противился: утверждению, что Р. — дурак. Нежные чувства, которые я испытываю к Р., я не могу отнести к латентным мыслям сновидения — я их могу отнести только к своему сопротивлению. Если мое сновидение по сравнению с его скрытым содержанием в этом месте искажено, причем искажено до противоположного, то проявляющаяся в сновидении нежность служит этому искажению, или, другими словами, *искажение* оказывается здесь преднамеренным, выступает как способ *притворства*. Мои мысли во сне содержат хулу на Р.; чтобы я этого не замечал, в сновидении проявляется противоположность — нежное чувство к нему.

Возможно, это является универсальным фактом. Как показали примеры в разделе [главе] III, существует много сновидений, которые представляют собой исполнение желания в яв-

ном виде. Там, где исполнение желания является скрытым, замаскированным, должна присутствовать тенденция к защите от этого желания, и вследствие этой защиты желание не может проявиться иначе, кроме как в искаженной форме. Этому факту, относящемуся к внутренней психической жизни, мне хочется найти эквивалент в социальной жизни. Где в социальной жизни можно найти аналогичное искажение психического акта? Лишь там, где речь идет о двух людях, один из которых обладает определенной властью, а другой с этой властью должен считаться. В таком случае этот второй человек искажает свои психические акты, или, как мы можем также сказать, *притворяется*. Учтивость, которую я проявляю чуть ли не каждый день, тоже во многом является таким притворством; истолковывая читателю свои сновидения, я вынужден совершать подобные искажения. На необходимость таких искажений жалуется и поэт:

«Все лучшие слова, какие только знаешь,
Мальчишкам ты не можешь преподнесть»[1].

В сходном положении находится писатель-политик, который должен сказать власть имущим неприятную правду. Если он говорит откровенно, то власть имущий подавит его — если речь идет об устном выступлении, то после него, и превентивно, если он намерен высказать ее в печати. Писателю приходится бояться цензуры, поэтому он умеряет и искажает выражение своего мнения. В зависимости от силы и чувствительности этой цензуры он вынужден либо просто придерживаться определенных форм критики, либо вместо прямых обозначений выражаться намеками, либо он должен скрывать свои критические высказывания под внешне безобидной маской. Он может, например, рассказывать о стычке между двумя мандаринами в Срединной Империи, но на самом деле иметь в виду отечественных чиновников. Чем строже цензура, тем сильнее маскировка, тем

[1] [Слова Мефистофеля в «Фаусте» Гёте, часть I, сцена 4 (перевод Н. Холодковского) — излюбленная цитата Фрейда, которая приводится также ниже, на с. 438. В более поздние годы, в послании, написанном Фрейдом в связи с присуждением ему премии Гёте, Фрейд обращается с этими словами к самому поэту (Freud, 1930*e*, Studienausgabe, т. 10, с. 296).]

остроумнее средства, которые все же наводят читателя на след истинного значения слов[1].

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1919 году:]* Доктор Г. фон Хуг-Хелльмут в 1915 году сообщила о сновидении, которое, пожалуй, как никакое другое пригодно для того, чтобы оправдать данное мною название. Искажение в сновидении действует в этом сновидении теми же средствами, что и цензура писем, вычеркивающая те места, которые кажутся ей предосудительными. Цензура писем, зачеркивая эти места, делает их нечитаемыми, цензура сновидения заменяет их непонятным бормотаньем.

Для понимания сновидения следует сообщить, что сновидица, высокоуважаемая, весьма образованная дама 50-ти лет, является вдовой офицера, умершего примерно двенадцать лет назад, и матерью взрослых сыновей, один из которых в это время находился на фронте.

Итак, сновидение о «любовной службе». «Она отправляется в гарнизонный госпиталь № 1 и говорит постовому у ворот, что ей нужно поговорить с главным врачом… (называет незнакомое ей имя), потому что она хочет поступить на службу в госпиталь. При этом она так подчеркивает слово "служба", что унтер-офицер сразу догадывается, что речь идет о "любовной службе". Поскольку она женщина пожилая, он пропускает ее после некоторых колебаний. Но вместо того, чтобы пройти к главному врачу, она попадает в большую темную комнату, где за длинным столом сидят и стоят многие офицеры и военные врачи. Она обращается со своим предложением к штабному врачу, который понимает ее с нескольких слов. В сновидении она говорит буквально следующее: "Я и многие другие женщины и молодые девушки Вены готовы солдатам, рядовым и офицерам без различия…" Здесь в сновидении следует какое-то бормотание. Но то, что все присутствующие ее правильно поняли, показывают ей отчасти смущенные, отчасти лукавые выражения лиц офицеров. Дама продолжает: "Я знаю, что наше решение выглядит странным, но для нас оно совершенно серьезно. Солдата на поле боя тоже не спрашивают, хочет он умереть или нет". Наступает минутное мучительное молчание. Штабной врач обнимает ее за талию и говорит: "Милостивая государыня, представьте себе, что дело действительно дошло бы до..." (бормотание). Она освобождается от его объятий с мыслью: "Все они одинаковы" — и возражает: "Господи, я старая женщина и, может быть, вообще не смогу. Впрочем, одно условие должно быть соблюдено: считаться с возрастом; так, чтобы пожилая женщина совсем молодому парню... (бормотание); это было бы ужасно". Штабной врач: "Я вполне понимаю". Некоторые офицеры, и среди них тот, кто в молодости за ней ухаживал, громко смеются, и дама хочет, чтобы ее проводили к знакомому главному врачу и вместе с ним во всем разобраться. При этом, к великому своему смущению, она понимает, что не знает его имени. Тем не менее штабной врач очень вежливо и учтиво предлагает ей подняться на второй этаж по узкой железной винтовой лестнице, которая прямо из комнаты ведет на верхние этажи. Поднимаясь, она слышит, как один офицер говорит: "Это колоссальное решение, не важно, молодая или старая; потрясающе!"

Совпадение вплоть до мелочей феноменов цензуры и феноменов искажения в сновидении дает нам право предположить наличие у тех и у других сходных условий. То есть мы можем предположить, что создателями образов сновидения являются две психические силы (течения, системы) индивида, из которых одна формирует выраженное с помощью сна желание, тогда как другая осуществляет цензуру и посредством этой цензуры вынуждает к искажению этого выражения. Возникает только вопрос, в чем состоят полномочия этой второй инстанции, благодаря которым она может осуществлять свою цензуру. Если мы вспомним о том, что скрытые мысли сновидения до анализа не осознаются, тогда как проистекающее из них явное содержание сновидения вспоминается сознательно, то напрашивается предположение, что преимущественное право второй инстанции как раз и заключается в допуске к сознанию. Из первой системы ничего не может попасть в сознание, не пройдя предварительно через вторую инстанцию, а вторая инстанция не пропускает ничего, не проявив своих прав и не совершив желательных для себя изменений в том, что стремится попасть в сознание. При этом мы обнаруживаем совершенно определенное понимание «сущности» сознания; осознание является для нас особым психическим актом, отличным и независимым от процесса предположения или представления, и сознание кажется нам органом чувств, воспринимающим данное где-то содержание. Можно показать, что психопатология просто-таки не может обойтись без этих базисных допущений. Более детальную их оценку мы можем оставить на потом[1].

Если я придерживаюсь представления о двух психических инстанциях и их отношении к сознанию, то с моей очевидной нежностью, испытываемой в сновидении к Р., который обесце-

---

С чувством того, что просто выполняет свой долг, она поднимается по бесконечной лестнице.

Это сновидение повторяется на протяжении нескольких недель еще дважды, причем, как замечает дама, с совершенно незначительными и совершенно бессмысленными изменениями».

[Некоторые дополнительные комментарии к этому сну можно найти в девятой лекции по введению в психоанализ (1916–1917), *Sludienausgabe*, т. I, с. 148 и далее, 153–154.]

[1] [См. главу VII, в частности раздел Е, с. 578 и далее.]

нивается в результате толкования сновидения, возникает вполне конгруэнтная аналогия из политической жизни людей. Я переношусь в государственную жизнь, в которой между собой борются властитель, ревностно относящийся к своей власти, и живое общественное мнение. Народ возмущается ненавистным чиновником и требует его увольнения; чтобы не показать, что он считается с волей народа, властитель именно в этот момент присуждает чиновнику высокую награду, к которой в противном случае не было бы ни малейшего повода. Таким образом, моя вторая инстанция, контролирующая доступ в сознание, наделяет моего друга Р. излиянием преувеличенной нежности, потому что стремления-желания первой системы в силу особого интереса, который они как раз и преследуют, хотят обозвать его дураком[1].

У нас здесь может возникнуть ощущение, что толкование сновидения способно дать нам разъяснение структуры нашего душевного аппарата, которое мы тщетно до сих пор ожидали от философии. Но мы не последуем этим путем[2], а, объяснив искажение в сновидении, вернемся к нашей исходной проблеме. Был задан вопрос, каким образом сновидения, неприятные по своему содержанию, можно все-таки трактовать как исполнения желаний. Мы видим теперь, что это вполне возможно, если про-

---

[1] [Анализ этого сновидения продолжается на с. 207 и далее.] *[Дополнение, сделанное в 1911 году:]* Такие лицемерные сновидения не являются редкостью ни у меня, ни у других. [Они еще раз обсуждаются ниже, на с. 474 и далее.] В то время, когда я был занят изучением одной научной проблемы, меня в течение нескольких ночей подряд посещало несколько непонятное сновидение, содержанием которого являлось мое примирение с одним моим другом, с которым я давно разошелся. С четвертого или пятого раза мне удалось наконец понять смысл этих сновидений. Он заключается в поощрении отказаться от последних остатков уважения к данному человеку, полностью от него освободиться, и он лицемерным образом облачился в свою противоположность. [Ср. с. 479.] Я сообщил [1910*l*, см. также ниже, на с. 404—405, прим.] о «лицемерном эдиповом сновидении», рассказанном одним человеком, в котором враждебные побуждения и желания смерти в мыслях сновидения заменяются внешней нежностью. («Типичный пример замаскированного эдипова сновидения».) Еще одна разновидность лицемерных сновидений будет упомянута в другом месте (см. раздел [главу] VI — «Работа сновидения» [с. 475 и далее.]. — [Другом, о котором здесь говорит Фрейд, по всей видимости, является Флисс.]

[2] [К этой теме Фрейд вновь возвращается в главе VII.]

изошло искажение в сновидении, если неприятное содержание служит лишь для маскировки желательного. Учитывая наши предположения о наличии двух психических инстанций, мы можем теперь также сказать, что неприятные сновидения действительно содержат нечто, что неприятно для второй инстанции, но вместе с тем исполняет желание первой инстанции. Они являются снами-желаниями потому, что каждое сновидение исходит от первой инстанции, вторая же ведет себя по отношению к сновидению защитным, а не созидательным образом[1]. Если мы ограничимся оценкой того, что вносит в сновидение вторая инстанция, то мы никогда не поймем сновидение. В таком случае останутся все те же загадки, которые отмечались разными авторами.

То, что сновидение действительно имеет тайный смысл, означающий исполнение желания, в каждом отдельном случае можно доказать при помощи анализа. Поэтому я приведу несколько сновидений неприятного содержания и попытаюсь их проанализировать. Отчасти это сновидения истериков, требующие пространных предварительных пояснений, а иногда и проникновения в психические процессы при истерии. Однако избежать этого затруднения в ходе моего изложения мне невозможно. [Ср. с. 123.]

Когда я принимаюсь за аналитическое лечение психоневротика, его сновидения, как уже отмечалось [с. 119–120], постоянно становятся темой наших бесед. При этом мне приходится давать ему всякого рода психологические разъяснения, при помощи которых я сам прихожу к пониманию его симптомов и сталкиваюсь при этом с безжалостной критикой, пожалуй, не менее резкой, чем со стороны моих коллег. Регулярно у моих пациентов возникает возражение на мои слова, что сновидения в целом являются исполнениями желаний. Вот несколько примеров материала снов, рассказанных мне в качестве контраргумента.

«Вы всегда говорите, что сновидение — это исполненное желание», — говорит одна довольно умная пациентка. — Я хочу рассказать вам одно сновидение, содержание которого, напротив, доказывает, что мое желание не исполняется. Как вы соотнесете его со своей теорией? Мне приснилось следующее: *я хочу*

[1] *[Дополнение, сделанное в 1930 году:]* В дальнейшем [с. 479, прим. 1, а также с. 559 и далее] мы познакомимся также со случаем того, что сновидение, наоборот, выражает желание этой второй инстанции.

устроить для гостей ужин, но у меня ничего не заготовлено, кроме копченой лососины. Я думаю о том, чтобы пойти что-нибудь купить, но вспоминаю, что сегодня воскресенье и все магазины закрыты. Я хочу позвонить по телефону поставщикам, но телефон не работает. В результате от желания устроить ужин мне приходится отказаться».

Я отвечаю, конечно, что только анализ может выяснить смысл этого сновидения, хотя признаю, что на первый взгляд оно кажется разумным и связным и вроде бы противоположно исполнению желания. «Но из какого материала возникло это сновидение? Вы ведь знаете, что поводом к сновидению всякий раз являются переживания предыдущего дня».

АНАЛИЗ

Муж пациентки, простодушный и трудолюбивый торговец мясом, заявил ей накануне, что он слишком потолстел и поэтому хочет начать лечиться от тучности. Он будет рано вставать, делать моцион, соблюдать строгую диету и, прежде всего, ни от кого не будет принимать приглашений на ужины. Смеясь, она рассказывает далее, что за столиком в кафе ее муж познакомился с одним художником, который во что бы то ни стало хотел написать его портрет, потому что такого выразительного лица он еще не видел. Но ее муж в своей грубоватой манере ответил, что он покорнейше благодарит и вполне убежден, что часть задницы красивой молодой девушки художнику будет приятнее, чем все его лицо[1]. Моя пациентка очень любит своего мужа, и они часто друг над другом подшучивают. Недавно она попросила его не покупать ей икры.— Что бы это значило?

Дело в том, что ей давно уже хотелось каждое утро есть булочки с икрой, но она не позволяет себе такие траты. Конечно, муж тотчас купил бы ей икры, если бы она его об этом попросила. Но она, наоборот, попросила его не покупать ей икры, чтобы впредь иметь возможность этим его поддразнивать.

---

[1] Сидеть перед художником.
Гёте: «Как может, знатный, он сидеть,
Коль зада не имеет?» [Из: «Totalität», 1814–1815.]

(Это объяснение кажется мне несостоятельным. За такими неудовлетворительными сведениями обычно скрываются несознаваемые мотивы. Вспомним пациентов Бернгейма, которые после гипноза совершали определенные действия, а когда им задавали вопросах об их мотивах, не отвечали, к примеру: «Я не знаю, почему я это сделал», а придумывали явно недостаточные объяснения. Точно так же, пожалуй, обстоит дело и с икрой у моей пациентки. Я замечаю, что она вынуждена создавать себе в жизни неисполненное желание. В ее сновидении также происходит отказ от желания. Но зачем ей нужно неисполненное желание?)

Всех предыдущих мыслей недостаточно для толкования сновидения. Я настаиваю на продолжении. После недолгой паузы, соответствующей преодолению сопротивления, она сообщает далее, что вчера навестила одну свою подругу, к которой, собственно говоря, ревнует, потому что муж постоянно расхваливает эту женщину. К счастью, эта подруга очень худая и тощая, а ее муж — любитель пышных форм. О чем говорила эта худая подруга? Конечно, о своем желании немного поправиться. Она также спросила: «Когда же вы нас снова к себе пригласите? У вас всегда так хорошо кормят».

Теперь смысл сновидения ясен. Я могу сказать пациентке: «Это все равно, как если бы вы подумали при ее словах: "Ну уж конечно, буду я тебя приглашать, — чтобы ты у меня наелась, поправилась и смогла еще больше понравиться моему мужу! Лучше я вообще не буду больше устраивать ужинов!" Сновидение вам говорит, что вы не можете устроить ужина и, следовательно, исполняет ваше желание ничем не способствовать округлению форм вашей подруги. О том, что от угощений в чужом доме люди полнеют, говорил вам ваш муж, который ради того, чтобы похудеть, решил не принимать приглашений на ужины». Теперь нам недостает только еще некоего стечения обстоятельств, которое подтвердит это решение. Мы также еще не выяснили значение в содержании сновидения копченой лососины. «Что вы думаете по поводу упомянутой во сне лососины?» «Копченый лосось — любимое блюдо этой подруги», — отвечает она. Случайно я тоже знаком с этой дамой и могу подтвердить, что она столь же мало позволяет себе есть лососину, как моя пациентка икру.

Это же сновидение допускает еще и другое, более тонкое толкование, которое даже становится необходимым ввиду одного побочного обстоятельства. Оба эти толкования не противоречат друг другу, а перекрываются и служат превосходным при-

мером типичной двусмысленности сновидений, как и всех остальных психопатологических образований. Мы слышали, что пациентка наряду со своим сновидением об отказе от желания стремилась отказать себе в желании и в реальности (булочки с икрой). Подруга тоже выразила желание — поправиться, и нас бы не удивило, если бы нашей даме приснилось, что желание подруги не исполнилось. Дело в том, что ее собственное желание заключается в том, чтобы желание подруги — а именно прибавить в весе — не осуществилось. Но вместо этого ей снится, что не исполняется ее собственное желание. Сновидение получает новое толкование, если в нем она имеет в виду не себя, а подругу, если она поставила себя на место подруги или, как мы можем сказать, *идентифицировала* себя с ней.

Я думаю, что она действительно так и сделала, и признаком этой идентификации служит то, что она создала себе в реальности отвергнутое желание. Но какой смысл имеет истерическая идентификация? Чтобы его понять, нам придется на этом остановиться несколько подробней. Идентификация является чрезвычайно важным моментом в механизме возникновения истерических симптомов; этим способом больные выражают в своих симптомах переживания целого ряда других людей — не только собственные, — словно страдая за всех остальных и самостоятельно исполняя доступными для них средствами все роли пьесы. Мне возразят, что это является известной истерической имитацией, способностью истериков подражать всем симптомам, которые произвели на них впечатление, у других людей, так сказать, состраданием, усилившимся до репродукции. Но тем самым мы обозначили путь, по которому протекают психические процессы при истерической имитации; несколько иным будет путь и душевные акты, следующие этим путем, у обычных людей. Последний немного сложнее, чем имитация у истериков, какой ее обычно себе представляют; он соответствует бессознательному процессу умозаключения, что будет показано на примере. Врач, у которого в одной палате в больнице среди других пациентов лежит больная с судорогами определенного рода, едва ли выкажет удивление, если однажды утром узнает, что этот истерический приступ нашел себе подражание. Он просто скажет себе: «Другие больные его видели и стали ему подражать; это — психическая инфекция». Да, но психическая инфекция возникает примерно так. Как правило, больные знают друг о друге больше, чем врач о каждом из них, и заботят-

ся друг о друге, когда врачебный обход закончен. У одной из пациенток случается приступ; вскоре другим становится известно, что причиной его послужило письмо из дома, воспоминание о несчастной любви и т. п. Они сочувствуют ей и приходят к следующему, не достигающему, однако, сознания, выводу: если из-за такой причины могут возникать подобные приступы, то такие же приступы могут быть и у меня, потому что и у меня есть такие же поводы. Если бы это умозаключение дошло до сознания, то, возможно, оно вылилось бы в *страх* испытать сходный приступ; но оно совершается на другой психической территории и поэтому завершается реализацией внушавшего тревогу симптома. Таким образом, идентификация — это не просто имитация, а *уподобление* на почве сходных этиологических условий; она выражает «подобие» и относится к тому общему, что сохраняется в бессознательном.

Идентификация при истерии, как правило, используется для выражения сексуальной общности. Чаще всего — если не исключительно — истеричная женщина идентифицируется в симптомах своей болезни с такими людьми, с которыми она состояла в половой связи или которые имеют половые отношения с женщинами, похожими на нее. Наш язык тоже считается с таким представлением. «Два сердца — одна душа», — говорят о влюбленных. В истерической фантазии, как и в сновидении, для идентификации достаточно того, что человек начинает помышлять о сексуальных отношениях, которые вовсе не обязательно должны быть реальными. То есть пациентка просто следует правилам истерических процессов мышления, когда проявляет ревность к подруге (которую, впрочем, она сама считает безосновательной), ставя себя в сновидении на ее место и посредством созданного симптома (отвергнутого желания) идентифицируя себя с ней. В языковом отношении этот процесс можно было бы объяснить также следующим образом: в сновидении она становится на место подруги, потому что та занимает ее место возле ее супруга и потому что ей хотелось бы занять ее место во мнении своего мужа[1].

---

[1] Я сам сожалею о включении этих частей из психопатологии истерии [см. с. 123], которые вследствие их фрагментарного изложения и оторванности от всего контекста большой ясности внести не могут. Если все-таки они сумеют показать внутреннюю связь темы сновидения с психоневрозами, то можно считать, что свою задачу, ради которой я их сюда включил, выполненной. [Это является

В более простой форме и все же по схеме, согласно которой неисполнение одного желания означает исполнение другого, разрешается протест против моей теории сновидений у другой пациентки, наиболее остроумной из всех моих сновидиц. Однажды я сказал ей, что сновидение представляет собой исполнение желания; на следующий день она рассказала мне сон, *будто она вместе со своей свекровью отправилась отдыхать на дачу.* Я знал, ей очень не хотелось провести лето вместе со свекровью; знал также и то, что недавно ей удалось счастливо избежать внушавшего ей тревогу совместного проживания с нею, сняв дачу вдали от загородного дома свекрови. Но теперь сновидение отменило это желанное решение; разве это не противоречит моему учению об исполнении желания с помощью сновидения? Разумеется, необходимо было лишь сделать вывод из этого сновидения, чтобы иметь его толкование. Согласно этому сновидению, я был не прав; *то есть ее желание состояло в том, чтобы я оказался не прав, и сновидение его исполнило.* Однако желание, чтобы я оказался не прав, которое исполнилось посредством темы «жизнь на даче», на самом деле относилось к другому, более серьезному вопросу. Именно в это время из материала, полученного в результате ее анализа, я сделал вывод, что в определенный период ее жизни, видимо, произошло что-то важное, касавшееся ее заболевания. Она возразила на это, потому что в ее памяти ничего подобного не было. Вскоре, однако, мы убедились, что я был прав. Таким образом, ее желание, чтобы я оказался неправым, трансформировавшееся в сон о том, что вместе со своей свекровью она едет за город, соответствовало естественному желанию, чтобы те события, о которых у меня тогда впервые возникло подозрение, никогда не случались.

Без анализа, только посредством предположения я позволил себе истолковать небольшой эпизод, случившийся с одним из моих друзей, который на протяжении восьми классов гимназии учился вместе со мной. Однажды в небольшом кругу он прослушал мою

первым представленным в напечатанном виде обсуждением Фрейдом идентификации. Хотя эту тему он затрагивает также и в последующих публикациях, более развернутое изложение появилось все же только через двадцать лет в главе VII работы «Психология масс и анализ Я» (Freud, 1921*c*). Отличающаяся от этого тема идентификации как часть работы сновидения обсуждается ниже на с. 329–330.]

лекцию о новой моей идее, что сновидение представляет собою исполнение желания, пришел домой, увидел сон, *что он проиграл все свои процессы* (он был адвокатом), и затем рассказал мне об этом. Я помог себе отговоркой: «Нельзя же все процессы выигрывать», но про себя подумал: «Если в течение восьми лет я в качестве первого ученика сидел на первой парте, тогда как он в классе был где-то посередине, то не осталось ли у него с этих детских лет желание, чтобы я когда-нибудь основательно опозорился?»

Другое сновидение более мрачного характера рассказала мне одна моя пациентка также в качестве возражения на мою теорию снов-желаний. Пациентка, молодая девушка, начала со слов: «Вы помните, что у моей сестры теперь только один сын, Карл; старшего, Отто, она потеряла, когда я еще жила у нее в доме. Отто был моим любимцем, собственно говоря, я его воспитывала. Младшего я тоже любила, но, конечно, далеко не так сильно, как умершего. А этой ночью мне приснилось, *будто Карл умер. Он лежит в маленьком гробике, сложив на груди руки; вокруг горят свечи. Словом, все было так, как когда умер маленький Отто, смерть которого меня так потрясла.* Скажите же мне, что это значит? Вы же меня знаете; разве я такой плохой человек, чтобы желать сестре потерять единственного ребенка, который у нее остался? Или сновидение означает, что для меня лучше бы умер Карл, чем Отто, которого я гораздо больше любила?»

Я заверил ее, что это последнее толкование исключается. Немного подумав, я сумел дать ей правильное толкование сновидения, которое она затем подтвердила. Мне это удалось, потому что я знал всю предысторию сновидицы.

Рано осиротев, девушка воспитывалась в доме своей старшей сестры и встретила там человека, который оставил неизгладимое впечатление в ее сердце. Одно время казалось, что эти едва ли афишировавшиеся отношения закончатся браком, но этот счастливый исход расстроила сестра, мотивы которой так и остались до конца не выясненными. После разрыва мужчина, в которого была влюблена моя пациентка, перестал бывать в этом доме; сама она через некоторое время после смерти маленького Отто, на которого перенеслись все ее нежные чувства, стала жить одна. Ей, однако, не удалось избавиться от зависимости, в которую попала из-за своей симпатии к другу своей сестры. Гордость повелевала ей избегать встречи с ним; но она и не могла перенести свою любовь на других поклонников, которых

выстроилась целая очередь. Когда любимый ею человек, принадлежавший к кругу литераторов, выступал где-нибудь с лекцией, ее безошибочно можно было найти среди слушателей, и вообще она старалась использовать любую возможность увидеть его издали в разных местах. Я вспомнил, что на днях она мне рассказывала, что профессор должен был пойти на концерт, она тоже собиралась туда пойти, чтобы снова его увидеть. Это было как раз накануне сновидения; в тот день, когда она рассказала мне о своем сновидении, должен был состояться концерт. Поэтому мне было несложно сконструировать верное толкование, и я задал ей вопрос, не помнит ли она о каком-либо событии, которое произошло после смерти маленького Отто. Она тотчас ответила: «Конечно, в тот день после долгого отсутствия пришел профессор, и я снова свиделась с ним у маленького Отто». Именно это я и ожидал услышать. Поэтому я истолковал сон следующим образом: «Если бы теперь умер второй мальчик, то повторилось бы то же самое. Вы провели бы весь день у сестры, наверное, пришел бы профессор, чтобы выразить свое соболезнование, и вы бы увидели его в той же ситуации, что и тогда. Сновидение означает не что иное, как ваше желание снова увидеться с ним, то есть желание, с которым вы внутренне боретесь. Я знаю, что вы носите в сумочке билет на сегодняшний концерт. Ваше сновидение выражает ваше нетерпение, оно на несколько часов ускорило свидание, которое должно состояться сегодня».

Для сокрытия своего желания она, очевидно, выбрала ситуацию, в которой такие желания обычно подавляются, ситуацию, в которой человек настолько исполнен скорбью, что о любви не думает. И все же вполне возможно, что и в реальной ситуации, которую в точности скопировало сновидение, у гроба первого мальчика, любимого ею сильнее, она не смогла подавить нежного чувства к профессору, который так долго не бывал в их доме[1].

Иное объяснение я нашел аналогичному сновидению другой пациентки, которая в прежние годы отличалась находчивостью и веселым нравом и все эти качества проявила теперь — во всяком случае, в мыслях — во время лечения. В пространном сновидении этой даме представилось, что ее единственная пятнадцатилетняя дочь лежит мертвая в коробке. Она была не прочь использовать этот сон для опровержения моей теории исполнения желания, но сама все же предполагала, что такая деталь сна, как коробка,

[1] [Это сновидение Фрейд упоминает также на с. 261 и 466–467.]

должна указать путь к другому истолкованию сновидения[1]. Во время анализа ей вспомнилось, что накануне вечером в обществе зашла речь об английском слове «box» и о разнообразных его переводах на немецкий язык: коробка, ложа, ящик, пощечина и т. д. На основании других элементов того же сновидения можно дополнить, что она догадалась о родстве английского слова «box» с немецким «Buchse» (банка), а затем ей вспомнилось, что слово «Buchse» используется как вульгарное обозначение женских гениталий. Относясь снисходительно к ее познаниям в топографической анатомии, можно было предположить, что ребенок в «коробке» означает плод в материнском чреве. После такого объяснения она уже не стала отрицать, что сновидение действительно соответствует одному ее желанию. Как и многие молодые женщины, она отнюдь не была счастлива, когда забеременела, и не раз признавалась себе в желании, чтобы ребенок умер в утробе матери; более того, в приступе ярости после бурной сцены с мужем она стала бить кулаками по животу, чтобы убить ребенка. Таким образом, мертвый ребенок был действительно исполнением ее желания, но желания, устраненного пятнадцать лет назад, и не следует удивляться, что исполнение желания, проявившегося столь запоздало, осталось незамеченным. За это время многое изменилось[2].

Группа, к которой относятся два последних сновидения, имеющих своим содержанием смерть близких родственников, будет еще раз рассмотрена при обсуждении типичных сновидений [с. 261 и далее]. Там на новых примерах я смогу показать, что, несмотря на нежелательное содержание всех этих снов, они должны трактоваться как исполнения желания. Не пациенту, а одному моему знакомому, интеллигентному юристу, я обязан следующим сновидением, которое опять-таки было рассказано с намерением удержать меня от поспешного обобщения теории снов-желаний. *«Мне снилось,* — рассказывает мой знакомый, — *что я подхожу к моему дому под руку с одной дамой. Там меня ждет закрытая карета; ко мне подходит какой-то человек, представляется полицейским агентом и приглашает меня последовать за ним. Я прошу*

[1] Как в сновидении о неудавшемся ужине с копченой лососиной. [См. выше, с. 165.]

[2] [Этот сон обсуждается дальше на с. 261–262, а также вкратце упоминается в тринадцатой лекции по введению в психоанализ (Freud, 1916–1917, *Stutdienausgabe,* т. I, с. 206–207).]

его дать мне время, чтобы привести в порядок дела. Вы думаете, что, быть может, у меня есть желание оказаться арестованным?» «Конечно, нет, — приходится мне согласиться. — Но, может, вы знаете, по какому поводу вас хотели арестовать?» — «Да, я думаю, за детоубийство». — «За детоубийство? Вы же знаете, что это преступление может совершить только мать, убивая новорожденного?» — «Вы правы»[1]. — «А при каких обстоятельствах вам это приснилось? Что произошло вчера вечером?» — «Мне бы не хотелось вам этого рассказывать, это деликатный вопрос». — «Но мне это нужно, иначе нам придется отказаться от толкования сновидения». — «Так и быть, послушайте. Я ночевал не дома, а у одной дамы, которая для меня очень многое значит. Когда мы под утро проснулись, между нами опять кое-что было. Затем я снова заснул и увидел во сне то, что вы уже знаете». — «Это замужняя женщина?» — «Да». — «И вы не хотите иметь от нее ребенка?» — «Нет, нет, это бы выдало нас». — «Поэтому вы практикуете ненормальный коитус». — «Я соблюдаю осторожность и останавливаюсь до эякуляции». — «Вправе ли я предположить, что в эту ночь вы проделали этот фокус несколько раз и, повторив его утром, были немного обеспокоены, удался ли он вам?» — «Такое вполне может быть». — «Тогда ваше сновидение представляет собой исполнение желания. Благодаря ему вы успокоились в том, что вы не зачали ребенка, или, что почти то же самое: вы ребенка убили. Промежуточные звенья мне нетрудно вам показать. Вспомните: несколько дней назад мы говорили с вами о вынужденных браках и непоследовательности, которая заключается в том, что разрешается совершать коитус таким образом, что оплодотворения не происходит, тогда как любое вмешательство после того, как яйцо и семя встретились и образовался зародыш, карается как преступление. В связи с этим мы вспомнили об одном средневековом споре: в какой момент времени, собственно говоря, душа вселяется в зародыш, ибо только после этого понятие убийства становится правомерным! Вы, конечно, знаете жуткое стихотворение Ленау ["Мертвое счастье"], в котором детоубийство

[1] Часто бывает, что сновидение рассказывается не полностью, и лишь во время анализа в памяти всплывают выпущенные его куски. Эти вспоминаемые впоследствии элементы и дают, как правило, ключ к толкованию сновидения. См. ниже о забывании сновидений [с. 519 и далее].

приравнивается к предотвращению беременности». — «О Ленау я почему-то вспомнил сегодня утром». — «Это тоже отголосок вашего сновидения. Теперь я хочу показать вам еще одно побочное исполнение желания в вашем сне. Вы подходите к своему дому под руку с дамой. То есть вы *приводите* ее *домой*[1], тогда как на самом деле проводите ночь у нее. То, что исполнение желания, образующее ядро сновидения, скрывается в столь неприятной форме, имеет, возможно, больше одной причины. Из моей статьи об этиологии невроза страха [Freud, 1895b] вы, возможно, узнали, что *coitus interruptus* я считаю одной из причин возникновения невротического страха. С этим согласуется то, что после многократных подобных коитусов у вас осталось неприятное чувство, которое теперь в качестве элемента вошло в композицию вашего сновидения. Этим испорченным настроением вы и воспользовались, чтобы замаскировать исполнение желания. [Ср. с. 519.] Впрочем, упоминание о детоубийстве также не было объяснено. Как вам пришло в голову это специфически женское преступление?» — «Я хочу вам признаться, что несколько лет назад я впутался в такое же дело. Я был повинен в том, что одна девушка совершила аборт, пытаясь защититься от последствий романа со мною. Я не был причастен к осуществлению ее намерения, но долгое время испытывал естественный страх, что дело раскроется». — «Я думаю, что это воспоминание послужило второй причиной того, почему мысль о неудачном прерванном акте должна быть для вас такой неприятной».

Один молодой врач, который услышал об этом сновидении на моей лекции, должно быть, оказался им очень взволнован, ибо в ту же ночь ему приснился похожий сон, мысли которого имели отношение к другой теме. Накануне он подал сведения о своих доходах, которые были совершенно правдивы, поскольку он и в самом деле зарабатывал не очень много. Ему приснилось, однако, *что к нему приходит знакомый, бывший на заседании налоговой комиссии, и сообщает ему, что все другие налоговые декларации прошли беспрепятственно, и только его декларация возбудила общее недоверие, и ему назначен внушительный штраф*. Это сновидение представляет собой плохо завуалированное исполнение желания прослыть за врача, имеющего большие доходы. Впрочем, оно напоминает

[1] [То есть женитесь. — *Примечание переводчика*.]

известную историю об одной юной девушке, которой пытались отсоветовать выходить замуж, потому что ее жених очень вспыльчив и, наверное, если они поженятся, будет ее бить, на что она ответила: «Да пусть уж побьет!» Ее желание выйти замуж столь велико, что она соглашается с неприятной перспективой, связанной с ее браком, и даже желает ее.

Относя[1] очень часто встречающиеся сновидения подобного рода, которые вроде бы противоречат моей теории, поскольку они имеют своим содержанием отказ от желания или осуществление чего-то явно нежелательного, к категории «снов о противоположных желаниях», я вижу, что в целом их можно свести к двум принципам, один из которых не был еще мной упомянут, хотя и в жизни, и в сновидениях людей он играет важную роль. Одной движущей силой таких сновидений является желание, чтобы я оказался не прав. Эти сновидения регулярно возникают во время лечения, когда пациент выказывает мне сопротивление, и я с большой уверенностью могу рассчитывать на то, что вызову такое сновидение, в самом начале изложив больному свою теорию, что сновидение представляет собой исполнение желания[2]. Более того, я могу ожидать, что с некоторыми из моих читателей тоже такое случается; они с готовностью откажутся в сновидении от какого-либо желания, лишь бы исполнить желание, чтобы я оказался не прав. Последнее сновидение подобного рода, о котором мне хотелось бы рассказать, опять-таки демонстрирует то же самое. Одной юной девушке, которая с большим трудом добилась права продолжить у меня лечение вопреки воле ее родных и советам авторитетных людей, приснилось: *дома ей запрещают продолжать ко мне ходить. Тогда она ссылается на данное ей мною обещание в случае необходимости лечить ее безвозмездно, и я говорю ей: «В денежных делах я не могу быть снисходительным».*

Действительно, нелегко выявить здесь исполнение желания, но во всех этих случаях помимо одной загадки имеется и дру-

---

[1] [Этот и следующий абзацы были добавлены в 1909 году.]

[2] Аналогичные «сны о противоположных желаниях» в последние годы мне часто рассказывают мои слушатели. Они возникают как реакция на их первое знакомство с теорией «исполнения желания в сновидении».

гая, решение которой помогает решить также и первую. Откуда берутся слова, которые она вкладывает в мои уста? Разумеется, ничего подобного я никогда ей не говорил, но один из ее братьев, а именно тот, который оказывает на нее самое большое влияние, изволил так сказать про меня. Следовательно, сновидение пытается сохранить правоту ее брата, и считать своего брата всегда правым ей хочется не только во сне: в этом состоит содержание ее жизни и мотив ее болезни.

Один врач (Stärcke, 1911) увидел и истолковал сновидение[1], которое на первый взгляд создает особые трудности для теории исполнения желания[2]: *«Я вижу у себя первичное сифилитическое поражение на последней фаланге левого указательного пальца».*

Возможно, нам захочется воздержаться от анализа этого сновидения ввиду того, что его нежелательное содержание кажется ясным и связным. Но если только не побояться трудностей анализа, можно узнать, что «первичное поражение» («Primäraffekt») можно приравнять к *«prima affectio»* (первой любви) и что отвратительная язва, по словам Штерке, оказывается «заменой исполнения желаний, пронизанных сильнейшим аффектом».

Другой мотив снов о противоположных желаниях[3] настолько очевиден, что возникает опасность вообще его проглядеть, как это со мной и случалось долгое время. В сексуальной конституции многих людей существуют мазохистские компоненты, которые возникают в результате обращения в свою противоположность других компонентов — агрессивных, садистских[4]. Таких людей называют «духовными мазохистами», если они находят удовольствие не в причиняемой им телесной боли, а в унижении и в душевных муках. Не требуется далее пояснять, что этим людям могут сниться сны о противоположных желаниях и неудовольствии, которые все же являются не чем иным, как исполнением желаний — удовлетворением их мазохистских наклонностей. Я приведу одно такое сновидение: молодому человеку, в юные годы мучавшему своего старшего

---

[1] [Этот и два следующих абзаца были добавлены в 1914 году.]

[2] [На самом деле из сообщения не вытекает, что Штерке сам видел этот сон.]

[3] [Этот абзац появился в 1909 году.]

[4] [Свои взгляды по этому вопросу Фрейд излагает в работе «Экономическая проблема мазохизма», 1924*f*.]

брата, к которому он бы гомосексуально расположен, теперь, когда его характер основательно изменился, снится состоящий из трех частей сон. *I. Его старший брат к нему «пристает». II. Двое взрослых людей любезничают друг с другом, преследуя гомосексуальные цели. III. Брат продал предприятие, которым сновидец собирался руководить в будущем.* После последнего сновидения он проснулся с самыми неприятными чувствами, и все же это является мазохистским сном-желанием, перевод которого мог бы гласить: я бы получил по заслугам, если бы брат наказал меня продажей того предприятия за все муки, которые он от меня терпел.

Я надеюсь, что предыдущих примеров достаточно, чтобы — до следующего возражения — считать вполне вероятным, что и сновидения с неприятным содержанием можно трактовать как исполнения желаний[1]. Кроме того, едва ли кто-нибудь увидит проявление случайности в том, что при толковании этих сновидений мы всякий раз приходили к темам, на которые не любят говорить или не любят думать. Наверное, неприятное чувство, пробуждаемое подобными сновидениями, попросту идентично неудовольствию, которое пытается нас удержать — чаще всего успешно — от обсуждения или обдумывания этих вопросов и которое каждый из нас должен преодолеть, если мы все же считаем себя обязанными ими заняться. Это повторяющееся в сновидении чувство неудовольствия не исключает, однако, наличия желания; у каждого человека есть желания, о которых ему не хочется рассказывать другим, и желания, в которых он не хочет признаться даже себе самому. С другой стороны, мы считаем себя вправе связывать неприятный характер всех этих снов с искажением в сновидении и делать вывод, что эти сновидения искажены, а исполнение желания в них замаскировано до неузнаваемости именно потому, что имеется отвращение, намерение вытеснить тему сновидения или противоположное желание, которое порождается ею. Следовательно, искажение в сновидении фактически оказывается проявлением цензуры. Но мы уч-

[1] [Следующее предложение, хотя и в несколько измененной форме, в 1919 году было включено в текст, а в 1925 году перешло в примечание:] Я должен отметить, что обсуждение этой темы здесь не завершено, и мы к ней еще вернемся позднее [см. с. 557 и далее].

тем все, что дал нам анализ неприятных снов, если изменим нашу формулу, выражающую сущность сновидения, следующим образом: *сновидение — это (замаскированное) исполнение (подавленного, вытесненного) желания*[1].

Остаются еще страшные сны, являющиеся особой разновидностью сновидений с неприятным содержанием, понимание которых как снов-желаний встретит наибольшее сопротивление у непосвященных. Тем не менее я могу здесь очень кратко разъяснить страшные сны; это не является новой стороной про-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Один из великих ныне живущих писателей, который, как мне говорили, ничего не желает знать о психоанализе и толковании сновидений, самостоятельно все же пришел к почти тождественной формулировке, выражающей сущность сновидения: «Самовольное появление подавленных страстных желаний под фальшивым обликом и названием». C. Spitteler (1914, 1).

[Дополнение, сделанное в 1911 году:] Забегая вперед, я приведу здесь слова Отто Ранка, расширившего и модифицировавшего вышеупомянутую общую формулу: «Сновидение на основе и с помощью вытесненного инфантильно-сексуального материала изображает исполнение актуальных, как правило, также эротических желаний в скрытой и символически закамуфлированной форме» (Rank, 1910 [519].)

[Дополнение, сделанное в 1925 году:] Я нигде не говорил, что эта формула Ранка стала и моей тоже. Более краткая формулировка, приведенная в тексте, мне кажется вполне удовлетворительной. Вместе с тем одного того, что я упомянул модифицированный вариант, предложенный Ранком, вполне достаточно, чтобы подвергнуть психоанализ упреку, повторявшемуся бесчисленное множество раз: в нем якобы утверждается, что *все сновидения имеют сексуальное содержание*. Когда этот тезис понимают так, как хочется, то это доказывает только то, сколь мало добросовестности обычно проявляют критики в своем деле и с какой готовностью противники не замечают самых ясных высказываний, когда не справляются со своей склонностью к агрессии, ибо чуть раньше [с. 145 и далее] я упоминал разнообразные примеры исполнения желаний в снах детей (совершить прогулку за город или по озеру, наверстать пропущенную трапезу и т. д.), в других местах — сны, вызванные чувством голода [с. 149, прим. 1], сны, вызванные жаждой [с. 142–143], выделениями, говорил о снах о комфорте [с. 142–143]. Да и сам Ранк категорически ничего не утверждает. Он говорит: «Как правило, также эротических желаний», и это можно вполне подтвердить в большинстве сновидений взрослых людей.

Дело обстоит иначе, если слово «сексуальное» используется в значении «эроса», которое стало ныне в психоанализе общеупотребительным. Однако интересную проблему, все ли сновидения порождаются «либидинозными» влечениями (в противоположность «деструктивным»), противники едва ли имели в виду. [Ср. Фрейд, *Я и Оно,* глава IV (1923*b*).]

блемы сновидений, которая бы в них проявилась, а речь здесь идет о понимании невротического страха как такового. Страх, который мы ощущаем во сне, лишь на первый взгляд можно объяснить содержанием сновидения. Подвергая толкованию содержание сновидения, мы замечаем, что страшный сон объясняется содержанием сновидения не лучше, чем, например, страх при фобии объясняется представлением, с которым эта фобия связана. Хотя и верно, например, что человек может выпасть из окна, и поэтому у него есть причина проявлять известную осторожность, находясь возле окна, но нельзя понять, почему при соответствующей фобии страх настолько велик, что преследует больного даже там, где для этого нет повода. Это же объяснение является правомерным как по отношению к фобиям, так и по отношению к страшным снам. В обоих случаях страх лишь *присоединяется* к сопутствующему представлению и проистекает из другого источника.

Ввиду этой тесной взаимосвязи страха во сне и невротического страха при рассмотрении первого я должен буду ссылаться на второй. В небольшой статье, посвященной «неврозу страха» (1895*b*), я в свое время утверждал, что невротический страх проистекает из сексуальной жизни и объясняется тем, что либидо отклонилось от своей цели и не используется по назначению[1]. С тех пор не раз удавалось доказать обоснованность этой формулировки. Из нее же можно сделать вывод, что страшные сны являются сновидениями сексуального содержания, в которых содержавшееся в них либидо преобразовалось в страх. Позднее у нас будет возможность подтвердить это положение посредством анализа нескольких сновидений у невротиков[2]. В ходе дальнейших попыток приблизиться к теории сновидения я еще раз коснусь условия возникновения страшных снов и их совместимости с теорией исполнения желаний.

---

[1] [Более поздние представления Фрейда об отношении между либидо и страхом изложены в работе «Торможение, симптом и страх» (1926*d*).]

[2] [В дальнейшем Фрейд, очевидно, изменил свое мнение: ср. с. 559 и далее, где анализируются два страшных сна и вновь обсуждается эта тема.]

V
МАТЕРИАЛ И ИСТОЧНИКИ СНОВИДЕНИЙ

Когда из анализа сновидения об инъекции Ирме мы увидели, что сновидение представляет собой исполнение желания, нас прежде всего заинтересовал вопрос, удалось ли нам этим раскрыть общий характер сновидения, а все прочее научное любопытство, которое, возможно, у нас пробуждалось в ходе той работы по толкованию, нам пришлось временно в себе заглушить. Достигнув теперь этой цели, мы можем вернуться обратно и выбрать новый исходный пункт для наших блужданий по проблемам сновидения, хотя из-за этого нам придется на какое-то время оставить в стороне отнюдь пока еще до конца не проясненную тему исполнения желаний.

Научившись благодаря использованию нашего метода толкования сновидений раскрывать *скрытое* содержание сновидения, которое значительно важнее *явного* содержания, мы снова должны рассмотреть отдельные проблемы сновидения, чтобы проверить, не разрешаются ли удовлетворительным образом загадки и противоречия, казавшиеся неразрешимыми, пока нам было известно только явное содержание сновидения.

Представления разных авторов о взаимосвязи сновидения с жизнью в бодрствовании, а также о происхождении материала сновидения подробно изложены во вступительном разделе [глава I, А и В]. Мы помним также те три главных особенности памяти в сновидении [ср. глава I, Б], на которые мы не раз обращали внимание, но так и не объяснили:

1. То, что сновидение отдает явное предпочтение впечатлениям последних дней [с. 37–38] (Robert [1886, 46], Strümpell [1877, 39], Hildebrandt [1875, 11], а также Weed-Hallam [1896, 410–411]);

2. То, что оно делает выбор на основании других принципов, нежели память в бодрствовании, поскольку в нем вспоминается не существенное и важное, а второстепенное и незначительное [с. 38–39];

3. То, что оно располагает нашими самыми ранними детскими впечатлениями и воспроизводит даже детали из этого времени жизни, которые опять-таки кажутся нам тривиальными и которые в бодрствовании считаются нами давно позабытыми [с. 35 и далее] [1].

[1] Очевидно, что мнение Роберта [Robert, 1886, 9–10], будто предназначение сновидения заключается в том, чтобы освобождать нашу память от несущест-

Разумеется, эти особенности выбора материала сновидения наблюдались различными авторами в явном содержании сновидения.

А
Недавнее и индифферентное в сновидении

Если теперь, рассматривая происхождение элементов, проявляющихся в содержании сновидения, я обращусь к собственному опыту, то прежде всего я должен высказать утверждение, что в каждом сновидении можно выявить связь с переживаниями *предыдущего дня*. Какое бы сновидение я ни брал — свое собственное или чужое, каждый раз этот мой опыт получал подкрепление. Зная об этом факте, я могу начинать толкование сновидения с выяснения вначале тех переживаний предыдущего дня, которые вызвали данное сновидение; во многих случаях это оказывается даже наикратчайшим путем. В обоих сновидениях, которые я подверг подробному анализу в предыдущем разделе (об инъекции Ирме и о моем дяде с рыжей бородой), связь с дневными впечатлениями столь очевидна, что не требует дальнейшего пояснения. Но, чтобы показать, насколько постоянными могут быть эти отношения, я вслед за этим проанализирую несколько собственных сновидений. Я привожу здесь эти сновидения лишь в той мере, в какой это необходимо для раскрытия их искомых источников.

1. Я наношу визит в один дом, куда меня с трудом впускают и т. д.; тем временем меня ждет на улице какая-то женщина.

Источник: Вечером разговор с одной родственницей о том, что с покупкой, о которой она просила, придется *подождать* до… и т. д.

2. Я написал монографию о каком-то виде растений.

Источник: Утром в витрине книжного магазина я увидел *монографию* о цикламене.

венных впечатлений дня [ср. выше, с. 98 и далее], нельзя считать верным, поскольку в сновидении относительно часто появляются безразличные образы воспоминаний из нашего детства. Нам пришлось бы сделать из этого вывод, что сновидение выполняет возложенную на него задачу весьма неудовлетворительно.

3. Я вижу на улице двух женщин, м а т ь и д о ч ь, *последняя из которых была моей пациенткой.*

Источник: Одна моя нынешняя пациентка накануне вечером сообщила мне, что ее *мать* возражает против продолжения лечения.

4. В книжном магазине С. и Р. я приобретаю абонемент на одно периодическое издание, которое стоит д в а д ц а т ь г у л ь д е н о в в г о д.

Источник: Моя жена накануне напомнила мне, что я должен ей *двадцать гульденов* на карманные расходы.

5. Я получаю от социал-демократического комитета п и с ь м о, *в котором ко мне обращаются как к* ч л е н у *партии.*

Источник: Письма, полученные одновременно от избирательного комитета либеральной партии и от президиума гуманитарного союза, *членом* которого я и в самом деле являюсь.

6. Ч е л о в е к н а к р у т о й с к а л е п о с р е д и м о р я. Л а н д ш а ф т н а п о м и н а е т м н е к а р т и н у Б ё к л и н а.

Источник: Дрейфус на *Чертовом острове*; одновременно с этим известия от моих родственников из *Англии* и т. п.

Можно задать вопрос: всегда ли сновидение связано с событиями предыдущего дня или оно может распространяться на впечатления, относящиеся к более продолжительному периоду из недавнего прошлого? Пожалуй, этот вопрос принципиального значения не имеет, и все же я бы высказался за исключительную привилегию дня, предшествующего сновидению. Всякий раз, когда мне казалось, что источником сновидения было впечатление, возникшее два или три дня назад, при более тщательном изучении я мог убедиться, что данное впечатление вновь всплывало в памяти накануне, то есть что в день накануне сновидения воспроизводилось событие, случившееся несколько дней назад, и, кроме того, я мог указать новый повод, ставший причиной воспоминания о более раннем событии.

И наоборот[1], я не смог убедить себя в том, что между дневным впечатлением, вызвавшим сон, и его воспроизведением в сновидении существует постоянный интервал, имеющий биоло-

[1] [Этот абзац был добавлен в 1909 году.]

гическое значение (в качестве первого интервала подобного рода Г. Свобода называет восемнадцать часов)[1].

[1] *[Дополнение, сделанное в 1911 году:]* Г. Свобода [1904], как я уже сообщал в дополнениях к первому разделу (с. 115), распространил открытые В. Флиссом [1906] биологические интервалы в двадцать три и двадцать восемь дней на душевную деятельность и, в частности, утверждает, что эти периоды играют решающую роль в появлении тех или иных элементов сновидения. Если бы это удалось доказать, то толкование сновидений существенно не изменилось бы, но что касается происхождения материала сновидения, то здесь открылся бы новый источник. Недавно я провел несколько исследований собственных сновидений, чтобы проверить применимость «теории периодов» к материалу сновидений, и выбрал для этого особенно приметные элементы содержания сновидения, время появления которых в жизни можно точно определить.

I. Сон, приснившийся в ночь с 1-го на 2-е октября 1910 года.

(Фрагмент) *...Где-то в Италии. Три моих дочери показывают мне ценные вещи и при этом садятся ко мне на колени. Глядя на один из предметов, я говорю: «Это ведь вам досталось от меня». При этом я отчетливо вижу небольшой барельеф с резкими чертами Савонаролы».*

Когда в последний раз я видел изображение Савонаролы? По записям в моем путевом дневнике, 4 и 5 сентября я был во Флоренции; там, на мостовой Пиаццы Синьории, на том месте, где он нашел свою смерть, сожженный на костре, мне захотелось показать моему спутнику медальон с изображением этого фанатичного монаха, и мне кажется, что утром 3 сентября [дата «5 сентября», указанная в более ранних изданиях, является опечаткой] я говорил ему об этом же. От этого впечатления до его воспроизведения во сне прошло 27+1 день — «женский период» по Флиссу. Однако я должен упомянуть, умаляя доказательную силу этого примера, что *накануне сновидения* у меня был один мой коллега — энергичный, но угрюмый человек (в первый раз после моего возвращения), которого уже несколько лет я в шутку называю «рабби Савонарола». Он рассказал мне об одном больном, попавшем в аварию на железной дороге, по которой я сам ехал восемь дней назад, и тем самым вернул меня к мыслям о моем последнем путешествии по Италии. Появление странного элемента «Савонарола» в содержании сновидения объясняется этим визитом коллеги, и 28-дневный интервал теряет свое дедуктивное значение.

II. Сон, приснившийся в ночь с 10-го на 11-е октября того же года.

Я занимаюсь химией в университетской лаборатории. Гофрат Л. приглашает меня куда-то пойти и в странной позе с вытянутой шеей, словно присматриваясь (?) (вглядываясь вдаль?), пробирается по коридору, держа перед собой в поднятой руке лампу или какой-то инструмент. Мы проходим через площадь... (Остальное забыто).

Самое удивительное в этом сновидении — это то, как гофрат Л. несет перед собой лампу (или лупу), напряженно вглядываясь вдаль. Я уже не видел Л. много лет, но понимаю, что он лишь замещает собой кого-то другого, более великого — статую Архимеда в Сиракузах, стоящую именно в такой позе, как в сновидении, держащего в руке лупу и устремившего свой взгляд на осаждающее войско римлян. Когда я в первый (или в последний) раз видел эту статую? Я был в Сиракузах 17 сентября вечером, и с этой даты до сновидения фактически прошло 13 + 10 = 23 дня, которые соответствуют «мужскому периоду» по Флиссу.

К сожалению, более детальное истолкование этого сновидения также и здесь во многом ставит под сомнение обязательность этой взаимосвязи. Поводом к сновидению послужило известие, полученное мной накануне, что клиника, в аудитории которой я читаю лекции, в ближайшее время будет переведена в другое место. Я подумал, что новое здание расположено весьма неудобно, сказал себе, что это все равно что вообще не иметь никакой аудитории; отсюда мои мысли устремились, должно быть, к началу моей преподавательской деятельности, когда у меня действительно не было аудитории, а мои старания получить ее наталкивались на нелюбезность достопочтенных гофратов и профессоров. Тогда я отправился к Л. [проф. Эрнсту Людвигу], который в то время занимал должность декана и которого я считал своим покровителем, чтобы поведать ему о своей беде. Он обещал мне помочь, но в дальнейшем я ничего от него так и не услышал. В сновидении он — Архимед, который дает мне рпх уфю [«точку опоры»; часть знаменитого изречения: «Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир»], а самого меня ведет в другое помещение. То, что мыслям сновидения не чужды ни месть, ни сознание собственного величия, легко выявит любой человек, сведущий в толковании. Но я должен сказать, что без этого повода мне едва ли приснился бы в ту ночь Архимед; я не уверен, не дало ли бы о себе знать сильное и пока еще свежее впечатление, связанное со статуей в Сиракузах, через какой-то другой промежуток времени.

III. Сон, приснившийся в ночь со 2-го на 3-е октября 1910 года.

(Фрагмент) ... *Что-то про профессора Озера, который сам составил для меня меню, что действует на меня успокаивающе*... (Остальное забыто).

Сновидение является реакцией на расстройство желудка, случившееся накануне, которое заставило меня задуматься, не обратиться ли мне за назначением диеты к коллеге. То, что я обращаюсь во сне к Озеру, умершему этим летом, связывается с недавней (1 октября) смертью другого высокочтимого мною университетского преподавателя. Но когда умер Озер и когда я узнал о его смерти? По сообщениям из газет, он умер 22 августа; так как в то время я находился в Голландии, куда мне регулярно присылали «Винер Цайтунг», я прочел известие о его смерти лишь 24 или 25 августа. Но этот интервал уже не соответствует никакому периоду, он охватывает 7 + 30 + 2 = 39 или, возможно, 40 дней. Я не могу припомнить, чтобы в это время я говорил или думал об Озере.

Такие интервалы, без дальнейшей переработки не пригодные для учения о периодах, получаются из моих сновидений несравненно чаще, нежели регу-

Также и Х. Эллис (Ellis, 1911, 227)[1], уделявший внимание этому вопросу, отмечает, что не смог найти такой периодичности репродукции в своих сновидениях, «несмотря на то, что искал ее». Он рассказывает один сон, в котором ему снилось, что он находился в Испании и хотел поехать в какое-то место: *Дараус, Вараус* или *Цараус*. Проснувшись, он не смог вспомнить места с таким названием и отложил сновидение в сторону. Спустя несколько месяцев он действительно обнаружил название *Цараус*: так называлась станция между Сан Себастьяном и Бильбао, которую он проезжал на поезде за 250 дней до сновидения.

Таким образом, я полагаю, что у каждого сновидения имеется возбудитель, относящийся к тем переживаниям, после которых «еще не прошло и ночи».

Впечатления недавнего прошлого (за исключением дня, предшествующего сновидению) не имеют, следовательно, иного отношения к содержанию сновидения, чем другие впечатления из какого угодно отдаленного прошлого. Сновидение может выбирать материал из любого периода жизни, если только впечатления предыдущего дня («недавние» впечатления) связываются с этими ранними впечатлениями мысленной нитью.

Но чем объясняется предпочтение недавних впечатлений? Мы придем к некоторым предположениям, если подвергнем более детальному анализу одно [с. 181] из упомянутых сновидений. Я выбираю

СНОВИДЕНИЕ О МОНОГРАФИИ ПО БОТАНИКЕ.

Я написал монографию о неком растении. Книга лежит передо мной, я перелистываю содержащиеся в ней цветные таблицы. К каждому экземпляру приложено засушенное растение, как в гербарии.

АНАЛИЗ

Утром в витрине книжного магазина я увидел новую книгу, озаглавленную «Род цикламен», — очевидно, *монографию* об этом растении.

лярные. Постоянной я нахожу только утверждаемую мною связь между сновидением и самим впечатлением предыдущего дня.

[1] [Следующий абзац был добавлен в 1914 году.]

Цикламен — *любимый цветок* моей жены. Я упрекаю себя за то, что не так часто *приношу цветы*, как ей того хочется. На тему *«приносить цветы»* я вспоминаю одну историю, не так давно рассказанную мной в кругу друзей в качестве доказательства моего утверждения, что забывание очень часто является исполнением бессознательного намерения, и тем не менее оно позволяет раскрыть скрытые мысли забывающего. Одна молодая женщина, привыкшая в день своего рождения получать от мужа букет цветов, на этот раз не обнаружила такого знака проявления нежности и расплакалась. Приходит муж и не может понять, почему она плачет, пока она ему не говорит: «Сегодня день моего рождения». Тут он ударяет себя по лбу, восклицает: «Извини, я совершенно об этом забыл», — и хочет пойти купить ей *цветы*. Но она не может этим утешиться, потому что в забывчивости своего мужа она видит доказательство того, что в его мыслях она уже не играет такой роли, как прежде. Два дня спустя эта фрау Л. повстречалась с моей женой, сообщила ей, что чувствует себя хорошо, и справилась о моем здоровье. Несколько лет назад она проходила у меня лечение.

Новая отправная точка: я действительно однажды написал нечто вроде *монографии* о растении, а именно статью о *растении кока* [1884e], которая заставила К. Коллера обратить внимание на анестезирующие свойства кокаина. Я сам в своей публикации указал на возможность подобного применения алкалоида, но не был достаточно обстоятелен, чтобы продолжать исследовать этот вопрос[1]. В связи с этим мне приходит в голову мысль, что утром после того как мне приснилось это сновидение (для толкования которого я нашел время лишь вечером), я размышлял о кокаине в своего рода дневной фантазии. Если бы у меня развилась глаукома, я бы поехал в Берлин и там инкогнито позволил бы прооперировать себя врачу, рекомендованному моим другом [Флиссом]. Хирург, который бы не знал, над кем он трудится, стал бы в который раз говорить о том, как легки теперь эти операции благодаря применению кокаина; я не подал бы и виду, что сам причастен к этому открытию. К этой фантазии присоединились мысли о том, как все же неловко врачу обращаться за медицинской помощью к своим коллегам. Берлинско-

[1] [См. прим. 2 на с. 130.]

му офтальмологу, который меня не знает, я бы мог заплатить, как любой другой пациент. После того как мне пришла в голову эта дневная греза, я заметил, что за ней скрывается воспоминание об определенном событии. Вскоре после открытия Коллера мой отец заболел глаукомой; его прооперировал мой друг, офтальмолог доктор Кёнигштайн; доктор Коллер сделал кокаиновую анестезию и заметил при этом, что в данном случае сошлись все три человека, причастные к применению кокаина.

Теперь я пытаюсь выяснить, когда в последний раз я вспоминал об этой истории с кокаином. Это было несколько дней назад, когда мне в руки попался сборник, выпущенный благодарными учениками к юбилею своего учителя и заведующего лабораторией. В перечне заслуг лаборатории я обнаружил также, что именно в ней Коллером были открыты анестезирующие свойства кокаина. Я вдруг понимаю, что мой сон связан с одним из событий предыдущего вечера. Я провожал домой доктора Кёнигштайна и вел с ним беседу на тему, которая волнует меня всякий раз, когда я ее затрагиваю. Задержавшись с ним на площадке этажа, мы встретили профессора *Гертнера*[1] с его молодой женой. Я не мог удержаться, чтобы не поприветствовать их обоих словами, какой у них *цветущий вид*. Профессор Гертнер — один из авторов сборника, о котором я только что говорил, и, видимо, он мог мне о нем напомнить. Также и госпожа Л., о неприятном разочаровании которой в день рождения я рассказывал только что, была упомянута в беседе с доктором Кёнигштайном, но по другому поводу.

Я попытаюсь истолковать и другие источники содержания сновидения. К монографии приложены *засушенные экземпляры* растений, словно это *гербарий*. С гербарием у меня связано одно гимназическое воспоминание. Однажды директор нашей гимназии собрал учеников старших классов и поручил им просмотреть и почистить гербарий ботанического кабинета. В нем оказались маленькие *черви* — книжные черви. Ко мне, похоже, он доверия не испытывал и поэтому дал лишь несколько страниц. Я до сих пор помню, что это были крестоцветные. Особой любви к ботанике я никогда не испытывал. На предварительном экзамене по ботанике мне снова

[1] [Gärtner — садовник (нем.). — *Примечание переводчика.*]

попались для определения крестоцветные, и я их не узнал. Наверное, мне бы пришлось туго, не выручи меня мои теоретические знания. От крестоцветных я перехожу к сложноцветным. В сущности, артишоки — тоже ведь сложноцветные, причем я бы назвал их своими *любимыми цветами*. Моя жена, более благородная, нежели я, часто приносит мне эти любимые цветы с рынка.

Я вижу *перед собой* монографию, которую я написал. И это тоже не лишено оснований. Мой обладающий большим воображением друг [Флисс] написал мне вчера из Берлина: «Меня очень занимает твоя книга о сновидениях. *Я вижу, что она лежит в готовом виде передо мной, и я ее перелистываю*». Как я завидовал этому его ясновидению! Если бы я тоже уже мог видеть ее перед собой в готовом виде!

Сложенные цветные таблицы. Будучи студентом, я много страдал от желания учиться только по *монографиям*. В то время я покупал, несмотря на свои ограниченные средства, многочисленные медицинские атласы, *цветные таблицы* которых приводили меня в восторг. Я гордился своей склонностью к основательности. Когда я затем сам стал писать, мне также приходилось рисовать свои таблицы, и я помню, что одна из них получилась настолько убогой, что один мой благожелательный коллега вдоволь надо мной посмеялся. К этому добавляется — не знаю, каким образом — одно очень раннее детское воспоминание. Мой отец шутки ради отдал на растерзание мне и моей старшей сестре книгу с *цветными таблицами* (описание путешествия в Персию). С педагогической точки зрения едва ли можно было это оправдать. Мне было тогда пять лет, а сестре меньше трех, и эта картина, когда мы, дети, с радостью потрошили книгу (*словно артишоки*, листок за листком, — должен сказать), чуть ли не единственная, которая запечатлелась в моих воспоминаниях об этом периоде жизни. Когда я затем стал студентом, у меня возникло явное увлечение собирать книги (подобно склонности учиться по монографиям — *пристрастие*, проявляющееся в мыслях сновидения по поводу цикламена и артишока). Я стал *книжным червем* (ср. *гербарий*). Эту свою первую страсть в жизни, с тех пор как я себя помню, я всегда сводил к этому детскому впечатлению, или, скорее, я осознал, что эта детская сцена является «покрывающим воспоминанием» моей последующей библиофилии[1]. Разумеется, я рано уз-

---

[1] См. мою статью «О покрывающих воспоминаниях» [1899*a*].

нал, что из-за своих увлечений легко можно и пострадать. Когда мне было семнадцать лет, я задолжал книготорговцу значительную сумму, не имея средств с ним рассчитаться, и мой отец едва ли счел извинением то, что мои склонности не обратились на что-то дурное. Воспоминание об этом более позднем эпизоде из юности тотчас возвращает меня к разговору с моим другом, доктором Кёнигштайном. Дело в том, что в вечернем разговоре накануне сновидения речь шла, как и тогда, о тех же упреках, что я слишком предаюсь своим *увлечениям*.

По причинам, сюда не относящимся, я не буду продолжать толкование этого сновидения, а только укажу путь, который к нему ведет. В ходе работы по толкованию мне вспомнился разговор с доктором Кёнигштайном, причем не только по одному поводу. Когда я вспоминаю, какие вопросы мы затрагивали в этой беседе, смысл сновидения становится мне понятным. Все вышеупомянутые мысли — о пристрастиях моей жены и моих собственных, о кокаине, о сложностях, связанных с лечением у коллег, о своем предпочтении учиться по монографиям и о моем пренебрежении определенными предметами, такими, как ботаника, — получают затем свое продолжение и сливаются в единое русло разветвленной беседы. Сновидение снова приобретает характер оправдания, защиты моих прав подобно первому проанализированному сновидению об инъекции Ирме; более того, оно продолжает начатую там тему и обсуждает ее на новом материале, который добавился в промежутке между этими двумя сновидениями. Даже внешне индифферентная форма выражения сновидения получает новый акцент. Теперь говорится: «Ведь я человек, написавший ценную и удачную статью (о кокаине)», подобно тому как в тот раз я говорил в свое оправдание: «Ведь я способный и прилежный студент»; то есть в обоих случаях утверждается: «Я вправе себе это позволить». Однако я могу отказаться здесь от дальнейшего толкования этого сновидения, поскольку к сообщению о нем меня подвигло только желание исследовать на конкретном примере связь сновидения с вызвавшим его переживанием предыдущего дня. Пока мне известно только явное содержание этого сновидения, я буду обращать внимание лишь на связь сновидения с дневным впечатлением; после того как я произвел анализ, появляется второй источник сновидения в другом переживании того же самого дня. Первое из впечатлений, к которому относится сновидение, представляет собой индифферентное,

побочное обстоятельство. Я вижу в витрине книгу, название которой затрагивает меня мимолетно, ее содержание едва ли могло бы меня заинтересовать. Второе переживание имело высокую психическую ценность; я почти целый час увлеченно беседовал с моим другом-офтальмологом, затронул темы, задевшие обоих нас за живое, и в моей памяти ожили воспоминания, при которых мне стало заметным мое внутреннее возбуждение. Кроме того, этот разговор остался незавершенным, потому что к нам присоединились знакомые. В какой же связи между собой находятся два этих дневных впечатления и как они связаны с приснившимся ночью сном?

В содержании сновидения я нахожу лишь намек на безразличное впечатление и поэтому могу утверждать, что сновидение включает в свое содержание в основном второстепенные жизненные впечатления. И наоборот, при толковании сновидения все указывает на важные, действительно волнующие переживания. Когда я оцениваю смысл сновидения как единственно верный по латентному содержанию, выявленному при помощи анализа, то неожиданно прихожу к новому и к тому же важному выводу. Я вижу, как разрешается загадка, будто сновидение занимается лишь ничего не значащими безделицами дневной жизни; я должен также возразить в ответ на то утверждение, будто душевная жизнь в бодрствовании не продолжается в сновидении и вместо этого сновидение расточает свою психическую энергию на никчемный материал. Верно обратное: то, что занимает нас днем, владеет нашими мыслями и в сновидении, и нам снятся во сне только такие материи, которые дали нам днем повод к размышлению.

Напрашивающееся объяснение того, что мне снится безразличное впечатление, тогда как поводом к сновидению послужило впечатление, действительно меня взволновавшее, пожалуй, является следующим: здесь снова имеет место феномен искажения в сновидении, которое мы приписали особой психической силе, выступающей в роли цензуры. Воспоминание о монографии, посвященной роду цикламен, используется как своеобразный *намек* на разговор с другом точно так же, как в сновидении о неудавшемся ужине воспоминание о подруге замещается представлением о «копченой лососине» [с. 165–166]. Спрашивается только, при помощи каких посредствующих звеньев представление о монографии связывается с беседой с офтальмологом, поскольку эта связь вначале

неочевидна. В примере о неудавшемся ужине связь ясна сразу; «копченая лососина» как любимое блюдо подруги непосредственно относится к кругу представлений, которые личность подруги способна вызывать у сновидицы. В нашем новом примере речь идет о двух обособленных впечатлениях, которые вначале не имеют между собой ничего общего, кроме того, что они возникли в один и тот же день. Монография попалась мне на глаза утром, а беседу я вел вечером. Ответ, который дает анализ, звучит так: подобные изначально не существовавшие отношения между двумя впечатлениями устанавливаются лишь впоследствии между содержанием представления первого и содержанием представления второго. Данные связующие звенья уже были упомянуты мной при изложении анализа. Без постороннего влияния представление о монографии о цикламене могло, наверное, связаться лишь с мыслью, что цикламен — это любимый цветок моей жены, и еще, быть может, с воспоминанием о разочаровании, испытанном госпожой Л. из-за отсутствия букета цветов. Не думаю, что этих мыслей было бы достаточно для того, чтобы создать сновидение.

«There needs no ghost, my lord, come from the grave
To tell us this», —

говорится в «Гамлете»[1]. Но во время анализа я вспоминаю о том, что человека, нарушившего нашу беседу, звали *Гертнер*, что я заметил *цветущий вид* его жены; более того, задним числом я теперь вспоминаю, что какое-то время в центре внимания нашего разговора находилась одна из моих пациенток, носящая красивое имя *Флора*. То есть получилось так, что через эти опосредствующие звенья, относящиеся к кругу представлений, касающихся ботаники, установилась связь между двумя дневными переживаниями — безразличным и волнующим. К этому добавились другие взаимоотношения — представление о кокаине, вполне обоснованно связывающее мысль о докторе Кёнигштайне с мыслью о написанной мною монографии по ботанике, — которые укрепили это слияние двух кругов представлений в одно, в результате чего элемент, относящийся к первому переживанию, мог теперь использоваться как намек на второе.

---

[1] [«Не стоит призраку вставать из гроба, чтоб это нам поведать». — Изречение Горацио в 1-м акте 5-й сцены (перевод М. Лозинского).]

Я готов к тому, что это объяснение будет раскритиковано как произвольное или даже искусственное. Что было бы, если бы к нам не подошел профессор Гертнер со своей цветущей супругой, или если бы пациентку, о которой мы говорили, звали не *Флорой*, а *Анной*? И тем не менее ответ прост. Если бы не возникли эти взаимосвязи мыслей, то, вероятно, были бы выбраны другие. Подобного рода взаимосвязи создать очень просто, как это доказывают шуточные вопросы и загадки, которыми мы забавляемся днем. Сфера остроумия безгранична. Сделаем еще один шаг: если бы между двумя дневными впечатлениями нельзя было установить достаточного количества опосредствующих отношений, то сновидение оказалось бы совершенно иным. Другое дневное безразличное впечатление, которых у нас большое количество и которые мы забываем, заняло бы в сновидении место «монографии», связалось бы с содержанием разговора и представило бы его в содержании сновидения. Но раз ни одно из них, кроме впечатления о монографии, не имело этой судьбы, то, по всей видимости, именно оно и было наиболее подходящим для установления взаимосвязи. Не стоит удивляться, подобно хитрому Гансу у Лессинга, тому, «что почти все деньги на этом свете принадлежат только богатым»[1].

Психологический процесс, в результате которого, на наш взгляд, безразличное впечатление становится заменой психически ценного, возможно, нам пока кажется сомнительным и непонятным. В следующем разделе [глава VI, Б (с. 314 и далее)] наша задача будет состоять в том, чтобы донести особенности этой внешне неправильной операции до нашего понимания. Здесь мы имеем дело лишь с результатами процесса, предполагать который нас заставляют многочисленные, постоянно повторяющиеся наблюдения при анализе сновидений. Этот процесс выглядит так, словно происходит *смещение* — мы скажем, психического акцента — посредством вышеупомянутых звеньев: представления, имеющие вначале *слабую* интенсивность, получая заряд от исходно *более интенсивных*, достигают силы, которая позволяет им получить доступ в сознание[1]. Такие смещения отнюдь не удивляют нас там, где речь идет о привнесении аффектов или о мо-

---

[1] [Из «Sinngedichte» Лессинга. Более подробно это сновидение обсуждается ниже, на с. 292 и далее.]

торных действиях как таковых. Когда старая дева переносит свои нежные чувства на домашних животных, когда холостяк становится заядлым коллекционером, когда солдат кровью своего сердца защищает полоску из цветной ткани, называемую знаменем, когда длящееся секунды рукопожатие вызывает у влюбленного чувство блаженства или когда пропажа носового платка приводит Отелло в ярость, — все это примеры психического смещения, которые кажутся нам неоспоримыми. Но то, что таким же путем и по тем же законам решается вопрос, что достигнет нашего сознания, а что останется для него скрытым, то есть о чем мы будем думать, производит на нас впечатление чего-то болезненного, и мы называем это ошибкой мышления, какая случается в бодрствовании. Скажем здесь в качестве конечного результата рассуждений, которые будут изложены позже, что психический процесс, выявленный нами в смещении в сновидении, хотя и не представляет собой болезненного явления, все-таки отличается от обычного процесса и имеет, скорее, *первичный* характер. [См. главу VII, Д, с. 595 и далее.]

Тем самым тот факт, что сновидение включает в себя остатки второстепенных переживаний, мы истолковываем как выражение *искажения в сновидении* (посредством смещения) и напоминаем, что искажение в сновидении мы объясняли влиянием цензуры, существующей между двумя психическими инстанциями. При этом мы ожидаем, что при анализе сновидений мы постоянно будем находить в дневной жизни действительный, психически значимый источник сновидения, воспоминание о котором сместило его акцент на безразличное воспоминание. Это воззрение приводит нас в полное противоречие с теорией Роберта [см. с. 98 и далее], ставшей для нас неприемлемой. Факта, который пытался объяснить Роберт, на самом деле не существует; гипотеза о нем основывается на недоразумении, на нежелании заменить мнимое содержание сновидения его действительным смыслом. Кроме того, теорию Роберта можно опровергнуть следующим: если бы задачей сновидения и в самом деле было освобождение нашей памяти от «шлаков» дневных воспоминаний благодаря особой психической работе, то наш сон должен был бы быть более мучительным, и он должен был бы использоваться для более напряженной работы, чем та, которая

---

[1] [См. «Предисловие издателей», с. 11–12.]

осуществляется в нашей психической жизни в бодрствовании. Очевидно, что количество индифферентных дневных впечатлений, от которых мы должны были бы защищать свою память, неимоверно велико; целой ночи было бы недостаточно, чтобы со всеми ими справиться. Весьма вероятно, что забывание безразличных впечатлений происходит без активного вмешательства наших душевных сил.

Тем не менее мы чувствуем предостережение, что нам нельзя расставаться с теорией Роберта и не учитывать ее в дальнейшем. [Ср. с. 581–582.] Мы оставили без объяснения тот факт, что одно из индифферентных впечатлений дня — а именно последнего дня — постоянно вносит свой вклад в содержание сновидения. Отношения между этим впечатлением и собственно источником сновидения в бессознательном не всегда существуют изначально; как мы уже видели, они возникают только впоследствии, словно служа преднамеренному смещению, во время работы сновидения[1]. Таким образом, должна иметься необходимость устанавливать связи именно в направлении недавнего, хотя и безразличного впечатления: последнее же должно быть особо пригодным для этого благодаря тому или иному своему качеству. В противном случае вполне можно было бы допустить, что мысли сновидения смещали бы свой акцент на несущественную составную часть своего собственного круга представлений.

Следующие наблюдения могут нас вывести на путь к объяснению. Если день нам принес два или несколько переживаний, способных вызывать сновидения, то сновидение объединяет воспоминание о них в единое целое; оно подчиняется *принуждению сформировать из них некое единство*. Например: однажды летним вечером я сел в купе поезда, где встретил двух знакомых, которые, однако, друг друга не знали. Один из них был мой влиятельный коллега, другой — член знатной семьи, в которой я состоял домашним врачом. Я познакомил их друг с другом, но их общение всю дорогу строилось через меня, а потому мне приходилось беседовать то с одним, то с другим. Коллегу я попросил дать рекомендации одному нашему общему знакомому,

---

[1] [Здесь впервые упоминается это важнейшее понятие, которому посвящена вся шестая, самая большая, глава этой книги.]

который совсем недавно начал практиковать. Коллега ответил, что хотя он убежден в способностях молодого человека, но при его невзрачной внешности ему будет непросто получить доступ в знатные семьи. Я возразил: именно поэтому он и нуждается в рекомендациях. Вскоре после этого я осведомился у другого попутчика о здоровье его тети — матери одной из моих пациенток, которая в то время была тяжело больна. Ночью после этой поездки мне приснилось, что мой юный друг, для которого я просил о протекции, находится в изящном салоне и в великосветской манере выступает перед избранным обществом, в которое я перенес всех мне известных знатных и богатых людей, с траурной речью в честь (в сновидении уже умершей) пожилой дамы, являвшейся тетей второго моего попутчика. (Признаюсь откровенно, что не состоял с этой дамой в хороших отношениях.) Таким образом, мое сновидение снова нашло связь между двумя дневными впечатлениями и с их же помощью скомпоновало их в единую ситуацию.

На основании многочисленных подобных наблюдений я должен выдвинуть тезис, что для работы сновидения существует своего рода необходимость скомпоновать в единое целое все имеющиеся источники сновидения[1].

Теперь я хочу обсудить вопрос, должен ли вызывающий сновидение источник, к которому нас приводит анализ, всякий раз представлять собой недавнее (и значимое) событие, или роль возбудителя сновидения может взять на себя внутреннее переживание, то есть воспоминание о психически значимом событии, течение мыслей. Ответ, самым определенным образом вытекающий из проведенных нами многочис-

---

[1] Склонность работы сновидения соединять в одной разработке темы то, что одновременно представляет для нас интерес, отмечалось уже многими авторами, например Делажем (Delage, 1891, 41), Дельбёфом: *rapprochement force* (Delboeuf, 1885, 237). [Сам Фрейд изложил этот принцип еще в «Очерках об истерии» (Breuer, Freud, 1895); данный фрагмент процитирован в «Предисловии издателей» (с. 9). Здесь Фрейд в 1909 году добавил предложение, которое сохранялось во всех последующих изданиях вплоть до 1922 года, но затем снова было опущено: «Мы познакомимся с этим принуждением к соединению в другом разделе (о работе сновидения) как с одним из моментов *сгущения* — еще одного первичного психического процесса». (Ср. с. 241–242, а также с. 290 и далее.)]

ленных анализов, подтверждает последнее предположение. Возбудителем сновидения может быть внутренний процесс, который словно обновляется благодаря мыслительной работе днем. Теперь, пожалуй, будет уместно объединить в одной схеме различные условия, позволяющие нам распознать источники сновидения.

Источниками сновидения могут быть:

а) Недавнее и важное в психическом отношении переживание, которое непосредственно отображается в сновидении[1].

б) Несколько недавних и важных переживаний, которые с помощью сновидения объединяются в единое целое[2].

в) Одно или несколько недавних и важных переживаний, которые в содержании сновидения замещаются одновременным, но индифферентным переживанием[3].

г) Внутреннее важное переживание (воспоминание, ход мыслей), которое затем *регулярно* замещается в сновидении недавним, но индифферентным впечатлением[4].

Как мы видим, всякий раз при толковании сновидения выполняется условие, что некая составная часть содержания сновидения повторяет недавнее впечатление предыдущего дня. Этот предназначенный для отображения во сне компонент может либо относиться к кругу представлений действительного возбудителя сновидения — причем в качестве как существенной, так и несущественной его части, — либо он проистекает из сферы индифферентного впечатления, которое тем или иным образом связано с областью возбудителя сновидения. Кажущаяся многочисленность условий возникает здесь исключительно из-за *альтернативы: произошло или не произошло смещение*, и мы замечаем, что эта альтернатива предоставляет нам ту же возможность объяснить контрасты сновидения, какую медицинской теории сновидений дает шкала от частичного до полного бодрствования клеток мозга (ср. с. 96 и далее).

Мы замечаем далее, что психически ценный, но не недав-

---

[1] Сновидение об инъекции Ирме [с. 125–127]; сновидение о приятеле, который мне приходится дядей [с. 155–157].

[2] Сновидение о траурной речи молодого врача [с. 194–195].

[3] Сновидение о монографии по ботанике [с. 185–187].

[4] Таково большинство сновидений моих пациентов во время анализа.

ний элемент (ход мыслей, воспоминание) в целях образования сновидения может замещаться недавним, но психически индифферентным элементом, если только при этом выполняются оба условия: 1) если содержание сновидения сохраняет связь с недавним переживанием; 2) если возбудитель сновидения остается психически ценным процессом. В единственном случае (а) оба условия выполняются благодаря одному и тому же впечатлению. Если еще учесть, что те же самые индифферентные впечатления, которые используются в сновидении, только пока являются новыми, и теряют это свойство, как только становятся на день (или, в крайнем случае, на несколько дней) старше, то отсюда следует предположить, что свежесть впечатления придает ему как таковому определенную психическую ценность для образования сновидения, которая чем-то похожа на ценность эмоционально насыщенных воспоминаний или мыслей. И только в ходе последующих психологических рассуждений мы сможем показать, в чем состоит эта ценность *недавних* впечатлений для образования сновидения[1].

Кроме того, мы обращаем здесь наше внимание на то, что в ночное время незаметно для нашего сознания с нашим материалом воспоминаний и представлений могут происходить серьезные изменения. Пожелание отложить до утра окончательное решение какого-либо вопроса, без сомнения, вполне обоснованно. Однако мы замечаем, что в этом пункте из психологии сновидения мы перешли в психологию сна; к этому шагу у нас еще часто будет появляться повод[2].

Есть одно возражение, которое грозит опровергнуть наши последние выводы. Если индифферентные впечатления могут попасть в содержание сновидения, лишь пока они являются новыми, то почему тогда в сновидении имеются элементы из прошлых периодов жизни, которые в то время, когда были новыми, по словам

---

[1] Ср. в разделе [главе] VII о «переносе» [с. 564 и далее].

[2] *[Дополнение, сделанное в 1919 году:]* Важные пояснения, касающиеся роли недавних событий для образования сновидения, дает О. Пёцль в изобилующей идеями работе (Potzl, 1917). Пёцль просил различных испытуемых зафиксировать в виде рисунка все, что сознательно восприняли из тахистоскопически [с помощью аппарата, позволяющего предъявлять образ на очень короткое время] экспонировавшейся картины. Затем он выяснял, что снилось испытуемому на следующую ночь, и снова просил изобразить в виде рисунка соответствующие детали этого сновидения. При этом со всей очевидностью обнаружилось, что не

Штрюмпеля [Strümpell, 1877, 40–41], не обладали психической ценностью и должны были быть давно забыты, то есть элементы, которые не являются ни свежими, ни психически значимыми.

Это возражение можно полностью опровергнуть, если опереться на результаты психоанализа у невротиков. Разрешение вопроса заключается в том, что смещение, заменяющее важный в психическом отношении материал индифферентным (как для сновидения, так и для мышления), здесь произошло уже в те ранние периоды жизни и с тех пор зафиксировались в памяти. Эти первоначально индифферентные элементы теперь уже не являются индифферентными, с тех пор как благодаря смещению они приобрели ценность психически значимого материала. То, что действительно осталось индифферентным, не может быть воспроизведено и в сновидении.

Из предыдущих рассуждений можно с полным основанием заключить, что я утверждаю: индифферентных возбудителей сновидения, а значит, и безобидных снов не существует. Это со всей строгостью и исключительностью мое мнение, если не учитывать снов детей и, например, кратковременных реакций на ночные ощущения. То, что обычно снится, можно либо распознать как психически значимое в явном виде, либо оно искажается, и его можно оценить только после произведенного толкования сновидения, в результате которого оно опять-таки предстает чем-то важным. Сновидение никогда не занимается пустяками; мы не допускаем, чтобы незначительное тревожило нас во сне[1]. Внешне невинные сновидения оказываются небезобидными, если

воспринятые испытуемым фрагменты экспонировавшейся картины давали материал для образования сновидения, тогда как детали, сознательно воспринятые и зафиксированные после экспозиции в рисунке, в явном содержании сновидения уже не появлялись. Включенный в работу сновидения материал перерабатывался в известной «произвольной», вернее, самовластной манере, служа образующим сон тенденциям. Вопросы, затронутые в исследовании Пёцля, выходят далеко за рамки толкования сновидений, которое рассматривается в этой книге. Следует вкратце указать также на то, как далеко этот новый способ экспериментального исследования образования сновидений отстоит от прежней грубой техники, заключавшейся в привнесении нарушающих сон раздражителей в содержание сновидения. [Ср. с. 237, прим.]

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Х. Эллис (Ellis, 1911, 169), благожелательный критик «Толкования сновидений», пишет: «Это тот пункт, с которого многие из нас не смогут последовать дальше за Ф.». Однако Х. Эллис не привел ни одного анализа сновидения и не желает верить, сколь неправомерно суждение, основанное на явном содержании сновидения.

заняться их толкованием; если можно так выразиться, у них всегда есть «камень за пазухой». Поскольку это опять-таки является пунктом, где я вправе ожидать возражения, и поскольку я охотно ухватываюсь за любую возможность продемонстрировать, как действует искажение в сновидении, я здесь подвергну анализу ряд *«невинных сновидений»*, собранных мною.

I

Одна умная и милая молодая дама, которая, однако, в жизни относится к категории скрытных людей, вроде «тихого омута», рассказывает: *«Мне снилось, что я пришла на рынок слишком поздно и не могла ничего купить у мясника и продавщицы овощей»*. Разумеется, безобидное сновидение, но таковым сновидение не выглядит; я прошу рассказать мне его более подробно. Тогда она сообщает мне следующее: *она идет на рынок со своей кухаркой, которая несет корзинку. Мясник говорит ей, после того как она что-то попросила: «Этого больше нет», и хочет дать ей нечто другое, замечая: «Это тоже неплохо». Она отказывается и идет к торговке овощами, которая хочет продать ей какие-то связанные в пучок странные овощи черного цвета. Она говорит: «Я этого не знаю, я этого не возьму».*

Связь этого сновидения с дневными впечатлениями довольно проста. Она действительно пришла на базар слишком поздно и ничего не купила. *Мясная лавка уже была закрыта*, — именно так хочется описать это переживание. Но погодите — разве это не общераспространенный оборот речи, который (или, точнее, противоположность которого) указывает на неряшливость в одежде мужчины[1]? Впрочем, сновидица этих слов не употребляла, быть может, их избегала; попробуем истолковать содержащиеся в сновидении детали.

Когда нечто в сновидении имеет характер разговора, то есть говорится или слышится, а не просто мыслится — что, как правило, можно с уверенностью различить, — то это проистекает из разговоров в бодрствующей жизни, которые, однако, перерабатываются, словно сырой материал, раздробляются, слегка из-

[1] [«Закрой мясную лавку» — немецкое идиоматическое выражение, соответствующее выражению в русском языке: «Закрой лавочку», то есть: «Застегни ширинку». — *Примечание переводчика.*]

меняются и, самое главное, вырываются из контекста[1]. В работе над толкованием можно исходить из таких разговоров. Откуда взялось, например, выражение мясника: *«Этого больше нет»*? От меня самого: несколько дней назад я объяснил ей, что самых ранних детских переживаний как таковых *больше нет*, — они заменяются в анализе «переносами» и сновидениями[2]. Следовательно, я — мясник, и она отвергает эти переносы всех прежних способов мышления и восприятия на настоящее. — Откуда ее слова в сновидении: *«Я этого не знаю, я этого не возьму»?* В целях анализа их следует расчленить. *«Я этого не знаю»*, — накануне она сама сказала своей кухарке, с которой у нее возник спор, но в тот раз добавила: *«Ведите себя прилично»*. Здесь становится очевидным смещение; из двух фраз, сказанных ею кухарке, она включила в сновидение несущественную; однако подавленная фраза: «Ведите себя прилично!» — согласуется с остальным содержанием сновидения. Так можно было бы сказать каждому, кто делает неприличные предложения и забывает «закрыть лавочку». То, что в своем толковании мы действительно напали на след, доказывает также созвучие со всеми намеками, содержащимися в эпизоде с торговкой овощами. Овощи, которые продаются связанными в пучок (продолговатые, как она добавила впоследствии), и притом черные — чем это может быть иным, кроме как соединением во сне спаржи и черной редьки [Rettich]? Что такое спаржа — мне не нужно истолковывать знающим людям, но и другой овощ — в виде возгласа: *«Черный, спасайся [rett dich]»*[3] — указывает, как мне кажется, на ту же самую сексуальную тему, о которой мы догадались в самом начале, когда хотели ввести в рассказ о сновидении фразу «Мясная лавка закрыта». Речь не идет здесь о том,

---

[1] Ср. обсуждение разговоров в сновидении в разделе [главе] о работе сновидения [с. 423 и далее]. По всей видимости, единственный из авторов, который сумел понять происхождение разговоров в сновидении, — это Дельбёф (Delboeuf, 1885, 226), сравнивающий их с *«cliches»*.

[2] [К этому пассажу Фрейд вновь обращается в связи с обсуждением детских воспоминаний в примечании к разделу V при описании случая «Вольфсманна» (1918*b*, *Studienausgabe*, т. 8, с. 169, прим. 1).]

[3] [Вероятно, это созвучие в то время часто использовалось в шарадах или ребусах, печатавшихся в «Fliegenden Blättern» и других юмористических журналах.]

что мы полностью поняли смысл этого сновидения; достаточно констатировать, что оно наполнено смыслом и отнюдь не безобидно[1].

II

Вот другое безобидное сновидение той же самой пациентки, в известном смысле дополняющее предыдущее: *ее муж спрашивает: «Не настроить ли пианино?» Она отвечает: «Не стоит, все равно его нужно заново обтянуть кожей».* Опять-таки повторение реального события предыдущего дня. Муж действительно задал этот вопрос, и она ответила аналогичным образом. Но что означает то, что ей это снится? Хотя она рассказывает о пианино, что это *отвратительный ящик*, который издает *плохой звук*, что это пианино было у мужа еще до свадьбы[2] и т. д., ключ к пониманию все же дают только ее слова: *«Не стоит»*. Эта фраза относится к ее вчерашнему визиту к подруге. Там ей предложили снять свой жакет, но она отказалась, сказав: «*Не стоит*, мне скоро нужно будет уйти». В ходе рассказа мне приходит в голову мысль, что вчера во время аналитической работы она вдруг схватилась за жакет, на котором расстегнулась пуговица. Она словно хотела сказать: «Пожалуйста, не смотрите, *не стоит*». Таким образом, *ящик* (Kasten) превращается в *грудную клетку* (Brustkasten), и толкование сновидения ведет непосредственно к периоду ее физи-

---

[2] Для интересующихся я отмечу, что за сновидением скрывается фантазия о неприличном, сексуально провоцирующем поведении с моей стороны и о защите со стороны дамы. Тем, кому это толкование покажется неслыханным, я напомню о многочисленных случаях, где врачи узнавали о таких жалобах от истеричных женщин, у которых те же фантазии проявлялись без искажений и не в виде сновидения, а в незамаскированной, сознательной форме и в форме бреда. — *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* С этого сновидения началось психоаналитическое лечение пациентки. Я только впоследствии понял, что она им повторила первоначальную травму, из-за которой возник ее невроз, и с тех пор я обнаруживал такое же поведение у других людей, которые в детстве подверглись сексуальным посягательствам и теперь словно хотели повторить их в сновидении.

[2] Замена противоположностью, как нам станет понятным после истолкования.

ческого развития, когда у нее начала появляться неудовлетворенность формами своего тела. Этот сон приводит нас также к прошлому, если мы обратим внимание на слова *«отвратительный»* и *«плохой звук»* и вспомним о том, как часто в намеках и в сновидениях маленькие полушария женского тела — как противоположность и как замена — занимают место больших.

III

Я прерву этот ряд, включив короткое безобидное сновидение одного молодого человека. Ему снилось, *что он снова надевает свою зимнюю куртку, и это кажется ему страшным.* Поводом к сновидению вроде бы являются неожиданно наступившие холода. Однако при более тонкой оценке мы замечаем, что обе части сновидения друг с другом не сочетаются, ведь в холода люди носят плотную или толстую куртку, и что в этом может быть «страшного»? Безобидность сновидения ставится под сомнение и первой же мыслью, возникшей во время анализа, — воспоминанием о том, что накануне одна дама доверительно призналась ему, что последний ее ребенок обязан своим появлением на свет лопнувшему кондому. Он реконструирует свои мысли, возникающие по этому поводу: тонкий кондом опасен, толстый — плох. Кондом — это «мужское пальто», ибо его надевают; так называют также и легкую куртку. Происшествие, подобное тому, что рассказала дама, для него, неженатого мужчины, было действительно «страшным». Теперь снова вернемся к нашей невинной сновидице.

IV

Она вставляет свечу в подсвечник; свеча, однако, сломана, а потому плохо стоит. Подруги в школе говорят, что она очень неловкая, но гувернантка говорит, что это не ее вина.

Реальный повод здесь тоже имеется: она действительно вчера вставила в подсвечник свечу, которая, однако, не была сломана. Здесь была использована совершенно прозрачная символика. Свеча — это предмет, который может возбуждать женские гениталии; если она сломана, а потому плохо стоит, то это

означает импотенцию мужа (*«это не ее вина»*). Известно ли такое назначение свечи этой молодой женщине — хорошо воспитанной и чуждой всему предосудительному? Случайно она все-таки может указать, благодаря какому переживанию она пришла к этому знанию. Когда они катались на лодке по Рейну, мимо проплыла другая лодка, в которой сидели студенты и с большим упоением пели вульгарную песню:

«Когда шведская королева
за закрытыми ставнями
со свечой Аполлона...»[1]

Последнего слова она не услышала или не поняла, и мужу пришлось дать требуемое объяснение. Затем в содержании сновидения эти стихи заменились невинным воспоминанием о поручении, которое однажды она *неловко* исполнила в пансионе, причем в ситуации, имевшей нечто общее: *закрытые ставни*. Связь темы об онанизме с импотенцией достаточно очевидна. «Аполлон» в латентном содержании сновидения связывает этот сон со сном, приснившимся ранее, в котором речь шла о девственной Палладе. Все далеко не так безобидно.

V

Чтобы выводы из сновидений о действительных жизненных отношениях сновидца не показались слишком простыми, я приведу еще одно сновидение, которое также кажется невинным и принадлежит этой же женщине. *«Мне приснилось,* — рассказывает она, — *нечто, что я действительно делала днем, а именно настолько набила книгами маленький чемодан, что мне стоило больших трудов его закрыть, и мне снилось все так, как было на самом деле.* Здесь рассказчица сама делает главный акцент на совпадении сна с действительностью. [Ср. с. 41, прим. и с. 379–380.] Все такие суждения о сновидении, замечания о сновидении, хотя они присутствуют в бодрствующем мышлении, относятся все же, как пра-

---

[1] [«Свечи Аполлона» — известная в то время марка свечей. Приведенные строки относятся к популярной студенческой песне с многочисленными аналогичными строфами. Выпущенное слово — «онанирует».]

вило, к латентному содержанию сновидения, что подтвердят последующие примеры [с. 448 и далее]. Итак, нам говорят: то, о чем рассказывает сновидение, действительно происходило за день до этого. Было слишком долго сообщать о том, каким путем я пришел к мысли прибегнуть при толковании к помощи английского языка. Достаточно будет сказать, что речь здесь опять идет о маленьком *ящике (box)* (ср. на с. 170–171 сновидение о мертвом ребенке в коробке), который настолько заполнен, что в него ничего больше не входит. По крайней мере, на этот раз ничего плохого.

Во всех этих «безобидных» сновидениях бросается в глаза сексуальный момент в качестве мотива цензуры. Однако это является темой, имеющей принципиальное значение, которую мы вынуждены оставить в стороне.

Б
Инфантильное как источник сновидения

В качестве третьей особенности содержания сновидения мы вместе со всеми остальными авторами (за исключением Роберта) утверждали, что в сновидении могут проявиться впечатления самых ранних периодов жизни, которые, по-видимому, не вспоминаются в бодрствовании. Как редко или часто это случается, оценить — понятное дело — трудно, потому что установить происхождение этих элементов сновидения после пробуждения не удается. Следовательно, доказательство того, что речь идет здесь о впечатлениях детства, должно быть приведено объективным путем, а необходимые условия для этого встречаются лишь в редких случаях. В качестве особенно убедительного доказательства А. Маури [Maury 1878, 143–144, цит. на с. 36 выше] приводит историю одного человека, который однажды решил после двадцатилетнего отсутствия посетить свою родину. В ночь перед отъездом ему приснилось, что он находится в совершенно незнакомой местности и встречает на улице незнакомого господина, с которым вступает в разговор. Приехав на родину, он смог теперь убедиться, что эта незнакомая местность действительно существует неподалеку от его родного города, а незнакомый мужчина из сновидения оказался живущим там другом его умершего отца. Пожалуй, это является убедительным

доказательством того, что и улицу, и этого человека он видел в детстве. Впрочем, это сновидение можно истолковать как выражение его нетерпения, как и сновидение девушки, которая носит в кармане билет на вечерний концерт (с. 169 и далее), сновидение ребенка, которому отец обещал прогулку в Гамо [с. 146] и т.п. Мотивы, по которым у сновидца репродуцируется именно это впечатление из его детства, без анализа, разумеется, раскрыть невозможно.

Один из моих коллег, похвалявшийся тем, что его сновидения очень редко подвергаются искажению, сообщил мне, что недавно ему приснилось, будто *его гувернер находится в постели бонны,* жившей у них в доме, пока ему не исполнилось одиннадцать лет. Место, где произошла эта сцена, вспомнилось ему еще во сне. Заинтересовавшись этим сновидением, он рассказал его своему старшему брату, который, смеясь, подтвердил реальность приснившегося. Он очень хорошо помнил об этом, ибо в то время ему было шесть лет. Обычно любовники спаивали его, старшего мальчика, пивом, когда обстоятельства благоприятствовали тому, чтобы провести ночь вместе. Младший, в то время трехлетний ребенок — наш сновидец, спавший в комнате бонны, как помеха не воспринимался. [См. также с. 212.]

В другом случае можно также с уверенностью, даже без помощи толкования, констатировать, что сновидение содержит элементы из детства, а именно тогда, когда сновидение носит так называемый *повторяющийся характер*, когда то, что вначале приснилось в детстве, в дальнейшем время от времени появляется во сне взрослого[1]. К известным примерам этого рода я могу добавить еще несколько из своего опыта, хотя мне самому такие повторяющиеся сновидения неизвестны. Один врач, лет тридцати, рассказал мне, что начиная с раннего детства и до сих пор ему часто является во сне желтый лев, о котором он может дать самые точные сведения. Этот знакомый ему из сновидений лев нашелся однажды *в действительности* и оказался давно заброшенной фарфоровой безделушкой, и молодой человек услышал тогда от матери, что этот предмет в детстве был его любимой игрушкой, о чем сам он уже не помнил.

---

[1] [См. выше примечание на с. 63. Некоторые замечания по поводу «повторяющихся» сновидений содержатся в работе Фрейда «Фрагмент одного анализа истерии» (1950*e*), *Studienausgabe*, т. 6, с. 139, 154, 160–161. См. также ниже с. 581, примечание.]

Если теперь от явного содержания сновидения перейти к мыслям сновидения, которые раскрывает только анализ, то с удивлением можно констатировать содействие таких детских переживаний даже в таких сновидениях, содержание которых подобного подозрения не вызывало. Уважаемому коллеге, которому снился «желтый лев», я обязан особенно поучительным примером такого сновидения. После чтения книги Нансена о путешествии на Северный полюс ему приснилось, будто в ледяной пустыне он гальванизирует отважного исследователя в связи с ишиасом, от которого тот страдал! В ходе анализа этого сновидения ему вспомнилась история из его детства, без которой его сон остался бы непонятным. Однажды, когда ему было три или четыре года, он с любопытством слушал, как взрослые разговаривали о научных путешествиях, а затем спросил отца, тяжелая ли это болезнь. Очевидно, он перепутал *Reisen* (путешествие) с *Reissen* (болями), а насмешки его брата и сестры позаботились о том, чтобы переживание, вызывавшее у него чувство стыда, не забылось.

Совершенно аналогичный случай — когда при анализе сновидения о монографии о роде цикламен [см. с. 185] я натолкнулся на сохранившееся детское воспоминание о том, как отец отдал на растерзание пятилетнему мальчику книгу, снабженную цветными таблицами. Тут, правда, может возникнуть сомнение, действительно ли это воспоминание участвовало в формировании содержания сновидения, не могло ли быть так, что в ходе аналитической работы эта связь возникла лишь задним числом. Однако изобилие и четкая последовательность ассоциативных связей говорит в пользу первого предположения: цикламен — любимый цветок — любимое блюдо — артишоки; обрывать, словно артишок, листок за листком (этот оборот речи ежедневно был на слуху в связи с разделением Китайского государства); гербарий — книжный червь, любимым кушаньем которого являются книги. Кроме того, я могу заверить, что последнее значение сновидения, о котором я здесь не рассказывал, находится в самой тесной связи с содержанием детской сцены.

Анализ других сновидений показывает, что само желание, вызвавшее сновидение, исполнение которого представляет собой сон, проистекает из детской жизни, а потому человек, к своему удивлению, *обнаруживает в сновидении ребенка, продолжающего жить своими импульсами*.

Я продолжу здесь толкование сновидения, из которого мы уже однажды извлекли много поучительного, я имею в виду сон: приятель Р. — мой дядя [см. с. 155 и далее]. Мы уже настолько далеко продвинулись в его толковании, что мотив-желание получить звание профессора стал нам понятен, и мы объяснили себе нежные чувства во сне по отношению к приятелю Р. как оппозицию и протест против оскорбления обоих коллег, которое содержалось в мыслях сновидения. Сновидение было моим собственным. Поэтому я могу продолжить его анализ с сообщения, что мое чувство еще не было удовлетворено достигнутым решением. Я знал, что мое суждение о коллегах, дискредитированных в мыслях сновидения, в бодрствовании было совершенно иным; сила желания не разделить их участи в связи с получением профессорского звания казалась мне слишком незначительной, чтобы полностью объяснить противоречие между оценкой во сне и в бодрствовании. Если моя потребность в том, чтобы ко мне обращались, называя профессором, столь велика, то это свидетельствует о болезненном честолюбии, которого я в себе не чувствую, которое, на мой взгляд, мне чуждо. Я не знаю, как другие люди, считающие, что знают меня, оценили бы меня по этому пункту; быть может, я и в самом деле обладаю честолюбием; но тогда бы оно давно обратилось на другие объекты, а не на титул и звание *экстраординарного профессора.*

Откуда в таком случае честолюбие, приписанное мне сновидением? Я вспоминаю, как часто мне в детстве рассказывали, что при моем рождении какая-то пожилая крестьянка пророчила матери, радовавшейся своему первенцу, что она даровала миру великого человека. Такие пророчества, должно быть, часто встречаются; существует так много полных надежд матерей и так много пожилых крестьянок или других старых женщин, власти которых на земле пришел конец, и поэтому они обратились к будущему. И делается это также не в ущерб прорицам. Так неужели мое честолюбие проистекает из этого источника? Но тут я вспоминаю другое впечатление из более позднего детства, которое, пожалуй, еще более пригодно для объяснения. Однажды вечером в одном из ресторанов на Пратере, куда родители часто брали с собой одиннадцати- или двенадцатилетнего мальчика, мы обратили внимание на человека, который ходил от стола к столу и за небольшой гонорар импровизировал стихи на заданную ему тему. Меня послали пригласить поэта к нашему столу, и он оказался благодарным

посыльному. Прежде чем спросить о своем задании, он посвятил мне несколько рифм и счел в своем вдохновении вероятным, что когда-нибудь я стану «министром». Впечатление от этого второго пророчества я помню очень хорошо. Это было время гражданского министерства[1]; отец незадолго до этого принес домой портреты гражданских министров Хербста, Гискры, Унгера, Бергера и др., которые мы раскрасили. Среди них были даже евреи; поэтому каждый прилежный еврейский мальчик «носил министерский портфель» в своем ранце. С впечатлениями того времени, видимо, связано даже то, что незадолго до поступления в университет я хотел изучать юриспруденцию и только в последний момент передумал. Медику министерская карьера вообще недоступна. И тут мой сон! Я только теперь замечаю, что он перенес меня из унылого настоящего в полное надежд время гражданского министерства и в меру своих сил исполнил мое *тогдашнее* желание. Дурно обойдясь с обоими учеными и уважаемыми коллегами, потому что они евреи, словно один из них был «дураком», а другой «преступником», я веду себя так, как будто был министром, я поставил себя на место министра. Какая месть его превосходительству! Он отказывает мне в присвоении звания *экстраординарного профессора*, а я зато занимаю во сне его место.

В другом случае я смог заметить, что желание, которое вызывает сновидение, хотя и относится к настоящему, тем не менее получает мощное подкрепление от воспоминаний, уходящих в далекое детство. Речь здесь идет о ряде сновидений, в основе которых лежит желание побывать в *Риме*. Наверное, я еще долгое время буду вынужден удовлетворять это желание с помощью сновидений, ибо в то время года, которым я располагаю для путешествий, от поездки в Рим мне придется отказываться по соображениям опасности для здоровья[2]. Однажды мне приснилось, что из окна купе я вижу Тибр и Мост ангелов; затем

---

[1] [После введения новой австрийской конституции 1867 года сформированный кабинет либерального направления.]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* С тех пор я давно узнал, что и для исполнения таких долгое время считавшихся недостижимыми желаний требуется лишь немного мужества, *[дополнение, сделанное в 1925 году:]* и после этого стал ревностным *паломником Рима*.

поезд трогается, и я понимаю, что в городе я так и не побывал. Вид, открывшийся мне в сновидении, был похож на известную гравюру, которую накануне я мельком видел в салоне одного пациента. В другой раз какой-то человек ведет меня на холм и показывает мне Рим, окутанный туманом; город все еще находится так далеко, что я удивляюсь ясности открывшегося передо мною вида. Содержание этого сновидения богаче, чем я здесь рассказываю. В нем легко распознать мотив «увидеть издали землю обетованную». Город, который я впервые увидел в тумане, — это *Любек*; холм находит свой прототип в *Гляйхенберге*[1]. В третьем сновидении я наконец нахожусь в Риме, как мне говорит мой сон. Однако, к моему великому разочарованию, я вижу отнюдь не городской пейзаж, а *небольшую речку с темной водой, на одном ее берегу черные скалы, на другом — луга с большими белыми цветами. Я замечаю некоего господина Цукера (с которым я знаком только поверхностно) и решаю спросить у него дорогу в город*. Очевидно, что я тщетно пытаюсь увидеть в сновидении город, которого не видел в бодрствовании. Если разложить картину ландшафта на ее элементы, то белые цветы указывают на знакомую мне *Равенну*, которая какое-то время оспаривала у Рима право называться столицей Италии. В болотах возле Равенны мы нашли посреди черной воды прекраснейшие кувшинки; в сновидении они растут на лугах, словно нарциссы у нас в *Аусзее*, ибо в тот раз было слишком обременительно доставать их из воды. Темная скала, так близко расположенная к воде, живо напоминает долину *Тепль* возле *Карлсбада*. *«Карлсбад»* позволяет теперь мне объяснить тот особый момент, почему про дорогу я спрашиваю господина Цукера[2]. В материале, из которого соткано сновидение, можно обнаружить два смешных еврейских анекдота, которые скрывают в себе глубокую, зачастую горькую житейскую мудрость и которые мы так охотно цитируем в беседах и письмах[3]. Один

---

[1] [Курорт в Штайермарке неподалеку от Граца.]

[2] [В переводе с немецкого сахар. — *Примечание переводчика*.]

[3] [В письме от 12 июня 1897 года Флиссу (Freud, 1950*a*, №65) Фрейд упоминает, что составляет подборку таких анекдотов; многие анекдоты из этой коллекции он в дальнейшем использовал в своей книге об остроумии (Freud, 1905*c*). На первый из вышеупомянутых анекдотов он не раз ссылается в своих письмах; и Рим, и Карлсбад употреблялись им как символы недостижимых целей (например, в письмах №112 и 130.]

из них — это история о «конституции», о том, как один бедный еврей сел без билета в скорый поезд, шедший в Карлсбад. На каждой станции после проверки билетов его высаживали, обходясь с ним все более строго. Наконец, на одной из них он встречает знакомого, и на его вопрос, куда он едет, отвечает: «Если моя конституция выдержит, то в Карлсбад». Рядом с ним в памяти хранится другая история — об одном еврее, не знавшем французского языка, которому приходится спрашивать в Париже, как пройти на улицу Ришелье. *Париж* тоже долгие годы был целью моих стремлений, и чувство блаженства, охватившее меня, когда я впервые ступил на парижскую мостовую, я воспринял как гарантию того, что я добьюсь исполнения и других своих желаний. Далее, вопрос о том, как пройти, является непосредственным намеком на *Рим*, ибо в Рим, как известно, ведут все пути. Кроме того, фамилия Цукер опять-таки указывает на Карлсбад, куда мы направляем всех больных, страдающих конституциональным заболеванием, — диабетом. Поводом к этому сновидению послужило предложение моего берлинского друга встретиться на пасху в Праге. Из вопросов, которые я должен был с ним обсудить, могла возникнуть определенная связь с «сахаром» и «диабетом».

Четвертое сновидение, приснившееся вскоре после того, что было упомянуто последним, снова переносит меня в Рим. Я вижу перед собой угол улицы и удивляюсь тому, что там расклеено так много немецких плакатов. Накануне я пророчески написал своему другу, что Прага едва ли может быть удобным местом для немецких отдыхающих. Следовательно, сновидение выражает одновременно желание встретить его в Риме, а не в богемском городе, и возникшую, вероятно, еще в мои студенческие годы заинтересованность в том, чтобы в Праге относились к немецкому языку с большей терпимостью. Впрочем, чешский язык я научился понимать еще в самом раннем детстве, поскольку я родился в небольшом городке Меренс, населенном преимущественно славянами. Один чешский детский стишок, услышанный мною в семнадцать лет, сам собой настолько запечатлелся в моей памяти, что я могу рассказать его и сегодня, хотя у меня нет ни малейшего представления о его смысле. Таким образом, и эти сновидения тоже не лишены самых разных связей с впечатлениями моих первых лет жизни.

Во время моего последнего путешествия по Италии, которое, помимо прочего, привело меня к Тразименскому озеру, я

увидел Тибр и с болью в сердце был вынужден повернуть обратно, не доехав восьмидесяти километров до Рима; именно тогда я наконец осознал те детские впечатления, которые усиливают мою тоску по вечному городу. Я как раз обдумывал план в следующем году поехать через Рим в Неаполь, и тут мне вспомнилась фраза, которую, должно быть, я прочел у одного из наших писателей-классиков[1]: «Еще вопрос, кто лихорадочнее метался по комнате, задумав в конце концов план отправиться в Рим, — директор средней школы *Винкельманн* или полководец *Ганнибал*». Я шел по стопам Ганнибала; мне, как и ему, было не суждено увидеть Рим, и он тоже отправился в *Кампанью*, когда весь мир ожидал его в Риме. Ганнибал, с которым я достиг этого сходства, был, однако, любимым героем моих гимназических лет; как и многие в этом возрасте, я отдавал свои симпатии в Пунических войнах не римлянам, а карфагенянам. Когда затем в старшем классе ко мне пришло первое понимание последствий моего происхождения от чужой для этой страны расы, а антисемитские настроения среди товарищей заставили меня занять определенную позицию, фигура семитского полководца еще больше выросла в моих глазах. *Ганнибал* и *Рим* символизировали для юноши противоречие между упорством еврейства и организацией католической церкви. Значение, которое приобрело с тех пор антисемитское движение для нашей душевной жизни, помогло затем зафиксировать мысли и ощущения из того раннего времени. Таким образом, желание попасть в Рим стало для жизни во сне маской и символом многих других страстных желаний, для осуществления которых надо трудиться со всей выдержкой и терпением карфагенян и исполнению которых судьба благоприятствует пока столь же мало, как исполнению жизненного желания Ганнибала вступить в Рим.

И тут я наталкиваюсь на детское переживание, которое и по сей день проявляет свою силу во всех этих ощущениях и сновидениях. Мне было десять или двенадцать лет, когда отец начал брать меня с собой на прогулки и открывать мне в беседах свои взгляды на вещи этого мира. Так, однажды, желая показать, на-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1925 году:]* Писателем, у которого я прочел это место, наверное, был Жан Поль. — [Решение отправиться в Рим явилось также поворотным моментом в судьбе Винкельманна, основателя классической археологии в XVIII веке.]

сколько мне лучше живется, чем ему, он рассказал: «Когда я был молодым человеком, я прогуливался в субботу в твоем родном городе, красиво одетый, в новой меховой шапке на голове. Тут ко мне подходит один христианин, сбивает ударом шапку в грязь и при этом кричит: "Прочь с тротуара, еврей!"» — «И что же ты сделал?» — «Я сошел на проезжую часть и поднял шапку», — был спокойный ответ. Это показалось мне небольшим героизмом со стороны большого сильного человека, который вел меня, маленького мальчика, за руку. Этой ситуации, которая меня не удовлетворила, я противопоставил другую, более соответствовавшую моему чувству, — сцену, в которой отец Ганнибала, Гамилькар Барка[1], заставил своего сына поклясться перед домашним алтарем, что он отомстит римлянам. С тех пор Ганнибал занял определенное место в моих фантазиях.

Мне кажется, что это увлечение карфагенским генералом я могу проследить еще дальше, несколько углубившись в свое детство, а потому речь здесь, пожалуй, идет лишь о переносе уже сформировавшейся аффективной связи на нового носителя. Одной из первых книг, попавших в руки научившемуся читать ребенку, была «Консулат и империя» Тьера; я помню, что на спины своих деревянных солдатиков наклеил маленькие бумажки с именами первых императорских маршалов и что уже в то время Массена (похоже на еврейское имя Менассе) был моим любимцем[2]. (Это предпочтение, пожалуй, объясняется также совпадением дат рождения, отделенных ровно одним столетием[3].) Сам Наполеон благодаря переходу через Альпы имеет общее с Ганнибалом. И, возможно, развитие этого идеала воина можно проследить далее в раннем детстве вплоть до желания, которое должны были вызывать в первые три года жизни у более слабого мальчика то дружеские, то враждебные отношения со старшим на год другом детства[4].

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* В первом издании здесь стояло имя Гасдрубал; поразительная ошибка, объяснение которой я дал в своей «Психопатологии обыденной жизни» [1901*b*, глава X.]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1930 году:]* Впрочем, еврейское происхождение маршала ставится под сомнение.

[3] Это предложение было добавлено в 1914 году.

[4] [Более подробное описание этих взаимосвязей дается на с. 428–429 и 485–486.]

Чем глубже мы анализируем сновидения, тем чаще мы нападаем на след детских переживаний, которые в латентном содержании сновидения играют роль источников снов.

Мы уже говорили (с. 41), что сновидение очень редко воспроизводит воспоминания так, чтобы они в полном и неизменном виде образовывали его единственное явное содержание. Тем не менее можно найти несколько примеров этого явления, к которым я могу добавить несколько новых, опять-таки относящихся к сценам из детства. У одного из моих пациентов сновидение почти в неискаженном виде воспроизвело один сексуальный эпизод, и оно было тотчас распознано как воспоминание о реальном событии. Хотя воспоминание о нем никогда полностью не исчезало из памяти, все же с течением времени оно весьма потускнело, а его оживление явилось результатом предшествовавшей аналитической работы. Сновидец в двенадцатилетнем возрасте однажды навестил своего больного товарища, который, по всей видимости, случайно оголился в кровати, сбросив с себя одеяло. При виде его гениталий он, словно под принуждением, обнажился сам и дотронулся до члена товарища. Тот, однако, выглядел таким рассерженным и изумленным, что он смутился и ушел восвояси. Эта сцена со всеми возникшими тогда ощущениями двадцать три года спустя повторилась во сне, но только с тем изменением, что сновидец вместо активной роли играл пассивную, а его школьный товарищ заменился одним из его нынешних знакомых [см. также с. 204].

Но, как правило, детская сцена в явном содержании сновидения предстает лишь в виде намека и должна быть раскрыта путем толкования. Приведение подобных примеров едва ли покажется весьма убедительным, поскольку для подтверждения этих детских переживаний чаще всего нет никаких других доказательств; когда они приходятся на ранний возраст, память затем отказывается их признавать. Право вообще делать выводы из сновидений о таких детских переживаниях возникает в психоаналитической работе из целого ряда моментов, которые в своей взаимосвязи кажутся в достаточной мере надежными. Такое сведение к детским переживаниям, выхваченное в целях толкования сновидения из его взаимосвязи, наверное, не произведет большого впечатления, особенно потому, что я не сообщаю здесь всего материала, на который опирается толкование. И тем не

менее я не хочу отказываться из-за этого от приведения этих примеров.

I

У одной из моих пациенток все сновидения имеют характер *«спешки»*; она спешит, чтобы прийти вовремя, не опоздать на поезд и т.п. В одном из сновидений ей снится, что *она должна навестить свою подругу; мать ей сказала, что она должна поехать, а не идти пешком; однако она бежит и при этом падает*. Появившийся в ходе анализа материал позволяет обнаружить воспоминания о ситуациях спешки в детстве (мы знаем, что житель Вены называет *«спешкой»*) и позволяет свести, в частности, одно сновидение к любимой среди детей шутке — как можно быстрее произносить предложение: *«Корова мчалась, пока не упала»*, словно это одно-единственное слово, что в свою очередь означает «спешку». Все эти безобидные проявления спешки маленькие подружки вспоминают потому, что они заменяют другие, не столь невинные.

II

Из другого ее сновидения: *она находится в большой комнате, в которой стоят всевозможные машины — примерно так, как она представляет себе ортопедическую лечебницу. Она слышит, что у меня нет времени, и ей придется проходить лечение одновременно вместе с пятью другими пациентками. Однако она возражает и не хочет ложиться на предназначенную для нее кровать (или что-то другое). Она стоит в углу и ждет, что я скажу, что это не так. Другие тем временем высмеивают ее и говорят, что это каприз. Кроме того, как будто она составляет несколько маленьких квадратов.*

Первая часть содержания этого сновидения имеет связь с лечением и переносом на меня. Вторая содержит намек на детскую сцену; обе части спаяны между собой упоминанием о кровати. *Ортопедическая лечебница* сводится к моим словам, когда я сравнил мое лечение по его продолжительности и сущности с *ортопедическим*. В начале лечения мне пришлось ей сказать, *что пока у меня для нее мало времени*, но затем я буду уделять ей каждый день целый час. Это всколыхнуло в

ней прежнюю чувствительность, являющуюся главной чертой характера предрасположенных к истерии детей. Они ненасытны в любви. Моя пациентка была младшей из шести братьев и сестер (отсюда: *с пятью другими*) и любимицей отца; но ей казалось, что любимый отец уделяет ей слишком мало времени и внимания. *Ее ожидание того, что я скажу, что это не так,* имеет следующее происхождение: портной прислал ей платье со своим подмастерьем, и она отдала за него ему деньги. Затем она спросила своего мужа, не придется ли ей еще раз заплатить, если тот их потеряет. Желая ее подразнить, муж ей ответил: «Да» (*поддразнивание* в содержании сновидения), и она спрашивала все снова и снова, *ожидая, что он в конце концов скажет, что это не так*. Латентное содержание сновидения можно реконструировать в виде мысли: не придется ли ей платить мне вдвое больше, если я буду уделять ей вдвое больше времени, — мысли, которая алчна или *грязна*. (Неопрятность, присущая детям, очень часто замещается в сновидении скупостью; слово «грязный» при этом служит связующим звеном[1].) Если все, что говорится в сновидении *об ожидании того, что я скажу* и т.д., должно отобразить слово «грязный», то *стояние в углу* и *нежелание ложиться в кровать* согласуются с этим же в качестве составной части детской сцены, когда она запачкала постель, в наказание за это ее *поставили в угол*, пригрозив, что папа любить ее больше не будет, братья и сестры смеялись над ней и т.д. *Маленькие квадраты* указывают на ее маленькую племянницу, которая показала ей арифметическую задачу, как вписать в девять квадратов цифры так, чтобы при их сложении во всех направлениях получалась сумма пятнадцать.

III

Сновидение одного мужчины. *Он видит двух борющихся мальчиков, а именно мальчиков бондаря, о чем он делает вывод из лежащих вокруг инструментов. Один из мальчиков повалил другого; у мальчика, лежащего на земле, серьги*

[1] [На этой теме Фрейд подробно останавливается в работе «Характер и анальная эротика» (1908*b*).]

с голубыми камнями. Он бросается на обидчика с поднятой палкой, чтобы его наказать. Тот бежит к какой-то женщине, стоящей у забора из досок, словно она его мать. Это — жена поденщика, которая обращена к сновидцу спиной. Наконец, она поворачивается и смотрит на него ужасным взглядом, из-за чего он в испуге убегает оттуда. В ее глазах видна выступающая из-под нижних век красная плоть.

Сновидение в значительной мере использовало тривиальные события предыдущего дня. Вчера он действительно видел на улице двоих мальчиков, один из которых повалил другого. Когда он поспешил к ним, чтобы разнять, они обратились в бегство. *Мальчики бондаря:* это объясняется только после следующего сновидения, при анализе которого он использовал оборот речи: *Dem Faß den Boden ausschlagen*[1]. *Серьги с голубыми камнями,* по его наблюдению, носят в основном проститутки. Таким образом, сюда присоединяется известное шутливое четверостишие о *двух мальчиках*: «Другого мальчика звали Марией» (то есть это была девочка). *Стоящая женщина*: после этой сцены он пошел погулять по берегу Дуная и, воспользовавшись уединенным местом, помочился возле *дощатого забора*. Когда он отправился дальше, ему приветливо улыбнулась прилично одетая пожилая дама, которая хотела дать ему свою карточку с адресом.

Поскольку женщина в сновидении стоит именно так, как стоял он при мочеиспускании, речь идет о женщине, которая мочится, и с этим же связан тогда и ужасный *«вид», выступание красной плоти*, что можно отнести только к зияющим гениталиям при сидении на корточках, которые, виденные в детстве, в более позднем воспоминании вновь предстают как *«дикая плоть»,* как «рана». Сон объединяет две ситуации, когда маленький мальчик мог видеть гениталии маленькой девочки, — при опрокидывании на землю и при мочеиспускании, и, как вытекает из другой взаимосвязи, он сохраняет воспоминание о *наказании* или угрозе отца из-за сексуального любопытства, проявленного малышом в этих случаях.

---

[1] [Перейти все границы. — *Примечание переводчика.*]

IV

Целый комплекс детских воспоминаний, каким-то образом объединенных в фантазию, обнаруживается в следующем сновидении одной дамы зрелого возраста.

Она в спешке выходит из дома, чтобы сделать покупки. Затем на Грабене она, словно подкошенная, опускается на колени. Вокруг нее собирается много людей, особенно извозчики, но никто не помогает ей встать. Она предпринимает много тщетных попыток встать, и, наконец, это ей удается; ее сажают в карету, которая должна отвезти ее домой. В окно ей бросают большую, наполненную до отказа корзину (похожую на корзинку для покупок).

Это та же самая женщина, постоянно спешившая в своих сновидениях точно так же, как она спешила, будучи ребенком. [См. выше с. 210.] Первая ситуация в сновидении, очевидно, связана с видом упавшей лошади, равно как и «словно подкошенная» указывает на скачки. В юные годы она *ездила верхом*, а еще раньше, вероятно, воображала себя *лошадью*. С *падением* связано ее первое детское воспоминание о 17-летнем сыне повара, который, упав на улице от эпилептических судорог, был доставлен домой в карете. Об этом, конечно, она только слышала, но представление об эпилептических судорогах, об *«упавшем»* обрело большую власть над ее фантазией и впоследствии оказало влияние на форму ее собственных истерических приступов. Когда женщине снится падение, то это почти всегда имеет сексуальный смысл, она становится *«падшей»*; для нашего сновидения это толкование не вызывает ни малейших сомнений, ибо она падает на *Грабене*, в том месте Вены, которое известно как главная улица проституток. *Корзинка для покупок* имеет больше одного толкования; как слово [Korb] она напоминает ей о многих *отказах*[1], которые она давала своим ухажерам, а позднее, как она полагает, получала сама. Сюда же относится и то, что ей *никто не хочет помочь*, что она сама истолковывает как презрение к себе. Далее, *корзинка для покупок* напоминает ей о фантазиях, которые были уже известны из анализа; в фантазии она выходит замуж за человека значительно ниже ее по социальному положению и теперь сама ходит на рынок. Наконец, корзин-

[1] [«Den Korb geben» означает отказать жениху. — *Примечание переводчика.*]

ку для покупок можно истолковать как атрибут *прислуги*. К этому добавляются другие детские воспоминания: о кухарке, которую уволили за воровство; она тоже *упала на колени*, прося о прощении. Пациентке было тогда двенадцать лет. Затем воспоминание о горничной, которую уволили за то, что она сошлась с *кучером*, за которого, впрочем, впоследствии вышла замуж. Таким образом, это воспоминание позволяет нам выяснить источник появления *извозчиков* в сновидении (которые, в отличие от действительности, не заботятся об упавшей). Остается еще разъяснить *кидание сумки*, причем *в окно*. Это напоминает ей о том, как *отправляют* багаж на железной дороге, как *к девушке влезают ночью в окно* в деревне, о несущественных впечатлениях из деревенской жизни — как один господин кидал даме в ее комнату *через окно синие сливы*, как ее младшая сестра стала бояться из-за того, что проходивший мимо бродяга заглянул *через окно* в ее комнату. За всем этим всплывает смутное воспоминание, относящееся к десятому году жизни, о бонне, вступившей в деревне в любовную связь с лакеем, причем кое-что из этих любовных сцен ребенок сумел все же заметить. Бонна вместе со своим любовником была *«отправлена»*, *«выброшена»* (в сновидении, наоборот, *«вброшена»*); к этой истории мы приблизились также и некоторыми другими путями. Багаж, чемодан прислуги, пренебрежительно называют в Вене «семью *сливами*». «Упаковывай свои семь слив и убирайся».

В моей коллекции, конечно, имеется богатый запас таких сновидений пациентов, анализ которых приводит к смутным или вообще уже позабытым детским впечатлениям, зачастую относящимся к первым трем годам жизни. Однако ошибочно будет делать из них выводы, имеющие всеобщее значение для сновидений; ведь речь постоянно идет о невротических, в частности истерических людях, и роль, которая выпадает детским сценам в этих сновидениях, может быть обусловлена природой невроза, а не сущностью сновидения. Между тем при толковании моих собственных сновидений, предпринимаемом мной все же не из-за грубых симптомов болезни, столь же часто случается так, что в латентном содержании сновидения я наталкиваюсь на инфантильную сцену и что целая серия сновидений порой следует по путям, проложенным одним детским переживанием. Примеры этого я уже приводил [с. 207–213], и я приведу по разным поводам и другие. Возможно, бу-

дет лучше всего, если я завершу весь этот раздел сообщением о нескольких сновидениях, в которых недавние события и давно забытые детские переживания совместно выступают в качестве источников сновидения.

I

Когда после долгого путешествия, усталый и голодный, я лег спать, великие жизненные потребности дали о себе знать, и мне снится: *«Я иду в кухню, чтобы мне дали чего-нибудь поесть. Там стоят три женщины, одна из которых хозяйка; она что-то вертит в руках, словно собирается делать клецки. Она говорит, что я должен подождать, пока она приготовит* (ее речь нечеткая). *Я проявляю нетерпение и, обиженный, ухожу. Я надеваю пальто; первое, которое я пытаюсь надеть, для меня слишком длинное. Я снимаю его, несколько удивленный, что оно имеет меховой воротник. Второе, которое я надеваю, отделано длинной лентой с турецким узором. Подходит какой-то незнакомый человек с продолговатым лицом и небольшой бородкой и не дает мне надеть пальто, заявляя, что оно принадлежит ему. Я показываю, что оно повсюду вышито турецкими узорами. Он спрашивает: «Какое вам дело до турецких (узоров, лент...)?» Но затем мы очень любезны друг с другом.*

При анализе этого сновидения мне неожиданно вспоминается первый роман, который я прочитал примерно в тринадцатилетнем возрасте, причем я начал читать его с конца первого тома. Название этого романа и его автора я никогда не знал, но развязку его живо помню. Герой сходит с ума и постоянно повторяет имена трех женщин, принесших ему в жизни высшее счастье и горе. Одно из этих имен — *Пелагия*. Но я еще не знаю, какую роль сыграет это воспоминание в моем дальнейшем анализе. Неожиданно эти три женщины превращаются в моих мыслях в трех парк, которые прядут судьбу человека, и я знаю, что одна из этих женщин, «хозяйка» в сновидении, — мать, дающая жизнь, а иногда, как, например, мне, первую пищу. У женской груди скрещиваются любовь и голод. Один молодой человек, как рассказывается в анекдоте, бывший большим поклонником женской красоты, заметил однажды, когда

зашел разговор о его красивой кормилице: ему очень жаль, что он не сумел лучше воспользоваться прекрасной возможностью, когда лежал у нее на груди. Обычно я использую этот анекдот для объяснения момента *несвоевременности* в механизме возникновения психоневрозов[1]. Одна из парк потирает ладони, словно делает *клецки [Knodel]*. Странное занятие для парки, которое срочно нуждается в объяснении. Оно появляется благодаря другому, более раннему детскому воспоминанию. Когда мне было шесть лет и я получал первые уроки у матери, я должен был поверить, что мы сделаны из земли и должны вернуться в землю. Мне это не понравилось, и я усомнился в этом учении. Тогда она потерла руки — точно так же, как когда делают клецки, разве что между ладонями не было теста, — и показала мне черные *чешуйки эпидермы*, которые при этом отделяются, словно частицу землю, из которой мы сделаны. Мое удивление этой демонстрацией *ad oculus* было безграничным, и я смирился с тем, что впоследствии услышал выраженным словами: «Природе ты обязан смертью»[2]. Таким образом, отправляясь на кухню, я действительно иду к паркам, как это часто случалось в детские годы, когда я был голоден, а мать, стоя у плиты, просила меня подождать, пока будет готов обед. Теперь *клецки*. В связи с одним из моих университетских преподавателей, а именно тем, кому я обязан своими *гистологическими* познаниями (*эпидермис*), вспоминается человек по фамилии *Кнёдль*, которого он обвинил в плагиате своих сочинений. Совершить плагиат, присвоить то, что принадлежит другому, приводит нас, очевидно, ко второй части сновидения, в которой я словно совершаю *кражу пальто*; это напоминает мне о воре, который какое-то время воровал в аудиториях пальто у студентов. Я употребил выражение *«плагиат»* не намеренно, поскольку оно само собой пришло мне в

---

[1] [Ссылка на опубликованную позднее теорию, описывающую механизмы истерии, которую Фрейд излагает в своем «Проекте психологии» (Freud, 1950*a*), а именно в последних разделах 2-й части.]

[2] [Очевидно, по «Генриху IV» Шекспира (акт V, сцена 1); где принц Хал говорит Фальстафу: «Смертью ты обязан Богу».] — Оба аффекта, относящихся к этим детским сценам, удивление и покорность перед неминуемым, встретились в сновидении, приснившемся незадолго до этого, которое впервые вернуло меня к воспоминанию об этом детском переживании.

голову, а теперь я замечаю, что оно может служить мостом между различными частями явного содержания сновидения. Цепочка ассоциаций: *Пелагия — плагиат — плагиостомы*[1] (акулы) — *рыбий пузырь* — связывает старый роман с делом *Кнёдля* и с пальто, которое, очевидно, обозначает предмет, используемый при сексуальных контактах[2]. (Ср. сновидение Маури о *кило-лотто*, с. 78.) Это — крайне натянутое и неправдоподобное сопоставление, но я не смог бы прийти к нему в бодрствовании, не будь оно уже произведено благодаря работе сновидения. Более того, словно в доказательство того, что для стремления устанавливать связи не существует преград, дорогое мне имя *Брюкке* [Brücke — мост][3] (словесный *мостик*, см. выше) служит теперь мне напоминанием о том самом институте, в котором я провел мои самые счастливые часы в качестве ученика, впрочем, совершенно непритязательно

> («А мудрости божественная *грудь*
> Что день, то больше даст вам наслажденья»[4]),

в полную противоположность алчности, *терзающей* меня в сновидении. И, наконец, всплывает воспоминание о другом дорогом учителе, фамилия которого опять-таки звучит как нечто съедобное (*Фляйшл*[5], как и *Кнёдль*), и о печальной сцене, в которой определенную роль играют *чешуйки эпидермиса* (мать-хозяйка) и душевное расстройство (роман) и средство из латинской кухни, утоляющее голод, — кокаин[6].

Таким образом, я мог бы последовать далее запутанными путями мыслей и полностью объяснить отсутствующий в анализе фрагмент сновидения, но я вынужден это оставить, потому что личные жертвы, которых бы это потребовало, чересчур велики. Я ухвачу лишь одну из нитей, которая может непосредственно привести к мыслям сновидения, лежащим в основе этого хаоса. Незнакомец с продолговатым лицом и бородкой, который помешал мне одеть-

---

[1] О плагиостомах я упомянул непроизвольно; они напоминают мне об одном неприятном эпизоде, когда я осрамился перед этим же преподавателем.

[2] [Ср. с. 197.]

[3] [О Брюкке и Фляйшле см. ниже прим. на с. 484.]

[4] [Гёте, «Фауст», Часть I, сцена 4. Перевод Н. Холодковского.]

[5] [Fleisch (нем.) — мясо. — *Примечание переводчика*.]

[6] [Ср. с. 130, прим. 2.]

ся, своими чертами напоминает мне одного торговца в Спалато, у которого моя жена купила много *турецких* тканей. Его звали Попович — подозрительная фамилия, которая дала также и юмористу Штеттенгейму повод к многозначительному замечанию. («Он назвал свое имя, пожал руку и покраснел».) Впрочем, это такое же злоупотребление именем, что и выше с Пелагией, Кнёдлем, Брюкке, Фляйшлем. То, что такая игра именами относится к детским шалостям, можно утверждать, не боясь возражений; но когда я занимаюсь этим, то это для меня акт возмездия, ибо моя собственная фамилия бесчисленное множество раз становилась жертвой подобных плоских острот. Гёте заметил однажды, насколько чувствителен человек к своей фамилии, с которой он срастается, словно с *кожей*, когда Гердер сочинил по поводу его фамилии:

> «От *богов* [*Göttern*] идет твой род, от готов [Gothen] или нечистот [Kote]» —
> «И *образы* ваши *бога* [*Götterbilder*] тоже обратились в прах»[1].

Мне кажется, что это отступление относительно злоупотребления фамилиями должно было подготовить только к этой жалобе. Но давайте здесь прервемся. Покупки в Спалато напоминают о других покупках в Каттаро[2], когда я был слишком сдержан и упустил возможность сделать хорошие приобретения. (Упустил возможность с кормилицей, см. выше.) Одна из мыслей, которую голод внушает сновидцу, гласит: *«Нельзя ничего упускать, нужно брать все, что есть, даже если при этом совершаешь небольшую несправедливость; нельзя упускать ни одной возможности, жизнь так коротка, а смерть неизбежна».* Поскольку здесь имеется в виду и сексуальность и поскольку вожделение не остановится перед несправедливостью, это *carpe diem* должно бояться цензуры и скрываться за сновидением. Теперь дают о себе знать все противоположные мысли, воспоминания о том времени, когда сновидцу было достаточно одной *духовной пищи*, все увещевания и даже угрозы самых ужасных сексуальных наказаний.

---

[1] [Первая строка воспроизводит место из шутливого письма Гердера Гёте, в котором он просит взять на время кое-какие книги. — Вторая строка, свободная ассоциация Фрейда, относится к известной сцене в драме Гёте «Ифигения в Тавриде» (акт II, 2-я сцена); именно так восклицает Ифигения, когда Пилад сообщает ей о смерти многих героев во время осады Трои.]

[2] [Спалато и Каттаро — города на далматинском побережье.]

II

Второе сновидение требует более обстоятельного *предварительного сообщения.*

Я отправился на Западный вокзал, чтобы начать свое отпускное путешествие в Аусзее, но выхожу на перрон к поезду, отходящему в Ишль. Там я вижу графа Туна[1], который едет в Ишль к императору. Несмотря на дождь, он приехал в открытой карете, прямо через входную дверь вышел к поезду и без каких-либо объяснений движением руки отстранил от себя привратника, который его не знал и хотел спросить билет. Затем, когда поезд отправился в Ишль, мне приходится покинуть перрон и вернуться в зал ожидания, где с трудом добиваюсь разрешения остаться. Я убиваю время тем, что наблюдаю за приходящими сюда людьми, которые хотят благодаря протекции получить купе; я намереваюсь учинить скандал, то есть потребовать таких же прав. Тем временем я что-то напеваю, а потом понимаю, что это ария из «Свадьбы Фигаро»:

«Угодно графу в пляс пуститься —
Пусть граф распорядится,
И я начну».

(Посторонний человек, наверное, не узнал бы мотива.)

Весь вечер я находился в задорном, задиристом настроении, подтрунивал над кельнером и извозчиком, никого из них, надеюсь, при этом не обидев; в голове у меня проносятся разного рода смелые революционные мысли, которые подходят к словам Фигаро и к воспоминанию о комедии Бомарше, виденной мною в Комеди Франсез. Слова о важных персонах, которые потрудились родиться на свет; право господина, с которым Альмавива хочет заставить считаться Сусанну; шутка, которую придумали наши злые на язык оппозиционные журналисты, назвав графа *Туна* графом *Нихтстуном*[2]. Я действительно ему не завидую; сейчас у него сейчас визит к императору, а я, собствен-

---

[1] [Реакционный австрийский политик (1847–1916), представитель самостоятельного правительства Богемии, противопоставлявшего себя немецким националистам; в 1898–1899 годах австрийский министр-президент. — В Бад Ишле двор обычно проводил летние месяцы.]

[2] [Бездельником. — *Примечание переводчика.*]

но, и есть граф *Нихтстун*, я отправляюсь в отпуск. На этот счет у меня всевозможные радужные планы. Заходит господин, которого я знаю как представителя правительства на экзаменах по медицине и который за свои достижения в этой роли заработал лестное прозвище «правительственного прихвостня». Ссылаясь на свою служебную должность, он требует полкупе первого класса, и я слышу, как один служащий говорит другому: «Куда нам посадить этого господина?»[1] Хорошая льгота! За свое место в первом классе я плачу полностью. Затем я получаю купе для себя, но не в проходном вагоне, так что всю ночь у меня не будет уборной. Я жалуюсь служащему, но безрезультатно; я мщу, предлагая ему хотя бы разрешить проделать в этом купе дыру в полу для соответствующих потребностей пассажиров. Ночью, без четверти три, я действительно просыпаюсь от позыва к мочеиспусканию. Перед этим мне снилось:

Толпа людей, студенческое собрание. Выступает граф (Тун или Тааффе[2]*). В ответ на просьбу сказать что-нибудь о немцах он, сделав ироническую мину, называет их любимым цветком белокопытник, а затем вставляет себе в петлицу нечто вроде изорванного зеленого листика, собственно, измятый остов листа. Я выхожу из себя, то есть выхожу из себя*[3]*, но все же удивляюсь этому своему настроению.* Затем менее ясно: *как будто я в аудитории; все проходы заняты, мне нужно бежать. Я пробираюсь через ряд красиво обставленных комнат, очевидно, правительственных комнат, с мебелью цвета между коричневым и лиловым, и попадаю наконец в коридор, в котором сидит привратница, полная пожилая женщина. Я избегаю разговора с нею; но, видимо, она признает за мной право здесь пройти, потому что спрашивает, не нужно ли посветить мне лампой. Я объясняю или говорю ей, что она должна остаться на лестнице, и при этом*

---

[1] [Как государственный служащий он должен был оплатить только половину цены билета.]

[2] [Австрийский политик (1833–1895); в 1870–1871 годах — президент-министр. Как и граф Тун, выступал за определенную независимость ненемецких частей государства.]

[3] Это повторение вкралось в текст сновидения, видимо, по рассеянности и было мною оставлено, поскольку анализ показывает, что оно имеет значение.

кажусь себе очень изворотливым, раз избежал контроля. Я спускаюсь вниз и нахожу узкий, круто поднимающийся кверху проход, по которому и иду.

Снова неясно… *Как будто мне предстоит вторая задача — выбраться из города, как прежде из дома. Я беру извозчика и велю ему ехать на вокзал. «По самой железной дороге я с вами не поеду», — говорю я в ответ на его возражение, будто я его утомил. При этом, похоже, я уже проехал с ним часть пути, которую обычно ездят на поезде. Вокзал весь занят. Я размышляю, куда мне ехать — в Кремс или в Цнайм, но вспоминаю, что сейчас там находится двор, и решаю отправиться в Грац или куда-то еще*[1]*. Я сижу в вагоне, напоминающем вагон трамвая; в петлице у меня какой-то странный продолговатый предмет, на нем лилово-коричневая фиалка из плотного материала, которая бросается людям в глаза.* — Здесь сновидение обрывается.

Я снова перед вокзалом, но вдвоем с каким-то пожилым господином; я изобретаю план, чтобы остаться незамеченным, но вижу, что этот план уже приведен в исполнение. Мысли и переживания словно слиты воедино. Спутник мой слеп, по крайней мере, на один глаз, и я держу перед ним сосуд для мочи (который мы должны были купить или купили в городе). Таким образом, я — его санитар и должен давать ему сосуд, потому что он слеп. Кондуктор, увидев нас в таком положении, позволяет нам незаметно уйти. При этом видны поза моего спутника и его член, когда он мочится. Вслед за этим я просыпаюсь и испытываю позыв к мочеиспусканию.

Все сновидение производит впечатление фантазии, переносящей сновидца в революционный 1848 год, воспоминание о котором было пробуждено юбилеем [императора Франца Йозефа I] 1898 года и, кроме того, прогулкой в *Вахау*, когда я увидел Эмерсдорф[1], место погребения предводителя студенческого движения Фишхофа, на что, пожалуй, указывают не-

---

[1] [Кремс в Нижней Австрии и Цнайм в Моравии никогда не были местом резиденции императора. Грац — столица провинции Штирмарк.]

[1] *[Дополнение, сделанное в 1912 году:]* Заблуждение, но на этот раз не ошибочное действие! Позднее я узнал, что Эммерсдорф в Вахау не тождественен одноименному убежищу революционера Фишхофа.

которые элементы явного содержания сновидения. Ассоциация мыслей приводит меня затем в Англию, в дом моего брата, который, упрекая свою жену, обычно говорил: *«Fifty years ago»* — так называлось стихотворение лорда Теннисона[1], — а дети его поправляли: *«Fifteen years ago»*. Однако эта фантазия, связанная с мыслями, вызванными видом графа Туна, подобно фасадам итальянских церквей, не имеет органической связи с самим зданием; в отличие от этих фасадов она полна пробелов, запутанна, а во многих местах она пронизана элементами внутреннего содержания. Первая ситуация сновидения состоит из нескольких сцен, на которые я могу ее разложить. Высокомерное поведение графа в сновидении повторяет один гимназический эпизод, когда мне было *пятнадцать лет*. Мы устроили заговор против нелюбимого и невежественного учителя, и душой этого заговора был один мой товарищ, который, похоже, с тех пор взял себе за образец *Генриха VIII Английского*. Нанести главный удар выпало на долю мне, а поводом к открытому возмущению гимназистов послужила дискуссия о значении Дуная для Австрии *(Вахау!)*. В заговоре был замешан и единственный в классе аристократ, которого мы за его необычайно высокий рост прозвали *«жирафом»*. Когда наш школьный тиран, преподаватель *немецкого языка*, вызывал его отвечать к доске, он держался примерно так же, как граф в сновидении. *Любимый цветок* и нечто *в петлице*, что опять-таки должно быть цветком (это наводит на мысль об орхидеях, принесенных мною в этот же день подруге, и, кроме того, об иерихонской розе[2]), поразительно напоминают сцену из королевских трагедий Шекспира[3], открывающуюся гражданской войной *Алой* и *Белой* розы; поводом к этому воспоминанию послужила мысль о *Генрихе VIII*. От роз недалеко до красных и белых гвоздик. (Между тем в анализ вмешиваются два стиха, один *немецкий*, другой *испанский*:

---

[1] [По-видимому, у Теннисона нет стихотворения с таким названием. Вероятно, эта ссылка относится к его оде «On the Jubilee of Queen Victoria», в которой не раз встречаются слова «fifty years», но не «fifty years ago». Или же к стихотворению «Locksley Hall»: «Sixty Years After».]

[2] [«Воскресающее растение», засохшая листва раскрывается, когда ее увлажняют.]

[3] [*Генрих VI*. 1-й акт, 1-я сцена.]

Розы, тюльпаны, гвоздики,
Все цветы увядают.
Isabelita, no llores,
que se marchitan las flores[1].

Фрагмент из «Фигаро» на *испанском.*) Белые гвоздики стали у нас в Вене отличительным знаком *антисемитов*, красные — *социал-демократов.* За этим стоит воспоминание об антисемитской выходке во время одного моего железнодорожного путешествия по прекрасной Саксонии (*англосаксы*). Третья сцена, давшая элементы для построения первой ситуации сновидения, относится к моему раннему периоду студенчества. В одном *немецком* студенческом объединении состоялась дискуссия об отношении философии к естественным наукам. Я, зеленый юноша, исполненный материалистических идей, вылез вперед, чтобы отстаивать крайне одностороннюю точку зрения. Затем поднялся старший коллега, в дальнейшем проявивший свою способность управлять людьми и организовывать массы (кстати, он тоже носит фамилию, относящуюся к царству животных[2]), и изрядно нас отчитал; он тоже в молодости «пас свиней», но потом, раскаявшись, вернулся в отчий дом. *Я вышел из себя* (как в сновидении), повел себя *по-свински грубо [saugrob, Sau* — свинья*]* и ответил, что теперь, узнав, что он пас *свиней, я ничуть не удивляюсь* тону его речи (в сновидении я *удивляюсь* своему прогерманскому настроению[3]). Огромное негодование; со всех сторон от меня потребовали взять свои слова обратно, но я оставался непоколебимым. Оскорбленный был слишком умен, чтобы принимать всерьез наглую *выходку* в свой адрес и оставил этот вопрос.

Остальные элементы первой сцены в сновидении относятся к более глубоким слоям. Что означает прокламация графа о белокопытнике? Здесь я вынужден обратиться к своему ассоциативному ряду. *Белокопытник [Huflattich] — lattice — салат — собака на сене [Salathund]* (собака, которая и сама этого не ест, и другим не дает). Здесь уже просматривается набор руга-

[1] [«Маленькая *Изабелла*, не плачь, что цветы завяли».]

[2] [По всей видимости, речь идет об австрийском социал-демократе Викторе Адлере (1852–1918) (Адлер — по-немецки «орел». — Примечание переводчика.) Ср. «Адлер» на с. 228.]

[3] [Ср. с. 332.]

тельств: *жираф, свинья, собака*; я мог бы и окольным путем через одну фамилию прийти к ругательному слову «осел» и тем самым снова к издевке над одним университетским преподавателем. Кроме того, я перевожу — не знаю, правильно ли — *белокопытник* как *«pisse-en-lit»*[1]. Я знаю это из романа Золя «Жерминаль», в котором детей просят принести эту траву. Слово «собака» (*chien*) созвучно одной из функций человеческого организма (*chier* — сходить по большому, как и *pisser* — сходить по маленькому). Теперь мы объединим непристойное во всех трех агрегатных состояниях; ибо в том же «Жерминале», в котором много говорится о грядущей революции, описано совершенно необычное соревнование, относящееся к производству газообразных выделений, называемых *flatus*[2]. Я должен отметить, сколь долог путь к этому *flatus*, — от *цветов*, *испанского* стишка о маленькой *Изабелле*, через *Изабеллу* и *Фердинанда*, *Генриха VIII* и *английскую* историю о борьбе армады с *Англией*, после победоносного завершения которой англичане отчеканили медаль с надписью: *Flavit et dissipati sunt*, поскольку штормовой ветер рассеял испанский флот[3]. Это изречение я задумал полушутя использовать как эпиграф к главе «Терапия», если когда-нибудь я приду к тому, чтобы подробно изложить свое понимание и свой метод лечения истерии.

Второй ситуации сновидения я не могу дать столь подробного объяснения, прежде всего из-за соображений цензуры. Я ставлю себя на место высокопоставленного лица того революционного времени, у которого тоже было приключение с *орлом*, страдавшим *incontinentia alvi*[4], и т. п., и, на мой взгляд, *я был бы не прав, если бы попытался обойти здесь цензуру*,

---

[1] [На самом деле *«Pissenlit»* — это одуванчик.]

[2] Не в «Жерминале», а в романе «Земля». Эту ошибку я заметил только после анализа. Кстати, я хочу обратить внимание на идентичные буквы в словах *Huflattich* und *flatus*.

[3] [«Он подул, и они рассеялись».] — *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Непрошеный биограф, которого я разыскал, доктор Фриц Виттельс, указал мне [1924, 21], что в вышеупомянутом изречении я опустил имя Иеговы. *[Дополнение, сделанное в 1930 году:]* На памятной английской монете имеется имя бога, написанное древнееврейскими буквами на фоне облака, но таким способом, что его можно понять как относящееся к надписи.

[4] [Недержание кала (лат.). — *Примечание переводчика.*]

хотя большую часть этих историй рассказал мне один гофрат (*aula, consiliarius aulicus*[1]). Ряд комнат в сновидении вызван, очевидно, салоном-вагоном Его превосходительства, в который мне удалось на миг заглянуть; но он означает, как это часто бывает в сновидении, *женщин* (придворных женщин). Персоной привратницы я приношу сомнительную благодарность одной остроумной пожилой даме за гостеприимство и множество интересных историй, которыми меня занимали в ее доме. Шествие с лампой сводится к Грильпарцеру, который описал волнующий эпизод аналогичного содержания, а затем использовал его в «Геро и Леандре» (*волны моря* и любви — армада и *буря*)[2].

Я вынужден воздержаться и от подробного анализа двух остальных частей сновидения[3]; я выхвачу только те элементы, которые ведут к двум детским сценам, ради которых я вообще привел это сновидение. Читатель вполне обоснованно может предположить, что все дело в сексуальном материале, который и вынуждает меня к такому отказу; но не нужно довольствоваться таким объяснением. Ведь для себя самого человек не делает тайны из многого, что должен скрывать от других, и речь здесь идет не о причинах, вынуждающих меня умалчивать о результатах анализа, а о мотивах внутренней цензуры, скрывающих от меня самого истинное содержание сновидения. Поэтому я должен сказать, что анализ позволяет распознать эти [последние] три части сновидения как бесстыдное бахвальство, как проявление смехотворной, давно уже подавленной в моей бодрствующей жизни мании величии, которая вплоть до отдельных деталей осмеливается войти в явное содержание сновидения *(я кажусь себе очень изворотливым)*, но позволяет

[1] [Горшок, придворный советник (лат.). — *Примечание переводчика.*]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1911 году:]* Основываясь на этой части сновидения, Г. Зильберер попытался в богатой по содержанию работе (1910) показать, что работа сновидения способна передавать не только скрытые мысли сновидения, но и психические процессы при образовании сновидения. («Функциональный феномен».) [См. ниже, с. 505 и далее.] — *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Однако я думаю, он не замечает при этом того, что «психические процессы при образовании сновидения» являются для меня мыслительным *материалом*, как и все остальное. В этом заносчивом сновидении я, очевидно, горд тем, что открыл эти процессы.

[3] [И все же первый из этих двух фрагментов сновидения более подробно анализируется на с. 435 и далее.]

верно понять мое заносчивое поведение вечером накануне сновидения. Хвастовство проявляется во всех сферах; так, упоминание о *Граце* объясняется оборотом речи: «Сколько стоит Грац?», который позволяет себе человек, когда считает, что у него много денег. Кто вспомнит непревзойденное описание Рабле жизни и деяний Гаргантюа и его сына Пантагрюэля, тот сможет отнести приведенное выше содержание первой части сновидения к хвастовству. Вместе с тем к двум упомянутым сценам из детства относится следующая: для этой поездки я купил себе *новый* чемодан, цвет которого — *лилово-коричневый* — неоднократно проявляется в сновидении (*лилово-коричневая фиалка из плотного материала* рядом с предметом, который называют *«ловушка для девушек»*, мебель в правительственных комнатах). То, что *новое бросается людям в глаза*, — это хорошо всем известное убеждение детей. Однажды мне рассказали следующий эпизод из моего детства, воспоминание о котором заместилось воспоминанием о рассказе. В возрасте двух лет я все еще иногда *мочился в постель*, а когда меня за это упрекали, то *утешал* отца обещанием купить в Н. (ближайшем более крупном городе) *новую* красивую *красную* кровать. (Отсюда в сновидении вставка, что сосуд *мы купили или должны были купить в городе*; что обещали, нужно исполнить.) (Кстати, обратите внимание на сопоставление мужского сосуда и женской коробки, *box*. [Ср. с. 170.]) В этом обещании содержится вся мания величия ребенка. Значение недержания мочи у ребенка для сновидения разъяснено нами уже при толковании одного из предыдущих сновидений (ср. сновидение на с. 214–215). Из психоанализа невротических людей мы узнали также о тесной взаимосвязи недержания мочи и такой черты характера, как честолюбие[1].

Однако случилась еще одна семейная неприятность, когда мне было семь или восемь лет, которую я очень хорошо помню. Однажды вечером, перед тем как лечь спать, я не стал подчиняться требованию не справлять нужду в спальне родителей в их присутствии, и отец, ругая меня, обронил: «Из мальчика ничего не выйдет». Видимо, это было страшным ударом по моему самолюбию, ибо намеки на эту сцену постоянно проявляются в моих снах и, как правило, связаны с перечислением моих успехов и достижений, словно я хочу этим сказать: «Видишь, из меня все-таки кое-что вышло». Эта детская сцена дает материал для

---

[1] [Это предложение добавлено в 1914 году.]

последнего образа сновидения, в котором, разумеется, из мести роли поменялись. Пожилой мужчина, очевидно, — мой отец, так как слепота на один глаз объясняется его односторонней глаукомой[1], мочится передо мной, как я когда-то перед ним. При помощи глаукомы я напоминаю ему о кокаине, который помог ему при операции [ср. с. 186–187], словно тем самым я исполнил свое обещание. Кроме того, я насмехаюсь над ним; из-за того, что он слеп, я должен держать перед ним *сосуд* — это намек на мои познания в теории истерии, которыми я очень горжусь[2].

Если оба детских эпизода и без того уже связаны у меня с темой мании величия, то воспоминанию о них во время путешествия в Аусзее помогло еще то случайное обстоятельство, что в моем купе не было клозета, я и должен был попасть во время

---

[1] Другое толкование: он одноглазый, как Один, отец богов. — «Утешение Одина», мифологический роман Феликса Дана (1880)]. — Утешение из детской сцены, в которой я обещаю ему купить новую кровать.

[2] В связи с этим некоторый материал для толкования: держание сосуда напоминает историю о крестьянине, который примеряет у оптика одно стекло за другим, но читать все равно не может. — (*Ловушка* для крестьян — *ловушка* для девушек в предыдущей части сновидения.) — Обращение крестьян с отцом, который стал слабоумным, в романе Золя «Земля». — Печальное удовлетворение от того, что отец в последние дни своей жизни испачкал постель, как ребенок [ср. с. 432–433]; поэтому в сновидении я — его *санитар*. — «Мысли и переживания здесь словно едины». Это напоминает о революционной драме Оскара Паниццы [«Собор любви» (1895)], в которой с отцом богов обращаются весьма унизительно, словно с парализованным стариком; там говорится: «Воля и поступки у него составляют единое целое, и его архангел, своего рода Ганимед, должен удержать его от проклятий и бранных слов, потому что эти проклятия тотчас бы исполнялись». — *Построение планов* — это упрек отцу, проистекающий из поздней критики; как и вообще все мятежное, оскорбляющее Его высочество и издевающееся над высоким начальством содержание сновидения, он сводится к протесту против отца. Князь зовется отцом страны, а отец — это самый старший, первый и единственный для ребенка авторитет, из полноты власти которого в ходе истории человеческой культуры произошли все остальные социальные власти (если только «материнское право» не вынуждает к ограничению этого тезиса). — Формулировка в сновидении «мысли и переживания едины» указывает на объяснение истерических симптомов, отношение к которому имеет и *мужской сосуд* [*Glas*]. Жителю Вены мне не нужно объяснять принцип «Gschnas»; он состоит в том, что редкие и ценные по внешнему виду предметы изготовляются из самого банального, лучше всего из комического и не имеющего ценности материала, например, доспехи — из кухонных горшков, веников и солонок, как это любят делать художники на своих

поездки в неприятное положение, что утром и произошло. Я проснулся с ощущениями естественной потребности. Я думаю, что этим ощущениям можно было бы отвести роль действительного возбудителя сновидения, но все же отдаю предпочтение другому воззрению, а именно, что мысли о сновидении сами вызвали позыв к мочеиспусканию. Для меня совершенно несвойственно, чтобы какая-либо потребность нарушала мой сон, во всяком случае, в такое раннее время, как в этот раз: без четверти три утра. Мне могут возразить, заметив, что во время других поездок в более удобных условиях я почти никогда не испытывал позыва к мочеиспусканию после раннего пробуждения. Впрочем, я могу безо всякого убытка оставить этот пункт нерешенным[1].

С тех пор как благодаря опыту, полученному при анализе сновидений, я стал обращать внимание на то, что также и от сновидений, толкование которых вначале кажется исчерпывающим — потому что источники сновидения и возбуждающие его желания легко обнаружить, — даже от таких сновидений исходят важные нити мыслей, уходящие в самое раннее детство, я вынужден был задаться вопросом, не содержится ли и в этой особенности важное условие сновидения. Если бы мне было позволено обобщить эту мысль, то я бы сказал, что каждое сновидение в своем явном содержании связано с тем, что было пережито недавно, но в своем скрытом содержании связано с пережитым давно, и, например, при анализе истерии я действительно могу показать, что в прямом смысле слова оно остается свежим вплоть до настоящего времени. Однако это предположение кажется пока еще трудно доказуемым; в другой связи я

вечеринках. Я заметил, что истерики поступают точно так же; наряду с тем, что им действительно неприятно, они бессознательно создают себе в фантазии отвратительные или развратные события, строя их из самого безобидного и банального материала переживаний. Симптомы связаны с этими фантазиями, а не с воспоминаниями о реальных событиях, какими бы они ни были — серьезными или такими же безобидными. Это разъяснение помогло мне устранить многие трудности и доставило много радости. Я мог представить его с помощью элемента из сновидения *«мужской сосуд»*, поскольку мне рассказали о последнем «вечере Gschnas», что там была выставлена чаша с ядом Лукреции Борджиа, основой и главной составной частью которой служил *мужской сосуд для мочи*, обычно используемый в больницах.

[1] [Это сновидение вновь обсуждается на с. 435 и далее.]

еще вернусь к вероятной роли самых ранних детских переживаний в образовании сновидения (раздел VII [с. 555 и далее].

Из трех рассмотренных нами особенностей памяти в сновидении одна — предпочтение в содержании сновидения элементов второстепенных вещей — удовлетворительно разъяснена нами сведением ее к *искажению в сновидении.* Две другие особенности — наличие недавнего, равно как и инфантильного — мы подтвердили, но не можем их вывести из мотивов сновидения. Запомним обе эти характеристики, объяснить которые нам еще предстоит; мы к ним вернемся либо в разделе, посвященном психологии состояния сна, либо в ходе последующих рассуждений о строении душевного аппарата, когда мы увидим, что благодаря толкованию сновидений, словно через оконный проем, можно бросить взгляд в его глубины. [См. главу VII.]

Однако прямо здесь я хочу подчеркнуть еще один результат последних анализов сновидений. Часто кажется, что сновидение имеет *несколько толкований*; в нем, как показывают примеры, не только могут объединяться несколько исполнений желаний; может быть и так, что одно значение, одно исполнение желания может покрывать другое, пока мы не натолкнемся на исполнение желания из раннего детства, и здесь тоже встает вопрос, не следует ли в этом предложении слово «часто» заменить словом «всегда»[1].

В
Соматические источники сновидений

Когда пытаешься заинтересовать обычного образованного человека проблемами сновидения и с этой целью задаешь ему вопрос, из каких источников, по его мнению, проистекают сно-

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Наслоение значений сновидения — это одна из самых неприятных, но вместе с тем и самых содержательных проблем толкования сновидений. Тому, кто забывает про эту возможность, легко ошибиться, и он будет склонен к высказыванию необоснованных утверждений о сущности сновидения. Однако пока еще было проведено слишком мало исследований, посвященных этой теме. До сих пор основательную оценку — со стороны О. Ранка (Rank, 1912) — получило лишь довольно часто встречающееся наслоение символов в сновидениях, связанных с позывом к мочеиспусканию. [См. ниже, с. 409.]

видения, то, как правило, замечаешь, что спрошенный ошибочно полагает, будто имеет надежное решение этой части проблемы. Он тотчас упоминает о влиянии, которое оказывают на образование сновидений нарушенное или затрудненное пищеварение («Все сны от желудка» [ср. с. 42]), случайное положение тела и другие незначительные ощущения во время сна, и, по-видимому, не предполагает, что после учета всех этих моментов остается еще кое-что, нуждающееся в объяснении.

Какая роль в образования сновидений отводится в научной литературе соматическим источникам, мы уже подробно рассмотрели во вступительном разделе ([глава I] В), а потому нам здесь достаточно будет упомянуть лишь результаты данного исследования. Мы слышали, что различают три вида соматических источников: объективные чувственные раздражения, исходящие от внешних объектов, внутренние состояния возбуждения органов чувств, имеющие только субъективную причину, и физические раздражения, проистекающие изнутри тела. Мы также отметили склонность авторов наряду с выделением этих соматических источников оттеснять на задний план или вообще исключать какие бы то ни было *психические* источники сновидения (с. 61). Проверяя доводы, которые выдвигаются в пользу соматических источников раздражения, мы узнали, что значение *объективных* возбуждений органов чувств — отчасти случайных раздражений во время сна, отчасти таких, которые не прекращаются и в душевной жизни во сне — доказывается многочисленными наблюдениями, а с помощью эксперимента (с. 44–45) было подтверждено, что роль *субъективных* чувственных раздражений проявляется в сновидениях через возвращение гипнагогических чувственных образов (с. 51–52) и что повсеместно предполагаемое объяснение наших образов сновидений и представлений во сне *внутренними* телесными раздражениями хотя и нельзя доказать в полном объеме, но можно обосновать всем известным воздействием, которое состояние возбуждения пищеварительных и мочеполовых органов оказывает на содержание наших снов [ср. с. 57].

Следовательно, *«нервное раздражение»* и *«телесное раздражение»* являются соматическими источниками сновидений, то есть, по мнению большинства авторов, единственными источниками сновидений вообще.

Но мы слышали также уже и целый ряд возражений, которые относятся не столько к правильности, сколько к достаточности теории соматических раздражений.

Как бы ни были уверены все сторонники этой теории в правильности ее фактологических оснований — особенно когда речь идет о случайных и внешних нервных раздражениях, для обнаружения которых в содержании сновидения не требуется никаких усилий, — все-таки никто не отрицает того, что выводить богатое содержание представлений в сновидениях только из внешних нервных раздражений, пожалуй, недостаточно. Мисс Мэри Уитон Калкинс (Calkins, 1893 [312]) в течение шести недель изучала свои собственные сновидения и сновидения другого человека с этой точки зрения и выявила лишь 13,2 и, соответственно, 6,7 процента снов, в которых можно было доказать наличие элементов внешнего чувственного восприятия; только два из собранных ею случаев можно свести к органическим ощущениям. Статистика подтверждает нам здесь то, что мы могли предположить уже из беглого обзора наших собственных наблюдений.

Многие авторы ограничиваются тем, что отделяют *«сновидение, вызванное нервным раздражением»* в качестве хорошо исследованного подвида сновидений от других форм. Шпитта [Spitta, 1882, 233] разделяет сны на *вызванные нервным раздражением* и на *ассоциативные*. Но было ясно, что такое решение проблемы останется неудовлетворительным, пока не удастся установить связь между соматическими источниками сновидений и содержанием их представлений.

Наряду с первым возражением, что внешние источники раздражения не так часто встречаются, в качестве второго можно говорить о недостаточности объяснения сновидений, которое достигается благодаря привлечению такого рода источников. Сторонники этой теории должны дать нам два разъяснения, во-первых, почему внешний раздражитель не распознается в сновидении в своем истинном виде, а постоянно искажается (ср. сны, приводящие к пробуждению, с. 47–48), и, во-вторых, почему результат реакции воспринимающей души на этот искаженный раздражитель может столь неопределенно меняться.

В качестве ответа на этот вопрос мы слышали от Штрюмпеля, что душа по причине своей оторванности от внешнего мира во время сна не способна дать правильное истолкование объективному чувственному раздражителю и из-за неопределенного по многим направлениям возбуждения вынуждена образовывать иллюзии. По его словам (Strümpell 1877, 108–109): «Как только благодаря внешнему или внутреннему нервному раздражению во вре-

мя сна в душе возникает ощущение или комплекс ощущений, чувство или вообще некий психический процесс, который воспринимается ею, то этот процесс вызывает в душе образы ощущений, относящиеся к кругу представлений, оставшихся от состояния бодрствования, то есть вызывает прежние восприятия либо в чистом виде, либо вместе с относящимися к ним психическими ценностями. Он словно собирает возле себя большее или меньшее количество таких образов, благодаря которым впечатление, проистекающее от нервного раздражения, получает свою психическую ценность. По аналогии с поведением в бодрствовании также и здесь обычно говорят, что душа во сне *истолковывает* впечатления, проистекающие от нервного раздражения. Результатом такого толкования является так называемое *сновидение, вызванное нервным раздражением,* то есть сновидение, составные части которого обусловлены тем, что нервное раздражение оказывает свое психическое воздействие на душевную жизнь по законам репродукции». [Ср. выше, с. 48–49, с. 72 и 77.]

Сходным с этим учением по всем существенным моментам является утверждение Вундта [Wundt, 1874, 656–657], что представления в сновидении проистекают по большей части от чувственных раздражителей, а также от раздражителей общего чувства, а потому по большей части представляют собой фантастические иллюзии и, вероятно, лишь в меньшей степени — чистые представления памяти, усилившиеся до галлюцинаций. [Ср. с. 61.] Для отношения содержания сновидения к раздражителям сновидения, вытекающего из этой теории, Штрюмпель находит меткое сравнение (Strümpell, 1877, 84). Это похоже на то, «как будто десять пальцев совершенно не сведущего в музыке человека бегают по клавишам инструмента». [Ср. с. 97 и с. 140.] Таким образом, сновидение предстает не душевным явлением, возникшим по причине психических мотивов, а результатом физиологического раздражения, который выражается в психической симптоматике, потому что душевный аппарат, затронутый раздражителем, ни на какое другое выражение не способен. На аналогичной предпосылке построено, например, объяснение навязчивых представлений, которое Мейнерт попытался дать с помощью известного сравнения с циферблатом, на котором отдельные цифры являются более выпуклыми и выдаются вперед.

Какой бы популярной ни стала теория соматических раздражителей и как бы ни подкупала она своей простотой, все же лег-

ко показать ее слабые стороны. Любой соматический раздражитель сновидения, побуждающий во сне душевный аппарат к толкованию посредством образования иллюзий, может дать повод к бесчисленному множеству таких попыток истолкования, то есть добиться своего представительства в содержании сновидения в самых разных формах[1]. Однако теория Штрюмпеля и Вундта не способна указать какой-либо мотив, который регулировал бы отношения между внешним раздражителем и представлением в сновидении, выбранным для его истолкования, то есть объяснить «странный выбор», который «достаточно часто делают раздражители в своей продуктивной деятельности». (Lipps, 1883, 170.) Другие возражения относятся к основному предположению всей теории иллюзий, согласно которой душа во сне не в состоянии распознать истинную природу объективных чувственных раздражителей. Известный в прошлом физиолог Бурдах доказывает нам, что душа и во сне вполне способна правильно толковать достигающие ее чувственные впечатления и реагировать на них в соответствии с верным истолкованием, утверждая, что некоторые кажущиеся индивиду важными впечатления могут избежать небрежного к себе отношения во время сна (няня и ребенок) и что человек скорее проснется, если произнесут его имя, нежели от безразличного слухового впечатления, а это означает, что душа и во сне различает ощущения (раздел [глава] I, с. 71). Из этих наблюдений Бурдах делает вывод, что в состоянии сна следует предполагать не *неспособность истолковывать* чувственные раздражения, а *недостаток интереса* к ним. Эти же аргументы, которые в 1830 году использовал Бурдах, в неизменной форме снова использует в 1883 году Липпс, критикуя теорию соматических раздражителей. Согласно ему, душа напоминает нам спящего человека из анекдота, который на вопрос: «Ты спишь?» отвечает: «Нет», а на второе обращение: «Тогда одолжи мне 10 гульденов» отделывается отговоркой: «Я сплю».

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Я бы рекомендовал каждому прочесть два тома составленных Маурли Воллом [Vold, 1910–1912] подробных и точных протоколов экспериментально вызванных снов, чтобы удостовериться в том, сколь мало содержание отдельного сновидения объясняется указанными условия опыта и сколь вообще незначительна польза таких экспериментов для понимания проблем сновидения. [Ср. с. 58. Но вместе с тем см. также с. 197, прим. 2.]

Недостаточность теории соматических раздражителей можно доказать и другим способом. Наблюдение показывает, что внешние раздражители не обязательно вызывают у человека сновидения, хотя эти раздражители проявляются в содержании сновидения, когда человеку что-нибудь снится. Например, в ответ на раздражение кожи или давление, испытываемое мною во сне, в моем распоряжении имеются различные реакции. Я могу не заметить его, а затем при пробуждении обнаружить, что, например, у меня не накрыта одеялом нога или была сдавлена рука; патология демонстрирует многочисленные примеры того, что разнообразные раздражители, относящиеся к ощущениям и движениям, которые вызывают сильное возбуждение, во время сна остаются бездействующими. Во сне я могу почувствовать ощущение, словно сквозь сон, что, как правило, и происходит с болезненными раздражителями, но эта боль не вплетается в ткань сновидения. И, в-третьих, я могу проснуться в ответ на раздражение, чтобы его устранить[1]. И только четвертая возможная реакция заключается в том, что нервное раздражение вызовет у меня сновидение. Однако первые три возможности осуществляются по меньшей мере столь же часто, как образование сновидения. Этого не могло бы случиться, если бы не было *мотива сновидения вне соматических источников раздражения.*

Дав верную оценку вышеуказанным пробелам в объяснении сновидений с помощью соматических раздражителей, другие авторы — Шернер [Scherner, 1861], к которому присоединился философ Фолькельт [Volkelt, 1875] — попытались точнее определить душевную деятельность, в результате которой из соматических раздражений возникают яркие образы сновидения, тем самым снова сделав акцент при объяснении сущности сновидения на *душевной сфере* и психической активности. [Ср. с. 102 и далее.] Шернер не только дал поэтически прочувствованное, яркое описание психических особенностей, которые проявляются при образовании сновидения, — он также считал, что разгадал принцип, по которому душа обращается с предъявляемыми ей раздражителями. По мнению Шернера, фантазия, ос-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1919 году:]* См. в этой связи K. Landauer, Handlungen des Schlafendem (1918). Любой наблюдатель может обнаружить очевидные, полные смысла действия спящего человека. Нельзя говорить, что спящий человек абсолютно глуп; напротив, он способен вести себя логично и проявлять сильную волю.

вобожденная от дневных оков, стремится в сновидении *символически* отобразить природу органа, от которого исходит раздражение, и характер этого раздражения. В результате получается своего рода руководство для толкования сновидений, сонник, при помощи которого на основании образов сновидений можно судить о физических ощущениях, состоянии отдельных органов и раздражителях. «Так, например, образ кошки выражает дурное настроение, вид светлой, гладкой булочки — наготу». [Volkelt, 1875, 32.] Человеческое тело в целом изображается в сновидении в виде дома, отдельные части тела — в виде частей дома. В «сновидениях, вызванных раздражениями, идущими от зубов», полости рта соответствуют передняя с высоким сводом, а переходу глотки в пищевод — лестница; в «сновидении, вызванном головной болью», для обозначения высокого местоположения головы избирается потолок комнаты, усеянный отвратительными, похожими на жаб пауками» (ibid., 33–34). «Эти символы постоянно выбираются и применяются сновидением для одного и того же органа; так, например, дышащие легкие символизируются гудящей печью, в которой бушует пламя, сердце — пустыми ящиками и коробками, мочевой пузырь — круглыми, по форме похожими на мешок или вообще просто имеющими полость предметами». [Ibid., 34]. «Особенно важно то, что в конце такого вызванного телесными раздражителями сновидения фантазия, так сказать, демаскируется, открыто изображая возбуждающий орган или его функцию. Так, например, сновидение, вызванное раздражениями, идущими от зубов, обычно завершается тем, что сновидец вынимает у себя изо рта зубы». [Ibid., 35]. Нельзя сказать, чтобы эта теория толкования сновидений была благосклонно принята авторами. Прежде всего она показалась чересчур экстравагантной; в ней не сумели выявить даже той доли истины, на которую, на мой взгляд, она вправе претендовать. Она, как мы видим, приводит к возрождению толкования сновидений посредством *символики*, которой пользовались древние люди, разве что область, из которой берется толкование, ограничивается телесностью человека. Недостаток научной обоснованной техники при толковании делает малопригодным учение Шернера. По всей видимости, произвол при толковании сновидений не исключен, тем более что и здесь тоже раздражитель может выражаться в содержании сновидения самым разным образом; так, например, уже последователь Шернера, Фолькельт, не мог согласиться с его утверждением, будто тело

изображается в виде дома. Вызывает возражение также и то, что работа сновидения здесь опять-таки предстает в виде бесполезной и бесцельной душевной деятельности, поскольку, согласно обсуждаемой теории, душа довольствуется тем, что фантазирует о занимающем ее раздражителе, не делая ничего для устранения этого раздражителя.

Серьезный удар учению Шернера о символизации физических раздражителей сновидением наносит еще одно возражение. Эти физические раздражители присутствуют постоянно; как принято считать, душа во сне более доступна им, нежели в бодрствовании. В таком случае непонятно, почему душа не грезит всю ночь напролет и не каждую ночь обо всех этих органах. Если попытаться отвести это возражение введением дополнительного условия, что от глаз, ушей, зубов, кишечника и т.д. должно исходить особое возбуждение, чтобы пробудить деятельность сновидения, то возникает проблема, связанная с объективным установлением такого усиления раздражения, — это возможно лишь в незначительном количестве случаев. Если сновидение о полете означает символизацию подъема и опускания стенок легких при дыхании [ср. с. 58], то, как отмечает сам Штрюмпель [Strümpell, 1877, 119], либо это сновидение должно сниться чаще, либо во время этого сновидения можно доказать повышенную дыхательную активность. Но возможен и третий случай, наиболее вероятный из всех: иногда свое действие оказывают особые мотивы, чтобы привлечь внимание к постоянно имеющимся висцеральным ощущениям. Но этот случай уже выходит за пределы теории Шернера.

Ценность рассуждений Шернера и Фолькельта заключается в том, что они обращают внимание на некоторые особенности содержания сновидения, требующие объяснения и, по всей видимости, скрывающие новые научные выводы. Совершенно верно, что в сновидениях содержатся символизации телесных органов и их функций, что вода в сновидении часто указывает на позыв к мочеиспусканию, что мужской половой орган может изображаться в виде вертикально стоящей палки или колонны и т.д. В случае сновидений, в которых быстро сменяются образы и которые изобилуют яркими красками, в отличие от сновидений, где преобладают бледные тона, едва ли можно отвергнуть их толкование как «сновидений, вызванных раздражением органа зрения», точно так же, как нельзя оспаривать роль образования иллюзий в сновидениях, содержащих шум и гам. Сновидение, приведенное Шерне-

ром [Scherner, 1861, 167], о том, как два ряда красивых белокурых мальчиков выстраиваются друг против друга на мосту, нападают друга на друга, а затем возвращаются на свои исходные позиции, пока наконец сам спящий не садится на мост и не вынимает из челюсти большой зуб; или аналогичное сновидение Фолькельта [Volkelt, 1875, 52], где определенную роль играют два ряда выдвижных ящиков и которое опять-таки заканчивается выниманием зуба, и сходные сновидения, о которых в большом количестве сообщили оба автора, не позволяют отбросить в сторону теорию Шернера как бесполезное изобретение, не исследовав содержащегося в ней зерна истины. [См. ниже, с. 354.] В таком случае возникает задача дать другое объяснение мнимой символизации мнимого раздражения, идущего от зубов[1].

На протяжении всего времени, когда мы рассматривали теорию соматических раздражителей, я не приводил того аргумента, который вытекает из наших анализов сновидений. Если при помощи метода, который другие авторы не применяли к своему материалу сновидений, мы смогли показать, что сновидение как психический акт обладает собственной ценностью, что мотивом его образования служит желание и что переживания предыдущего дня дают первоочередной материал для его содержания, то любая другая теория сновидений, пренебрегающая этим методом и, соответственно, считающая сновидение бесцельной и загадочной психической реакцией на соматические раздражители, не выдерживает никакой критики. Ведь в этом случае, что маловероятно, должны быть два совершенно разных вида сновидений, один из которых наблюдается только нами, а другие — только прежними исследователями сновидений. Нам остается лишь найти место тем фактам, на которые опирается распространенное учение о соматических раздражителях, в рамках нашей теории сновидений.

Первый шаг к этому мы уже сделали, когда выдвинули положение, что работа сновидения вынуждает к переработке в единое целое всех одновременно имеющихся источников его возбуждения (см. с. 194–195). Мы видели, что если от предыдущего дня сохранились два или более переживания, способных произвести впечатление, то вытекающие из них желания объединяются в

---

[1] [Эти сновидения обсуждаются также на с. 392 и далее.]

одном сновидении, а также и то, что впечатление, обладающее психической ценностью для материала сновидения, и безразличные переживания предыдущего дня сливаются, но при условии, что между ними могут образоваться связующие представления. Таким образом, сновидение выглядит как реакция на все то, что в данный момент одновременно присутствует в спящей психике. Насколько нам удалось до этого проанализировать материал сновидений, мы увидели, что он представляет собой скопление психических остатков, следов воспоминаний, за которыми необходимо признать (вследствие предпочтения недавнего и инфантильного материала) психологически неопределимое свойство актуальности. Нам не составит большого труда предсказать, что может произойти, если к этому материалу, состоящему из актуализированных воспоминаний, в состоянии сна добавится новый материал — ощущения. Эти раздражения опять-таки становятся важными для сновидения благодаря тому, что они актуальны; они объединяются с другими актуальными психическими представлениями, чтобы дать материал для образования сновидения. Выражаясь иначе, раздражители во время сна перерабатываются в исполнение желания, другими компонентами которого являются известные нам психические остатки дня. Такое объединение совершается *не всегда*; мы уже слышали, что к телесным раздражителям во время сна возможно разное отношение. Но если оно происходит, то это значит, что удалось найти материал представлений для содержания сновидения, выражающий оба источника сновидения, — соматический и психический.

Сущность сновидения не меняется, когда к его психическим источникам добавляется соматический материал; оно остается исполнением желания, независимо от того, каким образом обусловливается его выражение посредством актуального материала.

Я бы хотел предоставить здесь место для обсуждения ряда особенностей, которые могут по-разному менять значение внешних раздражителей для сновидения. Я утверждаю, что взаимодействие индивидуальных, физиологических и случайных моментов, относящихся к соответствующей ситуации, определяется тем, как будет вести себя человек в каждом конкретном случае объективного интенсивного раздражения во время сна; обычная глубина сна в сочетании с интенсивностью раздражителя порой позволяет подавить раздражитель настолько, что он

не нарушает сна, а в другой раз вынуждает проснуться или предпринять попытку справиться с раздражителем, включив его в сновидение. В соответствии с многообразием таких констелляций внешние объективные раздражители у одного человека выражаются в сновидении чаще или реже, чем у другого. У меня — человека, обладающего прекрасным сном и упорно настаивающего на том, что меня нельзя тревожить во сне без причины, — вмешательства внешних источников возбуждения в сновидения очень редки, тогда как психические мотивы, по-видимому, очень легко подводят меня к сновидению. Собственно говоря, я записал только одно сновидение, в котором можно обнаружить объективные, болезненные источники раздражения, и именно на примере этого сновидения можно наглядно показать, какого эффекта достигает внешний раздражитель.

Я еду верхом на серой лошади, вначале робко и неумело, словно прислонившись к ней. Я встречаю коллегу П., который сидит верхом на коне и о чем-то мне напоминает (вероятно, о том, что я неправильно сижу). Я все лучше приспосабливаюсь к моей умной лошади, сажусь поудобнее и замечаю, что чувствую себя совсем как дома. В качестве седла у меня нечто вроде подушки, которая полностью заполняет пространство между шеей и крупом лошади. Я проскакиваю вплотную между двумя нагруженными телегами. Проехав улицу, я сворачиваю и хочу слезть с лошади у маленькой открытой часовни, которая расположена в конце улицы. Затем я действительно слезаю у другой близлежащей часовни; на этой же улице имеется и постоялый двор. Я мог бы пустить лошадь одну, но предпочитаю туда ее отвести. Как будто мне стыдно появиться там верхом. Перед постоялым двором стоит мальчик, который показывает оброненный мною клочок бумаги и смеется надо мной. На клочке бумаги написано и дважды подчеркнуто: «Не есть», и вторая фраза (неясно) — нечто вроде*: «Ничего не делать». В связи с этим смутная мысль, что я нахожусь в чужом городе, где мне нечего делать.*

В этом сновидении трудно подметить, чтобы оно возникло под влиянием, скорее даже под гнетом, какого либо болезненного раздражителя. Накануне, однако, я страдал от фурункулов, доставлявших мне муки при каждом движении, а самый большой фурункул в паху, разросшийся до размеров яблока, при любом шаге причинял мне нестерпимую боль. Утомление, отсут-

ствие аппетита, напряженная — вопреки всему этому — работа днем добавились к болям, чтобы испортить мое настроение. Я был не совсем способен справляться со своими врачебными задачами, но при данном характере недуга едва ли можно было придумать иное занятие, которое было бы столь же непригодным для меня, как *верховая езда*. И именно этой деятельностью заставляет меня заниматься сновидение; это самое энергичное отрицание недуга, какое можно себе представить. Я вообще не езжу верхом, верховая езда мне никогда не снится; я вообще всего один раз сидел на лошади, да и то она была без седла, и верховая езда мне не понравилась. Но в данном сновидении я еду верхом, словно у меня нет фурункула в паху — *вернее, именно потому, что я не хочу его иметь*. По описанию мое седло — это припарка, которая позволила мне заснуть. Вероятно, в первые часы сна — благодаря этой мере — я нисколько не чувствовал свой недуг. Затем дали о себе знать болезненные ощущения, которые хотели меня разбудить, но тут появилось сновидение и, успокаивая, сказало: «Спи дальше, ты не проснешься! У тебя же нет фурункула, ведь ты скачешь на лошади, а с фурункулом в этом месте ты бы скакать не мог!» И ему удалось меня успокоить; боль унялась, и я продолжал спать.

Сновидение, однако, не довольствовалось настойчивым «внушением» мне несовместимого с моим недугом представления об отсутствии фурункула, причем оно вело себя подобно галлюцинаторному бреду матери, потерявшей своего ребенка[1], или торговца, утратившего все свое состояние. Частные детали отвергнутого ощущения и образ, использованный для его вытеснения, служат ему также в качестве материала, чтобы присоединить то, что актуально в моей душе, к ситуации в сновидении и это выразить. Я еду верхом на *серой* лошади; цвет лошади в точности соответствует костюму цвета *перца и соли*, в котором я в последний раз встретил за городом коллегу П. Меня лишили *острой* пищи, которую сочли причиной фурункулеза, тем не менее в качестве этиологического фактора предпочтительнее, на мой взгляд, говорить о *сахаре*. Приятелю П. нравится быть передо мной *на*

[1] Ср. одно место у Гризингера [Griesinger, 1861, 106; см. с. 110–111 выше] и примечание в моей второй статье о защитных невропсихозах (1896*b*). [На самом деле Фрейд здесь имеет в виду абзац *первой* работы на эту тему (1894*a*).]

коне, после того как он сменил меня у одной пациентки, с которой я проделывал разные *трюки* (в сновидении я вначале сижу на лошади в странной позе, словно *цирковой наездник*). Но на самом деле эта пациентка, подобно лошади в анекдоте про горе-наездника[1], проделывала со мной, что ей хотелось. Таким образом, лошадь служит символическим выражением моей пациентки (в сновидении лошадь *очень умна*). *«Я чувствую себя совсем как дома»* — это соответствует моему положению в доме до того, как меня заменил П. *«Я думал, вы прочно сидите в седле»,* — недавно сказал мне по этому поводу один из немногих моих недоброжелателей среди известных врачей этого города. Каждый день заниматься психотерапией по 8–10 часов с такими болями действительно было *трюком*, но я знаю, что, не чувствуя себя совершенно здоровым, я не смогу далее выполнять особенно сложную работу, и сновидение полно мрачных намеков на ситуацию, которая должна неизбежно возникнуть — *«Не работать и не есть»* (записка, с которой неврастеники являются на прием к врачу). В ходе дальнейшего толкования я замечаю, что работе сновидения удалось найти путь от желаемой ситуации, выраженной с помощью верховой езды, к сценам из очень раннего детства — стычкам, происходившим между мной и одним моим племянником, который, впрочем, на год старше меня и живет теперь в Англии. [Ср. с. 428–429.] Кроме того, оно использовало элементы моих путешествий в Италию; улица в сновидении состоит из впечатлений о Вероне и Сиене. Еще более глубокое толкование приводит меня к мыслям сексуального характера, и я вспоминаю, что у одной пациентки, никогда не бывавшей в Италии, намеки в сновидении, по-видимому, указывали на эту красивую страну *(gen Italien — Genitalien)*; в то же время это связано с домом, в котором я был врачом до приятеля П., и с тем местом, где возник мой фурункул.

В другом сновидении[2] мне удалось аналогичным образом защититься *на этот раз* от чувственного раздражения, угро-

---

[1] [В письме от 7 июля 1898 года Флиссу (Freud, 1950 а, письмо № 92) Фрейд говорит о «знаменитом принципе Итцига, горе-наездника: "Итциг, куда ты скачешь?" — "Если б я знал, спроси у лошади"».]

[2] [Этот абзац был добавлен в 1914 году. Данное сновидение уже вкратце упоминалось Фрейдом (1913*h*, № 1); оно приводится также в 5-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917, *Studienausgabe*, т. I, с. 111.)]

жавшего нарушить мой сон. Однако выявить взаимосвязь сновидения и случайного раздражителя, вызвавшего сновидение, и тем самым понять сон позволило мне лишь счастливое стечение обстоятельств. Однажды утром — это было в середине лета — я проснулся в тирольском горном селении со знанием того, что мне приснилось: *Папа римский умер*. Толкование этого короткого, лишенного зрительных образов сновидения мне не удалось. Я вспомнил только один повод к этому сновидению: незадолго до этого в газете сообщалось о легком недомогании его святейшества. Однако во время завтрака моя жена спросила: «Ты слышал сегодня утром ужасный звон колоколов?» Мне ничего не было известно о том, чтобы я это слышал, но теперь я понял свое сновидение. Это была реакция моей потребности во сне на шум, которым набожные тирольцы хотели меня разбудить. Я мщу им выводом, составляющим содержание сновидения, и продолжаю спать, не проявляя никакого интереса к колокольному звону.

Среди сновидений, упомянутых в предыдущих разделах, уже имеется несколько, которые могут служить примерами переработки так называемых нервных раздражителей. Одним из них является сновидение о питье воды большими глотками [с. 142]; в нем соматический раздражитель, по-видимому, является единственным источником сновидения, а желание, вызванное ощущением, — жажда — единственным его мотивом. Точно так же обстоит дело и с другими простыми сновидениями, когда сам по себе соматический раздражитель способен вызвать желание. Сновидение больной, которая ночью сбрасывает со щеки охлаждающий аппарат [с. 144], демонстрирует необычный способ реагировать исполнением желания на болезненные раздражители; похоже, что пациентке удалось на какое-то время перестать чувствовать боль, наделив ею постороннего человека.

Мое сновидение о трех парках [с. 219 и далее] вызвано, очевидно, голодом, но оно сумело свести потребность в пище к томлению ребенка по материнской груди и использовать невинное желание для прикрытия более серьезного стремления, которое не может выразиться в столь явном виде. В сновидении о графе Туне [с. 223 и далее] мы могли видеть, какими способами возникшая до этого физическая потребность соединяется с наиболее сильными, но и сильнее всего подавленными побуждениями

душевной жизни. И если, как в случае, приведенном Гарнье [Garnier, 1872, т. I, 476], Первый Консул превратил шум взрывающейся адской машины в сновидение о битве, прежде чем он от этого пробудился [с. 46], то в этом особенно ясно обнаруживается стремление, ради которого душевная деятельность вообще интересуется во сне ощущениями. Молодой адвокат[1], уснувший после обеда в день своего первого серьезного выступления, ведет себя абсолютно так же, как великий Наполеон. Ему снится некий Г. Райх в *Гусятине* [город в Галиции], которого он знает по выступлению, но элемент *Гусятин (Hussiatyn)* продолжает настойчиво навязываться; он просыпается и слышит, как его жена, страдающая бронхитом, сильно кашляет (husten).

Сравним это сновидение Наполеона, обладавшего, кстати, превосходным сном, с другим сновидением — со сновидением привыкшего долго спать студента, которому после слов разбудившей его горничной, что ему пора в госпиталь, снится, будто он спит в больничной койке, а затем продолжает спать, рассуждая: если я и так уже в госпитале, то мне не нужно вставать, чтобы туда идти [с. 143–144]. Очевидно, что последнее сновидение — это сновидение о комфорте, спящий откровенно признается себе в мотиве своего сна, но вместе с тем раскрывает одну из тайн сновидения как такового. В известном смысле все сновидения — это *сновидения о комфорте*; они служат намерению продолжить сон, а не пробудиться. *Сновидение — это страж сна, а не его нарушитель.* По отношению к психическим моментам, вызывающим пробуждение, мы докажем правильность этого утверждения в другом месте [см. с. 579–580]; его применимость к роли объективных внешних раздражителей мы можем обосновать уже здесь. Душа либо вообще не интересуется поводами к возникновению ощущений во время сна, если только это возможно в отношении интенсивности и правильно понятого ею значения этих раздражителей, либо она использует сновидение для того, чтобы отрицать наличие этих раздражителей, либо, в-третьих, когда она вынуждена их признать, подыскивает такое их толкование, которое выставляет актуальное ощущение как составную часть желаемой и сопоставимой со сновидением ситуации. Актуальное ощущение вплетается в сновидение *и в результате лишается своей реальности.* Наполеон

[1] [Это и следующее предложения были добавлены в 1909 году.]

может продолжать спать; ведь его сон хочет нарушить всего лишь воспоминание во сне о канонаде под Арколе[1].

Следовательно, желание спать (на которое настроено сознательное Я и которое наряду с цензурой сновидения и упоминаемой в дальнейшем «вторичной переработкой» [см. с. 491 и далее] *представляет собой его вклад в сновидение*[2]*) должно каждый раз учитываться в качестве мотива к образованию сновидения, а каждое удавшееся сновидение является его исполнением.* Как соотносится это постоянное и всегда одинаковое желание спать с другими желаниями, из которых то одно, то другое исполняется благодаря содержанию сновидения, — это будет предметом другой дискуссии [с. 572 и далее]. Однако в желании спать мы выявили тот момент, который может восполнить пробел в теории Штрюмпеля-Вундта [ср. с. 236 и далее], показать ошибочность и изменчивость в толковании внешних раздражителей. Правильное толкование, на которое вполне способна спящая душа, предполагает живой интерес и требует прекращения сна; поэтому из всех возможных толкований душа избирает только такие, которые совместимы с абсолютистской цензурой желания спать. Например, это соловей, а не ласточка[3]. Ибо если это ласточка, то сон кончен — наступило утро. Далее, из всех доступных толкований раздражителя выбирается то, которое может быть наилучшим образом связано с желаниями-побуждениями, имеющимися в душе. Поэтому все однозначно определено и ничего не оставляется на произвол судьбы. Неправильное толкование — это не иллюзия, а — если угодно — отговорка. Но здесь опять-таки, как и при замене посредством смещения, осуществляемой в угоду цензуре сновидения, следует признать отклонение от нормального психического процесса.

---

[1] Содержание этого сновидения по-разному рассказывают в двух источниках, из которых оно мне известно.

[2] [Это придаточное предложение, заключенное издателями в скобки, чтобы его пометить, в первых двух изданиях (1900 и 1909 года) отсутствовало.

Часть предложения «на которое настроено сознательное Я и которое наряду с цензурой сновидения представляет собой его вклад в сновидение» было добавлено в 1911 году; другая часть предложения: «и упоминаемой в дальнейшем "вторичной переработкой"» — в 1914-м.]

[3] [По трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта», акт III, 5-я сцена.]

Если внешние нервные и внутренние телесные раздражители достаточно интенсивны для того, чтобы привлечь к себе внимание психики, то — в том случае, если их следствием является сновидение, а не пробуждение — они создают прочную основу для образования сновидений, ядро в его материале, для которого подыскивается соответствующее исполнение желания таким же образом, как и опосредствующие представления между двумя психическими раздражителями сновидения (см. выше [с. 241]). В отношении многих сновидений можно сказать, что соматический элемент определяет в них содержание сновидения. В этом крайнем случае ради образования сновидения пробуждается как раз не актуальное желание. Однако сновидение не может изобразить желание иначе, кроме как в ситуации, в которой оно исполняется; перед ним словно возникает задача выяснить, какое желание можно изобразить как исполненное с помощью актуальной ситуации. Если актуальный материал имеет болезненный или неприятный характер, то это еще не означает, что из-за этого он не пригоден для образования сновидения. В распоряжении душевной жизни имеются также желания, исполнение которых вызывает неудовольствие; это кажется противоречием, но объясняется наличием двух психических инстанций и цензуры, существующей между ними.

Как мы уже слышали, в душевной жизни имеются *вытесненные* желания, относящиеся к первой системе, исполнению которых противодействует вторая система. До сих пор сохраняется мнение, что такие желания существовали, а затем были уничтожены; однако учение о вытеснении, необходимое в науке о психоневрозах, утверждает, что такие вытесненные желания продолжают существовать, но вместе с ними имеется воздействующее на них торможение. В нашей речи мы подмечаем верное, когда говорим о *«подавлении»* таких импульсов. Психические приспособления, способствующие реализации таких подавленных желаний, сохраняются и готовы к употреблению. Но если случается так, что такое подавленное желание все же осуществляется, то преодоленное торможение второй (способной к осознанию) системы проявляется в виде неудовольствия. Завершим эту мысль: когда во сне имеются неприятные ощущения из соматического источника, то эта констелляция используется сновидением для того, чтобы изобразить — при сохранении в той или иной степени цензуры — исполнение обычно подавленного желания[1].

---

[1] [Эта тема обсуждается далее в главе VII, раздел В; см. прежде всего с. 558 и далее, но также с. 278 и 489.]

Такое положение вещей позволяет объяснить ряд сновидений, сопровождающихся страхом, тогда как другой ряд сновидений, противоречащих теории желания, позволяет выявить другой механизм. Страх в сновидениях может быть психоневротическим, возникать вследствие психосексуального возбуждения, при этом страх соответствует вытесненному либидо. В таком случае этот страх, как и страшный сон в целом, имеет значение невротического симптома, и мы стоим на границе, где присущая сновидению тенденция к исполнению желания терпит фиаско. [Ср. с. 178, а также с. 581 и далее.] В других же страшных снах [из первого ряда] ощущение страха передается соматически (например, у легочных и сердечных больных при случайной задержке дыхания), и в таком случае оно используется для того, чтобы помочь исполниться в виде сновидения таким энергично подавленным желаниям, проявление которых во сне по психическим мотивам имело бы следствием такое же появление страха. Объединить эти внешне отдельные случаи несложно. Из двух психических образований, склонности к аффекту и содержания представления, тесно связанных между собой, одно из них, которое актуально, также и в сновидении вызывает другое: то соматически обусловленный страх вызывает подавленное содержание представления, то содержание представления, избавленное от вытеснения и сопровождающееся сексуальным возбуждением, вызывает страх. О первом случае можно сказать, что соматически обусловленный аффект получает психическое толкование; в другом случае все обусловлено психически, но подавленное содержание легко заменяется соматическим толкованием, соответствующим ощущению страха. Трудности, которые здесь возникают для понимания, имеют мало общего со сновидением; они проистекают из того, что этими рассуждениями мы затрагиваем проблемы возникновения страха и вытеснения.

К действенным раздражителям, относящимся к внутренней телесности, без сомнения, относится общее настроение [см. с. 55]. Не то чтобы оно могло предоставить содержание сновидения, но оно вынуждает мысли сновидения производить выбор из материала, который должен служить для изображения в содержании сновидения, приближая одну часть этого материала как соответствующую его сущности и отодвигая другую. Кроме того, это общее настроение от предыдущего дня связано с психическими остатками, существен-

ными для сновидения. При этом само это настроение может сохраняться в сновидении или преодолеваться, а потому оно, когда исполнено неудовольствием, обращается в противоположность[1].

Когда соматические источники раздражения во время сна — то есть ощущения во сне — не обладают чрезвычайной интенсивностью, то они, на мой взгляд, играют в образовании сновидения такую же роль, что и оставшиеся свежими, но безразличные впечатления предыдущего дня. Собственно, я имею в виду, что они привлекаются для образования сновидения только в том случае, когда пригодны для соединения с содержанием представлений психических источников сновидения. С ними обращаются как с общедоступным, всегда имеющимся наготове материалом, который используется всякий раз, как только в нем возникает надобность, тогда как ценный материал сам предписывает способ своего применения. Это похоже на то, как меценат приносит художнику редкий камень, оникс, чтобы сделать из него художественное произведение. Размеры камня, его окраска и чистота воды помогают решить, какой портрет или какую сцену в нем следует изобразить, тогда как при не очень дорогом и имеющемся в большом количестве материале, например мраморе или песчанике, художник следует только идее, сложившейся в его уме. Только так, как мне кажется, можно понять тот факт, что содержание сновидения, которое вызывается раздражителями из нашей телесности, не усилившимися до степени чрезвычайного, проявляется все же не во всех сновидениях и не каждую ночь[2]. [Ср. с. 239.]

Возможно, пример, который вновь возвращает нас к толкованию сновидений, лучше всего прояснит мою мысль. Однажды я пытался понять, что означает ощущение заторможенности, невозможности сойти с места, неловкости и т.п., которое так часто снится человеку и которое столь близко к страху. В ночь после этого мне приснился следующий сон. *Не совсем одетый,*

---

[1] [Ср. с. 489. — Последнее предложение было добавлено в 1914 году.]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Ранк в ряде работ [1910, 1912*a* и 1912*b*] показал, что некоторые приводящие к пробуждению сновидения, вызванные органическим раздражителем (сновидения, вызванные позывом к мочеиспусканию и сопровождающиеся поллюциями) особенно пригодны для иллюстрации борьбы между потребностью во сне и требованиями органических потребностей, а также влияния последних на содержание сновидения. [Ср. с. 409—410.]

я поднимаюсь по лестнице из квартиры, расположенной на нижнем этаже дома, на верхний этаж. При этом я каждый раз перескакиваю через три ступеньки, радуясь тому, что так проворно могу подниматься по лестнице. Вдруг я вижу, что навстречу мне вниз по лестнице спускается горничная. Мне становится стыдно, я спешу, и тут возникает та заторможенность, я словно приклеен к ступенькам, и я не могу сдвинуться с места.

Анализ. Ситуация в сновидении заимствована из повседневной действительности. У меня в Вене две квартиры, соединенные между собой только лестницей. На первом этаже находятся приемная и кабинет, а этажом выше — жилые комнаты. Когда поздно вечером я заканчиваю работать, я поднимаюсь по лестнице в спальню. Вечером накануне сновидения я действительно поднялся по лестнице не совсем одетый, то есть я снял воротничок, галстук и манжеты; в сновидении же, как это обычно бывает, я оказался раздет гораздо больше, хотя и непонятно, до какой степени. [Ср. с. 257.] Перепрыгивание через ступеньки — это моя обычная манера подниматься по лестнице; впрочем, это и исполнение желания в сновидении, ибо благодаря легкости, с которой я выполняю это действие, я убеждаюсь в хорошей работе своего сердца. Далее, такая манера подниматься по лестнице полностью противоречит торможению во второй половине сновидения. Она показывает мне — что не требовало доказательств, — что сновидению не доставляет затруднений изобразить моторные действия во всей их полноте; вспомним хотя бы полеты во сне!

Лестница, по которой я подымаюсь, не похожа, однако, на лестницу моего дома; сначала я ее не узнаю, и только благодаря человеку, идущему мне навстречу, я понимаю, где нахожусь. Этот человек — горничная одной пожилой дамы, которую я посещаю два раза в день, чтобы сделать инъекции [ср. с. 136]; лестница в сновидении очень похожа на ту, по которой я поднимаюсь там два раза в день.

Но как попали эта лестница и эта женщина в мое сновидение? Чувство стыда из-за того, что я не совсем одет, без сомнения, имеет сексуальный характер; горничная, которая мне приснилась, старше меня, ворчлива и совершенно непривлекательна. В ответ на этот вопрос мне приходит в голову только следующее: когда я совершаю утренний визит в этот дом, у меня обыч-

но на лестнице начинается кашель; продукт отхаркивания попадает на лестницу. На обоих этажах нет плевательницы, и я придерживаюсь той точки зрения, что содержание лестницы в чистоте должно происходить не за мой счет, а благодаря приобретению плевательницы. Домоправительница, тоже пожилая ворчливая женщина, которой, однако, присуще стремление к опрятности, придерживается по этому вопросу другой точки зрения. Она подкарауливает, не позволю ли я себе снова указанной вольности, и когда она это обнаруживает, мне приходится слышать ее ворчание. После этого несколько дней она также отказывает мне в обычном проявлении уважения при нашей встрече. Накануне сновидения партия домоправительницы получила подкрепление в лице горничной. Я, как всегда, торопился завершить свой визит к больной, когда в передней меня остановила горничная и высказала замечание: «Господин доктор, вы бы хоть сегодня вытерли ноги, прежде чем войти в комнату. Красный ковер опять весь грязный от вашей обуви». Такова, вероятно, причина появления в моем сновидении лестницы и горничной.

Между моим перепрыгиванием через ступени и отхаркиванием на лестнице существует тесная связь. Воспаление зева, как и сердечный недуг, представляются наказанием за дурную привычку курить, по поводу которой, разумеется, я слышу аналогичные упреки от своей супруги; в одном доме со мной так же мало любезны, как и в другом, а сновидение соединило их в один образ.

Дальнейшее толкование сновидения я должен отложить до тех пор, пока мы не рассмотрим, откуда проистекает типичное сновидение о неполной одежде. В качестве предварительного результата анализа приведенного сновидения я только замечу, что ощущение заторможенности движений в сновидении возникает всегда, когда оно необходимо для некоторой взаимосвязи. Особое состояние моей подвижности во сне не может быть причиной содержания данного сновидения, ведь за мгновение перед этим, словно в подтверждение этого вывода, мне снилось, что я с легкостью перепрыгиваю через ступеньки[1].

---

[1] [Ощущение торможения в сновидениях подробно обсуждается на с. 344 и далее. Данное сновидение далее анализируется на с. 258–259.]

Г
Типичные сновидения

Как правило, мы не в состоянии истолковать сон другого человека, если он не желает передать нам бессознательные мысли, скрывающиеся за содержанием сновидения, и этим серьезно затрудняется практическое применение нашего метода толкования сновидений[1]. Однако в противоположность свободе человека индивидуальным образом по-особому обставлять свой мир сновидений и тем самым делать его недоступным пониманию других людей, существует определенное количество сновидений, которые снятся каждому в одинаковой форме. В их отношении принято считать, что у каждого человека они имеют одно и то же значение. Особый интерес эти типичные сновидения вызывают также тем, что предположительно у всех людей они проистекают из одинаковых источников, а поэтому кажутся особенно пригодными для того, чтобы разъяснить нам источники сновидений.

Итак, мы с особыми ожиданиями приступаем к испытанию нашей техники толкования сновидений на материале этих типичных снов и только с большой неохотой признаемся, что именно на этом материале наше искусство не совсем подтверждается. При толковании типичных сновидений, как правило, мысли сновидца, обычно приводившие нас раньше к пониманию сновидения, отсутствуют или же они становятся неясными и недостаточными, из-за чего мы не можем решить с их помощью свою задачу.

Откуда это проистекает и как мы устраняем этот недостаток нашей техники, будет показано в другом месте [глава VI (Д), с. 359 и далее] нашей работы. Тогда читателю станет так-

[1] *[Дополнение, сделанное в 1925 году:]* Тезис о том, что наш метод толкования сновидений становится непригодным, когда мы не располагаем ассоциативным материалом сновидца, требует дополнения: в одном случае наша работа по толкованию не зависит от этих ассоциаций, а именно тогда, когда в содержании сновидения сновидец использовал *символические* элементы. Строго говоря, в таком случае мы пользуемся вторым, *дополнительным*, методом толкования сновидений.

же понятным, почему я могу рассмотреть здесь лишь некоторые сновидения из группы типичных снов, а другие намереваюсь обсудить в другом контексте[1]. [Ср. с. 392 и далее.]

(а) Смущающее сновидение о наготе

Сновидение о том, что голый или плохо одетый человек находится среди посторонних, может и не сопровождаться чувством стыда и т.п. Но нас сновидение о наготе интересует только в том случае, когда человек испытывает в нем чувство стыда и смущение, хочет убежать или скрыться и при этом ощущает своеобразное торможение — не может сдвинуться с места и чувствует себя неспособным изменить неприятную ситуацию. Только в этой взаимосвязи сновидение является типичным; ядро его содержания может включаться в самые разные соединения или разбавляться индивидуальными примесями. В сущности [то есть в типичной форме], речь идет о неприятном ощущении стыда, о том, что человеку хочется скрыть — чаще всего при помощи локомоции — свою наготу, но сделать этого он не может. Я думаю, что большинству моих читателей уже доводилось бывать в такой ситуации в сновидении.

Обычно то, насколько раздет человек, не очень понятно. Можно услышать, как кто-то рассказывает, что был в сорочке, но это редко бывает четкой картиной; чаще всего эта ситуация настолько неопределенная, что в рассказе она воспроизводится в виде альтернативы: «Я была либо в сорочке, либо в нижней юбке». Как правило, дефект туалета не настолько существенен, чтобы оправдать связанное с ним чувство стыда. Для того, кто носит офицерский мундир, нагота часто заменяется противоречащей уставу экипировкой. «Я иду по улице без сабли и вижу, как приближаются офицеры, либо без галстука, либо на мне гражданские брюки в клеточку» и т.п.

Люди, которых стыдятся, — это почти всегда посторонние с неопределенно невозмутимым выражением лица. Никогда в

---

[1] [Эти два последних абзаца, представленные в данной форме, датируются 1914 годом. В появившемся в том году (четвертом) издании в главе VI добавился раздел об изображении с помощью символов. Это привело к существенным изменениям в данном разделе, материал которого большей частью был перенесен в новый раздел. (См. «Предисловие издателей», с. 7.)]

типичных сновидениях не бывает так, чтобы другие выказывали недовольство или обращали внимание на одежду, которая у самого человека вызывает смущение. Напротив, люди делают равнодушные или, как я это сумел подметить в одном особенно отчетливом сновидении, торжественно натянутые мины. Это дает пищу для размышлений.

Стыдливое смущение сновидца и безразличие людей создают противоречие, которое часто встречается в сновидении. Ощущению сновидца больше подходило, если бы посторонние люди на него с удивлением смотрели и посмеивались или возмущались. Однако я думаю, что эта непристойная черта устранена исполнением желания, тогда как другая, сдерживаемая какой-то силой, сохраняется, и в результате обе части плохо сочетаются друг с другом. У нас имеется одно интересное доказательство того, что сновидение в своей частично искаженной исполнением желания форме не нашло верного понимания. Это сновидение стало основой одной сказки, которая всем нам известна в изложении Андерсена («Новое платье короля»), а совсем недавно подверглась поэтической переработке Л. Фульдой[1] в «Талисмане». В сказке Андерсена рассказывается о двух обманщиках, соткавших для короля драгоценное платье, которое, однако, могли видеть только добрые и верные подданные. Король выходит на улицу в этом невидимом платье, и, напуганные испытанием, все люди ведут себя так, словно не замечают наготы короля.

Последнее, однако, представляет собой ситуацию нашего сновидения. Пожалуй, не нужно особой смелости, чтобы предположить, что непонятное содержание сновидения дает повод к представлению о наготе, в котором вспоминаемая ситуация становится осмысленной. При этом она лишается своего первоначального значения и служит чуждым целям. Мы услышим, однако, что такое неверное понимание содержания сновидения со стороны сознательной мыслительной деятельности второй психической системы встречается очень часто, и это следует признать фактором окончательного формирования сновидения[2]. Далее мы узнаем, что при образовании навязчивых представлений и фобий главную роль играет такое же неверное понимание — опять-таки в сфере той

[1] [Немецкий драматург, 1862–1939.]

[2] [Процесс «вторичной переработки» подробно обсуждается в первом разделе главы VI (с. 491 и далее).]

же самой психической личности. Также и относительно нашего сновидения можно сказать, откуда берется материал для иного толкования. Обманщик — это сновидение, король — сам сновидец, а морализирующая тенденция обнаруживает смутное знание того, что в скрытом содержании сновидения речь идет о недозволенных желаниях, ставших жертвой вытеснения. Взаимосвязь, в которой проявляются такие сновидения в ходе моих анализов у невротиков, не оставляет никакого сомнения в том, что в основе сновидения лежит воспоминание из самого раннего детства. Только в детстве было время, когда нас видели недостаточно одетыми наши родные, воспитатели, горничные и гости, и тогда мы не стыдились своей наготы[1]. У многих детей и в старшем возрасте можно наблюдать, что раздевание действует на них словно опьяняюще, вместо того чтобы вызывать у них чувство стыда. Они смеются, прыгают, хлопают себя по телу, а мать или кто-то другой, кто при этом присутствует, им выговаривает: «Фу, как не стыдно, так делать нельзя». Дети часто обнаруживают эксгибиционистские наклонности; едва ли можно пройтись по деревне в нашей местности, не встретив двух- или трехлетнего малыша, который бы не поднял перед прохожим, быть может, его приветствуя, свою рубашонку. У одного из моих пациентов сохранилось воспоминание об эпизоде из детства, когда ему было восемь лет. Однажды, раздевшись перед тем, как лечь спать, он захотел было отправиться в рубашке к своей маленькой сестренке в соседнюю комнату, но прислуга ему запретила. В рассказах невротиков о своем детстве раздевание перед детьми противоположного пола играет важную роль; бред параноика, будто другие наблюдают за ним, когда он одевается и раздевается, объясняется этими переживаниями; среди тех, у кого сохранилась перверсия, имеется класс людей, у которых инфантильный импульс возрос до симптома, — класс *эксгибиционистов*[2].

Это детство, лишенное чувства стыда, кажется нам впоследствии раем, а сам по себе рай есть не что иное, как массовая фантазия о детстве человека. Поэтому и в раю люди ходят обнаженными и не стыдятся друг друга до того момента, когда у них

---

[1] Ребенок появляется, однако, и в сказке; там маленькая девочка вдруг восклицает: «Да ведь он же голый!»

[2] [Это упоминание о перверсиях как остаточных проявлениях инфантильной сексуальности можно рассматривать как предтечу последующего анализа сексуального влечения в «Трех очерках» (1905*d*).]

пробуждаются стыд и страх изгнания из рая; начинается половая жизнь и цивилизованная работа. В этот рай сновидение может переносить нас еженощно; мы уже высказывали предположение [с. 232–233], что впечатления раннего детства (начиная с доисторического периода и примерно до исполнения полных трех лет) требуют воспроизведения сами по себе, возможно, независимо от их содержания, и что повторение их представляет собой исполнение желания. Таким образом, сновидения о наготе — это *эксгибиционистские сновидения*[1].

Ядро эксгибиционистского сновидения составляют собственный образ, относящийся, однако, не к детству, а к настоящему времени, а также недостатки в одежде, которые из-за наслоения многочисленных более поздних воспоминаний о неглиже или под воздействием цензуры предстают в неясном виде; к этому добавляются люди, которых стыдится сновидец. Я не знаю ни одного примера того, чтобы во сне вновь появлялись действительные очевидцы тех детских эксгибиционистских поступков. Сновидение никогда не бывает просто воспоминанием. Как ни странно, те люди, к которым относился в детстве наш сексуальный интерес, не воспроизводятся ни в сновидении, ни при истерии, ни при неврозе навязчивости; и только при паранойе снова возникают образы зрителей и проявляется фанатичная убежденность — даже если они оставались невидимыми — в их присутствии. Те, кем они заменяются в сновидении, «многочисленными посторонними людьми», не обращающими никакого внимания на предлагаемое им зрелище, представляют собой *желаемую противоположность* тому конкретному, хорошо знакомому человеку, перед которым когда-то обнажался сновидец. Впрочем, «многочисленные посторонние люди» часто также встречаются в сновидениях в самых разных контекстах; в качестве желаемой противоположности они всегда означают «тайну»[2].

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1911 году:]* Несколько интересных сновидений о наготе у женщин, которые без труда можно свести к инфантильному удовольствию от эксгибиционизма, но которые в некоторых отношениях отклоняются от обсуждаемого выше «типичного» сновидения о наготе, привел Ференци [Ferenczi, 1910]. [По всей видимости, в предпоследнем предложении данного абзаца Фрейд вкратце обозначает некоторые идеи, изложенные им спустя двадцать лет в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*).]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* Это же по понятным причинам означает в сновидении присутствие «всей семьи».

Нужно заметить, что при восстановлении прежнего положения вещей, происходящем при паранойе, учитывается это противоречие. Человек уже не находится в одиночестве, за ним, несомненно, наблюдают, но наблюдатели — это «многочисленные посторонние люди с неопределенно невозмутимым выражением лица».

Кроме того, в эксгибиционистском сновидении проявляется вытеснение. Неприятное ощущение во сне представляет собою реакцию второй психической системы на то, что отвергнутое ею содержание эксгибиционистской сцены все-таки проявилось в виде представления. Чтобы его избежать, эту сцену не следовало бы воскрешать в памяти.

Об ощущении заторможенности мы еще раз поговорим чуть позже [с. 344 и далее]. В сновидении оно превосходно служит тому, чтобы изобразить *конфликт воли, отрицание*. В соответствии с бессознательным намерением эксгибиционизм необходимо продолжить, в соответствии с требованием цензуры он должен быть прерван.

Связь наших типичных сновидений со сказками и другим поэтическим материалом, несомненно, не является ни единичной, ни случайной. Иногда проницательный поэтический взгляд аналитически распознает процесс превращения, инструментом которого обычно является сам поэт, и прослеживает его в обратном направлении, то есть сводит поэзию к сновидению. Один мой приятель обратил мое внимание на следующее место из «Зеленого Генриха» Готфрида Келлера[1]: «Не желаю вам, дорогой Ли, чтобы вы когда-нибудь на своем опыте испытали чрезвычайно пикантное положение Одиссея, когда он, голый, покрытый лишь мокрой тиной, предстает пред Навсикаей и ее подругами! Хотите знать, как это происходит? Возьмем пример. Если вы находитесь вдалеке от родины и от всего, что вам дорого, бродите по чужбине, многое видели и многое слышали, а на душе у вас заботы и горе, вы чувствуете себя несчастным и брошенным, то ночью наверняка вам приснится, что вы приближаетесь к своей родине; она предстает перед вами в ярких сверкающих красках; навстречу вам выходят милые вашему сердцу близкие люди. И тут вы вдруг замечаете, что вы в оборванном платье, чуть ли не голый, покрытый лишь слоем грязи и пыли. Вами овладевает неописуемый стыд и страх, вы хотите прикрыться,

[1] [Часть III, 2-я глава.]

спрятаться и просыпаетесь весь в поту. Это, с тех пор как существуют люди, является сновидением исполненного печалью, мечущегося человека, и Гомер взял эту ситуацию из глубочайшей и извечной сущности человечества».

Глубочайшая и извечная сущность человечества, на пробуждение которой у своих слушателей, как правило, рассчитывает поэт, — это и есть те побуждения душевной жизни, которые коренятся в ставшем затем доисторическим периоде детства. Позади доступных осознанию и непредосудительных желаний безродного человека в сновидении прорываются подавленные и ставшие непозволительными детские желания, и поэтому сновидение, объективированное легендой о Навсикае, постоянно превращается в страшный сон.

Мое собственное сновидение, упомянутое на с. 252–253, о том, как я скачу по лестнице, а потом не могу сойти с места, — это тоже эксгибиционистский сон, поскольку обнаруживает его важные составляющие. Поэтому его следовало бы свести к детским переживаниям, а зная их, мы могли бы разъяснить, в какой мере поведение горничной по отношению ко мне, ее упрек, что я испачкал ковер, связано с тем положением, которое она занимает в сновидении. Я действительно могу дать желанные разъяснения. В психоанализе научаешься связь по времени заменять связью по существу [ср. с. 323–324]; две мысли, внешне друг с другом не связанные, но непосредственно следующие друг за другом, относятся к некоему единству, о котором надо догадаться, подобно тому, как буквы *а* и *б*, которые я пишу друг подле друга, должны бы произноситься как слог: *аб*. Точно так же обстоит дело с последовательностью сновидений. Упомянутый сон о лестнице выхвачен из ряда сновидений, другие члены которого известны мне по их толкованию. Включенное в него сновидение должно относиться к тому же контексту. В основе других сновидений, составляющих один ряд, лежит воспоминание о няне, ухаживавшей за мной с младенческого возраста до двух с половиной лет, о которой у меня в сознании сохранилось смутное воспоминание. По сведениям, полученным мною недавно от матери, она была старая и некрасивая, но очень умная и трудолюбивая. Из анализа моих сновидений я могу сделать вывод, что она не всегда обращалась со мною ласково и мне приходилось слышать от нее строгие слова, когда я был недостаточно понятлив в вопросах соблюдения чистоты и порядка. Таким образом, стараясь продолжить эту воспитательную работу, горничная в сновидении претендует на то, чтобы я относился к ней, как к

воплощению моей «доисторической старухи». Пожалуй, следует предположить, что ребенок, несмотря на строгое обращение воспитательницы, все же ее любил[1].

(б) Сновидения о смерти близких людей

Другой ряд сновидений, которые можно назвать типичными, — это сновидения о том, что умер кто-то из близких родственников: родители, братья или сестры, дети и т.д. Среди этих сновидений следует сразу же выделить два класса: сновидения, во время которых сновидец остается равнодушным и при пробуждении удивляется своей бесчувственности, и сновидения, во время которых человек испытывает сильнейшую боль из-за утраты и даже выражает ее горючими слезами во сне.

Сновидения первой группы мы можем оставить в стороне; они не претендуют на то, чтобы называться типичными. В ходе их анализа обнаруживаешь, что они означают нечто отличное от их содержания, что они предназначены для того, чтобы скрывать какое-то другое желание. Таково сновидение девушки, видящей перед собой в гробу единственного сына своей сестры. (С. 170.) Оно не означает, что она желает смерти своему маленькому племяннику, а только скрывает, как мы узнали, желание по прошествии долгого времени снова увидеть любимого человека, того самого, которого она прежде, после такого же долгого времени, увидела у гроба другого своего племянника. Это желание, и являющееся собственно содержанием сновидения, не дает повода для печали, а потому и во сне человек не чувствует горя. Здесь можно отметить, что содержащееся в сновидении ощущение относится не к явному его содержанию, а к скрытому, что аффективное содержание сновидения не претерпело того искажения, которому подверглось содержание представления[2].

---

[1] Другое толкование этого сновидения: в вольном переводе сплевывать [spucken] на лестнице, поскольку слово «бродить» [spuken] относится к тому, что делают духи, ведет к *«esprit d'escalier»*. Остроумие на лестнице [дух и остроумие в немецком языке обозначаются одним словом — der Geist. — Примечание переводчика.] означает недостаток находчивости. В нем я действительно могу себя упрекнуть. Или, быть может, няне не хватало *«находчивости»*?

[2] [Ср. обсуждение аффектов в сновидениях в разделе 3 главы VI (в частности, с. 465–466).]

Иначе обстоит дело со сновидениями, в которых изображается смерть любимого близкого человека и при этом переживается болезненный аффект. Они означают — и об этом свидетельствует их содержание, — желание, чтобы данный человек умер, а поскольку я могу ожидать, что чувство моих читателей и всех тех, кому снилось нечто подобное, будет протестовать против такого моего толкования, я должен попытаться дать этому как можно более убедительное обоснование.

Мы уже обсудили одно сновидение, из которого удалось узнать, что желания, изображаемые в сновидении как исполненные, не всегда являются актуальными. Это могут быть также расплывчатые, устраненные, перекрывающиеся и вытесненные желания, о существовании которых мы можем говорить только из-за того, что они снова проявляются в сновидении. Они не мертвы, как покойники, в нашем понимании, а подобны теням Одиссеи, которые, напившись крови, пробуждаются к жизни. В сновидении о мертвом ребенке в коробке (с. 170) речь шла о желании, которое было актуальным пятнадцать лет назад и с тех пор признавалось открыто. Пожалуй, для теории сновидения далеко не безразлично, если я добавлю, что в основе самого этого желания лежало воспоминание из раннего детства. Еще маленьким ребенком — когда именно, установить точно нельзя — сновидица слышала, что ее мать, будучи беременной ею, впала в тяжелую депрессию и страстно желала смерти ребенку, находившемуся в ее утробе. Она лишь последовала примеру матери, когда выросла и сама забеременела.

Когда кому-нибудь снится, что его мать, отец, брат или сестра умирают, и этот сон сопровождается болезненными переживаниями, то я никогда не буду использовать это сновидение для доказательства того, что он именно *сейчас* желает им смерти. Теория сновидения не требует столь многого; она довольствуется выводом, что он желал — когда-нибудь в детстве — им смерти. Но я боюсь, что и это ограничение все еще не очень успокоит моих читателей; они могут столь же энергично оспаривать возможность того, что вообще когда-либо испытывали такие желания. Поэтому мне придется воссоздать часть исчезнувшей душевной жизни ребенка по признакам, по-прежнему проявляющимся в настоящее время[1].

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* Ср. в этой связи «Анализ фобии пятилетнего мальчика» (1909*b*) и «Об инфантильных теориях сексуальности» (1908*c*).

Рассмотрим сначала отношение детей к своим братьям и сестрам. Я не знаю, почему мы предполагаем, что это отношение должно быть исполнено любви, ведь у нас есть масса примеров вражды между братьями и сестрами среди взрослых, и мы часто можем установить, что эта вражда существует еще с самого детства. Но вместе с тем есть много взрослых, которые нежно привязаны к своим братьям и сестрам, но в детстве находились с ними чуть ли не в постоянной вражде. Старший ребенок издевался над младшим, дразнил его, отнимал игрушки; младший питал бессильную ярость к старшему, завидовал ему и его боялся, или же его первые проблески стремления к свободе и правосознания были направлены против угнетателя. Родители говорят, что дети не переносят друг друга, и ничего не знают о причинах этого. Нетрудно увидеть, что и характер «послушного ребенка» несколько отличается от того, каким мы хотим видеть взрослого человека. Ребенок абсолютно эгоистичен, он интенсивно ощущает свои потребности и бесцеремонно стремится к их удовлетворению, особенно по отношению к своим соперникам — другим детям, и в первую очередь по отношению к своим братьям и сестрам. Но мы не называем из-за этого ребенка «плохим»; он не ответственен за свои дурные поступки ни перед нашим суждением, ни перед законом. И это справедливо; ведь мы вправе надеяться, что еще в периоды жизни, которые мы причисляем к детству, у маленького эгоиста проснутся альтруистические импульсы и мораль, и, выражаясь словами Мейнерта [например, 1892, 169 etc.], вторичное Я напластуется на первичное и начнет его сдерживать. Пожалуй, моральность не возникает одновременно по всей линии, а продолжительность безнравственного периода детства у отдельных индивидов различается. Там, где развитие этой моральности отсутствует, мы обычно говорим о «дегенерации»; речь, очевидно, идет о задержке развития. Но и там, где первичный характер уже изменился благодаря последующему развитию, он может — по меньшей мере частично — вновь проявиться в результате заболевания истерией. Сходство так называемого истерического характера с характером «дурного» ребенка прямо-таки бросается в глаза. И наоборот, невроз навязчивости соответствует чрезмерной моральности, когда вновь проявляющийся первичный характер сталкивается с усиливающимися нагрузками.

Таким образом, многие люди, которые сегодня любят своих братьев и сестер и которые почувствовали бы себя опустошенными из-за их смерти, издавна носят в своем бессознательном

злые желания по отношению к ним, способные реализовываться в сновидениях. Но особенно интересно наблюдать за поведением маленьких детей в возрасте трех лет или меньше по отношению к своим младшим братьям и сестрам. До сих пор ребенок был единственным; теперь ему говорят, что аист принес нового ребенка. Ребенок разглядывает новорожденного, а затем категорически говорит: «Пусть аист заберет его с собой»[1].

Я со всей серьезностью полагаю, что ребенок умеет оценивать, какой ущерб следует ему ожидать от пришельца. От одной знакомой дамы, которая сегодня находится в очень хороших отношениях со своей сестрой, младшей ее на четыре года, я знаю, что в ответ на сообщение о ее рождении она поставила условие: «Но мою красную шапочку я все же ей не отдам». Если ребенок начинает сознавать этот ущерб лишь впоследствии, то его враждебность пробуждается в этот момент. Мне известен случай, когда трехлетняя девочка попыталась задушить в колыбели младенца, от дальнейшего присутствия которого она не ждала ничего хорошего. Дети в этом возрасте способны к сильнейшей ревности. Если же братик или сестричка вскоре и в самом деле исчезает, то ребенку вновь достается вся нежность родителей; но тут аист приносит нового ребенка. Разве не естественно, что у нашего любимца возникает желание, чтобы нового конкурента постигла та же судьба, что и прежнего, и в результате ему самому стало бы опять так же хорошо, как прежде, и как в промежуток между смертью первого и рождением второго?[2] Разумеется, такое поведение ребенка в отношении младших братьев и сестер в обычных условиях является простой функцией разницы в возрасте. При

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* Трехлетний Ганс, фобия которого является предметом анализа в ранее упомянутой публикации, крикнул в лихорадочном возбуждении незадолго до рождения своей сестры: «Но я не хочу иметь сестричку». Заболев через полтора года неврозом, он открыто признается в желании, чтобы мать во время купания уронила малютку и та умерла. [1909*b*, *Studienausgabe*, т. 8, с. 17, 61.] При этом Ганс — очень добрый и ласковый ребенок; вскоре он полюбил и эту сестру и с особой охотой ей покровительствовал.

[2] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Такие случаи смерти, пережитые в детском возрасте, могут быть в семье вскоре забыты, однако психоаналитическое исследование показывает, что они имеют очень большое значение для возникновения впоследствии невроза.

определенном интервале у старшей девочки могут уже пробудиться материнские инстинкты по отношению к беспомощному новорожденному.

Враждебные чувства к братьям и сестрам должны встречаться в детском возрасте гораздо чаще, чем это видят не очень наблюдательные взрослые[1].

Со своими собственными детьми, быстро появлявшимися на свет один за другим, я упустил возможность произвести подобные наблюдения; теперь я наверстываю упущенное со своим маленьким племянником, единовластие которого нарушилось через пятнадцать месяцев из-за появления соперницы. Хотя я слышу, что молодой человек ведет себя по отношению к сестренке по-рыцарски, целует ей руку и гладит ее, я все-таки убеждаюсь, что он, не достигнув еще двух лет, пользуется своим даром речи для того, чтобы раскритиковать кажущуюся ему совершенно излишней персону. Как только речь заходит о ней, он тут же вмешивается в разговор и произносит недовольным тоном: «Слишком ма(л)енькая, слишком ма(л)енькая!» В последние месяцы, после того как девочка благодаря прекрасному развитию лишилась такого презрительного к себе отношения, он обосновывает свой призыв не уделять ей так много внимания поиному. По любому подходящему поводу он напоминает о том, что у нее нет зубов[2]. О старшей девочке другой моей сестры

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* С тех пор было произведено большое количество наблюдений, касающихся первоначального враждебного отношения детей к братьям и сестрам и к одному из родителей; эти наблюдения изложены в психоаналитической литературе. Особенно верно и непосредственно изобразил эту типичную детскую установку из своего самого раннего детства поэт Шпиттелер [Spitteler, 1914, 40]: «Впрочем, там был еще второй Адольф. Маленькое существо, про которое говорили, что это мой брат, но я никак не мог понять, зачем он нужен; еще меньше я мог понять, почему с ним обращаются, как со мной. Для моих нужд достаточно было меня, так зачем же мне нужен был брат? Он был не просто бесполезен, порой он даже мешал. Когда я сидел на руках у бабушки, ему тоже хотелось сидеть у нее на руках, когда меня катали в детской коляске, он сидел напротив и отнимал у меня половину места, из-за чего нам приходилось толкаться ногами».

[2] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* В такие же слова трехлетний Ганс облачает уничижительную критику своей сестры (1909*h*). Он предполагает, что из-за отсутствия зубов она не умеет говорить. *[Studienausgabe,* т. 8, с. 17.]

у всех нас сохранилось воспоминание, как она, будучи в то время шестилетним ребенком, полчаса приставала к своим теткам с вопросом: «Не правда ли, что Люси еще ничего не понимает?» Люси была ее младшей на два с половиной года соперницей.

Сновидения о смерти брата или сестры, соответствующие усилившейся враждебности, я наблюдал, например, у всех своих пациенток. Я столкнулся лишь с одним исключением, которое легко можно было истолковать как подтверждение общего правила. Однажды во время сеанса я разъяснил одной даме такое положение вещей, которое, на мой взгляд, имело связь с разбиравшимся нами симптомом. К моему удивлению, она ответила, что ничего подобного ей никогда не снилось. Но тут же вспомнила другой сон, который вроде бы не имел с этим ничего общего, сон, впервые увиденный ею в четырехлетнем возрасте, когда она была в семье самой младшей, и затем не раз повторявшийся. *Ватага детей, все ее братья, сестры, кузины и кузены резвились на лугу. Вдруг у них появились крылья, они поднялись в воздух и улетели.* О значении этого сновидения она не имела ни малейшего представления; нам нетрудно распознать в нем сон о смерти всех братьев и сестер в его первоначальной форме, почти не искаженной цензурой. Я осмеливаюсь предложить следующий анализ. После смерти одного из кузенов — в данном случае дети двух братьев воспитывались как родные братья и сестры — наша сновидица, которой тогда еще не было и четырех лет, спросила одного мудрого взрослого человека: «Что становится с детьми, когда они умирают?» В ответ она услышала: «У них появляются крылья, и они превращаются в ангелов». В сновидении, в соответствии с таким разъяснением, у всех братьев и сестер вырастают крылья, как у ангелов, и — что самое главное — они улетают. Наша маленькая «производительница ангелов» остается одна; подумать только, единственная из всей ватаги! То, что дети резвятся на лугу, с которого улетают, без сомнения, указывает на мотыльков, как будто ребенок руководствовался той же связью идей, которая подвигла древних людей снабдить Психею крыльями бабочки.

Возможно, кто-нибудь возразит: «Пожалуй, согласиться с наличием враждебных импульсов у детей по отношению к братьям и сестрам можно, но каким образом характер ребенка становится настолько плохим, чтобы желать сопернику или более сильным приятелям смерти, как будто все проступки можно искупить только смертной карой?» Кто так говорит, оче-

видно, не знает, что представление ребенка о смерти имеет мало общего с нашим представлением о ней. Ребенку совершенно неведомы ужасы тления, могильного холода, бесконечного «ничто», которое, как свидетельствуют все мифы о потустороннем мире, так плохо переносят в своем представлении взрослые люди. Страх смерти чужд ему, поэтому он играет с этим отвратительным словом и грозит другому ребенку: «Если ты еще раз это сделаешь, то умрешь, как умер Франц». При этом бедную мать пробирает дрожь — она, вероятно, не может забыть того, что больше половины рождающихся на земле людей умирает в детские годы. Даже восьмилетний ребенок, возвращаясь из естественноисторического музея, может сказать своей матери: «Мама, я тебя так люблю. Когда ты умрешь, я сделаю из тебя чучело и поставлю здесь в комнате, чтобы всегда, всегда тебя видеть!» Настолько мало детское представление о смерти похоже на наше[1].

«Умереть» означает для ребенка, избавленного к тому же от сцен предсмертных страданий, то же самое что и «уйти», не мешать больше оставшимся в живых. Он не различает, в результате чего возникает это отсутствие — отъезда, увольнения, размолвки или смерти[2]. Когда в доисторические годы ребенка

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* От одного одаренного десятилетнего мальчика после внезапной смерти отца я, к своему удивлению, услышал следующее высказывание: «То, что папа умер, я понимаю, но почему он не приходит домой на ужин, этого я объяснить себе не могу». — *[Дополнение, сделанное в 1919 году:]* Дальнейший материал, относящийся к этой теме, содержится в редактируемой госпожой фон Хуг-Хелльмут рубрике «Душа ребенка [Об истинной сущности детской души]» в журнале *Imago, Zeitschrift für Anwendung der Psychoanalyse auf die Geisteswissenschaften* [т. 1–7, 1912–1921].

[2] *[Дополнение, сделанное в 1919 году:]* В наблюдении одного психоаналитически образованного отца также улавливается момент, когда его четырехлетняя необычайно умственно развитая дочурка начинает видеть различие между «отсутствием» и «смертью». Девочка доставляла проблемы во время еды и чувствовала, что одна из служанок пансиона недружелюбно к ней относится. «Жозефина должна умереть», — сказала она отцу по этому поводу. «Почему именно умереть? — спросил отец укоризненно. — Разве недостаточно, если она просто уйдет». «Нет, — ответил ребенок, — тогда она снова придет». Для безграничного себялюбия (нарциссизма) ребенка любая помеха — это *crimen laesae majestatis*, и чувство ребенка, подобно драконовским законам, за все такие проступки назначает только одно, недозируемое наказание.

его няню увольняют, а через несколько лет после этого умирает мать, в его воспоминании, как раскрывает анализ, оба события находятся рядом друг с другом. То, что ребенок не очень сильно печалится по отсутствующим, к своей горечи, приходится убедиться иной матери, когда, возвращаясь домой после долгого летнего путешествия, в ответ на свои расспросы слышит: «Дети ни разу не спросили о маме». А когда она действительно переселяется в «неизведанную страну, откуда не возвращается ни один путник», дети, похоже, первое время про нее забывают и только *впоследствии* начинают вспоминать о покойной.

Таким образом, если у ребенка существуют мотивы желать отсутствия другого ребенка, то ничего не мешает ему облечь это желание в форму желания смерти, а психическая реакция на сновидение о желании смерти свидетельствует о том, что, несмотря на все различия содержания, это желание ребенка все же не отличается от такого же желания взрослого[1].

Но если желание смерти братьям и сестрам объясняется эгоизмом ребенка, воспринимающего их как соперников, то как объяснить желание смерти родителям, дарующим ребенку любовь и удовлетворяющим его потребности, сохранения которых он должен был бы желать именно по эгоистическим мотивам?

К разрешению этой проблемы нас подводит знание о том, что сновидения о смерти родителей чаще всего касаются родителя одного пола со сновидцем, то есть мужчине, как правило, снится смерть отца, а женщине — смерть матери. Я не могу утверждать, что так бывает постоянно, но преобладание в указанном смысле столь очевидно, что оно нуждается в объяснении через момент всеобщего значения[2]. Дело обстоит — грубо говоря — так, будто очень рано проявляются сексуальные предпочтения, будто мальчик в отце, а девочка в матери видят соперников в любви, устранение которых может принести им только выгоду.

---

[1] [Отношение взрослых к смерти Фрейд, в частности, обсуждает во второй части работы «Тотем и табу» (1912–1913), раздел 3 (в), в работе «Мотив выбора ларца» (1913*f*), а также во второй части статьи «В духе времени о войне и смерти» (1915*b*).]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1925 году:]* Такое положение вещей часто маскируется возникновением тенденции к наказанию, которая в моральной реакции угрожает потерей любимого родителя.

Прежде чем отвергнуть это представление как неслыханное, также и здесь следует рассмотреть реальные отношения между родителями и детьми. Надо отделить пиетет, требуемый от этих отношений нашей культурой, от того, что фактически дает нам повседневное наблюдение. В отношениях между родителями и детьми имеется немало поводов для враждебности; существуют и самые разные условия для возникновения желаний, не выдерживающих цензуры. Остановимся сначала на отношениях между отцом и сыном. Я думаю, святость, которую мы признали за десятью заповедями, притупляет наши чувства в восприятии действительности. Мы не позволяем себе заметить, что большая часть человечества преступает четвертую заповедь. Как в высших, так и в низших слоях человеческого общества почитание родителей отступает на задний план перед другими интересами. Туманные сведения, дошедшие до нас из древних мифов и сказаний, дают безрадостное представление о власти отца и беспощадности, с которой он ею пользовался. Кронос пожирает своих детей, словно кабан приплод свиноматки, а Зевс оскопляет отца[1] и занимает его место владыки. Чем безграничней властвовал отец в древней семье, тем больше должно было быть оснований у сына как законного наследника занимать враждебную позицию, тем сильнее должно было быть его нетерпение прийти к власти после смерти самого отца. Даже в нашей буржуазной семье отец, отказывая сыну в самоопределении и в необходимых для этого средствах, способствует развитию естественной враждебности, скрывающейся в их отношениях. Довольно часто врачу приходится наблюдать, что боль из-за потери отца не может подавить у сына удовлетворенности в связи с обретенной наконец свободой. Каждый отец судорожно пытается сохранить остаток *potestas patris familias*[2], устаревшей в нашем современном обществе, и это хорошо знакомо всем поэтам — неспроста на переднем плане сюжетов Ибсена стоит ве-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* Во всяком случае, в некоторых мифологических описаниях. Согласно другим мифам, только Кронос оскопил своего отца Урана. По поводу мифологического значения этого мотива см. статью Отто Ранка, 1909. *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* и 1912*c*, глава IX, 2. — [Разумеется, эти предложения в тексте представляют собой ранние наметки идей, развиваемых Фрейдом в работе «Тотем и табу» (1912–1913).]

[2] [Власть отца семейства (лат.). — *Примечание переводчика.*]

ковая борьба между отцом и сыном. Поводы к конфликтам между дочерью и матерью возникают, когда дочь подрастает и обнаруживает в матери стража, ограничивающего ее сексуальную свободу; матери же зрелость дочери напоминает о том, что настало время отказаться от собственных сексуальных притязаний.

Все эти отношения может увидеть каждый. Однако они ничем не помогают в нашем намерении объяснить сновидения о смерти родителей, снящиеся людям, для которых почитание родителей давно уже стало чем-то неприкасаемым. Благодаря предшествующим рассуждениям мы готовы к тому, что желание смерти родителей проистекает из самого раннего детства.

С определенностью, исключающей любые сомнения, это предположение подтверждается в отношении психоневротиков во время проводимого с ними анализа. При этом обнаруживается, что сексуальные желания ребенка — если в зачаточном состоянии они заслуживают такого названия — пробуждаются очень рано, причем первая симпатия девочки относится к отцу[1], а первое инфантильное вожделение мальчика — к матери. Таким образом, отец становится для сына, а мать для дочери мешающими соперниками, а как мало нужно ребенку, чтобы это ощущение вылилось в желание смерти, мы уже обсуждали в случае братьев и сестер. Сексуальный выбор, как правило, совершается и родителями; естественным образом происходит так, что муж балует маленьких дочерей, а жена встает на сторону сыновей, хотя там, где магия пола не мешает им здраво мыслить, оба относятся к воспитанию малышей со всей строгостью.Ребенок вполне замечает предпочтение и восстает против того из родителей, который этому противится. Найти любовь у взрослых означает для него не только удовлетворение особой потребности, но и то, что человек подчиняется его воле и во всех остальных отношениях. Таким образом, ребенок следует собственному сексуальному влечению и вместе с тем возобновляет побуждение, исходящее от родителей, если его выбор между родителями совпадает с их выбором.

Признаки этих инфантильных наклонностей у детей обычно не замечают, хотя некоторые из них можно выявить уже в раннем детстве. Восьмилетняя девочка одних моих знакомых

---

[1] [Позднее Фрейд изменил свои представления в этом пункте. Ср. Freud, 1925;1931.]

пользуется случаем, когда мать отзывают от стола, чтобы провозгласить себя ее преемницей: «Теперь я буду мамой. Карл, хочешь еще овощей? Возьми же, прошу тебя!» и т.д. Одна особо одаренная и очень живая девочка четырех лет, у которой эта часть детской психологии проявляется особенно ярко, высказывается напрямую: «Пусть мамочка однажды уйдет, папочка женится на мне, и я буду его женой». В детской жизни это желание отнюдь не исключает того, что ребенок нежно любит свою мать. Если маленькому мальчику позволено спать рядом с матерью, когда отец уезжает, а после его возвращения он должен вернуться в детскую комнату к няне, которая нравится ему значительно меньше, то у него очень легко может возникнуть желание, чтобы отец отсутствовал постоянно, и тогда он мог бы сохранить свое место у любимой, красивой мамы. Средством же для достижения этой цели, очевидно, является смерть отца, ибо ребенок знает: «мертвые» люди, как дедушка, например, отсутствуют всегда и никогда не возвращаются.

Хотя такие наблюдения над маленькими детьми легко укладываются в предложенное толкование, они все-таки не дают такой полной уверенности, которая появляется у врача в результате психоанализа взрослых невротиков. Здесь соответствующие сновидения рассказываются с такими подробностями, что их толкование как *снов-желаний* становится неизбежным. Однажды я застаю одну даму расстроенной и заплаканной. Она говорит: «Я не хочу больше видеть своих родственников, должно быть, я вызываю у них ужас». Затем безо всякого перехода она начинает рассказывать мне о том, что вспомнила сновидение, значения которого она, разумеется, не знает. Оно приснилось ей в четырехлетнем возрасте и имело следующее содержание: *по крыше прогуливается то ли рысь (Luchs), то ли лиса (Fuchs), потом что-то падает или она сама падает, а затем из дома выносят мертвую мать,* при этом она горько плачет. Едва я ей сообщил, что это сновидение должно означать ее детское желание видеть мать мертвой и что из-за этого сновидения ей приходится думать, что она вызывает у родных только ужас, как она тут же представила материал, объясняющий сновидение. «Пройдоха» («Luchsaug») — это ругательство, которое, будучи еще совсем маленьким ребенком, она услышала от одного уличного мальчишки; когда ей было три года, на голову матери с крыши упал кирпич, и у нее сильно шла кровь.

Однажды мне довелось детально обследовать одну юную девушку, у которой возникали различные психические состояния. В состоянии буйного помешательства, с которого началась болезнь, пациентка проявляла особое отвращение к своей матери, била и оскорбляла ее, как только та приближалась к постели, и в то же время оставалась любящей и послушной по отношению к своей старшей сестре. Вслед за этим наступало ясное, но несколько апатичное состояние, сопровождавшееся серьезным нарушением сна; в этой фазе я приступил к лечению и проанализировал ее сновидения. Во многих из них речь шла в более или менее завуалированной форме о смерти матери: то она присутствовала на похоронах какой-то пожилой дамы, то она видела себя и свою сестру сидящей за столом в траурном одеянии; смысл этих ее сновидений не оставлял никаких сомнений. Несмотря на продолжающееся улучшение, у пациентки возникли истерические фобии; самой мучительной из них являлась боязнь того, что с матерью что-то случится. Где бы она ни находилась, пациентке нужно было спешить домой, чтобы убедиться, что мать еще жива. Этот случай в совокупности с другими моими наблюдениями был весьма поучительным; он продемонстрировал, словно в многоязычном переводе, разные способы реагирования психического аппарата на одно и то же возбуждающее представление. В состоянии спутанности, которое я понимаю как *преобладание* первой психической инстанции, которая сама обычно подавлена, над второй, бессознательная враждебность к матери проявлялась в моторных действиях. Но как только наступало успокоение, волнение было подавлено и вновь устанавливалось господство цензуры, для этой враждебности осталась открытой лишь сфера сновидения, где можно было осуществить желание смерти матери. Когда же нормальное состояние закрепилось еще сильнее, оно в качестве истерической противоположной реакции и защитной меры создало чрезмерную заботу о матери. Из этой взаимосвязи становится также понятным, почему истерические девушки так часто излишне нежно привязаны к своим матерям.

В другой раз мне представилась возможность проникнуть в бессознательную душевную жизнь одного молодого человека, который из-за невроза навязчивости стал совершенно недееспособным, не мог выходить на улицу из-за мучительного беспокойства, что он убьет всех людей, которые ему повстречаются. Он проводил все свое время за тем, что собирал доказательства своего алиби на тот случай, если ему будет предъявлено обвинение в убийстве, совершенном в городе. Нет надобности отмечать, что он был столь же нравственным, как и образованным человеком. Анализ — приведший, кстати, к излечению — вскрыл в качестве причины этого неприятно-

го навязчивого представления импульсы к убийству своего излишне строгого отца, которые, к его удивлению, проявились в сознании, когда ему было семь лет, но которые, разумеется, проистекают из гораздо более раннего детства. После мучительной болезни и смерти отца на тридцать первом году жизни у пациента появился навязчивый упрек, который в форме вышеупомянутой фобии перенесся на посторонних людей. Про того, кто мог желать сбросить своего собственного отца с вершины горы в пропасть, можно подумать, что он не пощадит также и жизни посторонних ему людей; поэтому он правильно делает, что запирается в своей комнате[1].

Согласно моему теперь уже богатому опыту, родители играют главную роль в детской душевной жизни всех людей, которые в дальнейшем становятся психоневротиками, а влюбленность в одного из родителей и ненависть к другому являются неизменной составной частью сформировавшегося в то время материала психических побуждений, столь важного для симптоматики последующего невроза. Но я не думаю, что психоневротики в этом отношении резко отличаются от других детей, которые остаются нормальными, что они способны создать здесь что-то абсолютно новое и присущее только им. Гораздо более вероятно, и это подтверждается отдельными наблюдениями над обычными детьми, что и этими своими дружелюбными и враждебными желаниями по отношению к родителям они лишь в утрированной форме показывают нам то, что более или менее интенсивно происходит в душе большинства детей. В подтверждение этого вывода древность оставила нам материал сказаний, глубокое и универсальное воздействие которого становится понятным лишь благодаря аналогичной универсальности рассматриваемого предположения из детской психологии.

Я имею в виду сказание о царе Эдипе и одноименную драму Софокла. Младенцем Эдипа, сына Лайя, царя Фив, и Иокасты, бросают на произвол судьбы, так как оракул возвестил отцу, что еще не родившийся сын будет его убийцей. Эдипа спасают, и он в качестве царского сына воспитывается при дворе другого царя, пока сам, сомневаясь в своем происхождении, не спрашивает оракула и не получает от него совета избегать родины, потому что должен стать убийцей своего отца и супругом матери. По дороге с мнимой родины он встречает царя Лайя и убивает его в быстро вспыхнувшей ссоре. Затем он подходит к Фивам, где решает загадку преграждающей путь Сфинкс и в благодарность за это из-

---

[1] [Этот же пациент еще раз упоминается на с. 461–462.]

бирается фиванцами царем и получает в награду руку Иокасты. Долгое время он правит в покое и согласии и производит на свет со своей неведомой матерью двух дочерей и двух сыновей, пока вдруг не разражается чума, которая заставляет фиванцев вновь обратиться к оракулу с вопросом. Здесь-то и начинается трагедия Софокла. Гонцы приносят ответ, что чума прекратится, когда из страны будет изгнан убийца Лайя. Но где же он?

Но где же тот едва заметный след
Давнишнего греха?

Действие пьесы состоит теперь не в чем ином, как в постепенно нарастающем и искусно замедляемом раскрытии — сопоставимом с работой психоанализа — того, что сам Эдип и есть убийца Лайя, но также сын убитого и Иокасты. Потрясенный своим невольно совершенным злодеянием, Эдип ослепляет себя и покидает родину. Требование оракула исполнено.

«Царь Эдип» — это так называемая трагедия рока; ее трагическое воздействие должно основываться на противоречии между всемогущей волей богов и тщетным сопротивлением людей, которым грозит беда; покорность воле богов, понимание собственного бессилия — вот что должен вынести из трагедии потрясенный зритель. Современные поэты тоже пытались достичь аналогичного трагического воздействия, вплетая указанное противоречие в придуманный ими самими сюжет. Только вот зрители безучастно взирали, как, несмотря на все сопротивление невинных людей, исполнялось проклятие или требование оракула; последующие трагедии рока воздействия не имели.

Если царь «Эдип» способен потрясти современного человека не меньше, чем древнего грека, то разгадка этого может заключаться лишь в том, что воздействие греческой трагедии основывается не на противоречии между роком и человеческой волей, а на особенности материала, в котором проявляется это противоречие. Должно быть, в нашей душе имеется голос, готовый признать неотвратимую силу рока в «Эдипе», тогда как в «Праматери» или в других трагедиях рока такие повеления мы можем отклонять как произвольные. И подобный момент действительно содержится в истории царя Эдипа. Его судьба захватывает нас просто потому, что она могла бы стать нашей судьбой, потому что оракул до нашего рождения наслал на нас то же проклятие, что и на него. Возможно, всем нам суждено направить свое первое сексуальное побуждение на мать, а первую

ненависть и насильственное желание — на отца; наши сновидения убеждают нас в этом. Царь Эдип, убивший своего отца Лайя и женившийся на своей матери Иокасте, представляет собой лишь исполнение желания нашего детства. Но, более удачливые, нежели он, мы сумели с тех пор, поскольку не стали психоневротиками, избавиться от своих сексуальных побуждений в отношении матери и забыть свою ревность к отцу. От человека, осуществившего это древнее детское желание, мы отстраняемся со всей силой вытеснения, которому с той поры подверглись в нашей душе эти желания. Проливая свет на вину Эдипа в подобном исследовании, поэт вынуждает нас к познанию нашей души, в которой по-прежнему имеются, хотя и в подавленном виде, все те же импульсы. Противопоставление, с которым нас оставляет хор:

> …глядите — вот Эдип,
> Он, загадки разгадавший, он прославленнейший царь; —
> Кто судьбе его из граждан не завидовал тогда?
> А теперь он в бездну горя ввергнут тою же судьбой.
> (Перевод Ф. Ф. Зелинского)

это предостережение, которое касается нас самих и нашей гордости тем, что, по нашей оценке, с детских лет мы стали такими мудрыми и сильными. Как Эдип, мы живем, не ведая об оскорбляющих мораль желаниях, навязанных нам природой; а обнаружив их, мы все бы хотели отвратить свой взгляд от сцен нашего детства[1].

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Ни одно открытие психоаналитического исследования не вызвало такого гневного отпора, такого яростного сопротивления и столь забавных искажений со стороны критиков, как указание на эти детские, хранящиеся в бессознательном инцестуозные наклонности. В последнее время даже была предпринята попытка, вопреки всякому опыту, считать инцест исключительно «символическим». Остроумное истолкование мифа об Эдипе, основываясь на одном фрагменте из письма Шопенгауэра, дает Ференци (Ferenczi, 1912). — *[Дополнение, сделанное в 1919 году:]* Впервые затронутый здесь, в «Толковании сновидений», эдипов комплекс приобрел благодаря дальнейшим исследованиям невероятно большое значение для понимания истории человечества и развития религии и нравственности. (См. «Тотем и табу», 1912–1913 [статья IV].) — [Впрочем, суть этих идей, касающихся эдипова комплекса и «Царя Эдипа», а также последующей темы Гамлета Фрейд высказал еще в письме от 15 октября 1897 года Флиссу (см. Freud, 1950*a*, письмо №71).]

По поводу того, что сказание об Эдипе возникло из древнейшего материала сновидений, содержанием которого является то тягостное нарушение отношений с родителями вследствие первых импульсов сексуальности, в самом тексте трагедии Софокла имеется очевидное указание. Иокаста утешает Эдипа, еще не прозревшего, но уже озабоченного словами оракула; она напоминает ему о сновидении, которое видят многие люди, но которое, по ее мнению, ничего не значит.

Жить надо просто, как позволит доля.
Брак с матерью! Иной и в вещем сне
Его свершит; и чем скорей забудет,
Тем легче жизнь перенесет свою.
(Перевод Ф. Ф. Зелинского).

Сновидения о половых отношениях с матерью сегодня, как и тогда, присущи многим людям, которые рассказывают о них с возмущением и негодованием. Несомненно, они являются ключом к трагедии и дополнением к сновидениям о смерти отца. Сюжет об Эдипе представляет собой реакцию фантазии на эти два типичных сновидения, и подобно тому, как сновидения переживаются взрослыми людьми с чувством отвращения, так и само сказание должно вызывать ужас и самобичевание из-за своего содержания. В своем дальнейшем развитии его материал опять-таки подвергается вторичной переработке, которая пытается поставить его на службу теологизирующим устремлениям (ср. материал сновидения об эксгибиционизме, с. 255–256). Попытка объединить божественное всемогущество с ответственностью человека должна, разумеется, потерпеть неудачу как на этом, так и на любом другом материале.

На той же почве, что и «Царь Эдип», покоится еще одно из величайших трагических творений поэтов — «Гамлет» Шекспира. Однако в измененной обработке того же самого материала обнаруживается все различие в душевной жизни отдаленных друг от друга периодов культуры, многовековое усиление вытеснения в эмоциональной жизни человечества. В «Эдипе» лежащее в его основе желание-фантазия ребенка проявляется и реализуется, словно в сновидении; в «Гамлете» оно остается вытесненным, и мы узнаем о его существовании — подобно положению вещей при неврозе — лишь благодаря исходящим от него тормозящим воз-

действиям. С захватывающим воздействием современной драмы странным образом оказалось совместимым то, что характер героя остается совершенно неясным. Пьеса построена на том, что Гамлет колеблется осуществить выпавшую ему задачу мести; каковы причины или мотивы этого колебания, в тексте ничего не сказано; самые разнообразные попытки толкования не сумели ничего выявить. Согласно господствующему и поныне толкованию Гёте, Гамлет представляет собой тип человека, жизненная энергия которого парализуется чрезмерным развитием разума («От мыслей бледность поразила»). Согласно другим представлениям, поэт пытался изобразить болезненный, нерешительный, напоминающий неврастению характер. Только вот фабула драмы показывает, что Гамлет отнюдь не должен казаться нам беспомощным человеком. Мы дважды видим, как он совершает поступки: один раз, когда в порыве ярости он закалывает подслушивающего за портьерой Полония, в другой раз, когда он намеренно, даже коварно, с полной уверенностью в себе принца эпохи Возрождения, посылает на смерть, задуманную ему самому, двух царедворцев. Так что же мешает ему исполнить задачу, поставленную перед ним духом его отца? Здесь снова напрашивается мысль, что это задача особого рода. Гамлет может все, только не отомстить человеку, устранившему его отца и занявшему его место у матери, человеку, реализовавшему его вытесненные детские желания. Ненависть, которая должна была побуждать его к мести, заменяется у него самобичеванием, угрызениями совести, которые говорят ему, что и сам он, в буквальном смысле, не лучше грешника, которого он должен покарать. При этом я лишь перевел в сознание то, что должно оставаться бессознательным в душе героя; если кто-то хочет назвать Гамлета истериком, то я могу это признать лишь выводом из моего толкования. В это вполне укладывается сексуальное отвращение, которое Гамлет затем выражает в разговоре с Офелией, то самое сексуальное отвращение, которое в последующие годы все больше и больше овладевало душой поэта до своего высшего проявления в «Тимоне Афинском». Разумеется, то, с чем мы встречаемся в «Гамлете», может быть лишь собственной душевной жизнью поэта; из труда Георга Брандеса о Шекспире (1896) я заимствую замечание, что драма была написана непосредственно после смерти отца Шекспира (в 1601 году), то есть под впечатлением свежей скорби и, как мы можем предположить, воскрешения детских чувств по отношению к нему. Известно также и то, что рано умерший сын

Шекспира носил имя *Гамнет* (идентичное с именем Гамлет). Если в «Гамлете» речь идет об отношениях сына к родителям, то пьеса «Макбет», написанная примерно в это же время, построена на теме бездетности. Впрочем, как любой невротический симптом и как само сновидение допускает несколько толкований и даже нуждается в этом для своего полного понимания, так и каждое истинное поэтическое творение проистекает более чем из одного мотива и более чем из одного побуждения в душе поэта и допускает более одного толкования. Я лишь попытался здесь истолковать самый глубокий слой побуждений в душе творящего поэта[1].

Я не могу оставить без внимания типичные сновидения о смерти близких родственников, не прояснив в нескольких словах их значения для теории сновидений в целом. Эти сновидения представляют собой довольно необычный случай того, что мысль сновидения, образованная вытесненным желанием, избегает цензуры и переходит в сновидение в неизменном виде. Должны быть особые обстоятельства, делающие возможной такую судьбу. Я полагаю, что этим снам благоприятствуют два следующих момента: во-первых, в существование этого желания мы верим меньше всего; мы считаем: «Это даже во сне не может прийти нам на ум», и поэтому цензура сновидения не вооружается против такой несуразности, подобно тому как в законодательстве *Салона* не предусматривалось наказания за отцеубийство. А во-вторых, именно здесь вытесненному и непредполагаемому желанию особенно часто противостоят дневные остатки в форме *заботы* о жизни близкого человека. Эта забота не может быть включена в сновидение иначе, как при по-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1919 году:]* Вышеприведенные наметки к аналитическому пониманию «Гамлета» в дальнейшем были дополнены Э. Джонсом, который отстаивал их, противопоставляя другим сложившимся в литературе воззрениям. (См. Jones, 1910*a* [и, еще более подробно, Jones, 1949].) Правда, в высказанном выше предположении, что автором произведений Шекспира был человек из Стратфорда, я с тех пор усомнился. [Freud, 1930*e*.] — *[Дополнение, сделанное в 1919 году:]* Дальнейшие попытки анализа «Макбета» можно найти в моей статье «Некоторые типы характера из психоаналитической практики» (1916*d*) [*Studienausgabe*, т. 10, с. 238–244] и в работе Л. Йекельса (Jekels, 1917) — [Образ Гамлета Фрейд далее обсуждал в написанном предположительно в 1905 или 1906 году, но опубликованном только после его смерти очерке «Психопатические персонажи на сцене» (1942*b*). См. *Studienausgabe*, т. 10, с. 166–167.]

средстве равнозначного желания; но желание не может быть замаскировано заботой, проявленной днем. [Ср. с. 557.] Если думать, что все это происходит гораздо проще, что ночью в сновидении продолжается то, что начато днем, то сновидения о смерти близких людей будут выпадать из всякой взаимосвязи с разъяснением снов и их придется считать излишней, легко разрешимой загадкой.

Поучительно также проследить отношение этих сновидений к страшным снам. В сновидениях о смерти близких людей вытесненное желание нашло себе путь, на котором оно может избежать цензуры и обусловленного ею искажения. В таком случае постоянное сопутствующее явление заключается в том, что человек испытывает в сновидении болезненные ощущения. Точно так же страшный сон возникает только тогда, когда цензура полностью или частично преодолевается, а с другой стороны, преодолению цензуры способствует то, что страх уже присутствует в виде актуальногоощущения, проистекающего из соматических источников. [Ср. с. 249–250.] Таким образом, становится очевидным, какой тенденции придерживается цензура, создавая искажение в сновидении; это происходит, *чтобы предотвратить развитие страха или других форм неприятных аффектов.*

Ранее [с. 263] я говорил об эгоизме детской души и теперь снова затрону его с намерением показать, что сновидения сохраняют и здесь этот характер. Все они абсолютно эгоистичны[1], во всех них проявляется драгоценное «я», хотя и в завуалированной форме. Желания, которые в них исполняются, — это всегда желания этого «я»; если в сновидении проявляется интерес к другому человеку — это всего лишь обманчивая видимость. Я подвергну анализу несколько примеров, противоречащих этому утверждению.

I

Один мальчик, которому не исполнилось еще и четырех лет, рассказывает: *ему приснилось большое украшенное гарниром блюдо, на котором лежал большой кусок жареного мяса,*

---

[1] [Ср. конец прим. 2 на с. 282. См. также с. 332–333.]

и вдруг этот кусок — даже не разрезая на части — кто-то съел. Человека, съевшего мясо, он не видел[1].

Кем же мог быть этот человек, обильный обед которого приснился нашему малышу? Это должны разъяснить нам переживания предыдущего дня. В течение нескольких дней по предписанию врача мальчик получает молочную диету; однако вечером накануне сновидения он нашалил, и в наказание за это его лишили ужина. Еще раньше он уже проходил такое лечение голоданием и при этом вел себя очень мужественно. Он знал, что ничего не получит, и не осмеливался даже обмолвиться о том, что голоден. Воспитание начинает на него воздействовать; оно проявляется уже в сновидении, в котором можно увидеть зачатки искажающей деятельности. Нет сомнения в том, что сам он и есть тот человек, желания которого направлены на такую богатую трапезу, а именно на жаркое. Но поскольку он знает, что это ему запрещено, он не решается, как это делают в сновидении голодные дети (ср. сон о землянике моей маленькой Анны, с. 148), допустить себя к еде. Человек остается анонимным.

II

Однажды мне приснилось, что в витрине книжного магазина я вижу новый выпуск той серии книг в роскошном переплете, которую я обычно покупаю (монографии о художниках, по мировой истории, о знаменитых художественных музеях и т.д.). *Новая серия называется: «Знаменитые ораторы» (или речи), и ее первый выпуск имеет название «Доктор Лехер».*

---

[1] Также и все большое, обильное, чрезмерное и преувеличенное в сновидениях, пожалуй, имеет детский характер. Ребенку неведомо более сильное желание, чем стать большим, прежде всего, получать столько же, сколько большие; его трудно удовлетворить, он не знает слова «хватит», ненасытно требует повторения того, что ему понравилось или было вкусно. Быть *умеренным*, скромным, смиренным он научается только благодаря культуре воспитания. Как известно, невротик тоже склонен к невоздержанности и неумеренности. [О пристрастии детей к повторениям Фрейд также говорит в конце главы VII своей книги об остроумии (1905*c*, *Studienausgabe*, т. 4. с. 210); в дальнейшем он обсуждает его в начале главы V работы «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*; *Studienausgabe*, т. 3., с. 245.]

При анализе мне кажется невероятным, что в сновидении меня заинтересовала слава доктора Лехера, завзятого оратора во время немецкой обструкции в парламенте. Все дело в том, что за несколько дней до сновидения я приступил к лечению новых пациентов и был вынужден говорить от десяти до одиннадцати часов ежедневно. Таким образом, я сам являюсь таким завзятым оратором.

III

В другой раз мне снится, что один мой знакомый преподаватель из нашего университета говорит: *«Мой сын, Миоп»*. Затем следует диалог из коротких реплик. За этим следует третья часть сновидения, в которой присутствуют я и мои сыновья, и в скрытом содержании сновидения отец и сын, профессор М., являются лишь подставными лицами, скрывающими меня и моего старшего сына. К этому сновидению по причине другой его особенности я еще вернусь ниже. [См. с. 444 и далее.]

IV

Примером действительно низменных эгоистических чувств, скрывающихся за нежной заботой, является следующее сновидение.

Мой приятель Отто плохо выглядит, у него желтый цвет лица и глаза навыкате.

Отто — мой домашний врач, которому я многим обязан, ибо уже несколько лет он следит за здоровьем моих детей, успешно их лечит, когда они заболевают, и, кроме того, при любой возможности, которая может послужить предлогом, делает им подарки. [Ср. с. 134.] Накануне сновидения он нас навещал, и моя жена заметила, что он выглядит усталым и изнеможенным. Ночью мне снится сновидение, которое наделяет его некоторыми признаками базедовой болезни. Кто не следует моим правилам толкования сновидений, тот будет понимать это сновидение так, будто я озабочен здоровьем моего друга, и эта озабоченность реализуется во сне. Это противоречило бы не только моему утверждению, что сновидение представляет собой исполнение желания, но и тому, что оно доступно только эгоистическим побуждениям. Но тот, кто истолковыва-

ет сновидение подобным образом, пусть объяснит мне, почему я опасаюсь у Отто наличия *базедовой* болезни, хотя для такого диагноза его внешний вид не дает ни малейшего повода. И наоборот, мой анализ предоставляет следующий материал, относящийся к эпизоду, который произошел шесть лет назад. В небольшом обществе, в котором находился также профессор Р., мы в полной темноте ехали по лесу, расположенному в нескольких часах езды от нашего летнего дома. Не совсем трезвый кучер сбросил нас вместе с повозкой под откос, и нам еще повезло, что все мы остались целы. Однако мы были вынуждены заночевать в ближайшей харчевне, где известие о нашем происшествии пробудило к нам большую симпатию. Один господин с явными признаками *morbus Basedowii* — впрочем, только желтый цвет лица и глаза навыкате, как в сновидении, без струмы — предложил свои услуги и спросил, что он мог бы для нас сделать. Профессор Р. в характерной для него манере ответил: «Разве только то, что вы одолжите мне ночную рубашку». На это благородный человек сказал: «К сожалению, этим я вам помочь не могу», и ушел.

В продолжение анализа мне приходит в голову мысль, что Базедов — это фамилия не только врача, но и одного известного педагога (в состоянии бодрствования я теперь не совсем уверен, что это так[1]). Между тем приятель Отто — именно тот человек, которого я попросил в случае, если со мной что-нибудь случится, следить за физическим воспитанием моих детей, особенно в пубертатный период (отсюда ночная сорочка). Наделяя в сновидении приятеля Отто симптомами болезни того благородного человека, я, видимо, хочу этим сказать: «Если со мной что-нибудь случится, толку от него будет столько же, сколько и от того барона Л., несмотря на все его любезные предложения». Эгоистическая тенденция этого сновидения теперь вполне очевидна[2].

---

[1] [Тем не менее это предположение верное. В XVIII веке жил знаменитый педагог, носивший это имя, последователь Руссо.]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1911 году:]* Когда Эрнест Джонс, выступая с научным докладом перед американским обществом, заговорил об эгоизме сновидений, одна ученая дама выдвинула возражение против такого ненаучного обобщения, мол, автор может судить только о сновидениях австрийцев, но не вправе что-либо говорить о снах американцев. Что касается лично ее, то она может заверить, что все ее сновидения сугубо альтруистичны.]

Но где же здесь скрывается исполнение желания? Не в мести приятелю Отто, которому отныне суждено играть незавидную роль в моих сновидениях[1], а следующему отношению. Изображая Отто в сновидении в виде барона Л., я в то же время отождествляю свою собственную персону с другим человеком, а именно с профессором Р., ибо я требую чего-то от Отто точно так же, как по другому поводу потребовал профессор Р. от Барона Л. В этом-то все и дело. Профессор Р., с которым я на самом деле не отваживаюсь себя сравнивать, как и я, сделал свою карьеру вне какой-либо школы и только в пожилом возрасте получил давно заслуженное звание. Таким образом, я снова хочу стать профессором! И даже это «в пожилом возрасте» представляет собой исполнение желания, ибо означает, что я проживу достаточно долго, чтобы самому позаботиться о своих детях в пубертатном возрасте[2].

[(в) Другие типичные сновидения]

О других типичных сновидениях, в которых человек с упоением летает или падает, испытывая чувство страха, я ничего из собственного опыта не знаю и всем, что я могу про них сказать, я обязан психоанализу[3]. Из полученных сведений следует заключить, что эти сновидения также повторяют впечатления детства, а именно отно-

---

[Дополнение, сделанное в 1925 году:] В оправдание этой гордой за свою расу дамы надо заметить, что утверждение «Все сновидения совершенно эгоистичны» (с. 279) нельзя понимать превратно. Поскольку все, что происходит в предсознательном мышлении, может перейти в сновидение (в содержание или скрытые мысли сновидения), эта возможность не исключена и для альтруистических побуждений. Таким же образом в сновидении может проявиться нежность или любовь к другому человеку, которые находятся в бессознательном. Следовательно, верная мысль в этом тезисе сводится к тому, что среди бессознательных импульсов сновидения очень часто встречаются эгоистические тенденции, которые, казалось бы, преодолены в бодрствующей жизни.

[1] [Ср. сновидение об инъекции Ирме в главе II (с. 135–137).]

[2] [Это сновидение обсуждается далее на с. 557 и 561.]

[3] [Первое предложение этого абзаца появилось в оригинальном издании 1900 года, но в последующих изданиях вплоть до 1925 года отсутствовало. Следующие предложения, а также следующий абзац датируются 1900 годом, однако в 1914 году они были перенесены в главу VI, раздел Д (см. ниже с. 400–401.). В издании 1930 года они содержатся в обоих местах.]

сятся к подвижным играм, которые столь привлекательны для ребенка. Кто из родных не делал вид, будто ребенок летает, держа его на вытянутых руках и бегая с ним по комнате, или не играл с ним в «падение», усаживая его на колени и неожиданно раздвигая ноги, или поднимая его вверх и внезапно лишая поддержки. Дети смеются и беспрестанно требуют повторения, особенно если игра сопровождается легким страхом и головокружением. Затем, через много лет, они повторяют все это в сновидениях, но только здесь уже нет рук, которые их поддерживали, а потому они теперь свободно парят в воздухе и падают. Пристрастие всех маленьких детей к таким играм, а также к раскачиванию на качелях общеизвестно; когда затем они видят гимнастические трюки в цирке, у них вновь оживают эти воспоминания[1]. Дети живо вспоминают об играх своего раннего детства. У некоторых мальчиков истерические приступы состоят исключительно из воспроизведения таких трюков, которые они совершают с большой ловкостью. Нередко во время этих самих по себе невинных подвижных игр возникали также сексуальные ощущения[2]. Если подыскать одно, привычное нам, слово, обозначающее все эти мероприятия, то этим словом будет «забава» в детстве, повторяемое сновидениями о полете, падении, головокружении и т.п., чувство удовольствия от которой теперь обратилось в страх. Но, как известно каждой матери, в действительности забавы детей довольно часто оканчиваются плачем и ссорой.

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1925 году:]* Аналитическое исследование позволило нам установить, что в пристрастии детей к гимнастическим упражнениям и их повторении в истерическом приступе, помимо органического удовольствия, присутствует еще и другой момент — образ воспоминания (зачастую бессознательный) о наблюдавшемся половом акте (людей или животных).

[2] Один молодой коллега, которому совершенно не присуща нервозность, сообщает мне по этому поводу: «Я знаю по собственному опыту, что раньше, качаясь на качелях, особенно в момент, когда возвратное движение имело наибольшую мощь, я испытывал своеобразное ощущение в гениталиях, которое, хотя и не было мне приятным, все же следует назвать ощущением удовольствия». От своих пациентов я часто слышал, что первые эрекции, которые они могут вспомнить, сопровождавшиеся чувством удовольствия, возникали у них в отроческие годы, когда они лазали по деревьям. — Из психоаналитической работы со всей определенностью можно сделать вывод, что очень часто первые сексуальные импульсы проявляются у детей во время игр, сопряженных с борьбой и возней. — [Эта тема подробно обсуждается Фрейдом в последнем разделе второго из трех его очерков по теории сексуальности (1905*d*; *Studienausgabe*, т. 5, с. 106–111).]

Таким образом, у меня есть все основания отказаться от того объяснения, что наше осязание во время сна, ощущения от движения наших легких и т.п. являются причиной снов о полете и падении. [Ср. с. 58.] Я считаю, что сами эти ощущения воспроизводятся благодаря воспоминанию, к которому относится сновидение, то есть они являются содержанием сновидения, а не его источником.

Однако я отнюдь не скрываю, что не могу дать полное объяснение этому ряду типичных сновидений. Здесь-то как раз мой собственный материал меня и подвел. Я вынужден придерживаться общего представления, что в этих сновидениях пробуждаются все тактильные и двигательные ощущения, как только в них нуждается какой-либо психический мотив, и что ими могут пренебрегать, если подобной потребности нет. [Ср. с. 251.] Из всего того, что было мною получено при анализе психоневротиков, связь с инфантильными переживаниями также кажется мне несомненной. Однако какие другие значения могли в течение жизни присоединиться к воспоминанию о тех ощущениях — наверное, у каждого человека разные, несмотря на то, что эти сновидения типичны, — я указать не могу, и я был бы рад, если бы сумел восполнить этот пробел посредством тщательного анализа хороших примеров. Тому, кто удивляется, что, несмотря на распространенность именно снов о полете, падении, выпадении зубов и т.п., я жалуюсь на недостаток материала, я должен объяснить, что с тех пор, как я уделяю внимание теме толкования сновидений, самому мне такие сны не снились. Сновидения невротиков, которыми я обычно располагаю, не все удается истолковать до конца, выяснив их скрытое намерение; определенная психическая сила, участвовавшая в формировании невроза и вновь проявляющая себя, когда ее пытаются устранить, противодействует окончательному разрешению загадки.

[г] Сон об экзамене

Каждый, кто заканчивал свою учебу в гимназии экзаменом на аттестат зрелости, жалуется на упорство, с которым его преследует страшный сон, будто он провалился на экзамене, остался на второй год и т.п. Для обладателя академического диплома это типичное сновидение заменяется другим: ему снится, будто он не выдержал строгого экзамена, против сдачи которого он тщетно во сне возражает, утверждая, что он уже многие годы практикует, является приват-доцентом или руководителем канцелярии. Все это —

неизгладимые воспоминания о наказаниях, которым мы подвергались в детстве за совершенные проступки и которые снова пробудились в нашей душе в связи с двумя узловыми пунктами наших учебных занятий, с *«dies irae, dies illa»*[1] строгих экзаменов. Также и «страх экзаменов» у невротиков находит свое подкрепление в этом детском страхе. После того как мы перестали быть школьниками, нас уже не наказывают, как это было раньше, родители и воспитатели, а затем учителя; наше дальнейшее воспитание взяла на себя неумолимая каузальная связь жизни, и нам теперь снятся гимназические или университетские экзамены — а кто тогда не робел, даже будучи праведником — каждый раз, когда мы боимся не добиться успеха, потому что что-то мы неправильно сделали, каждый раз, когда мы чувствуем на себе гнет ответственности.

Дальнейшим разъяснением сновидений об экзаменах[2] я обязан замечанию одного сведущего коллеги [Штекеля], который в одной своей научной работе указал, что, по его сведениям, сны об экзамене бывают только у людей, которые выдержали этот экзамен, и никогда у тех, кто на нем провалился. Таким образом, тревожный сон об экзамене, который, как это не раз подтверждалось, снится тогда, когда человеку на следующий день предстоит ответственная работа или ожидается возможный провал, выбирает ситуацию из прошлого, в которой наш страх оказался безосновательным и был опровергнут достигнутым результатом. Это, пожалуй, очень яркий пример неверной трактовки содержания сновидения со стороны бодрствующей инстанции. [Ср. с. 255–256.] Возражение, понимаемое как протест против сновидения: «Но я ведь уже доктор и т.д.», на самом деле представляет собой утешение, которое дает сновидение и которое должно бы гласить: «Не бойся завтрашнего дня; вспомни о том, как ты боялся выпускного экзамена, и все же с тобой ничего не произошло. Теперь ты уже доктор и т.д.». Страх же, который мы связываем с таким сновидением, имеет источником остатки дня.

Проверки этого объяснения, которые мне удалось произвести на себе самом и на других, хотя и не были многочисленными, свидетельствовали в его пользу. Так, например, будучи студентом, я опозорился на экзамене по судебной медицине; но никогда этот предмет мне не снился, тогда как во сне я часто сдавал экзамены по

---

[1] [«День гнева, день этот» (лат.) — первая строка секвенции, входящей в католическую заупокойную мессу, в которой изображается картина Страшного Суда. — Примечание переводчика.]

[2] [Этот и следующий абзацы были добавлены в 1909 году.]

ботанике, зоологии или химии — на экзамены по этим специальностям я шел с вполне обоснованным страхом, но избегал наказания по милости судьбы или экзаменаторов. В сновидениях о гимназических экзаменах мне постоянно снится экзамен по истории, который я блестяще выдержал, но, правда, лишь потому, что мой любезный профессор — одноглазый помощник из другого сновидения (ср. с. 37) — заметил, что на экзаменационном билете, который я ему возвратил, средний из трех вопросов был перечеркнут ногтем с призывом мне его не задавать. Один из моих пациентов, который отказался сдавать экзамен на аттестат зрелости, а затем его выдержал, но провалился на экзамене на офицерское звание и поэтому не стал офицером, сообщил мне, что ему довольно часто снится первый экзамен, последний же — никогда.

Сновидения об экзаменах представляют для толкования ту же трудность, на которую я указывал ранее как на трудность, характерную для большинства типичных сновидений [с. 253][1]. Материал ассоциаций, предоставляемый в наше распоряжение сновидцем, бывает достаточным для толкования лишь в редких случаях. К лучшему пониманию таких сновидений можно прийти на основе большего числа примеров. Недавно у меня возникло стойкое убеждение, что возражение «Ведь ты уже доктор и т.п.» не только таит в себе утешение, но и содержит упрек. Последний гласит: «Ты теперь уже такой взрослый, столько прожил, а по-прежнему делаешь такие глупости, ведешь себя как ребенок». Эта смесь самокритики и утешения соответствует скрытому содержанию снов об экзамене. Тогда нет ничего странного в том, что упреки по поводу «глупостей» и «ребячества» в последних проанализированных примерах относились к повторению половых актов, вызывавших недовольство партнера.

В. Штекель[2], которому принадлежит первое истолкование сна об экзамене на аттестат зрелости отстаивает точку зрения, что это сновидение, как правило, относится к сексуальному испытанию и половой зрелости. Мне часто удавалось это подтвердить на своем опыте[3].

---

[1] [Этот абзац появился в 1914 году.]

[2] [Фрейд добавил этот абзац в 1925 году. — Ср. Stekel, 1909, 464, 471).]

[3] [В изданиях 1909 и 1911 года эта глава завершается обсуждением других видов «типичных» снов. Однако с 1914 года это обсуждение было перенесено в главу VI, раздел Д, и следует за изложением нового материала, относящегося к символике сновидений. См. с. 392 (Ср. также «Предисловие издателей», с. 7.)]

VI

РАБОТА СНОВИДЕНИЯ

Все остальные прежние попытки разрешить проблемы сновидения непосредственно связывались с *явным* содержанием сна, представленном в воспоминании, и были направлены на то, чтобы на его основе прийти к толкованию сновидения; или же, если исследователи отказывались от толкования, то они пытались обосновать свое суждение о сновидении указанием на его содержание. И только для нас дело обстоит совершенно иначе; по нашему мнению, между содержанием сновидения и результатами нашего исследования помещается новый психический материал: *скрытое* содержание сновидения, полученное с помощью нашего метода, или мысли сновидения. Исходя из скрытого, а не явного, содержания сновидения мы и приступаем к разгадыванию сновидения. Поэтому перед нами встает новая задача, которой до этого никогда раньше не было, — задача исследовать отношения между явным содержанием сновидения и скрытыми мыслями сновидения, а также проследить, благодаря каким процессам из последних образуется первое.

Мысли и содержание сновидений предстают перед нами как два изображения одного и того же содержания на двух разных языках, или, лучше сказать, содержание сновидения представляется нам переносом мыслей сновидения в другой способ выражения, знаки и законы соединения которого мы сможем понять, сравнив оригинал с переводом. Мысли сновидения становятся нам сразу понятны, как только мы их узнаем. Содержание сновидения представлено, так сказать, языком образов, отдельные знаки которого должны быть перенесены в язык мыслей сновидения. Мы, очевидно, впали бы в заблуждение, если бы захотели читать эти знаки по их образному значению, а не по взаимосвязи знаков. Представим себе, что передо мною ребус: дом, на крыше которого лодка, потом отдельные буквы, затем бегущий человек, возле головы которого нарисован апостроф, и т. п. Я мог бы тут впасть в критику, объявив бессмысленной и эту композицию, и ее отдельные элементы. Лодку не ставят на крышу дома, а человек без головы не может бегать; кроме того, человек на картинке выше дома, а если вся она должна изображать ландшафт, то при чем тут буквы, которых не бывает в природе. Правильное понимание ребуса получается, очевидно, только

тогда, когда я не предъявляю подобных претензий к целому и к его отдельным частям, а попытаюсь заменить каждый образ слогом или словом, находящимся в каком-либо взаимоотношении с изображенным предметом. Слова, получаемые при этом, уже не бессмысленны, — в результате получается прекраснейшее и глубокомысленное поэтическое изречение. Таким же ребусом является и сновидение, и наши предшественники в области толкования сновидений впадали в ошибку, рассматривая этот ребус как рисовальную композицию. В качестве таковой он казался им бессмысленным и ничего не стоящим.

А
Работа сгущения

Первое, что бросается в глаза исследователю при сравнении содержания сновидения с мыслями сновидения, это то, что здесь была произведена колоссальная *работа сгущения*. Сновидение сжато, скудно, лаконично по сравнению с объемом и богатством его мыслей. Сновидение, если его записать, занимает полстраницы; анализ же, в котором содержатся мысли сновидения, требует в шесть, восемь, двенадцать раз больше места. Это соотношение для разных сновидений разное; но оно никогда, насколько я мог это контролировать, не меняет своего значения. Как правило, степень происходящего сжатия недооценивают, поскольку выявленные мысли сновидения считают окончательным материалом, тогда как дальнейшая работа по толкованию может раскрыть новые мысли, скрывающиеся за сновидением. Мы уже отмечали [см. с. 232–233], что, в сущности, никогда нельзя быть уверенным в том, что сновидение было полностью истолковано; даже если решение кажется удовлетворительным и, вроде бы, не имеет пробелов, все-таки остается возможность того, что с помощью этого же сновидения передается и другой смысл. Таким образом, *мера сгущения*, строго говоря, неопределима. В ответ на утверждение, что из несоразмерности содержания сновидения и мыслей сновидения можно сделать вывод о том, что при образовании сновидения происходит сильнейшее сгущение психического материала, можно выдвинуть возражение, которое на первый взгляд выглядит справедливым. У нас часто возникает ощущение, будто мы видели сны всю ночь, а затем большую их часть снова забыли. В таком случае сновидение, которое мы помним при пробуждении, представляло бы собой лишь остаток всей работы сновидения, которая, пожалуй, по своему объему должна была бы соответствовать мыслям сновидения, если бы мы смогли все их вспомнить. В этом, несомненно, есть доля истины; нельзя обманывать себя наблюдением, что сновидение воспроизводится наиболее точно, когда его пытаются вспомнить сразу при пробуждении, и что к концу дня это воспоминание становится все больше и больше отрывочным. С другой стороны, можно, однако, признать, что ощущение, будто нам снилось гораздо больше, чем удается воспроизвести, очень часто основывается на иллюзии, происхождение которой мы обсудим позднее [ср. с. 492 и с. 518–519]. Кроме того, гипотеза о

сгущении в работе сновидения не опровергается возможностью забывания сновидения, ибо оно доказывается множеством представлений, которые относятся к отдельным сохранившимся в памяти частям сновидения. Если действительно большая часть сна нами забывается, то в результате мы лишаемся доступа к новому ряду мыслей сновидения. У нас нет никаких оснований предполагать, что утраченные части сновидения относились только к тем мыслям, которые мы уже знаем из анализа сохранившихся частей[1].

Ввиду огромного множества мыслей, которые выявляет анализ каждого элемента сновидения, у иного читателя зарождается принципиальное сомнение: можно ли причислять к мыслям сновидения все, что приходит в голову задним числом во время анализа, то есть можно ли предполагать, что все эти мысли присутствовали уже в состоянии сна и содействовали образованию сновидения? Быть может, наоборот, во время анализа возникают новые мысли, которые не участвовали в образования сновидения? Я могу разделить это сомнение лишь отчасти. То, что отдельные связи мыслей возникают только во время анализа, безусловно, верно. Но всякий раз можно убедиться в том, что такие новые связи возникают лишь между мыслями, которые иным образом уже были связаны в мыслях сновидения[2]; новые связи представляют собой, так сказать, параллельные включения, короткие замыкания, возникшие благодаря наличию других, расположенных более глубоко путей соединения. Что касается большинства мыслей, раскрываемых во время анализа, то необходимо признать, что они уже были задействованы при образовании сновидения, ибо, прорабатывая цепочку таких мыслей, вроде бы не связанных с образованием сновидения, неожиданно наталкиваешься на мысль, которая, будучи представлена в содержании сна, является незаменимой для толкования сновидения и все же оказалась доступной только благодаря вышеупомянутой цепочке мыслей. Вспомним, например, сновидение о монографии по ботанике [с. 185 и далее], которое представляет собой результат удивительного процесса сгущения, хотя я и не привел полностью его анализ.

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Указания на сгущение в сновидении встречаются у многих авторов. Дю Прель (Du Prel, 1885, 85) в одном месте высказывает полную уверенность в том, что во сне происходит процесс сгущения ряда представлений.

[2] [Этот вопрос снова затрагивается на с. 321 и гораздо более подробно обсуждается в последней части раздела А главы VII. См., в частности, с. 534.]

Как же следует себе представлять психическое состояние во время сна, предшествующего сновидению? Существуют ли все мысли сновидения рядом друг с другом, или они возникают одна за другой, или же из разных центров одновременно образуется несколько мыслей, которые затем соединяются? Я думаю, что нам нет надобности создавать себе искусственного представления о психическом состоянии во время образования сновидения. Только не будем забывать, что речь идет о *бессознательном* мышлении и что этот процесс вполне может быть совершенно другим, чем тот, который мы воспринимаем в себе при целенаправленном, сопровождаемом сознанием последующем размышлении.

Однако тот факт, что образование сновидения основывается на сгущении, остается бесспорным. Как же происходит это сгущение?

Если предположить, что из выявленных мыслей сновидения через образные элементы в сновидении представлены лишь немногие из них, то следовало бы заключить, что сгущение осуществляется с помощью *пропусков*, поскольку сновидение представляет собой не точный перевод или последовательную проекцию мыслей сновидения, а в высшей степени неполное и отрывочное их воспроизведение. Эта идея, как мы вскоре увидим, является весьма неудовлетворительной. И все же сначала мы на ней остановимся и зададим себе следующий вопрос: если в содержание сновидения попадают лишь немногие элементы мыслей, то какие условия определяют их выбор?

Чтобы разобраться в этом, следует обратить внимание на элементы содержания сновидения, которые должны были удовлетворять искомым условиям. Самым благоприятным материалом для такого исследования будет сновидение, образованию которого способствовало особенно сильное сгущение. Я выбираю приведенное на с. 185–188.

I

Сновидение о монографии по ботанике.

Содержание сновидения. *Я написал монографию о неком растении. Книга лежит передо мной, я перелистываю содержащиеся в ней цветные таблицы. К каждому экземпляру приложено засушенное растение, как в гербарии.*

Главным элементом этого сновидения является *монография по ботанике.* Она относится к впечатлениям предыдущего дня; в витрине книжного магазина я действительно увидел *монографию о роде цикламен.* Упоминание об этом растении отсутствует в содержании сновидения, в котором остались лишь монография и ее отношение к ботанике. «Монография по ботанике» тотчас обнаруживает свою связь с *работой о кокаине*, которую я когда-то написал; от кокаина мысли ведут, с одной стороны, к юбилейному сборнику и к определенным событиям в университетской лаборатории, с другой стороны — к моему другу, офтальмологу доктору Кёнигштайну, участвовавшему в исследовании кокаина. Далее, с персоной доктора Кёнигштайна связано воспоминание о прерванном разговоре, который я вел с ним накануне вечером, и разные мысли о вознаграждении за врачебные услуги коллег. Этот разговор является актуальным источником сновидения; монография о цикламене также является актуальным событием, но имеет индифферентный характер. Как я думаю, «монография по ботанике» в сновидении представляет собой *связующее звено* между двумя переживаниями предыдущего дня: взятая в неизменном виде от безразличного впечатления, через самые разные ассоциативные связи она соединяется с переживанием, важным в психическом отношении.

Но не только сложное представление «монография по ботанике», но и каждый из его элементов в отдельности — «монография» и «ботаника» — благодаря многочисленным связям все глубже и глубже проникают в лабиринт мыслей сновидения. К «ботанике» относятся воспоминания о персоне профессора *Гертнера*, о его *цветущей жене*, о моей пациентке, которую зовут *Флора*, и о даме [госпоже Л.], про которую я рассказал историю с забытыми *цветами.* Гертнер снова приводит нас к лаборатории и беседе с Кёнигштайном; к этой же беседе относится упоминание об обеих пациентках [Флоре и госпоже Л.]. От дамы с цветами ход мыслей ответвляется к *любимым цветам* моей жены, исходный пункт которых лежит в названии монографии, мельком увиденной мной накануне. Кроме того, *«ботаника»* напоминает об одном гимназическом эпизоде и об экзамене в университете, а новая тема, затронутая в том разговоре, тема моих *увлечений*, посредством названных так в шутку моих *любимых цветов* — артишоков — связывается с цепочкой мыслей, идущих от за-

бытых цветов. За «артишоками» скрывается воспоминание об Италии, с одной стороны[1], и о детской сцене — с другой, которой объясняется моя давняя любовь к книгам. Следовательно, *«ботаника»* представляет собой настоящий узловой пункт, где сходятся многочисленные цепочки мыслей, которые, как я могу уверить, вполне обоснованно были связаны между собой в том разговоре. Здесь словно находишься посреди «фабрики мыслей», которую можно сравнить с ткацким станком:

> В нем управленье нитью сложно:
> То вниз, то вверх снует челнок,
> Незримо нити в ткань сольются;
> Один толчок — сто петель вьются[2].

«Монография» в сновидении опять-таки относится к двум темам — к односторонности моих занятий и к дороговизне моих увлечений.

Из этого первого исследования возникает впечатление, что элементы «монография» и «ботаника» вошли в содержание сновидения потому, что они имеют самые разные точки соприкосновения с большинством мыслей сновидения, то есть представляют собой узловые пункты, в которых сходятся многие мысли сновидения, поскольку в аспекте толкования сновидения они являются *многозначительными*. Факт, лежащий в основе этого объяснения, можно выразить и по-другому, сказав в таком случае, что каждый из элементов содержания сновидения оказывается *сверхдетерминированным*, представленным в мыслях сновидения многократно.

Мы узнаем больше, если проверим наличие остальных частей сновидения в его мыслях. *Цветные таблицы*, которые я перелистываю, относятся (ср. анализ на с. 187–188) к новой теме — к критике коллегами моих работ и к уже представленным в сновидении моим увлечениям, а кроме того, к детскому воспоминанию о том, как я распотрошил книгу с цветными таблицами. *Засушенные экземпляры растений* относятся к гимназическому эпизоду с гербарием и делают это воспоминание особенно ярким. Таким образом, я вижу, каковы отношения между содержанием и мыслями сновидения: не только элементы сновидения *множественно* детерминированы мыслями, но и отдельные

---

[1] [Здесь, очевидно, затрагивается элемент мыслей сновидения, который до сих пор еще не упоминался.]

[2] [Гёте, «Фауст», 1-я часть, 4-я сцена. Перевод Н. Холодковского.]

мысли сновидения представлены во сне многими элементами. От одного элемента сновидения ассоциативный путь ведет к нескольким мыслям; от одной мысли сновидения — к нескольким элементам. Следовательно, сновидение образуется не из-за того, что отдельная мысль или группа мыслей дает аббревиатуру для содержания сновидения, а затем следующая мысль сновидения — следующую аббревиатуру в качестве представительства, подобно тому, как из населения выбираются народные представители. Напротив, вся масса мыслей сновидения подвергается определенной переработке, после которой элементы, получившие набольшую и наилучшую поддержку, выдвигаются для включения в содержание сновидения, словно при голосовании по избирательным спискам. Какое бы сновидение я ни подверг подобному разложению, я всегда нахожу в нем подтверждение того принципа, что элементы сновидения образуются из всей массы мыслей и что каждый из них предстает множественно детерминированным в отношении мыслей сновидения.

Разумеется, будет нелишним показать эти отношения содержания сновидения с мыслями сновидения на новом примере, который отличается особо искусным их переплетением. Этот сон приснился одному пациенту, которого я лечу в связи со страхом закрытых помещений. Вскоре станет понятным, что побудило меня озаглавить это необычайно интересное сновидение следующим образом:

II

«Прекрасный сон»

Он едет в большом обществе по улице X., на которой находится скромный постоялый двор (на самом деле это не так). *В его помещениях играется спектакль; он — то публика, то актер. В конце говорят: он должен переодеться, чтобы вернуться в город. Одна часть персонала направляется в помещения партера, другая — первого этажа. Затем возникает ссора. Стоящие наверху сердятся, что люди внизу еще не готовы, а потому они не могут спуститься. Его брат наверху, сам он внизу, и он сердится на брата из-за того, что так тесно.* (Эта часть не очень ясна.) *Впрочем, еще по прибытии было решено, кому быть наверху, а кому внизу. Затем в одиночестве он взбирается на возвышенность, к которой его привела улица X. по дороге в город; и он идет с таким трудом, с таким напряжением, что не может сдви-*

нуться с места. К нему присоединяется какой-то пожилой господин и ругает итальянского короля. В конце подъема идти ему становится намного легче.

Затруднения во время подъема были настолько отчетливы, что после пробуждения он какое-то время сомневался, что это было — сон или реальность.

Если следовать явному содержанию сновидения, то оно едва ли может понравиться. Вопреки правилам я начну толкование с той части, которая была охарактеризована сновидцем как самая отчетливая.

Приснившееся и, вероятно, ощущавшееся во сне затруднение — тяжелый подъем, сопровождающийся одышкой — является одним из симптомов, которые действительно проявились у пациента несколько лет назад; в сочетании с другими явлениями его отнесли тогда к туберкулезу (вероятно, симулированному на истерической почве). Мы уже знаем об этом своеобразном ощущении заторможенности из эксгибиционистских сновидений [см. с. 255 и далее] и снова здесь обнаруживаем, что в качестве всегда имеющегося под рукой материала оно используется в целях изображения чего-то другого. [Ср. с. 344 и далее.] Часть содержания сновидения, в которой изображается, насколько трудным был подъем вначале, а в конце стал простым, напомнила мне во время рассказа известное мастерское введение к «Сафо» Альфонса Доде. Там молодой человек поднимает по лестнице возлюбленную, которая вначале кажется ему легкой, как перышко; но чем выше он поднимается, тем тяжелее становится ноша в его руках, и эта сцена выступает прообразом того, как с течением времени меняются отношения. Изображая ее, Доде хочет предостеречь молодежь не увлекаться всерьез девушками низкого происхождения и с сомнительным прошлым[1]. Хотя я знал, что мой пациент поддерживал и недавно порвал любовные отношения с одной дамой из театра, я все же не ожидал, что эта мысль найдет подтверждение. Кроме того, в «Сафо» мы видим *обратное* тому, что происходит в сновидении; в последнем подъем вначале был труден, а впоследствии легок. В романе это служило лишь для символизации того, что то, к чему вначале относятся легкомысленно, в конце оказывается тяжким бременем. К моему удивлению, пациент заметил, что это толкование вполне согласуется с содержанием пьесы, которую накануне вечером он видел в театре. Пьеса называлась «Вокруг Вены» и изобра-

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Чтобы оценить это описание поэта, необходимо обратиться к значению сновидений о восхождении, которое рассматривается в разделе, посвященном символике [ср. с. 363, прим. 2].

жала жизнь девушки, которая сначала воспитывается в хорошей семье, затем попадает в полусвет, завязывает отношения с высокопоставленными людьми, благодаря чему *«подымается ввысь»*, но в конце концов *«опускается»* все ниже и ниже. Эта пьеса напомнила ему также другую постановку, увиденную им несколько лет назад, которая называлась «Со ступеньки на ступеньку» и в объявлении о которой была изображена состоящая из нескольких ступенек *лестница*.

Продолжим анализ. На улице Х. жила актриса; с которой он последнее время поддерживал любовные отношения. Постоялого двора на этой улице нет. Правда, когда ради этой дамы он провел часть лета в Вене, он *остановился*[1] в небольшой гостинице неподалеку от ее дома. Покидая гостиницу, он сказал кучеру: «Я рад, что там хотя бы не было насекомых». (Между прочим, также одна из его фобий.) Кучер ответил: «Как вы могли там остановиться! Это же не гостиница, а настоящий *постоялый двор*».

В связи с постоялым двором ему тут же вспоминается одна цитата:

> У доброго *хозяина*
> Недавно был в гостях[2].

Однако хозяин в стихотворении Уланда — это *яблоня*. Цепь мыслей продолжает теперь вторая цитата:

> Фауст (танцуя с молодою):
> «*Прекрасный сон* я раз видал:
> Я перед *яблоней* стоял;
> Вверху два яблочка на ней;
> *Я влез на яблоню* скорей».
>
> Красавица:
> «Всегда вам яблочки нужны,
> В раю вы ими прельщены.
> Я рада, что в моем саду
> Я тоже яблочки найду[3]!

---

[1] [«Остановиться в гостинице» и «спуститься» в немецком языке обозначается одним словом «absteigen». — Примечание переводчика.]

[2] [Уланд, «Песни странника», 8, «Постоялый двор».]

[3] [Гёте, «Фауст», 1-я часть, 21-я сцена, «Вальпургиева ночь». Перевод Н. Холодковского.]

Нет ни малейших сомнений в том, что здесь подразумевается под яблоней и под яблочками. Красивая грудь также относилась к тем прелестям, благодаря которым актриса приковала к себе моего сновидца.

Из взаимосвязей, выявленных в анализе, у нас имелись все основания предполагать, что сновидение сводится к детскому впечатлению. Если это правильно, то оно должно относиться к кормилице моего пациента, которому вскоре исполнится тридцать лет. Кормилица, как и Сафо Доде, представляется намеком на недавно покинутую им возлюбленную.

В содержании сновидения появляется и (старший) брат пациента, причем он *наверху*, а сам пациент *внизу*. Это опять-таки является *инверсией* действительных отношений, ибо его брат, как мне известно, утратил свое социальное положение, а мой пациент его приобрел. При воспроизведении сновидения сновидец избежал сказать: «Брат наверху, а сам он находился в «партере». Это стало бы слишком ясным высказыванием, ибо среди нас принято говорить о человеке, что он в «партере», если он лишился имущества или положения, то есть слово «партер» употребляется в том же значении, в каком употребляют слово *«опустился»*. Наверное, есть некий смысл в том, что здесь в сновидении изображается нечто *противоположное*. Эта инверсия, по-видимому, касается и других отношений между мыслями и содержанием сновидения [ср. с. 323–324]. Имеется указание на то, где еще раз встречается эта инверсия. Очевидно, в конце сновидения, где с подъемом дело опять-таки обстоит *противоположно* тому, как в «Сафо». Тогда нам легко понять, какая инверсия имеется в виду: в «Сафо» мужчина несет женщину, находящуюся с ним в сексуальных отношениях; в мыслях сновидения, *наоборот*, речь идет о женщине, которая несет мужчину, а так как этот случай может произойти только в детстве, это снова относится к кормилице, которая тяжело переносит младенца.

Таким образом, конец сновидения следует понимать как изображение Сафо и кормилицы с помощью одного и того же намека.

Подобно тому, как Доде выбрал имя *Сафо* не без намека на лесбийскую привычку, так и части сновидения, в которых одни люди находятся *наверху*, а другие *внизу*, указывают на фантазии сексуального содержания, занимающие сновидца и в качестве подавленных страстных влечений имеющие отношение к его неврозу. То, что в сновидении изображаются фантазии, а не воспоминания о действительных событиях, само по себе толкование не обнаруживает; оно нам выявляет лишь содержание мыслей и оставляет за нами право устанавливать их связь с реальностью. Действительные и воображаемые события вначале кажутся здесь — и не толь-

ко здесь, но и при создании более важных психических образований, нежели сновидения, — равноценными[1]. Большое общество означает, как мы уже знаем [см. с. 258], тайну. Брат — это не кто другой, как привнесенный в детскую сцену посредством «фантазирования в ответ» заместитель всех соперников у женщин. Эпизод с господином, который ругает итальянского короля, через посредство недавнего и самого по себе безразличного переживания опять-таки относится к проникновению лиц низшего сословия в высшее общество. Дело обстоит так, словно грудной младенец получает предостережение, аналогичное тому, которое Доде дает молодежи[2].

Чтобы дать третий пример, демонстрирующий сгущение при образовании сновидений, я приведу частичный анализ другого сновидения, которым я обязан одной пожилой даме, проходящей у меня психоаналитическое лечение. Соответственно тяжелым состояниям страха, которыми страдала больная, ее сновидения изобиловали сексуальным материалом, ознакомление с которым поначалу столь же ее удивило, как и напугало. Поскольку я не имею возможности довести толкование ее сна до конца, создается впечатление, что материал сновидения распадается на несколько групп, не имеющих видимых взаимосвязей.

III
«Сон про жука»

Содержание сновидения. *Она вспоминает, что у нее в коробочке два майских жука, которых она должна отпустить на волю, иначе они задохнутся. Она открывает коробочку, жуки совсем обессилели; один из них вылетает в открытое окно, другого же раздавливает оконная створка, когда она запирает окно, словно кто-то от нее этого требует (выражения отвращения).*

---

[1] [По всей видимости, Фрейд здесь делает намек на сделанное им недавно открытие, что детские сексуальные травмы, которые якобы раскрывались в анализе невротических пациентов, на самом деле часто оказывались всего лишь фантазиями. Freud, 1906 a.]

[2] Воображаемый характер ситуации, относящейся к кормилице сновидца, доказывается объективно выявленным обстоятельством — кормилицей в данном случае была мать. Впрочем, мне вспоминается сожаление молодого мужчины из анекдота, упомянутого на с. 220, о том, что он не сумел лучше воспользоваться ситуацией, которое, пожалуй, и является источником этого сновидения.

Анализ. Ее муж уехал, рядом с ней в кровати спит четырнадцатилетняя дочь. Девочка обратила вечером ее внимание на то, что в стакан с водой упал мотылек; она забыла, однако, его вынуть и утром сожалеет о бедном насекомом. В романе, который она читала перед сном, рассказывалось, как мальчики бросили кошку в кипяток, и изображались мучения животного. Таковы два самих по себе безразличных повода к сновидению. Ее продолжает занимать тема *жестокости по отношению к животным*. Несколько лет назад, когда они жили летом в сельской местности, ее дочь проявляла жестокость к животным. Она собирала коллекцию бабочек и попросила дать *мышьяк* для умерщвления мотыльков. Однажды случилось так, что ночная бабочка с булавкой в теле еще долго летала по комнате; в другой раз обнаружилось несколько умерших от голода гусениц, которые хранились для окукливания. Эта же девочка в еще более нежном возрасте имела привычку отрывать крылья *жукам* и бабочкам; сегодня она бы ужаснулась всем этим жестоким поступкам; она стала очень доброй.

Это противоречие занимает ее. Оно напоминает ей другое противоречие между *внешностью* и образом мыслей, изображенное Элиотом в романе «Адам Бед». Красивая, но тщеславная и глупая девушка, а рядом с ней уродливая, но благородная. *Аристократ*, соблазняющий дурочку, и рабочий с благородными чувствами и поступками. Этого в людях часто не замечают. Кто мог бы заметить, что она мучается чувственными желаниями?

В тот самый год, когда девочка собирала свою коллекцию бабочек, местность, где они жили, страдала от обилия *майских жуков*. Детей обуяла злоба против жуков, они жестоко их давили. Тогда же она видела человека, который отрывал крылья майским жукам, а затем съедал тело. Сама она родилась в *мае*, в *мае* же вышла замуж. Через три дня после свадьбы она написала домой родителям письмо, как она счастлива. Но такой она отнюдь не была.

Вечером накануне сновидения она рылась в старых письмах и читала вслух близким различные серьезные и смешные письма, среди них очень забавное письмо от одного учителя музыки, который ухаживал за ней в юности, и письмо одного ее поклонника-*аристократа*[1].

---

[1] Собственно, это и является возбудителем сновидения.

Она упрекает себя за то, что одной из ее дочерей попалась в руки дурная книга Мопассана[1]. *Мышьяк*, который просила ее дочь, напоминает ей о *мышьяковых пилюлях*, возвращающих юношеские силы Дюку де Мора в «Набобе» [Доде].

По поводу «отпустить на волю» ей вспоминается одно место из «Волшебной флейты»:

Любить заставить не могу я,
Но и *свободы* я не дам[2].

По поводу «майских жуков» — слова Кетхен:

Ты же влюблен в меня, как *жук*[3].

Кроме того, из «Тангейзера»: «Ведь *страстью пагубной* ты одержим»[4].

Она живет в тревоге и беспокойстве об отсутствующем муже. Страх, что в дороге с ним что-нибудь *случится*, выражается в многочисленных дневных фантазиях. Незадолго до этого во время анализа она обнаружила в своих бессознательных мыслях недовольство его «дряхлостью». Мысль-желание, которое скрывает это сновидение, проще всего, наверное, будет разгадать, если я сообщу, что за несколько дней до сновидения посреди обычных занятий ее вдруг ужасно напугало повеление, обращенное к мужу: *«Повесься!»* Оказалось, что за несколько часов до этого она прочитала где-то, что при повешении возникает сильная эрекция. Именно желание вызвать эрекцию и вернулось из вытеснения в таком ужасающем облачении. «Повесься» означало то же самое, что и «Добейся эрек-

---

[1] Следует добавить: такая литература — *яд* для юной девушки. Сама она в юности многое почерпнула из запретных книг.

[2] [Слова Сарастро, обращенные к Памине, в финале 1-го акта оперы Моцарта.]

[3] [Клейст, «Кетхен из Хайльбронна», 4-й акт, 2-я сцена.] — Дальнейший ход мыслей ведет к произведению «Пентесилия» этого же автора: *жестокость* по отношению к любимым.

[4] [По всей видимости, Фрейд здесь имел в виду первую фразу из произнесенного папой проклятия, о котором рассказывает Тангейзер в последней сцене оперы Вагнера. На самом деле эти слова звучат так: «Избавился ли ты от страсти пагубной?»]

ции любой ценой». К этому же относятся и мышьяковые пилюли доктора Дженкинса в «Набобе»; но пациентке было также известно, что сильнейший препарат, усиливающий сексуальное влечение, *kanthariden* (так называемые шпанские мушки), изготовляется путем *раздавливания жуков*. Этот смысл и имеет главная составная часть содержания сновидения.

Открывание и закрывание *окна* — одна из постоянных причин ее разногласий с мужем. Сама она любит спать при открытых окнах, а муж панически этого боится. *Вялость* — главный симптом, на который она жаловалась в эти дни.

Во всех трех представленных здесь сновидениях я выделил шрифтом места, где один из элементов сновидения повторяется в мыслях сновидения, чтобы сделать наглядными различные взаимоотношения первых. Но поскольку ни в одном из этих сновидений анализ не был доведен до конца, пожалуй, есть смысл остановиться на сновидении, анализ которого был представлен более подробно, чтобы показать в нем сверхдетерминацию содержания сновидения. Для этого я выбираю сон об инъекции Ирме [с. 125 и далее]. В этом примере мы без труда заметим, что работа сгущения при образовании сновидений пользуется более чем одним средством.

Главный персонаж в содержании сновидения — пациентка Ирма, являющаяся в нем с чертами, присущими ей в жизни, и, следовательно, изображающая вначале саму себя. Но поза, в которой я исследую ее возле окна, заимствована мною из воспоминания о другом человеке, о той даме, на которую я бы хотел поменять мою пациентку, как это показывают мысли сновидения. Поскольку у Ирмы обнаруживаются дифтеритные налеты, которые напоминают мне про беспокойство о моей старшей дочери, она служит для изображения этого моего ребенка, за которым скрывается связанная с ним благодаря созвучию имени персона пациентки, умершей от интоксикации. В дальнейшем ходе сновидения значение личности Ирмы меняется (причем сам ее образ в сновидении не изменился); она становится одним из детей, которых мы исследуем в амбулатории детской больницы, причем мои друзья указывают на различие их духовных задатков. Переход, очевидно, произошел через представление о моей дочери. Из-за сопротивления при открывании рта та же самая Ирма служит намеком на другую, когда-то мною обследованную, даму, а затем в этой же взаимосвязи — на мою собственную жену. Кроме того, в болезненных изменениях, обнаруженных мною в горле, я соединил намеки на целый ряд других лиц.

Все эти люди, на которых я наталкиваюсь, прослеживая мысли об «Ирме», не появляются в сновидении во плоти и крови; они скрываются за персонажем сновидения по имени «Ирма», который, следовательно, становится собирательным образом, наделяемый, правда, полными противоречий чертами. Ирма становится представительницей этих других людей, которыми пожертвовала работа сгущения, поскольку я наделяю ее всем тем, что шаг за шагом напоминает мне об этих людях.

Я могу составить *собирательный персонаж*, иллюстрирующий сгущение в сновидении, и другим путем, соединив отличительные черты двух или нескольких людей в один образ сновидения. Именно так возник доктор М. в моем сновидении; он носит имя доктора М., говорит и ведет себя, как он. Но его физические особенности и его недуг относятся к другому человеку, к моему старшему брату; единственная черта — бледный внешний вид — имеет двойственную детерминацию, поскольку в действительности она присуща им обоим.

Аналогичным смешанным персонажем является доктор Р. в моем сновидении о дяде [с. 155 и далее]. Здесь, однако, образ сновидения возник еще одним способом. Я не объединил черты, присущие одному, с чертами другого и тем самым не сократил образ воспоминания о каждом из них до определенных черт, а применил метод, с помощью которого Гальтон делает свои семейные портреты. То есть он проецирует оба изображения друг на друга, при этом общие черты выделяются, а несовпадающие затушевывают друг друга и становятся на снимке нечеткими. В сновидении о дяде в качестве наиболее яркой черты, относящейся к двум людям, а потому и к расплывчатому лицу, выделяется *светлая борода*, которая, кроме того, содержит намек на моего отца и на меня самого из-за отношения к седине.

Создание собирательных и смешанных персонажей — это одно из главных рабочих средств сгущения в сновидении. Вскоре у нас будет повод обсудить его в другой взаимосвязи. [Ср. с. 329–330.]

Мысль «дизентерия» в сновидении об Ирме также множественно детерминирована: с одной стороны, созвучием с «дифтерией» [см. с. 133], с другой стороны — отношением к пациенту, истерию которого врачи не распознали и которого я послал на Восток.

Интересным случаем сгущения оказывается также упоминание во сне о *«пропилене»* [с. 134–135]. В мыслях сновидения содержался не *«пропилен»*, а *«амилен»*. Можно было бы предположить, что здесь при образовании сновидения произошло про-

стое смещение. Так оно и есть, но только это смещение служит целям сгущения, как показывает следующее дополнение к анализу сновидения. Когда я еще на один момент останавливаю свое внимание на слове *«пропилен»*, мне приходит в голову его созвучие со словом *«Пропилеи»*. Но *Пропилеи* находятся не только в Афинах, но и в Мюнхене. В этом городе за год до своего сновидения я посетил тяжелобольного друга, воспоминание о котором становится несомненным благодаря *триметиламину*, следующему в сновидении сразу за *пропиленом*.

Я опускаю бросающееся в глаза обстоятельство, что здесь, как и в других случаях анализа сновидения, для соединения мыслей используются ассоциации самой разной ценности, и уступаю искушению, так сказать, наглядно изобразить процесс, заменив *амилен* в мыслях сновидения *пропиленом* в его содержании.

Здесь имеется группа представлений о моем друге Отто, который не понимает меня, упрекает и дарит мне ликер, пахнущий амиленом; там — связанные противоположностью представления о моем берлинском друге [Вильгельме Флиссе], который меня понимает и которому я обязан многими ценными сообщениями, в том числе о химии сексуальных процессов.

То, что из группы «Отто» особенно должно привлекать мое внимание, обусловлено недавними впечатлениями, которые вызвали сновидение; *амилен* относится к этим элементам, определяющим содержание сновидения. Большая группа представлений «Вильгельм» оживляется благодаря своей противоположности с «Отто», и в ней выделяются элементы, созвучные с элементами, уже активированными в «Отто». Во всем этом сновидении я перехожу от человека, вызывающего у меня недовольство, к другому человеку, которого по своему желанию я могу противопоставить первому, шаг за шагом взываю к другу, противостоящему противнику. Таким образом, амилен в группе «Отто» и в другой группе вызывает воспоминания из области химии; триметиламин, находящий подкрепление с разных сторон, попадает в содержание сновидения. Также и «амилен» мог бы попасть в содержание сновидения в неизменном виде, но он подвергается воздействию со стороны группы «Вильгельм», когда из всего объема воспоминаний, скрывающихся за этим названием, отыскивается элемент, способный двояким образом детерминировать «амилен». Поблизости от «амилена» для ассоциации находится «пропилен»; из группы «Вильгельм» ему навстречу идет Мюнхен с Пропилеями. В «пропилен-Пропилеях» обе группы представлений соединяются. Словно благодаря компромиссу этот средний элемент затем попадает в содержание сновидения. Здесь было создано общее

среднее, которое допускает множественную детерминацию. Таким образом, нам становится ясным, что множественная детерминация должна облегчить проникновение в содержание сновидения. В целях образования этого среднего, несомненно, и произошло смещение внимания от того, что действительно имелось в виду, к мысли, ей близкой по ассоциации.

Изучение сна об Ирме уже позволяет нам получить представление о процессах сгущения при образовании сновидения. В качестве компонентов работы смещения мы смогли выявить подбор элементов, неоднократно появляющихся в мыслях сновидения, образование новых единиц (собирательных персонажей, смешанных образов) и создание общего среднего. Чему служит сгущение и что ему способствует, мы спросим только тогда, когда будем обсуждать взаимосвязь психических процессов при образовании сновидения[1]. Пока же довольствуемся констатацией того, что сгущение в сновидении представляет собой важное средство соединения мыслей и содержания сновидения.

Наиболее наглядной работа сгущения в сновидении становится в том случае, когда своими объектами она избрала слова и названия. Со словами вообще сновидение часто обходится словно с предметами, и тогда они вступают в те же взаимосвязи, что и предметные представления[2]. Результатом таких сновидений являются комические и причудливые словообразования.

I

Когда однажды один мой коллега прислал мне написанную им статью, в которой, на мой взгляд, переоценивалось и, главное, в напыщенном тоне превозносилось недавно сделанное физиологическое открытие, на следующую ночь мне приснилась фраза, очевидно, относившаяся к упомянутой статье: *«Это поистине норекдальный стиль».* Вначале разгадка этого словообразования доставляла мне большие сложности; не подлежало сомнению, что оно пародировало прилагательные в превосходной степени типа «колоссальный, пирамидальный»; но откуда оно все же

---

[1] [См. с. 339 и главу VII, раздел Д, в частности с. 595 и далее.]

[2] [Отношение между словесными и предметными представлениями Фрейд рассмотрел гораздо позднее, в работе «Бессознательное» (1915*e*; *Studienausgabe*, т. 3, с. 158, прим. 2, 159–162).]

проистекало, сказать было нелегко. В конце концов, это несуразное слово распалось у меня на два имени: *Нора и Экдаль* из двух известных пьес Ибсена[1]. Незадолго до этого я прочел газетную статью об Ибсене того же самого автора, последний опус которого я, следовательно, критиковал в сновидении.

II

Одна из моих пациенток рассказала мне короткое сновидение, которое вылилось в бессмысленное сочетание слов. Она со своим мужем находится на деревенском празднике, а затем говорит: *«Это кончится всеобщим "Maistollmütz"»*. При этом в сновидении у нее появляется смутная мысль, что это мучное блюдо из маиса, нечто вроде поленты. Анализ разлагает это слово на Mais — toll — mannstoll — Olmütz[2]; все эти элементы являются частями разговора за столом с ее родственниками. За словом *Mais*, помимо намека на только что открывшуюся юбилейную выставку[3], скрываются слова: *Meissen* (*мейсенская* фарфоровая фигурка, изображавшая птицу), *miss* (англичанка, жившая у ее родственников, уехала в *Ольмютц*), *mies* — «отвратительный», «скверный» на используемом в шутку еврейском жаргоне; от каждого из слогов этого сгустка слов шла длинная цепочка мыслей и ассоциаций.

III

Молодой человек, к которому поздно вечером наведался один знакомый, чтобы отдать визитную карточку, на следующую ночь видит сон: *какой-то бизнесмен ждет поздно вечером, чтобы направить телеграмму по домашнему телеграфу. После того как он ушел, по-прежнему раздаются звуки, но не постоянные, а отдельные удары. Слуга снова приводит мужчину, и тот говорит: «Все-таки странно, что даже те люди, которые обычно tutelrein, не умеют обращаться с такими вещами».*

---

[1] [В пьесах «Нора, или Кукольный дом» и «Дикая утка».]

[2] [Маис — бешеный — страдающий нимфоманией — Ольмютц (нем.). — Примечание переводчика.]

[3] [В связи с 50-летним юбилеем правительства императора Франца Йозефа, который праздновался в 1898 году.]

Как мы видим, индифферентный повод к сновидению раскрывает только один из элементов сновидения. Смысл же он вообще приобрел только тогда, когда к нему добавилось прежнее переживание сновидца, которое, будучи само по себе безразличным, было наделено его фантазией, имевшей замещающее значение. В детском возрасте, живя со своим отцом, однажды он, еще не отойдя ото сна, уронил на пол стакан с водой, в результате чего промок кабель комнатного телеграфа, и *постоянные звуки* разбудили отца. Поскольку «постоянно звучать» соответствует «промокнуть», то в таком случае *«отдельные удары»* используются для изображения *падения капель*. Слово *«tutelrein»* распадается по трем направлениям и, таким образом, относится к трем вещам, представленным в мыслях сновидения: *«Tutel» = Kuratel* означает опеку; *Tutel* (или *«Tuttel»*) — это вульгарное обозначение женской груди, а составная часть *«rein»* (чистый) заимствует первые слоги слова «комнатный телеграф» [Zimmertelegraphen], чтобы образовать слово *«zimmerrein»*, что имеет много общего с «намочить пол» и, кроме того, созвучно с одной из фамилий, носимых в семье сновидца[1].

---

[1] Такое же разделение и составление слогов — самая настоящая химия слогов — служит нам в бодрствовании для самых разных шуток. «Как дешевле всего получить серебро? Пройдитесь по аллее, где стоят серебряные тополя, и попросите тишины, тогда вы услышите "болтовню", и посыплется серебро. [Игра слов: «Pappeln» в немецком языке означает и тополя и болтовню. — Примечание переводчика.] Первый читатель и критик этой книги возразил мне, и это возражение, вероятно, будет повторяться в дальнейшем, «что сновидец часто кажется чересчур остроумным». Это верно, если относится исключительно к сновидцу, и означает упрек только тогда, когда переносится на толкователя сновидения. В бодрствующей действительности я редко претендую на прилагательное «остроумный»; если мои сновидения кажутся остроумными, то дело не во мне лично, а в тех своеобразных психологических условиях, в которых вырабатывается сновидение, и тесно связано с теорией остроумного и комического. Сновидение становится остроумным, потому что прямой и ближайший путь к выражению его мыслей закрыт; оно принуждается к этому. Читатели могут убедиться, что сновидения моих пациентов производят впечатление остроумных (остроумничающих) в такой же, а то и в большей, степени, что и мои. — *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* Тем не менее этот упрек дал мне повод сравнить технику остроумия с работой сновидения, что я и сделал в опубликованной в 1905 году книге «Острота и ее отношение к бессознательному» [в частности, в главе VI. — В конце этой главы Фрейд отмечает, что остроты во сне — это всегда плохие остроты, и объясняет, почему это так и должно быть (*Studienausgabe,* т. 4, с. 162). То же самое Фрейд утверждает в 15-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917, *Studienausgabe,* т. I, с. 238). Вышеупомянутым «первым читателем» был Флисс].

IV

В одном длинном хаотическом сновидении, центром которого было морское путешествие, мне снилось, что ближайшая остановка называется *Хирсинг*, а следующая — *Флисс*. Последнее — это фамилия моего друга в Б. [Берлине], который часто бывал целью моих поездок. *Хирсинг* же представляет собой комбинацию из названий станций нашей венской пригородной железной дороги, которые так часто оканчиваются на «инг»: Хитцинг, Лизинг, Мёдлинг (прежнее название Меделиц, *meae deliciae*, то есть *«мой друг»*), и английского *hearsay* (слухи), что указывает на клевету и устанавливает связь с индифферентным возбудителем сновидения — стихотворением из *«Листовок»*, «Sagter Hatergesagt», об одном злоречивом карлике. Если соединить конечный слог *«инг»* с именем *Флисс*, получается *«Флиссинген»*, реально существующая остановка во время морского путешествия, которое совершает мой брат, приезжая к нам в гости из Англии. Английское название Флиссинген звучит, однако, как *Flushing*, что в английском языке означает «покраснение» и напоминает о пациентках со «страхом покраснения», которых я лечу, а также о недавней публикации Бехтерева об этом неврозе, давшей мне повод для недовольства.

V

В другой раз я видел сновидение, состоявшее из двух отдельных частей. Первая — это отчетливо сохранившееся в памяти слово *«автодидаскер»*, другая же в точности совпадает с появившейся у меня несколько дней назад безобидной фантазией на тему того, что в следующий раз, когда я увижу профессора Н., я ему должен сказать: «Пациент, о состоянии которого я недавно у вас консультировался, действительно, как вы и предполагали, страдает только неврозом». Новообразованное слово *«автодидаскер»* должно не только удовлетворять требованию, что оно содержит в себе сжатый смысл, — этот смысл должен находиться в тесной связи с моим возникшим в бодрствовании намерением дать профессору Н. вышеупомянутое удовлетворение.

Автодидаскер легко разлагается на *автор, автодидакт* и *Ласкер*, к которому добавляется имя *Лассаль*[1]. Первые два сло-

[1] [Фердинанд Лассаль, основатель социал-демократического движения в Германии, родился в 1825 году в Бреславле и умер в 1864-м. Эдуард Ласкер (1829–1884) родился в Ярочине под Бреславлем, являлся одним из основателей немецкой национал-либеральной партии. Оба по происхождению были евреями.]

ва ведут к — важному на этот раз — поводу к сновидению. Я принес жене несколько томов известного автора, с которым дружен мой брат и который, как я узнал, родился в том же городе, что и я (Й. Й. Давид). Однажды вечером она со мною говорила о глубоком впечатлении, которое произвела на нее захватывающая печальная история о загубленном таланте в одной из новелл Давида, а затем наш разговор перешел к признакам дарований, которые мы обнаруживаем у наших собственных детей. Под впечатлением прочитанного она высказала опасение, относившееся к нашим детям, и я утешил ее замечанием, что как раз такие опасности могут быть устранены воспитанием. Ночью ход моих мыслей продолжился, они включили в себя озабоченность моей жены и связались с разного рода другими вещами. Высказывание, которое сделал писатель моему брату по поводу женитьбы, направило мои мысли по другому пути, сумевшему привести к ситуации в сновидении. Путь этот вел в Бреславль, где вышла замуж одна хорошо нам знакомая дама. Для опасения погибнуть из-за женщины, составлявшего ядро моих мыслей сновидения, я нашел в Бреславле примеры Ласкера и Лассаля, которые вместе с тем позволили мне изобразить два вида этого пагубного влияния[1]. Идея *«cherchez la femme»*, в которой можно обобщить эти мысли, в другом значении приводит меня к моему пока еще неженатому брату, которого зовут Александр. Я замечаю, что *Алекс*, как мы его сокращенно зовем, звучит чуть ли не как перестановка слова *Ласкер* и что этот момент, наверное, повлиял на то, что мои мысли пошли окольным путем через Бреславль.

Игра именами и слогами, которой я здесь занимаюсь, имеет, однако, еще и более глубокий смысл. Она выдает желание счастливой семейной жизни для моего брата, причем следующим образом. В художественном романе «L'oeuvre», который по содержанию, по-видимому, близок моим мыслям в сновидении, писатель, как известно, эпизодически изображал самого себя и свое собственное семейное счастье, и он фигурирует в нем под именем *Сандо*. Вероятно, придумывая это имя, он поступил следующим образом: если прочесть *Золя* (Zola) наоборот (как это любят делать дети), то получится *Алоз* (Aloz). Но это, наверное, показалось ему слишком прозрачным, поэтому он заме-

---

[1] Ласкер умер от прогрессивного паралича, то есть последствий приобретенной от женщины инфекции (люэса); Лассаль, как известно, погиб на дуэли из-за одной дамы.

нил первый слог «ал», которым начинается также имя Александр, третьим слогом того же имени *«санд»*, и получилось *Сандо* (*Sandoz*). Точно так же возник и мой *автодидаскер*.

Моя фантазия, будто я рассказываю профессору Н., что обследованный нами больной страдает только неврозом, попала в сновидение следующим образом. Незадолго перед концом моего рабочего года у меня появился пациент, которому я не мог поставить диагноз. Можно было предположить — но не доказать — тяжелый органический недуг, вероятно, даже изменение в спинном мозге. Было бы заманчиво диагностировать невроз и тем самым положить конец всем затруднениям, если бы больной так энергично не отрицал какой-либо сексуальный анамнез, без которого наличие невроза я признать не могу. Попав в затруднительное положение, я призвал на помощь врача, который по-человечески вызывает у меня (как и у других) огромное уважение и перед авторитетом которого я охотно склоняюсь. Он выслушал мои сомнения, счел их оправданными, а затем сказал: «Продолжайте наблюдать за мужчиной, это будет невроз». Поскольку я знаю, что моих взглядов на этиологию неврозов он не разделяет, я не стал ему возражать, но не скрыл своего недоверия. Несколько дней спустя я заявил больному, что не знаю, как с ним поступать, и посоветовал ему обратиться к другому врачу. И тут, к моему глубокому удивлению, он стал просить меня о прощении за то, что меня обманул; ему было очень стыдно, и он раскрыл мне часть сексуальной этиологии, которую я ожидал и которая была мне необходима, чтобы выдвинуть предположение о неврозе. Это было для меня облегчением, но вместе с тем и вызвало чувство стыда; я должен был признаться себе, что мой врач-консультант, не дав себя сбить с толку анамнезом, увидел картину более правильно. Я решил ему это сказать, когда с ним снова увижусь, сказать ему, что он был прав, а я заблуждался.

Именно это я и делаю в сновидении. Но что же это за исполнение желания, если я признаюсь, что неправ? Именно это и есть мое желание; мне хочется оказаться неправым в своих опасениях, точнее говоря, мне хочется, чтобы моя жена, опасения которой я включил в мысли своего сновидения, оказалась неправой. Тема, к которой относится правота и неправота в сновидении, не так далека от того, что действительно интересно для мыслей сновидения. Это та же самая альтернатива органического или функционального ущерба, понесенного из-за женщины,

собственно говоря, из-за половой жизни: паралич вследствие сухотки спинного мозга или невроз, к которому легко можно свести гибель Лассаля.

Профессор Н. играет в этом цельном (и при тщательном толковании совершенно прозрачном) сновидении определенную роль не только из-за этой аналогии, но и из-за моего желания оказаться неправым, а также не только из-за его отношений с Бреславлем и с семьей нашей вышедшей там замуж приятельницы, но и из-за небольшого разговора, произошедшего после упомянутой консультации. Завершив врачебную задачу высказанным предположением, его интерес обратился к личным темам. «Сколько же теперь у вас детей?» — «Шесть». — Жест уважения и озабоченности. «Мальчики, девочки?» — «Три и три, это моя гордость и все мое богатство». — «Ну, учтите, с девочками все просто, а вот мальчики доставляют потом трудности в воспитании». Я возразил, что до сих пор они оставались у меня очень послушными; очевидно, этот второй диагноз относительно будущего моих сыновей понравился мне столь же мало, как и первый, что у моего пациента всего лишь невроз. Следовательно, оба этих впечатления связаны между собой смежностью, временной близостью переживаний, и если я включаю в сновидение историю о неврозе, то заменяю ею разговор о воспитании, обнаруживающий еще большую связь с мыслями сновидения, поскольку он так близко соприкасается с высказанными позднее опасениями моей жены. Таким образом, сам мой страх, что Н. со своими замечаниями о трудностях воспитания мальчиков может оказаться прав, включается в содержание сновидения, скрываясь за изображения моего желания, чтобы я оказался неправ в таких опасениях. Эта же фантазия в неизменном виде служит изображению обеих противоположных сторон альтернативы.

VI

Марциновски [1911][1]: «Сегодня рано утром, находясь между сном и бодрствованием, я пережил очень забавное сгущение слов. Перебирая едва сохранившиеся в памяти отрывки сновидения, я

[1] [Этот абзац был добавлен в 1914 году.]

натолкнулся на одно слово, которое я видел перед собой как будто наполовину написанным, а наполовину напечатанным. Это слово — *"erzefilisch"* и относится к предложению, которое безо всякой взаимосвязи совершенно изолированно всплыло в моей сознательной памяти; оно звучит: *"Это действует erzefilisch на половое чувство"*. Мне сразу же стало понятно, что, собственно говоря, оно должно означать "erzieherisch" [воспитательный, педагогический], я также всерьез задумался, не было ли там на самом деле написано "erzifilisch". При этом мне на ум пришло слово "сифилис", и я стал ломать себе голову, начав анализировать еще в полусне, каким образом оно попало в мое сновидение, так как ни лично, ни по профессии у меня не было каких-либо точек соприкосновения с этой болезнью. Затем мне пришло в голову слово "erzehlerisch", объясняющее "е" и в то же время объясняющее, что вчера вечером наша "воспитательница" завела со мной разговор о проблеме проституции. При этом я действительно дал ей, чтобы "педагогически" повлиять на ее не совсем нормально развитую эмоциональную жизнь, книгу Гессе «О проституции», после того как я с разных сторон рассказал ей об этой проблеме. И тут мне вдруг стало понятно, что слово "сифилис" следует понимать не в буквальном смысле, а как яд в отношении, разумеется, к половой жизни. Таким образом, в переводе предложение звучит совершенно логично: "Своим *рассказом* [Erzählung] я хотел *педагогически* [erzieherisch] повлиять на эмоциональную жизнь моей *воспитательницы* [Erzieherin], но опасаюсь, что в то же время это может подействовать *отравляюще* [vergiftend]". *Erzefilisch* = erzäh — (erzieh —) (erzefilisch)».

Искажения слов в сновидении во многом похожи на такие же искажения при паранойе, которые, однако, встречаются также при истерии и навязчивых представлениях. Речевые умения детей[1], которые в определенные периоды относятся к словам, как к объектам, а также изобретают новые языки и искусственные словосочетания, являются здесь общим источником как для сновидения, так и для психоневрозов.

Анализ бессмысленных словообразований в сновидении[2] особенно пригоден для того, чтобы показать работу сгущения. Из

[1] [См. главу IV книги Фрейда об остроумии (*Studienausgabe*, т. 4, с. 113, 118–119).]

[2] [Этот абзац был добавлен в 1919 году.]

использованной здесь небольшой подборки примеров нельзя делать вывод, что такой материал наблюдается редко или вообще только как исключение. Скорее он встречается очень часто, но зависимость толкования сновидений от психоаналитического лечения является причиной того, что отмечаются и сообщаются только немногочисленные примеры, а приведенные анализы в основном понятны лишь человеку, разбирающемуся в патологии неврозов. Таковым, к примеру, является сновидение доктора фон Карпинской (Karpinska, 1914), содержащее бессмысленное словообразование *«Svingnum elvi»*. Следует упомянуть также случай, когда в сновидении появляется слово, которое само по себе имеет смысл, но, отчуждаясь от своего значения, объединяет в себе другие разные значения, по отношению к которым оно ведет себя как «бессмысленное» слово. Так происходит в сновидении о «категории» десятилетнего мальчика, о котором сообщает В. Тауск (Tausk, 1913). *«Категория»* означает здесь женские гениталии, и *«категорировать»* — то же самое, что уринировать.

Если в сновидении изображается разговор, как таковой разительно отличающийся от мыслей, то здесь действует не имеющее исключений правило, согласно которому разговор в сновидении проистекает от воспоминания о разговоре в материале сна. Дословный текст разговора либо сохраняется в целости, либо претерпевает незначительное изменение; часто бывает, что разговор в сновидении составлен из разных воспоминаний о разговорах; при этом дословный текст сохраняется, а смысл меняется — становится иным или допускает разные толкования. Разговор в сновидении нередко служит простым намеком на событие, во время которого произошел разговор, всплывший в памяти[1].

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* У одного молодого человека, страдающего навязчивыми представлениями, с сохранеными, впрочем, и высокоразвитыми интеллектуальными функциями, я недавно встретил исключение из этого правила. Разговоры, происходившие в его снах, не проистекали от услышанных или им самим ведшихся бесед, а соответствовали неискаженному дословному тексту его навязчивых мыслей, которые в бодрствовании попадали в его сознание лишь в измененном виде. [Речь здесь идет о «Раттенманне», пациенте, описанном Фрейдом в «Заметках об одном случае невроза навязчивости»; там же примерно в начале раздела II (А) имеется и соответствующая ссылка (Freud, 1909*d*; *Studienausgabe*, т. 7, с. 85, прим. 1). — Вопрос о разговоре в сновидении намного подробнее обсуждается ниже, на с. 423 и далее.]

Б
Работа смещения

Другое, вероятно, не менее важное обстоятельство должно было броситься нам в глаза, когда мы собирали примеры процесса сгущения в сновидении. Мы могли заметить, что элементы, которые в содержании сновидения выступают в качестве его существенных составных частей, отнюдь не играют той же роли в мыслях сновидения. В дополнение к этому можно сказать и обратное. То, что в мыслях сновидения, по-видимому, является существенным содержанием, совсем не обязательно будет представлено в сновидении. Сновидение, так сказать, *центрировано иначе,* его содержание сосредоточено вокруг других элементов, нежели мысли сновидения. Так, например, в сновидении о монографии по ботанике [с. 185 и далее] средоточием сновидения, очевидно, является элемент «ботаника»; в мыслях сновидения речь идет о сложностях и конфликтах, которые возникают из-за обязывающих отношений между коллегами, а затем об упреке в том, что я слишком многим жертвую ради своих увлечений, элемент «ботаника» вообще не находит места в этом центральном пункте мыслей сновидения. Разве что он только связан с ним через противоположность, ибо ботаника никогда не относилась к моим любимым предметам. В *сновидении «Сафо»* моего пациента [с. 295 и далее] средоточием являются *подъем* и *схождение, быть наверху* и *быть внизу*; в сновидении же речь идет об опасностях сексуальных отношений с лицами, более *низкими* по своему положению, так что в содержание сновидения вошел лишь один из элементов мыслей сновидения, причем неимоверно расширившийся. Точно так же обстоит дело в сновидении о майских жуках [с. 299 и далее], тема которого — отношения сексуальности и жестокости. Хотя момент жестокости вновь проявился в сновидении, но в совершенно иной взаимосвязи и без упоминания о сексуальности, то есть он оказался вырванным из контекста и в результате преобразованным в нечто постороннее. В сновидении о дяде [с. 155 и далее] светлая борода, образующая его центр, казалось бы, не имеет никакого отношения к фантазиям о величии, которые мы выявили в качестве ядра мыслей сновидения. Подобные сновидения производят вполне обоснованное впечатление *«смещенных».* В противоположность этим примерам сон об инъекции

Ирме [с. 125 и далее] показывает, что при образовании сновидения отдельные элементы могут также сохранять за собой то место, которое они занимают в мыслях сновидения. Ознакомление с этим новым, в некотором смысле непостоянным отношением между мыслями и содержанием сновидения вначале вполне может вызвать у нас удивление. Когда в случае какого-либо психического процесса в обычной жизни мы обнаруживаем, что одно представление оказалось вырванным из многих других и приобрело для сознания особую живость, то обычно мы рассматриваем такой результат как доказательство того, что побеждающее представление приобретает особенно высокую психическую ценность (определенной степени интерес). Но нам известно, что при образовании сновидения эта ценность отдельных элементов в мыслях сновидения не сохраняется или не учитывается. Нет никаких сомнений в том, какие элементы мыслей сновидения наиболее ценны; наше суждение говорит это нам непосредственно. При образовании сновидения с этими важными, имеющими большой интерес элементами обращаются так, словно они несущественны, и вместо них в сновидении появляются другие элементы, которые в мыслях сновидения, безусловно, были несущественными. Вначале это создает впечатление, что при выборе сновидения психическая интенсивность[1] отдельных представлений вообще не учитывается, а значение имеет лишь более или менее многосторонняя их детерминация. Можно было бы сказать так: в сновидение попадает не то, что важно в мыслях сновидения, а то, что содержится в них многократно; однако такое предположение мало чем помогает понять образование сновидения, ибо мы не вправе считать заранее, что при выборе материала для сновидения оба момента — множественная детерминация и собственная ценность — могут действовать не согласованно, а как-нибудь по-другому. Те представления, которые наиболее важны в мыслях сновидения, будут, пожалуй, и чаще всего в них повторяться, поскольку от них — как центральных пунктов — распространяются отдельные мысли. И все же сновидение может отвергнуть эти интенсивно подчеркнутые и подкрепленные с разных сторон элементы и включить в свое содержание другие элементы, обладающие только последним свойством.

---

[1] Психическую интенсивность, ценность, интерес представления, разумеется, следует отделять от чувственной интенсивности, интенсивности того, что представлено.

Для разрешения этой проблемы мы обратимся к другому впечатлению, полученному нами при исследовании [в предыдущем разделе] сверхдетерминации содержания сновидения. Возможно, иной читатель уже решил для себя, что сверхдетерминация элементов сновидения не представляет собой никакого важного открытия, потому что это и так само собой разумеется. Ведь при анализе мы исходим из элементов сновидения и записываем все мысли, которые с ними связаны; поэтому неудивительно, что в полученном таким способом материале мыслей особенно часто обнаруживаются именно эти элементы. Я мог бы отвергнуть это возражение, однако сам выскажу нечто похожее на него: среди мыслей, выявляемых анализом, имеется много таких, которые находятся далеко от ядра сновидения и кажутся искусственными включениями, сделанными с определенной целью. Понять их цель не составляет труда; именно они устанавливают связь, зачастую вычурную и неестественную, между содержанием и мыслями сновидения, и если бы эти элементы были устранены из анализа, то во многих случаях составные части сновидения были бы лишены не только сверхдетерминации, но и вообще удовлетворительной детерминации мыслями сновидения. Таким образом, это приводит нас к выводу, что множественная детерминация, определяющая выбор сновидения, не всегда является первичным моментом образования сновидения, а зачастую представляет собой вторичный результат действия некой пока нам еще неведомой психической силы. При всем при том она важна для попадания отдельных элементов в сновидение, ибо мы можем наблюдать, что она создается с определенными издержками там, где не может возникнуть без посторонней помощи из материала сновидения.

Напрашивается мысль, что в работе сновидения проявляется психическая сила, которая, с одной стороны, лишает интенсивности психически ценные элементы, а с другой стороны, *путем сверхдетерминации* создает из малоценных элементов новые ценности, которые затем попадают в содержание сновидения. Если дело обстоит именно так, то это значит, что при образовании сновидения произошли *перенос и смещение психических интенсивностей* отдельных элементов, последствием которых и является текстовое различие между содержанием и мыслями сновидения. Предполагаемый нами процесс представляет собой важнейшую часть работы сновидения: он заслуживает того, чтобы быть названным *смещением в сновиде-*

нии. Смещение и сгущение в сновидении являются двумя «мастерами», деятельности которых мы можем в первую очередь приписать образование сновидения.

Я думаю, нам также не составит труда распознать психическую силу, которая проявляется в феноменах смещения в сновидении. Результат такого смещения заключается в том, что содержание сновидения больше уже не совпадает с мыслями сновидения, что сновидение воспроизводит лишь искажение бессознательного желания. Однако искажение в сновидении нам уже знакомо; мы объяснили его цензурой, которую одна психическая инстанция в мыслительной жизни осуществляет по отношению к другой. [Ср. с. 159 и далее.] Смещение в сновидении — это одно из основных средств достижения такого искажения. *Is fecit, cui profuit*[1]. Мы можем предположить, что смещение в сновидении происходит под влиянием такой цензуры, эндопсихической защиты[2].

---

[1] [Древнее основное юридическое правило: «Ищи того, кому это выгодно».]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* Так как сведение искажения в сновидении к влиянию цензуры я могу назвать главным моментом в моем понимании сновидений, я приведу здесь последнюю часть рассказа «Сон и бодрствование» из книги «Линкеуса» «Фантазии реалиста» (Вена, 2-е изд., 1900 [1-е изд., 1899]), в котором я вновь обнаруживаю эту главную особенность своей теории. [См. выше дополнение, сделанное в 1909 году, в главе I, с. 113; см. также Freud, 1923*f* и 1932*c*.]:

«О человеке, обладающем странным свойством никогда не видеть во сне бессмыслицу...»

«Твое замечательное свойство грезить во сне, как наяву, покоится на твоих добродетелях, твоей доброте, твоей справедливости, твоей любви к истине; именно моральная чистота твоей души делает мне все в тебе понятным».

«Но если я правильно понимаю, — возразил другой, — все люди такие же, как и я, и никому никогда не снится бессмыслица! Сновидение, о котором отчетливо вспоминаешь, которое можно потом рассказать, которое, стало быть, не является горячечным бредом, *всегда* имеет смысл, и не может быть иначе! Ибо то, что противоречит друг другу, вообще нельзя сгруппировать в единое целое. То, что пространство и время во сне часто смешиваются, ничуть не вредят его истинному содержанию, ибо то и другое не имеют для него никакого значения. Мы и в бодрствовании часто делаем это же; вспомни про сказки, про многие смелые и полные смысла фантазии, о которых только невежественный человек мог бы сказать: «Какой абсурд! Ведь это же невозможно!»

«Эх, если бы только уметь всегда правильно толковать сновидения — так, как ты только что это сделал!» — сказал приятель.

Каким образом согласуются между собой моменты смещения, сгущения и сверхдетерминации при образовании сновидения, какой из этих факторов играет главную, а какой второстепенную роль, мы это оставим для дальнейших исследований. [См., например, с. 412 и далее.] Пока же в качестве второго условия, которому должны удовлетворять элементы, попадающие в сновидение, мы можем сказать, *что они избавлены от сопротивления со стороны цензуры*[1]. Но отныне при толковании сновидений мы будем учитывать смещение в сновидении в качестве несомненного факта.

«Конечно, это дело непростое, но при некотором внимании самому грезящему это почти всегда должно удаваться. Почему чаще всего это не удается? Похоже, в ваших сновидениях есть нечто скрытое, нечто порочное, некая таинственность в нашей душе, которую трудно понять; потому-то так часто ваши сновидения кажутся лишенными смысла и даже противоречащими ему. Но в сущности это отнюдь не так; более того, это вообще не может быть так, ибо бодрствует человек или грезит, он всегда остается тем же».

[1] [В качестве первого условия указывалась сверхдетерминация. (См. с. 316.)]

В
Изобразительные средства сновидения

Помимо обоих моментов — *сгущения* и *смещения* в сновидении, действенность которых мы обнаружили при превращении скрытого материала мыслей в явное содержание сновидения, при продолжении этого исследования мы встретим еще два условия, оказывающие несомненное влияние на выбор материала, попадающего в сновидение. Но вначале я бы хотел, даже рискуя тем, что это покажется остановкой на нашем пути, бросить взгляд на процессы, происходящие при толковании сновидений. Я не скрываю того, что проще всего было бы их объяснить и защитить их достоверность от возражений, если бы я взял за образец отдельное сновидение, дал его толкование, как это сделано мной в разделе (главе) II со сновидением об инъекции Ирме, затем сопоставил бы выявленные мысли сновидения и реконструировал из них образование сновидения, то есть дополнил бы анализ сновидений их синтезом. Эту работу — к собственной пользе — я проделал на нескольких примерах; но я не могу здесь к ней обратиться, поскольку этому препятствуют разного рода соображения, легко понятные любому вдумчивому читателю. При анализе сновидений эти соображения мешали не столь сильно, ибо анализ мог быть неполным и сохранял свою ценность, если ему удавалось хотя бы чуть-чуть проникнуть в ткань сновидения. Что касается синтеза, то, на мой взгляд, для того, чтобы быть убедительным, он должен быть полным. Полный синтез я мог бы дать лишь относительно сновидений тех людей, которые незнакомы читающей публике. Поскольку же средство для этого мне предоставляют лишь пациенты, невротики, то эту часть описания сновидения я должен отложить до тех пор, пока не смогу — в другом месте — продвинуться в психологическом объяснении неврозов настолько далеко, что можно будет связать их с нашей темой[1].

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* С того времени полный анализ и синтез двух сновидений я привел во «Фрагменте анализа одного случая истерии», 1905[e (разделы II и III)]. [См. также синтез сновидения «Вольфсманна» в разделе IV работы Фрейда «Из истории одного детского невроза» (1918*a*). — *Дополнение, сделанное в 1914 году:*] Наиболее полным истолкованием одного продолжительного сновидения нужно признать анализ О. Ранка в работе «Сон, истолковывающий сам себя» [Rank, 1910].

Из моих попыток синтетически создать сновидения из мыслей сновидения мне известно, что материал, получаемый при толковании, имеет различную ценность. Одну их часть составляют важные мысли сновидения, которые, стало быть, могли бы полностью заменить собой сновидение и которых было бы достаточно для такой замены, если бы не существовало цензуры. Другой части принято приписывать несущественную ценность. Не придается никакого значения и утверждению, что все эти мысли участвовали в образовании сновидения [см. с. 283 и 509]; скорее, среди них могут обнаружиться мысли, которые связываются с переживаниями, появившимися после сна, между временными точками сновидения и толкования. Эта часть охватывает все связующие пути, приведшие от явного содержания сновидения к его скрытым мыслям, а также опосредствующие и приближающие ассоциации, благодаря которым в ходе работы по толкованию мы получили знание об этих связующих путях[1].

Сейчас нас интересуют исключительно важные мысли сновидения. Большей частью они раскрываются в виде комплекса мыслей и воспоминаний самого запутанного построения со всеми особенностями мышления, известными нам из бодрствования. Нередко эти мысли исходят из более чем одного центра, но не лишены точек соприкосновения; почти всегда возле одного ряда мыслей находится ему противоположный, который связан с ним по ассоциации по контрасту.

Разумеется, отдельные части этого сложного образования находятся в самых разнообразных логических отношениях друг с другом. Они образуют передний и задний планы, отступления и объяснения, условия, доказательства и возражения. Когда вся масса этих мыслей подвергается прессованию в работе сновидения, причем отдельные части переворачиваются, раздробляются и сдвигаются, словно дрейфующий лед, возникает вопрос, что же происходит с логическими связями, которые дотоле образовывали структуру. Как же изображаются в сновидении эти «если», «потому что», «подобно тому, как», «хотя», «либо — либо» и все остальные предлоги[2], без которых мы не можем представить себе речи и предложений?

---

[1] [Последние три предложения (начиная со слов «Другой части») в своей окончательной форме появились в 1919 году.]

[2] [Здесь и ниже Фрейд имеет в виду союзы.]

Прежде всего на это нужно ответить, что сновидение не имеет в своем распоряжении средств для изображения таких логических связей между мыслями сновидения. Большей частью оно оставляет без внимания все эти предлоги и подвергает переработке лишь объективное содержание мыслей сновидения[1]. На долю толкования и выпадает восстановление связи, которую уничтожила работа сновидения.

Отсутствие у сновидения способности к выражению этой связи объясняется, по всей видимости, самим психическим материалом, с которым оно работает. В таких же ограничительных рамках находятся и изобразительные искусства, живопись и скульптура, в сравнении с поэзией, которая может прибегнуть к речи; и здесь тоже причина такой неспособности заключается в материале, посредством обработки которого оба искусства стремятся что-либо выразить. Прежде чем живопись пришла к пониманию своих законов, она старалась исправить этот недостаток. На древних портретах возле уст изображенных людей на листке писались слова, которые отчаялся передать в образе художник.

Возможно, мне здесь возразят, оспаривая отказ сновидения от изображения логических связей. Ведь существуют сновидения, в которых совершаются самые сложные умственные операции, приводятся доводы и контрдоводы, имеются шутки и сравнения, как в бодрствующем мышлении. Но и здесь тоже это всего лишь видимость; если подвергнуть такие сны толкованию, то мы увидим, что все это — *материал сновидения, а не изображение интеллектуальной работы во сне*. Здесь мнимое мышление передает *содержание* мыслей сновидения, а не *отношение этих мыслей друг к другу,* в установлении которого и состоит мышление. Я еще приведу примеры этому. [С. 444 и далее.] Но проще всего констатировать, что все разговоры, которые происходят в сновидениях и которые безо всяких сомнений таковыми можно назвать, представляют собой точные или слегка измененные копии разговоров, сохранившихся в воспоминаниях материала сновидения. Разговор — это зачастую всего лишь намек на событие, содержащееся в мыслях сновидения; смысл сновидения совершенно иной. [Ср. с. 423 и далее.]

Однако я не буду оспаривать того, что в образовании сновидения принимает участие также и критическая мыслительная

---

[1] [Ниже, на с. 435, прим., это утверждение уточняется.]

работа, которая не просто повторяет материал, относящийся к мыслям сновидения. Влияние этого фактора я проясню в конце нашего обсуждения. Тогда станет понятным, что эта мыслительная работа вызывается не мыслями сновидения, а самим, в известном смысле уже готовым сновидением. [См. последний раздел этой главы (с. 491).]

Пока же мы остановимся на том, что логические отношения между мыслями сновидения не находят во сне особого выражения. Если, например, в сновидении обнаруживается противоречие, то это будет либо противоречием самому сновидению, либо противоречием в содержании одной из мыслей сновидения; противоречию *между* мыслями сновидения соответствует противоречие в сновидении, передаваемое лишь самым косвенным образом.

Но подобно тому, как в живописи в конце концов удалось прийти к выражению речи изображенных людей, нежности, угрозы, предостережения и т. п. не иначе, как с помощью развевающегося листка, так и для сновидения нашлась возможность выражать отдельные логические отношения между своими мыслями посредством соответствующей модификации изображения. Мы можем наблюдать, что разные сновидения ведут себя при этом по-разному; если одно сновидение совершенно игнорирует логическую структуру своего материала, то другое пытается как можно полнее ее передать. В таком случае сновидение в большей или меньшей степени отходит от предлагаемого ему для переработки текста. Впрочем, аналогичным образом сновидение поступает и с *временной* связью мыслей, если такая связь создается в бессознательном (как, например, в сновидении об инъекции Ирме [с. 125 и далее]).

Однако с помощью каких средств работа сновидения способна обозначить трудно представимые отношения в материале сна? Я попытаюсь перечислить их по отдельности.

Прежде всего, сновидение учитывает несомненно имеющуюся связь между всеми частями содержащихся в нем мыслей, объединяя этот материал в единое целое в виде ситуации или события. *Логическую взаимосвязь* оно передает как *одновременность*; при этом оно поступает словно художник, который объединяет, например, всех философов или поэтов в образе школы в Афинах или Парнаса. Хотя они никогда не собирались в одном зале или не были вместе на вершине горы, при вдумчивом рассмотрении они образуют сообщество[1].

[1] [Фрески Рафаэля в Ватикане.]

Этим же способом изображения пользуется сновидение. Если оно изображает два элемента рядом друг с другом, то, значит, оно ручается за особенно тесную связь между соответствующими элементами в мыслях сновидения. Это похоже на нашу систему письма: *аб* означает, что обе буквы должны произноситься в один слог, *а* и *б* с пробелом позволяют нам распознать *а* как последнюю букву одного слова, а *б* — как первую букву другого[1]. Следовательно, комбинации сновидения образуются не из каких угодно, совершенно раздельных составных частей материала, а из таких, которые находятся в тесной связи друг с другом также и в мыслях сновидения.

Для изображения *причинных отношений* у сновидения есть два способа, которые, в сущности, сводятся к одному и тому же. Более часто встречающийся способ изображения, когда мысли сновидения можно представить примерно так: раз было так-то и так-то, то, значит, должно было случиться то-то и то-то, заключается в том, что второстепенное предложение изображается в виде предварительного сновидения, а затем главное предложение — в виде основного сна. Если я правильно толковал, последовательность может быть и обратной, но главному предложению всегда соответствует более широко развернутая часть сновидения.

Прекрасный пример такого изображения причинной связи однажды представила мне одна пациентка, сновидение которой я впоследствии приведу полностью [с. 355 и далее; см. также с. 327–328 и с. 333]. Оно состояло из небольшого вступления и очень длительной главной части, которая центрировалась на одной теме и могла бы быть озаглавлена «С помощью цветов». Предварительный сон был таким. *Она идет на кухню к двум служанкам и бранит их за то, что они не могут приготовить «самую малость еды». При этом она видит в кухне множество грубой посуды, перевернутой для того, чтобы стекали капли, и сваленной в кучу друг на друга. Обе слу-*

[1] [Сравнение, к которому любил обращаться Фрейд. Он использует его выше, на с. 259, и еще раз в середине раздела I в истории болезни «Доры» (1905*c*. *Studienausgabe*, т. 6, с. 115). Возможно, оно было заимствовано из стихотворения Гёте «Schwer in Waldes Busch», в котором тоже присутствует этот образ.]

жанки идут за водой, при этом они должны зайти в реку, протекающую рядом с домом или двором.

За этим следует главное сновидение, которое начинается так. *Она спускается сверху, перелезая через своеобразные парапеты, и рада тому, что нигде при этом не цепляется платьем* и т. д. Предварительное сновидение относится к родительскому дому женщины. Слова в кухне она довольно часто слышала от своей матери. Груды грубой посуды относятся к обычной посудной лавке, которая находилась в их доме. Вторая часть сновидения содержит намек на отца, который часто волочился за служанками, а затем во время наводнения — дом стоял на берегу реки — простудился и умер. Стало быть, мысль, скрывающаяся за этим вступлением, гласит: «Поскольку я родилась в этом доме, в обстановке мелочности и безотрадности». Главное сновидение подхватывает эту же мысль и придает ей измененную исполнением желания форму: «Я высокого происхождения». Таким образом, получается: «Поскольку я низкого происхождения, моя жизнь сложилась так-то и так-то».

Насколько я знаю, разделение сновидения на две неравные части не всегда означает причинную связь между мыслями обеих частей. Часто кажется, будто в обоих сновидениях изображается один и тот же материал, но с разных точек зрения; несомненно[1], это относится к заканчивающейся поллюцией серии сновидений, в которой соматическая потребность требует все более ясного выражения. Или же оба сновидения проистекают из отдельных центров материала сновидения и пересекаются друг с другом в содержании, а потому в одном сновидении центром является то, что в другом служит лишь косвенным указанием, и наоборот. Однако в ряде сновидений разделение на более короткое предварительное и более продолжительное главное сновидение фактически означает причинную связь между обеими частями. Другой способ изображения причинных связей используется при менее обширном материале, и он заключается в том, что один образ в сновидении — будь то человек или предмет — превращается в другой. Только там, где мы видим в сновиде-

[1] [Вторая половина этого предложения была добавлена в 1914 году. Этот вопрос снова упоминается на с. 343 и более подробно рассматривается на с. 409. Общая тема сновидений, снящихся в течение одной ночи, обсуждается на с. 342–343.]

нии, что происходит подобное превращение, мы можем всерьез говорить о наличии причинной взаимосвязи, но не там, где мы просто замечаем, что на смену одному теперь пришло другое. Я уже говорил, что оба способа изображения причинной связи сводятся к одному и тому же; в обоих случаях *причинная связь* изображается через *последовательность*: в одном случае через следование друг за другом сновидений, в другом случае — через непосредственное превращение одного образа в другой. Однако в большинстве случаев причинная связь вообще не изображается, а заменяется неизбежной также и в сновидении последовательностью элементов.

Альтернативу «либо — либо» сновидение вообще не способно выразить; обычно оно включает ее звенья во взаимосвязь в качестве равноценных элементов. Классическим примером этого служит сновидение об инъекции Ирме. Его скрытые мысли, очевидно, гласят [см. с. 138]: «Я не виновен в том, что у Ирмы сохраняются боли; в этом повинно *либо* то, что она противится принятию решения, *либо* то, что она находится в неблагоприятных сексуальных условиях, которые я не могу изменить, *либо* ее боли вообще имеют не истерическую, а органическую природу». Сновидение осуществляет, однако, все эти чуть ли не исключающие друг друга возможности, и ничто не мешает тому, чтобы оно добавило еще и четвертое такое решение. Альтернативу «либо — либо» я включил во взаимосвязь мыслей сновидения лишь после его истолкования.

Но если рассказчик, сообщая о сновидении, хочет употребить союзные слова «либо — либо»: «Это был либо сад, либо комната», — то в мыслях сновидения содержится не альтернатива, а союз «и», простое присоединение. С помощью «либо — либо» чаще всего мы описываем расплывчатый характер какого-либо элемента сновидения, который пока еще можно определить. В этом случае правило толкования гласит: отдельные части мнимой альтернативы следует сопоставить друг с другом и связать при помощи союза «и». Например, мне снится: после того как я напрасно долгое время надеялся узнать адрес находящегося в Италии друга, я получаю телеграмму, сообщающую мне этот адрес. Я вижу его отпечатанным голубым цветом на бумажной ленте телеграммы; первое слово не ясно:

то ли *via*, или *Villa*,

второе отчетливо: *Sezerno* или даже *(Casa)*.

Второе слово, похожее по созвучию на итальянское имя и напоминающее мне о наших этимологических спорах, выражает также мою досаду на то, что он так долго *скрывал* от меня свое местопребывание; однако каждое из звеньев, относящихся к первому слову, при анализе предстает в качестве самостоятельного и равноправного исходного пункта цепочки мыслей.

Ночью, накануне похорон моего отца, мне приснились печатная табличка, плакат или небольшая афиша, похожая на объявления в залах ожидания на вокзалах о запрещении курить, — на которой можно прочесть либо:

Просьба закрыть глаза,

либо:

Просьба закрыть глаз.

Каждая из этих надписей имеет свой особый смысл и при толковании сновидения ведет своим особым путем. Я выбрал как можно более скромную церемонию, потому что знал, как покойный относился к подобным мероприятиям. Другие члены семьи были не согласны с моей пуританской простотой; они считали, что будет стыдно перед гостями, пришедшими на похороны. Отсюда просьба в сновидении «закрыть глаза», то есть проявить снисхождение. Значение расплывчатости, которую мы описываем при помощи «либо — либо», понять здесь очень легко. Сновидению не удалось создать целостного, недвусмысленного словесного выражения своих мыслей. Поэтому оба ряда мыслей отделяются друг от друга уже в содержании сновидения[1].

В некоторых случаях разделение сновидения на две равные части выражает альтернативу, которую сложно изобразить.

Чрезвычайно интересно отношение сновидения к категориям *противоположности* и *противоречия*. Ими просто-напросто пренебрегают, как будто слова «нет» для сновидения не существует[2]. Противоположности с особым пристрастием собираются в единое целое или изображаются в чем-то одном. Сновидение позволяет себе даже изображать любой элемент в виде его противоположности, а потому ни про один элемент, способ-

---

[1] [Об этом сновидении Фрейд сообщает в письме Флиссу от 2 ноября 1896 года. (Freud, 1950*a*, письмо №50.) Там, однако, указано, что оно приснилось *после* погребения.]

[2] [Ограничения этого утверждения приводятся на с. 335, 345 и 438.]

ный иметь свою противоположность, вначале не известно, какое качество он имеет в мыслях сновидения — положительное или отрицательное[1]. В одном из вышеупомянутых сновидений, придаточное предложение которого мы уже истолковали («поскольку я такого происхождения» [см. с. 325]), моя пациентка спускается по парапету и при этом держит в руках цветущую ветку. Поскольку по поводу этого образа у нее появляется мысль о том, что на изображениях благовещения девы Марии (саму ее зовут Марией) ангел держит в руке стебель лилии, а также о том, как во время праздника тела Христова девушки, одетые во все белое, идут по улицам, украшенным зелеными ветками, то цветущая ветвь в сновидении, несомненно, является указанием на половую невинность. Но ветка сплошь усажена *красными* цветами, каждый из которых по отдельности напоминает камелию. В конце ее пути — снится ей дальше — почти все цветы опали; затем следуют несомненные намеки на месячные. Таким образом, та же самая ветка, которую словно лилию несет невинная девушка, одновременно служит намеком на *даму с камелиями*, которая, как известно, всегда носила белые камелии, но во время месячных — красные. Эта же цветущая ветвь («девичьи цветы» в песнях мельничихи у Гёте [в «Измене мельничихи»]) изображает половую невинность и в то же время ее противоположность. То же самое сновидение, выражающее радость того, что ей удалось незапятнанно прожить свою жизнь, позволяет обнаружить в отдельных местах (например, в опадении цветов) противоположный ход мыслей: что она допускала (а именно в детстве) различные прегрешения против сексуальной чистоты и невинности. При анализе сновидения мы можем чет-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1911 году:]* Из работы К. Абеля «Противоположный смысл первых слов» (1884) (см. мой реферат, 1910*e*) я узнал об удивительном, подтвержденном также другими языковедами факте, что древнейшие языки ведут себя здесь точно так же, как сновидение. Вначале у них имеется лишь одно слово для обозначения противоположных качеств или действий (сильнослабый, староюный, далекоблизкий, связывать-разделять), а отдельные слова для обозначения обеих противоположностей образуются только вторично путем небольших модификаций общего первичного слова. Абель приводит множество доказательств таких отношений в древнеегипетском языке, но наглядно показывает, что в остаточной форме они сохраняются также в семитских и индогерманских языках. [См. также с. 473.]

ко разделить два ряда мыслей, из которых отрадный расположен на поверхности, а полный упреков — глубже; оба они полностью противоречат друг другу, а их одинаковые, но противоположные элементы нашли свое выражение в одних и тех же элементах сновидения[1].

В полной мере механизм образования сновидения считается лишь с единственной логической связью. Это отношение сходства, согласования соприкосновения, отношение *«подобно тому, как»*, которое в отличие от всех остальных может изображаться в сновидении самыми разными способами[2]. Имеющиеся в материале сновидения покрытия или случаи «подобно тому, как» представляют собой первые опорные точки образования сновидения, и значительная часть работы сновидения заключается в создании новых таких покрытий, если те, что уже имеются, не могут попасть в сновидение из-за сопротивления цензуры. На помощь изображению отношения сходства приходит работа сгущения в сновидении.

Сходство, согласование, общность обычно изображается сновидением через объединение в одно *целое*, которое либо уже имелось в материале сновидения, либо образуется заново. Первый случай мы можем назвать *идентификацией*, второй — *смешанным образованием*. Идентификация используется там, где речь идет о людях; смешанное образование — там, где материалом соединения служат вещи, хотя смешанные образования образуются также и из людей. Зачастую с местностями обходятся так же, как с людьми.

Идентификация заключается в том, что в содержании сновидения изображается только один человек из всех людей, связанных между собой общим сходством, тогда как другой человек или все остальные словно не имеют значения для сновидения. Однако этот человек, замещающий другого, входит в сновидении во все отношения и ситуации, которые касаются его самого или замещаемых людей. В случае смешанного образования, распространяющегося на людей, уже в образе сновидения имеются черты, присущие отдельным людям, но не являющиеся для них общими, а потому в результате объединения этих

---

[1] [Это сновидение полностью приводится ниже, на с. 355 и далее.]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Ср. замечание Аристотеля о способности к толкованию сновидений (см. выше с. 116, прим. 2).

черт возникает новая единица, смешанный персонаж. Само смешение может происходить разными способами. Либо персонаж сновидения имеет имя одного человека — тогда мы каким-то образом, совершенно аналогичным знанию в бодрствовании, знаем, что имеется в виду тот или иной человек, — тогда как внешние черты принадлежат другому; либо сам образ в сновидении складывается из внешних черт, которые на самом деле распределяются между обоими. Вместо этих внешних черт второй человек может быть также представлен приписываемыми ему манерами, словами, которыми его наделяют, или ситуацией, в которую его помещают. В последнем случае строгое различие между идентификацией и образованием смешанного персонажа начинает исчезать[1]. Бывает, однако, и так, что образование такого смешанного персонажа не удается. В таком случае эпизод в сновидении приписывается одному человеку, а другой — как правило, более важный — выступает в роли безучастного зрителя. Сновидец рассказывает, например: «При этом присутствовала и моя мать» (Штекель). Такой элемент содержания сновидения можно сравнить с детерминативом в иероглифическом письме, который предназначен не для высказывания, а для уточнения другого знака.

То общее, что оправдывает объединение двух людей, то есть побуждает к этому, может изображаться в сновидении либо отсутствовать. Как правило, идентификация или образование смешанного персонажа служит как раз тому, чтобы не изображать это общее. Вместо того чтобы повторять: *А* настроен враждебно ко мне, но и *Б* тоже, я образую в сновидении смешанный персонаж, состоящий из *А* и *Б*, или представляю *А*, который ведет себя так, как это характерно для *Б*. Полученный таким образом смешанный персонаж предстает передо мной в сновидении в новой взаимосвязи, а в том обстоятельстве, что он означает как *А*, так и *Б*, я нахожу затем основание включить в соответствующее место толкования сновидения то, что является общим для того и другого, а именно враждебное к себе отношение. Таким способом я часто достигаю необычайного сгущения содержа-

[1] [На тему смешанных персонажей см. также с. 302 и далее. Следующие три предложения были добавлены в 1911 году, последнее предложение абзаца — в 1914-м. По всей видимости, в этом пассаже термин «идентификация» употребляется в другом значении, чем на с. 168–169.]

ния сновидения; я могу избежать непосредственного изображения очень сложных отношений, связанных с человеком, если взамен этого человека я нахожу другого, который имеет такие же притязания на часть этих отношений. Нетрудно понять, в какой мере это изображение при помощи идентификации может также помогать избежать сопротивления со стороны цензуры, ставящей работу сновидения в столь сложные условия. Поводом для цензуры могут быть как раз те представления, которые связаны в материале с данным человеком; тогда я нахожу второго человека, который также имеет отношение к забракованному материалу, но только к части его. Соприкосновение в пункте, не свободном от цензуры, дает мне теперь право образовать смешанный персонаж, характеризующийся в обоих направлениях индифферентными чертами. Этот смешанный или идентифицированный персонаж, будучи уже свободным от цензуры, пригоден для того, чтобы войти в содержание сновидения, а я благодаря использованию сгущения в сновидении удовлетворил требования цензуры.

Там, где в сновидении изображаются общие черты двух людей, это служит обычно указанием на наличие другого скрытого сходства, изображение которого делает невозможным цензура. Здесь в известной степени ради облегчения изображения произошло смещение, касающееся общих черт. Из того, что я вижу во сне смешанный персонаж с индифферентными общими чертами, я должен сделать вывод о наличии в мыслях сновидения других — отнюдь не индифферентных — общих черт.

Следовательно, идентификация или образование смешанного персонажа служит в сновидении разным целям: во-первых, изображению общего между двумя людьми; во-вторых, изображению *смещенного* сходства, а в-третьих, еще и выражению просто *желанного* сходства. Поскольку желание найти общее между двумя людьми часто совпадает с тем, что они *меняются местами*, то и это отношение выражается в сновидении через идентификацию. В сновидении об инъекции Ирме я хочу эту пациентку поменять на другую, то есть я хочу, чтобы другая была моей пациенткой, как ею является первая. Сновидение считается с этим желанием, показывая мне человека, которого зовут Ирмой, но я обследую ее в позиции, которую мне доводилось видеть лишь у других [с. 128–129]. В сновидении о дяде эта замена становится центральным пунктом сновидения; я идентифицирую себя с министром, обходясь со своими коллегами не лучше, чем он [с. 246–247].

Известно — и я не нашел здесь ни одного исключения, — что любое сновидение изображает самого сновидца. Сновидения абсолютно эгоистичны[1]. Если в содержании сновидения присутствует не мое «я», а посторонний человек, то я вполне могу предположить, что посредством идентификации мое «я» скрывается за этим человеком. Я получаю возможность дополнить свое «я». В другом случае, когда мое «я» проявляется в сновидении, ситуация, в которой оно находится, свидетельствует о том, что за моим «я» посредством идентификации скрывается другой человек. Тогда при толковании сновидения я должен помнить о том, что некие черты, присущие этому человеку, скрытое общее, следует перенести на себя. Бывают также сновидения, в которых мое «я» присутствует вместе с другими людьми, которые после раскрытия идентификации опять-таки оказываются моими «я». В таком случае я должен посредством этих идентификаций связать со своим «я» определенные представления, принятию которых воспротивилась цензура. Таким образом, я могу представить во сне свое «я» разными способами: в одних случаях непосредственно, в других — через идентификацию с посторонними людьми. Благодаря многим таким идентификациям можно добиться сгущения необычайно богатого мыслительного материала[2]. То, что собственное «я» появляется в сновидении неоднократно или в разных образах, в сущности, не более странно, чем то, что оно многократно представлено в сознательной мысли, или в разных местах, или в других отношениях, например, во фразе: «Когда *я* думаю о том, каким *я* был здоровым ребенком»[3].

Еще проще, чем в том случае, когда речь идет о людях, удается раскрыть идентификации в случае местностей, названных собственными именами, поскольку здесь нет помех со стороны всесильного в сновидении «я». В одном из моих сновидений о Риме (см. с. 208–210) местность, в которой я нахожусь,

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1925 году:]* Ср. с этим прим. 2 на с. 282.

[2] Если возникает сомнение, за кем из людей, появляющихся в сновидении, следует искать мое «я», я придерживаюсь следующего правила: за человеком, испытывающим в сновидении тот же аффект, который переживается мною во сне, скрывается мое «я».

[3] [Это предложение (начиная со слов «То, что собственное "я"...») было добавлено в 1925 году.]

называется Рим; однако я удивляюсь множеству немецких плакатов на углу улицы. Последнее представляет собой исполнение желания, по поводу которого у меня тут же появляется мысль о Праге; само желание, наверное, проистекает из давно уже пройденного немецко-национального периода юности[1]. В то время, когда мне приснился этот сон, в Праге предстояла встреча с моим другом [Флиссом]; таким образом, идентификация Рима и Праги объясняется желаемым сходством; я бы предпочел встретиться с моим другом в Риме, а не в Праге, для этой встречи Прага и Рим меняются местами.

Возможность создавать смешанные образования определяется прежде всего особенностями, которые так часто придают сновидениям фантастический характер, поскольку благодаря им в содержание сновидения вводятся элементы, которые никогда не могли быть объектами восприятия. Психический процесс при создании смешанных образований в сновидении является, по всей видимости, таким же, как и в случае, когда мы в бодрствовании представляем себе или воображаем кентавра или дракона. Различие заключается только в том, что, когда мы фантазируем в бодрствовании, решающее значение имеет намеренно достигаемое впечатление от самого нового образа, тогда как смешанное образование в сновидении детерминируется моментом, не относящимся к его форме, — тем общим, что имеется в мыслях сновидения. Смешанное образование в сновидении может создаваться самыми разными способами. В наиболее безыскусственном варианте изображаются лишь свойства предмета, и это изображение сопровождается знанием о том, что оно относится и к другому объекту. Более тщательная техника объединяет черты одного и другого объекта в новый образ и при этом умело пользуется, например, реально существующим сходством между двумя объектами. Новое образование может казаться совершенно абсурдным или даже выглядеть фантастическим, в зависимости от того, насколько при составлении композиции этому содействуют материал и юмор. Если объекты, которые необходимо сгустить в единое целое, слишком различны, то работа сновидения нередко довольствуется созданием смешанного образования с более четким ядром, к которому добавляются менее четкие элементы. Объединение в один образ

---

[1] [Ср. «революционный сон», с. 223 и 226.]

здесь словно не удалось; оба изображения перекрывают друг друга и организуют нечто вроде соревнования зрительных образов. Если бы захотелось показать создание понятия из индивидуальных образов восприятия, то можно было бы прийти к аналогичным изображениям в одном рисунке.

Разумеется, сновидения кишмя кишат такими смешанными образованиями; ряд примеров я уже привел в ранее проанализированных сновидениях; здесь я добавлю еще несколько. В сновидении, представленном на с. 324–325 [а также на с. 327–328 и более подробно ниже, на с. 355 и далее], которое описывает жизнь пациентки «с помощью цветов» или «иносказательно», «я» сновидения несет в руках цветущую ветвь, которая, как мы уже узнали, означает одновременно невинность и сексуальное прегрешение. Расположением цветов ветвь напоминает, кроме того, *цветки вишни;* сами цветы, взятые по отдельности, — это *камелии*, причем все в целом производит еще и впечатление *экзотического* растения. Общее в элементах этого смешанного образования становится понятным из мыслей сновидения. Цветущая ветвь состоит из намеков на подарки, которые побуждали ее или должны были побуждать проявлять любезность. Таковы в детстве *вишни*, в последующие годы — *ветка камелии*; *экзотика* — это намек на много путешествовавшего естествоиспытателя, который, подарив ей рисунок с изображением цветка, хотел заслужить ее благосклонность. Другая пациентка создает в сновидении смешанное образование из представлений о кабинках для переодевания на морском курорте, об *уборной* и *мансардах* наших городских домов. Для первых двух элементов общим является отношение к человеческой наготе и раздеванию; из сопоставления с третьим элементом можно заключить, что мансарда (в детстве) тоже была местом раздевания. Сновидец[1] создает смешанную местность из двух помещений, в которых проводится «лечение», — из моей приемной и кафе, где он впервые познакомился со своей женой. Девушке, после того как старший брат обещал угостить ее икрой, снится, что его ноги *покрыты черными икринками.* Элементы «заражения» в моральном смысле и воспоминание о детской *сыпи*, которая покрывает ноги красными, а не черными точечками, соединились здесь с *икринками* в новое понятие, представление о том, *«что*

[1] [Это предложение было добавлено в 1909 году.]

она получила от своего брата». В этом сновидении с частями человеческого тела обходятся как с объектами, как и в остальных сновидениях. В сновидении, приведенном Ференци [1910][1], имелось смешанное образование, которое состояло из персоны *врача* и *лошади* и, кроме того, было одето в *ночную рубашку.* Общее этих трех элементов выявилось в результате анализа, в соответствии с которым ночная рубашка служила намеком на отца сновидицы в одном эпизоде из детства. Во всех трех случаях речь шла об объектах ее полового любопытства. В детстве ее воспитательница часто брала ее с собой на военный конный завод, где она имела возможность вдоволь удовлетворять свое — тогда еще ничем не сдерживаемое — любопытство.

Ранее я утверждал [с. 327], что у сновидения отсутсвуют средства, чтобы выразить отношения противоречия, противоположности, слово «нет». Я попытаюсь впервые опровергнуть это утверждение[2]. Часть случаев, которые можно подытожить как «противоположность», находит свое изображение просто через идентификацию, как мы это видели [с. 330], когда именно с противопоставлением могут быть связаны замена, смешение. Примеры этому мы уже не раз приводили. Другая часть противоположностей в мыслях сновидения, которая подпадает под категорию *«напротив, «наоборот»*, находит свое выражение в сновидении следующим удивительным, если не сказать остроумным, образом. Противопоставление «наоборот» само по себе не попадает в содержание сновидения, а выражает свое присутствие в материале тем, что определенная часть уже образованного содержания сновидения — так сказать, задним числом — *инвертируется.* Этот процесс проще проиллюстрировать, нежели описать. В прекрасном сне *«вверху и внизу»* (с. 295 и далее) изображение подъема в сновидении противоположно прообразу в мыслях сновидения, то есть тому, как он изображается во вступительной сцене романа «Сафо» Доде. В сновидении сначала идти трудно, затем легко, тогда как в романе подъем сначала легок, а затем становится все более трудным. Также и «верх» и «низ» по отношению к брату изображается в сновидении противоположным образом. Это указывает на отношение

[1] [Заключительная часть этого абзаца была добавлена в 1911 году.]

[2] [Фрейд еще раз говорит об этом на с. 345 и 437.]

противоположности или противоречия, которое существует между двумя частями материала в мыслях сновидения и которое мы обнаружили в том, что в детской фантазии сновидца кормилица носит его на руках, а не так, как в романе, где герой несет возлюбленную. Также и мой сон о нападках Гёте на господина М. (см. ниже [с. 442 и далее]) содержит подобное «наоборот», которое сначала нужно исправить, прежде чем приступать к толкованию сновидения. В сновидении Гёте напал на молодого человека, господина М.; в реальности же, которую содержат мысли сновидения, один выдающийся человек, мой друг [Флисс], подвергся нападкам со стороны неизвестного молодого автора. В сновидении я веду счет с года смерти Гёте; в действительности счет ведется с года рождения паралитика. Мысль, которая является определяющей в материале сновидения, оказывается противоречием тому, что к Гёте следует относиться так, словно он сумасшедший. Наоборот, — говорит сновидение, — если ты не понимаешь книгу, то слабоумный ты, а не автор. Как мне кажется, во всех этих сновидениях об инверсии содержится, кроме того, указание на пренебрежительное отношение («показать кому-то *оборотную сторону*», инверсия по отношению к брату в *сновидении о Сафо* [с. 298]). Примечательно, кроме того[1], как часто инверсия используется в тех сновидениях, которые возникли под влиянием вытесненных гомосексуальных импульсов.

Впрочем, инверсия[2], превращение в противоположность — одно из самых излюбленных средств изображения в работе сновидения, способное найти себе самое разнообразное применение. Она служит прежде всего исполнению желания, противоположного определенному элементу в мыслях сновидения. «Эх, было бы все наоборот!» — таково зачастую наилучшее выражение реакции «я» на неприятную часть воспоминания. Но особенно ценной инверсия становится, служа цензуре, частично искажая изображаемое, которое вначале буквально парализует понимание сна. Поэтому, когда сновидение упорно скрывает свой смысл, можно попытаться «инвертировать» определенные части его явного содержания, после чего нередко все тут же становится ясным.

---

[1] [Это предложение было добавлено в 1911 году.]

[2] [Этот и следующий абзацы были добавлены в 1909 году.]

Наряду с содержательной инверсией нельзя упускать из виду и временную. Более часто встречающийся способ искажения сновидения заключается в том, что в начале сновидения изображается завершение какого-либо события или заключительный вывод из ряда мыслей, а в конце его дополнительно сообщаются предпосылки вывода или причины события. Кто не вспомнил об этом техническом средстве искажения в сновидении, тот оказывается беспомощным, решая задачу толкования сновидения[1].

Более того, в некоторых случаях[2] смысл сновидения раскрывается только после того, как в содержании сновидения была произведена многократная инверсия в различных отношениях. Так, например, в сновидении одного молодого человека, страдавшего неврозом навязчивости, за эпизодом *«Отец бранит его за то, что он поздно вернулся домой»* скрывается воспоминание о детском желании смерти внушавшему страх отцу. Сам контекст психоаналитического лечения и мысли сновидца свидетельствуют о том, что сначала должны звучать слова: *«Он зол на отца»,* а затем, что для него отец всегда приходил домой *слишком рано* (то есть слишком скоро). Он бы предпочел, чтобы отец вообще не приходил домой, что идентично желанию смерти отцу (см. с. 268–269). Сновидец, будучи еще маленьким мальчиком, во время долгого отсутствия отца допустил сексу-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* Этой же техникой временной инверсии пользуется иногда истерический приступ, чтобы скрыть его смысл от зрителя. Например, одна истерическая девушка изображает во время приступа небольшой роман, который создала ее бессознательная фантазия в связи с одной встречей в городском трамвае. То, как незнакомец, прельщенный красотой ее ног, заговаривает с ней в тот момент, когда она читает книгу; как затем она идет вместе с ним и переживает бурную любовную сцену. Ее приступ начинается с изображения этой любовной сцены через телесные конвульсии (при этом движения губ, как при поцелуе, скрещение рук, как при объятиях), затем она спешит в соседнюю комнату, садится на стул, поднимает платье, чтобы показать ногу, делает вид, будто читает книгу, и заговаривает со мной (мне отвечает). [Об этом случае Фрейд сообщает также в работе «Семейный роман невротиков» (1909*a*, *Studienausgabe,* т. 6, с. 200). — [1] *Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Ср. в этой связи замечание Артемидора: «При истолковании историй в сновидении в одном случае надо идти от начала к концу, а в других — от конца к началу…» [1-я книга, глава XI].

[2] [Этот абзац был добавлен в 1911 году.]

альную агрессию против другого человека, и в наказание ему пригрозили: «Ну, подожди, вот вернется отец!»

Если мы намерены далее проследить отношение между содержанием и мыслями сновидения, то лучше всего взять в качестве исходного пункта само сновидение и задать себе вопрос: что означают некоторые формальные характеристики изображения сновидения с точки зрения его мыслей? К этим формальным особенностям, которые бросаются нам в глаза в сновидении, относятся прежде всего различия в чувственной интенсивности отдельных образований сновидения и в отчетливости отдельных его частей или целых сновидений при сравнении друг с другом. Различия в интенсивности отдельных образований сновидения охватывают целую шкалу, начиная от резкости и отчетливости, которые кое-кто — пожалуй, необоснованно — склонен ставить выше отчетливости реальности, вплоть до досадной расплывчатости, которую считают характерной для сновидения, поскольку, в сущности, ее нельзя сравнить ни с одной степенью нечеткости, иногда нами воспринимаемой в случае реальных объектов. Кроме того, впечатление, полученное нами от нечеткого объекта сновидения, обычно мы называем «беглым», тогда как про более отчетливые образы сновидения мы думаем, что они сохранились также благодаря более длительному времени восприятия. В таком случае возникает вопрос: какими условиями в материале сновидения определяются эти различия в живости отдельных частей содержания сновидения?

Здесь следует прежде всего предупредить некоторые неизбежные ожидания. Так как к материалу сновидения могут относиться также действительные ощущения, возникающие во время сна, вероятно, кто-то будет предполагать, что эти или вытекающие из них элементы сновидения отличаются особой интенсивностью, или наоборот: то, что в сновидении проявляется особенно ярко, можно свести к таким реальным ощущениям во время сна. Однако мои наблюдения этого никогда не подтверждали. Неверно, что элементы сновидения, представляющие собой производные реальных впечатлений во время сна (нервные раздражения), отличаются своей яркостью от других элементов, проистекающих из воспоминаний. Момент реальности интенсивность образов сновидения не определяет.

Далее, можно было бы придерживаться представления, что чувственная интенсивность (живость) отдельных образов сно-

видения связана с психической интенсивностью соответствующих им элементов в мыслях сновидения. В последних интенсивность совпадает с психической ценностью; наиболее интенсивные элементы — это не что иное, как наиболее важные элементы, образующие центральный пункт мыслей сновидения. Мы знаем, правда, что именно эти элементы из-за цензуры чаще всего в содержание сновидения не входят. Но ведь могло бы быть так, что заменяющие их ближайшие производные в сновидении обнаруживают более высокую интенсивность, не обязательно становясь из-за этого центром изображения в сновидении. Но и это предположение разрушается при сравнительном рассмотрении сновидения и его материала. Интенсивность элементов здесь не имеет ничего общего с интенсивностью элементов там; между материалом сновидения и самим сновидением фактически происходит полная *«переоценка всех психических ценностей»*[1]. Как раз в появившемся ненадолго, скрытом более яркими образами элементе сновидения, часто можно обнаружить непосредственное производное того, что полностью доминировало в мыслях сновидения.

Интенсивность элементов в сновидении детерминируется совершенно иначе, а именно двумя независимыми друг от друга моментами. Прежде всего, легко заметить, что особенно интенсивными являются те элементы, с помощью которых выражается исполнение желания. [Ср. с. 563–564.] Далее, однако, анализ показывает, что от наиболее ярких элементов сновидения исходит большинство мыслей, что наиболее яркие элементы одновременно являются и наиболее детерминированными. Смысл ничуть не меняется, если выразим последнее, полученное эмпирическим путем, положение в следующей форме: наибольшую интенсивность обнаруживают те элементы сновидения, для образования которых понадобилась наиболее интенсивная *работа сгущения*. [Ср. с. 595–596.] В таком случае мы вправе ожидать, что это условие и другое — исполнение желания — могут выражаться также в одной-единственной формуле.

Проблему, которую я только что рассматривал — причины большей или меньшей интенсивности или отчетливости отдель-

---

[1] [Аллюзия на знаменитый лейтмотив Ницше в его критике христианства.]

ных элементов сновидения, — мне бы хотелось предохранить от смешения с другой проблемой, связанной с различной отчетливостью сновидений в целом или их фрагментов. Там речь идет о качестве, противоположном отчетливости, — расплывчатости, здесь — о спутанности. Однако нельзя не заметить, что в обеих шкалах восходящие и нисходящие качества сопутствуют друг другу. Одна часть сновидения, которая нам кажется ясной, содержит в основном интенсивные элементы; неясное сновидение, наоборот, состоит из менее интенсивных элементов. И все же проблема, которая дает нам шкалу от внешней ясности до неясности или спутанности, гораздо сложнее, чем проблема колебания яркости элементов сновидения; более того, первая проблема в силу причин, о которых будет говориться позднее, пока еще не получает здесь своего объяснения. [Ср. с. 502.] В отдельных случаях не без удивления можно заметить, что впечатление ясности или отчетливости, которое возникает от сновидения, вообще никак не связано со структурой сновидения, а проистекает из материала сновидения в качестве его составной части. Так, мне вспоминается одно сновидение, которое после пробуждения казалось мне настолько хорошо структурированным, лишенным пробелов и ясным, что я, все еще не отойдя ото сна, решил было ввести новую категорию сновидений, не подвергшихся воздействию механизмов сгущения и смещения, которые можно было назвать «фантазиями во время сна». Но при ближайшей проверке выяснилось, что это редкое сновидение имеет в своей структуре те же пробелы и трещины, как и любое другое; поэтому от категории снов-фантазий я вновь отказался[1]. Содержание же сновидения сводилось к тому, что я излагал своему другу [Флиссу] сложную и давно разрабатываемую теорию бисексуальности, а исполняющей желания энергией сновидения и объяснялось то, что эта теория (которая, впрочем, в сновидении не излагалась) показалась нам ясной и исчерпывающей. То есть то, что я счел готовым сновидением, было частью, причем существенной частью, его содержания. Работа сновидения словно вторглась здесь в бодрствующее мышление и в виде *суждения* о сновидении передала мне ту часть его материала, точное изображение которой ей не удалось[2]. С пол-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1930 году:]* Сегодня я не знаю, правильно ли.

[2] [Эта тема намного подробнее обсуждается ниже, на с. 447 и далее.]

ной противоположностью этому я столкнулся однажды в случае одной моей пациентки, которая сначала вообще не пожелала рассказывать относящееся к анализу сновидение, «потому что оно слишком неясно и спутано», но в конце концов после моих неоднократных возражений против достоверности ее слов рассказала, что ей приснились несколько человек: она, ее муж и отец, — и будто она не знала, не отец ли ее муж, кто, собственно, ее отец и тому подобное. При сопоставлении этого сновидения с ее мыслями во время сеанса не осталось сомнений в том, что речь здесь шла о довольно обыденной истории одной служанки, которой пришлось признаться, что она ждет ребенка, а теперь сомневается, «кто, собственно (его) отец»[1]. Таким образом, и здесь тоже неясность, проявившаяся в сновидении, была частью материала, ставшего источником сновидения. Часть этого содержания была изображена в *форме* сновидения. *Форма сновидения или сновиденья на удивление часто используется для изображения скрытого содержания*[2].

Высказывания о сновидении, вроде бы безобидные замечания о нем, часто служат тому, чтобы самым изощренным способом скрыть часть того, что приснилось, хотя именно они, собственно, это и выдают. Так, например, когда сновидец говорит: «Здесь сновидение смазано», а анализ выявляет детское воспоминание о подглядывании за человеком, который подтирается после дефекации. Или в другом случае, заслуживающем подробного сообщения: молодому человеку снится очень отчетливый сон, который напоминает ему о сохранившихся в сознании фантазиях его мальчишеских лет. Он находится вечером в летнем отеле, ошибается номером и попадает в комнату, где, готовясь ко сну, раздеваются пожилая дама и две ее дочери. Он продолжает: «*Затем в сновидении возникает несколько пробелов, так как чего-то не хватает,* а под конец в комнате находился мужчина, который хотел меня вышвырнуть, и мне пришлось с ним бороться. Он тщетно старается вспомнить содержание и намерение той мальчишеской фантазии, на которую,

---

[1] Сопутствующие истерические симптомы: отсутствие месячных и очень подавленное настроение — главные жалобы этой больной. [Это сновидение обсуждается на с. 448.]

[2] [Последнее предложение было добавлено в 1909 году, следующий абзац — в 1911-м.]

очевидно, намекает сновидение. Но в конце концов я обращаю его внимание на то, что искомое содержание уже выражено посредством неясного места в сновидении. «Пробелы» — это обнажение гениталий женщинами, которые ложатся спать: словами *«так как чего-то не хватает»* описывается главная особенность женских гениталий. В те юные годы он сгорал от любопытства увидеть женские гениталии и был пока еще склонен придерживаться инфантильной теории сексуальности, которая приписывает женщине мужской член.

В точно такую же форму облачилось аналогичное воспоминание другого сновидца[1]. Он видит сон: *«Я иду с фрейлейн К. в ресторан в городском саду...* Потом темное место, сон прерывается... *Затем я оказываюсь в борделе, где вижу двух или трех женщин в рубашке и панталонах».*

Анализ. Фрейлин К. — это дочь его прежнего начальника, которая, как он признается, является для него заменой сестры. Ему редко выпадала возможность с ней поговорить, но однажды между ними произошла беседа, в которой «я словно увидел себя в своей половой роли, как если бы себе сказал: "Я — мужчина, а ты — женщина"». В указанном ресторане он бывал только однажды в сопровождении сестры своего шурина, девушки, которая была ему совсем безразлична. В другой раз он сопровождал до входа в этот ресторан общество, состоявшее из трех дам. Этими дамами были его сестра, золовка и уже упомянутая сестра шурина; все трое были ему совершенно безразличны, но все трое принадлежали к ряду сестер. Он посещал бордель лишь изредка, быть может, два или три раза за свою жизнь.

Толкование опиралось на *«темное место», «прерывание»* в сновидении и сводилось к тому, что он, испытывая мальчишеское любопытство, несколько раз, но в целом редко, рассматривал гениталии своей младшей на несколько лет сестры. Через несколько дней у него возникло осознанное воспоминание о проступке, обозначенном в сновидении.

Все сновидения одной и той же ночи по своему содержанию составляют единое целое; их разделение на несколько частей, их группирование и количество — все это имеет свой смысл и

---

[1] [Этот и следующие два абзаца были добавлены в 1914 году.]

может быть понято как часть сообщения скрытых мыслей сновидения[1]. При толковании сновидений, состоящих из нескольких основных частей, или вообще таких, что относятся к одной ночи, нельзя также забывать про возможность того, что эти разные и следующие друг за другом сны означают одно и то же, с помощью разного материала выражают одни и те же побуждения. Первое из этих гомологических сновидений часто является более искаженным, нерешительным, последующее — более дерзким и отчетливым.

Именно такого рода было библейское сновидение фараона о колосьях и коровах, которое истолковал Иосиф. О нем более подробно, чем в Библии, сообщается у Иозефуса («Иудейские древности», кн. II, гл. 5 [5 и 6]). Рассказав свой первый сон, царь говорит: «После этого первого вещего сна я проснулся обеспокоенный и подумал о том, что оно могло бы значить, но потом снова постепенно заснул и увидел еще более странный сон, который еще больше поверг меня в страх и смятение». Выслушав его рассказ, Иосиф ответил: «Два твоих сна, о царь, только внешне кажутся разными, но оба видения имеют только одно значение!»

Юнг, рассказывающий в своей работе «О психологии слухов» (1910*b*) о том, как завуалированное эротическое сновидение одной школьницы безо всякого толкования было понято ее подругами и продолжено в измененном виде, по поводу этих рассказов о снах замечает, «что заключительная мысль длинного ряда образов сновидения содержит именно то, что пытался изобразить первый образ серии. Цензура отодвигает комплекс как можно дальше с помощью постоянно возобновляющихся символических прикрытий, смещений, превращений в безобидное и т.д.». (Ibid., 87.) Шернер прекрасно понял эту особенность изображения в сновидении и в связи со своей теорией органических раздражителей [см. с. 104–105] описывает ее в виде особого закона (Scherner, 1861, 166): «Наконец, однако, во всех символи-

[1] [Это предложение было добавлено в 1909 году. Остальная часть этого абзаца, а также три следующих — это дополнения, сделанные в 1911 году. Фрейд еще раз обсуждает эту тему в конце 29-й лекции в своем «Новом цикле лекций по введению в психоанализ» (1933*a*, *Studiennausgabe*, т. I, с. 468–469). Однако она уже была затронута выше, на с. 324–325, и упоминается далее на с. 410, прим. 1, и с. 526–527.]

ческих образованиях сновидения, возникающих вследствие определенных нервных раздражений, фантазия соблюдает общеобязательный закон: в начале сновидения она изображает объект раздражения лишь с помощью самых дальних и вольных намеков, но в конце, когда художественный поток иссяк, она выставляет раздражитель, то есть соответствующий орган или его функцию, в чистом виде, благодаря чему сновидение, изображая органическую причину как таковую, приходит к своему завершению...»

Прекрасное подтверждение этому закону Шернера дал Отто Ранк в своей работе «Сон, истолковывающий сам себя» [1910]. Приведенное им там сновидение девушки состоит из двух разделенных во времени снов одной ночи, из которых второй завершился оргазмом. Этот сон получил самое подробное истолкование в значительной степени без участия сновидицы, а множество связей между двумя содержаниями сновидений позволило установить, что первый сон в робкой форме выразил то же, что и второй, а потому сон, закончившийся оргазмом, способствовал исчерпывающему объяснению первого. На этом примере Ранк вполне обоснованно обсуждает значение сновидений, сопровождающихся оргазмом, для теории сновидения в целом. [Ср. с. 409–410.]

Однако, по моему опыту, такая возможность истолковать ясность или расплывчатость сновидения как уверенность или сомнение в материале сновидения появляется лишь в редких случаях. Позднее я рассмотрю еще один, до сих пор не упомянутый, фактор при образовании снов, от воздействия которого во многом зависит эта качественная шкала сновидения. [Ср. с. 502.]

В некоторых сновидениях, изображающих какую-либо ситуацию или сцену, возникают прерывания, которые описываются следующими словами: «Но потом это словно оказалось одновременно и другим местом, и там случилось то-то и то-то». То, что подобным образом прерывает главное действие сновидения, которое через какое-то время может продолжиться, в материале сновидения оказывается придаточным предложением, вводной мыслью. Условие в мыслях сновидения изображается во сне с помощью одновременности (когда — тогда).

Что означает так часто возникающее в сновидении ощущение заторможенного движения, которое вплотную граничит со страхом? Хочешь идти, и не можешь сдвинуться с места; хочешь что-то сделать, и постоянно наталкиваешься на препятствия. Поезд отправляется в путь, но на него не удается поспеть; поднимаешь руку, чтобы отомстить за оскорбление, но рука отказывается служить и т. д. Мы встречались с этим ощущением во сне при анализе эксгибиционистских сновидений [с. 254 и далее; ср. также с. 295–296], но пока еще не пытались их всерьез истолковать. Удобно, но недостаточно ответить, что во сне возникает моторный паралич, обращающий на себя внимание при помощи упомянутого ощущения. Мы вправе спросить, почему нам не снятся постоянно подобные заторможенные движения, и мы вправе ожидать, что это ощущение, которое всегда можно вызвать во сне, служит каким-то целям изображения и пробуждается лишь потребностью в этом изображении, присущей материалу сна.

Невозможность что-то осуществить не всегда проявляется в сновидении в виде ощущения — иногда это также предстает просто как фрагмент сна. Такой случай я считаю особенно подходящим для того, чтобы прояснить значение этого реквизита сновидения. Я приведу вкратце одно сновидение, в котором я предстаю виновным в нечестном поступке. *Место действия — нечто среднее между частной лечебницей и многими другими помещениями. Появляется слуга, чтобы позвать меня на «обследование». Во сне я знаю, что обнаружена какая-то пропажа и что обследование вызвано подозрением, что я присвоил себе эту пропажу.* Анализ показывает, что обследование надо понимать двояким образом и что оно включает в себя врачебное обследование. *Сознавая свою невиновность и свою функцию консультанта в этом доме, я спокойно иду со слугой. У дверей нас встречает другой слуга, который, указывая на меня, говорит: «Зачем вы его с собой привели, ведь это порядочный человек». Затем без слуги я вхожу в большой зал, где стоит много машин, который напоминает мне преисподнюю с ее адскими орудиями для пыток. За одним из аппаратов я вижу своего коллегу, у которого были все основания обо мне позаботиться; но он не обращает на меня внимания. Это означает, что теперь я могу идти. Но я не нахожу своей шляпы и поэтому не могу уйти.*

Очевидно, сновидение исполняет желание, чтобы меня признали честным человеком и отпустили; таким образом, в мыслях сновидения имеется всевозможный материал, который этому противоречит. То, что мне позволяют уйти, является свидетельством моей невиновности; следовательно, если сновидение в конце изображает событие, препятствующее моему уходу, то из этого можно, пожалуй, заключить, что в такой форме находит свое выражение подавленный противоречащий материал. То, что я не нахожу шляпы, означает, стало быть: «И все же ты человек нечестный». Невозможность что-либо сделать во сне является *выражением противоречия, слова «нет»*, и, следовательно, мы должны скорректировать предыдущее утверждение [с. 327], что сновидение не способно выразить «нет»[1].

В других сновидениях, в которых невозможность совершить движение представлена не просто как ситуация, но и как ощущение, то же самое противоречие изображается более резко через ощущение заторможенности движения, — как воля, которой противостоит другая воля. Таким образом, ощущение заторможенности движения представляет собой *конфликт воли*. [Ср. с. 259.] Позднее [с. 568–569] мы увидим, что именно моторный паралич во сне относится к главным условиям психического процесса во время сновидения. Импульс, перенесенный на моторные пути, есть не что иное, как воля, а то, что во сне мы четко ощущаем этот импульс как заторможенный, делает весь этот процесс особенно пригодным для изображения *желания* и противостоящего ему слова *«нет»*. После моего объяснения страха легко также понять, что ощущение заторможенной воли близко

[1] При полном анализе отношение к детскому переживанию становится понятным благодаря следующему связующему звену: «Мавр сделал дело, мавр *может идти*». [Schiller, «Fiesco», 3-й акт, 4-я сцена.] А затем шутливый вопрос: сколько лет было мавру, когда он сделал свое дело? Один год, поэтому он может идти. (Должно быть, я появился на свет с такими черными вьющимися волосами, что молодая мать называла меня маленьким мавром.) То, что я не нахожу шляпу, — это дневное переживание, имеющее несколько значений. Ее спрятала наша гениальная в своем умении хранить вещи горничная. За окончанием этого сновидения скрывается также и отвержение печальных мыслей о смерти: я далеко еще не сделал своего дела; пока еще я не могу идти. — Рождение и смерть как в незадолго до этого приснившемся сне про Гёте и паралитика (см. с. 336, 442 и далее [и с. 451–452]).

страху и очень часто в сновидении соединяется с ним. Страх — это либидинозный импульс, который исходит из бессознательного и сдерживается предсознательным[1]. Следовательно, где бы ощущение заторможенности ни связывалось в сновидении со страхом, речь идет о желании, которое когда-то было способным развивать либидо, то есть о сексуальном импульсе.

Что означает часто возникающее во сне суждение[2] «Ведь это всего лишь сон», и какой психической силе его следует приписать, я буду обсуждать в другом месте (см. ниже [с. 491]). Здесь же я предварительно только скажу, что оно служит обесцениванию того, что приснилось. Соприкасающуюся с этим интересную проблему: что выражается в том случае, когда определенное содержание сновидения само обозначается как «снящееся», то есть загадку «сна во сне», В. Штекель [1909, 459 и далее] разрешил аналогичным способом, проанализировав несколько убедительных примеров. «Приснившееся» в сновидении опять-таки должно быть обесценено, лишено своей реальности; то, что снится после пробуждения от «сна во сне», хочет поставить желание, содержащееся в сновидении, на место угасшей реальности. Таким образом, можно предположить, что *«приснившееся»* содержит изображение реальности, действительное воспоминание, а продолжающееся сновидение — наоборот, изображение того, что просто желал сновидец. Включение определенного содержания в «сон во сне» можно, стало быть, приравнять к желанию, чтобы того, что было обозначено как сновидение, не произошло. Другими словами[3]: если определенное событие вводится в сон самой работой сновидения, то это означает самое решительное подтверждение реальности этого события, самое активное его *одобрение*. Работа сновидения использует само сновидение как форму отвержения и доказывает этим мысль, что сновидение есть исполнение желания[4].

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1930 году:]* Этот тезис больше уже не соответствует новым знаниям. [Ср. с. 179, прим. 1. См. также с. 501, прим. 1.]

[2] [Этот абзац (за исключением предпоследнего, а также части последнего предложения) был добавлен в 1911 году.]

[3] [Это предложение было добавлено в 1911 году.]

[4] [Вторая половина этого предложения, после слова «отвержения», была добавлена в 1919 году.]

Г
Учет изобразительных возможностей

До сих пор мы занимались исследованием того, каким образом сновидение изображает отношения между его мыслями, но при этом неоднократно затрагивали и другой вопрос: какому изменению подвергается материал сновидения в целом ради образования сновидения? Мы знаем теперь, что материал сновидения, лишившись львиной доли своих отношений, подвергается сжатию, и в то же время смещения интенсивности между его элементами вызывают психическую переоценку этого материала. Смещения, на которые мы обращали внимание, оказались заменой одного представления другим, так или иначе связанным с ним по ассоциации; при этом они служили сгущению, поскольку таким способом вместо двух элементов в сновидение входило нечто среднее между ними. Другой вид смещения мы пока еще не упоминали. Однако из анализов становится ясно, что такой действительно существует и что он проявляет себя в *замене словесного выражения* данной мысли. В обоих случаях речь идет о смещении вдоль ассоциативной цепи, но один и тот же процесс происходит в различных психических сферах, и результат такого смещения заключается в замене одного элемента другим в одном случае и в замене одного *словесного выражения* элемента другим — во втором.

Этот второй вид смещений, происходящих при образовании сновидения, не только имеет большой теоретический интерес, но и оказывается особенно хорошо пригодным для того, чтобы объяснить мнимую фантастическую абсурдность, которой маскируется сновидение. Как правило, смещение происходит таким образом, что бесцветное и абстрактное выражение мысли сновидения заменяется образным и конкретным. Выгода и вместе с тем цель этой замены очевидны. Конкретное *доступно для изображения* в сновидении, может быть включено в ситуацию, где абстрактное выражение доставило бы изображению в сновидении примерно такие же трудности, как иллюстрирование политической передовицы в газете. Но от такой замены выигрывает не только изобразительность элемента — она происходит также в интересах сгущения и цензуры. Когда абстрактно выраженная неприемлемая мысль сновидения переводится на язык образов, то между этим новым ее выражением и остальным

материалом сновидения проще найти точки соприкосновения и тождества, в которых нуждается сновидение и которые оно создает, если их нет, ибо в любом языке вследствие его развития конкретные термины более богаты связями, чем абстрактные. Можно себе представить, что большая часть промежуточной работы при образовании сновидения, которая старается свести разрозненные мысли сновидения к как можно более сжатым и дать им целостное выражение во сне, совершается таким образом — путем подходящего словесного преобразования отдельных мыслей. Одна мысль, выражение которой по каким-то причинам не меняется, будет при этом, распределяя и избирая, оказывать влияние на возможности выражения другой, причем, наверное, с самого начала, примерно так, как в работе поэта. Чтобы стихотворение имело рифму, вторая строка должна удовлетворять двум условиям; она должна выражать необходимый смысл, а выражение этого смысла должно рифмоваться с первой строкой. Наилучшие стихотворения — это, пожалуй, те, где намерение подыскать рифму незаметно, где обе мысли благодаря взаимной индукции с самого начала выбрали словесное выражение, которое после небольшой последующей переработки позволяет найти созвучие.

В некоторых случаях замена выражения служит сгущению в сновидении еще более непосредственно, находя словосочетание, которое, будучи двусмысленным, позволяет выразить несколько мыслей сновидения. Таким образом, вся сфера остроумия становится подвластной работе сновидения. Не приходится удивляться той роли, которая выпадает словам при образовании сновидения. Слову как узловому пункту многочисленных представлений, так сказать, уже заранее уготована многозначительность, и неврозы (навязчивые представления, фобии) используют выгоды, предоставляемые словом для сгущения и маскировки, не менее безбоязненно, чем сновидение[1]. Нетрудно

[1] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* «Острота и ее отношение к бессознательному», 1905*c* [в частности последние разделы 6-й главы] и «словесные мостики» при устранении невротических симптомов. [См., например, синтез первого сновидения «Доры» в конце раздела II в работе Фрейда «Фрагмент анализа одного случая истерии», 1905*c*. *Studienausgabe*, т. 6, с. 157 etc. (где Фрейд также говорит о «смене»), далее, устранение навязчивого представления о крысах «Раттенманна» в разделе I (G) в «Заметках об одном случае невроза навязчивости» (Freud, 1909 *d*).]

показать, что от смещения выражения выигрывает также и искажение в сновидении. Если два однозначных слова заменяются одним двусмысленным, то это может ввести в заблуждение, а замена обыденного выражения образным задерживает наше внимание, особенно потому, что сновидение никогда не указывает, надо ли толковать его элементы буквально или в переносном смысле, нужно ли связывать их с материалом сновидения напрямую или через посредство включенных оборотов речи[1]. В целом при толковании каждого элемента сновидения возникает сомнение в том,

а) в каком смысле его следует воспринимать — в позитивном или негативном (отношение противоречия);

б) толковать ли его исторически (как воспоминание);

в) символически или

г) его оценка должна исходить из буквального выражения.

Несмотря на эту неоднозначность, можно сказать, что изображение работы сновидения, которая *и не ставит себе целью быть понятой*, доставляет переводчику не больше сложностей, чем, например, древние люди, писавшие иероглифами, своим читателям.

Я уже приводил несколько примеров изображений в сновидении, которые не распадаются только благодаря двусмысленности выражения («Рот хорошо открывается» — в сновидении об инъекции, «Я все же не могу идти» — в последнем сне, с. 334, и т.д.). Теперь я приведу сновидение, в анализе которого важную роль играет наглядное представление абстрактной мысли. Отличие такого толкования сновидений от толкования посредством символики можно определить еще более строго; при символическом толковании ключ символизации выбирается толкователем произвольно; в наших случаях словесной маскировки этот ключ общеизвестен — он представлен в виде устойчивых оборотов речи. Если имеется верная мысль по верному поводу, то сновидения подобного рода — целиком или частично — можно разрешать и без сведений сновидца.

Одной знакомой мне даме снится: *она находится в опере. Идет представление Вагнера, которое затянулось до без четверти восьми утра. В партере стоят столы, за*

---

[1] [Конец этого абзаца был добавлен в 1909 году.]

которыми едят и пьют. За одним из таких столов со своей молодой женой сидит ее кузен, только что вернувшийся из свадебного путешествия; рядом с ними какой-то аристократ. Про него говорят, что молодая женщина привезла его с собой из свадебного путешествия — совершенно открыто, как привозят с собой шляпу. Посреди партера возвышается башня с платформой наверху, окруженной железной решеткой. Там стоит дирижер, чертами лица напоминающий Ганса Рихтера, он постоянно бегает по платформе, страшно потеет и со своего места управляет оркестром, который расположен внизу у основания башни. Сама она сидит с (знакомой мне) *подругой в ложе. Ее младшая сестра хочет подать ей из партера большой кусок угля, объясняя, что она не знала, что все так затянется, и что она ужасно замерзла. (Как будто ложи должны отапливаться во время долгого представления.)*

Сновидение довольно бессмысленно, хотя вполне хорошо передает ситуацию. Башня посреди партера, откуда дирижер управляет оркестром; но прежде всего уголь, который подает сестра! Я намеренно не проводил анализа этого сновидения; кое-что зная о личных отношениях сновидицы, я сумел самостоятельно истолковать некоторые его части. Я знал, что она испытывала большую симпатию к одному музыканту, карьера которого преждевременно была прервана душевной болезнью. Поэтому я решил трактовать башню [Turm] в партере *буквально.* В итоге получилось, что человек, которого ей хотелось бы видеть на месте Ганса Рихтера, *неизмеримо выше* [turmhoch] остальных членов оркестра. Эту башню можно охарактеризовать как *смешанное образование, созданное противопоставлением*; своим основанием она отображает величие человека, а решеткой наверху, за которой он снует, как пленник или как зверь в клетке (намек на имя несчастного)[1], — его дальнейшую участь. Слово, в котором могли бы соединиться обе мысли, — «дом умалишенных» [Narrenturm].

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1925 году:]* Хуго Вольф. [То есть в переводе с немецкого «Волк». — Примечание переводчика.]

После того как был раскрыт способ изображения в сновидении, можно было попытаться тем же ключом раскрыть и вторую кажущуюся абсурдность: уголь, подаваемый ей сестрой. «Уголь», должно быть, означает «тайную любовь».

Ни древо, ни *уголь*
Не пылают
Так жарко в *огне,*
Как тайная страсть в глубине[1].

Сама она и подруга *остались сидеть;* младшая сестра, у которой пока еще есть перспективы выйти замуж, подает ей уголь, «потому что она не знала, *что все так затянется*». Что именно затянется, об этом в сновидении не говорится; в рассказе мы бы добавили: представление; в сновидении мы можем взять эту фразу как таковую, назвать ее двусмысленной и добавить: «пока она выйдет замуж». Толкование «тайная любовь» подкрепляется в таком случае упоминанием о кузене, который с женой сидит в партере, и о приписываемой последней *открытой любовной связи.* В сновидении доминируют противоречия между тайной и открытой любовью, между ее огнем и холодностью молодой женщины. Впрочем, здесь, как и там, *«стоящий на высоте»* — это слово, обозначающее нечто среднее между аристократом и музыкантом, подающим большие надежды[2].

Итак, с помощью предшествующих рассуждений мы выявили третий момент [3], участие которого в превращении мыслей сновидения в содержание сновидения нельзя недооценивать: *учет изобразительных возможностей в своеобразном психическом материале, которым пользуется сновидение*, то есть, как правило, в зрительных образах. Из разных побочных связей с мыслями сновидения предпочтение получает та, что допускает зрительное изображение, и работа сновидения не чурается усилий, чтобы придать трудновыразимым мыслям другую словесную форму, пусть и более необычную, если только она облегчает изображение и тем самым устраняет психологическую зажа-

---

[1] [Народная песня.]
[2] [Момент абсурдности в этом сновидении комментируется на с. 437–438.]
[3] [Первыми двумя являются сгущение и смещение.]

тость мышления. Однако это переливание содержания мысли в другую форму может одновременно служить работе сгущения и создавать связи с другой мыслью, которых в противном случае не было бы. Эта другая мысль, идя навстречу, сама уже, возможно, изменила свое первоначальное выражение.

Герберт Зильберер (1909)[1] продемонстрировал хороший способ того, как можно непосредственно наблюдать происходящий при образовании сновидения перевод мыслей в образы и тем самым изолированно изучать этот элемент работы сновидения. Если в состоянии утомления и сонливости он прилагал умственное усилие, то с ним часто происходило так, что мысль ускользала, а вместо нее возникал образ, в котором он мог распознать замену мысли. Зильберер не совсем обоснованно называет эту замену «аутосимволической». Я приведу здесь несколько примеров из работы Зильберера [ibid., 519–522], к которым я еще вернусь в другом месте из-за определенных особенностей наблюдаемых феноменов. [Ср. с. 505 и далее.]

«*Пример №1.* Я думаю о том, что надо бы исправить в статье одно нескладное место.

Символ: я вижу, как выстругиваю кусок доски».

«*Пример №5.* Я пытаюсь представить себе цель определенных метафизических исследований, которыми я как раз собираюсь заняться. Я думаю, эта цель состоит в том, чтобы проработать экзистенциальные основы, или слои, все более высоких форм сознания.

Символ: я подхожу с длинным ножом к торту, чтобы отрезать от него кусок.

Толкование: мое движение с ножом означает подразумеваемую "проработку"... Объяснение символической основы таково: за столом мне часто приходится разрезать и подавать торт. Я это делаю длинным, гибким ножом, что требует некоторой аккуратности. С определенными сложностями, в частности, связано аккуратное вынимание нарезанных кусочков торта; нож надо осторожно подсунуть *под* соответствующие куски (постепенная «проработка», чтобы достичь основ). Однако в этом образе имеется еще больше символики. Это был слоеный торт, то есть торт, разрезая который, нож должен проникнуть через разные слои (слои сознания и мышления)».

---

[1] [Этот абзац и последующая цитата Зильберера были добавлены в 1914 году.]

«*Пример №9.* Я теряю нить мысли. Я пытаюсь снова ее найти, но вынужден признать, что точка соприкосновения полностью выпала из моей памяти.

Символ: часть написанной фразы, последние строки которой пропали».

Ввиду той роли, которую играют остроты, цитаты, песни и поговорки в интеллектуальной жизни образованных людей, вполне соответствовало бы ожиданиям, если бы маскировки подобного рода часто использовались для изображения мыслей сновидения. Что означают, например, в сновидении повозки, каждая из которых наполнена своим видом овощей? Это желанная противоположность выражению «свалить все в одну кучу», то есть «неразберихе», и, следовательно, означает «беспорядок». Я удивлен, что это сновидение мне было рассказано всего один-единственный раз[1]. Лишь для немногих материй выработалась универсальная символика на основе общеизвестных намеков и замен слов. Впрочем, добрая часть этой символики у сновидения является общей с психоневрозами, сказаниями и народными обычаями[2].

Более того, при более детальном рассмотрении приходится признать, что работа сновидения, производя такого рода замену, не совершает ничего оригинального. Для достижения своих целей — в данном случае: свободного от цензуры изображения — оно идет лишь по пути, уже проложенному в бессознательном мышлении, и предпочитает те формы превращения вытесненного материала, которые в виде острот и намеков могут быть также осознаны и которыми изобилуют все фантазии невротиков. Здесь неожиданно становятся понятными толкования сновидений Шернера, верную суть которых я отмечал в другом месте. [С. 103 и далее и с. 239.] Занятие в фантазии собственным телом отнюдь не является чем-то присущим исключительно сновидению или для него характерным. Проведенные мною анализы показали, что оно представляет собой обычное явление в бессознательном мышлении невротиков и сводится к сексуальному любопытству, объектом которого для взрослеющего юноши

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1925 году:]* Подобное сновидение мне действительно больше не встречалось, так что в обоснованности толкования я не уверен.

[2] [Тема символики сновидения более подробно обсуждается в следующем разделе.]

или девушки становятся гениталии человека противоположного, а также и одного с ним пола. Но как совершенно верно подчеркивают Шернер [1861] и Фолькельт [1875], дом — это не единственный круг представлений, который используется для символизации тела — как в сновидении, так и в бессознательных фантазиях при неврозе. Я знаю пациентов, у которых сохранялась архитектоническая символика тела и гениталий (однако сексуальный интерес простирается далеко за область внешних половых органов), у которых столбы и колонны означают ноги (как в «Песне песней»), любые ворота — отверстия в теле («дыры»), водопровод — мочевые органы и т.д. Но столь же охотно для сокрытия сексуальных образов выбирается круг представлений, относящихся к жизни растений или к кухне[1]; в первом случае немалую роль играют обороты речи — осадок сравнений фантазии, сохранившийся с древних времен («виноградник» господина, «семя» и «сад» девушки в «Песне песней»). В мыслях и сновидениях во внешне безобидных намеках на кухонные принадлежности можно обнаружить как самые отвратительные, так и самые интимные детали половой жизни, а симптоматика истерии становится вообще непонятной, если забыть, что сексуальная символика как за самым лучшим укрытием может прятаться за повседневным и заурядным. Свое сексуальное значение имеет и то, что невротические дети не выносят вида крови и сырого мяса, что от яиц и макарон у них бывает рвота, что естественный для человека страх змей усиливается у невротика до небывалых размеров. И всюду, где невроз пользуется такой маскировкой, он идет по путям, по которым когда-то в периоды древней культуры шло все человечество и о существовании которых, вызывая легкое замешательство, еще и сегодня свидетельствуют наши обороты речи, суеверия и обычаи.

Я привожу здесь вышеупомянутое [с. 324] сновидение пациентки о цветах, в котором выделю все, что можно истолковать сексуально. Красивый сон после его истолкования сновидице полностью разонравился.

а) Предварительное сновидение. *Она идет на кухню к двум служанкам и бранит их за то, что они не могут приготовить «самую малость еды». При этом она видит в*

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Соответствующий богатый доказательный материал содержится в трех дополнительных томах Э. Фукса (1909—1912).

кухне множество грубой посуды, перевернутой для того, чтобы стекали капли, и сваленной в кучу друг на друга. Обе служанки идут за водой, при этом они должны зайти в реку, протекающую рядом с домом или двором[1].

б) Главное сновидение[2]. *Она спускается сверху*[3], *перелезая через своеобразные парапеты или изгороди, объединенные в большой ромб и состоящие из сплетения небольших квадратов*[4]. *В сущности, они не приспособлены для лазания; она все время озабочена тем, чтобы найти для ноги место, и рада, что нигде при этом не цепляется платьем, что сохраняет приличный вид*[5]. *При этом она несет в руке*[6] *огромную ветвь, похожую на дерево, которая сплошь усеяна красными цветами*[7]. *При этом мысль, что это цветы вишни, но они выглядят также как махровые камелии, которые, правда, не растут на деревьях. Пока она спускается, в руке у нее сначала одна ветвь, потом вдруг две, а затем снова одна*[8]. *Когда она добирается до низу, почти все нижние цветы уже опали. Внизу она видит дворника, который, как ей хочется сказать, расчесывает точно такое же дерево, то есть теребит деревяшкой густые пучки волос, свисающие с него, словно мох. Другие рабочие срубили такие ветви в саду и выбросили на улицу, где они лежат, а прохожие берут их с собой. Но она спрашивает, можно ли ей тоже взять одну*[9]. *В саду стоит моло-*

---

[1] Толкование этого предварительного сна, который можно считать «причинным», см. на с. 324–325. [Ср. также с. 327–328 и с. 334.]

[2] Ее жизненный путь.

[3] Высокое происхождение, желание-противопоставление предварительному сну.

[4] Смешанное образование, объединяющее два места: так называемый чердак отчего дома, где она играла с братом, объектом ее последующих фантазий, и двор скверного по характеру дяди, который часто над ней подтрунивал.

[5] Желание-противопоставление реальному воспоминанию о дядином доме, о том, что она часто раскрывалась во сне.

[6] Как ангел держит в руке стебель лилии на изображениях благовещения девы Марии.

[7] Объяснение этого смешанного образования см. на с. 328: невинность, менструация, «Дама с камелиями».

[8] По числу человек, присутствующих в ее фантазии.

[9] Можно ли ей тоже одну сорвать, то есть мастурбировать. [См. ниже, с. 379 и далее.]

дой мужчина (знакомый ей человек, чужестранец), *к которому она подходит,чтобы спросить, как пересадить такие ветки в ее собственный сад*[1]. *Он обнимает ее, но она сопротивляется и спрашивает его, считает ли он, что с ней можно так поступать. Он говорит, что в этом нет ничего плохого, что это дозволено*[2]. *Затем он заявляет о готовности пойти с ней в другой сад, чтобы показать, как нужно сажать, и говорит ей что-то, чего она толком не понимает: «Мне и так недостает трех метров* (впоследствии она говорит: *квадратных метров*) *или трех клафтеров земли». Ей кажется, что за свою любезность он от нее чего-то потребует, что он намерен вознаградить себя в ее саду, или будто он хочет обмануть какой-то закон, извлечь какую-то выгоду, не нанеся ей вреда. Действительно ли он ей потом что-то показывает, она не знает.*

Данное сновидение, в котором выделены его символические элементы, можно назвать «биографическим». Такие сны часто встречаются в психоанализе, но, возможно, лишь изредка вне его[3].

Разумеется, именно такой материал имеется у меня в изобилии, однако его представление завело бы нас чересчур далеко в обсуждение невротических отношений. Все, о чем говорилось выше, приводит нас к одному и тому же выводу, что в работе сновидения не следует предполагать какую-либо особую символизирующую деятельность души, что сон пользуется такими символизациями, которые уже в готовом виде содержатся в бессознательном мышлении, поскольку благодаря своей образности и, как правило, свободе от цензуры они более удовлетворяют требованиям образования сновидения.

---

[1] Ветвь издавна служит символом мужского полового органа, но вместе с тем содержит довольно ясный намек на фамилию сновидицы.

[2] Как и последующее, относится к предосторожностям в браке.

[3] [Этот абзац был добавлен в 1925 году. — Примечание (первоначально к предыдущему абзацу) появилось в 1911 году:] Аналогичным «биографическим» сновидением является сон, приведенный третьим среди примеров символики сновидения [с. 372]; далее, подробно изложенный Ранком «сон, истолковывающий сам себя» [1910]; еще один, который следует читать «навыворот», см. у Штекеля (1909, 486).

Д
Изображение в сновидении с помощью символов. Другие типичные сны[1]

Анализ последнего биографического сна служит доказательством того, что я с самого начала признавал символику в сновидении. К полному пониманию ее объема и значения я пришел, однако, лишь постепенно — по мере накопления опыта и под влиянием работ В. Штекеля (1911), о которых здесь имеет смысл высказаться. [1925.]

Этот автор, принесший психоанализу, пожалуй, столько же вреда, сколько и пользы, привел большое количество неожиданных символических переводов, в которые вначале не верилось, но которые затем пришлось признать, поскольку большей частью они нашли свое подтверждение. Заслуга Штекеля не умаляется замечанием, что скептическая сдержанность других имела под собой основания. Дело в том, что примеры, которыми он подкреплял свои толкования, часто не были убедительными, и он пользовался методом, который с научных позиций надо отвергнуть как ненадежный. Штекель находил свои символические интерпретации интуитивным путем, благодаря свойственной ему способности понимать символы непосредственно. Од-

---

[1] [За исключением двух абзацев (на с. 400–401) ничего из содержания раздела Д этой главы в первое издание книги не входило. Как уже отмечалось в «Предисловии издателей» (с. 7), большая часть материала была добавлена еще в издания 1909 и 1911 годов, но тогда этот материал входил в главу V (часть Г) под заголовком «Типичные сновидения». В издании 1914 года впервые появляется данный раздел Д (порядок букв следующих разделов был соответствующим сбразом изменен), который частично состоит из материала, уже до этого входившего в главу V, и частично из нового. В последующих изданиях добавился очередной материал. Ввиду этой сложной истории появления данного раздела в нем в конце каждого абзаца в квадратных скобках будет указан год, когда он был включен в книгу. Из всего вышесказанного становится ясным, что пассажи, относящиеся к 1909 и 1911 годам, первоначально появились в главе V и только в 1914 году были перенесены на нынешнее место.]

нако нельзя предполагать, что такое умение присуще всем людям, его эффективность лишена всякой критики, а потому его результаты не претендуют на достоверность. Это похоже на то, как если бы диагностику инфекционных болезней решили основывать на обонятельных впечатлениях от больничной кровати, хотя, без сомнения, существовали клиницисты, которым чувство обоняния, не развитое у большинства, говорило больше, чем другим, и которые действительно были способны диагностировать брюшной тиф по запаху. [1925.]

Накопленный психоаналитический опыт позволил нам выявить пациентов, которые удивительным образом обнаружили такое непосредственное понимание символики сновидений. Часто это были больные, страдавшие dementia praecox, а потому какое-то время существовала тенденция подозревать всех сновидцев с таким пониманием символов в этом заболевании. Только это не верно, речь идет о личной одаренности или своеобразии без очевидного патологического значения. [1925.]

Ознакомившись с применением разнообразной символики для изображения сексуального материала в сновидении, мы должны задаться вопросом, не выступают ли многие из этих символов в качестве «знака сокращения» в стенографии с раз и навсегда установленным значением, и не возникает ли искушение составить новый сонник с использованием шифровального метода [см. с. 116–117]. На этот счет надо заметить: эта символика не принадлежит исключительно сновидению, а входит в бессознательные представления конкретного народа, и ее можно обнаружить в фольклоре, в мифах, сказаниях, оборотах речи, в мудрых изречениях и в типичных остротах в более полном виде, чем в сновидении. [1909].

Следовательно, нам пришлось бы выйти далеко за рамки задачи толкования сновидений, если бы мы захотели установить верное значение символа и обсудить многочисленные, большей частью пока еще нерешенные проблемы, которые связаны с понятием символа[1]. Мы хотели бы здесь только сказать, что изоб-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1911 году:]* Ср. работы Блейлера [1910] и его цюрихских учеников: Мёдера [1908], Абрахама [1909] и др. о символике, а также немедицинские труды, на которые они ссылаются (Кляйнпауля [1898] и др.). *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Самое точное из того, что было сказано по этому поводу, содержится в работе О. Ранка и Г. Захса, 1913, глава I. *[Дополнение, сделанное в 1925 году:]* См. далее работу Э. Джонса (1916).

ражение с помощью символа относится к косвенным способам изображения, но что различные доводы удерживают нас от того, чтобы все без разбору символические изображения мешать в одну кучу с другими способами косвенного изображения, не сумев к тому же постичь эти отличительные характеристики в понятийной ясности. В ряде случаев общее между символом и тем, что он замещает, является очевидным, в других случаях оно скрыто; выбор символа кажется тогда загадочным. Именно эти случаи должны помочь нам пролить свет на значение символических отношений; они указывают на то, что речь идет об одной и той же генетической природе. То, что сегодня связано символически, по всей вероятности, в древности было объединено понятийной и языковой идентичностью[1]. Символическое отношение представляется остатком и признаком былой идентичности. При этом можно наблюдать, что символическая общность во многих случаях простирается за пределы языковой общности, как утверждал еще Шуберт (1814)[2]. Многие символы столь же древни, как и речь в целом, другие, однако, постоянно образуются в наше время (например, воздушный корабль, дирижабль). [1914.]

Сновидение пользуется этой символикой для завуалированного изображения своих скрытых мыслей. Среди используемых таким образом символов имеется много таких, которые всегда или почти всегда обозначают одно и то же. Необходимо только учитывать своеобразную пластичность психического материа-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1925 году:]* Эта точка зрения нашла бы подтверждение в учении, развиваемом доктором Гансом Шпербером. Шпербер (1912) считает, что первые слова в основном обозначали сексуальные вещи, а затем это сексуальное значение утратили, перейдя на другие вещи и виды деятельности, которые сравнивались с сексуальными.

[2] [Второе придаточное предложение было добавлено в 1919 году. — Следующее примечание появилось в 1914 году:] Так, например, в сновидениях, связанных с позывом к мочеиспусканию, у венгерских сновидцев появляется плывущий по воде корабль, хотя в этом языке обозначения «schiffen» [плавать, мочиться] и «urinieren» [мочиться] по своему значению не совпадают (Ferenczi [по: Rank, 1912*a*, 100]; ср. также ниже, с. 375–376). В сновидениях французов и представителей других романских языков комната [Zimmer] служит символическому изображению женщины, хотя у этих народов нет слова, аналогичного немецкому «Frauenzimmer» [женщина].

ла. Довольно часто символ в содержании сновидения можно истолковывать не символически, а в его собственном значении; в других случаях сновидец из особого материала воспоминаний может создать себе право использовать в качестве сексуального символа всевозможные предметы, которые обычно так не используются. Если для изображения содержания у него имеется на выбор несколько символов, то он изберет тот символ, который, помимо всего прочего, обнаруживает еще и объективную связь с остальным мыслительным материалом, то есть имеет наряду с типичной мотивацией еще и индивидуальную. [1909; последнее предложение добавлено в 1914 году.]

Хотя после Шернера современные исследования сновидений сделали неизбежным признание символики сна — даже Х. Эллис [1911, 109] согласен, что не может быть никаких сомнений в том, что наши сновидения полны символикой, — тем не менее надо признать, что задача толкования сновидений из-за существования символов в снах не только облегчается, но и осложняется. Техника толкования по свободным мыслям сновидца при выявлении символических элементов содержания сновидения чаще всего нас подводит; возвращение к произволу толкователя сновидений, который практиковался в древности и который, похоже, вновь оживает в одичалых толкованиях Штекеля, исключено из соображений научной критики. Таким образом, имеющиеся в содержании сновидения элементы, которые следует понимать символически, вынуждают нас к комбинированной технике, с одной стороны, опирающейся на ассоциации сновидца, а с другой стороны, восполняющей то, чего недостает в понимании символов толкователя. Чтобы избежать упрека в произвольности при толковании сновидений, критическая осторожность при объяснении символов должна сочетаться с тщательным их изучением на особенно наглядных примерах снов. Неуверенность, пока еще присущая нашей деятельности как толкователей сновидений, с одной стороны, возникает из-за неполноты наших знаний, которая будет постепенно устранена по мере их углубления, с другой стороны, она связана как раз с определенными особенностями символов сновидений. Зачастую они имеют много значений, а потому, как в китайском письме, только их взаимосвязь позволяет прийти к верному их пониманию. С этой многозначностью символов связана и способность сновидения допускать несколько толкований [см. с. 290], изображать в содержании различные, зачастую по своей природе су-

щественно отличающиеся мыслительные образования и импульсы желания. [1914.]

После этих ограничений и предостережений я цитирую: император и императрица (король и королева) действительно чаще всего изображают родителей сновидца, принц или принцесса — его самого. [1909.] Однако такой же высокий авторитет, как у императора, признается за великими людьми, поэтому в некоторых сновидениях, например, Гёте выступает как символ отца. (Хичманн [1913].) [1919.] Все продолговатые предметы: палки, бревна, зонты (из-за натяжения, сопоставимого с эрекцией!) [1909.], все длинные и острые виды оружия: ножи, кинжалы, пики представляют мужской член. [1909.] Часто встречающимся, хотя и не совсем понятным его символом служит пилка для ногтей (быть может, из-за трения и скобления?). Банки, коробки, ящики, шкафы, печки соответствуют женскому телу [1909], но также пещеры, судна и все виды сосудов. [1919.] Комнаты в сновидениях [Zimmer] — это, как правило, женщины [Frauenzimmer], изображение их различных входов и выходов в этом истолковании не должно сбить с толку. [1909.][1] Проявление интереса, «открыта» комната или «закрыта», нетрудно понять в этом контексте. (Ср. сновидение Доры во «Фрагменте одного случая анализа истерии»[2].) Какой ключ отпирает комнату, едва ли есть надобность здесь говорить; Уланд в песне о «Графе Эберштейне» использовал символику замка в очень забавном скабрезном анекдоте. [1911.] Сновидение, в котором человек идет через анфиладу комнат, — это сон о борделе или гареме. [1909.] Однако оно, как показал Г. Захс на прекрасных примерах [1914],

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1919 году:]* «Одному живущему в пансионе пациенту снится, *будто он встречает девушку из обслуживающего персонала и спрашивает ее, какой у нее номер; она, к его удивлению, отвечает: 14.* Фактически он вступил в отношения с данной девушкой и несколько раз встречался с ней в своей спальне. Она, естественно, опасалась, что хозяйка их заподозрит, и накануне сновидения предложила ему встречаться с нею в одной из нежилых комнат. В действительности эта комната имела номер 14, тогда как в сновидении этот номер носит женщина. Едва ли можно придумать более явное свидетельство идентификации женщины и комнаты». (Jones, 1914*a*.) (Ср. Артемидор. «Символика сновидений [книга II, глава X]: «Так, например, спальня означает супругу, если таковая имеется в доме».)

[2] [1905*e*, *Studienausgabe*, т. 6, с. 138 и прим. 2.]

используется для изображения брака (его противоположности). [1914.] Интересная связь с инфантильным исследованием сексуальности возникает в том случае, когда сновидцу снятся две комнаты, которые сначала были одной, или когда знакомая ему комната в квартире разделяется в сновидении на две, или наоборот. В детстве женские гениталии (попа) считаются единственным пространством (инфантильная теория клоаки)[1], и только позднее ребенок узнает, что эта часть тела включает в себя две отдельные полости и два отверстия. [1919.] Перила, подъемы, лестницы или переход по ним, как вверх, так и вниз — это символическое изображение полового акта[2]. Гладкие стены, по которым карабкается человек, фасады домов, с которых он — зачастую со страхом — спускается, соответствуют телам людей в положении стоя и, по всей вероятности, воспроизводят во сне воспоминание о попытке маленького ребенка вскарабкаться на родителей и воспитателей. «Гладкие стены» — это мужчины, за «выступы» домов спящий нередко цепляется в страшном сне. [1911.] Столы, накрытые столы и подносы также означают женщин, возможно, по контрасту с рельефностью женско-

---

[1] [См. Раздел о теориях рождения во втором из «Трех очерков по теории сексуальности» Фрейда (1905*d*). *Studienausgabe*, т. 5. с. 101.]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1911 году:]* Я повторю здесь сказанное мной в другом месте («Будущие шансы психоаналитической терапии», 1910*d*): «Не так давно мне стало известно, что один далекий от нас психолог обратился к одному из нас с замечанием, что мы все же явно переоценили тайное сексуальное значение сновидений. Ему чаще всего снится, будто он поднимается по стремянке, и за этим, разумеется, не стоит ничего сексуального. После этого возражения мы специально уделили внимание наличию в сновидениях стремянок, лестниц, ступенек и вскоре смогли установить, что лестница (и то, что ей аналогично), без сомнения, представляет собой символ коитуса. Основу сопоставления найти нетрудно; человек поднимает наверх с помощью ритмичных движений при усиливающейся одышке и может затем в несколько быстрых прыжков вновь оказаться внизу. Таким образом, ритм коитуса воспроизводится в подъеме по лестнице. Не забудем привлечь и обороты речи. Они нам показывают, что слово "влезать" [steigen] часто используется как замена для обозначения сексуального действия. Принято говорить, что мужчина "лезет" [steigen], "пристает" [nachsteigen]. Во французском языке лестничная ступень называется *la marche: «un vieux marcheur»* полностью совпадает с нашим "старым развратником" [Steiger]». [Ср. также с. 295 и далее.]

го тела. [1909.] «Дерево», или «древесина», в силу своих лингвистических связей, по всей видимости, является отображением женского вещества (материи). Название острова *Мадейра* в переводе с португальского означает дерево, древесину. [1911.] Так как «стол и постель» — необходимые атрибуты брака, в сновидении первое нередко заменяет второе, и комплекс сексуальных представлений переносится в таком случае на комплекс еды. [1909.] Из предметов одежды женскую шляпу очень часто с уверенностью можно толковать как гениталии, причем мужчины. Это же относится и к плащу, причем остается невыясненным, какая доля в употреблении этого символа принадлежит созвучию слова[1]. В сновидениях мужчин галстук зачастую выступает символом пениса, и не только потому, что он имеет продолговатую форму, свешивается и является характерным атрибутом мужчины, но и потому, что галстук можно выбрать по своему усмотрению, — свобода, в которой природа отказала означаемому этим символом[2]. Люди, использующие в сновидении этот символ, часто роскошествуют галстуками, буквально собирая целые их коллекции. [1911.] Все сложные механизмы и аппараты в сновидениях — это с большой вероятностью половые органы, как правило, мужские [1919], в изображении которых символика сновидения оказывается столь же неутомимой, как и работа остроумия[3]. [1909.] Совершенно очевидно также, что все виды оружия и инструменты используются как символы мужского члена: плуг, молоток, ружье, револьвер, кинжал, сабля и т.д. [1919.] Также во многих ландшафтах в сновидениях, особенно таких, где имеются мосты или поросшие лесом горы, легко можно распознать изображение гениталий. [1911.] Марциновски [1912*a*]

---

[1] [См. тем не менее Freud 1933*a*, 29-я лекция (*Studienausgabe*, т. I, с. 466).]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Ср. в *Zentbl. Psychoanal.*, т. 2, 675 [Rorschach, 1912] рисунок одной 19-летней маниакальной больной: мужчина со змеей в качестве *галстука*, которая поворачивается к девушке. В связи с этим история «Стыдливый мужчина» (*Anthropophyteia*, т. 6, 334): Одна дама зашла в ванную, а там находился мужчина, который еще не надел рубашку; ему было очень стыдно, но он тут же прикрыл горло передней частью рубашки и сказал: «Прошу прощения, я без *галстука*».

[3] [См. книгу Фрейда об остроумии (1905*c*), в которой он ввел термин «работа остроумия» (по аналогии с «работой сновидения»), чтобы охарактеризовать психические процессы при изобретении острот.]

собрал целый ряд примеров, где сновидцы разъясняли свои сновидения с помощью рисунков, которые должны были изображать содержащиеся в них ландшафты и местности. Эти рисунки прекрасно иллюстрируют различие между явным и скрытым значением сновидения. На первый взгляд они, казалось бы, представляют собой планы, географические карты и т.д., но при более тщательном исследовании раскрываются как изображения человеческого тела, гениталии и т.д. и только после такого истолкования содействуют пониманию сна. (Ср. в этой связи работы Пфистера [1911–1912 и 1913] о криптографии и картинках-загадках.) [1914.] Также и непонятные новые словообразования могут складываться из составных частей с сексуальным значением. [1911.] Даже дети зачастую означают во сне не что иное, как гениталии, ведь мужчинам и женщинам привычно ласково называть свои гениталии «малышом». [1909.] Штекель [1909, 473] верно истолковал «маленького брата» как пенис. [1925.] Игра с маленьким ребенком, физическое наказание малыша и т.д. часто являются изображениями во сне онанизма. [1911.] Целый ряд других, правда, еще недостаточно проверенных символов приводит Штекель, иллюстрируя их примерами. Символическому изображению кастрации служит работа сновидения: облысение, стрижка волос, выпадение зубов и обезглавливание. Появление в сновидении одного из употребительных символов пениса дважды или несколько раз следует понимать как протест против кастрации [1]. Также и появление во сне ящерицы — животного, у которого отрастает оторванный хвост — имеет такое же значение. (Ср. выше сон о ящерице на с. 32–33.) Из животных, использующихся в мифологии и фольклоре в качестве символов гениталий, некоторые играют эту роль и в сновидении: рыба, улитка, кошка, мышь (из-за волосяного покрова в области гениталий), но прежде всего самый важный символ мужского члена — змея. Маленькие животные, вредные насекомые изображают маленьких детей, например, нежеланных братьев и сестер; нашествие паразитов часто можно приравнять к беременности. [1919.]

В качестве совсем недавно возникшего символа мужских гениталий следует назвать дирижабль, использование которого подобным образом в сновидении объясняется его связью с по-

[1] [Эта тема более подробно обсуждается во 2-м разделе работы Фрейда «Зловещее» (1919*b*, *Studienausgabe*, т. 4, с. 258). См. также ниже с. 418.]

летом, а иногда и его формой. [1911.]

Штекель привел и проиллюстрировал примерами ряд других, отчасти еще недостаточно проверенных символов. [1911.] Сочинения Штекеля, особенно его книга «Язык сновидения» (1911), содержат богатейшую коллекцию истолкований символов, которые частично были остроумно разгаданы и оказались верными при проверке, например, в разделе, посвященном символике смерти. Однако недостаточная критичность автора и его склонность к обобщениям любой ценой делают другие его толкования сомнительными или непригодными, так что при использовании этих работ я бы настоятельно рекомендовал сохранять осторожность. Поэтому я ограничусь перечислением нескольких примеров. [1914.]

По мнению Штекеля, *правая и левая стороны* должны пониматься в этическом смысле. «Правая дорога всегда означает путь праведника, левая — путь преступника. Таким образом, левая сторона может изображать гомосексуальность, инцест, перверсию, правая — брак, половой акт с девицей легкого поведения и т.д. Все оценивается в зависимости от индивидуальной моральной позиции сновидца» (Stekel, 1909, 466). *Родственники* вообще играют в сновидении, как правило, роль гениталий (ibid., 473). Здесь я могу подтвердить в этом значении только роль сына, дочери, младшей сестры[1], то есть тех, кто относится к сфере «малыша». И наоборот, в приведенных примерах *сестер* можно трактовать как символы груди, *братьев* — как символы больших полушарий. *Невозможность догнать экипаж* Штекель трактует как сожаление о разнице в возрасте, которую нельзя сгладить (ibid., 479). *Багаж*, с которым путешествует человек, — это греховное бремя, которое тяготит человека (там же). [1911.] Но именно поклажа часто оказывается несомненным символом собственных гениталий. [1914.] Часто возникающим в сновидениях цифрам и числам Штекель также приписал фиксированные символические значения [ibid., 497 ff.], однако такая трактовка не выглядит ни достаточно обоснованной, ни универсальной, хотя в отдельных случаях такое толкование можно признать вполне правдоподобным. [1911.] Впрочем, число три является доказанным с разных сторон символом мужского полового органа[2]. Одно из

---

[1] [И, очевидно, также маленького брата, см. выше с. 365.]

[2] [О роли числа девять см. «Заметки о теории и практике толкования сновидений» Фрейда (1923*d*), *Studienausgabe*, т. 7. с. 303–304.]

обобщений, сделанных Штекелем, относится к двойственному значению символов гениталий. [1914.] «Каким бы ни был символ, он — пусть фантазия и позволяет это отчасти — не мог быть использован в мужском и в женском значении одновременно!» [Stekel, 1911, 73.] Однако это вставочное предложение во многом подрывает достоверность утверждения Штекеля, ибо фантазия позволяет это отнюдь не всегда. Но я все же считаю нелишним сказать, что, по моему опыту, основной тезис Штекеля должен отступить на задний план перед признанием большего разнообразия. Помимо символов, которые столь же часто изображают мужские гениталии, как и женские, существуют такие, которые обозначают преимущественно или почти исключительно один из полов, а также другие, имеющие только мужское или только женское известное нам значение. Использовать длинные, твердые предметы и орудия в качестве символов женских половых органов и полые предметы (ящики, коробки, жестянки и т. п.) в качестве символов мужских фантазия как раз не позволяет. [1911.]

Не подлежит сомнению, что склонность сновидения и бессознательных фантазий использовать сексуальные символы бисексуально выдает архаическую черту, поскольку в детстве различие половых органов остается неизвестным и обоим полам приписываются одинаковые гениталии. [1911.] Однако можно ошибочно предположить наличие бисексуального символа, если забыть о том, что в некоторых сновидениях происходит общая инверсия полов, в результате чего мужское изображается через женское и наоборот. Такие сновидения выражают, например, желание женщины быть мужчиной. [1925.]

Гениталии могут быть представлены в сновидении также и другими частями тела: мужской член — в виде руки или ноги, женское половое отверстие — в виде рта, уха и даже глаза. Выделения человеческого тела — пот, слезы, моча, сперма и т. д. — могут в сновидении заменять друг друга. Это в целом правильное утверждение В. Штекеля [1911, 49] было правомерно уточнено благодаря критическим замечаниям Р. Райтлера (1913*b*).

Речь, в сущности, идет о замене важного продукта секреции, например семени, индифферентным. [1919.]

Этих далеко не полных указаний, возможно, будет достаточно, чтобы побудить других к более тщательной работе по

сбору материала. [1909.][1] Гораздо более подробное изложение символики сновидений я привел в моих «Лекциях по введению в психоанализ» (в 1916–1917 [10-я лекция]). [1919.]

Я приведу теперь несколько примеров использования в сновидениях таких символов, которые должны показать, что невозможно прийти к истолкованию сновидения, игнорируя символику сновидения, и как настойчиво она также навязывается во многих случаях. [1911.] Но здесь же я хотел бы настоятельно предостеречь от того, чтобы переоценивать значение символов для толкования сновидений, например, ограничивать работу перевода сновидения переводом символов, отказавшись от техники использования мыслей сновидца. Обе техники толкования сновидений должны дополнять друг друга; но как в практическом, так и теоретическом отношении приоритет остается за методом, описанным первым, где решающее значение придается высказываниям сновидца, тогда как предпринимаемый нами перевод символов добавляется в качестве вспомогательного средства. [1909.]

1. Шляпа как символ мужчины (мужских гениталий) [1911][2]

(Отрывок из сновидения молодой женщины, страдающей агорафобией вследствие страха соблазнения)

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1911 году:]* При всем отличии понимания Шернером символики сновидения от излагаемого здесь я должен все же подчеркнуть, что Шернера следует признать действительным первооткрывателем символики в сновидении и что данные, полученные психоанализом, задним числом воздали должное его книге, опубликованной много лет назад и считавшейся чистым вымыслом.

[2] [Это и два следующих сновидения впервые были опубликованы в работе «Дополнения к толкованию сновидений» (1911*a*). Сочинение начиналось следующими абзацами, которые с тех пор ни разу не воспроизводились в немецких изданиях:

«Несколько примеров символов сновидения»

«Среди многочисленных возражений против психоаналитической практики самым странным, если не сказать самым невежественным, представляется мне сомнение в существовании символики в сновидении и в бессознательном, поскольку ни один из тех, кто работает психоаналитически, не может отказаться от предположения о наличии такой символики и поскольку уже с самых давних времен люди пытаются понять сновидение с помощью

«Я гуляю летом по улице. На мне соломенная шляпа своеобразной формы: тулья выгнута вверх, а поля свешиваются вниз (здесь она запинается), *причем одна сторона ниже другой. Я в веселом настроении и уверена в себе. Проходя мимо группы молодых офицеров, я думаю: «Вы ничего мне не можете сделать»*.

Поскольку по поводу шляпы в сновидении у нее не возникло ни одной мысли, я говорю ей: «Шляпа, по всей вероятности, — это мужской половой орган с поднятой средней частью и двумя свешивающимися боковыми». То, что шляпа представляет мужчину, возможно, покажется странным, но говорят же: «Unter die Haube kommen!»[1] Я намеренно воздерживаюсь от истолкования

символов. И наоборот, мы готовы признать, что доказывать эту символику необходимо с особой строгостью, чтобы воздать должное господствующему здесь разнообразию.

В дальнейшем я привел несколько примеров из моего недавнего опыта, в которых разгадка посредством определенного символа казалась мне особенно очевидной. Тогда сновидение получает смысл, который в противном случае оно никогда не могло бы иметь, находит свое место во взаимосвязи мыслей сновидца, а сам проанализированный человек считает его истолкованным.

По поводу техники я замечу, что как раз в случае символических элементов сновидений ассоциативные мысли сновидца обычно отказывают, а потому сам по себе этот факт побуждает к попытке символического истолкования. Представляя выбранные мною примеры сновидений, я каждый раз старался четко разграничить мое собственное вмешательство и самостоятельную работу пациента (и сновидца)».

Работа завершается несколькими короткими примерами, которые вошли в раздел Е данной главы (№ 2, 3 и 4 на с. 413–414). В первоначальной работе их предваряет следующее введение:

«Несколько более редких изображений во сне

В качестве фактора, влияющего на образование сновидения, я привел "учет изобразительных возможностей". В преобразовании мысли в визуальный образ проявляется особая способность сновидца, к которой аналитик лишь в редких случаях может подступиться благодаря своим догадкам, а потому он полностью доволен, если сновидец и автор посредством интуитивного понимания указывает ему на значение подобных изображений».]

[1] [«Выйти замуж» (нем.). Буквально: «Попасть под колпак». — *Примечание переводчика*.]

детали, связанной с неравной длиной обоих полей, хотя именно такие подробности в их взаимосвязи обычно указывают путь к толкованию. Я продолжаю: «Итак, если у нее есть муж с таким великолепным половым органом, то ей нечего бояться офицеров, то есть нет надобности что-либо от них желать, ибо из-за своих фантазий о совращении она обычно воздерживается выходить на улицу без защиты и без сопровождения». Такое разъяснение ее страха я мог дать ей неоднократно, опираясь на другой материал.

Заслуживает внимания то, как сновидица ведет себя после этого толкования. Она отказывается от такого описания шляпы и отрицает, что говорила, будто поля шляпы свешиваются вниз. Но я слишком хорошо помню ее слова, чтобы допустить, что я ошибаюсь, и настаиваю на своем. Какое-то время она молчит, а затем находит мужество, чтобы спросить, что означает, что у ее мужа одно яичко ниже другого и у всех ли мужчин это так. Тем самым разъяснилась примечательная деталь шляпы, и все толкование было ею принято.

О шляпе как символе мне было известно задолго до того, как пациентка рассказала мне этот сон. Из других, менее очевидных, случаев я убедился, что шляпа может символизировать также и женские гениталии[1].

2. Малыш — половые органы
Оказаться под колесами — символ полового акта [1911]

(Другое сновидение этой же пациентки, страдающей агорафобией)

Ее мать отсылает свою маленькую дочку, чтобы та шла одна. Потом она едет с матерью по железной дороге и видит, как их малышка идет прямо по рельсам, в результате чего попадает под колеса. Слышно, как хрустят кости (при этом какое-то неприятное чувство, но не ужас). Затем она смотрит из окна вагона, не видно ли сзади частей, и упрекает мать, что та заставила малышку идти одну.

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1911 году:]* Ср. подобный пример в сообщении Кирхграбера (1912). Штекель (1909, 475) приводит сновидение, в котором шляпа со скосившимся набок пером посередине символизирует (страдающего импотенцией) мужчину.

Анализ. Дать здесь полное толкование этого сновидения непросто. Оно относится к циклу сновидений, и его можно полностью понять только во взаимосвязи с ними. Особенно трудно получить в достаточной степени изолированный материал, необходимый для доказательства символики. Больная сначала указывает, что поездку по железной дороге следует толковать исторически, как намек на возвращение из клиники нервных болезней, в руководителя которой она, разумеется, была влюблена. Оттуда ее забирала мать, на вокзале появился врач и на прощание вручил ей букет цветов; ей было неприятно, что матери довелось стать свидетельницей подобного почитания. Таким образом, мать выступает здесь в качестве источника помех в ее любовных стремлениях, и эту роль строгая женщина и в самом деле играла в ее девичьи годы. — Следующая мысль относится к фразе: «Она оглядывается, чтобы посмотреть, не видно ли сзади частей». На фасаде сновидения должна была бы возникнуть естественная мысль о частях оказавшейся под колесами и раздавленной девочки. Однако ее мысль следует в совершенно ином направлении. Она вспоминает, что однажды в ванной комнате видела со спины обнаженного отца, заговаривает о половых различиях и указывает, что у мужчины гениталии можно увидеть и со спины, а у женщины — нет. В связи с этим она сама указывает, что малыш — это гениталии, ее малышка (у нее есть четырехлетняя дочка) — ее собственные половые органы. Она упрекает мать в том, что она требовала от нее жить так, будто у нее вообще нет гениталий, и обнаруживает этот упрек во вступительном предложении сновидения: мать отсылает свою малышку, чтобы та шла одна. В ее фантазии идти одной по улице означает: не иметь мужчины, не иметь сексуальных отношений (*coire* = идти вместе), а этого ей не хотелось. По ее словам, в детском возрасте она и в самом деле страдала от ревности матери из-за предпочтения, которое оказывал ей отец.

Более глубокое толкование этого сновидения вытекает из приснившегося в эту же ночь другого сна, в котором она отождествляет себя со своим братом. В детстве она действительно была озорной девчонкой, и ей часто приходилось слышать, что в ней пропал мальчик. В связи с этой идентификацией с братом становится совершенно ясно, что «малыш» означает половые органы. Мать угрожает ему (ей) кастрацией, которая есть не что иное, как наказание за игру с членом, и тем самым идентификация свидетельствует о том, что, будучи ребенком, она сама

онанировала, хотя воспоминания об этом до сих пор сохранялись исключительно в отношении брата. Знание о мужском половом органе, которое затем было ею утрачено, как следует из этого второго сновидения, было приобретено в раннем возрасте. Далее, второе сновидение указывает на детскую теорию сексуальности, будто девочки получаются из мальчиков в результате кастрации. [Ср. Freud, 1908*c*.] После того как я рассказал ей об этом детском представлении, она сразу же нашла подтверждение этому в известном ей анекдоте, где мальчик спрашивает девочку: «Отрезали?», на что девочка отвечает: «Нет, всегда так было».

Таким образом, то, что в первом сновидении малышку, гениталии, куда-то отправили, также относится к угрозе кастрации. И, наконец, она негодует на мать, что та не родила ее мальчиком.

То, что «попадание под колеса» символизирует половой акт, не было бы понятно из этого сновидения, не будь об этом известно из многих других источников.

3. Изображение половых органов при помощи зданий, лестниц, шахт [1911][1]

(Сновидение одного молодого человека, страдающего комплексом отца)

«Он гуляет с отцом в каком-то месте, скорее всего, на Пратере, ибо видна ротонда с небольшой выступающей частью спереди, к которой привязан воздушный шар, но весь какой-то дряблый. Отец спрашивает его, к чему все это; он этому удивляется, но объясняет ему. Затем они заходят во двор, на котором разложен большой лист жести. Отец хочет оторвать от него большой кусок, но сначала оглядывается, не может ли кто-нибудь его заметить. Он говорит ему, что нужно только сказать смотрителю, и тогда можно будет спокойно взять. Из этого двора вниз ведет лестница в шахту, стены которой набиты чем-то мягким, подобно ко-

[1] [Этот сон вместе с его толкованием Фрейд включил в свои «Лекции по введению в психоанализ» (1916–1917). 12-я лекция, № 7.]

жаному креслу. В конце этой шахты находится длинная платформа, а за ней начинается новая шахта...»

Анализ. Этот сновидец принадлежал к неблагодарному в терапевтическом отношении типу больных, которые до определенного момента в анализе вообще не оказывают сопротивления, но затем становятся почти недоступными. Это сновидение он истолковал практически самостоятельно. Ротонда, сказал он, это мои гениталии, воздушный шар перед ней — мой пенис, на дряблость которого я вынужден жаловаться. Можно перевести более детально: ротонда — это зад, часто причисляемый детьми к гениталиям, небольшой выступ — мошонка. В сновидении отец его спрашивает, к чему все это, то есть о предназначении и функции гениталий. Напрашивается мысль представить это положение вещей так, чтобы стороной, задающей вопрос, был он. Поскольку на самом деле он никогда не спрашивал отца об этом, мысль сновидения следует понимать как желание или принимать ее в условной форме: «Если бы я попросил отца просветить меня в сексуальных вопросах...» Продолжение этой мысли мы вскоре обнаружим в другом месте.

Двор, на котором разложена жесть, не следует сразу понимать символически — он относится к торговому помещению отца. По причине неразглашения тайны я заменил «жестью» другой материал, которым торгует отец, не изменив ни в чем остальном дословный пересказ сновидения. Сновидец вошел в дело отца и был очень шокирован теми скорее некорректными уловками, на которых отчасти основывается получение прибыли. Поэтому продолжение вышеупомянутой мысли могло бы гласить: «(Если бы я его спросил) он бы меня обманул, как обманывает своих покупателей». По поводу *отламывания*, служащего для изображения деловой непорядочности, сновидец сам дает второе объяснение: оно означает онанизм. Это нам не только давно известно (см. выше с. 343, прим. 4), но и очень хорошо согласуется с тем, что тайна онанизма выражена через противоположность (ведь это можно делать открыто). Далее, это соответствует всем ожиданиям, что занятие онанизмом опять-таки приписывается отцу, как и вопрос в первой части сновидения. Шахту он сразу же истолковывает как вагину, ссылаясь на мягкую обивку стен. То, что спуском, как и подъемом, обычно изображается половой акт в вагине, мне известно из других источников (ср. мое примечание [в 1910*d*]; см. выше с. 362, прим. 2).

Те детали, что за первой шахтой следует длинная платформа, а затем новая шахта, он сам объясняет биографически. Он долгое время вел половую жизнь, затем отказался от половых сношений вследствие затруднений, а теперь надеется опять их

возобновить с помощью лечения. Однако к концу сновидение становится менее ясным, и знатоку должно показаться правдоподобным, что уже во второй сцене сновидения сказывается влияние другой темы, на которую указывают торговое дело отца, его мошенничество, представленная в виде шахты вагина, а потому здесь можно предположить отношение к матери[1].

4. Мужские гениталии символизируются людьми, а женские — ландшафтом [1911]

(Сновидение простой женщины, муж которой работает сторожем, сообщенное Б. Даттнером)

«...Затем кто-то забрался в дом, и она в страхе позвала сторожа. Но тот вместе с двумя "бродягами" мирно отправился в церковь[2], вверх к которой вели несколько ступеней [3]; позади церкви находилась гора[4], а наверху — густой лес[5]. На стороже был шлем, круглый воротник и плащ . У него была рыжая борода. Оба ваганта, которые мирно[6] шли со сторожем, носили на бедрах длинные мешкообразные фартуки[7]. От церкви в гору вела дорога. Она с обеих сторон поросла травой и кустарником, который становился все гуще, а на вершине горы превратился в дремучий лес».

---

[1] [При первой публикации этого сновидения (Freud, 1911*a*) имелся также следующий абзац:]

«В целом это сновидение принадлежит к редкой группе "биографических" снов, в которых сновидец в форме продолжающегося рассказа дает обзор своей сексуальной жизни. (Ср. пример на с. 249 "Толкования сновидений", 2-е изд. [выше, с. 355].) Тому, как часто здания, местности, ландшафты используются для символического изображения тела и прежде всего гениталий, действительно стоило бы посвятить обобщающую статью, проиллюстрированную многочисленными примерами».

[2] Или капелла = вагина.

[3] Символ коитуса.

[4] Mons veneris.

[5] Crines pubis.

[6] Демоны в плащах и капюшонах, по мнению одного специалиста, имеют фаллическую природу.

[7] Две части мошонки.

5. Сны о кастрации у детей [1919]

а) «Мальчик в возрасте трех лет и пяти месяцев, которому возвращение с поля отца доставляет явное неудобство, однажды утром просыпается растерянный и взволнованный, все время повторяя вопрос: *"Почему папа нес голову на тарелке? Сегодня ночью папа нес голову на тарелке"»*.

б) «Студент, ныне страдающий тяжелым неврозом навязчивости, вспоминает, что в шесть лет ему часто снился следующий сон. *Он идет к парикмахеру, чтобы постричься. Тут вдруг к нему подходит крупная женщина со строгими чертами лица и отсекает ему голову. В этой женщине он признает мать»*.

6. Символика мочеиспускания [1914]

Воспроизведенные здесь рисунки относятся к ряду картинок, которые Ференци обнаружил в одном венгерском юмористическом журнале («Fidibusz») и счел пригодными для иллюстции теории сновидений. О. Ранк уже использовал (см. с. 376) эту репродукцию, озаглавленную как «Сновидение французской бонны», в своей работе о символических наслоениях в пробуждающих снах, и т.д. (1912*a*, 99). Только последняя картинка, которая изображает пробуждение бонны от крика ребенка, показывает нам, что предыдущие семь представляют стадии сновидения. Первая картинка иллюстрирует раздражитель, который должен был привести к пробуждению. Мальчик выразил потребность и нуждается в соответствующей помощи. Однако сновидение смешивает ситуацию в спальне с прогулкой. На второй картинке она уже отвела мальчика за угол, он мочится, а она может продолжать спать. Но раздражитель, приводящий к пробуждению, сохраняется, более того, он усиливается; мальчик, на которого не обращают внимания, ревет все сильнее. Но чем активнее он требует от своей бонны, чтобы она проснулась и помогла ему, тем сильнее сновидение убеждает ее в том, что все в порядке и что ей нет надобности просыпаться. При этом оно переводит пробуждающий раздражитель на уровень символа. Поток воды, создаваемый писающим мальчиком, становится все сильнее. На четвертой картинке по нему уже несется байдарка, затем гондола, парусник и, наконец, огромный пароход! Озорной художник наглядно отобразил здесь борьбу между упорной потребностью во сне и неутомимым пробуждающим раздражителем.

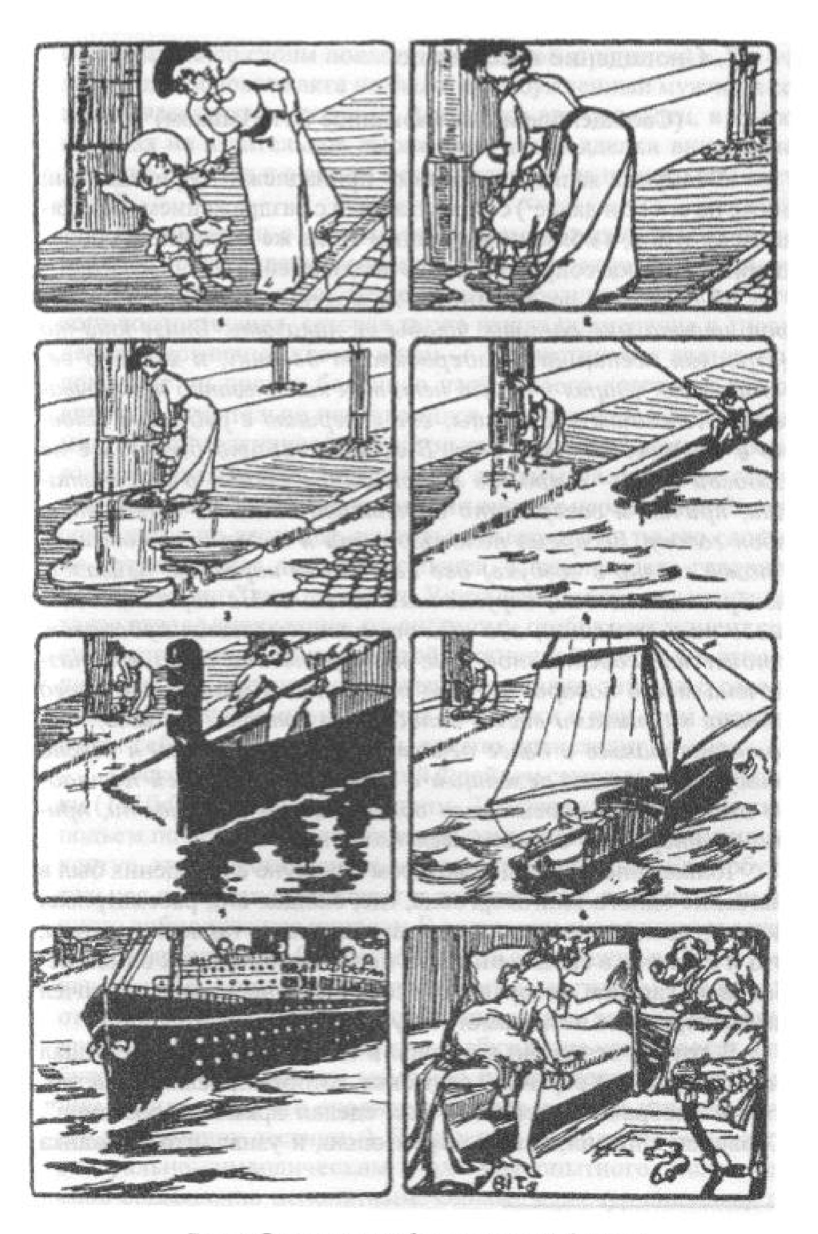

Рис. «Сновидение французской бонны»

7. Сновидение о лестнице

(Сообщенное и истолкованное Отто Ранком)[1]

«Этому же коллеге, которому принадлежит (приведенный ниже на с. 412 и далее[2]) сон, связанный с раздражением, исходящим от зубов, я обязан следующим столь же наглядным сновидением, которое сопровождалось поллюцией.

Я бегу вниз по лестнице за маленькой девочкой, которая что-то мне сделала, чтобы ее наказать. Внизу кто-то (взрослая женщина?) задерживает девочку, я хватаю ее, но не знаю, ударил я ее или нет, так как внезапно я оказываюсь на середине лестницы, где совершаю с ребенком (словно в воздухе) половой акт. В сущности, это был даже не половой акт — я просто терся своим членом о ее гениталии, причем я совершенно отчетливо видел ее откинутую вбок голову. Во время полового акта я видел слева от себя (тоже словно в воздухе) две небольшие картины, пейзажи, изображавшие дом, окруженный зеленью. На картине меньшего размера внизу, где обычно расписывается художник, стоит мое собственное имя, как будто она была предназначена мне в подарок ко дню рождения. Кроме того, перед обеими картинами висит записка, на которой указано, что имеются также и более дешевые картины; (затем я неясно вижу себя самого лежащим в постели на верхней площадке лестницы) и просыпаюсь от ощущения влажности, причина которой — случившаяся поллюция.

Толкование. Сновидец вечером накануне сновидения был в магазине одного книготорговца, где, ожидая его, рассматривал некоторые из выставленных картин, имевшие такие же мотивы, что и картины в сновидении. Он подошел поближе к одной небольшой картине, которая ему особенно понравилась, и прочел имя совершенно незнакомого ему художника.

В тот же вечер он, находясь в одном обществе, услышал рассказ об одной странной служанке, которая прославилась тем, что ее внебрачный ребенок "был сделан прямо на лестнице". Сновидец спросил, как это произошло, и узнал, что служанка

---

[1] [По-видимому, нигде больше не опубликованное.]

[2] [Примечание Фрейда.]

отправилась со своим поклонником домой к родителям, где условий для полового акта не было, и возбужденный мужчина совершил коитус на лестнице. В ответ на это сновидец, в шутку намекая на язвительное выражение для подделки вина, заметил, что ребенок и в самом деле "появился на подвальной лестнице".

Таковы связи с предыдущим днем, которые довольно назойливо представлены в сновидении и сразу же репродуцируются сновидцем. Но столь же легко он репродуцирует часть детского воспоминания, которая также нашла применение в сновидении. Лестничная клетка в нем — это лестничная клетка того дома, где он провел большую часть своего детства и где он впервые сознательно познакомился с сексуальными проблемами. На этой лестничной клетке он часто играл и, помимо прочего, спускался верхом по перилам, испытывая при этом сексуальное возбуждение. В сновидении он тоже необычайно быстро спускается по лестнице, настолько быстро, что, по его словам, не дотрагивается даже до ступенек, а, как принято говорить, "*слетает* вниз" или съезжает. Учитывая детское переживание, такое начало сновидения, по-видимому, отображает момент сексуального возбуждения. На этой лестничной клетке и в относящейся к ней квартире сновидец часто также затевал с соседскими детьми сексуальные игры-потасовки и при этом удовлетворял себя таким же образом, как это происходит во сне.

Поскольку из исследований Фрейдом сексуальной символики (1910*d* [см. выше с. 362, прим. 2]) известно, что лестница и подъем по лестнице в сновидении почти всегда символизируют коитус, этот сон становится совершенно понятным. Его побудительная сила, как показывает и его результат, поллюция, имеет чисто либидинозную природу. В состоянии сна возникает сексуальное возбуждение (представленное в сновидении в образе того, как сновидец мчится или слетает вниз по лестнице), садистский оттенок которого связан с игрой, когда надо догнать и одолеть другого ребенка. Либидинозное возбуждение усиливается и побуждает к сексуальному действию (изображенному в сновидении в виде того, что сновидец хватает ребенка и перемещает его на середину лестницы). До сих пор сновидение было чисто сексуально-символическим и для малоопытного толкователя снов совершенно непонятным. Однако чересчур сильному либидинозному возбуждению такого символического удовлетворения, которое не нарушило бы спокойствия сна, недостаточно.

Возбуждение ведет к оргазму, и в результате вся символика, связанная с лестницей, разоблачается как изображение коитуса. Если Фрейд в качестве одной из причин сексуального использования этого символа, то есть лестницы, указывает на ритмический характер обоих действий, то, как нам кажется, данное сновидение свидетельствует об этом со всей отчетливостью, поскольку, по категорическому утверждению сновидца, ритмика полового акта, движения вверх и вниз, была наиболее явно выраженным элементом во всем сновидении.

Еще одно замечание по поводу обеих картин, которые помимо их реального значения имеют еще и символический смысл, выступая в качестве "женских", что вытекает уже из того, что речь здесь идет об одной большой и об одной маленькой картине, точно так же, как в содержании сновидения присутствуют одна большая (взрослая) женщина и маленькая девочка. То, что имеются также и более дешевые картины, ведет к комплексу проститутки, как и, с другой стороны, имя сновидца на маленькой картине и мысль о том, что она предназначена ему в подарок ко дню рождения, указывают на комплекс отца (родился на лестнице — зачат при коитусе). Неясная заключительная сцена, где сновидец видит себя самого лежащим в постели на верхней площадке лестницы и ощущает влажность, помимо детского онанизма восходит, по-видимому, к раннему детству и, вероятно, имеет прообразом исполненные удовольствием проявления энуреза».

8. Модифицированное сновидение о лестнице [1911]

Одному своему пациенту, тяжелобольному человеку, ведущему аскетический образ жизни, [бессознательная] фантазия которого фиксирована на его матери и которому постоянно снилось, что он поднимается по лестнице в сопровождении матери, я делаю замечание, что умеренная мастурбация, вероятно, была бы ему менее вредна, чем его вынужденное воздержание. Эти слова вызывают у него следующее сновидение.

«Учитель музыки упрекает его, что он забросил игру на рояле, не учит "Этюды" Мошеля и "Gradus ad Parnassum" Клементи».

Пациент по этому поводу замечает, что *Gradus* — это также лестница, и сама клавиатура — лестница, потому что она содержит последовательность.

Можно сказать, что нет ни одного круга представлений, который нельзя было бы использовать для изображения сексуальных явлений и желаний.

9. Чувство действительности и изображение повторения [1919]

Ныне 35-летний мужчина рассказывает хорошо запомнившийся сон, приснившийся, как он утверждает, когда ему было четыре года. *Нотариус, у которого хранилось завещание отца* — он потерял отца в трехлетнем возрасте, — *принес две большие королевские груши, одну из которых ему дали съесть. Другая лежала на подоконнике в комнате.* Он проснулся с убеждением реальности того, что приснилось, и настойчиво потребовал у матери вторую грушу; ведь она лежала на подоконнике. Мать посмеялась над этим.

Анализ. Нотариус был приветливым пожилым господином, который, как вспоминает сновидец, однажды действительно принес груши. Подоконник был именно таким, каким он видел его во сне. Ничего другого по этому поводу ему на ум не приходит; разве что незадолго до этого мать рассказала ему один сон. У нее на голове сидят две птицы, она спрашивает себя, когда же они улетят, но они не улетают, а одна из них подлетает к ее ргу и начинает из него сосать.

Поскольку у сновидца нет никаких идей, это дает нам право попытаться дать символическое толкование. Две груши — *pommes ou poires* — являются грудью кормившей его матери; подоконник — это выступающий бюст, точно так же, как балконы в сновидении о домах (ср. с. 362). Чувство действительности после пробуждения имеет под собой основания, ибо мать действительно кормила его грудью — даже дольше обычного, — и ему попрежнему хотелось иметь материнскую грудь[1]. Это сновидение

---

[1] [Ср. с. 203. На этом моменте — а именно на том, что особенно сильное чувство реальности сновидения или его части, которое возникает у просыпающегося человека, связано со скрытыми мыслями сновидения, — Фрейд настаивает также в конце второй главы своего очерка о «Градиве» Йенсена (1907*a*, *Studienausgabe*, т. 10, с. 54–56), а также в первых своих комментариях к сновидению «Вольфсманна» (1918*b*, раздел IV, *Studienausgabe*, т. 8, с. 153).]

можно перевести так: мама, дай (покажи) мне снова грудь, из которой я пил когда-то раньше. Слово «раньше» изображается в виде съеденной груши, слово «снова» — в виде требования дать другую. *Временное повторение* действия обычно изображается в сновидении через *числовое увеличение* объекта.

Разумеется, очень странно, что символика уже играет определенную роль в сновидении четырехлетнего ребенка, но это не исключение, а правило. Можно сказать, что сновидец *с самого начала* обладает символикой.

Насколько рано — в том числе и помимо жизни во сне — человек начинает пользоваться символическим изображением, можно понять из следующего воспоминания ныне 27-летней дамы, не обусловленного чьим-то влиянием. *Ей примерно три с половиной года. Девушка, присматривающая за детьми, предлагает ей, ее младшему на одиннадцать месяцев брату и их кузине, которая по возрасту находится между ними, сходить в уборную, чтобы перед прогулкой справить свои небольшие дела. Как самая старшая, она садится на сиденье, двое других на горшки. Она спрашивает кузину: «У тебя тоже есть портмоне? У Вальтера колбаска, а у меня портмоне». Ответ кузины: «Да, у меня тоже портмоне». Няня, улыбаясь, слушает и рассказывает об этом разговоре маме, которая в ответ резко ей выговаривает.*

Здесь включено сновидение, красивая символика которого позволила дать толкование с незначительной помощью сновидицы.

10. «К вопросу о символике в сновидениях здоровых людей» [1914][1]

«Возражение, часто выдвигаемое противниками психоанализа — в том числе и Хэвлоком Эллисом (1911, 168) — заключается в том, что символика сновидения, возможно, является продуктом невротической психики, но совершенно ни в коем случае не относится к нормальным людям. Если психоаналитическое исследование не выявило вообще никаких принципиальных различий между нормальной и невротической душевной жизнью, а установило только количественные различия, то анализ снови-

[1] Альфред Робитзек (1912).

дений, в которых и у здоровых, и у больных людей в равной степени действуют вытесненные комплексы, указывает на полное тождество механизмов, например, символики. Более того, естественные сновидения здоровых людей часто содержат гораздо более простую, более ясную и более характерную символику, чем сны невротиков, в которых ее часто приходится истолковывать с большими мучениями, неясностями и усилиями из-за более сильного влияния цензуры и вытекающего из него постоянного искажения сновидения. Приведенное далее сновидение служит иллюстрацией этого факта. Оно возникло у одной не страдающей неврозом, несколько чопорной и сдержанной девушки; во время беседы я узнаю, что она обручена, но что ее браку мешают препятствия, которые могут его отсрочить. Она мне спонтанно рассказывает следующий сон.

"I arrange the centre of a table with flowers for a birthday". (Я ставлю в центр стола цветы на день рождения.) В ответ на вопросы она отвечает, что ей снилось, будто она находилась в собственном доме (которым в настоящее время она не владеет) и *чувствовала себя счастливой.*

"Популярная" символика позволяет мне перевести для себя сновидение. Оно является выражением невестиного желания: стол с цветами посередине символизирует ее саму и гениталии; она представляет исполненным свои желания, связанные с будущим, уже сейчас погружаясь в мысли о рождении ребенка; свадьба же, следовательно, оказывается далеко позади.

Я обращаю ее внимание на то, что *"the centre of a table"* является непривычным выражением, однако о том, в чем она признается, здесь, разумеется, нельзя расспрашивать напрямую. Я старательно пытался не внушить ей значение символов и спросил ее только о том, что ей приходит на ум по поводу отдельных частей сновидения. В ходе анализа ее сдержанность уступила место явному интересу к истолкованию и открытости, которые содействовали серьезности беседы. На мой вопрос, что это были за цветы, она сначала ответила: *"Expensive flowers; one has to pay for them"* (дорогие цветы, за которые нужно платить), а затем, что это были *"lilies of the valley, violets and pinks or carnations"* (ландыши, дословно: лилии из долины, фиалки и гвоздики). Я предположил, что в этом сновидении слово "лилия" выступает в своем популярном значении как символ целомудрия; она подтверждает это предположение, поскольку по поводу *"лилии"* ей пришло в голову слово *"purity"* (чистота). *"Valley"*,

долина, является часто встречающимся в сновидении символом женщины; таким образом, случайное совпадение обоих символов в английском названии ландыша становится символикой сновидения, используемой для подчеркивания ее ценного качества, девственности — expensive flowers, one has to pay for them — и для выражения ожидания того, что мужчина сумеет по достоинству его оценить. В случае каждого из трех цветков, выступающих в качестве символов, замечание *expensive flowers* и т.д. имеет, как будет показано, иное значение.

Тайный смысл внешне совершенно асексуальных *"violets"* я пытался — очень смело, как я считал — объяснить бессознательной связью с французским словом *"viol"*. К моему удивлению, у сновидицы возникла ассоциация с *"violate"*, английским словом, означающим "насиловать". Случайное сходство слов *"violet"* и *"violate"* — в английском языке они различаются только акцентом на последнем слоге — используется сновидением, чтобы "с помощью цветка" выразить мысль о насильственности дефлорации (это слово тоже использует символику цветов), возможно, также мазохистскую черту девушки. Прекрасный пример словесных мостиков [см. с. 349, прим.], по которым ведут пути к бессознательному. Выражение *"One has to pay for them"* означает здесь жизнь, которой она должна заплатить за то, чтобы стать женщиной и матерью.

По поводу *"pinks"*, которые она затем называет *"carnations"*, у меня возникает ассоциация со словом "телесный". Однако у нее возникает мысль о *"colour"* (цвет). Она добавила, что *carnations* — это цветы, которые часто и в большом количестве дарит ей жених. К концу беседы она неожиданно признается, что не сказала мне правды, что ей пришло на ум не *"colour"*, а *"incarnation"* (воплощение), то есть то слово, которое я ожидал; впрочем, и мысль о "colour" не далека от этого, она обусловлена еще одним значением слова *carnation* — телесный цвет, то есть комплексом. Эта неискренность свидетельствует о том, что в этом месте сопротивление было наиболее мощным, и это связано с тем обстоятельством, что символика здесь наиболее очевидна, а борьба между либидо и вытеснением в связи с этой фаллической темой была особенно сильна. Замечание, что эти цветы ей часто дарил жених, наряду с двойным значением слова *"carnation"* служит еще одним указанием на их фаллический смысл в сновидении. Дневной повод — дарение цветов — используется для того, чтобы выра-

зить мысль о сексуальном подарке и подарке в ответ: она дарит девственность и ожидает взамен богатую любовную жизнь. И здесь тоже слова *"Expensive flowers, one has to pay for them"* могут иметь реальное, связанное с деньгами значение. Таким образом, символика цветов в сновидении содержит символ девственности, мужской символ и связь с насильственной дефлорацией. Следует указать на то, что сексуальная символика цветов, которая, впрочем, также весьма распространена, символизирует половые органы человека с помощью цветов, то есть "половых органов" растений; возможно, дарение цветов возлюбленным вообще имеет это бессознательное значение.

День рождения, к которому она готовится в сновидении, видимо, означает рождение ребенка. Она идентифицирует себя с женихом, изображает его так, словно он подготавливает ее к родам, то есть совершает с ней половой акт. Скрытая мысль, возможно, гласит: "Будь я тобой, я не стала бы ждать, а дефлорировала бы невесту, не спрашивая ее, применив силу"; на это указывает также слово *"violate"*. Таким образом, здесь выражаются также и садистские компоненты либидо.

В более глубоком слое сновидения слова "*I arrange* etc.", возможно, имеют аутоэротическое, то есть инфантильное значение.

Она также признается себе — что для нее возможно только во сне — в своей телесной ущербности; она видит себя плоской, как стол; тем больше подчеркивается ценность *"centre"* (в другой раз она называет это *"a centre piece of flowers"*), ее девственность. Также и горизонтальное положение стола, возможно, становится элементом символа. Достойна внимания концентрация сновидения; нет ничего лишнего, каждое слово — символ.

Позднее она делает дополнение к сновидению: *"I decorate the flowers with green crinkled paper"*. (Я украшаю цветы зеленой гофрированной бумагой.) Она добавляет, что это *"fancy paper"* (разукрашенная бумага), которой обычно прикрывают горшки с цветами. Затем она говорит: *"To hide untidy things, whatever was to be seen, which was not pretty to the eye; there is a gap, a little space in the flowers"*. То есть: "Чтобы скрывать грязные вещи, на которые неприятно смотреть; щель, небольшой зазор между цветами". *"The paper looks like velvet or moss"* ("бумага выглядит как мох или бархат"). По поводу *"decorate"*, как я и ожидал, у нее возникает ассоциация с *"decorum"*. Преобладает зеленый цвет; она ассоциирует с ним *"hope"* (надежду), снова связь с беременностью. В этой части сновидения не

превалирует идентификация с мужчиной, а проявляются мысли о стыде и открытости. Она украшает себя для него, признается в физических недостатках, которых она стыдится и которые старается исправить. Мысли о бархате, мохе — это явные указания на то, что речь идет о *crines pubis*.

Сновидение является выражением мыслей, которые едва ли известны бодрствующему мышлению девушки; мыслей, которые относятся к чувственной любви и ее органам; она "готовится ко дню рождения", то есть к коитусу; здесь проявляются страх дефлорации и, по-видимому, сладострастное страдание; она признается в своих физических недостатках, сверхкомпенсирует, завышая ценность своей девственности. Ей стыдно, но она оправдывает свою чувственность тем, что ее цель — ребенок. Также находят свое выражение и материальные соображения, чуждые влюбленным.

Аффект простого сновидения — чувство счастья — свидетельствует о том, что здесь нашли свое удовлетворение сильные эмоциональные комплексы». Ференци (1917) справедливо обратил внимание на то, как легко именно «сновидения наивного человека» позволяют разгадать смысл символов и значение сновидений. [1919.]

Я включаю сюда нижеследующий анализ сновидения исторической личности и при этом нашего современника, поскольку предмет, который и в иных случаях вполне бы мог подойти для изображения мужского члена, благодаря дополнительному определению самым отчетливым образом характеризуется в нем как фаллический символ. «Бесконечное удлинение» хлыста едва ли может означать так легко нечто иное, нежели эрекцию. Кроме того, это сновидение служит прекрасным примером того, как серьезные и далекие от сексуальности мысли изображаются с помощью инфантильно-сексуального материала. [1919.]

11. Сновидение Бисмарка [1919]

(Доктор Ганс Захс [1913])

«В своей книге "Мысли и воспоминания" Бисмарк рассказывает (т. 2 популярного издания, с. 222 [1898, т. 2, 194]) об одном письме, которое он написал 18 декабря 1881 года императо-

ру Вильгельму. В этом письме имеется следующее место: "Сообщение Вашего Высочества воодушевляет меня рассказать один сон, приснившийся мне весной 1863 года в самые тяжелые дни конфликта, из которого не видно было никакого приемлемого выхода. Мне приснилось, и я рассказал об этом сразу же утром моей жене и другим свидетелям, что я ехал верхом по узкой альпийской тропе, справа пропасть, слева скалы; тропа становилась все уже, в результате лошадь отказалась повиноваться, а повернуть назад и спешиться было невозможно из-за недостатка места. Тогда я ударил своим хлыстом, зажатым в левой руке, по гладкой стене скалы и призвал Бога; хлыст стал бесконечно длинным, скала свалилась, словно кулисы, и открыла широкую дорогу с видом на холм и лесной массив, как в Богемии, прусские войска со знаменами, и у меня еще во сне появилась мысль о том, как бы поскорее сообщить об этом Вашему Высочеству. Этот сон сбылся, и я проснулся после него радостный и приободренный..."

Действие в сновидении разделяется на две части: в первой части сновидец оказывается в тяжелом положении, из которого он затем, во второй части, чудесным образом выпутывается. Трудное положение, в котором находятся конь и всадник, является легко понятным изображением в сновидении критической ситуации государственного деятеля, которую он, возможно, со всей горечью ощутил вечером накануне сновидения, размышляя о проблемах своей политики. В вышеупомянутом письме Бисмарк в иносказательной форме изображает безысходность тогдашнего своего положения; то есть оно было ему совершенно знакомым и понятным. Наряду с этим мы, пожалуй, имеем также прекрасный пример описанного Зильберером "функционального феномена" [ср. с. 505 и далее]. Процессы в душе сновидца, который, каждый раз обдумывая решение, наталкивается на непреодолимые препятствия, но, несмотря на это, не может и не имеет права не заниматься проблемами, очень точно передаются в образе всадника, не способного ни идти вперед, ни повернуть обратно. Гордость, запрещающая ему думать о сдаче или об отступлении, выражается в сновидении словами: "Повернуть назад и спешиться было невозможно". В своем качестве всегда активно действующего человека, который мучается ради чужого блага, Бисмарку напрашивалось сравнение себя с лошадью, и он это делал уже по разным поводам, например, в своем известном изречении: "Храбрая лошадь умирает на посту". В таком истолковании слова о том,

что "лошадь отказалась повиноваться", означают не что иное, как его мысль: слишком усталый человек ощущает потребность отвлечься от всех текущих забот, или, выражаясь иначе, избавиться от оков принципа реальности с помощью сна и сновидения. Исполнение желания, которое затем столь явно дает о себе знать во второй части, уже здесь имеет прелюдию в выражении "альпийская тропа". Бисмарк уже тогда, пожалуй, знал, что свой следующий отпуск он проведет в Альпах, а именно в Гаштайне; таким образом, сновидение, поместившее его туда, одним ударом освободило его от всех надоедливых государственных дел.

Во второй части желания сновидца изображаются исполненными двояким образом — явно и неприкрыто, но наряду с этим еще и символически. Символически — через исчезновение сдерживающей скалы, вместо которой появляется широкая дорога, то есть желанный выход в самой удобной форме, неприкрыто — через открывшийся вид продвигающихся прусских войск. Для объяснения этого пророческого видения совсем не нужно конструировать мистические взаимосвязи; здесь вполне достаточно фрейдовской теории исполнения желаний. Уже тогда в качестве наилучшего выхода из внутренних конфликтов Бисмарк страстно желал победоносной войны Пруссии с Австрией. Если он видит прусские подразделения со своими знаменами в Богемии, то есть во вражеской стране, то это значит, как постулирует Фрейд, что сновидение тем самым изображает это желание как исполненное. В индивидуальном отношении примечательно только то, что сновидец, о котором здесь идет речь, не довольствовался исполнением желания во сне, но и сумел добиться этого в реальности. Любому знатоку психоаналитической техники толкования должна броситься в глаза такая деталь, как хлыст, который становится "бесконечно длинным". Хлыст, посох, пика и т. п. известны нам как фаллические символы; но если этот хлыст обладает еще и таким обращающим на себя внимание свойством фаллоса, как способность увеличиваться в размерах, то здесь едва ли могут быть какие-либо сомнения. То, что явление преувеличивается — хлыст удлиняется до "бесконечности", — по-видимому, указывает на инфантильный гиперкатексис[1]. Взятие в руки хлыста — это явный намек на мастурба-

[1] [Очевидно, Захс использует это понятие лишь в смысле «дополнительного катексиса», а не в особом значении, которое Фрейд дает ему ниже на с. 594, 603 и 615.]

цию, причем, разумеется, следует иметь в виду не нынешнюю ситуацию сновидца, а оставшееся далеко позади детское удовольствие. Очень ценным является здесь найденное доктором Штекелем [1909, 466 и далее.] толкование, в соответствии с которым *левая сторона* означает в сновидении неправоту, запретное, грех, что очень хорошо подходит к детскому онанизму, которым ребенок занимается вопреки всем запретам. Между этим самым глубоким, инфантильным слоем и высшим, который относится к распорядку дня государственного деятеля, можно выявить еще и средний слой, связанный с двумя другими. Весь процесс чудесного освобождения из тяжелого положения благодаря удару о скалу и призыву к Богу как помощнику необычайно напоминает библейскую сцену, а именно то, как Моисей выбивает из скалы воду для изнывающих от жажды детей Израиля. Мы можем сразу предположить, что Бисмарк, вышедший из протестантской семьи, верующей в Священное писание, был хорошо знаком с этим местом в Библии. В конфликтное время Бисмарку нетрудно было сравнить себя с предводителем Моисеем, которому народ, который он хотел освободить, отплатил отвержением, ненавистью и неблагодарностью. Такова возможная связь с актуальными желаниями. С другой стороны, место в библии содержит некоторые детали, которые очень хорошо укладываются в фантазию о мастурбации. Вопреки Божьему велению Моисей хватается за посох, и за это прегрешение Господь наказывает его, возвещая, что он должен будет умереть, не вступив на землю обетованную. Запретное хватание за посох (в сновидении, несомненно, фаллический), получение жидкости в результате ударов им и угроза смерти — все это в совокупности основные моменты детской мастурбации. Интересна переработка, которая с помощью библейской истории соединяет эти два гетерогенных образа, один из которых возник в уме гениального государственного деятеля, а другой происходит из побуждений примитивной детской души, и при этом устраняет все неприятные моменты. То, что хватание посоха представляет собой запретное, крамольное действие, символически обозначается "левой" рукой, которой оно совершается. Однако при этом в явном содержании сновидения сновидец взывает к Богу, словно для того, чтобы демонстративно отмести всякую мысль о запрете или тайне. Из двух обещаний, данных Моисею Богом,

что он увидит землю обетованную, но на нее не вступит, одно очень ясно изображается как исполненное ("вид на холм и лесной массив"), другое, в высшей степени неприятное, не упоминается вовсе. Вода, вероятно, стала жертвой вторичной переработки [ср. с. 491 и далее], успешно достигшей объединения этой сцены с предыдущей: вместо воды падает сама скала.

Конец инфантильной фантазии о мастурбации, в которой представлен мотив запрета, в соответствии с нашими ожиданиями должен быть таков, что ребенку хочется, чтобы никто из авторитетных людей из его окружения не узнал о том, что произошло. В сновидении это желание заменяется противоположностью — желанием тут же сообщить о случившемся императору. Но эта инверсия прекрасно и совершенно незаметно присоединяется к фантазии о победе, содержащейся в самом верхнем слое мыслей сновидения и в одной части его явного содержания. Такой сон о победе и завоевании часто служит ширмой для эротического желания завоевывать; отдельные особенности сновидения, например, то, что вторгающемуся оказывают сопротивление, а после использования удлиняющегося хлыста появляется широкая дорога, возможно, указывают на это, однако их недостаточно, чтобы на основе этого раскрыть определенное, пронизывающее весь сон направление мыслей и желаний. Мы видим здесь образцовый пример вполне удавшегося искажения в сновидения. Предосудительное было переработано так, что оно нигде не выдается за ткань, которая расстелена над ним в качестве защитного покрытия. Как следствие удалось воспрепятствовать какому бы то ни было высвобождению страха. Это является идеальным случаем удавшегося исполнения желания без нарушений со стороны цензуры, а потому мы можем понять, что сновидец пробудился от этого сна "радостный и приободренный».

В заключение я приведу

12. Сон одного химика [1909]

молодого человека, стремившегося ради полового акта с женщиной отказаться от привычки онанировать.

Предварительное сообщение. Накануне сновидения он разъяснял одному студенту сущность реакции Гриньяра, при которой магнезия при каталитическом действии йода растворяется в абсолютно чистом эфире. За два дня до этого во время такой же реакции произошел взрыв, в результате которого рабочий обжег себе руку.

Сновидение I. *Он должен приготовить бромистое соединение фенила и магнезии, отчетливо видит аппаратуру, но при этом сам выступает в роли магнезии. Он в нерешительности и все время себе говорит: «Все правильно, мои ноги растворяются, колени становятся мягкими». Затем он ощупывает ступни, вынимает (сам не зная, как) из колбы ноги и снова себе говорит: «Этого не может быть. Нет, все сделано правильно». При этом он частично просыпается, повторяет про себя сновидение, потому что хочет мне его рассказать. Он боится забыть его, очень возбужден в этом полусне и постоянно повторяет: «Фенил, фенил».*

Сновидение II. *Он со всей семьей находится в ***инге, в половине двенадцатого он должен быть на свидании у Шотландских ворот с одной дамой, но просыпается только в половине двенадцатого. Он сам себе говорит: «Уже слишком поздно; пока ты дойдешь, будет половина первого». В следующий момент он видит всю свою семью, собравшуюся за столом, особенно отчетливо мать и горничную с кастрюлей для супа. Тогда он говорит про себя: «Ну, раз уже мы едим, я не смогу уйти».*

Анализ. Несомненно, что и первое сновидение имеет отношение к даме, с которой у него назначено свидание (сновидение приснилось в ночь перед ожидавшейся встречей). Студент, которому он давал разъяснения, очень неприятный тип; он сказал ему: «Это неправильно», потому что магнезия была пока еще совершенно нетронутой, а тот ответил, как будто это его ничуть не касалось: «Ничего не поделаешь». Этот студент, вероятно, он сам; он так же равнодушен к своему *анализу*, как тот к *синтезу*, а он, совершающий в сновидении операцию, — это я. Каким неприятным он должен казаться мне со своим равнодушием к успешному результату!

С другой стороны, он — это то, с помощью чего производится анализ (синтез). Речь идет об успешности лечения. Ноги в сновидении напоминают о впечатлении от вчерашнего вечера.

На уроке танца он встретился с одной дамой, которую ему хочется покорить; он так крепко прижал ее к себе, что однажды она даже вскрикнула. Прижавшись к ее ногам, он почувствовал, что в ответ она тоже прижалась к его ноге от щиколотки до верхней части колена, то есть к тем местам, которые были упомянуты в сновидении. Таким образом, в этой ситуации женщина — это магнезия в реторте, с которой в конце концов все будет в порядке. По отношению ко мне он столь же женоподобен, как мужественен по отношению к женщине. Будет все в порядке с дамой — будет в порядке и с лечением. Ощупывание себя и ощущения в коленях указывают на онанизм и соответствуют его усталости от предыдущего дня. Свидание действительно было назначено на половину двенадцатого. Его желание проспать и остаться с домашними сексуальными объектами (то есть продолжать заниматься онанизмом) соответствует его сопротивлению.

По поводу повторения названия фенил он сообщает: все эти радикалы, оканчивающиеся на «ил», всегда ему очень нравились, они очень удобны для употребления: бензил, ацетил и т.д. Это ничего не объясняет, но, когда я ему предложил радикал *шлемил* [Schlemihl][1], он рассмеялся и рассказал, что прочел летом книгу Прево. В ней была глава под названием *«Les exclus de l'amour»*, где, разумеется, шла речь о *«schlemilies»*, при описании которых он сам себе сказал: «Это мой случай». Он был бы неудачником и в том случае, если бы пропустил свидание.

Представляется, что сексуальная символика сновидения уже нашла прямое экспериментальное подтверждение. В 1912 году в эксперименте, проведенном по инициативе Г. Свободы, доктор К. Шреттер вызывал у людей, находившихся в глубоком гипнозе, сновидения, внушая им выполнить поручение, которое определяло значительную часть содержания сна. Если человеку внушалось увидеть сон о нормальном или отклоняющемся от нормы половом акте, то сновидение выполняло эти поручения, заменяя сексуальный материал символами, известными из психоаналитического толкования сновидений. Так, например, после внушения увидеть сон о гомосексуальном сношении с подругой

[1] [Слово, заимствованное из иврита, которое означает «неудачник, нерасторопный человек».]

в сновидении эта подруга появилась с поношенной *дорожной сумкой* в руке, к которой была приклеена этикетка со словами: «Только для дам». Сновидица, по всей видимости, нисколько не была знакома с символикой в снах и толкованием сновидений. К сожалению, оценке этого важного исследования препятствует тот прискорбный факт, что вскоре после этого доктор Шрёттер покончил жизнь самоубийством. О его экспериментах со сновидениями имеется лишь предварительное сообщение в «Центральном психоаналитическом бюллетене» (Schrötter, 1912). [1914.]

Похожие результаты в 1923 году опубликовал Г. Роффенштайн. Однако особенно интересными представляются опыты, проведенные Бетльгеймом и Гартманном, поскольку гипноз был у них исключен. Эти авторы («Об ошибочных реакциях при корсаковском психозе», 1924) рассказывали больным, страдавшим такими состояниями спутанности, истории грубо сексуального содержания и наблюдали искажения, возникавшие при воспроизведении того, что было рассказано. Оказалось, что при этом появлялись символы, известные из толкования сновидений (подъем по лестнице, прокалывание и стрельба как символы коитуса, ножи и сигареты как символы пениса). Особое значение придается появлению символа лестницы, поскольку, как справедливо отмечают авторы, «подобная символизация недоступна сознательному желанию исказить». [1925.]

Только после того как мы воздали должное символике в сновидении, мы можем продолжить обсуждение *типичных снов*, прерванное на с. 287. [1914.] Я считаю правомерным разделить эти сновидения на два больших класса: на сновидения, которые действительно имеют всякий раз одно и то же значение, и на сновидения, которые, несмотря на одинаковое или сходное содержание, все-таки допускают самое разное толкование. Из типичных сновидений первого рода я уже подробно обсудил сновидения об экзаменах [с. 285 и далее]. [1909].

Из-за аналогичного аффективного впечатления к этой же группе можно отнести сновидения об опоздании на поезд. Их разъяснение подтверждает правильность такого соотнесения. Это утешающие сновидения, возникающие в ответ на испытываемый во сне тревожный импульс, страх умереть. «Отъезд» — это один из наиболее употребительных и понятных символов смерти. Снови-

дение утешает нас: «Будь спокоен, ты не умрешь (не уйдешь)», подобно тому, как нас успокаивает сон об экзаменах: «Не бойся, и на этот раз с тобой ничего не случится». Трудность понимания этих двух видов сновидений объясняется тем, что ощущение страха непосредственно связано с выражением утешения. [1911.]

Смысл *«сновидений, вызванных раздражениями, идущими от зубов»* [ср. с. 240][1], которые мне довольно часто приходилось анализировать у своих пациентов, ускользал от меня, потому что, к моему удивлению, их толкованию постоянно препятствовало слишком большое сопротивление.

В конце концов слишком очевидные факты не оставили у меня никаких сомнений в том, что у мужчин побудительную силу этим сновидениям дает не что иное, как желание онанировать, относящееся к пубертатному возрасту. Я хочу проанализировать два таких сновидения, одно из которых одновременно представляет собой «сновидение о полете». Оба они рассказаны мне одним и тем же лицом, молодым человеком с явно выраженной, но в реальной жизни заторможенной гомосексуальностью.

Он находится в партере оперного театра на представлении «Фиделио» рядом с Л., симпатичным ему человеком, с которым он охотно бы подружился. Внезапно он наискось пролетает над всем партером, затем засовывает палец в рот и вытаскивает два зуба.

Сам он описывает полет так, будто его «подбросили» [er wurde geworfen] в воздух. Поскольку речь идет о представлении «Фиделио», приходят на ум слова поэта:

Кто овладел прелестной девой…

Но «овладеть прелестной девой» не относится к желаниям сновидца. К нему больше подходят две другие строчки:

Кому *счастливый* выпал *жребий* [Wurf]
Быть другом друга своего…[2]

---

[1] [Этот и следующие абзацы до конца с. 393 , а также первый абзац на с. 394, появились в 1909 году.]

[2] [Начальные строки второго стиха шиллеровской «Песни о радости», переложенной на музыку Бетховеном в 9-й симфонии. Следующая, то есть третья, строка стихотворения Шиллера, которое цитирует Фрейд, является также вступлением к заключительной части оперы Бетховена «Фиделио» — Шиллер совершил здесь плагиат, воспользовавшись ее либретто.]

Сновидение и содержит в себе этот «счастливый жребий», который, однако, является не только исполнением желания. За ним скрывается также неприятная мысль, что за свои домогательства дружбы его уже не раз «выставляли за дверь», и страх, что он снова испытает ту же участь с молодым человеком, рядом с которым он наслаждается оперой «Фиделио». К этому добавляется постыдное для тонко чувствующего сновидца признание в том, что однажды после такого отказа со стороны одного друга он от отчаяния дважды подряд онанировал, испытывая чувственное возбуждение.

Другое сновидение. *Вместо меня его лечат два знакомых ему университетских профессора. Один что-то делает с его членом; он боится операции. Другой бьет его по губам железным стержнем, в результате чего он теряет один или два зуба. Он связан четырьмя шелковыми платками.*

Едва ли приходится сомневаться в сексуальном значении этого сна. Шелковые платки соответствуют идентификации с одним знакомым ему гомосексуалистом. Сновидец, никогда не совершавший коитуса и никогда в действительности не стремившийся к половому акту с мужчинами, представляет себе сексуальные отношения по образцу онанизма, когда-то знакомого ему в пубертатном возрасте.

Я полагаю, что и другие часто встречающиеся модификации типичных сновидений, связанных с раздражениями, идущими от зубов, например, когда другой человек вырывает у сновидца зуб и т. п., становятся понятными благодаря подобному объяснению[1]. Но, возможно, покажется загадочным, каким образом «раздражение от зубов» может прийти к такому значению. Я обращаю здесь внимание на столь часто встречающееся перемещение снизу вверх, которое служит вытеснению сексуальности[2] и при помощи которого при истерии могут реализо-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Удаление зуба другим человеком, как правило, следует истолковывать как кастрацию (точно так же, как стрижку волос парикмахером; Штекель). Необходимо проводить различие между сновидениями, вызванными раздражениями от зубов, и сновидениями о зубном враче, о которых, например, сообщил Кориат (1913).

[2] [Примеры этого имеются в истории болезни «Доры» (Freud, 1905*e*, *Studienausgabe*, т. 6, с. 106—107 и с. 152, прим.).]

ваться в других «безупречных» частях тела разного рода ощущения и импульсы, относящиеся к гениталиям. Одним из случаев такого перемещения является также то, что в символике бессознательного мышления гениталии заменяются лицом. Свою лепту вносят и обороты речи, где «ягодицы» выступают в качестве гомолога щек, а наряду с губами, которые обрамляют ротовое отверстие, имеется выражение «срамные губы». В самых разных намеках нос приравнивается к пенису, волосы, имеющиеся здесь и там, дополняют сходство. И только одно образование не поддается сравнению — зубы, и именно совпадение сходства и различия делает зубы пригодными для изображения сексуальности под гнетом ее вытеснения.

Я не хочу утверждать, что толкование сна, вызванного раздражениями от зубов, как сновидения об онанизме, в справедливости которого я не могу сомневаться, стало теперь совершенно понятным[1]. Я даю для объяснения столько, сколько могу, а остальное вынужден оставить неразрешенным. Но я должен указать также на другую содержащуюся в языковом выражении связь. В наших деревнях существует грубое обозначение мастурбации: вырвать себе или оторвать себе[2]. Я не могу сказать, откуда взялись эти выражения, какое наглядное представление лежит в их основе, но к первому из них вполне подошел бы «зуб».

Поскольку сновидения об удалении или выпадении зуба[3] в народном поверье истолковываются как предвещающие смерть родственника, а психоанализ может признать за ними такое значение в крайнем случае лишь в вышеуказанном пародийном значении, я приведу здесь «сновидение, вызванное раздражением от зубов», предоставленное Отто Ранком.

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* По сообщению Юнга, сновидения, вызванные раздражением от зубов, у женщин имеют значение сновидений о родах. *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Э. Джонс [1914*b*] нашел этому убедительное подтверждение. Общее этого толкования с представленным выше заключается в том, что в обоих случаях (кастрация — роды) речь идет об отделении одной части от всего тела.

[2] *[Дополнение, сделанное в 1911 году:]* Ср. в этой связи «биографическое» сновидение на с. 356 [и прим. 9].

[3] [Этот абзац и следующая цитата Ранка (с этого места и до с. 399) впервые появились в издании 1911 года. Цитата взята из работы Ранка «На тему о сновидениях, вызванных раздражением от зубов» (1911*c*). Ср. сновидение о лестнице этого же сновидца на с. 376–377.]

«На тему сновидений, вызванных раздражением от зубов, мне пришло следующее сообщение от одного коллеги, который с некоторых пор живо интересуется проблемами толкования сновидений: "*Мне недавно приснилось, будто я нахожусь у зубного врача, который высверливает мне задний зуб нижней челюсти. Он долго с ним возится, пока зуб не становится совсем непригодным. Затем он хватает его щипцами и вытаскивает с такой легкостью, что это вызывает у меня восхищение. Он говорит, что я не должен придавать этому никакого значения, потому что это, собственно говоря, не тот зуб, который лечили, и кладет его на стол, где зуб (как мне теперь кажется, верхний резец) распадается на несколько слоев. Я встаю с операционного стула, с любопытством подхожу поближе и, заинтересованный, задаю медицинский вопрос. Врач, разделяя отдельные кусочки необычайно белого зуба и с помощью специального инструмента измельчая их (растирая их в порошок), объясняет мне, что это связано с половым созреванием и что так легко зубы можно вытащить только до пубертата; у женщин решающим здесь моментом является рождение ребенка.*

Затем я замечаю (как я думаю, в полусне), что этот сон сопровождался поллюцией, которую я, однако, не могу с уверенностью соотнести с определенным местом сновидения; как мне кажется, скорее всего, она наступила еще при вытаскивании зуба.

Затем мне снова снятся какие-то события, которые я уже не могу вспомнить, и они завершаются тем, *что я, оставив где-то (возможно, в гардеробе зубного врача) шляпу и пиджак в надежде, что мне их потом принесут, и одетый только в пальто, спешу, чтобы успеть на отходящий поезд. Мне удалось в последний момент запрыгнуть в задний вагон, где уже кто-то стоял. Но я уже не сумел попасть внутрь вагона и был вынужден ехать в неудобном положении, из которого после ряда попыток в конце концов сумел успешно освободиться. Мы едем по большому туннелю, причем в противоположном направлении сквозь наш поезд, как будто он был туннелем, едут два поезда. Я словно снаружи смотрю внутрь через окно вагона.*

В качестве материала для толкования этого сновидения выявляются следующие мысли и переживания, связанные с предшествующим днем.

I. С недавних пор я действительно лечусь у зубного врача, и в тот день, когда приснилось сновидение, у меня непрерывно болел зуб нижней челюсти, который сверлят в сновидении и с которым врач в самом деле возится дольше, чем мне бы хотелось. Утром накануне сновидения я вновь из-за болей был у врача, который настоятельно рекомендовал мне удалить другой зуб — не тот, что лечили — в этой же челюсти, от которого могла, вероятно, исходить боль. Речь шла о прорезающемся "зубе мудрости". При случае я задал также связанный с этим вопрос о его врачебной добросовестности.

II. Во второй половине того же дня мне пришлось принести извинения одной даме за свое дурное настроение, вызванное зубной болью, после чего она рассказала мне, что боится удалять корень зуба, верхушка которого почти вся раскрошилась. Она считала, что удаление глазного зуба особенно болезненно и опасно, хотя, с другой стороны, одна знакомая сказала ей, что, если это зуб верхней челюсти (именно о таком шла речь в ее случае), то дело обстоит проще. Эта знакомая также ей рассказала, что однажды под наркозом ей вырвали не тот зуб. Это сообщение лишь еще больше усилило ее страх перед необходимой операцией. Затем она спросила меня, что нужно понимать под глазными зубами — коренные зубы или клыки — и что мне о них известно. С одной стороны, я обратил ее внимание на суеверный элемент во всех этих мнениях, но все же подчеркнул, что нельзя не замечать верную суть некоторых народных воззрений. В ответ она рассказывает об очень старом и всем известном народном поверье, которое гласит: *если у беременной болят зубы, то у нее будет мальчик.*

III. Эта поговорка заинтересовала меня с той точки зрения, что Фрейд в своем "Толковании сновидений" (2-е изд., с. 193–194) сообщил о типичном значении снов, вызванных раздражением от зубов, как замене онанизма, тем более что и в этом изречении между зубом и мужским половым органом (мальчиком) проводится определенная связь. Вечером того же дня я перечел соответствующее место в "Толковании сновидений" и нашел там, помимо прочего, приведенные далее рассуждения, влияние которых на мое сновидение распознать так же легко, как и воздействие двух других вышеупомянутых переживаний. По поводу сновидений, вызванных раздражением от зубов, Фрейд пишет, «что у мужчин побудительную силу этим сновидениям дает не что иное, как желание онанировать, относящееся к пубертатно-

му возрасту» [с. 392]. Далее: «Я полагаю, что и другие часто встречающиеся модификации типичных сновидений, связанных с раздражениями, идущими от зубов, например, когда другой человек вырывает у сновидца зуб и т. п., становятся понятными благодаря подобному объяснению. Но, возможно, покажется загадочным, каким образом "раздражение от зубов" может прийти к такому значению. Я обращаю здесь внимание на столь часто встречающееся *перемещение снизу вверх* (в данном сновидении также от нижней челюсти к верхней), которое служит вытеснению сексуальности и при помощи которого при истерии могут реализовываться в других "безупречных" частях тела разного рода ощущения и импульсы, относящиеся к гениталиям» [с. 393]. «Но я должен указать также на другую содержащуюся в языковом выражении связь. В наших деревнях существует грубое обозначение мастурбации: "вырвать себе" или "оторвать себе"» [с. 394]. Это выражение было известно мне еще в ранней юности как обозначение онанизма, и отсюда опытный толкователь сновидений без труда найдет доступ к материалу из детства, который, по всей видимости, лежит в основе этого сновидения. Я только упомяну еще, что легкость, с которой в сновидении выходит зуб, превращающийся после удаления в верхний резец, напоминает мне случай из моего детства, когда я *сам себе* легко и безболезненно *вырвал* шатающийся *верхний передний зуб*. Это событие, которое я до сих пор еще отчетливо помню во всех подробностях, приходится на этот же ранний период, к которому относятся мои первые сознательные попытки онанировать (покрывающее воспоминание).

Ссылка Фрейда на сообщение К. Юнга, согласно которому сновидения, вызванные раздражением от зубов, у женщин имеют значение *сновидений о родах* ("Толкование сновидений", 2-е изд., с. 194, прим. [см. выше, с. 394, прим. 1]), а также народное поверье (о значении зубной боли у беременных) побуждают противопоставить в сновидении женское значение мужскому (половому созреванию). В связи с этим мне вспоминается более раннее сновидение, в котором вскоре после того, как я закончил лечение у зубного врача, мне приснилось, что у меня выпали только что установленные золотые коронки, и я во сне очень злился из-за значительных расходов, с которыми я тогда еще не совсем смирился. Теперь мне это сновидение становится понятным с точки зрения определенных переживаний как восхваление материальных преимуществ мастурбации по сравнению с любой

формой экономически более обременительной объектной любви (золотые коронки), и я думаю, что сообщение той дамы о значении зубной боли у беременных вновь пробудило во мне эти мысли".

Таково убедительное и, как я думаю, безупречное толкование коллеги, к которому мне нечего добавить. Разве что следует указать на возможный смысл второй части сновидения, который с помощью словесных мостиков: удалить зуб — поезд [Zahn ziehen — Zug], вырвать зуб — ехать [Zahn reißen — reisen], по всей видимости, изображает произошедший, несмотря на трудности, переход сновидца от мастурбации к половому акту (туннель, по которому в разных направлениях въезжают и выезжают поезда), а также его опасности (беременность; пальто [см. 201]).

И наоборот, в теоретическом отношении этот случай кажется мне интересным с двух точек зрения. Во-первых, он служит доказательством раскрытой Фрейдом взаимосвязи, что при удалении зуба в сновидении происходит эякуляция. Ведь мы все же должны рассматривать поллюцию, в какой бы форме она ни возникала, как удовлетворение путем мастурбации, которое достигается без помощи механических раздражителей. Кроме того, в этом случае удовлетворение в виде поллюции, в отличие от других форм, не достигается с помощью объекта, пусть даже воображаемого, а происходит, если так можно сказать, безобъектно, является чисто аутоэротическим и в лучшем случае позволяет выявить едва заметный гомосексуальный элемент (зубной врач).

Второй момент, который я считаю нужным подчеркнуть, заключается в следующем: напрашивается возражение, что точка зрения Фрейда здесь совершенно излишня, поскольку одних переживаний предыдущего дня достаточно, чтобы сделать для нас понятным содержание сновидения. Визит к зубному врачу, разговор с дамой и чтение «Толкования сновидений» вполне объясняют, почему спящий человек, которого зубная боль беспокоила также и ночью, создает это сновидение; если уж так хочется, то даже для устранения боли, нарушающей сон (посредством представления об удалении больного зуба при одновременном усилении либидо, заглушающего ощущение боли, которое вызывает страх). Но даже при самых далеко идущих уступках в этом направлении не хочется всерьез отстаивать утверждение, будто в результате прочитанных объяснений Фрейда у сновидца возникла связь между удалением зуба и актом мастурбации или

что они просто могли оказать какое-то влияние, не будь сновидец, как он сам признался ("вырвать себе"), давно подготовлен. Какой момент, наряду с разговором с дамой, мог, скорее всего, оживить эту взаимосвязь, становится понятным из последующего сообщения сновидца, что, читая «Толкование сновидений», он по понятным причинам не хотел верить в это типичное значение снов, вызванных раздражением от зубов, и желал узнать, относится ли оно ко всем подобным сновидениям. Сновидение подтверждает ему это — по крайней мере, в отношении его собственной персоны — и показывает ему, почему он должен был в этом сомневаться. Таким образом, и в этом смысле сновидение представляет собой исполнение желания, а именно убедиться в важности и прочности этого воззрения Фрейда».

Ко второй группе типичных сновидений относятся те, в которых люди летают или парят в воздухе, падают, плавают и т. п. Что означают эти сновидения? Дать общий ответ здесь нельзя. Как мы увидим, в каждом случае они означают нечто иное, и только материал ощущений, содержащийся в них, всегда проистекает из одного и того же источника. [1909.]

Из сведений, полученных благодаря психоанализу, следует заключить, что эти сновидения также повторяют впечатления детства, а именно относятся к подвижным играм, которые столь привлекательны для ребенка. Кто из родных не делал вид, будто ребенок летает, держа его на вытянутых руках и бегая с ним по комнате, или не играл с ним в «падение», усаживая его на колени и неожиданно раздвигая ноги, или поднимая его вверх и внезапно лишая поддержки. Дети смеются и беспрестанно требуют повторения, особенно если игра сопровождается легким страхом и головокружением. Затем, через много лет, они повторяют все это в сновидениях, но только здесь уже нет рук, которые их поддерживали, а потому они теперь свободно парят в воздухе и падают. Пристрастие всех маленьких детей к таким играм, а также к раскачиванию на качелях общеизвестно; когда затем они видят гимнастические трюки в цирке, у них вновь оживают эти воспоминания. Дети живо вспоминают об играх своего раннего детства. У некоторых мальчиков истерические приступы состоят исключительно из воспроизведения таких трюков, которые они совершают с большой ловкостью. Нередко во время этих самих по себе невинных подвижных игр возникали также сексуальные ощущения. Если подыскать одно, привычное нам,

слово, обозначающее все эти мероприятия, то этим словом будет «забава» в детстве, повторяемое сновидениями о полете, падении, головокружении и т. п., чувство удовольствия от которой теперь обратилось в страх. Но, как известно каждой матери, в действительности забавы детей довольно часто оканчиваются плачем и ссорой. [1900.]

Таким образом, у меня есть все основания отказаться от того объяснения, что наше осязание во время сна, ощущения от движения наших легких и т. п. являются причиной снов о полете и падении. Я считаю, что сами эти ощущения воспроизводятся благодаря воспоминанию, к которому относится сновидение, то есть они являются содержанием сновидения, а не его источником[1]. [1900.]

Этот однородный и проистекающий из одного и того же источника материал двигательных ощущений используется теперь для изображения самых разнообразных мыслей сновидения. Большинство чувственно окрашенных снов о полете или парении в воздухе требуют самых разных истолкований, совершенно особых у одних людей, и истолкований типичного характера — у других. Одной моей пациентке очень часто снилось, что она парит над улицей на определенной высоте, не касаясь земли. Она была очень низкого роста и боялась любого загрязнения, которое приносит с собой общение с людьми. Ее сон о том, как она парит в воздухе, исполнил оба желания, оторвав ее ступни от земли, а саму ее возвысив над остальными. У другой сновидицы сон о полете означало желание: «Ах, если бы я была птицей»; другие становились по ночам ангелами, лишенные возможности называться так днем. Благодаря близкой связи полета с представлением о птице становится понятным, почему сновидение о полете у мужчин, как правило, имеет грубое чувственное значение. Мы нисколько также не удивимся, если услышим, что тот или этот сновидец всякий раз очень горд своим умением летать. [1909.]

Доктор П. Федерн (Вена) высказал интересное предположение[2], что значительную часть этих снов о полете составляют

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1930 году:]* Этот абзац [на самом деле два последних абзаца], посвященный снам о движении, связности ради повторяется здесь еще раз. Ср. с. 282–285 [там же содержатся и некоторые дополнительные примечания].

[2] [На собрании Венского психоаналитического объединения. См. впоследствии опубликованную статью Федерна на эту тему (Federn, 1914, 126).]

сновидения об эрекции, потому что удивительный и непрерывно занимающий человеческую фантазию феномен эрекции должен производить впечатление об исчезновении силы тяжести. (Ср. в этой связи крылатые фаллосы в античности.) [1911.]

Примечательно, что такой здравомыслящий и, собственно говоря, отвергающий всякие толкования экспериментатор, как Маурли Волд, также отстаивает эротическое истолкование снов о полете (парении в воздухе) (1910–1912, т. 2, 791). Он называет эротику «важнейшим мотивом сна о парении в воздухе», обращаясь к интенсивному чувству вибрации в теле, которое сопровождает эти сны, и на часто встречающуюся связь таких сновидений с эрекцией и поллюцией. [1914.]

Сновидения о *падении* чаще носят характер страха. Их толкование у женщин не доставляет никаких затруднений, поскольку они почти всегда символизируют падение, которым описывается желание поддаться эротическому искушению. Инфантильные источники снов о падении мы пока еще до конца не выяснили; почти все дети иногда падают, и в таком случае их поднимают и ласкают; если ночью они падали с кроватки, то няньки брали их в свою постель. [1909.]

Люди, которым часто снится, что они *плавают*, с удовольствием рассекают волны и т.д., обычно страдали в детстве энурезом, и теперь они воспроизводят в сновидении приятное чувство, от которого давно уже научились отказываться. К каким способам изображения прибегают сны о плавании, мы вскоре узнаем [см. с. 406 и далее] на том или ином примере. [1909.]

Толкование сновидений о *пожаре* основывается на запрете в детские годы, который велит детям не «баловаться с огнем», чтобы по ночам им не пришлось мочить постель. То есть в их основе также лежит воспоминание об enuresis nocturna в детстве. Во «Фрагменте анализа одного случая истерии» (1905*e*)[1] я представил полный анализ и синтез такого сна о пожаре в связи с историей болезни сновидицы и показал, для изображения каких побуждений в более зрелые годы может использоваться этот детский материал. [1911.]

Можно было бы привести еще множество «типичных» сновидений, если понимать под ними частое повторение одного и того

[1] [Раздел II, первое сновидение «Доры».]

же явного содержания сновидения у разных сновидцев, например: сны, в которых человек идет по узким улицам или через анфиладу комнат, сны о ночном грабителе, к которому относятся также предупредительные меры нервного человека перед отходом ко сну [ср. с. 411], сны о преследовании дикими животными (быком, лошадью) [ср. с. 416] или о том, как угрожают ножами, кинжалами, копьями (два последних характерны для явного содержания сновидения людей, страдающих страхом), и т. п. Исследование, в котором специально изучался бы такой материал, было бы вознаграждено сторицей. Но вместо него я сделаю два[1] замечания, которые, впрочем, относятся не только к типичным снам. [1909.]

Чем больше занимаешься разгадкой сновидений, тем с большей готовностью признаешь, что большинство сновидений подвергает обработке сексуальный материал и выражает эротические желания. Только тот, кто действительно анализирует сновидения, то есть от явного содержания сновидения продвигается к его скрытым мыслям, может судить об этом, но не тот, кто довольствуется регистрацией явного содержания (как, например, Некке в своих работах о сексуальных снах). Здесь же отметим, что этот факт не содержит для нас ничего удивительного — он полностью согласуется с нашими принципами объяснения сновидений. Ни одному другому влечению, начиная с детства, не довелось испытать такого подавления, как сексуальному влечению во всех его многочисленных компонентах[2], ни у одного другого нет столь многих и столь сильных бессознательных желаний, которые воздействуют в состоянии сна, порождая сновидения. При толковании сновидений никогда нельзя забывать об этом значении сексуальных комплексов, но и нельзя, разумеется, его преувеличивать. [1909.]

При тщательном анализе многих сновидений можно будет установить, что их следует понимать даже как бисексуальные, поскольку в результате получается неопровержимое истолкова-

---

[1] [Это «два» осталось из изданий 1909 и 1911 годов, в которых все рассуждения о «типичных» сновидениях были подытожены в главе V. Однако в более поздних изданиях эти пассажи были существенно расширены путем добавления нового материала. В издании 1909 года «два замечания» заняли примерно пять страниц, а 1930-го — сорок две.]

[2] Ср. мои «Три очерка по теории сексуальности» (1905*d*).

ние, в соответствии с которым они реализуют гомосексуальные побуждения, то есть импульсы, противоречащие обычному половому поведению грезящего человека. Однако то, что, по утверждению В. Штекеля[1] и А. Адлера[2], все сновидения следует истолковывать как бисексуальные, представляется столь же бездоказательным, как и неправдоподобным обобщением, которое мне бы не хотелось отстаивать. Прежде всего я не мог бы игнорировать очевидный факт, что существуют многочисленные сновидения, которые удовлетворяют другие, а не эротические — в широком смысле — потребности: сновидения о жажде и голоде, сновидения о комфорте и т.д. Также и другие положения, «что за каждым сновидением можно найти клаузулу смерти» (Штекель [1911, 34]), что каждое сновидение позволяет выявить «поступательное движение от женской линии к мужской» (Адлер [1910]), на мой взгляд, значительно преступают пределы допустимого при толковании сновидений. [1911.] Утверждение, с которым неустанно полемизируют в литературе, что *все сновидения требуют сексуального истолкования*, моему т*олкованию сновидений* чуждо. В седьмом издании этой книги его нельзя обнаружить, и оно находится в очевидном противоречии с остальным ее содержанием[3].

То, что *невинные* на первый взгляд сновидения сплошь и рядом воплощают грубые эротические желания, уже отмечалось нами в другом месте [с. 199 и далее], и мы могли бы это теперь подтвердить новыми многочисленными примерами. Но и многие, казалось бы, индифферентные сновидения, в которых ни в одном направлении нельзя заметить ничего особенного, при анализе сводятся к несомненным сексуальным желаниям-побуждениям зачастую неожиданного характера. Кто, например, мог бы до толкования предположить сексуальное желание в следующем сновидении? Сновидец рассказывает: *«Между двумя роскошными дворцами чуть позади стоит маленький домик, ворота которого заперты. Жена ведет меня по улице к домику, толкает дверь, а затем я легко и быстро проскальзываю во двор, наискось поднимающийся в гору».* [1909.]

---

[1] «Язык сновидения», 1911 [71].

[2] «Психический гермафродитизм в жизни и в неврозе» (1910) и последующие работы в «Zentralblatt für Psychoanalyse», т. 1, (1910–1911).

[3] [Этот пункт Фрейд подробнее обсуждает на с. 177, прим.]

Кто имеет некоторый опыт в переводе сновидений, тот, разумеется, сразу вспомнит о том, что проникновение в тесные помещения, открытие запертых дверей относятся к самой употребительной сексуальной символике, и с легкостью обнаружит в этом сновидении изображение попытки коитуса сзади (между двумя роскошными ягодицами женского тела). Узкий, наискось подымающийся проход — это, конечно, влагалище; помощь, оказываемая женой сновидца, вынуждает к толкованию, что в действительности только уважение к жене удерживает от такой попытки, а в результате расспросов оказывается, что накануне сновидения в доме сновидца появилась молодая особа, которая вызвала его расположение и создала у него впечатление, что она не стала бы сильно противиться сближению подобного рода. Маленький домик между двумя дворцами относится к воспоминаниям о Градчине в Праге и этим указывает на ту же самую девушку родом из этого города. [1909.]

Когда я говорю пациентам о часто встречающемся «эдиповом» сновидении — половом акте с собственной матерью, — то получаю в ответ: «Такого сновидения я у себя не припомню». Но сразу после этого всплывает воспоминание о другом — неузнаваемом и индифферентном — сновидении, которое у данного человека не раз повторялось, а анализ показывает, что это сновидение аналогичного содержания, то есть опять-таки является эдиповым сном. Я уверяю, что завуалированные сновидения о половом акте с матерью снятся во много крат чаще, чем откровенные[1]. [1909.]

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1911 году:]* Типичный пример такого завуалированного эдипова сновидения я опубликовал в № 1 «Центрального психоаналитического бюллетеня» [Freud, 1910*l*; он приводится здесь в конце этого примечания]; другой пример вместе с подробным толкованием — О. Ранк (1911*a*). *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* По поводу других завуалированных эдиповых сновидений, в которых на передний план выступает символика глаза, см. работу Ранка (1913). Сюда же относятся работы о «снах про глаза» и символике глаза Эдера [1913], Ференци [1913], Райтлера [1913*a*]. Ослепление в сказании об Эдипе и др. как замена кастрации. *[Дополнение, сделанное в 1911 году:]* Впрочем, древним было не чуждо и символическое толкование незавуалированных эдиповых сновидений. (Ср. Rank, 1910, 534): «Так, Юлий Цезарь рассказал сон о половом акте с матерью, который толкователь сновидений истолковал как предзнаменование покорения им земли *(мать — земля)*. Столь же известно и предсказание оракула Тарквиниям: тот из них будет властвовать над Римом, кто первый поцелует мать *(osculum matri tulerit)*,

Имеются сновидения о ландшафтах и местностях, в случае которых у сновидца возникает уверенность: «Я здесь уже когда-то бывал». [1909.] Однако это ощущение *«déjà vu»* имеет в сновидении особое значение[1]. [1914.] Эта местность всегда пред-

---

что Брут счел указанием на *мать-землю* (*terram osculo contigit, scilicet quod ea communis mater omnium mortalium esset.* [Брут… поцелуй… землю — единую мать всех смертных».] Ливий I, LVI). *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Ср. в связи с этим сновидение Гиппия у Геродота (VI, 107): «Но варвары привели Гиппия в Марафон, после чего ночью приснился ему такой сон. Гиппию снилось, будто он спал со своей собственной матерью. Из этого сна он заключил, что вернется в Афины, снова добьется власти и, состарившись, умрет на родине. *[Дополнение, сделанное в 1911 году:]* Эти мифы и толкования указывают на правильный психологический вывод. Я обнаружил, что люди, которым отдавала предпочтение или которых выделяла мать, проявляют в жизни ту особую веру в себя, тот непоколебимый оптимизм, которые нередко кажутся героическими и обеспечивают действительный успех. [В своей работе «Детское воспоминание из “Поэзии и правды” (1917*b*) Фрейд упоминает Гёте в качестве примера жизненного успеха, которого добился любимый ребенок матери (*Studienausgabe*, т. 10, с. 265–266).

Начиная с издания 1925 года здесь воспроизводится небольшая работа Фрейда (1910*l*), упомянутая в начале настоящего примечания:]

Типичный пример завуалированного эдипова сновидения:

Одному мужчине снится: *Он имеет тайные отношения с дамой, которая собирается выйти замуж за другого. Он беспокоится, что этот другой раскроет эти отношения, и бракосочетание не состоится, а потому ведет себя по отношению к мужчине очень нежно; он прижимается к нему и его целует.* — События в жизни сновидца касаются содержания этого сновидения лишь в одном пункте. Он поддерживает тайные отношения с замужней женщиной, а многозначительное высказывание ее мужа, с которым он дружен, пробудил у него подозрение, что, возможно, тот что-то заметил. Но в действительности здесь играет роль еще нечто иное, о чем в сновидении не упоминается и что само по себе все же дает ключ к пониманию сновидения. Жизни супруга угрожает органическая болезнь. Жена подготовлена к возможной внезапной кончине, и наш сновидец сознательно строит планы после смерти мужа взять в жены молодую вдову. Вследствие этой внешней ситуации сновидец оказывается в констелляции эдипова сновидения; ему хочется убить мужа, чтобы получить его жену; сновидение выражает это желание в лицемерном искажении. Вместо замужества с другим оно изображает, что другой только собирается на ней жениться, что соответствует его собственным тайным намерениям, а враждебность к мужчине скрываются за демонстративной нежностью, проистекающей из воспоминаний о его отношениях с отцом в детском возрасте. [Лицемерные сновидения обсуждаются на с. 163, прим. 1, и на с. 473 и далее.]

[1] [Тема *«déjà vu»* еще раз затрагивается ниже на с. 494.]

ставляет собой гениталии матери; действительно, ни про одно другое место человек не может с такой уверенностью сказать, что «здесь уже когда-то бывал». [1909.] Единственный раз пациент, страдавший неврозом навязчивости, поверг меня в замешательство, рассказав сновидение, в котором шла речь о том, что он посещает квартиру, в которой бывал уже *дважды*. Но именно этот пациент рассказал мне задолго до этого эпизод из своего детства, когда ему было шесть лет, что однажды он спал в кровати матери и воспользовался этим случаем для того, чтобы засунуть палец в гениталии спящей. [1914.]

В основе большого числа сновидений, часто сопровождающихся чувством страха и имеющих своим содержанием проход через узкие помещения или пребывание в воде, лежат фантазии о внутриутробной жизни, о нахождении в материнской утробе и об акте рождения. Я приведу здесь сновидение одного молодого человека, который в своей фантазии пользуется пребыванием в утробе матери для наблюдения за коитусом между родителями. [1909.]

«Он находится в глубокой шахте, в которой окно, как в Земмерингском туннеле. Через него он видит сначала пустой ландшафт, а затем представляет себе картину, которая тут же заполняет собой пустоту. На ней изображена пашня, которую бороздит плуг, а чудесный воздух, мысль о серьезном труде, голубовато-черные льдины производят на него прекрасное впечатление. Он идет дальше, видит раскрытую книгу по педагогике... и удивляется, что в ней так много внимания уделяется сексуальным чувствам (ребенка), при этом он невольно вспоминает обо мне». [1909.]

Одной пациентке приснилось следующее красивое сновидение, нашедшее особое применение в ходе ее лечения.

*Находясь летом на *** озере, она бросается в темную гладь озера, там, где в воде отражается бледная луна.* [1909.]

Сновидения подобного рода — это сновидения о родах; их можно истолковать в том случае, если факты, сообщаемые в явном содержании сна, обратить в противоположность, то есть «броситься в воду» трактовать как «выйти из воды», иными словами, «родиться»[1]. То место, откуда она появляет-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* О мифологическом значении рождения в воде см. работу Ранка (1909).

ся на свет, становится понятным, если вспомнить о шутливом значении слова *«la lune»* во французском языке. В таком случае нетрудно догадаться, что бледная луна — это белая попка, из которой вскоре должен появиться ребенок. Но какой смысл заключается в том, что пациентка хочет «родиться» во время своего летнего отдыха? Я спрашиваю об этом сновидицу, которая без промедления отвечает: «Разве благодаря лечению я не *родилась* как будто *заново*?» Таким образом, это сновидение становится приглашением продолжить лечение в том летнем доме, то есть посещать ее там; возможно, оно содержит также робкий намек на желание самой стать матерью[1]. [1909.]

Другое сновидение о родах вместе с его толкованием я заимствую из одной работы Джонса [1910*b*][2]: *«Она стояла на берегу моря и следила, как маленький мальчик, который, по-видимому, был ее сыном, заходит в воду. Он зашел так далеко, что вода накрыла его, и она могла видеть теперь лишь его голову, которая то опускалась под воду, то поднималась над поверхностью. Затем сцена превратилась в переполненный зал гостиницы. Супруг оставляет ее, и она вступает в разговор с незнакомцем.*

При анализе вторая половина сновидения оказалась не чем иным, как изображением ухода от супруга и установления интимных отношений с третьим лицом. Первая часть сновидения представляла собой очевидную фантазию о родах. В сновидениях, как и в мифологии, выход ребенка из околоплодных вод обычно изображается посредством инверсии как вхождение ре-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* Значение фантазий и бессознательных мыслей о жизни в материнской утробе стало понятным мне лишь недавно. Они содержат как объяснение своеобразного страха многих людей оказаться похороненным заживо, так и глубочайшее бессознательное обоснование веры в продолжение жизни после смерти, которая представляет собой лишь проекцию в будущее этой непонятной жизни до рождения. *Впрочем, акт рождения представляет собой первое переживание страха и вместе с тем источник и прообраз аффекта страха.* [Ср. гораздо более позднее обсуждение этой темы в пассаже в начале 8-й главы работы «Торможение, симптом и страх» (Freud, 1926*d*, *Studienausgabe*, т. 6, с. 274 и далее).]

[2] [Этот и два следующих абзаца были добавлены в 1914 году.]

бенка в воду; прекрасными примерами этого — наряду со многими другими — служат мифы о рождении Адониса, Осириса, Моисея и Вакха. Выныривание и погружение головы под воду тотчас напоминают пациентке ощущение от движений ребенка, которое она испытала во время своей единственной беременности. Мысль о входящем в воду мальчике пробуждает грезу, в которой она увидела саму себя, как она вытащила его из воды, отвела его в детскую комнату, вытерла полотенцем, одела и, наконец, привела в свой дом.

Таким образом, вторая половина сновидения выражает мысли, касающиеся ухода от супруга, и связана с первой половиной скрытых мыслей сна; первая половина сновидения соответствует скрытому содержанию второй половины, фантазии о родах. Помимо ранее упомянутой инверсии в каждой части сновидения имеют место и другие инверсии. В первой половине ребенок заходит *в воду*, а затем покачивает головой; в мыслях, лежащих в основе сновидения, сначала появляются движения ребенка, а затем он *выходит* из воды (двойная инверсия). Во второй половине супруг оставляет ее; в мыслях сновидения она покидает супруга».

Еще одно сновидение о родах, которое приснилось молодой женщине, ожидавшей первого своего разрешения от бремени, сообщает Абрахам [1909, 22 etc.][1]. От одного места в полу комнаты подземный канал ведет прямо в воду (родовой путь — околоплодные воды).

Она поднимает крышку в полу, и тотчас появляется существо, одетое в шубу коричневатого цвета и похожее на тюленя. Это существо оказывается младшим братом сновидицы, к которому она с давних пор относилась как мать. [1911.]

Ранк [1912*a*] на примере нескольких сновидений показал, что сны о родах пользуются той же символикой, что и сны, вызванные позывом к мочеиспусканию. Эротический раздражитель изображается в них как позыв к мочеиспусканию; наслоение значений в этих снах соответствует произошедшему с детства изменению значения символа. [1914.]

Здесь мы можем вернуться к оставленной нами теме (на с. 250) о роли органических, нарушающих сон раздражителей

---

[1] [В издании работ Абрахама в серии «Conditio humana» (1969, [2]1971, т. I, с. 28).]

в образовании сновидения. Сновидения, возникшие под их влиянием, не только совершенно открыто демонстрируют нам тенденцию к исполнению желания и к комфорту, но и очень часто также вполне понятную символику, поскольку нередко к пробуждению ведет раздражение, *которое сновидение тщетно пыталось удовлетворить в символической форме*. Это относится как к сновидениям, сопровождающимся поллюцией, так и к сновидениям, вызванным позывами к мочеиспусканию и дефекации. «Своеобразный характер снов, сопровождающихся поллюцией, не только позволяет нам непосредственно раскрыть определенные сексуальные символы, уже признанные типичными, хотя и продолжающие вызывать бурные споры, но и способен нас убедить, что иная внешне безобидная ситуация в сновидении является всего лишь символической прелюдией к грубой сексуальной сцене, которая, однако, лишь сравнительно редко открыто изображается в таких сновидениях, но зато достаточно часто переходит в страшный сон, который также ведет к пробуждению». [Rank, ibid., 55.] [1919.]

Символика *снов, вызванных позывом к мочеиспусканию,* особенно очевидна и давно разгадана. Еще Гиппократ отстаивал точку зрения, что если человеку снятся фонтаны и родники, то это свидетельствует о нарушениях в мочевом пузыре (Ellis [1911, 164]). Шернер [1861, 189] изучал разнообразную символику позыва к мочеиспусканию и тоже уже утверждал, что «более сильный позыв к мочеиспусканию всегда превращается в раздражение половой сферы и их символические образования... Сон, вызванный позывом к мочеиспусканию, зачастую одновременно является репрезентантом сексуального сновидения». [Ibid., 192.] [1919.]

О. Ранк, рассуждениям которого в его работе «Наслоение символов в пробуждающем сновидении» [1912*a*] я здесь следовал, считает весьма вероятным, что причиной большого количества «снов, вызванных позывом к мочеиспусканию», на самом деле является сексуальный раздражитель, который сначала пытается найти свое удовлетворение путем регрессии к инфантильной форме уретральной эротики. [Ibid., 78.] Тогда особенно поучительными являются те случаи, в которых возникший подобным образом позыв к мочеиспусканию ведет к пробуждению и опорожнению мочевого пузыря, после чего, однако,

сон тем не менее продолжается, а его потребность выражается теперь в незавуалированных эротических образах[1]. [1919.]

Совершенно аналогичным образом соответствующую символику обнаруживают *сны, вызванные позывом к дефекации,* которые подтверждают при этом также не раз доказанную в психологии народов взаимосвязь *золота* и *фекалий*[2]. «Так, например, одной женщине, лечившейся в связи с *нарушением работы кишечника*, снится кладоискатель, зарывающий *сокровище* неподалеку от небольшого деревянного домика, который похож на сельскую *уборную.* Содержанием второй части сна является то, как она *моет зад* своему ребенку, маленькой девочке, которая *испачкалась*». [Rank, 1912*a*, 55.] [1919.]

К сновидениям о родах присоединяются сны о *«спасении».* Спасение, особенно спасение из воды, если оно снится женщине, тождественно родам; но оно имеет другой смысл, если сновидец — мужчина. (См. такое сновидение у Пфистера, 1909.) О символе «спасения» см. мою статью «Будущие шансы психоаналитической терапии» (1910*d*), а также «К вопросу о психологии любовной жизни, I. Об особом типе выбора объекта у мужчины» (1910*h*). [1911.][3]

Разбойники, ночные грабители и приведения, которых боятся перед засыпанием и которые иногда снятся спящему, проистекают из одного и того же детского воспоминания. Это ночные гости, будившие ребенка, чтобы посадить его на горшок и не дать ему описать постель, или приподнимавшие одеяло, чтобы посмотреть, как он во сне держит руки. В результате анализа нескольких таких страшных снов мне удалось установить личность ночных визитеров. Разбойником всегда был отец, привидениям скорее соответствуют женщины в белом ночном одеянии. [1909.]

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1919 году:]* «Такие же символические изображения, которые в инфантильном смысле лежат в основе сновидений, вызванных раздражением мочевого пузыря, в "последнем" смысле предстают в истинно сексуальном значении: вода = моча = сперма = околоплодные воды; корабль = "плавать" (мочиться) = контейнер для фруктов (ящик); мочиться = энурез = коитус = беременность; плавать = наполнение мочевого пузыря = местонахождение не родившегося ребенка; дождь = мочеиспускание = символ оплодотворения; путешествие (ехать = выходить) = вставать с кровати = совершать половой акт ("ехать", свадебное путешествие); мочеиспускание = сексуальное опорожнение (поллюция)». (Rank, 1912*a*, 95.)

[2] [См. Фрейд (1908*b*); Ранк (1912*a*); Даттнер (1913); Райк (1915). [См. также Фрейд (1957*a*).]

[3] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Далее Ранк (1911*b*); Райк (1911). *[Дополнение, сделанное в 1919 году:]* Ранк (1914).

Е
Примеры — счет и речь в сновидении[1]

Прежде чем отвести надлежащее место четвертому моменту, определяющему образование сновидения [ср. с. 470 и далее], я хочу привести несколько примеров из моей коллекции сновидений, которые отчасти прояснят взаимодействие трех уже нам знакомых моментов, отчасти докажут представленные положения или позволят сделать из них неопровержимые выводы. В предшествующем изложении мне было довольно трудно подтвердить свои результаты примерами. Примеры отдельных положений доказательны лишь в контексте толкования сновидения; вырванные из контекста, они лишаются своей красоты, а чуть более углубленное толкование сновидения вскоре становится настолько обширным, что нить обсуждения, иллюстрацией которому толкование должно служить, теряется. Пусть этот технический мотив послужит мне оправданием, если я теперь расположу в ряд все, что объединяется лишь отношением к тексту предыдущего раздела. [1900.]

Сначала несколько примеров наиболее своеобразных или необычных способов изображения в сновидении. Одной даме снится: *на лестнице стоит служанка, словно собираясь вымыть окно. В руках у нее шимпанзе и горилла-кошка* (затем сновидица поправляет: *ангорская кошка*). *Она бросает животных на сновидицу; шимпанзе прижимается к ней, и ей это очень противно.* Сновидение достигло своей цели необычайно простым способом, восприняв и изобразив этот оборот речи буквально. «Обезьяна», как и вообще названия животных, — ругательства, и ситуация в сновидении означает не что иное, как «бросаться бранными словами». Из этой же подборки мы вскоре приведем еще несколько примеров применения этого простого приема в работе сновидения. [1900.]

---

[1] [Как и в разделе Д, значительная часть текста в первой половине данного раздела добавилась только в более поздних изданиях книги. Соответственно, после каждого абзаца в квадратных скобках указывается год, когда этот текст был впервые включен в книгу. Вторая половина раздела (начиная с п. 14, с. 418) появилась еще при первом издании. Другие примеры анализа сновидений содержатся в 12-й лекции Фрейда по введению в психоанализ (1916–1917).]

Точно так же поступает другое сновидение: *Женщина с ребенком, голова которого имеет странную, уродливую форму. Она слышала, что ребенок стал таким из-за положения в материнской утробе. Врач говорит, что с помощью компрессии голове можно придать лучшую форму, но только это повредит мозг. Она думает: «Это ведь мальчик, для него это не такая беда».* Это сновидение содержит наглядное изображение абстрактного понятия *«детские впечатления»,* услышанного сновидицей во время лечения. [1900.]

Несколько иным путем совершается работа сновидения в следующем примере. Сновидение содержит воспоминание о прогулке в Хильмтайх в окрестностях Граца. *На улице ненастная погода; убогая гостиница, со стен капает вода, кровати влажные.* (Последняя часть содержания представлена в сновидении не столь явно, как я ее привожу.) Сновидение означает *«излишне»* [überflüssig]. Абстракция, содержащаяся в мыслях сновидения, сначала несколько насильственно была сделана двусмысленной, заменена словом «переливающийся» [überfließend] или «жидкий и излишний» [flüssig und überflüssig], а затем изображена через нагромождение аналогичных впечатлений. Вода снаружи, вода внутри на стенах, вода в виде влажных постелей, все жидкое [flüssig] и «слишком» жидкое [*«über»*-flüssig]. [1900.] То, что в целях изображения орфография в сновидении отходит на задний план по сравнению со звучанием слова, нас не удивляет, поскольку, например, рифма пользуется такой же свободой. В сновидении одной юной девушки, сообщенном и очень подробно проанализированном Ранком, рассказывается, что она гуляет среди полей, срезая красивые *колосья* [Ähren] ячменя и ржи. Навстречу ей идет молодой человек, и она хочет избежать встречи с ним. Анализ показывает, что речь идет о поцелуе в знак уважения (1910, 482). Колосья, которые не срываются, а срезаются, сами по себе и в сгущении с *честью, оказанием почестей* служат в этом сновидении для изображения целого ряда других [скрытых] мыслей. [1911.]

Зато в других случаях разговорная речь облегчает сновидению изображение его мыслей, располагая целым рядом слов, которые первоначально понимались образно и конкретно, а теперь употребляются в переносном, абстрактном смысле. Сновидению нужно лишь вернуть этим словам их прежнее значение или в измененном значении слова опустить какую-то часть. Например, кому-то снится, что его брат сидит в *ящике*; при толковании ящик

заменяется *шкафом* (Schrank), и мысль сновидения гласит, что этот брат должен себя *ограничить* [sich einschränken], и притом вместо самого сновидца[1]. [1909.] Другой сновидец поднимается на гору, откуда открывается необычайно далекий *вид*. При этом он отождествляет себя с братом, который издает *«Обозрение»*, где обсуждаются отношения с *Дальним* Востоком. [1911.]

В сновидении *Зеленого Генриха*[2] резвящаяся лошадь валяется в самом отборном овсе [Hafer], каждое зерно которого — «сладкое ядро миндаля, изюм и новый пфенниг», «завернутые в красный шелк и на кончике обвязанные щетиной». Поэт (или сновидец) сразу дает нам толкование этого сновидения, ибо лошадь ощущает приятную щекотку и восклицает: *«Овес меня колет»*[3]. [1914.]

Особенно часто сновидения, связанные с оборотами речи и шутками, используются (согласно Хенцену [1890]) в древнескандинавских сагах, где едва ли можно найти пример сновидения без двойного смысла или игры слов. [1914.]

Потребовалась бы специальная работа, чтобы собрать такие способы изображения и упорядочить их в соответствии с принципами, лежащими в их основе.[1909.] Некоторые из этих изображений можно даже назвать остроумными. Создается впечатление, что их никто не смог бы разгадать, если бы сновидец сам не дал разъяснения. [1911.]

1) Одному человеку снится, *что у него спрашивают о каком-то имени, но он не может его припомнить*. Он сам объясняет, что это значит: *«Мне это и во сне не приходит в голову»*. [1911.]

2) Одна пациентка[4] рассказывает сон, в котором *все действующие лица были очень высокого роста*. Это значит, добавляет она, что речь, должно быть, идет о каком-то событии

---

[1] [Этот и следующий примеры содержатся (с несколько иными комментариями) также в 7-й и 8-й лекциях по введению в психоанализ (1916–1917, *Studienausgabe*, т. I, с. 135, 142).]

[2] [Готфрида Келлера, 4-я часть, 6-я глава.]

[3] [*Der Hafer sticht mich*. Идиоматическое выражение, означающее «Я с жиру бешусь». — *Примечание переводчика*.]

[4] [Этот и два следующих примера впервые были опубликованы в небольшой работе «Дополнения к толкованию сновидений» (Freud, 1911*a*). См. выше с. 367–368, прим.]

из моего раннего детства, ибо тогда, разумеется, все взрослые казались мне необычайно высокими. [Ср. прим. на с. 50.] Сама она среди действующих лиц этого сновидения не присутствовала.

В других сновидениях перемещение в детство может изображаться иначе — путем перевода времени в пространство. Человек видит людей и сцены издалека, словно в конце длинной дороги, или как будто он их рассматривает в перевернутый бинокль. [1911.]

3) Мужчине, в бодрствующей жизни склонному к абстрактному и неопределенному способу выражения, но при этом наделенному хорошим чувством юмора, снится в связи с некоторыми обстоятельствами, что *он идет на вокзал, и как раз в это время приходит поезд. Затем вдруг оказывается, что это перрон приближается к стоящему поезду*, то есть происходит абсурдная инверсия действительного процесса. Эта деталь — не что иное, как указание, что в содержании сновидения должно быть инвертировано нечто другое. [Ср. с. 335.] Анализ этого же сновидения приводит к воспоминаниям о книжках с картинками, где были изображены мужчины, стоявшие на головах и ходившие на руках. [1911.]

4) В другой раз этот же сновидец рассказывает краткий сон, напоминающий технические приемы ребуса. *Его дядя целует его в автомобиле*. Он сам тут же дает толкование, которое я никогда бы не нашел. Сон означает *аутоэротизм*. Эта шутка могла бы прозвучать и в бодрствовании[1]. [1911.]

5) Сновидец *вытаскивает* [zieht hervor] *одну даму из-под кровати*. Это означает: он отдает ей *предпочтение* [Vorzug][2]. [1914.]

---

[1] [Этот сон в несколько иной формулировке приводится также в 15-й лекции по введении в психоанализ (1916–1917, *Studienausgabe*, т. I, с. 237).]

[2] [Также и это сновидение приводится в «Лекциях», а именно в 7-й лекции, там же, с. 135. Сновидения № 5, 6, 8 и 9 в данной серии примеров были впервые опубликованы в работе Фрейда «Наблюдения и примеры из психоаналитической практики» (Freud, 1913h).]

6) Сновидец в *качестве офицера сидит за столом напротив императора*: он *противопоставляет* себя отцу. [1914.]

7) Сновидец *лечит другого человека, у которого сломана кость* [Knochenbruch]. В анализе этот перелом выступает как изображение *супружеской измены* [Ehebruches][1] и т. п. [1914.]

8) Очень часто время суток представляет в содержании сновидения детские годы. Так, например, четверть шестого утра означает у одного сновидца возраст пять лет и три месяца — важную для него дату рождения младшего брата. [1914.]

9) Другое изображение в сновидении периода жизни: *женщина идет по улице с двумя маленькими девочками, одна из которых на год и три месяца старше другой.* — Сновидица не может вспомнить ни одной семьи среди своих знакомых, к которым бы это относилось. Она сама истолковывает, что оба ребенка изображают ее собственную персону и что сновидение напоминает ей о двух травматических событиях в детстве, которые именно на столько отдалены друг от друга. ($3^1/_2$ и $4^3/_4$ года.) [1914.]

10) Не стоит удивляться, что люди, которые подвергаются психоаналитическому лечению, часто видят об этом сны, и все мысли и ожидания, которые оно у них вызывает, выражаются в их сновидениях. Как правило, образ, выбранный для изображения терапии, представляет собой поездку, чаще всего на *автомобиле* как новом и сложном средстве передвижения; в таком случае в указании на скорость автомобиля выражается ирония пациента по этому поводу. Если в качестве элемента мыслей, возникающих в бодрствовании, в сновидении должно быть изображено *«бессознательное»*, то оно вполне естественно заменяется *«подземными»* помещениями, которые в другой раз, совершенно безотносительно аналитического лечения, означали бы женское тело или утробу матери. *«Низ»* в сновидении очень часто относится к гениталиям, его противоположность — *«верх»* — к лицу, рту или груди. *Дикими животными* работа сновидения, как правило, символизирует страст-

---

[1] [На этот пример Фрейд ссылается в 11-й лекции (там же, с. 183), где в примечании описывает «лечение симптома», подтверждающее данное толкование.]

ные влечения — как сновидца, так и других людей, которых боится сновидец, то есть с совершенно незначительным смещением она символизирует самих людей, являющихся носителями этих страстей. Отсюда недалеко до напоминающего тотемизм изображения отца, напуганного злыми животными, собаками, дикой лошадью[1]. Можно было бы сказать, что дикие животные служат изображению пугающего Я либидо, с которым удалось справиться путем вытеснения. Также и сам невроз, то есть «больной человек», часто отщепляется от сновидца и изображается в сновидении в виде отдельного человека. [1919.]

11) (Г. Захс, 1911.) «Из "Толкования сновидений" нам известно, что работа сновидения знает различные способы, как образно и наглядно изобразить слово или оборот речи. Она может, например, воспользоваться тем обстоятельством, что представляемое выражение двусмысленно, и, используя двойной смысл как "железнодорожную стрелку", вместо первого значения, имеющегося в мыслях сновидения, включить в явное содержание сна второе значение.

Это произошло и в небольшом приведенном далее сновидении благодаря умелому использованию свежих дневных впечатлений, пригодных для этих целей, в качестве изобразительного материала.

Днем накануне сновидения я страдал от простуды и поэтому с вечера решил по возможности не вставать ночью с постели. Похоже, что сновидение лишь заставило меня продолжить мою дневную работу; я занимался тем, что вклеивал газетные вырезки в книгу, причем каждой части я пытался найти подходящее место. Мне приснилось:

"Я стараюсь вклеить газетную вырезку в книгу; но она не помещается на страницу, и это вызывает у меня сильную боль".

Я проснулся и вынужден был констатировать, что боль в сновидении продолжилась в виде реальной физической боли, которая вынудила меня отказаться от своего намерения. Сновидение как "страж сна" инсценировало исполнение моего желания оставаться в постели через изображение слов "но она не помещается на страницу"»[1]. [1914.]

---

[1] [З. Фрейд, «Тотем и табу» (1912-1913, 4-я глава, 3-я часть.]

[2] [Выражение «Auf die Seite gehen» означает «поместить на страницу» и «пойти на боковую». — *Примечание переводчика.*]

Можно прямо-таки сказать, что работа сновидения пользуется для визуального изображения мыслей сновидения всеми доступными средствами, позволяя или не позволяя проявиться критике в бодрствовании, и в результате подвергнуться сомнениям и насмешкам всех тех, кто только слышал о толковании сновидений, но в нем не упражнялся. Особенно богата такими примерами книга Штекеля «Язык сновидения» (1911), но все же я избегаю брать оттуда доказательства, так как некритичность и технический произвол автора смущают даже непредубежденного человека. [Ср. с. 358.] [1919.]

12) Из работы В. Тауска «Одежда и краски как изобразительные средства сновидения» (1914):

а) А. снится, *будто он видит предыдущую гувернантку, одетую в черное платье из люстрина* [Luster], *которое плотно облегает ее ягодицы.* — Это означает, что он считает эту женщину сладострастной [lustern].

б) К. видит во сне *на шоссе X девушку, озаренную белым светом и одетую в белую* [weiß] *блузку.* На этом шоссе сновидец обменялся первыми интимными ласками с фрейлейн Вайсс.

в) Фрау Д. снится, будто она видит *старого Блазеля (80-летнего венского актера), в полном вооружении* [Rüstung] *лежащего на диване. Затем он прыгает через столы и стулья, вытаскивает свою шпагу, при этом смотрится в зеркало и размахивает в воздухе шпагой, словно сражаясь с воображаемым врагом.*

Толкование: у сновидицы *застарелая болезнь мочевого пузыря* [altes Blasenleiden]. Во время анализа она лежит на диване, и, когда она смотрится в зеркало, втайне по-прежнему считает себя — несмотря на свои годы и свою болезнь — *весьма бодрой* [rüstig]. [1914.]

13) «Великое достижение» во сне.

Один мужчина видит во сне, *будто он — беременная женщина, лежащая в постели. Это состояние становится для него весьма неприятным. Он восклицает: «Да лучше уж я...»* (в ходе анализа он добавляет, вспомнив об одной няне: «Буду бить щебень»). *За кроватью висит географическая карта, нижний край которой прикреплен деревянной рейкой. Он отрывает эту рейку* [Leiste], *хватая ее с обеих концов, но при этом она не ломается по-*

перек, а расщепляется на две продольные половины. После этого он испытывает облегчение и тем самым способствует родам. Он самостоятельно истолковывает отрывание *рейки* как великое *«достижение»* [Leistung], благодаря которому он избавляется от своей неприятной ситуации (во время лечения), вырываясь из своей женской установки... Абсурдная деталь, что деревянная рейка не просто ломается, а расщепляется по длине, находит свое объяснение после того, как сновидец вспоминает, что удвоение в сочетании с разрушением содержит намек на кастрацию. Сновидение очень часто изображает кастрацию — из-за упрямого противоположного желания — через наличие двух символов пениса. [Ср. с. 364.] «Leiste» (пах) — это еще и область тела, близко расположенная к гениталиям. Затем сновидец добавляет интерпретацию, что он преодолевает угрозу кастрации, которая и стала причиной возникновения у него женской установки. [1919][1].

14) Во время одного анализа, проводившегося мной на французском языке, мне пришлось истолковать сновидение, в котором я предстаю в виде слона. Разумеется, я спросил, как получилось такое изображение. *«Vous me trompez»*[2], — отвечает сновидец (*trompe* — хобот). [1919.]

Часто работе сновидения удается изобразить с помощью самых отдаленных связей даже такой непростой материал, как собственные имена. В одном из моих снов *старый Брюкке*[3] *поставил передо мной какую-то задачу. Я изготовляю какой-то препарат и достаю что-то похожее на смятую оловянную фольгу.* (Подробнее об этом сне чуть позже). Ассоциация, которую не так-то просто было найти, гласит: «Станиоль»[4], и тут мне становится ясным, что я имею в виду одного автора — Станниуса, имя которого носит статья, вызывавшая у меня в прежние годы благо-

---

[1] [Этот пример в несколько более подробной редакции был сначала опубликован в виде отдельной работы (Freud, 1914*e*).]

[2] [«Вы меня обманываете». — *Примечание переводчика.*]

[3] [См. прим. на с. 484. Это сновидение обсуждается также на с. 455 и далее.]

[4] [Листовое олово = фольга; название «станиоль» происходит от stannium = олово.]

говение, о нервной системе некой рыбы. Первое научное задание, данное мне учителем [Брюкке], действительно относилось к описанию нервной системы одного вида рыб, Ammocoetes [Freud, 1877*a*]; имя последнего, очевидно, в ребусе вообще не использовано. [1900.]

Я не могу не привести здесь еще один сон с необычным содержанием, который интересен к тому же как детское сновидение и очень легко объясняется в результате анализа. Одна дама рассказывает: «Я помню, что в детстве мне часто снилось, *будто бы Боженька носит на голове остроконечный бумажный колпак.* Подобный колпак мне часто надевали во время обеда, чтобы я не заглядывала в тарелки других детей и не высматривала, сколько им положили еды. Но так как я слышала, что Бог всеведущ, то мое сновидение означает, что и я знаю все, несмотря на надетый колпак[1]. [1910.]

В чем состоит работа сновидения[2] и как она обращается со своим материалом, мыслями сновидения, можно поучительным образом показать на примере чисел и вычислений, которые встречаются в сновидениях. Кроме того, приснившиеся числа кажутся особенно многообещающими суеверным людям. Поэтому я подберу несколько примеров подобного рода из моей коллекции.

I

Из сновидения одной дамы, незадолго до окончания ее лечения. *Она собирается за что-то заплатить; ее дочь берет у нее из кошелька 3 гульдена 65 крейцеров, но мать говорит ей: «Что ты делаешь? Это ведь стоит всего 21 крейцер».* Этот фрагмент сновидения был мне понятен без каких-либо разъяснений с ее стороны благодаря знанию жизненной ситуации сновидицы. Эта дама приехала из другого города; она устроила свою дочь в одно воспитательное заведение в Вене и могла продолжать лечение у меня до тех пор, пока дочь оставалась

---

[1] [Это сновидение также обсуждается во фрейдовских «Лекциях по введению в психоанализ» (1916–1917, 7-я лекция, *Studienausgabe*, т. I, с. 132).]

[2] [Остальная часть этого раздела (E), за исключением примера IV на с. 422–423, уже содержалась в первом издании 1900 года.]

в Вене. Через три недели учебный год подходил к концу, а вместе с ним должно было окончиться и лечение. Днем накануне сновидения заведующая заведением уговаривала ее оставить ребенка еще на год. Для себя она, очевидно, продолжила этот разговор в том смысле, что в таком случае она смогла бы продлить на год и свое лечение. К этому же относится и сновидение, ибо один год равен 365 дням, а в трех неделях, остающихся до конца учебного года и лечения, 21 день (хотя самих часов лечения не столь много). Числа, означавшие в мыслях сновидения время, приобретают значение денег, выражая более глубокий смысл, ибо *«Time is money»*, «Время — деньги». 365 крейцеров равны трем гульденам 65 крейцерам. Незначительная денежная сумма, фигурирующая в сновидении, представляет собой очевидное исполнение желания; желание преуменьшило расходы на лечение и на учебу в заведении.

II

К более сложным отношениям приводят числа в другом сновидении. Молодая, но состоящая уже несколько лет в браке дама, узнает, что ее знакомая сверстница Элиза Л. обручилась. После этого ей приснилось: *она со своим мужем сидит в театре, и одна сторона партера совершенно не занята. Муж рассказывает ей, что Элиза Л. и ее жених тоже хотели пойти, но могли достать только плохие места, три места за 1 гульден 50 крейцеров, а таких они взять не захотели. Она отвечает, что особой беды им бы от этого не было бы.*

Откуда взялись эти 1 гульден 50 крейцеров? Из индифферентного, в сущности, повода предыдущего дня. Ее невестка получила в подарок от своего мужа 150 гульденов и поторопилась растратить их, купив себе украшение. Заметим, что 150 гульденов в *сто раз* больше, чем 1 гульден 50 крейцеров. Откуда же цифра три, означающая три места в театре? Здесь имеется только та связь, что невеста на столько же месяцев — то есть на *три* — моложе сновидицы. Понять сновидение помогает затем выяснение того, что может означать в сновидении такая его деталь: одна сторона партера в театре остается незанятой. Это точное воспроизведение незначительного эпизода, давшего ее мужу повод над ней подтрунивать. Она решила пойти на одно из объявленных театральных представлений и заблаговременно запаслась билетами, заплатив дополнительную цену за предвари-

тельную продажу. Когда же они пришли в театр, то увидели, что одна сторона партера была почти не занята; следовательно, *ей незачем было так торопиться.*

Теперь я заменю сновидение его мыслями: «Ведь было *бессмысленно* так рано выходить замуж, мне *незачем было так торопиться.* На примере Элизы Л. я вижу, что всегда нашла бы мужа и даже в *сто раз* лучшего (муж, сокровище), если бы только *подождала* (в противоположность *поспешности* невестки). За деньги (приданое) я бы купила *трех* таких мужей!» Обратим внимание на то, что в этом сновидении числа в значительно большей степени изменили свое значение и взаимосвязь, чем в предыдущем. Работа преобразования и искажения в сновидении была здесь более интенсивной, и это мы объясняем тем, что для своего изображения мыслям сновидения пришлось преодолеть значительное интрапсихическое сопротивление. Не следует оставлять без внимания и то, что в этом сновидении содержится абсурдный элемент: *двое* людей собираются взять *три* места. Мы можем истолковать эту абсурдность в сновидении [ср. с. 430], заметив, что эта абсурдная деталь содержания сновидения должна изображать самую главную его мысль: «Было *бессмысленно* так рано выходить замуж!» Число «три», имеющее второстепенное значение при сравнении двух людей (три месяца разницы в возрасте), было искусно использовано сновидением для создания необходимой ему бессмыслицы. Уменьшение реальных 150 гульденов до 1 гульдена 50 крейцеров соответствует *низкой оценке* мужа (сокровища) в подавленных мыслях сновидицы[1].

III

Следующий сон демонстрирует нам вычислительные способности сновидения, из-за которых к нему так часто относились с пренебрежением. Одному мужчине снится: *Он сидит у Б.* (в семье одной своей бывшей знакомой) *и говорит: «Напрасно вы не выдали за меня Мали». — Затем он спрашива-*

---

[1] [Более подробно это сновидение анализируется в разных местах в «Лекциях по введению в психоанализ» Фрейда, особенно в конце 7-й и 14-й лекций (1916–1917, *Studienausgabe,* т. 1, с. 136–138, 223–224, 227–228).]

ет девушку: «Сколько ж вам лет?» — Ответ: «Я родилась в 1882 году». — «Ах, так вам 28 лет».

Поскольку сновидение относится к 1898 году, очевидно, что счет неверен, и слабость в арифметике сновидца можно было бы сравнить со слабостью паралитика, если бы ее нельзя было объяснить иначе. Мой пациент относился к тем людям, мысли которых занимают все до единой увиденные ими женщины. На протяжении нескольких месяцев вслед за ним на прием в мой врачебный кабинет регулярно приходила одна молодая дама, о которой он часто меня спрашивал и с которой он был очень учтивым. Ее-то возраст он и оценивал в 28 лет. Именно так можно объяснить результат его мнимого вычисления. Вместе с тем 1882 год — это год, когда он женился. Он также не мог упустить возможность завязать разговор с двумя другими особами женского пола, которых он встречал у меня, — отнюдь не юными девушками, поочередно открывавшими ему дверь, и поскольку ему казалось, что эти девушки не очень ему доверяют, он объяснил себе это тем, что они, наверное, считали его более взрослым *«солидным»* господином.

IV[1]

Еще одним сновидением с числами, которое характеризуется очевидной детерминацией, или, скорее, сверхдетерминацией, вместе с его толкованием я обязан господину Б. Даттнеру.

«Моему домовладельцу, охраннику, служащему в магистрате, снится, будто он стоит на посту на улице, что является исполнением его желания. *Тут к нему подходит инспектор, и на воротнике его мундира указан номер 22 и 62 или 26 — во всяком случае в нем было несколько двоек.*

Уже само разделение числа 2262 при воспроизведении сна позволяет сделать вывод о том, что составные части имеют свое особое значение. Вчера на работе он с коллегами говорил о продолжительности их службы, — приходит ему на ум. Поводом к разговору послужил один инспектор, который в 62 года вышел на пенсию. Сам сновидец имеет только 22 года службы, и ему остается еще два года и два месяца, чтобы получать 90% пенсии. Сновидение выражает исполнение его давнего жела-

[1] [Этот пример был добавлен в 1911 году.]

ния — получить чин инспектора. Начальник с номером 2262 — это он сам, он исполняет свои служебные обязанности на улице (это тоже его самое большое желание), отслужил два года и два месяца и теперь, подобно 62-летнему инспектору, может уволиться с полной пенсией»[1].

Сопоставив эти и аналогичные (последующие [см. с. 450 и далее]) примеры, мы вправе сказать: сновидение вообще не считает — ни правильно, ни неправильно; оно лишь соединяет в форме арифметических действий числа, которые содержатся в мыслях сновидения и которые могут служить намеками на не поддающийся изображению материал. При этом оно обращается с числами как с материалом, используемым для выражения своих намерений, точно так же как и со всеми другими представлениями, как с именами и словесными выражениями в высказываниях.

Работа сновидения не может создавать новых диалогов. [Ср. с. 199 и 314.] Если в сновидениях встречаются диалоги, которые сами по себе могут быть разумными или бессмысленными, анализ всякий раз показывает нам, что сновидение лишь заимствовало для выражения своих мыслей отрывки действительно произошедших или услышанных разговоров и поступило с ними в высшей степени произвольно. Оно не только вырвало их из общего контекста и раздробило, взяв одну часть и отбросив другую, но и объединило их заново, а потому диалог, кажущийся в сновидении связным, при анализе распадается на три или четыре фрагмента. При таком преобразовании оно часто оставляет в стороне смысл, который имели слова в мыслях сновидения, и придает им смысл совершенно иной[2]. При более близ-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Анализы других сновидений с числами см. у Юнга [1911], Марциновски [1912*b*] и др. Нередко они предполагают очень сложные операции с числами, которые, однако, совершаются сновидцем с удивительной уверенностью. Ср. также работу Джонса (1912а).

[2] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* Таким же образом, как сновидение, ведет себя и невроз. Я знаю одну пациентку, страдающую тем, что она непроизвольно и вопреки собственному желанию слышит (галлюцинирует) песни или их части, не будучи способной понять их значение для своей психической жизни. Впрочем, она, вне всяких сомнений, не больна паранойей. Анализ показывает, что она произвольно использовала текст этих песен посредством «определен-

ком рассмотрении диалогов в сновидении можно отделить более ясные, компактные фрагменты от других, которые служат связывающим веществом и, вероятно, были дополнены подобно тому, как мы дополняем при чтении пропущенные слоги и буквы. Диалог в сновидении имеет строение брекчии, в которой крупные обломки различного материала соединяются окаменевшей промежуточной массой. [Ср. с. 452.]

Впрочем, это описание в полной мере относится только к тем разговорам в сновидении, которые содержат в себе нечто от чувственного характера разговора и описываются именно как «разговоры». Другие же, которые не воспринимаются как нечто услышанное или сказанное (то есть не сопровождаются акустическими или моторными ощущениями в сновидении), представляют собой попросту мысли, содержащиеся в нашем бодрствующем мышлении и без каких-либо изменений переходящие во многие сны. Для индифферентного разговорного материала в сновидении богатым, но вместе с тем трудно прослеживаемым ис-

---

ных лицензий». «Тихий, тихий, набожный напев» [fromme Weise]». [Песня Агаты из оперы Вебера «Вольный стрелок».] Для ее бессознательного это означает: кроткая сирота [fromme Waise], то есть она сама. «О, блаженная, о, радостная» — это начало рождественской песни; не продолжая ее словами «рождественская ночь», она делает из нее песню невесты и т. п. Впрочем, такой же механизм искажения может и без галлюцинации проявиться просто в мысли. Почему одному из моих пациентов вспомнилось стихотворение [фон Платена], которое ему довелось выучить в молодые годы:

По ночам в Бусенто [Busento] шепот…

Потому что его фантазия довольствуется отрывком из этой цитаты:

По ночам на груди [Busen].

Как известно, от этой техники не отказываются и шутки-пародии. Как-то в журнале *«Fliegende Blätter»* среди иллюстраций к немецким «классикам» был также приведен рисунок к шиллеровскому «Торжеству победителей» с преждевременно обрывающейся цитатой:

И супругой, взятой с бою,
Снова счастливый Атрид.

Продолжение:

Пышный стан обвив рукою,
Страстный взор свой веселит.

точником служит, по-видимому, и литература. Однако все, что каким-либо образом отчетливо проявляется в сновидении в форме разговора, можно свести к реальной, произнесенной или услышанной речи.

Примеры происхождения таких разговоров в сновидении мы уже приводили при анализе снов, которые были рассказаны нами с другой целью. Так, в «безобидном сновидении о рынке» (см. с. 199–200) фраза: *«Этого больше нет»* — служит для отождествления меня с мясником, тогда как часть другой фразы: *«Я этого не знаю, я этого не возьму»* — выполняет другую задачу: придать сновидению невинный характер. Как раз накануне сновидица ответила кухарке на какую-то ее дерзость словами: *«Я этого не знаю, ведите себя прилично»,* и теперь первая часть этой индифферентно звучащей фразы вошла в сновидение, чтобы намекнуть ею на последующую часть, которая, вполне соответствуя фантазии, лежавшей в основе сновидения, ее бы и разоблачила.

Аналогичный пример из многих других, которые дали бы такие же результаты.

Большой двор, на котором сжигают трупы. Он говорит: «Я пойду, не могу на это смотреть». (Эта фраза не очень отчетлива.) *Затем он встречает двух мальчиков из мясной лавки и спрашивает: «Ну как, было вкусно?» Один из них отвечает: «Нет, не вкусно. Как будто это было человеческое мясо».*

Безобидный повод к этому сновидению следующий. Накануне вечером после ужина он вместе с женой зашел в гости к добродушным, но отнюдь не *привлекательным* [appetitlich] соседям. Гостеприимная пожилая дама как раз сидела за ужином и стала *заставлять* его (для этого среди мужчин в шутку употребляется слово, имеющее сексуальное значение) тоже что-нибудь отведать. Он отказывался, говорил, что нет аппетита. *«Ах, бросьте,* попробуйте хоть немножко!» или нечто подобное. В конце концов, ему пришлось отведать блюдо, и из вежливости он похвалил его: *«Неплохо, однако».* Оставшись наедине с женой, он стал возмущаться как навязчивостью соседки, так и качеством отведанного блюда. Фраза «Не могу на это смотреть», которая и в сновидении не очень отчетлива, — это мысль, относящаяся к внешности приглашавшей поужинать дамы, и ее можно было бы перевести, что ему не хочется эту даму видеть.

Более поучителен анализ другого сновидения; я приведу его здесь по причине очень отчетливого разговора, составляющего его основной момент, но объясню только после того, как будет рассмотрена роль аффектов в сновидении [см. с. 463 и далее]. Мне очень отчетливо снится: *ночью я пришел в лабораторию Брюкке и в ответ на легкий стук открываю дверь* (покойному) *профессору Фляйшлю*[1], *который входит с несколькими незнакомыми мне людьми и, сказав несколько слов, садится за свой стол.* За этим следует второе сновидение: *мой друг Фл.* [Флисс] *незаметным образом в июле приехал в Вену; я встречаю его на улице во время беседы с моим* (покойным) *другом П. и иду с ним куда-то, где они усаживаются друг против друга за маленьким столиком; я же сижу на узкой стороне столика. Фл. рассказывает о своей сестре и говорит: «Через три четверти часа она была мертва», — и потом добавляет, что-то вроде: «Это предел». Поскольку П. его не понимает*[2], *Фл. обращается ко мне и спрашивает, что именно я рассказывал о нем П. В ответ на это я, охваченный какими-то странными эмоциями, хочу сказать Фл., что П. (ничего не может знать, потому что его) вообще нет в живых. Но я говорю, сам замечая свою ошибку: «Non vixit». Затем я пристально смотрю на П.; под моим взглядом он бледнеет, глаза становятся болезненно голубыми, он теряет четкие контуры и, наконец, исчезает. Я бесконечно рад этому и теперь понимаю, что и Эрнст Фляйшль был лишь видением, ревенантом, и мне кажется вполне вероятным, что такая персона существует лишь до тех пор, пока ее терпишь, и что ее можно устранить произвольным желанием противоположного.*

Это красивое сновидение объединяет в своем содержании так много загадочных особенностей — критичность во время самого сновидения: я самостоятельно замечаю свою ошибку, говоря *«non vixit»*, а не *«non vivit»* [это означает: «Он не жил» вместо «Его нет в живых»]; непринужденное общение с умершими, которых само сновидение считает таковыми; абсурдность заключительного вывода и, наконец, чувство удовлетворения, которое он у меня вызывает, — что я с величайшим удовольствием

---

[1] [См. прим. на с. 484, где дается объяснение упомянутым лицам.]

[2] [Эта деталь анализируется ниже, на с. 515.]

сообщил бы полное решение этой загадки. Но на самом деле я не могу сделать того, что, собственно, делаю в сновидении, — пожертвовать в угоду своему честолюбию уважением к столь дорогим для меня людям. При любом же утаивании хорошо известный мне смысл сновидения был бы утрачен. Поэтому сначала здесь, а потом и в другом месте [см. с. 482 и далее] я ограничусь истолкованием лишь некоторых элементов сновидения.

Центр сновидения образует сцена, в которой я уничтожаю П. своим взглядом. При этом его глаза становятся странного, зловеще-голубого цвета, а затем он исчезает. Эта сцена представляет собой явную копию того, что мной было пережито в действительности. Я был демонстратором в физиологическом институте, к своим обязанностям должен был приступать рано утром, и Брюкке узнал, что несколько раз я приходил в учебную лабораторию слишком поздно. Однажды он явился прямо к открытию и стал меня поджидать. Все, что он мне сказал, было четким и определенным; но дело было не в словах. Меня потрясли его страшные голубые глаза, которыми он смотрел на меня. Под его взглядом я «исчез», как в сновидении П., с которым, к своему облегчению, я поменялся ролями. Кто помнит изумительные — даже в глубокой старости — глаза великого ученого и кто видел его когда-нибудь в гневе, тот легко сможет понять чувства юного грешника.

Однако мне долго не удавалось выяснить происхождение фразы *«Non vixit»*, которой в сновидении я вершу свое правосудие, пока, наконец, меня не осенило, что два этих слова были такими отчетливыми во сне потому, что на самом деле я их не говорил и не слышал, а *видел*. И тут же мне стало понятно, откуда они. На постаменте памятника императору Иосифу в венском Хофбурге можно прочесть прекрасные слова:

Saluti patriae vixit
non diu sed totus[1].

[1] [«Жил во благо родины — недолго, но до конца». — *Дополнение, сделанное в 1925 году:]* На самом деле надпись гласит:

Saluti publicae vixit
non diu sed totus.

Мотив ошибочного действия — *patriae* вместо *publicae* — пожалуй, верно разгадал Виттельс [1924, 86].

Из этой надписи я взял то, что соответствовало враждебному элементу в мыслях моего сновидения и что должно было означать: «Парню нечего вмешиваться в разговор, ведь его вообще нет в живых». И тут я вспомнил, что этот сон приснился мне несколько дней спустя после открытия памятника Фляйшлю[1] в университетском парке. При этом я вновь осмотрел памятник Брюкке и (бессознательно), видимо, пожалел о том, что мой высокоодаренный и всей душой преданный науке друг П. из-за своей преждевременной кончины не может претендовать на памятник в этом месте. Такой памятник я воздвиг ему в сновидении; моего друга П. звали Иосифом[2].

По правилам толкования сновидений у меня все еще не было оснований заменить нужное мне *«non vivit»* словами *«non vixit»*, сохранившимися в моем воспоминании о памятнике императору Иосифу. Должно быть, эта замена была вызвана влиянием другого элемента мыслей сновидения. Что-то заставляет меня обратить внимание на то, что в сцене во сне сталкиваются два потока чувств к моему другу П. — враждебных и нежных; первые лежат на поверхности, вторые — скрыты, но те и другие находят свое выражение в словах: *«Non vixit»*. За его заслуги перед наукой я воздвигаю ему памятник; но он виновен за свое дурное желание (выраженное в конце сновидения), и я его уничтожаю[3]. Я здесь создал своеобразно звучащую фразу, по-видимому, руководствуясь каким-то примером. Но где встречается подобная антитеза, аналогичное соположение двух противоположных реакций на одного и того же человека, которые претендуют на свою обоснованность, но при этом не хотят друг другу мешать? В единственном месте, которое, однако, глубоко запечатлевается в памяти читателя, — в оправдательной речи Брута в шекспировском «Юлии Цезаре» [акт III, 2-я сцена]: «Цезарь любил меня, и я его оплакиваю; он был удачлив, и я радовался этому; за доблести я чтил его; но он был властолюбив, и я убил его»[4]. Разве это не такое же построение фразы и не такое же противоречие мыслей, как в мыслях сновидения, которые я раскрыл? Таким образом, я играю во

---

[1] [16 октября 1898 года.]

[2] [К вопросу о сверхдетерминации: моим оправданием за опоздания служило то, что после долгой ночной работы мне приходилось совершать длинный путь с улицы *Императора Иосифа* на Верингерштрассе.]

[3] [Эта деталь более подробно обсуждается ниже, на с. 486.]

[4] [Перевод М. Зенкевича.]

сне роль Брута. Вот если бы только удалось найти в содержании сновидения еще один след, подтверждающий эту удивительную коллатеральную связь! Я думаю, он может быть следующим: мой друг Фл. приезжает в Вену в *июле*. Эта деталь не имеет никакого соответствия в действительности. Насколько мне известно, мой друг никогда не бывал в Вене в *июле*. Но месяц *июль* назван по имени *Юлия Цезаря* и поэтому вполне может служить искомым намеком на связующую мысль, что я играю роль Брута[1].

Как это ни странно, но я действительно однажды играл роль Брута. В четырнадцатилетнем возрасте я разыгрывал перед детской аудиторией сцену между Брутом и Цезарем из стихотворений Шиллера[2], причем в компании с моим племянником, мальчиком старше меня на один год, который к нам в то время приехал из Англии. То есть он тоже *вернулся*, ибо он был товарищем по играм в мои первые детские годы, которые вновь появились вместе с ним. До трех лет мы были с ним неразлучны, любили друг друга и друг с другом дрались, и эти детские отношения, как я уже отмечал [см. с. 212 и 244], оказали решающее влияние на все мои последующие чувства в общении со сверстниками. С тех пор у моего племянника Джона произошло много воплощений, которые воскрешали то одну, то другую сторону его существа, неизгладимо запечатлевшегося в моей бессознательной памяти. По всей видимости, порой он очень плохо со мной обращался, и мне приходилось восставать против своего тирана, ибо мне часто потом рассказывали, что на вопрос отца — его деда: «Почему ты бьешь Джона?», я отвечал краткой речью в свое оправдание: «Я побил его, потому что он побил меня». Наверное, этой сценой из детства и объясняется замена *«non vivit»* на *«non vixit»*, ибо на языке детей *«побить»* означает *«задать трепку»* [wichsen]; работа сновидения не брезгует пользоваться такими взаимосвязями. Столь мало обоснованная в реальности враждебность к моему другу П., который во многом меня превосходил и поэтому также мог представлять собой новый вариант моего друга детства, наверняка сводится к моему сложному детскому отношению к Джону [Ср. с. 485–486][3].

К этому сновидению мы еще вернемся.

---

[1] К тому же еще *Цезарь — кайзер, император.*

[2] [Фактически — это стихотворение в форме диалога, которое декламирует Карл Моор в 4-м акте 5-й сцены ранней версии «Разбойников» Шиллера.]

[3] [Тема разговора в сновидении упоминается также на с. 199, 314, 322 и 468.]

Ж
Абсурдные сновидения — интеллектуальная работа во сне[1]

В наших предыдущих истолкованиях снов мы так часто наталкивались на элемент *абсурдности* в содержании сновидения, что мне не хотелось бы дальше откладывать обсуждение того, откуда проистекает этот элемент и что он означает. Вспомним только, что абсурдность сновидений давала противникам их толкования главный аргумент, чтобы рассматривать сновидение не иначе, как бессмысленный продукт редуцированной и иссякшей душевной деятельности. [См. с. 73 и далее.]

Я начну с нескольких примеров, в которых абсурдность содержания сновидений — только видимость, которая при более глубоком проникновении в смысл сновидения тотчас исчезает. Это несколько сновидений, где речь идет — на первый взгляд случайно — о смерти отца.

[I]

Сновидение пациента, шесть лет назад потерявшего отца. *С отцом случилось большое несчастье* [Unglück]. *Он ехал ночью по железной дороге, поезд сошел с рельсов, сиденья сомкнулись и сдавили ему голову. Затем он видит его лежащим в постели с вертикальной раной над левой бровью. Он удивляется, что с отцом случилось несчастье (ведь он уже умер,* как добавляет сновидец в ходе рассказа). *Его глаза очень ясные.*

В соответствии с господствующим представлением о сновидениях содержание этого сна следовало бы трактовать таким образом: сновидец, изображая несчастный случай, произошедший с его отцом, вначале забыл, что тот уже несколько лет почивает в могиле; в процессе сновидения это воспоминание пробуждается и становится причиной того, что он сам удивляется

---

[1] [За исключением некоторых пассажей, отмеченных соответствующей датой, весь остальной текст до конца книги содержался уже в первом издании 1900 года.]

своему сну. Однако анализ прежде всего нам показывает, что такие объяснения излишни. Сновидец заказал одному скульптору *бюст* отца, который он увидел за два дня до приснившегося сновидения. Этот бюст показался ему *неудачным* [verunglückt]. Скульптор никогда не видел отца, он работал по представленной ему фотографии. Накануне самого сновидения почтительный сын послал в ателье пожилого слугу их семьи, чтобы тот подтвердил или опроверг его мнение о мраморном бюсте, а именно что *бюст слишком узок в поперечном направлении* от виска к виску. Далее следуют воспоминания, внесшие свой вклад в построение этого сна. Отец, удрученный проблемами на работе или семейными неприятностями, имел привычку прижимать обе руки к вискам, словно желая сжать голову, которая, казалось ему, распухала. Четырехлетним ребенком наш сновидец стал свидетелем того, как из-за выстрела из случайно заряженного пистолета потемнели глаза отца (*«его глаза очень ясные»*). На том месте, где в сновидении изображена рана, у отца, когда он задумывался или грустил, появлялась глубокая морщина. То, что эта морщина заменена в сновидении раной, указывает на второй мотив сновидения. Сновидец фотографировал свою маленькую дочку; фотопластинка выпала из его рук, и, когда он ее поднял, увидел трещину, которая, словно вертикальная морщина, проходила по лбу малышки прямо до бровей. Он не мог отделаться от суеверных предчувствий, ибо за день до смерти матери разбил фотографическую пластинку с ее изображением.

Таким образом, абсурдность этого сновидения — лишь результат небрежности оборота речи, не желающего отличать бюст и фотографию от человека. Мы все привыкли говорить: «Не кажется ли тебе, что отец не вышел?» Правда, мнимой абсурдности в этом сне можно было бы легко избежать. Если бы можно было судить на основании единственного опыта, то я бы сказал, что такого рода абсурдность допустима или желательна.

II

Второй, совершенно аналогичный пример из моих собственных сновидений. (Я потерял отца в 1896 году.)

Отец после своей смерти играет видную политическую роль среди мадьяр, способствует их политическому объединению. В связи с этим я смутно вижу следующий образ: *тол-*

па народа, как в рейхстаге; на одном или на двух стульях стоит человек, окруженный другими людьми. Я вспоминаю, что на смертном одре он был очень похож на Гарибальди, и радуюсь, что это предзнаменование все же сбылось.

Все это довольно абсурдно. Мне это приснилось в то время, когда в результате парламентской *обструкции* в Венгрии вспыхнули беспорядки, и она пережила кризис, из которого ее вывел Коломан Сцелль[1]. Несущественное обстоятельство, что сцена, увиденная в сновидении, состоит из небольших картин, имеет определенное значение для объяснения этого элемента. Обычно при изображении наших мыслей сновидение пользуется зрительными образами, которые производят впечатление натуральной величины; однако мой образ сновидения представляет собой репродукцию одной из гравюр из иллюстрированной истории Австрии, где изображена Мария Терезия в парламенте в Пресбурге — знаменитая сцена *«Moriamur pro rege nostro»*[2]. Как там Мария Терезия, так и в моем сновидении отец окружен толпой; но он стоит на одном или двух стульях [Stuhl], то есть как *член тайного суда* [Stuhlrichter]. (Он *объединил* их; здесь связующим звеном служит оборот речи: «Нам не нужен *судья*».) На смертном одре он был похож на Гарибальди, и все мы, стоявшие вокруг него, действительно это заметили. У него было *postmortale* повышение температуры, его щеки все ярче и ярче рдели... и невольно мы продолжаем:

А позади него, в бесплотном свете
лежало то, что низкое обуздывает в нас[3].

---

[1] [Острый политический кризис в Венгрии в 1898–1899 годах был преодолен благодаря образованию коалиционного правительства под руководством Сцелля.]

[2] [«Жизнь за нашу императрицу!» — восклицали венгерские аристократы, когда Мария Терезия после вступления в 1740 году на престол попросила их о поддержке в борьбе с Австрией за порядок наследования.] — Я уже не знаю, у какого автора я нашел упоминание об одном сновидении, буквально кишевшем необычайно меленькими фигурками; его источником оказалась одна из гравюр Жана Калло, которую накануне рассматривал сновидец. Разумеется, эти гравюры содержат огромное множество мелких фигур; в целом ряде из них изображаются ужасы Тридцатилетней войны.

[3] [Эти строки взяты из эпилога к «Песни о колоколе» Шиллера, который 10 августа 1805 года написал Гёте к торжественным похоронам друга.]

Эта последовательность наших мыслей подготавливает нас [в анализе] к тому, что мы должны заниматься как раз «низким». *«Postmortale»* повышение температуры соответствует словам *«после его смерти»* в содержании сновидения. Самым мучительным его недугом все последние недели был полный паралич кишечника *(обструкция)*. С этим ассоциируются всякого рода непочтительные мысли. Один из моих сверстников, потерявший отца еще гимназистом (эта смерть вызвала у меня глубокое потрясение, и я предложил ему свою дружбу), рассказывал мне однажды в ироническом тоне про горе одной своей родственницы, отец которой умер прямо на улице. Его принесли домой, и, когда труп раздели, оказалось, что в момент смерти или *postmortal* произошло *испражнение* [Stuhlentleerung]. Дочь настолько расстроилась, что этот отвратительный эпизод, должно быть, омрачал ее память об отце. Здесь мы вплотную подошли к желанию, воплощенному в моем сновидении. *Предстать перед детьми великим и чистым после смерти* — кто бы этого не желал? В чем же абсурдность этого сновидения? Внешне она проявилась лишь в результате того, что вполне допустимый оборот речи, где мы привыкли не замечать абсурдности, имеющейся между двумя его составными частями, изображается в сновидении совершенно конкретно. Также и здесь мы не можем избавиться от впечатления, что видимость абсурдности является желанной, намеренно вызванной[1].

Частота[2], с которой в сновидении, словно живые, появляются умершие люди, говорят с нами и взаимодействуют, вызывала нескрываемое удивление и порождала самые странные объяснения, из которых становится совершенно явным наше непонимание сновидений. И все же объяснение таких снов особых трудностей не представляет. Как часто нам приходится думать: *«Если бы* отец был жив, что бы он на это сказал?» Это *«если»* сновидение не может изобразить иначе, кроме как через присутствие в определенной ситуации. Так, например, молодому человеку, которому его дед оставил большое наследство, снится после того, как он потратил большую сумму денег, что дед жив и требует от него отчет. То, что мы считаем протестом против сновидения,

---

[1] [Это сновидение обсуждается далее на с. 450.]

[2] [Этот абзац был добавлен в 1909 году.]

возражением, основанным на нашем знании, что данный человек уже умер, на самом деле является лишь утешением: покойному не пришлось этого пережить, или удовлетворением от того, что он уже ничего не сможет на это сказать.

Другой род абсурдностей, встречающихся в сновидениях о покойных родственниках, не выражает иронию и насмешку[1], а служит категорическим протестом против изображения вытесненной мысли, которую хочется исказить до полной неузнаваемости. Сны подобного рода можно истолковать, только помня о том, что сновидение не делает никакого различия между желаемым и реальным. Так, например, одному мужчине, ухаживавшему за отцом во время его болезни и тяжело переживавшему его смерть, спустя некоторое время приснился следующий бессмысленный сон. *Отец снова был жив и говорил с ним как обычно; но* (и в этом заключается странность) *он все же был мертв и просто об этом не знал.* Это сновидение станет понятным, если слова «он все же был мертв» дополнить: *«по желанию сновидца»*, а к словам «он этого не знал» добавить, «что у сновидца было такое желание». Сын, ухаживая за больным отцом, не раз желал ему смерти, то есть обнаруживал исполненные милосердия мысли, чтобы смерть положила конец этим мучениям. Во время траура после смерти это сострадание превратилось в бессознательный упрек, словно своим желанием он действительно сократил жизнь больного.

Благодаря пробуждению самых ранних детских импульсов, направленных против отца, появилась возможность выразить этот упрек в виде сновидения, но именно из-за столь резкой противоположности между возбудителем сновидения и дневными мыслями сновидению пришлось предстать столь абсурдным[2].

---

[1] [Этот абзац был добавлен в 1911 году. Первая фраза подразумевает, что Фрейд якобы уже раньше объяснял абсурдность снов как «иронию и насмешку» мыслей сновидения. Однако это не так; это эксплицитное объяснение дается в одном из последующих пассажей (на с. 438), где Фрейд подытоживает свою теорию абсурдных снов. Возможно, данный абзац по недосмотру был добавлен здесь, а не позже.]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1911 году:]* Ср. в этой связи «Положения о двух принципах психического события» (1911*b*) [где в конце обсуждается это же сновидение (*Studienausgabe*, т. 3, с. 24). — Очень похожее сновидение (под номером 3) анализируется в 12-й лекции Фрейда по введению в психоанализ (1916–1917, *Studienausgabe*, т. 1, с. 193 и далее). — Следующий абзац был добавлен в 1919 году.]

Сновидения о любимом умершем человеке вообще представляют собой трудную задачу для толкования, которую не всегда удается решить удовлетворительным образом. Причину этого, возможно, надо искать в особенно сильно выраженной амбивалентности чувств, которая царит в отношении сновидца к покойному. Очень часто в таких сновидениях с умершим вначале обращаются как с живым человеком, но затем вдруг выясняется, что он мертв, но в продолжение сновидения он все же остается живым. Это сбивает с толку. В конце концов я догадался, что это чередование жизни и смерти должно изображать безразличие сновидца («Мне все равно, жив он или умер»). Конечно, это безразличие не реальное, а желаемое, оно должно помочь сновидцу отвергнуть свои весьма интенсивные, зачастую противоречивые эмоциональные установки и, следовательно, изображает во сне его *амбивалентность*. В других сновидениях, в которых сновидец общается с умершим человеком, часто помогает сориентироваться следующее правило: если в сновидении не напоминают о том, что мертвый человек мертв, то это значит, что сновидец приравнивает себя к мертвому, ему снится его собственная смерть. Неожиданно возникающее во сне осознание или удивление: «Да ведь он давно уже мертв» — представляет собой возражение против такого общества и не имеет значения смерти для сновидца. Однако я должен признать, что толкование сновидений подобного содержания далеко еще не раскрыло все их секреты.

III

Пример, который я здесь привожу, дает возможность уличить работу сновидения в том, что оно умышленно фабрикует абсурдность, для которой в самом материале нет никакого повода. [Ср. с. 222 и далее]. Этот пример взят из сновидения, навеянного мне встречей с графом Туном перед моей поездкой в отпуск. *Я беру извозчика и велю ему ехать на вокзал. «По самой железной дороге я с вами ехать не могу», — говорю я в ответ на его возражение, будто я его утомил. При этом, похоже, я уже проехал с ним часть пути, которую обычно проезжают на поезде.* Относительно этой запутанной и бессмысленной истории анализ дает следующие разъяснения. В тот день я нанял извозчика, который должен

был отвезти меня на одну отдаленную улицу Дорнбаха. Дороги он не знал, но в духе этих милых людей продолжал ехать все дальше, пока, наконец, я это не заметил и не показал ему дорогу, не удержавшись при этом от нескольких иронических замечаний в его адрес. От этого кучера связь мыслей отходит к аристократии, которой я еще коснусь позднее. Пока же ограничусь указанием на то, что для нас, буржуазного плебса, аристократия обращает на себя внимание тем, что она охотно занимает место «кучера». Ведь и граф Тун тоже правит государственной колесницей Австрии. Следующая фраза в сновидении относится к моему брату, которого, следовательно, я отождествляю с извозчиком. Я отказался поехать с ним в этом году в Италию *(«По самой железной дороге я с вами ехать не могу»)*, и этот отказ явился своего рода наказанием за его вечные жалобы, что в этих поездках я чересчур его *утомляю* (это попало в сновидение в неизменном виде), ибо слишком быстро меняю места, предлагаю слишком много всяких красот. В этот вечер брат провожал меня на вокзал, но незадолго до трамвайной остановки «Западный вокзал» вышел, чтобы на трамвае отправиться в Пуркерсдорф. Я заметил ему, что еще какое-то время он может побыть со мной и поехать в Пуркерсдорф не на трамвае, а по Западной железной дороге. Из этого в сновидение вошло то, что я проехал в *экипаже* часть пути, *которую обычно проезжают на поезде*. В действительности все было наоборот (и *«Наоборот также поехал»*); я сказал своему брату: «Расстояние, которое ты проедешь на трамвае, ты можешь проехать в моем обществе по Западной железной дороге». Всю путаницу в сновидении я устраиваю только тем, что вместо *«трамвая»* ввожу в сновидение *«экипаж»*, что, правда, служит хорошую службу отождествлению кучера с братом. Затем я получаю в сновидении нечто абсурдное, кажущееся при разъяснении едва ли понятным и чуть ли не противоречащее моим прежним словам (*«По самой железной дороге с вами я не поеду»)*. Но так как мне вообще нет нужды смешивать трамвай с извозчиком, то я, видимо, создал всю эту загадочную историю в сновидении преднамеренно.

Но с каким намерением? Мы узнаем сейчас, что означает абсурдность в сновидении и по каким мотивам она допускается или создается. Решение загадки в данном случае следующее. Я нуждаюсь во сне в абсурдности или в чем-то непонятном в связи со словом *«езда»* (Fahren), потому что в мыслях

сновидения у меня есть определенное суждение, требующее изображения.

Однажды вечером у одной гостеприимной и остроумной дамы, которая в другой сцене этого же сновидения выступает в роли «экономки», я услышал две загадки, которые не смог разгадать. Поскольку остальному обществу они уже были известны, я со своими безуспешными попытками найти решение представлял собой несколько комичную фигуру. Это были два каламбура со словами «потомки» и «предки» [Vorfahren]. Они, как мне кажется, звучали следующим образом:

Господин повелевает,
Кучер сразу исполняет.
Они в гробах, их нет в живых,
Но все из нас имеют их. *(Предки.)*

С толку сбивало то, что вторая загадка наполовину совпадала с первой:

Господин повелевает,
Кучер сразу исполняет.
В колыбельках без помех
Спят они, но не у всех. (*Потомки.*)

Когда я увидел, как величественно *проехал* (*vorfahren*) граф Тун, и почувствовал настроение Фигаро, считавшего заслугой высоких господ уже само то, что они дали себе труд родиться на свет (быть *потомками*), обе загадки стали промежуточными мыслями для работы сновидения. Поскольку «аристократа» легко можно заменить на «кучера» и поскольку извозчиков когда-то величали у нас «Herr Schwager»[1], работа сгущения могла включить в это же изображение и моего брата. Мысль сновидения, стоявшая за всем этим, гласит: *«Нелепо гордиться своими предками. Лучше я сам буду предком, родоначальником»*. В результате такого суждения («нелепо» и т. д.) и появилась нелепость в сновидении. Теперь, пожалуй, разрешается и последняя загадка непонятного места в сновидении, что я вместе с кучером *проехал вперед*, *ехал* с ним *впереди*.

---

[1] [Ямщик, но также деверь, шурин, зять. — *Примечание переводчика.*]

Следовательно, сновидение становится абсурдным тогда, когда в мыслях сновидения в качестве одного из элементов его содержания имеется суждение: *«Это нелепо»,* когда вообще одна из бессознательных мыслей сновидца сопровождается критикой и иронией. Таким образом, абсурдное — это одно из средств, с помощью которого работа сновидения изображает противоречие, подобно инверсии отношений между мыслями и содержанием сновидения [с. 335–336], подобно использованию ощущения двигательной заторможенности [с. 346–347]. Однако абсурдность сновидения не следует переводить простым словом «нет»; она должна воспроизводить склонность мыслей сновидения — наряду с противоречием — иронизировать или подтрунивать. Только с этим намерением работа сновидения дает нечто нелепое. Оно опять-таки здесь превращает *часть скрытого содержания в явную форму*[1].

Собственно говоря, мы уже встречались с убедительным примером такого значения абсурдного сновидения. Истолкованное нами без анализа сновидение об опере Вагнера, продолжающейся до без четверти восьми утра, во время которой дирижер управляет оркестром, находясь наверху башни, и т. д. (см. с. 350 и далее), хочет, очевидно, сказать: «*Сумасбродный* мир, *сумасшедшее* общество». Кто действительно заслуживает, тот ничего не получает, а кто ничего не делает, имеет все — сновидица сравнивает здесь свою судьбу с судьбой своей кузины. То, что все приведенные примеры абсурдности сновидений были сновидениями об умершем отце, также отнюдь не случайно. Здесь сходятся все условия для образования абсурдных сновидений в типичной форме. Авторитет, присущий отцу, уже в раннем возрасте вызывает критику со стороны ребенка; его строгие требования побуждают ребенка зорко следить за проявлением малейшей слабости у отца, но пиетет в нашем мышлении к персоне отца, особенно после его смерти, усиливает цензуру, которая оттесняет проявления этой критики от осознания.

---

[1] То есть работа сновидения пародирует мысль, которую считает смешной, создавая нечто смешное, относящееся к этой мысли. Примерно так же поступает Гейне, желая высмеять плохие стихи короля Баварии. Он делает их еще хуже:

Герр Людвиг — великий поэт,
А когда поет он, сам Аполлон бросается
Пред ним на колени, прося и умоляя:
«Остановись, иначе я сойду с ума».
(«Хвалебные песни королю Людвигу», I.)

IV

Еще одно абсурдное сновидение об умершем отце.

Я получаю извещение от совета общины моего родного города с требованием внести плату за содержание в госпитале в 1851 году, которое было мне необходимо в связи с каким-то приступом. Я смеюсь над этим, ибо, во-первых, в 1851 году меня еще не было на свете, а во-вторых, мой отец, к которому это могло относиться, уже умер. Я иду к нему в соседнюю комнату, где он лежит в постели, и об этом ему рассказываю. К моему удивлению, он вспоминает, что тогда, в 1851 году, был сильно пьян, и его пришлось то ли держать взаперти, то ли куда-то отвезти. Это было, когда он работал для дома Т. «Так ты, значит, тоже пил? — спрашиваю я. — И вскоре после этого женился?» Я подсчитываю, что родился в 1856 году, что представляется мне событием, произошедшим непосредственно после этого.

Настойчивость, с которой это сновидение демонстрирует свою абсурдность, мы истолкуем — в соответствии с последними рассуждениями — лишь как признак крайне ожесточенной и страстной полемики мыслей сновидения. Но с тем большим удивлением мы отмечаем тот факт, что в этом сне полемика ведется открыто, а отец и есть тот человек, который служит предметом насмешек. Такая откровенность, похоже, противоречит нашим предположениям о роли цензуры в работе сновидения. Однако объяснением служит то, что отец является здесь лишь прикрытием, тогда как спор ведется с другим человеком, который обнаруживается в сновидении благодаря единственному указанию. Если обычно в сновидении речь идет о протесте против других людей, за которыми скрывается отец, то здесь происходит обратное; отец выступает как подставное лицо, чтобы скрыть других, а сновидение может так откровенно заниматься им — человеком, которого обычно свято чтят, потому, что при этом свою роль играет полная уверенность в том, что на самом деле его в виду не имеют. Этот факт вытекает из поводов к сновидению. То есть оно возникло после того, как я услышал, что мой старший коллега, мнение которого считается непререкаемым, выразил критику и удивление по поводу того, что один из моих пациентов уже *пятый год* продолжает у меня психоаналитическую работу. Вступительная часть сновидения в прозрачной форме указывает на то, что этот колле-

га когда-то взял на себя обязанности, которые не мог больше выполнять отец *(выплаты издержек, помещение в больницу)*. Но когда наши дружеские отношения начали ослабевать, у меня возник такой же конфликт чувств, который при разногласиях между сыном и отцом неизбежно возникает из-за роли и прежних заслуг отца. Мысли сновидения отчаянно защищаются против упрека в том, что я *не движусь вперед быстрее*, этот упрек, вначале относящийся к лечению данного пациента, распространяется затем и на многое другое. Но разве он знает кого-нибудь, кто мог бы это сделать быстрее? Разве ему неизвестно, что состояния подобного рода обычно вообще неизлечимы и продолжаются всю жизнь? Что значат *четыре-пять* лет по сравнению с целой жизнью, тем более если жить пациенту за время лечения стало значительно легче?

Характер абсурдности этого сна во многом обусловлен тем, что фрагменты из различных областей мыслей сновидения нагромождаются друг на друга без каких-либо опосредствующих переходов. Так, например, фраза: «*Я иду к нему в соседнюю комнату* и т. д.» оставляет тему, связанную с предыдущими фрагментами, и в точности воспроизводит ситуацию, в которой я сообщил отцу о своей помолвке. Таким образом, она хочет напомнить мне о благородном бескорыстии, проявленном тогда пожилым человеком, и противопоставить его поведению другой, новой персоны. Я замечаю здесь, что сновидение вправе насмехаться над отцом, потому что в мыслях сновидения он пользуется полным признанием и ставится в пример другим. Сущность всякой цензуры состоит в том, что о непозволительных вещах можно скорее сказать то, что не соответствует истине, нежели правду. Следующий фрагмент, где он вспоминает, будто однажды *был сильно пьян и поэтому его заперли*, уже не содержит ничего, что относилось бы к отцу в реальности. Скрывающийся за ним человек — это не больше и не меньше, как великий Мейнерт[1], по стопам которого я последовал с таким почитанием и отношение которого ко мне после короткого периода предпочтения сменилось открытой враждебностью. Сновидение напоминает мне, во-первых, его собственный рассказ о том, как в молодые годы он приобрел привычку *одурманивать себя хлороформом* и из-за этого был вынужден *посещать лечебницу*, и, во-вторых, мою

[1] [Теодор Мейнерт (1833–1892) был профессором психиатрии в Венском университете.]

встречу с ним незадолго до его кончины. Я вел с ним ожесточенный литературный спор по поводу мужской истерии, которую он отрицал, и когда я навестил его, смертельно больного, и спросил о его самочувствии, он какое-то время описывал свое состояние и закончил словами: «Знаете, я всегда был одним из самых ярких примеров мужской истерии». Так, к моему удовлетворению и к моему удивлению, он согласился с тем, с чем так долго и упорно спорил. Но то, что в этой сцене сновидения я заменяю Мейнерта своим отцом, объясняется не найденной мной аналогией между двумя этими людьми, а тем лаконичным, но вполне достаточным изображением условного предложения в мыслях сновидения, которое в развернутой форме гласит: «Да, если бы я принадлежал ко второму поколению, был сыном профессора или гофрата, я бы наверняка продвигался быстрее». В сновидении я и делаю своего отца гофратом и профессором. Самая грубая и странная абсурдность сновидения заключается в том, что 1856 год ничем не отличается для меня от 1851 года, *как будто разница в пять лет не имеет никакого значения*. Но именно эта часть мыслей сновидения и должна найти свое выражение. *Четыре-пять лет* — это промежуток времени, в течение которого я пользовался поддержкой вышеупомянутого коллеги, но также время, которое пришлось ждать моей невесте, прежде чем мы заключили брак, и, наконец, это время, в течение которого моему самому близкому пациенту пришлось ожидать полного выздоровления. Последнее совпадение носит случайный характер, но тем охотнее пользуется им сновидение. *«Что такое пять лет?»* — задаются вопросом мысли сновидения. *«Для меня это не время, я этого даже не беру в расчет.* У меня еще много времени, и точно так же, как исполнилось то, во что вы тоже не хотели верить, я сумею сделать и это». Но, кроме того, число 51, если убрать цифры столетия, детерминировано еще и иначе, причем в противоположном значении; поэтому оно и встречается в сновидении несколько раз. 51 год — это возраст, наиболее опасный для мужчины, это возраст, в котором внезапно умерло несколько моих коллег, а среди них мой коллега, который за несколько дней до смерти получил долгожданное звание профессора[1].

[1] [Без сомнения, это намек на учение о периодах Флисса. 51=23+28 — это мужской или женский период. См. выше с. 182 и далее, прим. — На тот факт, что число 51 встречается неоднократно, указывается на с. 515. Анализ этого сновидения продолжается ниже на с. 452 и далее.]

V

Еще одно абсурдное сновидение, которое оперирует числами.

Один мой знакомый, господин М., подвергся в одной статье нападкам со стороны, не больше и не меньше, как самого Гёте, по нашему общему мнению, с неоправданной горячностью. Этими нападками господин М. был, разумеется, уничтожен. Он горько жалуется на это, сидя в обществе за столом, но его уважение к Гёте от этих личных переживаний нисколько не пострадало. Я пытаюсь несколько прояснить для себя временные соотношения, которые кажутся мне неправдоподобными. Гёте умер в 1832 году; поскольку его нападки на М. должны были произойти раньше, получается, что М. был тогда совсем молодым человеком. Мне представляется, что ему было восемнадцать лет. Но я не знаю точно, какой у нас сейчас год, и, таким образом, все расчеты погружаются в темноту. Впрочем, эти нападки содержатся в известной статье Гёте «Природа».

Вскоре у нас будут все средства, чтобы показать абсурдность этого сновидения. Господин М., с которым я познакомился в одном *обществе за столом*, недавно попросил меня обследовать его брата, у которого обнаруживаются признаки *паралитического умственного расстройства*. Его подозрения оправдались; во время этого визита произошла неприятная сцена: больной без всякого повода стал нападать на брата, намекая на его *выходки в юности*. Я спросил больного, когда он родился, и несколько раз заставил его произвести несложные вычисления, чтобы определить степень ослабления памяти; впрочем, с этим испытанием он справился вполне хорошо. Я уже понимаю, что веду себя в сновидении, как паралитик. *(Я не знаю точно, какой у нас сейчас год.)* Остальной материал сновидения проистекает из другого источника. Редактор одного медицинского журнала, мой хороший знакомый, поместил в высшей степени нелицеприятную, *«уничтожающую»* критическую рецензию одного совсем *молодого* и малосведущего референта на последнюю книгу моего друга Фл. [Флисса] из Берлина. Я счел, что имею право вмешаться, и обратился к редактору, который высказал свое сожаление, но не обещал что-либо поправить. После этого я разорвал свои отношения с журналом, а в своем письменном отказе выразил редактору надежду, *что наши личные отношения от этого случая не пострадают*. Треть-

им источником этого сновидения является недавний рассказ одной пациентки о психическом заболевании ее брата, который впал в буйное помешательство с криком: *«Природа, природа!* [Natur]*»*. Врачи полагали, что эти восклицания объясняются чтением прекрасной *статьи Гёте* и указывают на переутомление больного от своих натурфилософских занятий. Я же счел более предпочтительным подумать о сексуальном значении, в котором даже малообразованные среди нас люди говорят о «природе». И тот факт, что несчастный больной впоследствии изуродовал себе половые органы, свидетельствовал, по меньшей мере, что я не так уж и был неправ. Когда случился первый припадок, больному было *18 лет.*

Если я добавлю еще, что столь резко раскритикованная книга моего друга («Невольно спрашиваешь себя, кто сошел с ума, автор или ты сам», — сказал другой критик) посвящена проблеме *временных отношений* в жизни и сводит также продолжительность жизни *Гёте* к очень важному в биологии числу, то тогда нетрудно увидеть, что в сновидении я ставлю себя на место своего друга. (*Я пытаюсь несколько прояснить для себя временные соотношения.*) Но я веду себя, как паралитик, и сновидение принимает абсурдный характер. То есть мысли сновидения иронически говорят: «*Естественно* [natürlich], он [мой друг Фл.] — дурак, сумасшедший, а вы [критики] — гении, и лучше всех во всем разбираетесь. А может быть, наоборот?» И это *«наоборот»* широко представлено в содержании сновидения: Гёте нападает на молодого человека; это абсурдно, тогда как совсем молодой человек в наше время легко мог бы раскритиковать бессмертного Гёте; я произвожу подсчеты с *года смерти Гёте*, тогда как в действительности я попросил паралитика вести счет *со дня его рождения*[1].

Но я также обещал показать, что ни одно сновидение не руководствуется иными побуждениями, кроме эгоистических. [См. с. 279 и далее.] То есть я должен доказать, что в этом сновидении я приписываю себе ситуацию с моим другом и ставлю себя на его место. Моей критической убежденности в бодрствующем состоянии для этого недостаточно. И тогда история 18-летнего больного и разнообразное истолкование его возгласа *«природа»* служит намеком на оппозицию, в которой я оказался по отношению к боль-

---

[1] [Ср. с. 336, где уже упоминалось это сновидение.]

шинству врачей со своим утверждением о сексуальной этиологии психоневрозов. Я могу сказать себе: «Тебя ожидает такая же критика, как и в случае твоего друга, и отчасти тебя уже так и критикуют», и могу теперь заменить «он» в мыслях сновидения на «мы»: «Да, вы правы, мы оба дураки». То, что *«mea res agitur»*, энергично указывает мне упоминание о небольшой, несравненно прекрасной статье Гёте, ибо изложение этой статьи в одной популярной лекции подвигло меня, сомневающегося абитуриента, на изучение естественных наук[1].

VI

За мною остался долг показать, что другое сновидение, в котором не проявляется мое «я», является эгоистичным. На с. 281 я упомянул небольшое сновидение, в котором профессор М. говорит: *«Мой сын, Миоп...»,* и указал, что это лишь вступление к другому сну, в котором я играю определенную роль. Вот недостающее главное сновидение, абсурдное и непонятное словообразование которого требует от нас разъяснения. *Вследствие каких-то событий в Риме необходимо вывести из города всех детей, что и происходит. Действие развертывается перед античными двойными воротами (Porta romana в Сиене, как мне становится ясным уже во сне). Я сижу на краю колодца; я очень расстроен, чуть не плачу. Какая-то женщина — сиделка, монахиня — приводит двоих детей и передает их отцу, которым я не являюсь. Старший из них — явно мой старший сын, лица второго я не вижу; женщина, приведшая мальчика, хочет поцеловать его на прощание. У нее большой красный нос. Мальчик целоваться с ней отказывается, но говорит, подавая ей на прощание руку: «Auf Geseres», а нам обоим (или одному из нас): «Auf Ungeseres». У меня появляется мысль, что последняя фраза означает предпочтение.*

Это сновидение строится на клубке мыслей, вызванных пьесой «Новое гетто», которую я видел в театре. В соответствующих мыслях сновидения не составляет труда распознать еврейский вопрос, заботу о будущем детей, которым

---

[1] [Этот сон обсуждается далее на с. 451–452. По мнению Песталоцци (1956), статья «Фрагмент о природе» на самом деле принадлежит швейцарскому автору С. К. Тоблеру; из-за обмана памяти Гёте ошибочно включил ее в число своих собственных сочинений.]

нельзя дать отечества, стремление воспитать их так, чтобы они смогли стать свободными.

«При реках Вавилона, там сидели мы и плакали»[1]. — Сиена, как и Рим, славится своими красивыми фонтанами; для Рима мне приходится подыскивать в сновидении (ср. с. 208–209) замену из известных мне местностей. Возле Porta romana в Сиене мы видели большое, ярко освещенное здание. Мы узнали, что это *Маникомио*, дом для умалишенных. Незадолго до сновидения я слышал, что один мой единоверец был вынужден отказаться от своего штатного места в государственной психиатрической больнице, добиться которого стоило ему большого труда.

Наш интерес пробуждает фраза: *«Auf Geseres»* — в ситуации сновидения, где следовало ожидать слова «до свидания» [auf Wiedersehen], и ее совершенно бессмысленная противоположность: *«Auf Ungeseres».*

По сведениям, полученным мной от ученых мужей, *geseres* — древнееврейское слово, производное от глагола *goiser*; его можно перевести как «предопределенные судьбою страдания, злой рок». Исходя из жаргонного употребления этого слова, надо думать, что оно означает «плач и стенания». *Ungeseres* — это мое собственное словообразование, поэтому оно привлекает к себе мое внимание в первую очередь, но вначале приводит меня в полную растерянность. Небольшое замечание в конце сновидения, что *Ungeseres* означает предпочтение по сравнению с *Geseres*, открывает ворота мыслям и вместе с тем пониманию. Ведь такое же отношение касается икры: *несоленая* [ungesalz] икра ценится дороже *соленой* [gesalz]. Для народа икра — это «барская прихоть»: в этом содержится шутливый намек на одну женщину из числа моих домочадцев, на которую я возлагаю надежды, что она, будучи моложе меня, позаботится о будущем моих детей. С этим согласуется и то, что другая женщина, также относящаяся к домочадцам, наша славная бонна, явно изображается сновидением в виде сиделки (или монахини). Однако между парами *gesalzen-ungesalzen* и *Geseres-Ungeseres* пока еще нет опосредствующего перехода. Он содержится в паре *«gesauert-ungesauert»* [«заквашенный—незаквашенный»]; во время своего похожего на бегство исхода из *Египта* дети Израи-

---

[1] [Первые строки 136 псалма, в котором выражена тоска изгнанного народа о потерянной родине. — *Примечание переводчика*.]

ля не успели заквасить тесто и до сих пор в память об этом едят на *Пасху* пресный хлеб. Здесь я могу также привести одну внезапную мысль, которая пришла ко мне в этой части анализа. Я вспоминаю, что в последнюю *Пасху* мы — я и мой друг из Берлина — прогуливались по улицам незнакомого мне города Бреславля. Ко мне подошла маленькая девочка и спросила, как пройти на какую-то улицу; я вынужден был ответить, что не знаю, а затем сказал своему приятелю: «Надо надеяться, что в дальнейшей жизни малышка проявит большую зоркость при выборе людей, которые будут ее направлять». Вскоре после этого мне бросилась в глаза дощечка на двери: «Д-р *Ирод.* Приемное время...» Я заметил: «Надо надеяться, что коллега — не детский врач». Между тем мой приятель развивал мне свои взгляды на биологическое значение *билатеральной симметрии* и одну из своих фраз начал так: «Если бы у нас был всего один глаз посреди лба, как у *Циклопа...»* Это приводит нас к словам профессора М. в предварительном сновидении: *«Мой сын, Миоп».* И теперь я прихожу к главному источнику слова *«Geseres».* Много лет тому назад, когда этот сын профессора М., ныне самостоятельный мыслитель, еще сидел на *школьной скамье,* у него началась болезнь глаз, которую врач счел внушающей опасения. Он полагал, что пока она остается *односторонней*, это не будет иметь никого значения, но если она перейдет на *другой глаз*, то последствия будут серьезными. На одном глазу недуг исчез без следа, но вскоре после этого и в самом деле обнаружились признаки заболевания второго глаза. Напуганная мать тут же вызвала в деревню, где они в это время жили, врача. Но тот теперь встал *на другую сторону. «Что вы мучаете себя понапрасну? [Was machen Sie für Geseres?]* — прикрикнул он на мать. — Если на *одной* стороне зажило, заживет и на *другой».* Так оно и случилось.

Теперь по поводу отношения ко мне и к моим близким. *Школьная скамья,* на которой обучался первым премудростям сын профессора М., в качестве подарка матери перешла в собственность моего старшего сына, в уста которого я вкладываю в сновидении слова прощания. Одно из желаний, которые можно связать с таким переносом, разгадать нетрудно. Эта школьная парта благодаря своей особой конструкции должна предохранить ребенка от *близорукости* и *однобокости.* Отсюда в сновидении *Миоп* (за этим — *Циклоп*) и рассуждения о *билатеральности.* Беспокойство по поводу односторонности имеет различный смысл; наряду с физической односторонностью здесь

может иметься в виду односторонность умственного развития. Более того, не создается ли впечатление, что сцена в сновидении из-за своей абсурдности противоречит как раз этому беспокойству? Сказав свои слова прощания *в одну сторону*, ребенок говорит *в другую сторону* совершенно противоположное, словно для того, чтобы восстановить равновесие. *Он ведет себя, как будто принимая в расчет билатеральную симметрию.*

Таким образом, сновидение часто бывает наиболее глубокомысленным там, где оно кажется наиболее абсурдным. Во все времена те, кому нужно было что-то сказать, но не могли сказать этого, не ставя себя под удар, обычно надевали шутовской колпак. Слушатель, которому были адресованы запретные слова, терпел их, если мог посмеяться при этом и утешиться мыслью, что в неприятных словах явно есть нечто глупое. Точно так же, как в реальности сновидения, ведет себя в пьесе принц, которому приходится притворяться глупцом; поэтому и про сновидение можно сказать то же самое, что говорит о себе Гамлет, заменяя действительную ситуацию шуточно-непонятной: «Я безумен только при норд-норд-весте; когда ветер с юга, я отличаю сокола от цапли»[1].

Таким образом, я решаю проблему абсурдности сновидения в том смысле, что мысли сновидения никогда не бывают абсурдными — по крайней мере, в сновидениях умственно здоровых людей — и что работа сновидения создает абсурдные сны и сны с отдельными абсурдными элементами, если в мыслях сновидения присутствуют критика, ирония и насмешка, которые необходимо изобразить[2]. Мне остается только показать,

---

[1] [«Гамлет», акт II, 2-я сцена.] — Это сновидение служит также прекрасным подтверждением универсального тезиса, что сновидения одной и той же ночи хотя и разделяются в воспоминании, возникают на почве одного и того же материала мыслей. [Ср. с. 342.] Впрочем, ситуация в сновидении, в которой я вывожу своих детей из Рима, искажена из-за возвращения в мыслях к аналогичному эпизоду, относящемуся к моему детству. Смысл этого заключается в том, что я завидую родственникам, которым еще несколько лет тому назад дали возможность перевезти своих детей в другую страну.

[2] [Тема абсурдного в сновидении обсуждается также в шестой главе книги Фрейда об остроумии (1905*c*, ср. *Studienausgabe*, т. 4. с. 164). В конце первого раздела истории болезни «Раттенманна» (1909*d*) Фрейд в одной из сносок отмечает, что аналогичный механизм используется также и при неврозе навязчивости (*Studienausgabe*, т. 7. с. 80, прим. 3).]

что работа сновидения полностью исчерпывается взаимодействием трех упомянутых моментов[1] — а также четвертого, который еще будет упомянут [см. с. 491], — что она осуществляется не иначе как в форме перевода мыслей сновидения с учетом четырех предписанных ей условий и что вопрос, использует душа в сновидении все свои духовные способности или только часть из них, поставлен неправильно и не соответствует реальным условиям. Но поскольку есть множество сновидений, в содержании которых встречаются оценка, критика и утверждения, проявляется удивление по поводу отдельного элемента сна, предпринимаются попытки объяснения и предъявляются аргументы, я должен на нескольких избранных примерах опровергнуть возражения, вытекающие из подобных фактов.

Мое возражение таково: *все, что в сновидениях внешне предстает как проявление функции суждения, нельзя трактовать как мыслительную деятельность работы сновидения, — оно относится к материалу мыслей сновидения и оттуда в форме готового образования попадает в явное содержание сна.* К своему утверждению я бы еще добавил: даже в тех суждениях по поводу запомнившегося сна, которые возникают по пробуждении, в ощущениях, которые вызывает у нас воспроизведение этого сна, многое относится к скрытому содержанию сновидения, и оно должно быть включено в толкование.

I

Наглядный пример этого я уже приводил [с. 340–341][2]. Пациентка не хочет рассказать свой сон, потому что он *слишком неясен.* Ей приснился какой-то человек, и она не знает, *кто это был — муж или отец.* Затем последовала вторая часть сновидения, где появляется «ведро для мусора» [Misttrugerl], с которым связано следующее воспоминание. В роли молодой хозяйки она как-то в шутку сказала своему юному родственнику, часто бывавшему в их доме, что ее первоочередная забота —

---

[1] [Имеются в виду сгущение, смещение и учет изобразительных возможностей.]

[2] [Еще один пример, также на с. 340, относится к собственным сновидениям Фрейда.]

приобрести новое ведро для мусора. На следующее утро она получила такое ведро, которое, однако, было наполнено ландышами. Эта часть сновидения служит изображению оборота речи «Это не моя заслуга» [«Nicht auf meinem eigenen Mist gewachsen»]. Продолжив анализ, я узнал, что в мыслях сновидения речь идет о «последействии» услышанной в юности истории, как одна девушка родила ребенка, и ей *было неясно, кто, собственно, его отец.* Таким образом, изображение в сновидении вторгается здесь в бодрствующее мышление и позволяет заменить один из элементов мыслей сновидения суждением обо всем сновидении, пришедшим на ум в бодрствовании.

II

Аналогичный случай. Одному моему пациенту приснился сон, который показался ему таким интересным, что сразу после пробуждения он сказал себе самому: *«Я должен рассказать его доктору»*. Сновидение анализируется, в результате чего становятся очевидными явные намеки на любовные отношения, которые он завязал в период лечения и о которых он решил *мне ничего не рассказывать*[1].

III

Третий пример из моего собственного опыта.

Я иду в больницу вместе с П. по какой-то местности, на которой расположены дома и сады. При этом у меня появляется мысль, что эту местность я уже раз видел во сне. Но я не очень хорошо ориентируюсь; П. показывает мне дорогу, которая ведет за угол к ресторану (зал, не сад); там я спрашиваю о госпоже Дони и слышу в ответ, что она живет с тремя детьми на заднем дворе в маленькой

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* Содержащееся в сновидении напоминание или намерение: *«Я должен рассказать это доктору»*, — как правило, соответствует в снах, снящихся во время психоаналитического лечения, огромному сопротивлению признаться в этом сне и нередко сопровождается его забыванием.

комнатке. Я иду к ней и встречаю какого-то человека с двумя моими маленькими дочерьми. Постояв некоторое время с ними, я беру их с собой. Своего рода упрек моей жене за то, что она там их оставила.

При пробуждении я чувствую огромное *удовлетворение*, которое я объясняю себе тем, что сейчас узнаю из анализа, что это означает: *мне это уже снилось*[1]. Но анализ ничего мне не разъясняет; он только показывает, что чувство удовлетворения относится к скрытому содержанию сна, а не к суждению о сновидении. *Это удовлетворение от того, что у меня в браке есть дети.* П. — это человек, с которым я прошел часть жизненного пути; затем он значительно опередил меня в социальном и материальном отношении, но его брак оставался бездетным. Два повода к сновидению могут заменить собой доказательство, полученное в результате тщательного анализа. Накануне я прочел в газете объявление, что некая госпожа *Дона А...и* (из чего я делаю *Дони*) умерла во время родов; я слышал от своей жены, что роды у покойной принимала та же акушерка, которая ухаживала за ней самой при рождении двух наших младших детей. Имя Дона привлекло мое внимание потому, что незадолго до этого я впервые встретил его в одном английском романе. Другой повод к сновидению вытекает из его даты; это была ночь накануне дня рождения моего старшего, по-видимому, поэтически одаренного сына.

IV

Такое же чувство удовлетворения осталось у меня после пробуждения от абсурдного сна, в котором отец после своей смерти играл видную политическую роль среди мадьяр; оно объясняется продолжением ощущения, сопровождавшего последнюю часть сновидения [ср. с. 431]: *«Я вспоминаю, что на смертном одре он был очень похож на Гарибальди, и радуюсь, что это предзнаменование все же сбылось...» (Продолжение было забыто.)* В результате анализа я могу теперь

---

[1] [См. выше с. 406.] На эту тему развернулась бурная полемика в последних выпусках «Revue philosophique» (парамнезия в сновидении). [К этому сновидению Фрейд вновь возвращается на с. 480—481.]

вставить то, что относится к этому пробелу в сновидении. Это упоминание о моем втором сыне, которому я дал имя одного великого человека [Кромвеля], очень интересовавшего меня в юношеские годы, особенно после моего пребывания в Англии. Весь год, пока я ждал ребенка, я намеревался дать ему именно это имя, если бы это был мальчик, и с чувством *удовлетворения* приветствовал его появление на свет. Нетрудно заметить, как подавленная мания величия отца переносится в его мыслях на детей; более того, вполне верится в то, что это один из путей, по которым осуществляется ставшее необходимым ее подавление. Свое право быть включенным во взаимосвязь данного сновидения малыш приобрел тем, что с ним приключился тот же конфуз, вполне простительный для ребенка и для умирающего: он испачкал белье. Ср. в связи с этим намек *«член тайного суда»* и желание сновидения: остаться для детей *великим* и *чистым*. [Ср. с. 480–481.]

V

Если мне теперь нужно подыскать суждения, которые остаются в самом сновидении и не продолжаются в бодрствовании или не переносятся на него, то я как огромное облегчение ощущаю, что могу воспользоваться для этого несколькими сновидениями, которые уже рассматривались нами в другом контексте. Сновидение о Гёте, обрушившемся с нападками на господина М. [с. 442 и далее], содержит, по-видимому, множество подобных суждений. *Я пытаюсь несколько прояснить для себя временные соотношения, которые кажутся мне неправдоподобными.* Разве здесь не содержится критического сомнения в том, что Гёте мог обрушиться в литературной статье на молодого человека, моего знакомого? *«Мне представляется вероятным, что ему было восемнадцать лет»*. Однако это вполне выглядит как результат неверного вычисления; а фраза: *«Я не знаю точно, какой у нас сейчас год»* — могла бы служить примером неуверенности или сомнения в сновидении.

Однако теперь из анализа этого сновидения я знаю, что акты суждения, осуществляемые, по-видимому, только в сновидении, допускают иную трактовку текста, благодаря которой они становятся необходимыми для толкования сновидений и вместе с тем благодаря которой устраняется любая абсурдность. Фра-

зой: *«Я пытаюсь несколько прояснить для себя временные соотношения»* — я ставлю себя на место своего друга [Флисса], который действительно пытается прояснить временные соотношения в жизни. Тем самым фраза теряет значение суждения, которое противоречит бессмыслице предыдущих фраз. Дополнение: *«...которые кажутся мне неправдоподобными»* — связано с последующим: *«Мне представляется»*. Примерно теми же словами я возразил даме, рассказывавшей мне о болезни своего брата: *«Мне представляется неправдоподобным,* что восклицание "Природа, природа!" имеет что-нибудь общее с Гёте; *мне кажется гораздо более вероятным,* что оно имело известное вам сексуальное значение». Здесь, правда, имеется некое суждение, пришедшее на ум, однако, не в сновидении, а в реальности которое вспоминается и используется мыслями сновидения. Содержание сновидения присваивает это суждение подобно любому другому фрагменту мыслей сновидения.

Число 18, с которым бессмысленным образом связано в сновидении это суждение, все еще сохраняет следы взаимосвязи, из которой вырвано реальное суждение. Наконец, фраза: *«Я не знаю точно, какой у нас сейчас год»* — означает не что иное, как мою идентификацию с паралитиком, в обследовании которого сновидение действительно получило для себя отправную точку.

При разъяснении мнимых актов суждения в сновидении можно руководствоваться вышеуказанным [с. 123] правилом толкования, согласно которому связь отдельных элементов, созданную в сновидении, можно оставить в стороне как несущественную внешнюю видимость, подвергнув анализу каждый элемент сновидения как таковой. Сновидение — это конгломерат, который в целях исследования должен быть снова раздроблен на части. [Ср. с. 424.] Но, с другой стороны, наше внимание обращают на то, что в сновидениях проявляется психическая энергия, создающая эту мнимую связь; то есть полученный благодаря работе сновидения материал подвергается *вторичной переработке*. Мы имеем здесь дело с проявлениями той силы, которую мы обсудим позднее в качестве четвертого момента, имеющего непосредственное отношение к образованию сновидений [см. с. 491 и далее].

Я ищу другие примеры работы суждения в уже приведенных сновидениях. В абсурдном сне об извещении от совета общины [с. 439 и далее] я спрашиваю: *«Ты вскоре после этого женился?» Я подсчитываю, что родился в 1856 году, что представляется мне событием, произошедшим непосредственно после этого.* Это облекается в форму *вывода* [Schluß]. Отец женился в 1851 году вскоре после приступа; я, старший, родился в 1856 году; это верно. Мы знаем, что этот вывод фальсифицирован исполнением желания, что идея, господствующая в мыслях сновидения, такова: *«Четыре или пять лет — это не время, его даже не стоит брать в расчет»*. Однако каждая часть этого вывода как по содержанию, так и по форме детерминируется мыслями сновидения по-другому: жениться сразу после лечения собирается мой пациент, на терпение которого жалуется мой коллега. То, как я обращаюсь с отцом в сновидении, напоминает *допрос* или *экзамен* и вместе с тем вызывает воспоминание об одном университетском преподавателе, который, записывая студентов, обычно выспрашивал анкетные данные: «Когда родились?» — «В 1856». — *«Отец?»* — Ему называли имя отца с латинским окончанием, и мы, студенты, предполагали, что гофрат из имени отца делает *выводы*, которые не всегда позволяло ему сделать имя заносимого в список студента. Таким образом, *умозаключение* в сновидении — это лишь повторение *умозаключения*, проявляющегося как часть материала в мыслях сновидения. Отсюда мы узнаем нечто новое. Если в содержании сна имеется вывод, то он, несомненно, исходит из мыслей сновидения; но в них он, возможно, содержится как часть материала воспоминаний, либо он может в качестве логической связи соединять ряд мыслей сновидения. В любом случае вывод в сновидении представляет собой вывод из мыслей сновидения[1].

Анализ этого сновидения следовало бы здесь продолжить. С допросом профессора связано воспоминание о списке сту-

---

[1] Эти результаты вносят поправку в некоторые пункты моих предыдущих высказываний по поводу изображения логических связей (с. 321–322). В них описывается общий характер работы сновидения, но не учитываются самые тонкие и мелкие детали.

дентов университета (в мое время составлявшемся по-латыни). Далее, о моих учебных занятиях. *Пяти лет,* предусмотренных для обучения медицине, опять-таки оказалось для меня слишком мало. В последующие годы я беззаботно втягивался в работу, и в кругу моих знакомых меня считали беспутным, сомневаясь, что когда-нибудь я буду *«готов».* Тогда я решил *поскорее* сдать экзамены и своего добился — *несмотря на отсрочку.* Новое подкрепление мыслей сновидения, которые я упорно противопоставлял моим критикам: «Пусть вы не хотите в это верить, потому что я упускаю время, я все же буду готов, я приду к *завершению* [Schluß]. Так уже часто бывало».

Это же сновидение в своей начальной части содержит некоторые высказывания, за которыми нельзя не признать характера аргументации. И эта аргументация отнюдь не абсурдна, она с таким же успехом могла бы относиться и к бодрствующему мышлению. *Я смеюсь в сновидении над извещением совета общины, ибо, во-первых, в 1851 году меня не было еще в живых, а во-вторых, мой отец, к которому это могло относиться, уже умер.* И то, и другое не только справедливо само по себе, но и полностью совпадает с реальными аргументами, которые я мог бы привести, получив подобное извещение. Из предыдущего анализа (с. 439–441) мы знаем, что это сновидение возникло на почве мыслей, исполненных язвительным сарказмом; если, кроме того, мы примем во внимание мотивы цезуры, то поймем, что работа сновидения имеет все основания создать *безупречное опровержение абсурдного предположения* по образцу, содержащемуся в мыслях сновидения. Однако анализ показывает нам, что на работу сновидения не возлагается здесь задача свободного творчества — она должна была воспользоваться для этого материалом из мыслей сновидения. Все это похоже на то, как если бы в алгебраическом уравнении помимо знаков «плюс» и «минус» имелись еще знаки степени и радикала, и кто-нибудь, описывая это уравнение и не понимая его, переписал бы эти знаки вместе с цифрами в полном беспорядке. Оба аргумента [в содержании сновидения] можно свести к следующему материалу. Мне неприятно думать, что некоторые предположения, которые я кладу в основу своего психологического понимания психоневрозов, став известными, вызовут недоверие и насмешки. Так, например, я утверждаю, что уже впечатления второго года жизни, а иногда даже первого, оставляют прочный след в эмоциональной жизни будущего больного

и, хотя эти впечатления многократно искажаются и преувеличиваются памятью, они все-таки могут служить первой и самой глубокой основой истерического симптома. Пациенты, которым я об этом рассказываю в подходящий момент, обычно пародируют полученное разъяснение, выискивая воспоминания о том времени, *когда их еще не было в живых*. Такой же прием, согласно моим ожиданиям, может встретить и выявление неожиданной роли, которую в самых ранних сексуальных побуждениях у больных женщин играет *отец*. (Ср. обсуждение на с. 269–270.) И все же, по моему глубокому убеждению, и то, и другое верно. В подтверждение этого я перебираю в уме отдельные примеры, когда ребенок потерял отца в очень раннем возрасте, а последующие события, которые нельзя объяснить иначе, доказывали, что ребенок все же бессознательно сохранил воспоминания о столь рано исчезнувшем человеке. Я знаю, что оба мои утверждения покоятся на *выводах*, справедливость которых оспаривается. Таким образом, исполнение желания здесь заключается в том, что для создания *безупречных выводов* работой сновидения используется материал именно *тех выводов, оспаривания которых я опасаюсь*.

VII

В сновидении, которое ранее я затронул лишь вскользь [см. с. 419], вначале отчетливо проявляется удивление по поводу возникающей темы.

«Старый Брюкке, должно быть, поставил передо мной какую-то задачу; странным образом она касается препарирования нижней части моего собственного тела — таза и ног. Я вижу их перед собой, как в анатомическом театре, но не чувствую, что у меня их нет, и нисколько не испытываю при этом ужаса. Рядом стоит Луиза Н. и производит со мной работу. Таз выпотрошен; его видно то сверху, то снизу. Можно увидеть большие кровавые наросты (в связи с которыми еще во сне я думаю о геморрое). Надо было также тщательно отделить то, что находилось над ними и напоминало смятую фольгу[1]. *Затем я снова стал владель-*

[1] Станиоль, намек на книгу Станниуса «Нервная система рыб», см. выше.

цем собственных ног и прошелся по городу, но (из-за усталости) взял извозчика. К моему удивлению, извозчик въехал в ворота какого-то дома, которые сами открылись, и мы попали в узкий проезд, который в конце завернул за угол и привел на открытую местность[1]. *В конце концов я отправился куда-то вместе с альпийским проводником, который нес мои вещи. Какое-то расстояние он нес меня, потому что у меня устали ноги. Почва была болотистой; мы шли по краю. На земле, словно цыгане или индейцы, сидели люди, среди них одна девушка. Перед этим я шел по этой болотистой местности самостоятельно, все время удивляясь тому, что у меня это так хорошо получается после препарирования. Наконец мы пришли в какой-то маленький деревянный дом, который оканчивался открытым окном. Там проводник спустил меня на пол и положил на подоконник две лежавших рядом доски, чтобы я мог перебраться через ров под окном. Тут я действительно испугался за мои ноги. Но вместо ожидаемой переправы я увидел двух взрослых мужчин, лежавших на деревянных скамьях вдоль стен, и рядом с ними двух спящих детей. Как будто не доски, а дети должны были обеспечить переправу. Я просыпаюсь с неприятными мыслями.*

У кого появилось должное впечатление об интенсивности процесса сгущения в сновидении, тому нетрудно представить себе, сколько страниц должен занять подробный анализ этого сновидения. Однако ради связности изложения я воспользуюсь им лишь как примером удивления во сне, которое выражается вставкой: *«Странным образом»*. Перехожу к поводу сновидения. Им послужил визит той самой дамы Луизы Н., которая ассистирует и в сновидении. «Дай мне что-нибудь почитать». Я предлагаю ей роман «Она» Райдера Хаггарда. «*Странная* книга, но в ней много скрытого смысла, — начинаю я говорить, — здесь и вечная женственность, и бессмертие наших чувств». — И тут она меня перебивает: «Это я уже знаю. Нет ли у тебя чего-нибудь своего?» — «Нет, мои собственные бессмертные произведения еще не написаны». — «Так когда же выйдут твои так называемые последние разъяснения, которые, как ты обе-

---

[1] Коридор моего дома, где стоят детские коляски жильцов; впрочем, этот образ множественно детерминирован.

щал, можно будет прочесть также и нам?» — спрашивает она чуть язвительно. Теперь я заметил, что ее устами со мной говорит другой, и замолкаю. Я думаю о том, как мне придется преодолевать себя, чтобы представить общественности работу о сновидениях, в которой я вынужден раскрыть столько подробностей своей личной жизни.

Все лучшие слова, какие только знаешь,
Мальчишкам ты не можешь преподнесть[1].

Таким образом, препарирование *собственного тела,* которое мне видится во сне, есть не что иное, как *самоанализ*[2], связанный с сообщением сновидений. Старый Брюкке вполне здесь уместен; уже в эти первые годы научной работы случилось так, что я оставил в стороне одно открытие, но он заставил меня его опубликовать, дав соответствующее задание. Однако дальнейшие мысли, связанные с разговором с Луизой Н., простираются слишком глубоко, чтобы стать осознанными; они отклоняются от своего пути из-за материала, который при этом возник из-за упоминания о романе «Она» Райдера Хаггарда. Мое суждение *«странным образом»* восходит к этой и относится к еще одной книге — «Сердце мира» — того же автора, а многочисленные элементы сновидения заимствованы из двух этих фантастических романов. Болотистая почва, по которой несут человека на себе, ров, который нужно перейти по принесенным с собой доскам, и т. п. относятся к роману «Она»; индейцы, девушка и деревянный домик — к «Сердцу мира». В обоих романах есть женщина-проводница, в обоих идет речь об опасных странствованиях, в романе «Она» — о полном приключений пути в неизведанную страну, где едва ли ступала нога человека. Усталые ноги — это, судя по замечанию, которое я делаю в сновидении, реальное ощущение от предыдущих дней. Вероятно, этому соответствовала общая усталость и полная сомнений мысль: «Сколько еще будут носить меня ноги?» В романе «Она» приключения завершаются тем, что проводница вместо того, чтобы обеспечить бессмертие себе и другим, нахо-

---

[1] [См. прим. на с. 160.]

[2] [Самоанализ Фрейда в течение нескольких лет перед публикацией «Толкования сновидений» — одна из тем, затрагиваемых в его письмах Флиссу (Freud, 1950*a*).]

дит смерть в таинственном «центральном огне». Очевидно, такой же страх возник в мыслях сновидения. *«Деревянный дом»* — это, несомненно, *гроб*, то есть гробница. Однако, изображая эту самую неприятную из всех мыслей посредством исполнения желания, работа сновидения создала мастерское произведение. Я действительно был однажды в гробнице, но это была этрусская гробница в окрестностях Орвиетто, тесная комнатка с двумя каменными скамьями вдоль стен, на которых лежали скелеты двух взрослых людей. Точно так же выглядит внутри деревянный дом в сновидении, разве что камень заменен деревом. Сновидение, по-видимому, говорит: «Если уж тебе суждено пребывать в гробу, то пусть уж это будет этрусская гробница», и этой подменой оно превращает самые печальные ожидания в поистине желанные[1]. К сожалению, как мы увидим [см. с. 463 и далее], оно может обратить в свою противоположность лишь представление, сопровождающее аффект, но далеко не всегда сам аффект. Поэтому я просыпаюсь с *«неприятными мыслями»*, после того как находит свое изображение еще одна мысль, что дети, быть может, достигнут того, чего не достиг отец, — новый намек на странный роман, в котором утверждается мысль о сохранении идентичности человека на протяжении двух тысяч лет благодаря целому ряду поколений[2].

VIII

В связи с другим сновидением тоже проявляется выражение удивления по поводу пережитого во сне. Но оно связано с попыткой столь необычного, вычурного и чуть ли не остроумного объяснения, что уже по одной этой причине мне пришлось бы подвергнуть анализу все сновидение, даже если бы в нем не было двух других элементов, представляющих для нас интерес. Ночью с 18 на 19 июля я еду по Южной железной дороге и слышу во сне: *«Голлтурн, десять минут!» У меня тут же возникает мысль о Голотурии — естественноисторическом музее, — что это место, где храбрые люди безуспешно боролись с превосходящими сила-*

---

[1] [Эту деталь Фрейд использует в качестве иллюстрации в главе III своей работы «Будущее одной иллюзии» (1927*c*), *Studienausgabe*, т. 9, с. 151.]

[2] [Это сновидение далее анализируется на с. 480.]

ми своего правителя. — Да, контрреформация в Австрии! — Как будто это место в Штирии или Тироле. И вот я смутно вижу небольшой музей, в котором хранятся останки или завоевания этих людей. Я хочу выйти из вагона, но не решаюсь. На перроне много женщин, торгующих овощами; они сидят, подобрав ноги, и протягивают пассажирам корзины. Я не решался выйти из вагона, сомневаясь, есть ли у нас еще время, но мы продолжаем стоять. Вдруг я оказываюсь в другом купе, в котором сидения такие узкие, что упираешься спиной прямо в спинку[1]*. Я удивляюсь этому, но ведь мог же я в сонном состоянии перейти в другое купе. Здесь несколько человек, среди них брат с сестрой, англичане; на полке на стене целый ряд книг. Я вижу «Национальное достояние» и «Материя и движение» ([Клерка]-Максвелла) — толстые книги в коричневых холщовых переплетах. Мужчина спрашивает сестру, не забыла ли она взять книгу Шиллера. Эти книги то ли мои, то ли их. Мне хочется, ответив утвердительно, вмешаться в их разговор*... Я просыпаюсь весь в поту, потому что все окна в купе закрыты. Поезд стоит в Марбурге.

Во время записи мне приходит в голову одна часть сновидения, которую пожелало обойти стороной воспоминание. *Я говорю брату и сестре по поводу одной из книг: «It is from...», но поправляюсь: «It is by...» Мужчина замечает сестре: «Он сказал правильно»*[2].

Сновидение начинается с названия станции; должно быть, возглас кондуктора не полностью меня разбудил. Я заменяю это название, Марбург, Голлтурном. То, что я с первого или, возможно, со второго раза услышал восклицание «Марбург», доказывается упоминанием в сновидении о Шиллере, который родился в Марбурге, пусть и не в Штирии[3]. В этот раз я ехал в очень не-

---

[1] Это описание непонятно мне самому, но я следую принципу излагать сновидение теми словами, которые мне приходят в голову при записи. Само по себе словесное выражение — тоже часть изображения в сновидении. [Ср. с. 515–516.]

[2] [Анализ этого сновидения продолжается на с. 521–522.]

[3] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* Шиллер родился не в Марбурге, а в Марбахе, о чем знает любой немецкий гимназист и о чем знал также и я. Это снова одна из тех ошибок (ср. выше с. 211, прим.), которые вкрадываются в качестве компенсации за умышленное искажение в другом месте и которые я попытался объяснить в «Психопатологии обыденной жизни» [1901*b*, глава X, №1].

комфортных условиях, хотя и в первом классе. Поезд был переполнен, в купе, в которое я вошел, уже сидели господин и дама очень важного вида, которые не умеют себя вести или не сочли нужным хоть как-то скрыть свое неудовольствие, вызванное моим вторжением. На мое вежливое приветствие они не ответили; хотя мужчина и женщина сидели рядом (в направлении, противоположном движению поезда), женщина поспешила занять своим зонтиком место напротив у окна, прямо перед моими глазами. Двери они сразу закрыли, демонстративно заговорив об открытом окне. Наверное, по мне было видно, что я испытываю недостаток воздуха. Ночь была теплая, и в купе, закрытом со всех сторон, вскоре стало нестерпимо душно. По опыту своих поездок я знаю, что такое бесцеремонное поведение отличает людей, которые свои билеты вообще не оплачивали или оплатили только половину их стоимости. Когда пришел кондуктор и я предъявил свой дорогой билет, раздался надменный, чуть ли не грозный окрик дамы: «У моего мужа есть удостоверение». Она была внушительного вида с недовольным выражением лица, в возрасте, близком к тому, когда увядает женская красота; ее муж вообще не произнес ни слова и сидел безучастно. Я попытался уснуть. Во сне я учиняю страшную месть своим нелюбезным спутникам; трудно представить себе, какие оскорбления и ругательства скрываются за отрывочными фрагментами первой половины сновидения. После удовлетворения этой потребности дало о себе знать второе желание — сменить купе. Сновидение так часто меняет сцену, причем даже без малейшего повода к изменению, что едва ли было бы что-нибудь необычное в том, если бы вскоре я заменил своих попутчиков более приятными, взятыми из моих воспоминаний. Но здесь получается так, что что-то возражает против изменения сцены и считает необходимым дать ему объяснение. Как я попал вдруг в другое купе? Я ведь не мог вспомнить, чтобы я пересаживался. Имелось только одно объяснение: *должно быть, я покинул вагон в сонном состоянии* — редкое явление, примеры которого, однако, приводят невропатологи. Мы знаем о людях, которые предпринимают путешествия по железной дороге в сумеречном состоянии, ничем, однако, не выдавая своего ненормального состояния, пока на какой-то станции они не приходят полностью в себя, а затем сами удивляются пробелам в своей памяти. Именно таким случаем *«automatisme ambulatoire»* я и объясняю уже в сновидении то, что произошло со мной.

Анализ позволяет дать и другое истолкование. Попытка объяснения, которая так меня озадачивает, когда я приписываю ее работе сновидения, не оригинальна, а скопирована с невроза одного из моих пациентов. Я уже рассказывал в другом месте [с. 272] об одном высокообразованном и мягкосердечном в жизни молодом человеке, который вскоре после смерти родителей начал обвинять себя в преступных наклонностях и страдал от предохранительных мер, которые ему приходилось применять для защиты от них. Это был случай тяжелой формы навязчивых представлений при полностью сохраненном рассудке. Сначала ему отбивала охоту к прогулкам по улице необходимость отдавать себе отчет в том, куда исчезают встречные прохожие; если кто-нибудь вдруг ускользал от его преследующего взгляда, у него возникало неприятное ощущение и свербила мысль, не мог ли он его «устранить». За этим, помимо прочего, скрывалась фантазия о Каине, ибо «все люди братья». Из-за невозможности справиться с этой задачей он отказался от прогулок и проводил свою жизнь, запершись в четырех стенах. Однако в его комнату через газеты постоянно попадали сообщения об убийствах, совершаемых в городе, и его совесть внушала ему в виде сомнения, что он и есть искомый преступник. Сознание того, что он уже несколько недель не покидал своей квартиры, какое-то время защищало его от этих обвинений, пока однажды ему не пришла в голову мысль, что он *мог покинуть свой дом в бессознательном состоянии* и, таким образом, сам того не ведая, совершить убийство. После этого он запер парадную дверь, передал ключ старой экономке и категорически запретил ей отдавать ему этот ключ даже по его требованию.

Таким образом, отсюда берет начало попытка моего объяснения, что я перешел в другое купе в бессознательном состоянии — она в готовом виде была принесена в сон из материала мыслей сновидения и, очевидно, должна служить в сновидении отождествлению меня с личностью того пациента. Воспоминание о нем пробудилось во мне в результате напрашивающейся ассоциации. Несколько недель назад я совершил с этим мужчиной свою последнюю ночную поездку. Он выздоровел и сопровождал меня в провинцию к своим родственникам, которые пригласили меня к себе; мы заняли отдельное купе, оставили открытыми на ночь все окна и, пока я не лег спать, мило беседовали. Я знал, что причиной его заболевания были враждебные импульсы против отца, возникшие в его детстве на сексуальной основе. Та-

ким образом, отождествив себя с ним, я хотел признаться себе в чем-то аналогичном. Вторая сцена сновидения действительно объясняется озорной фантазией, что мои стареющие попутчики вели себя со мной столь нелюбезно именно потому, что своим появлением я помешал их нежностям, которыми они задумали обменяться ночью. Эта фантазия восходит, однако, к сцене из раннего детства, когда ребенок, побуждаемый, вероятно, сексуальным любопытством, проникает в спальню родителей, но изгоняется оттуда властным окриком отца.

Я считаю излишним нагромождать другие примеры. Все они лишь подтвердили бы вывод, сделанный нами из уже приведенных примеров, что акт суждения в сновидении представляет собой лишь повторение некоего прототипа из мыслей сновидения. Чаще всего это неудачно пристроенное, введенное в неподходящий контекст повторение, но иногда, как в наших последних примерах, использованное настолько умело, что поначалу складывается впечатление самостоятельной мыслительной деятельности в сновидении. В дальнейшем мы обратимся к рассмотрению той психической деятельности, которая хотя, по-видимому, и не всегда содействует образованию сновидений, но, если содействует, стремится безупречно и осмысленно слить воедино элементы сна, несопоставимые по своему происхождению. Но перед этим нам кажется необходимым рассмотреть выражения аффектов, возникающих в сновидении, и сравнить их с теми аффектами, которые выявляет анализ в мыслях сна.

3
Аффекты в сновидении

Своим проницательным замечанием Штиккер [1879, 51] обратил наше внимание на то, что проявления аффектов в сновидении не допускают того пренебрежительного отношения, с которым мы, проснувшись, обычно отмахиваемся от содержания сновидения. «Если я в сновидении боюсь грабителей, то пусть разбойники и воображаемые, зато страх реален» [ср. с. 94]; точно так же обстоит дело в том случае, когда я радуюсь во сне. Как свидетельствуют наши ощущения, аффект, пережитый в сновидении, отнюдь не менее значителен, чем такой же по интенсивности аффект, испытанный в бодрствовании, а своим аффективным содержанием сновидение еще энергичней, чем содержанием своих представлений, претендует на то, чтобы быть одним из действительных переживаний нашей души. Однако мы не принимаем его во внимание в бодрствовании, потому что не умеем психически оценивать аффект иначе, как во взаимосвязи с содержанием представления. Если же аффект и представление по своему характеру и интенсивности не совпадают, наше бодрствующее суждение оказывается сбитым с толку.

В сновидениях всегда вызывало удивление то, что содержания представлений не сопровождаются воздействием аффектов, которые мы бы сочли обязательными в бодрствующем мышлении. Штрюмпель [1877, 27–28] утверждал, что в сновидении представления лишены своей психической ценности [ср. выше с. 72]. Однако в сновидении можно наблюдать и противоположное явление, когда интенсивный аффект возникает в связи с содержанием, которое вроде бы не дает к этому ни малейшего повода. Я нахожусь в сновидении в ужасной, опасной, отвратительной ситуации, но не испытываю при этом ни страха, ни отвращения; и наоборот, в другой раз я возмущаюсь безобидными вещами и радуюсь какой-то безделице.

Эта загадка сновидения разрешается столь неожиданно и столь полно, как никакая другая, если мы перейдем от явного содержания сновидения к скрытому. Мы даже не будем заниматься ее объяснением, ибо ее больше не существует. Анализ показывает нам, *что содержания представления подверглись смещениям и замещениям, тогда как аффекты остались незыблемыми.* Поэтому неудивительно, что содержание представления, измененное искажением в сновидении, уже не соответ-

ствует оставшемуся сохранным аффекту; но и не возникает удивления, когда в результате анализа истинное содержание оказывается на своем прежнем месте[1].

В психическом комплексе, подвергшемся воздействию сопротивления цензуры, резистентным компонентом являются аффекты, и только он может подсказать нам верное направление. Еще более отчетливо, чем в сновидении, эта способность проявляется в психоневрозах. Аффект здесь всегда оправдан, по крайней мере, по своему качеству; и только его интенсивность может повыситься в результате смещений невротического внимания. Если истерик удивляется тому, почему он так сильно боится какого-то пустяка, или если мужчина, страдающий навязчивыми представлениями, недоумевает, почему из-за какой-то мелочи у него возникают такие мучительные угрызения совести, то оба они заблуждаются, считая самым важным содержание представления — пустяк или мелочь, — и они безуспешно борются, беря это содержание представления за исходную точку своей мыслительной деятельности. В таком случае психоанализ показывает им правильный путь, напротив, признавая аффект оправданным и отыскивая относящееся к нему представление, вытесненное путем замещения. При этом мы предполагаем, что аффективная связь и содержание представления не представляют собой того неразрывного органического

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1919 году:]* Если я не очень ошибаюсь, то первое сновидение, о котором я сумел узнать от своего 20-месячного внука, указывает на тот факт, что работе сновидения удалось превратить свой материал в исполнение желания, тогда как относящийся к нему аффект без каких-либо изменений проявился также и в состоянии сна. Ночью накануне того дня, когда отец должен был выступить в поход, ребенок, бурно всхлипывая, взывает: «Папа, папа — бэби». Это может означать только следующее: папа и бэби остаются вместе, тогда как плачем он признает предстоящее расставание. Уже в то время ребенок был вполне способен выразить понятие разлуки. Слово «прочь» (замененное своеобразно подчеркнутым, растянутым «ооо») было одним из его первых слов, и в течение нескольких месяцев до этого первого сновидения он всеми своими игрушками изображал это «прочь», что объяснялось очень рано сформировавшимся умением справляться с собой, позволяя матери уходить из дома. [Еще одно сообщение об этом ребенке содержится в главе II работы «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*), *Studienausgabe,* т. 3, с. 224 и далее.]

единства, каким мы привыкли его считать, — обе части могут быть просто спаяны друг с другом, а потому их можно разъединить посредством анализа. Толкование сновидений показывает, что так действительно и бывает.

Сначала я приведу пример, в котором анализ разъясняет кажущееся отсутствие аффекта при наличии содержания представления, которое должно было вызвать аффективную связь.

I

Она видит в пустыне трех львов, один из которых смеется, но она их не боится. Затем, должно быть, она все же от них бежит, ибо она хочет влезть на дерево, но обнаруживает наверху свою кузину, учительницу французского языка и т. д.

Анализ добавляет к этому следующий материал. Индифферентным поводом к сновидению стала фраза из задания по английскому языку: грива — украшение *льва* [Löwe]. Ее отец носил бороду, которая, словно *грива*, обрамляла лицо. Ее учительницу английского языка зовут мисс Лайонс (*lions* = львы). Один знакомый прислал ей баллады *Лёве*. Вот и три льва; почему их надо бояться? Она прочитала рассказ, в котором за негром, подстрекавшим других к мятежу, охотятся с легавыми собаками, и, чтобы спастись, он влезает на дерево. За этим следуют отрывки воспоминаний юмористического характера, например, наставление, как поймать львов, из журнала «Fliegende Blätter»: возьмите пустыню и просейте ее через решето, песок просеется, а львы останутся. Затем очень забавный, но не совсем приличный анекдот про одного служащего, которого спросили, почему он не постарается заслужить благосклонность своего начальника, на что он ответил: «Я постарался было влезть, но его заместитель *был уже наверху*». Весь материал становится понятным, если учесть, что накануне сновидения эта дама принимала у себя дома начальника своего мужа. Он был очень любезен, поцеловав ей руку, и *она совсем не боялась его,* хотя он — очень *«крупный зверь»* и играет в столице роль *«светского льва»*. Таким образом, этого льва можно сравнить со львом в комедии *«Сон в летнюю ночь»*, под маской которого скрывается Миляга, столяр, и таковы все сны про львов, которых не боится сновидец.

II

В качестве второго примера я приведу сновидение той девушки, которая увидела во сне лежащим в гробу маленького сына ее сестры [с. 170–171 и с. 261], но при этом, как я теперь добавлю, не испытала ни боли, ни печали. Из анализа мы уже знаем, почему. Сновидение скрывало лишь ее желание снова увидеть любимого человека; по-видимому, аффект был направлен на желание, а не на его сокрытие. Поэтому для печали не было никакого повода.

Во многих сновидениях аффект все же сохраняет хоть какую-то связь с тем содержанием представления, которое заменило соответствующее ему. В других сновидениях ослабление комплекса продолжается. Аффект кажется полностью отделенным от соответствующего ему представления и находит себе какое-то другое место в сновидении, где он включается в новую взаимосвязь элементов сна. Это похоже на то, что мы уже узнали из рассмотрения актов суждения в сновидении [с. 448 и далее]. Если в мыслях сновидения имеется какой-нибудь важный вывод, то таковой содержит и сновидение; но вывод в сновидении может сместиться на совершенно другой материал. Нередко такое смещение происходит по принципу противоположности. Последнюю возможность я хотел бы обсудить на примере следующего сновидения, которое я подверг самому исчерпывающему анализу.

III

Замок на берегу моря, но затем он располагается не на море, а на берегу узкого канала, ведущего в море. Господин П. — губернатор. Я стою вместе с ним в большом трехоконном зале, перед которым, словно зубцы крепости, возвышаются стенные выступы. Я — морской офицер, прикомандированный к гарнизону. Мы опасаемся нападения вражеских военных кораблей, потому что находимся в состоянии войны. Господин П. намеревается уйти; он дает мне инструкции, как действовать в случае нападения. Его больная жена вместе с детьми находится тут же в крепости. Когда начнется бомбардировка, надо будет очистить большой зал. Он тяжело дышит и хочет удалиться; я удерживаю

его и спрашиваю, как в случае необходимости послать ему донесение. В ответ он мне что-то говорит, но тут же падает мертвый. Наверное, я чересчур его утомил своими вопросами. После его смерти, которая не производит на меня никакого впечатления, я думаю о том, останется ли вдова в замке, нужно ли мне донести о его смерти главнокомандующему и будет ли в приказе мне поручено, как следующему по старшинству, командовать крепостью. Я стою возле окна и смотрю на проплывающие мимо корабли; по темной воде быстро мчатся купеческие суда, одни с несколькими трубами, другие с выпуклыми палубами (похожими на вокзальные здания в — нерассказанном — предварительном сновидении). *Затем возле меня оказывается мой брат; мы оба смотрим из окна на канал. При виде одного корабля мы пугаемся и восклицаем: «Военный корабль!» Однако оказывается, что это возвращаются те же суда, которые я уже знаю. Проплывает небольшое судно, комично обрезанное и оканчивающееся поэтому посередине своей длины; на палубе видны странные предметы, похожие на банки или жестянки. Мы кричим в один голос: «Корабль для завтрака».*

Быстрое движение кораблей, темная синева воды, черный дым труб — все это вместе производит мрачное, гнетущее впечатление.

Место действия в этом сновидении составлено из воспоминаний о нескольких путешествиях по *Адриатике* (Мирамаре, Дуиньо, Венеция, Аквилейя[1]). Непродолжительная, но необычайно приятная поездка вместе с моим братом в *Аквилейю* за несколько недель до сновидения еще была свежа у меня в памяти. Свою роль играют также *морская война* между Америкой и Испанией и с нею связанное беспокойство за судьбу моих родственников, живущих в Америке. В двух местах этого сновидения имеются аффективные проявления. В одном месте ожидаемый аффект отсутствует — здесь категорически подчеркивается, что смерть управляющего не производит на меня никакого впечатления; в другом месте, думая, что я вижу военный ко-

---

[1] [Аквилейя, расположенная на несколько километров в глубь страны, соединена небольшим каналом с лагуной, где находится остров Градо. Эта северная часть побережья Адриатики до 1918 года принадлежала Австрии.]

рабль, я *пугаюсь* и испытываю во сне все ощущения страха. В этом превосходно построенном сновидении аффекты размещены настолько удачно, что устранено любое явное противоречие. У меня нет никаких оснований пугаться смерти губернатора, и вполне естественно, что в качестве коменданта крепости я пугаюсь при виде военного корабля. Однако анализ показывает, что господин П. — это лишь замена моего собственного «я» (в сновидении я являюсь его заместителем). Я — губернатор, который внезапно умирает. Мысли сновидения касаются будущего моих близких после моей преждевременной смерти. Ни одной другой неприятной мысли в мыслях сновидения нет. Страх, связанный в сновидении с видом военного корабля, нужно перенести оттуда сюда. Анализ, напротив, показывает, что область мыслей сновидения, из которых взят военный корабль, полон самых светлых воспоминаний. Год тому назад мы были в Венеции, волшебно-чудесным днем мы стояли у окна нашей комнаты на Рива Скьявони и смотрели на голубую лагуну, где в этот раз движение было гораздо более оживленным, чем обычно. Ожидалось прибытие и торжественная встреча английских кораблей. Вдруг моя жена радостно, как ребенок, воскликнула: *«Английский военный корабль!»* В сновидении при тех же словах я пугаюсь; мы снова видим, что речь в сновидении происходит от речи в реальной жизни [см. с. 423 и далее]. Вскоре я покажу, что элемент *«английский»* в этой фразе тоже не оказался потерянным для работы сновидения. Таким образом, я курсирую здесь между мыслями и содержанием сновидения, обращая радость в страх; я должен лишь указать, что с помощью такого превращения я выражаю часть скрытого содержания сновидения. Однако этот пример доказывает, что работе сновидения дозволено выделить повод к аффекту из его связей в мыслях сновидения и где угодно вставить его в содержание сновидения.

Я воспользуюсь здесь случаем, чтобы подвергнуть более детальному анализу *«корабль для завтрака»*, появление которого в сновидении столь бессмысленно завершает рационально построенную ситуацию. Концентрируя внимание на объекте сновидения, я задним числом вспоминаю, что этот корабль был черного цвета; со стороны своего срезанного конца он был похож на предмет, вызывавший наш интерес в музеях этрусских городов. Это была прямоугольная чаша из черной глины с двумя ручками; в ней стояли предметы, похожие на кофейные или чайные чашки; все вместе это чем-то напоминало современ-

ный сервиз для *обеденного стола*. Мы узнали после расспросов, что это туалет этрусской дамы с принадлежностями для румян и для пудры, и мы в шутку сказали, что было бы неплохо привезти такую вещь хозяйке дома. Следовательно, объект сновидения означает *черный туалет*, траур и непосредственно намекает на смерть. С другого конца объект сновидения напоминает сделанную из бревна лодку, νέχυς [«мертвое тело»], как сообщил мне мой друг-лингвист, на которую в древние времена клали тело умершего и предавали его захоронению в море. С этим непосредственно связано то, что в сновидении суда возвращаются.

«Тихо, на спасенной ладье, в гавань вплывает старик»[1].

Это возвращение после кораблекрушения [Schiffbruch], ведь «корабль для завтрака» [Frühstücksschiff] словно разломан [abgebrochen] посередине. Откуда же название корабль «для завтрака»? Здесь использовано слово «английский», которого мы лишили военные корабли. Завтрак = *breakfast, нарушение поста* [Fastenbrecher]. *Нарушение* [Brechen] опять-таки связано с *кораблекрушением*, а *пост* [Fasten] имеет отношение к черному туалету.

Однако у этого корабля для завтрака только название образовано сновидением. Сам предмет существовал, и он напоминает мне о самых радостных часах последнего путешествия. Не доверяя качеству продуктов питания в Аквилейе, мы взяли с собой провизию из Гёрца, купили в Аквилейе бутылку превосходнейшего истрийского вина и, пока небольшой почтовый пароход медленно плыл по каналу дель Мее, направляясь в расположенный в безлюдной лагуне *Градо*, мы, единственные пассажиры, пребывая в прекраснейшем настроении, устроили себе на палубе завтрак, который пришелся нам по вкусу как никогда. Следовательно, это и был *«корабль для завтрака»*, и именно за этим воспоминанием о самом беззаботном наслаждении жизнью сновидение скрывает печальные мысли о неизвестном и тревожном будущем[2].

Отделение аффектов от представлений, вызвавших их проявление, — это то, что сильнее всего обращает на себя внима-

[1] [Шиллер, «Добавления к ксениям», «Ожидание и исполнение»; эти строки заключают аллегорию жизни и смерти.]

[2] [Это сновидение еще раз упоминается на с. 548–549.]

ние при образовании сновидения, но далеко не единственное и не самое главное изменение, которому они подвергаются на пути от мыслей сновидения к его явному содержанию. Если сравнить аффекты в мыслях сновидения с аффектами в сновидении, то сразу становится ясно: если в сновидении имеется аффект, то он имеется и в мыслях сновидения, но не наоборот. В целом сновидение беднее аффектами, чем психический материал, из переработки которого оно возникло. Реконструируя мысли сновидения, я наблюдаю, как в них постоянно стараются заявить о себе самые интенсивные душевные побуждения, как правило, борясь с другими, им полностью противоречащими. Обратившись затем к сновидению, я нередко обнаруживаю, что оно бесцветно и не имеет интенсивной эмоциональной окраски. В результате работы сновидения на уровне индифферентного оказывается не только содержание, но и зачастую эмоциональный тон моего мышления. Я мог бы даже сказать, что работой сновидения осуществляется *подавление аффектов*. Возьмем, например, сновидение о монографии по ботанике [с. 185 и далее]. В мышлении ему соответствует страстная речь в защиту моей свободы, права делать то, что я делаю, и устраивать свою жизнь так, как мне самому кажется единственно верным. Возникшее из этого сновидение кажется равнодушным: я написал монографию, она лежит передо мной, снабженная цветными таблицами, к каждому экземпляру приложено засушенное растение. Все это напоминает тишину кладбища; не слышно и следа шума битвы.

Бывает, правда, и по-другому, когда в само сновидение могут войти проявления бурных аффектов; но сначала мы бы хотели остановиться на том неоспоримом факте, что очень многие сновидения кажутся индифферентными, тогда как в мысли сновидения никогда нельзя войти, не испытав глубокого волнения.

Дать здесь полное теоретическое объяснение этого подавления аффектов во время работы сновидения не представляется возможным; оно предполагало бы самое подробное рассмотрение теории аффектов и механизма вытеснения. [Ср. с. 604 и далее.] Я позволю себе упомянуть здесь только две мысли. Освобождение аффекта я вынужден — по другим соображениям — считать центрифугальным процессом, направленным вовнутрь тела, аналогичным моторным и секреторным процессам иннервации[1]. Подобно тому как в состоянии сна, по-видимому, не происходит передачи моторных импульсов во внешний мир, так и цент-

рифугальное пробуждение аффектов может быть затруднено бессознательным мышлением во время сна. Аффективные импульсы, сопровождающие мысли сновидения, сами по себе очень слабые, следовательно, не могут быть более сильными и те из них, которые попадают в сновидение. В соответствии с этим «подавление аффектов» — это не результат работы сновидения, а лишь следствие состояния сна. Быть может, так оно и есть, но невозможно, чтобы все сводилось лишь к этому. Мы должны также вспомнить о том, что любое обладающее более сложной композицией сновидение оказывается компромиссным результатом столкновения психических сил. С одной стороны, мысли, образующие желание, вынуждены бороться с сопротивлением цензурирующей инстанции, с другой стороны, мы не раз наблюдали, что даже в бессознательном мышлении каждая часть мысли сочеталась со своей контрадикторной противоположностью. Поскольку все эти части мысли способны вызывать аффекты, то по большому счету мы едва ли ошибемся, если будем понимать подавление аффектов как следствие торможения, которое оказывают друг на друга противоположности, а также цензура, направленная против подавленных ею стремлений. *В таком случае подавление аффектов будет вторым результатом цензуры в сновидении, тогда как первым ее результатом было искажение во сне.*

Я хочу привести еще один пример сновидения, в котором индифферентный эмоциональный тон содержания сна можно объяснить противоречивостью мыслей сновидения. Я должен буду рассказать небольшое сновидение, ознакомление с которым у любого читателя, наверное, вызовет отвращение.

IV

Возвышение; на нем нечто вроде отхожего места; очень длинная скамья, на одном конце которой большое отверстие. Весь задний край покрыт испражнениями различной величины и свежести. Позади скамейки кустарник. Я мо-

---

[1] [Освобождение аффектов (хотя и направленное внутрь тела), рассматриваемое с точки зрения душевного аппарата, обозначается как «центрифугальное». См. также ниже с. 561. — По поводу использования Фрейдом термина «иннервация» см. прим. на с. 539.]

чусь на скамейку; длинная струя мочи смывает грязь, засохшие фекалии легко отделяются и падают в отверстие. Но на конце как будто остается что-то еще.

Почему в этом сновидении я не испытывал никакого отвращения?

Потому, как показывает анализ, что возникновению этого сновидения содействовали самые приятные мысли. При анализе мне тотчас приходит в голову мысль об *авгиевых конюшнях,* очищенных Гераклом. Этот Геракл — я. Возвышение и кустарник относятся к местности в Аусзее, где сейчас находятся мои дети. Я раскрыл детскую этиологию неврозов и благодаря этому уберег собственных детей от заболевания. Скамейка (исключая, разумеется, отверстие) — это точная копия мебели, которую мне подарила одна благодарная пациентка. Она напоминает мне о том, как уважают меня мои пациенты. И даже музею человеческих экскрементов можно дать радующее сердце истолкование. Эти экскременты, не вызывающие у меня во сне никакого отвращения, являются воспоминанием о прекрасной стране Италии, в маленьких городах которой, как известно, ватерклозеты устроены именно так. Струя мочи, смывающая все вокруг, — это явный намек на манию величия. Точно так же Гулливер тушит пожар у лилипутов; этим, правда, он навлекает на себя немилость крошечной королевы. Но и Гаргантюа, сверхчеловек мэтра Рабле, мстит аналогичным образом парижанам, садясь верхом на Нотр-Дам и направляя на город струю мочи. Книгу Рабле с иллюстрациями Гарнье я как раз вчера вечером перелистывал перед сном. И удивительно: снова доказательство того, что я сверхчеловек! Площадка на Нотр-Дам была моим излюбленным местом в Париже; каждый свободный вечер я обычно взбирался там на башни церкви между чудовищ и дьявольских гримас. То, что все фекалии так быстро исчезают под струей, относится к изречению: *«Afflavit et dissipati sunt»*, которое я когда-нибудь использую в качестве эпиграфа к разделу, посвященному лечению истерии. [Ср. с. 227 и прим. 3.]

А теперь действенный повод сновидения. В жаркий летний вечер я читал лекцию о взаимосвязи истерии с перверсиями, и все, что я говорил, мне совершенно не нравилось, казалось лишенным всякой ценности. Я был уставшим, не испытывал никакого удовлетворения от своей тяжкой работы и стремился прочь от этого копания в человеческой грязи к своим детям и к красотам Италии. В таком настроении я отправился из аудитории в

кафе, чтобы посидеть немного на воздухе и слегка перекусить, ибо аппетита у меня не было. Но со мной пошел один из моих слушателей; он попросил разрешения посидеть со мной, пока я выпью кофе, и начал читать мне панегирик: скольکому он от меня научился, он смотрит теперь на все другими глазами, я очистил *авгиевы конюшни* заблуждений и предрассудков в учении о неврозах, словом, я — великий человек. Мое настроение плохо подходило к его хвалебной песне; я с трудом подавил отвращение, ушел поскорее домой, чтобы избавиться от него, перелистал перед сном книгу Рабле и прочел рассказ К. Мейера «Страдания одного мальчика».

Из этого материала и возникло сновидение. Новелла Мейера затронула воспоминание о сценах из детства (ср. сновидение о графе Туне, последнюю часть [с. 228–229]). Дневное настроение, проникнутое чувством отвращения и пресыщенности, проявилось в сновидении в том смысле, что оно предоставило почти весь материал содержанию сна. Однако ночью возникло противоположное ему настроение энергичного и даже чрезмерного выпячивания себя, которое устранило первое. Содержанию сновидения пришлось принять такую форму, которая позволила бы в одном и том же материале выразить и манию самоуничижения и завышенную самооценку. В этом компромиссном образовании проявилось двусмысленное содержание сновидения, а результатом взаимного торможения противоположностей стал его индифферентный эмоциональный тон.

Согласно теории исполнения желаний, это сновидение было бы невозможным, если бы к чувству отвращения не добавилась хотя и подавленная, но исполненная удовольствия противоположная мысль о своем величии. Ибо неприятное не должно изображаться во сне; неприятное в наших дневных мыслях может попасть в сновидение только в том случае, если оно одалживает свое облачение исполнению желания. [Ср. с. 557–558.]

Работа сновидения может обходиться с аффектами, сопровождающими мысли сновидения, также и несколько иначе, нежели допускать их или низводить до нулевой точки. Эти аффекты она может *обращать в их противоположность*. Мы уже познакомились с правилом толкования, согласно которому любой элемент сновидения при толковании точно так же может изображать свою противоположность, как и самого себя. [Ср. с. 327.] Никогда нельзя знать заранее, что следует брать — то или другое; определяющим является только контекст. Очевид-

но, догадка о таком положении вещей проникла и в народное сознание; очень часто при толковании сновидений сонники поступают по принципу контраста. Такое превращение в противоположность становится возможным благодаря внутренней ассоциативной связи, которая в нашем мышлении соединяет представление о каком-либо предмете с представлением о его противоположности. Как и любое смещение, оно служит целям цензуры, но часто также становится инструментом исполнения желания, ибо исполнение желания состоит не в чем ином, как в замещении неприятной вещи ее противоположностью. Подобно представлениям о предмете, во сне могут обращаться в противоположность и аффекты, сопровождающие мысли сновидения, и вполне вероятно, это превращение аффекта, как правило, осуществляется цензурой сновидения. *Подавление аффекта,* равно как и *обращение аффекта*, также и в социальной жизни, продемонстрировавшей нам известную аналогию с цензурой сновидения, служит прежде всего *притворству.* Если я разговариваю с человеком, с которым должен так или иначе считаться, а мне хотелось бы выразить ему враждебные чувства, то для меня важнее скрыть от него проявления моего аффекта, нежели смягчить словесное выражение своих мыслей. Даже если я не разговариваю с ним невежливо, но сопровождаю свои слова взглядом или жестом презрения и ненависти, эффект, который я достигаю у этого человека, мало чем отличается от впечатления, которое возникло бы у него, если бы я без пощады прямо в лицо высказал ему свое презрение. Стало быть, цензура заставляет меня прежде всего подавлять свои аффекты, и если я хороший актер, то, притворяясь, продемонстрирую противоположный аффект: буду смеяться там, где мне хочется возмущаться, и буду ласковым там, где мне хочется уничтожить.

Мы знаем уже один превосходный пример такого обращения аффектов, служащего цензуре сновидения. В сновидении о «дядиной бороде» [с. 155 и далее] я испытываю огромное нежное чувство к своему другу Р., тогда как — и именно потому — мысли сновидения обзывают его дураком. Из этого примера превращения аффектов мы получили первое указание на существование цензуры сновидения. Также и здесь нет надобности предполагать, что работа сновидения совершенно по-новому создает этот противоположный аффект; обычно она находит его готовым в материале мыслей сновидения и попросту усиливает его благодаря психической энергии защитных мотивов до тех пор, пока он

не становится пригодным для образования сновидения. В упомянутом сне о дяде противоположный нежный аффект, вероятно, проистекает из детского источника (как намекает продолжение сновидения), ибо отношения дяди и племянника из-за особого характера моих самых ранних детских переживаний (ср. анализ на с. 428–429 [и на с. 485–486]) стали для меня источником всех дружеских и враждебных чувств.

Прекрасным примером такого обращения аффекта[1] служит сновидение, сообщенное Ференци (1916): «Одного пожилого господина ночью будит жена, напуганная тем, что он очень громко и безудержно смеялся во сне. Позднее мужчина рассказал, что ему приснилось следующее сновидение: *«Я лежал в своей постели, в комнату вошел один мой знакомый, я хотел включить свет, но не смог, пытался сделать это снова и снова — все тщетно. Затем встала с постели моя жена, чтобы мне помочь, но и ей тоже ничего не удалось сделать; но, стесняясь предстать перед этим господином в неглиже, она в конце концов отказалось от этого и снова легла в кровать; все было настолько комично, что мне стало ужасно смешно». Жена повторяла: "Что ты смеешься, что ты смеешься?", но я только продолжал смеяться, пока не проснулся.* На следующий день этот господин выглядел угнетенным, и у него болела голова — наверное, из-за того, что смеялся до упаду, думал он.

Если проанализировать, то этот сон выглядит не столь веселым. "Знакомый господин", который входит в комнату, в скрытых мыслях сновидения является образом смерти как "великого неизвестного". Накануне у пожилого господина, который страдает артериосклерозом, была причина задуматься о смерти. Безудержный смех возникает вместо плача и рыданий при мысли, что он умрет. То, что он не может больше включить, — это свет жизни. Возможно, эта печальная мысль связалась с предпринятой незадолго до этого неудачной попыткой полового сношения, при которой ничем не помогло ему и содействие жены в неглиже; он заметил, что его дела идут все хуже. Работа сновидения сумела превратить печальную мысль об импотенции и смерти в комичную сцену, а рыдания — в смех».

Есть класс сновидений[1], особо претендующих именоваться «лицемерными» и подвергающих теорию исполнения желаний

---

[1] [Этот и следующий абзац были добавлены в 1919 году.]

трудному испытанию. Я обратил на них внимание, когда госпожа доктор М. Хильфердинг представила для обсуждения в Венском психоаналитическом объединении следующий сон из произведения Розеггера.

Розеггер (в «Лесной родине», 2-й том) в новелле «Уволен» рассказывает (с. 303): «Обычно я вкушаю все радости безмятежного сна, но очень много ночей лишался покоя. Наряду со своей скромной жизнью студента и литератора многие годы я, словно призрак, вел монотонную жизнь портного, от которой не мог избавиться.

Не то чтобы днем меня столь часто и живо занимали мысли о прошлом. Богоборцу и бунтарю, выросшему из филистера, есть чем заняться и помимо этого. Но и о своих ночных снах бесшабашный парень едва ли думал; только позднее, когда я приучился размышлять обо всем или же когда во мне снова начинал потихоньку заявлять о себе филистер, я задумался над тем, каким образом — если мне вообще что-либо снилось — я всякий раз оказывался подмастерьем у портного и почему в этом качестве уже долгое время я работал безо всякого вознаграждения в мастерской своего наставника. Когда я сидел возле него, шил или гладил, я всегда прекрасно сознавал, что, собственно говоря, это уже не моя забота, что как горожанин я должен заниматься другими делами; но у меня постоянно были каникулы, я всегда отправлялся в деревню и, таким образом, оказывался подсобным рабочим у мастера. Часто мне становилось не по себе, я сожалел о потерянном времени, которое мог бы использовать лучше и с большей пользой. Иной раз, когда что-нибудь получалось не так, я терпеливо сносил его брань; однако о вознаграждении никогда не было даже и речи. Часто, сидя сгорбившись в темной мастерской, я представлял себе, что заявляю об уходе с работы и увольняюсь. Однажды я даже так и поступил, но мастер не придал этому никакого значения, и на следующий день я снова сидел возле него и шил.

Как же радовало меня пробуждение после таких томительных и скучных часов! И тогда я решил: когда этот тягостный

---

[1] [Этот абзац и последующая цитата Розеггера вместе с обсуждением сновидения были добавлены в 1911 году. Петер Розеггер (1843–1918) вырос в бедной крестьянской семье.]

сон еще раз возникнет, энергично отбросить его от себя и громко воскликнуть: «Это всего лишь фантасмагория, я лежу в постели и сплю...» Но в следующую ночь я снова сидел в мастерской портного.

Так в жутком однообразии проходил год за годом. Однажды, когда мы, мастер и я, работали в Альпельхофере, том крестьянском селении, где я поступил в учение, мой мастер казался особенно недовольным моею работой. “Хотелось бы знать, где только твои мысли!” — сказал он и подозрительно посмотрел на меня. Я подумал, что самым разумным было бы встать, сказать мастеру, что я работаю на него лишь из любезности, после чего уйти. Но я этого не сделал. Я спокойно отнесся к тому, что мастер нанял еще одного ученика и велел мне освободить для него место на скамейке. Я отодвинулся в угол и начал шить. В этот же день был нанят еще один подмастерье, настоящий ханжа; это был богемец, который работал у нас девятнадцать лет назад и однажды на обратном пути из трактира упал в ручей. Он хотел сесть за работу, но для него не было места. Я посмотрел вопросительно на мастера, и тот мне сказал: “У тебя нет способности к портновскому делу. *Можешь идти, ты уволен*”. Меня охватил такой ужас, что я проснулся.

Через прозрачные окна в мое уютное жилище проникали предрассветные сумерки. Меня окружали предметы искусства; в стильном книжном шкафу меня ожидал вечный Гомер, исполинский Данте, несравненный Шекспир, прославленный Гёте — все величественные, бессмертные. Из соседней комнаты доносились звонкие голоса проснувшихся детей, ласкавшихся к своей матери. Мне казалось, будто я заново обрел эту идиллически сладостную, мирную, поэтичную и озаренную светом духа жизнь, в которой я так часто и глубоко испытывал мечтательное человеческое блаженство. И все же мне не давало покоя, что я не опередил моего мастера уведомлением, а получил от него отставку.

И как странно все для меня получилось: с той ночи, когда мастер “уволил” меня, я наслаждаюсь покоем; мне больше не снятся сны о давно минувшей поре, когда я работал у портного, такой веселой в своей непритязательности, но все же отбросившей столь длинную тень на мои последующие годы жизни».

В этой серии сновидений писателя, в свои юные годы бывшего подмастерьем у портного, трудно усмотреть господство исполнения желания. Все радостное относится к дневной жизни, тогда как сновидение как будто тащит за собой лишь призрач-

ную тень окончательно преодоленного безрадостного существования. Собственные сновидения подобного рода предоставили мне возможность дать некоторое объяснение таких снов. Будучи молодым врачом, я долгое время работал в химическом институте, не сумев проявить требуемых там умений, и поэтому в бодрствовании стараюсь никогда не думать об этом бесполезном и, собственно говоря, постыдном эпизоде моей учебы. И наоборот, мне стал сниться повторяющийся сон, будто я работаю в лаборатории, делаю анализы, переживаю разные события и т. д.; эти сновидения так же неприятны, как сны об экзаменах, и никогда не бывают очень ясными. При толковании одного из этих сновидений я в конце концов обратил внимание на слово *«анализ»*, которое и дало мне ключ к пониманию. Ведь я стал теперь «аналитиком», делаю анализы, которые очень хвалят, правда, *психоанализы*. Теперь я понял: если я в дневной жизни горжусь подобного рода анализами, хочу похвастаться перед самим собой, каких я достиг успехов, то ночью сновидение изображает мне те другие неудачные анализы, гордиться которыми у меня не было никаких оснований. Это сны о наказании выскочки, подобные сновидениям портновского подмастерья, ставшего знаменитым писателем. Но каким образом в конфликте между гордостью парвеню и самокритикой сновидению удается встать на сторону последней и вместо недозволенного исполнения желания включить в свое содержание разумное предостережение? Я уже упоминал, что ответ на этот вопрос создает немалые трудности. Мы можем заключить, что основой сновидения послужила прежде всего высокомерная честолюбивая фантазия; но вместо нее в содержание сновидения попали ее заглушение и чувство стыда. Можно вспомнить о том, что в душевной жизни имеются мазохистские тенденции, которым мы могли бы приписать подобное превращение. Я не имею ничего против того, чтобы этот вид сновидений в качестве *сновидений о наказании* отделить от *сновидений об исполнении желания*. Я бы усматривал в этом не ограничение ранее представленной теории сновидения, а просто языковое выражение точки зрения, которой совпадение противоположностей представляется чуждым[1]. Однако более детальное исследование таких сновидений позволяет выявить еще и нечто другое. В неясном вступлении к одному из моих сновидений о лаборатории я был именно в том

[1] [Два последних предложения были добавлены в 1919 году.]

возрасте, к которому относится этот самый безрадостный и неудачный период моей медицинской карьеры. У меня еще не было положения, и я не знал, как мне обеспечивать свою жизнь, но при этом я неожиданно обнаружил, что у меня есть выбор между несколькими женщинами, на которых я был должен жениться! Таким образом, я снова был молод, и, главное, была снова молода и она — женщина, разделившая со мной все эти тяжелые годы. Тем самым в качестве бессознательного возбудителя сновидения было распознано одно из непрестанно терзающих желаний стареющего мужчины. Хотя борьба между тщеславием и самокритикой, бушующая в других слоях психики, и обусловила содержание сновидения, но только более глубоко коренящееся желание молодости позволило ей проявиться в виде сновидения. Иной раз человек говорит сам себе в состоянии бодрствования: «Сейчас все хорошо, а когда-то были трудные времена; но как же тогда было прекрасно, ведь ты был еще таким молодым»[1].

Другая группа сновидений[2], которые я часто обнаруживал у себя самого и обозначил как лицемерные, имеет своим содержанием примирение с людьми, дружеские отношения с которыми давно уже угасли. В таких случаях анализ постоянно выявляет повод, который мог бы заставить меня отбросить в сторону последний остаток уважения к этим бывшим друзьям и обходиться с ними как с посторонними людьми или врагами. Однако сновидение находит свое удовольствие в том, чтобы изобразить противоположные отношения. [Ср. с. 163, прим. 1.]

При рассмотрении сновидений, которые рассказывает писатель, довольно часто можно предположить, что он исключает из описания детали содержания сновидения, воспринимаемые им как

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1930 году:]* После того как психоанализ разделил личность на Я и Сверх-Я («Психология масс и анализ Я», 1921*c* [и «Я и Оно», 1923*b*], в этих сновидениях о наказании нетрудно распознать исполнение желаний Сверх-Я. [См. ниже с 558 и далее.]

[2] [Этот абзац был добавлен в 1919 году и, по-видимому, оказался в этом месте ошибочно. Вероятно, он должен стоять *после* двух следующих абзацев. Эти абзацы, как и предшествующее обсуждение сновидения Розеггера, которого они непосредственно касаются, относятся к 1911 году. Далее опять следует абзац, датированный 1900 годом. — Несколько других замечаний по поводу лицемерных сновидений содержится в работе Фрейда, в которой разбирается случай «женской гомосексуальности» (1920*a*), *Studienausgabe*, т. 7, с. 274–275.]

помеха и кажущиеся несущественными. В этом случае его сновидения представляют для нас загадку, разгадать которую при точной передаче содержания сна было бы не так сложно.

О. Ранк обратил мое внимание на то, что в сказке братьев Гримм о храбром портняжке, или «Одним махом семерых», рассказывается совершенно аналогичное сновидение выходца из низов. Портному, ставшему героем и зятем короля, однажды ночью снится его прежнее ремесло; и принцесса, его супруга, у которой зародились подозрения, на следующую ночь ставит возле него стражников, которые должны услышать сказанное во сне и установить личность сновидца. Но портняжка предупрежден и знает теперь, как скорректировать сновидение.

Сложность процессов устранения, принижения и превращения, благодаря которым из аффектов, сопровождающих мысли сновидения, появляются аффекты сна, можно хорошо наблюдать при надлежащем синтезе полностью проанализированных сновидений. Я бы хотел обсудить здесь еще несколько примеров аффективных импульсов в сновидении, которые в нескольких из представленных случаев оказываются реализованными.

V

В сновидении о странном задании, данном мне старым Брюкке, препарировать свой собственный таз [с. 455–456], *я не испытываю ни малейшего ужаса даже в самом сне*. Это — исполнение желания, причем не в единственном смысле. Препарирование означает самоанализ, проводимый мною, так сказать, через опубликование книги о сновидениях; которое на самом деле было для меня настолько неприятным, что я отложил печатание подготовленной рукописи больше чем на год. У меня появляется желание устранить это сдерживающее чувство, и поэтому в сновидении никакого *ужаса* [Grauen] я не испытываю. Но я бы с удовольствием избежал *«Grauen»* и в другом смысле; я уже изрядно поседел, и эта *седина* [Grau] волос также побуждает меня перестать колебаться. Мы ведь знаем, что в конце сновидения находит выражение мысль, что я должен предоставить детям прийти к цели после трудных странствий.

В двух сновидениях, в которых чувство удовлетворения переносится на первые мгновения после пробуждения, это удов-

летворение в одном случае обусловлено ожиданием, что теперь я узнаю, что означает «это мне уже снилось», и, собственно говоря, относится к рождению первого ребенка [с. 450–451], а в другом случае — убеждением, что сейчас произойдет то, что «предсказано предзнаменованием», и именно с таким чувством удовлетворения в свое время я приветствовал появление на свет второго сына [с. 450]. Здесь в сновидении сохранились аффекты, которые господствуют в мыслях сна, но, пожалуй, ни в одном сновидении дело не обстоит так просто. Если чуть-чуть углубиться в оба анализа, то узнаешь, что это не подлежащее цензуре удовлетворение получает подкрепление из источника, который должен бояться цензуры и аффект которого, несомненно, привел бы к разладу, если бы он не скрывался за аналогичным, но вполне допустимым аффектом удовлетворения из дозволенного источника, так сказать, не прокрадывался бы вслед за ним. К сожалению, я не могу сам подтвердить этого на примере сновидения, но пример из другой области пояснит мою мысль. Предположим следующий случай: возле меня находится человек, которого я ненавижу, из-за чего у меня возникает естественный импульс порадоваться, если с ним что-то случится. Но этот импульс противоречит моей моральности; я не решаюсь выразить это желание, и если затем с этим человеком действительно что-нибудь происходит, я подавляю свою удовлетворенность этим и вынуждаю себя к мыслям и выражениям сожаления. Каждому, наверное, приходилось бывать в таком положении. Но если случается так, что ненавистный человек, совершив проступок, вызывает вполне заслуженное неодобрение, тогда я вправе свободно выразить свое удовлетворение тем, что его постигло справедливое наказание, и в этом я буду единодушен со многими другими людьми, которые относятся к нему беспристрастно. Но я могу заметить, что мое удовлетворение оказывается более интенсивным, чем у других; оно получило подкрепление из источника моей ненависти, которая не могла проявить аффект из-за препятствий со стороны внутренней цензуры, а теперь, при изменившихся условиях, помех уже не имеет. Такое часто случается в обществе, где антипатичные люди или представители отвергаемого меньшинства оказываются в чем-либо виноваты. В таком случае их наказание соответствует обычно не их вине, а вине, помноженной на не имевшую доселе выхода антипатию, которая на них направляется. Те, кто наказывает, совершают при этом несомненную несправедливость, но осознать это ме-

шает им чувство удовлетворенности, которое доставляет им устранение подавления, столь долго продолжавшегося в их душе. Хотя в таких случаях аффект правомерен по своему качеству, но не по своей интенсивности, а самокритика, успокоенная в одном пункте, слишком просто пренебрегает проверкой второго пункта. Когда двери вдруг оказываются открытыми, через них проходит больше людей, чем предполагалось пропустить сначала.

Только так можно объяснить — если этому вообще есть психологическое объяснение — бросающуюся в глаза особенность невротического характера, состоящую в том, что поводы, способные вызвать аффект, достигают эффекта, правомерного в качественном, но чрезмерного в количественном отношении. Излишек же проистекает из оставшихся бессознательными, до сих пор подавленных аффективных источников, которые могут установить ассоциативную связь с реальным поводом, а безупречный и дозволенный аффективный источник открывает высвобождению аффектов желанный путь. Это указывает нам на то, что мы должны учитывать не только отношения взаимного торможения между подавленной и подавляющей душевными инстанциями. Столь же большого внимания заслуживают и те случаи, в которых обе инстанции в результате взаимодействия и обоюдного подкрепления дают патологический эффект. Эти вскользь обозначенные нами принципы психической механики можно использовать для понимания аффективных выражений во сне. Чувство удовлетворения, проявляющееся в сновидении и, разумеется, тотчас обнаруживаемое в его мыслях, не всегда объясняется полностью одним только этим указанием. Как правило, в мыслях сновидения приходится искать второй его источник, который находится под давлением цензуры и под этим давлением должен давать не удовлетворение, а противоположный аффект. Однако благодаря наличию первого источника сновидения он становится способным избежать вытеснения своего аффекта удовлетворения и получает подкрепление из другого источника. Таким образом, аффекты в сновидении предстают образованными из нескольких притоков и сверхдетерминированными с точки зрения материала, который содержится в мыслях сновидения; *в процессе работы сновидения аффективные источники, способные давать один и тот же аффект, соединяются для его создания*[1].

Некоторое понимание этих запутанных отношений можно получить благодаря анализу прекрасного сновидения, центральное звено которого образует фраза *«Non vixit»* (ср. с. 425 и далее). В этом сновидении проявления аффектов различного качества соединены в двух местах явного содержания. Враждебные и неприятные побуждения (в сновидении это называется: «Охваченный какими-то странными эмоциями») перекрывают друг друга там, где я уничтожаю двумя словами своего друга-противника. В конце сновидения я необычайно рад, а затем с удовлетворением рассматриваю (признаваемую в бодрствовании абсурдной) возможность того, что есть ревенанты, которых можно устранить простым желанием.

Я еще не сообщал о поводе к этому сновидению. Он существен и приводит вплотную к пониманию сновидения. От своего друга в Берлине (которого я назвал Фл. [то есть Флисс]) я получил известие, что ему предстоит операция и что дальнейшие сведения о его самочувствии я могу получить от его родственников, живущих в Вене. Эти первые сообщения после операции не были радостными и вызвали у меня беспокойство. Я бы сам поехал к нему, но как раз в это время страдал болезненным недугом, доставлявшим мне муки при каждом движении. Из мыслей сновидения я узнаю, что опасался за жизнь дорогого друга. Его единственная сестра, с которой я никогда не был знаком, как я знаю, умерла в юные годы после непродолжительной болезни. (В сновидении: *Фл. рассказывает о своей сестре и говорит: «Через три четверти часа она была мертва».*) Должно быть, я подумал, что и его натура не намного устойчивее, и представил себе, как после гораздо худших известий я в конце концов все же отправляюсь к нему — и приезжаю *слишком поздно*, из-за чего я буду вечно себя попрекать[2]. Этот упрек, вызванный опозданием, стал центральным пунктом сновидения, но нашел свое выражение в сцене, в которой Брюкке, уважаемый в мои студенческие годы мэтр, упрекает меня страшным взгля-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* Аналогичным образом я объяснил необычайно сильное воздействие доставляющих удовольствие тенденциозных острот. [Ср. 1905*c*, конец 4-й главы, *Studienausgabe*, т. 4, с. 127 и далее.]

[2] Эта фантазия из бессознательных мыслей сновидения и есть то, что повелительно требует *non vivit* вместо *non vixit*: «Ты опоздал, его уже нет в живых». То, что и явная ситуация в сновидении нацелена на *non vivit*, отмечалось на с. 426—428.

дом своих голубых глаз. Чем вызвано отклонение этой сцены, мы скоро увидим; саму сцену сновидение не может воспроизвести именно так, как я ее пережил. Хотя оно и наделяет другого голубыми глазами, но уничтожающую роль возлагает на меня; эта инверсия, по всей видимости, представляет собой продукт исполнения желания. Беспокойство о жизни друга, упрек, что я к нему не еду, чувство стыда (*он, «оставаясь незамеченным», приехал* — ко мне — *в Вену*), моя потребность оправдаться своей болезнью — все это вызывает ясно ощущаемую во сне бурю чувств, бушующую в этой области мыслей сновидения.

В поводе к сновидению было, однако, еще и нечто другое, оказавшее на меня совершенно противоположное воздействие. Вместе с неблагоприятными известиями в первые дни после операции я получил также напоминание никому обо всем этом не говорить, которое меня покоробило, ибо оно основывалось на неверии в мое умение хранить тайну. Хотя я знал, что эта просьба исходила не от моего друга, а объяснялась бестактностью или чрезмерной тревожностью посредников, упрек, скрывавшийся в ней, меня неприятно задел, потому что он не был таким уж безосновательным. Другие упреки, отличающиеся от тех, в которых «что-то есть», как известно, не задевают и не нервируют. Хотя к данному случаю это не относится, но когда-то, в гораздо более юные годы, в обществе двух друзей, которые, к моей чести, тоже называли меня своим другом, я понапрасну разболтал, что один из них сказал про другого. Я не забыл также упреков, которые мне пришлось тогда услышать. Одним из друзей, между которыми я посеял тогда семя раздора, был профессор Фляйшль, имя другого можно заменить на Йозеф — именно так зовут появляющегося в сновидении моего друга и противника П.[1]

Об упреке в том, что я ничего не умею хранить в себе, свидетельствует в сновидении элемент *«оставаясь незамеченным»* и вопрос Фл., *что именно я рассказывал о нем П.*

---

[1] [Для лучшего понимания сказанного следует упомянуть несколько фактов, сообщенных Бернфельдом (1944). С 1876 по 1882 год Фрейд работал в Венском физиологическом институте (в «лаборатории Брюкке»), руководителем которой был Эрнст Брюкке (1819–1892); двумя его ассистентами в то время являлись Зигмунд Экснер (1846–1925) и Эрнст Фляйшль фон Марксов (1846–1891), которые, следовательно, были старше Фрейда на десять лет. В последующие годы Фляйшль страдал тяжелым органическим заболеванием.

Включение этого воспоминания [о моей тогдашней болтливости и ее последствиях] переносит упрек в опоздании из настоящего в то время, когда я работал в лаборатории Брюкке, и, замещая второго человека Йозефом в сцене «уничтожения» во сне, я позволяю этой сцене изобразить не только упрек в опоздании, но и другой упрек, гораздо сильнее подвергшийся вытеснению, — упрек в том, что я не храню тайн. Работа сгущения и смещения в сновидении, а также ее мотивы становятся здесь очевидными.

Незначительная в настоящее время досада, вызванная напоминанием ничего не рассказывать [о болезни Фл.], получает, однако, подкрепление из источников, струящихся в глубине, и таким образом превращается в поток враждебных импульсов по отношению к любимым на самом деле людям. Источник, который обеспечивает подобное подкрепление, берет свое начало в детских переживаниях. Я уже говорил [см. с. 429–430], что все мои теплые дружеские и враждебные отношения с ровесниками восходят к моим детским отношениям с племянником, старше меня на один год, в которых он был заводилой, а я очень рано научился обороняться. Мы были неразлучны и любили друг друга, хотя, как свидетельствуют люди постарше, нередко дрались и *ябедничали*. Все мои друзья в определенном смысле являются воплощениями этого первого образа, «туманного виденья, мне в юности мелькнувшего давно»[1], *ревенантами*. Сам мой племянник вновь появился в юные годы, и мы держались тогда друг с другом как Цезарь и Брут. Близкий друг и заклятый враг всегда оставались необходимыми потребностями моей эмоциональной жизни. Я научился снова и снова их создавать, и нередко детский идеал проявлялся настолько сильно, что друг и враг сливались в одном лице, разумеется, уже не одновременно и не в постоянно сменяющихся ипостасях, как это, наверное, бывало в первые годы детства…

В этом же институте Фрейд повстречался с Йозефом Брейером (1842–1925), в соавторстве с которым он написал «Очерки об истерии» (1895*d*); именно Брейер и есть второй Йозеф в этом анализе. Первым же — рано умершим «другом и противником» Фрейда — был Йозеф Панет (1857–1890), который стал преемником Фрейда в Физиологическом институте. — См. также первый том биографии Фрейда, написанной Эрнестом Джонсом (1960).]

[1] [Гёте, «Фауст», Посвящение. — Перевод Н. Холодковского.]

Но то, каким образом при существующих взаимосвязях недавний повод к аффекту может использовать детские переживания, уступая им место с целью аффективного воздействия, я здесь прослеживать не буду. [Ср. с. 547.] Это относится к психологии бессознательного мышления и найдет свое место при психологическом объяснении неврозов. Предположим в целях толкования сновидений, что возникает детское воспоминание или образуется фантазия следующего содержания: двое детей вступают друг с другом в спор из-за какого-то объекта — какого, для нас здесь не так важно, хотя воспоминание или иллюзия воспоминания имеет в виду совершенно определенный объект. Каждый утверждает, *что пришел первым* и потому имеет на него преимущественное право; дело доходит до потасовки, сила торжествует над правом; по намекам, имеющимся в сновидении, возможно, я понял, что был неправ *(самостоятельно замечая свою ошибку)*; но на сей раз я оказываюсь сильнейшим, поле битвы остается за мной, побежденный спешит к отцу или деду, жалуется на меня, а я защищаюсь, по рассказам отца, известными словами: *«Я побил его, потому что он побил меня»*. Таким образом, это воспоминание или, более вероятно, фантазия, возникшая у меня во время анализа сновидения — без дальнейшего ручательства, я сам не знаю, как[1] — является средоточием мыслей сновидения, где скапливаются, словно на дне колодца стекающиеся воды, аффективные импульсы, господствующие в мыслях сновидения. Отсюда мысли сновидения текут следующими путями: «То, что тебе пришлось уступить мне место, совершенно справедливо; почему ты хотел вытеснить меня с моего места? Ты мне не нужен, я найду себе другого товарища, с которым буду играть и т. д. Затем открываются пути, по которым эти мысли опять вливаются в изображение сновидения. В подобном *«Ôte-toi que je m'y mette»*, должно быть, я в свое время упрекал своего друга Йозефа [П.]. Он, будучи аспирантом, пошел по моим стопам в лаборатории Брюкке, но продвижение по службе там было медленным. Ни один из двух ассистентов не сдвигался с места, и молодежь теряла терпение. Мой друг, который знал, что время его жизни ограничено, и которого не связывали близкие отношения с вышестоящим коллегой, при случае выразил вслух свое нетерпение. Поскольку этот выше-

[1] [Этот момент обсуждается ниже на с. 515.]

стоящий коллега [Фляйшль] был тяжело болен, желание, чтобы он освободил свое место, помимо значения — в результате повышения по службе — могло допускать и предосудительное побочное истолкование. Разумеется, за несколько лет до этого такое же желание занять освободившееся место было у меня еще более сильным; где бы в мире ни существовала иерархия и продвижение по службе, открыт путь для желаний, нуждающихся в подавлении. Шекспировский принц у постели больного отца не может избавиться от искушения посмотреть, идет ли ему корона[1]. Но сновидение, понятное дело, карает за это безнравственное желание не меня, а его[2].

«Он был властолюбив, и я убил его»[3]. Он не мог подождать, пока другой освободит ему место, и за это сам был устранен. Эти мысли возникли у меня непосредственно после того, как я присутствовал в университете на открытии памятника, установленному другому. Таким образом, часть испытанного в сновидении удовлетворения означает следующее: справедливое наказание, ты его заслужил.

При погребении этого друга [П.] один молодой человек сделал показавшееся неуместным замечание: «Оратор говорил так, как будто мир теперь не сможет существовать без одного этого человека». В нем говорил протест правдивого человека, у которого скорбь была нарушена преувеличением. Но с этим замечанием связываются следующие мысли сновидения: незаменимых людей действительно не бывает; скольких я уже похоронил, но сам-то я еще жив, я пережил их всех, место осталось за мной. Подобная мысль как раз в тот момент, когда я боюсь не застать своего друга [Флисса] в живых, поехав к нему, допускает только такое развитие: я радуюсь, что переживу еще одного человека, что умер не *я*, а *он*, что место осталось за мной, как когда-то в воображаемой детской сцене. Это удовлетворение тем, что место осталось за мной, проистекающее из детских источников, покрывает большую часть аффекта, вошедшего в снови-

---

[1] [«Генрих IV», часть вторая, акт IV, сцена 5.]

[2] Читатель, быть может, заметит, что имя Йозеф играет важную роль в моих сновидениях (см. сновидение о дяде [с. 155–156]). За людьми, носящими это имя, вполне может скрываться мое «я» в сновидении, ибо Иосифом звали также известного из Библии *толкователя снов*.

[3] [Слова Брута в драме Шекспира «Юлий Цезарь», акт III, сцена 2.]

дение. Я радуюсь, что пережил другого, я выражаю это с наивным эгоизмом одного из супругов в анекдоте: «Когда один из нас умрет, я перееду в Париж». В своих ожиданиях я нисколько не сомневаюсь, что этим «одним» буду не я.

Нельзя не признать того, что толковать и сообщать свои сновидения — непростая задача, предполагающая преодоление себя. Приходится разоблачать себя как единственного злодея среди всех остальных благородных людей, с которыми вместе живешь. Поэтому я нахожу совершенно естественным, что *ревенанты* существуют лишь до тех пор, пока их терпишь, и что их можно устранить желанием. Стало быть, это и есть то, за что наказан мой друг Йозеф. Вместе с тем противники являются последовательными воплощениями моего друга детства; я, следовательно, испытываю удовлетворение от того, что постоянно замещал этого человека, да и теперь найдется замена тому, кого я боюсь потерять. Незаменимых людей не бывает.

Но где тут цензура сновидения? Почему не выдвигает она самого энергичного возражения против этих мыслей, исполненных самым отъявленным эгоцентризмом, и не превращает связанного с ними удовлетворения в тягостное чувство неудовольствия? Я думаю, потому, что другие безупречные мысли об этих же людях вызывают удовлетворение и своим аффектом покрывают чувства, проистекающие из запретного инфантильного источника. В другом слое мыслей, возникших во время того торжественного открытия памятника, я сказал себе: «Я потерял так много близких друзей — одни умерли, с другими разошлись; как хорошо все-таки, что я нашел им замену, что я приобрел друга, который значит для меня больше, чем все остальные, и которого я теперь, в том возрасте, когда дружеские отношения завязать уже нелегко, сохраню навсегда». Удовлетворение тем, что я нашел эту замену потерянным друзьям, я могу беспрепятственно перенести в сновидение, но за ним прокрадывается и удовлетворение враждебного свойства из детского источника. Несомненно, детские нежные чувства помогают укрепить нынешние, имеющие под собой основания; но и детская ненависть проторила себе путь в изображение сновидения.

Но, кроме того, в сновидении содержится явное указание на другой ход мыслей, который может завершиться чувством удовлетворения. Недавно у моего друга [Флисса] после долгого ожидания родилась дочка. Я знал, как он горевал по своей рано умершей сестре, и написал ему, что на этого ребенка он перенесет

любовь, которую испытывал к сестре; эта маленькая девочка поможет ему наконец забыть о невосполнимой потере.

Таким образом, и этот ряд снова связывается с промежуточными мыслями скрытого содержания сновидения [ср. с. 485–486], откуда пути расходятся в самых разных направлениях: «Незаменимых людей не бывает. Есть только *ревенанты*; все, что утрачено, возвращается». И теперь ассоциативная связь между противоположными составными частями мыслей сновидения становится более тесной благодаря тому случайному обстоятельству, что маленькая дочка моего друга носит такое же имя, как и подруга моей юности, одного со мной возраста сестра моего самого давнего друга и противника. Я с *удовлетворением* услышал имя «Паулина», и чтобы указать на это совпадение, заменил в сновидении одного Йозефа другим и счел невозможным устранить начальные звуки в фамилиях Фляйшль и Фл. Отсюда нить мыслей ведет к именам моих собственных детей. Я настоял на том, чтобы называть детей не модными именами, а в память о близких людях. Их имена делают детей *«ревенантами»*. И, наконец, разве не через детей мы получаем единственный для всех нас доступ к *бессмертию*?

Относительно аффектов в сновидении я добавлю лишь несколько замечаний с другой точки зрения. В душе спящего человека в качестве доминирующего элемента может иметься склонность к аффекту — то, что мы называем настроением, — и детерминировать в таком случае сновидение. Это настроение может определяться переживаниями и мыслями предыдущего дня, оно может иметь соматические источники [ср. с. 249–250]; в обоих случаях оно будет сопровождаться соответствующими ему мыслями. То, что это содержание представления в мыслях сновидения в одном случае первично обусловливает склонность к аффекту, а в другом — вторично вызывается эмоциональной диспозицией соматического происхождения, для образования сновидения никакого значения не имеет. Всякий раз оно ограничено тем, что может изобразить только то, что представляет собой исполнение желания, и что свою психическую энергию может заимствовать лишь у желания. Актуально существующее настроение подвергается такому же обращению, что и ощущение, актуально возникающее во время сна (ср. с. 248), которое либо игнорируется, либо получает иное истолкование в смысле исполнения желания. Неприятные настроения во время сна

становятся движущими силами сновидения, пробуждая энергичные желания, которые должен исполнить сон. Материал, с которым они соединяются, перерабатывается до тех пор, пока он не становится пригодным для изображения исполнения желания. Чем более интенсивным и доминирующим является элемент неприятного настроения в мыслях сновидения, тем надежнее используют возможность найти себе выражение наиболее подавленные импульсы желания, поскольку из-за актуально существующего неудовольствия, которое в противном случае им пришлось бы создавать самим, уже оказывается выполненной более трудная часть работы, совершаемой ими, чтобы достичь своего изображения. Этими рассуждениями мы снова затрагиваем проблему страшных снов, выступающих в качестве пограничного случая в работе сновидения. [Ср. с. 581 и далее.]

И
Вторичная переработка

Теперь, наконец, мы можем перейти к рассмотрению четвертого момента, участвующего в образовании сновидения.

Если продолжить анализ содержания сновидения начатым ранее способом, исследуя происхождение обращающих на себя внимание элементов содержания сна из мыслей сновидения, то обнаружатся также элементы, для объяснения которых потребуется совершенно новая гипотеза. Я напомню о тех случаях, когда сновидец удивляется, сердится, сопротивляется из-за какой-то части содержания сновидения. Большинство этих критических импульсов в сновидении не направлено против содержания сна, а оказывается заимствованными и надлежащим образом использованными частями материала сновидения, как это мною показано на соответствующих примерах. Но кое-что в эту схему не укладывается; коррелята этому в материале сновидения найти не удается. Что означает, например, совсем не редкая в сновидении критика: «Ведь это всего лишь сон?» [Ср. с. 346.] Это — самая настоящая критика сновидения, которую я мог бы высказать в бодрствовании. Совсем не редко она является предвестником пробуждения; еще чаще ей самой предшествует неприятное чувство, исчезающее после констатирования состояния сна. Мысль: «Ведь это всего лишь сон», — возникающая в самом сновидении, преследует, однако, ту же самую цель, которая звучит в устах прекрасной Елены в опере Оффенбаха[1]; эта мысль старается принизить значение только что пережитого и помочь вытерпеть то, что будет происходить дальше. Она служит усыплению одной известной инстанции, которая в данный момент имела бы все основания заявить о себе и запретить продолжение сновидения или эпизода. Но гораздо приятнее продолжать спать и терпеть сновидение, «потому что это всего лишь сон». Я полагаю, что пренебрежительная критика: «Ведь это всего лишь сон» — возникает в сновидении только в таком случае, если никогда не дремлющая цензура чувствует себя захваченной врасплох уже допущенным сновидением. Подавлять его

---

[1] [В дуэте Париса и Елены во 2-м акте «Прекрасной Елены», в завершение которого их застает врасплох Менелай.]

поздно, и она встречает его с тем выражением тревоги или неприятным ощущением, которое проявляется в сновидении. Это — выражение *esprit d'escalier* со стороны психической цензуры.

Вместе с тем этот пример служит нам безупречным доказательством того, что не все содержимое сновидения проистекает из его мыслей — свой вклад в содержание сновидения может вносить и некая психическая функция, которую нельзя отличить от нашего бодрствующего мышления. Теперь возникает вопрос: происходит ли это лишь в исключительных случаях или же психическая инстанция, выступающая обычно в качестве цензуры, участвует в образовании сновидения постоянно?

Безо всяких колебаний следует высказаться в пользу второго предположения. Не подлежит никакому сомнению, что цензурирующая инстанция, влияние которой до сих пор мы обнаруживали лишь в ограничениях и пропусках в содержании сновидения, является также виновником вставок и дополнений. Зачастую эти вставки легко распознать; о них рассказывают нерешительно, предваряя словами «как будто», сами по себе они не отличаются особой живостью и приводятся всегда в тех местах, где они могут служить соединению двух частей содержания сновидения или установлению взаимосвязи между двумя отдельными сновидениями. Они слабее удерживаются в памяти, чем настоящие производные материала сновидения; если сновидение забывается, то они исчезают в первую очередь, и у меня есть серьезное подозрение, что наша частая жалоба, что нам многое снилось, но почти все забылось и сохранились только фрагменты [с. 290], основывается на быстром исчезновении именно этих связующих мыслей. При более полном анализе эти вставки порой выдают себя тем, что в мыслях сновидения не находится соответствующего им материала. Однако при более тщательном рассмотрении я должен назвать этот случай достаточно редким; в большинстве случаев вставочные мысли все-таки можно свести к материалу в мыслях сновидения, который, однако, ни своей ценностью, ни сверхдетерминацией не мог бы претендовать на включение в сновидение. Похоже, что психическая функция при образовании сновидения, которую мы сейчас рассматриваем, лишь в самых крайних случаях прибегает к новообразованиям; до тех пор, пока это еще возможно, она использует то, что может выбрать из пригодного материала сновидения.

Что характеризует и выдает эту часть работы сновидения, так это ее тенденция[1]. Эта функция ведет себя так, как философ, по язвительному замечанию поэта: своими заплатами и лоскутами она хочет заштопать прорехи в строении сновидения[2]. Благодаря ее стараниям сновидение теряет видимость абсурдности и бессвязности и приближается к образцу понятного переживания. Но эти старания не всегда увенчиваются полным успехом. В результате возникают сновидения, которые при поверхностном рассмотрении кажутся безупречно логичными и корректными; они исходят из какой-нибудь возможной ситуации, продолжают ее, внося изменения, в которых нет противоречий, и приводят — хотя и реже всего — к концу, не кажущемуся нам удивительным. Эти сновидения подверглись самой радикальной переработке со стороны психической функции, аналогичной бодрствующему мышлению; они кажутся нам осмысленными, но этот смысл необычайно далек от истинного значения сновидения. Анализируя их, убеждаешься, что вторичная переработка сновидения обошлась с материалом самым вольным образом, мало что оставив от его отношений. Это сновидения, которые, так сказать, уже были истолкованы до того, как мы подвергли их толкованию в бодрствовании[3]. В других сновидениях эта тенденциозная переработка удалась лишь отчасти; сначала сновидение кажется взаимосвязанным, но затем становится бессмысленным и запутанным, возможно, чтобы потом в своем течении еще раз внешне предстать понятным. В иных сновидениях переработка вообще не удалась; мы беспомощно стоим перед бессмысленным нагромождением обрывков содержания.

У этой четвертой образующей сновидение силы, которая вскоре покажется нам знакомой — из четырех «творцов» сновидения она и в самом деле является единственной, которую мы

---

[1] [В другой работе Фрейд замечает, что, строго говоря, «вторичная переработка» не относится к работе сновидения (например, 1913*a*, G. W., т. 10, с. 19).]

[2] [Намек на строки Гейне «Возвращение домой» (LVIII):

Он старым шлафроком и прочим тряпьем
Прорехи заштопает у мирозданья.
(Перевод Т. Сильман.)

Фрейд дословно цитирует эти строки в последней лекции своего «Нового цикла лекций по введению в психоанализ» (1933*a*, *Studienausgabe*, т. I, с. 588).]

[3] [См., например, сновидения, приведенные на с. 496 и с. 584—585.]

хорошо знаем, — итак, у этого четвертого момента я не хотел бы безапелляционно оспаривать способность творчески вносить новый вклад в сновидение. Однако не подлежит сомнению, что и ее влияние, как и влияние других факторов, выражается в основном в предпочтении и выборе уже образованного психического материала в мыслях сновидения. И только в одном случае ее работа, заключающаяся, так сказать, в построении фасада сновидения, оказывается излишней благодаря тому, что в материале мыслей сновидения уже имеется готовый элемент, ожидающий своего применения. Этот элемент мыслей сновидения, который я имею в виду, я обычно называю *«фантазией»*; возможно, мне удастся избежать недоразумений, если в качестве аналогии из бодрствующей жизни я сразу укажу на *дневные грезы*[1]. Роль этого элемента в нашей душевной жизни пока еще не была исчерпывающе выяснена и раскрыта психиатрами; как мне кажется, многообещающий почин в этом отношении сделал М. Бенедикт[2]. От проницательного взгляда поэта не ускользнуло значение снов наяву; всем хорошо известно изображение А. Доде в «Набобе» дневных грез одного из второстепенных персонажей романа. [Ср. с. 536.] Изучение психоневрозов приводит нас к неожиданному открытию, что эти фантазии или дневные грезы являются ближайшими предшественниками истерических симптомов — по крайней мере, целого ряда из них; истерические симптомы связываются не с самими воспоминаниями, а с фантазиями, созданными на основе воспоминаний. Из-за частого появления сознательных дневных фантазий эти образования становятся нам знакомыми; но наряду с такими сознательными фантазиями существует и огромное множество бессознательных, которые вынуждены оставаться бессознательными из-за своего содержания и происхождения из вытесненного материала. Более глубокое исследование характера этих дневных фантазий нам показывает, насколько правомерно этим образованиям досталось то же название, которое носят наши ночные мыслительные продукты, — название *грезы*. Они облада-

[1] *Rêve, petit roman — day-dream, story.*

[2] [Позднее Фрейд посвятил теме дневных грез две работы: «Истерические фантазии и их отношение к бисексуальности» (1908*a*) и «Поэт и фантазирование» (1908*e*). В 1921 году Я. Варендонк опубликовал книгу «Психология дневных грез», к которой Фрейд написал предисловие (Freud, 1921*b*).]

ют многими свойствами, которые объединяют их с ночными снами; собственно говоря, их исследование могло бы открыть нам ближайший путь к пониманию ночных снов.

Как и сновидения, они представляют собой исполнения желаний; как и сновидения, они в значительной степени основываются на впечатлениях, оставленных детскими переживаниями; как и сновидения, в своих произведениях они пользуются определенной халатностью цензуры. Исследуя их структуру, мы замечаем, как мотив желания, задействованный в их производстве, перемешивает, преобразует и соединяет в новое целое материал, из которого они построены. К воспоминаниям детства, к которым они восходят, они находятся примерно в таком же отношении, как некоторые римские дворцы в стиле барокко — к античным развалинам, плитняки и колонны которых дали материал для строительства в современных формах.

Во «вторичной переработке», которую мы приписали нашему четвертому моменту образования сновидений, мы обнаруживаем ту же деятельность, которая при создании дневных грез может проявляться независимо от прочих влияний. Мы могли бы даже сказать, что наш четвертый момент стремится из представленного ему материала создать *нечто похожее на дневную грезу*. Но там, где такая дневная греза уже образована во взаимосвязи с мыслями сновидения, этот фактор работы сновидения охотно к ней обратится и будет стремиться к тому, чтобы она попала в содержание сновидения. Бывают такие сновидения, которые состоят только из повторения дневной фантазии, оставшейся, возможно, бессознательной, например, сновидение мальчика, что он вместе с героями Троянской войны едет на колеснице [с. 147]. В моем сне об *«автодидаскере»* [с. 308 и далее] по меньшей мере вторая часть сновидения представляет собой точное повторение безобидной дневной фантазии о моем общении с профессором Н. Она проистекает из комплекса условий, которым должно удовлетворять сновидение при своем возникновении, — тому, что предшествующая фантазия чаще всего образует лишь часть сновидения или что только одна ее часть проникает в содержание сновидения. В целом же с фантазией обходятся точно так же, как и с любой другой составной частью скрытого материала; но зачастую она по-прежнему проявляется в сновидении как единое целое. В моих сновидениях нередко встречаются места, которые выделяются совершенно иным впечатлением. Они кажутся мне плавными, более связ-

ными, но вместе с тем менее долговечными, чем другие части того же сна; я знаю, что это — бессознательные фантазии, которые в связном виде попали в сновидение, но зафиксировать такую фантазию мне никогда не удавалось. В остальном эти фантазии, как и все другие составные части мыслей сновидения, смещаются, сгущаются, напластовываются одна на другую и т.п. Однако существуют переходы от того случая, где они, не подвергшись почти никаким изменениям, могут образовать содержание сновидения или, по крайней мере, его фасад, к противоположному случаю, где они представлены в содержании сновидения лишь одним из своих элементов или отдаленным намеком на таковой. Очевидно, что и для судьбы фантазий в мыслях сновидения решающее значение имеет то, какие преимущества они могут дать по отношению к требованиям цензуры и необходимости сгущения.

При выборе примеров толкования сновидений я по возможности избегал сновидений, в которых значительную роль играют бессознательные фантазии, поскольку введение этого психического элемента потребовало бы пространных рассуждений из области психологии бессознательного мышления. И все же полностью обойти эти «фантазии» я не могу и в этом контексте, потому что часто они полностью попадают в сновидение и еще чаще отчетливо просвечивают сквозь него. Я хочу привести еще одно сновидение, состоящее из двух различных, противоположных, но в некоторых местах перекрывающих друг друга фантазий, одна из которых носит поверхностный характер, а другая словно становится истолкованием первой[1]. [Ср. с. 493.]

Сновидение — это единственный сон, о котором у меня нет подробных записей, — выглядит примерно так. Сновидец — не-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* Хороший пример такого сновидения, возникшего в результате нагромождения нескольких фантазий, я проанализировал во «Фрагменте анализа одного случая истерии» (1905*e*) [раздел II]. Впрочем, значение таких фантазий для образования сновидений я долго недооценивал, пока преимущественно толковал свои собственные сны, в основе которых гораздо чаще лежат не дневные грезы, а дискуссии и конфликты мыслей. У других людей показать *полную аналогию ночного сновидения с дневной грезой* бывает намного проще. Истерическим больным часто удается заменить приступ сновидением; в таком случае легко убедиться, что ближайшим предшественником обоих психических образований является дневная фантазия.

женатый молодой человек — сидит в своем, правильно увиденном, ресторане; появляются несколько человек, они пришли за ним, один из них хочет его арестовать. Он говорит своим соседям по столику: «Я заплачу потом, я вернусь». Но те замечают с иронической улыбкой: «Мы это уже проходили, все так говорят». Один из посетителей кричит ему вслед: «Еще один уходит!» Его приводят в какое-то тесное помещение, где он видит женщину с ребенком на руках. Один из его спутников говорит: «Это господин Мюллер». Комиссар или еще какой-то служащий перебирает пачку бумаг или записей, повторяя при этом: «Мюллер, Мюллер, Мюллер». Наконец, тот задает ему вопрос, на который он отвечает утвердительно. Затем он оглядывается на женщину и замечает, что у нее появилась длинная борода.

Обе составные части разделить здесь нетрудно. На поверхности лежит *фантазия об аресте;* она представляется нам заново созданной работой сновидения. Но за ней в качестве материала, претерпевшего наибольшую трансформацию в результате работы сновидения, обнаруживается *фантазия о женитьбе*, и черты, которые могут быть у них общими, снова особенно отчетливо проступают, как в смешной фотографии Гальтона. Обещание прежнего холостяка вновь занять свое место за ресторанным столиком, недоверие его наученных опытом собутыльников и восклицание: «Еще один уходит (женится)!», — все это признаки, которые легко понять и при другом толковании. Равно как и утвердительный ответ служащему. Перебирание пачки бумаг, когда повторяется одно и то же имя, соответствует второстепенной, но хорошо известной особенности свадебной церемонии — прочтению целой кипы поздравительных телеграмм, где все время звучат одни и те же имена. В личном появлении невесты в этом сновидении фантазия о женитьбе даже одержала победу над покрывающей ее фантазией об аресте. То, что у невесты в конце появляется борода, я сумел разъяснить благодаря одной информации — анализу это не подвергалось. Накануне сновидец вместе с другом, таким же противником брака, как и он сам, прогуливался по улице и обратил внимание этого друга на красивую брюнетку, которая им повстречалась. Приятель, однако, заметил: «Эх, если бы только у этих женщин с годами не вырастали бороды, как у их отцов».

Разумеется, также и в этом сновидении нет недостатка в элементах, где искажение в сновидении проделало основательную работу. Так, например, фраза: «Я заплачу потом», возмож-

но, касается внушающего тревогу поведения тестя в отношении приданого. Очевидно, разного рода сомнения мешают сновидцу с удовольствием предаваться фантазии о женитьбе. Одно из этих сомнений, что, женившись, человек теряет свободу, трансформировалось и воплотилось в сцене ареста.

Если мы еще раз вернемся к тому, что работа сновидения предпочитает пользоваться обнаруженной в готовом виде фантазией, а не компоновать ее из материала мыслей сновидения, то благодаря такому пониманию мы можем решить, пожалуй, одну из интереснейших загадок сновидения. На с. 46–47 я рассказал сновидение Маури, который после падения на его шею полочки проснулся, находясь под впечатлением длинного сновидения — настоящего романа из времен Великой революции. Поскольку сновидение представляется взаимосвязанным и его можно полностью объяснить воздействием внешнего раздражителя, о возникновении которого спящий не мог и подозревать, то остается только предположить, что все это богатое сновидение было скомпоновано и произошло за короткий промежуток времени между падением полки на шейный позвонок Маури и его пробуждением от этого удара. Мы бы не взяли на себя смелость приписывать мыслительной работе в бодрствовании такой быстроты, и, таким образом, приходим к тому, чтобы признать преимуществом работы сновидения удивительную скорость процесса.

Против этого вывода, который очень быстро стал популярным, решительно возражают новые авторы (Le Lorrain, 1894, 1895; Egger, 1895 и др.). Отчасти они сомневаются в точности передачи самим Маури своего сновидения, отчасти пытаются показать, что быстрота нашей мыслительной работы в бодрствовании не уступает скорости сновидения. Эта дискуссия поднимает ряд принципиальных вопросов, разрешения которых в ближайшее время ожидать не приходится. Я должен, однако, признать, что аргументация, например Эггера, именно в связи со сновидением Маури о гильотине убедительного впечатления на меня не произвела. Я предложил бы следующее объяснение этого сновидения: разве было бы совершенно невероятным, что сновидение Маури представляет собой фантазию, которая в готовом виде хранилась в его памяти и пробудилась — я бы сказал: *проявилась в виде намека* — в тот момент, когда он почувствовал раздражитель? В таком случае прежде всего отпадает проблема, состоящая в компоновке такой длинной истории со

всеми ее деталями за чрезвычайно короткое время, которым здесь располагает сновидец; эта история была уже заранее скомпонована. Если бы деревянная часть задела шею Маури в бодрствовании, то у него, возможно, появилась бы мысль: «Это похоже на то, как если бы тебя гильотинировали». Но, так как полка ударила его во сне, работа сновидения моментально использует этот раздражитель для исполнения желания, *как если бы* она подумала (разумеется, это следует понимать фигурально): «Сейчас есть удобная возможность воплотить фантазию-желание, которую тогда-то и тогда-то я создал при чтении». То, что приснившийся роман и есть такая фантазия, часто возникающая у юноши под влиянием сильных впечатлений, кажется мне неоспоримым. Кто не увлекся бы — тем более будучи французом и историком культуры — изображением эпохи террора, когда аристократия, мужчины и женщины, цвет нации, показывала, как можно умирать со спокойной душой, вплоть до роковой смерти сохраняя свежесть своего остроумия и красоту души? Как соблазнительно представлять себя одним из молодых людей, которые на прощание целуют даме руку, перед тем как бесстрашно взойти на эшафот! Или, если главным мотивом фантазирования было честолюбие, представлять себя одной из тех могущественных личностей, которые одной только силой своих мыслей и своего пламенного красноречия властвуют над городом, где в то время бьется сердце человечества, без колебаний посылают на смерть тысячи людей и прокладывают путь к преобразованию Европы, но при этом сами не уверены за свои головы и в конце концов подставляют их под нож гильотины, — например, в роли жирондиста или героя Дантона! То, что фантазия Маури, по-видимому, носила такой честолюбивый характер, указывает сохранившийся в памяти элемент — «в сопровождении огромной толпы».

Однако всю эту давно уже готовую фантазию совсем не обязательно проживать во сне; достаточно, если до нее, так сказать, «слегка дотрагиваются». Я имею в виду следующее. Если раздается несколько тактов и кто-нибудь, как в «Дон Жуане», говорит: «Это из “Женитьбы Фигаро” Моцарта», — то у меня сразу всплывают воспоминания, из которых в следующий момент ни одно по отдельности не может достичь сознания. Ключевое слово служит пунктом вторжения, откуда одновременно приводится в возбуждение целое. Едва ли иначе обстоит дело и в бессознательном мышлении. Под действием раздражителя возбуждается психический пункт, открывающий доступ к фан-

тазии о гильотине. Но она проявится уже не во сне, а только в воспоминании проснувшегося человека. Проснувшись, он теперь вспоминает во всех деталях фантазию, затронутую в сновидении как единое целое. При этом у него нет способа убедиться, что он действительно вспоминает нечто приснившееся. Это же объяснение — то есть, что речь здесь идет о готовых фантазиях, которые как целое возбуждаются под действием раздражителя, — можно применить и к другим сновидениям, возникшим в ответ на раздражитель, ставший причиной пробуждения, например, к сновидению Наполеона при взрыве адской машины [см. с. 46 и с. 246–247]. Среди сновидений[1], которые Жюстин Тобовольска собрала в своей диссертационной работе о мнимой продолжительности времени во сне, наиболее убедительным мне представляется сон одного драматурга, Казимира Бонжура, о котором сообщает Макарио (1857 [46])[2]. Однажды он захотел присутствовать на первом представлении своей пьесы, но был так утомлен, что задремал, сидя на своем месте за кулисами, прямо в тот момент, когда поднялся занавес. В своем сне он пережил все пять актов своей пьесы и наблюдал самые разнообразные признаки взволнованности, которую проявляли зрители в отдельных сценах. По окончании представления он был беспредельно счастлив, слыша, как объявляют его имя посреди самых бурных проявлений одобрения. Неожиданно он проснулся. Он не мог поверить ни своим глазам, ни ушам — представление одолело только первые стихотворные строки первой сцены; он проспал не больше двух минут. Наверное, не будет слишком смелым сказать об этом сновидении, что прорабатывание пяти актов театральной пьесы и наблюдение за поведением публики в отдельных сценах не нуждаются в новой продукции во время сна, а могут повторить уже совершенную работу фантазии в указанном смысле. Тобовольска вместе с другими авторами в качестве общей характеристики сновидений с ускоренным течением представлений подчеркивает, что они кажутся особенно когерентными, совсем не такими, как другие сны, и что воспоминание о них является скорее суммарным, а не детальным. Но это как раз и есть признаки, которыми

[1] [Остальная часть этого абзаца за исключением последнего предложения, которое содержалось уже в первом издании, была добавлена в 1914 году.]

[2] Tobowolska [1900], с. 53.

должны обладать такие готовые фантазии, затронутые работой сновидения; однако этого вывода авторы не делают. Я не хочу утверждать, что все сны, приводящие к пробуждению, допускают подобное объяснение или что проблему ускоренного течения представлений в сновидении можно целиком разрешить таким способом.

Здесь неизбежно встает вопрос об отношении этой вторичной переработки содержания сновидения к факторам работы сновидения. Не происходит ли так, что факторы, образующие сновидение, — стремление к сгущению, необходимость избежать цензуры и учет изобразительных возможностей в психических средствах сновидения — сначала создают из материала временное содержание сновидения, затем оно дополнительно трансформируется до тех пор, пока не будет как можно больше удовлетворять требованиям второй инстанции? Это маловероятно. Скорее следует предположить, что требования этой инстанции с самого начала представляют собой одно из условий, которым должно удовлетворять сновидение, и что это условие, равно как и условие сгущения, сопротивления цензуры и изобразительности, одновременно оказывает индуцирующее и избирательное влияние на огромный материал мыслей сновидения. Однако из четырех условий образования сновидений требования последнего, по крайней мере, кажутся наименее принудительными для сновидения. Идентификация этой психической функции, которая предпринимает так называемую вторичную переработку содержания сновидения, с работой нашего бодрствующего мышления с большой вероятностью вытекает из следующих рассуждений. Наше бодрствующее (предсознательное[1]) мышление ведет себя по отношению к любому материалу восприятия точно так же, как рассматриваемая функция — по отношению к содержанию сновидения. Для него вполне естественно наводить порядок в таком материале, устанавливать соотношения, создавать ожидаемую четкую взаимосвязь. [Ср. с. 48–49 и 65–66.] Пожалуй, мы заходим в этом чересчур далеко; фокусники своими трюками дурачат нас, опираясь на эту нашу интеллектуальную привычку. Стремясь понятным образом сопоставить име-

---

[1] [Этот термин Фрейд впервые употребил на с. 346; он обсуждается ниже, на с. 542.]

ющиеся чувственные впечатления, мы часто совершаем самые странные ошибки или даже искажаем истину предъявляемого нам материала. Относящиеся сюда доказательства слишком хорошо всем известны, чтобы требовать подробного обсуждения. Мы не замечаем искажающих смысл опечаток, создавая себе иллюзию правильности. Редактор одного популярного французского журнала держал пари, что в каждое предложение длинной статьи он впечатает слова «спереди» и «сзади» и ни один читатель этого не заметит. Пари он выиграл. Комичный пример ошибочной взаимосвязи несколько лет назад мне попался на глаза в газете. После того заседания французской палаты, на котором Дюпюи своим хладнокровным возгласом: *«La séance continue»*[1] — предотвратил панику, едва не возникшую, когда разорвалась бомба, брошенная в зал одним анархистом, публику на галерке допрашивали как свидетелей покушения. Среди этой публики было два человека из провинции; один из них рассказал, что сразу после выступления депутата он услышал взрыв, но подумал, что в парламенте заведен обычай — всякий раз, когда оратор заканчивает, производить выстрел. Другой человек, который, по-видимому, уже слышал нескольких ораторов, подумал то же самое, но с той поправкой, что подобные выстрелы в знак признания раздаются только после особенно удачных речей.

Таким образом, едва ли другая психическая инстанция, кроме нашего обычного мышления, требует от содержания сновидения, чтобы оно было понятным, подвергает его первому истолкованию и тем самым приводит к его полному непониманию. [Ср. с. 493.] При толковании мы должны придерживаться следующего правила: во всех случаях оставлять без внимания внешнюю взаимосвязь в сновидении как подозрительную по своему происхождению и, каким бы ни было содержание — ясным или запутанным, идти тем же обратным путем к материалу сновидения.

Но при этом мы замечаем, от чего, в сущности, зависит шкала качества сновидений, протирающаяся от запутанности до ясности, которая была упомянута на с. 339–340. Нам кажутся ясными те части сновидения, в которых вторичная переработка сумела что-то исправить, запутанными — те, где она со своей

---

[1] [Заседание продолжается (фр.). — *Примечание переводчика.*]

задачей не справилась. Поскольку запутанные части сновидения зачастую оказываются и менее выраженными, мы можем сделать вывод, что вторичную работу сновидения следует сделать ответственной и за пластичную интенсивность отдельных его образований.

Если бы для окончательной формы сновидения, которая получается при содействии обычного мышления, я должен был где-либо подобрать объект сравнения, то мне приходит на ум не что иное, как загадочные надписи, которыми журнал *«Fliegende Blätter»* так долго развлекал своих читателей. В отношении определенной фразы, ради контраста выраженной на диалекте и имеющей как можно более гротескное значение, должно возникнуть предположение, что она содержит латинскую надпись. С этой целью буквенные элементы слова выдергиваются из слогов и располагаются в другом порядке. Местами возникает настоящее латинское слово, в других местах нам кажется, что мы имеем перед собой сокращения таких слов, а еще в других местах надписи исчезнувшие части и пробелы вводят нас в заблуждение относительно бессмысленности отдельно стоящих букв. Чтобы не попасться на удочку, мы должны не обращать внимания на все реквизиты надписи, учитывать только буквы и, невзирая на предложенную расстановку, составлять их в слова нашего родного языка[1].

Вторичная переработка[2] — это тот момент в работе сновидения, значение которого было отмечено и оценено большинством авторов. X. Эллис (1911, Введение, 10) описывает ее результаты, используя яркий наглядный образ:

«Фактически мы можем представить себе это так, что сознание во сне обращается к самому себе: “Скоро придет наш

---

[1] [Примеры воздействия процесса вторичной переработки в сказках и в «Царе Эдипе» приведены на с. 255 и 275. Такие же процессы при навязчивостях и фобиях упомянуты на с. 255, при паранойе — в 24-й лекции Фрейда по введению в психоанализ (1916-1917, *Studienausgabe,* т. I, с. 370). Аналогия между вторичной переработкой в сновидении и построением мыслительных «систем» довольно подробно обсуждается в 3-й главе 4-го раздела книги «Тотем и табу» (1912–13; *Studienausgabe,* т. 9, с. 382–383).]

[2] [Остальная часть этой главы за исключением последнего абзаца (с. 507 и далее), который содержался уже в первом издании, была добавлена в 1914 году.]

хозяин, бодрствующее сознание, которое придает необычайно большое значение разуму, логике и т. п. Быстро! Соберите все вещи, приведите их в порядок, годится любое расположение — прежде чем он войдет, чтобы завладеть местом действия"».

Об идентичности такого способа функционирования с работой бодрствующего мышления особенно определенно говорит Делакруа (1904, 926):

«Cette fonction d'interprétation n'est pas particulière au rêve; c'est le même travail de coordination logique que nous faisons sur nos sensations pendant la veille»[1].

Дж. Салли [1893, 355–356] отстаивает это же мнение. Равно как и Тобовольска:

«Sur ces successions incohérentes d'hallucinations, l'esprit s'efforce de faire le même travail de coordination logique qu'il fait pendant la veille sur les sensations. Il relie entre elles par un lien imaginaire toutes ces images décousues et bouche les écarts trop grands qui se trouvaient entre elles» (1900, 93.)[2]

Некоторые авторы допускают, что эта упорядочивающая и истолковывающая деятельность начинается еще во время сновидения и продолжается в бодрствовании. Например, Полан (1894, 546):

«Cependant j'ai souvent pensé qu'il pouvait y avoir une certaine déformation, ou plutôt réformation, du rêve dans le souvenir ...La tendence systématisante de l'imagination pourrait fort bien achever après le réveil ce qu'elle a ébauché pendant le sommeil. De la sorte, la rapidité réelle de la pensée serait augmentée en apparence par les perfectionnements dus à l'imagination éveillée»[3].

---

[1] [Эта функция интерпретации не специфична для сновидения; это та же работа по логической координации, которую мы совершаем над нашими ощущениями в бодрствовании (фр.). — *Примечание переводчика*.]

[2] [С этими последовательностями бессвязных галлюцинаций душа пытается проделать ту же работу по логической координации, которую она совершает в бодрствовании с ощущениямя. Она соединяет воображаемой связью все эти разрозненные образы и устраняет слишком большие расхождения, которые обнаруживаются между ними (фр.). — *Примечание переводчика.*]

[3] [Однако я часто думал, что при воспоминании сновидения может происходить некоторое его искажение, или, скорее, преобразование... Систематизирующая тенденция воображения вполне способна завершить после пробуждения то, что она наметила во сне. Таким образом, истинная скорость мышления, по-видимому, возрастает благодаря усовершенствованиям, присущим воображению в бодрствовании (фр.). — *Примечание переводчика*.]

[Бернар]-Леруа и Тобовольска (1901, 592):

«Dans le rêve, au contraire, l'interprétation et la coordination se font non seulement à l'aide des données du rêve, mais encore à l'aide de celles de la veille...»[1]

Нельзя не заметить, что значение этого единственного выявленного момента образования сновидения переоценивалось, и поэтому ему приписывали всю основную работу по созданию сновидения. Его создание должно происходить в момент пробуждения, как полагают Гобло (1896 [288–289]) и еще более категорично Фуко (1906), которые наделяют бодрствующее мышление способностью образовывать сновидение из возникающих во сне мыслей.

[Бернар]-Леруа и Тобовольска (1901) высказываются об этом воззрении: *«On a cru pouvoir placer le rêve au moment du réveil, et ils ont attribué à la pensée de la veille la fonction de construire le rêve avec les images présentes dans la pensée du sommeil»*[2].

К оценке вторичной переработки я добавлю один из новых вкладов в работу сновидения, который был показан Г. Зильберером благодаря его тонким наблюдениям. Зильберер, как уже отмечалось в другом месте (см. с. 353–354), ухватил преобразование мыслей в образы, так сказать, in flagranti, вынуждая себя к умственной деятельности в состояниях утомления и сонливости. В таком случае обрабатываемая мысль ускользала, а вместо нее возникало видение, которое оказывалось заменой, как правило, абстрактной мысли. (См. примеры на с. 353.) Во время этих попыток случалось так, что возникавший образ, сопоставимый с элементом сновидения, представлял собой нечто иное по сравнению с мыслью, подлежавшей переработке, а именно само утомление, затруднение или отвращение к этой работе, то есть субъективное состояние человека, который прилагает усилия, и его функционирование вместо предмета его усилий. Такие очень часто возникавшие у себя случаи Зильберер назвал *«функцио-*

---

[1] [Во сне, напротив, интерпретация и координация совершаются не только при помощи материала сновидения, но и при помощи материала, имеющегося в состоянии бодрствования... (фр.) — *Примечание переводчика*.]

[2] [Предполагалось, что сновидение можно отнести к моменту пробуждения, и они приписывали мышлению в бодрствовании функцию построения сновидения с образами, представленными в мышлении во время сна (фр.). — *Примечание переводчика.*]

нальным феноменом» в противоположность ожидаемому *«материальному»*.

Например: «Однажды вечером, совершенно сонный, я лежу на своем диване, но заставляю себя размышлять о философской проблеме. То есть я стараюсь сравнить представления о времени Канта и Шопенгауэра. Из-за сонливости мне не удается удержать рядом друг с другом два ряда мыслей, что было бы необходимо для сравнения. После нескольких тщетных попыток, напрягая всю силу воли, я еще раз стараюсь запомнить вывод Канта, чтобы потом применить его к постановке проблемы Шопенгауэром. Затем я перевожу свое внимание на последнюю; когда же теперь я хочу вернуться к идее Канта, оказывается, что она опять исчезла; я тщетно стараюсь ее снова извлечь. Я лежу с закрытыми глазами, и тут эти напрасные усилия снова найти затерянные где-то в моей голове материалы по Канту представляются мне, как в образе сновидения, в виде наглядно-пластичного символа: *«Я прошу дать мне некую информацию неприветливого секретаря, который, склонившись перед письменным столом, не намерен беспокоить себя моей настойчивой просьбой. Наполовину выпрямившись, он недовольно на меня смотрит и собирается отказать»*. (Silberer, 1909, 513–514 [курсив Фрейда].)

Другие примеры, относящиеся к колебанию между сном и бодрствованием.

«Пример № 2. — Условия: утром при пробуждении. Размышляя в состоянии определенного по глубине сна (сумеречном состоянии) о предшествовавшем сновидении, в какой-то мере снова в него погружаясь, я чувствую, что все больше приближаюсь к бодрствующему сознанию, но мне хочется еще немного побыть в сумеречном состоянии.

Сцена: *«Я переступаю ногой через ручей, но тут же отступаю назад, стремлюсь остаться на той стороне»*. (Silberer, 1912, 625.)

«Пример №6. — Условия как в примере №4. (Ему хочется еще немного полежать, не засыпая.) Я хочу еще немного предаться сну.

Сцена: *«Я с кем-то прощаюсь и договариваюсь с ним (или с ней) вскоре снова увидеться»*. [Ibid, 627.]

«Функциональный» феномен, «изображение состояния вместо предмета», Зильберер в основном наблюдал в двух условиях — засыпания и пробуждения. Нетрудно понять, что для тол-

кования сновидений значение имеет только последний случай. Зильберер показал на прекрасных примерах, что заключительные части явного содержания многих сновидений, непосредственно за которыми следует пробуждение, представляют собой не что иное, как намерение или процесс самого пробуждения. Этому намерению служит следующая символика: человек переступает через порог («символика порога»), покидает одно помещение, чтобы войти в другое, уезжает, возвращается домой, расстается со спутником, погружается в воду и др. Правда, я не могу не высказать замечания, что в моих собственных сновидениях и в сновидениях анализировавшихся мною людей элементы сна, которые можно отнести к символике порога, встречались мне гораздо реже, чем это следовало ожидать исходя из сообщений Зильберера.

Вполне вероятно, что этой «символикой порога» можно было объяснить также некоторые элементы в середине сновидения, например, в тех местах, где речь шла о колебаниях между глубоким сном и склонностью прервать сновидение. И все же убедительные примеры этого пока еще не приведены [1]. Более частым представляется случай сверхдетерминации, когда место в сновидении, которое получает свое материальное содержание из структуры мыслей сновидения, *кроме того,* используется для изображения состояния в процессе психической деятельности.

Очень интересный функциональный феномен Зильберера не по вине первооткрывателя стал причиной большого числа злоупотреблений, поскольку старая склонность к абстрактно-символическому толкованию сновидений нашла в нем опору. У некоторых авторов предпочтение «функциональной категории» заходит настолько далеко, что они говорят о функциональном феномене везде, где в содержании мыслей сновидения имеют место интеллектуальная деятельность или эмоциональные процессы, хотя в качестве дневных остатков этот материал имеет не большее и не меньшее право входить в сновидение, чем любой другой. [Ср. с. 229, прим. 3.]

Мы хотим признать, что феномены Зильберера представляют собой второй вклад в образование сновидения со стороны бодрствующего мышления, который, однако, является не столь константным и значимым, как первый, введенный нами под на-

---

[1] [См., однако, последующее замечание Фрейда на с. 561.]

званием «вторичная переработка». Как выяснилось, часть внимания, активного днем, сохраняется, обращенная к сновидению, также и в состоянии сна, контролируя его, критикуя и оставляя за собой право его прерывать. Напрашивается мысль признать в этой остающейся бодрствовать психической инстанции цензора[1], которому надлежит оказывать такое сильное ограничивающее влияние на формирование сновидения. Наблюдения Зильберера добавляют тот факт, что при определенных обстоятельствах некоторую роль здесь играет своего рода самонаблюдение, которое вносит свой вклад в содержание сновидения. Вероятные отношения этой самонаблюдающей инстанции, которая, возможно, играет особую роль у людей философского склада, с эндопсихическим восприятием, с бредом значения, с совестью и с цензором сновидения следует рассмотреть в другом месте[2].

Теперь я попытаюсь подытожить эти пространные рассуждения о работе сновидения. Мы поставили перед собой вопрос, применяет ли душа все свои способности во всей их полноте к образованию сновидения или только часть их, ограниченную в своем проявлении? Наши исследования приводят нас к тому, чтобы вообще отказаться от такой постановки вопроса как не отвечающей имеющимся условиям. Но если все же ответить на этот вопрос, оставаясь на той почве, на которой он возникает, то мы должны будем согласиться с обеими внешне взаимоисключающими точками зрения. Психическая работа при образовании сновидения распадается на две функции: на создание мыслей сновидения и на их превращение в содержание сновидения. Мысли сновидения образованы совершенно корректно и со всеми психическими затратами, на которые мы способны; они относятся к нашему неосознанному мышлению, из которого благодаря определенной трансформации проистекают также и сознательные мысли. Сколько бы ни было в них любопытного и загадочного, все же эти загадки не имеют особого отношения к сновидению и не заслуживают того, чтобы их обсуждать среди проблем сновидения[3]. Напротив, та дру-

---

[1] [Вместо персонализированной формы «цензор», употребленной здесь и несколькими строками ниже, Фрейд обычно использует слово «цензура».]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* «О введении понятия "нарцизм"» (1914*c* [раздел III].)

[3] *[Дополнение, сделанное в 1925 году:]* Раньше мне казалось необычайно трудным приучить читателей различать явное содержание сновидения и его

гая часть работы, которая превращает бессознательные мысли в содержание сновидения, присуща жизни во сне и для нее характерна. Эта собственная работа сновидения гораздо более далека от образца бодрствующего мышления, чем полагали даже те, кто самым решительным образом умаляет психическую деятельность при образовании сновидения. Она не является более небрежной, некорректной, забывчивой, неполной, нежели бодрствующее мышление; она есть нечто качественно совершенно иное, а потому не поддающееся сравнению с ним. Она вообще не мыслит, не считает, не выносит суждений, а ограничивается лищь преобразованием. Ее можно исчерпывающе описать, приняв во внимание условия, которым должно удовлетворять ее изделие. Этот продукт, сновидение, должен прежде всего уклониться от *цензуры*, и для достижения этой цели работа сновидения прибегает к *смещению психических интенсивностей* вплоть до переоценки всех психических ценностей; мысли должны воспроизводиться исключительно или по преимуществу в материале визуальных или акустических следов воспоминаний, и ввиду этого требования в работе сновидения происходит *учет изобразительных возможностей,* которым она соответствует благодаря новым смещениям. Должны быть созданы (вероятно) еще большие интенсивности, чем те, которые имеются ночью в распоряжении мыслей сновиде-

---

скрытые мысли. Снова и снова приводились доводы и возражения, основанные на не подвергшемся толкованию сновидении, которое сохранилось в памяти, и игнорировалось требование его толкования. Но теперь, когда, по крайней мере, аналитики свыклись с тем, что вместо явного содержания следует опираться на смысл, найденный благодаря толкованию, многие из них оказываются повинными в другой ошибке, которой они придерживаются столь же упорно. Они пытаются найти сущность сна в его латентном содержании и при этом упускают из вида различие между скрытыми мыслями сновидения и его работой. В своей основе сновидение — это не что иное, как особая *форма* нашего мышления, которая становится возможной благодаря особым условиям в состоянии сна. Именно *работа сновидения* и создает эту форму, и только она создает главное в сновидении, объясняет его особенности. Я это говорю, чтобы дать оценку пресловутой «проспективной тенденции» сновидения. [См. ниже с. 581, прим.] То, что сновидение пытается решать задачи, имеющиеся в нашей душевной жизни, не более странно, чем то, что ими занимается наша сознательная жизнь в бодрствовании; добавляется только то, что эта работа может осуществляться также и в предсознательном, о чем нам уже известно.

ния, и этой цели служит интенсивное *сгущение*, которое осуществляется с составными частями мыслей сновидения. На логические связи материала мыслей обращается не так много внимания; в конце концов, они находят свое скрытое выражение в *формальных* особенностях сновидения. Аффекты мыслей сновидения подвергаются меньшим изменениям, чем содержание их представлений. Как правило, они подавляются; там, где они сохраняются, они отделены от представлений и скомпонованы по их подобию. Только одна часть работы сновидения — непостоянная по своему объему переработка со стороны частично пробудившегося бодрствующего мышления — приблизительно соответствует точке зрения, которая, по мнению авторов, относится ко всей деятельности образования сновидений[1].

---

[1] [В четвертом, пятом, шестом и седьмом изданиях (с 1914 по 1922 год) здесь далее следовали две самостоятельных статьи Отто Ранка под названиями «Сновидение и поэзия» (1914*a*) и «Сновидение и миф» (1914*b*). Начиная с публикации «Собрания сочинений», то есть в изданиях с 1925 года, они снова были опущены. См. «Предисловие издателей», с. 7 и 8.]

VII
ПСИХОЛОГИЯ ПРОЦЕССОВ СНОВИДЕНИЯ[1]

Среди сновидений, которыми я располагаю благодаря сообщениям других людей, имеется одно, которое требует теперь особого нашего внимания. Его рассказала мне пациентка, которая сама узнала о нем на одной лекции о сновидении; его настоящий источник так и остался для меня неизвестным. На эту даму оно произвело впечатление своим содержанием, ибо она не преминула «увидеть его во сне», то есть повторить элементы данного сновидения в своем собственном сне, чтобы с помощью подобного переноса выразить согласие по определенному пункту.

Предварительные условия этого служащего образцом сновидения следующие. Некий отец день и ночь сидел у постели своего больного ребенка. После того как ребенок умер, отец отправляется спать в соседнюю комнату, но оставляет дверь открытой, чтобы из своей спальни видеть помещение, где лежит тело ребенка, окруженное большими свечами. Возле тела сидел пожилой человек, которого наняли бодрствовать, и бормотал молитвы. После нескольких часов сна отцу снится, *что ребенок стоит у его кровати, берет его за руку и с упреком шепчет ему: «Отец, разве ты не видишь, что я горю?»* Он просыпается, замечает яркий свет в комнате с телом покойного, спешит туда и видит, что седой страж уснул, а одежда и рука тела покойного обгорели от упавшей зажженной свечи.

Объяснение этого волнующего сновидения довольно простое, и, как рассказывает моя пациентка, оно было правильно дано также и лектором. Яркий свет через открытую дверь падал на лицо спящего и заставил его сделать такой же вывод, какой бы он сделал в бодрствовании: из-за того, что упала свеча, возле тела покойного вспыхнул пожар. Возможно, и сам отец лег спать обеспокоенный, что седой ночной страж не сможет справиться со своей задачей.

---

[1] [Некоторые проблемы, особенно в последующих разделах этой главы, несколько прояснились благодаря публикации писем Фрейда Вильгельму Флиссу (Freud, 1950*a*). См. «Предисловие издателей», с. 9 и далее.]

Мы тоже ничего не будем менять в этом толковании — разве только добавим, что содержание сновидения должно быть сверхдетерминированным, а фраза ребенка должна быть составлена из слов, действительно сказанных им при жизни и связанных с важными для отца событиями. Например, его жалоба: *«Я горю»* — с жаром, когда он умирал, а слова: *«Отец, разве ты не видишь?»* — с другим нам неизвестным, но богатым аффектами случаем.

Однако после того как мы выявили, что сновидение — это осмысленный процесс, способный включаться в общую взаимосвязь психических явлений, мы вправе удивиться тому, что сновидение вообще возникло при таких условиях, где требовалось как можно более быстрое пробуждение. Затем мы обратим внимание на то, что и это сновидение не лишено исполнения желания. В сновидении мертвый ребенок ведет себя, как живой, он сам обращается к отцу, подходит к его кровати и берет его за руку, как, вероятно, делал это в воспоминании, из которого сновидение взяло первую часть речи ребенка. Ради этого исполнения желания отец и продлил на мгновение свой сон. Сновидению было отдано предпочтение перед размышлениями в бодрствовании, потому что оно могло еще раз показать ребенка живым. Если бы отец сначала проснулся, а затем сделал вывод, приведший его в соседнюю комнату, то он, так сказать, укоротил бы жизнь ребенка на это мгновение.

Не может быть никакого сомнения в том, какими своими особенностями это небольшое сновидение привлекает наше внимание. До сих пор мы интересовались главным образом тем, в чем состоит тайный смысл сновидения, каким путем его можно выявить и какими средствами пользуется работа сновидения, чтобы его скрыть. В центре нашего поля зрения до сих пор находились задачи толкования сновидения. Теперь же мы сталкиваемся со сновидением, не представляющим трудности для толкования, смысл которого дан в незамаскированной форме, и замечаем, что этот сон по-прежнему сохраняет важные характеристики, благодаря которым сновидение явно отличается от нашего бодрствующего мышления и пробуждает у нас потребность в объяснении. Только после устранения всего того, что относится к работе по толкованию, мы можем заметить, насколько неполной осталась наша психология сновидения.

Но, прежде чем вступить со своими идеями на этот новый путь, мы хотим остановиться и оглянуться назад, посмотреть,

не упустили ли мы в нашем путешествии чего-нибудь важного. Ибо мы должны четко понимать, что удобная и приятная часть нашего пути лежит позади. До сих пор, если я не очень ошибаюсь, все пути, по которым мы шли, приводили нас к свету, знанию и полному пониманию; но с того момента, когда мы захотим глубже проникнуть в психические процессы при сновидении, все наши тропы будут вести в темноту. Мы не можем *объяснить* сновидение как психический процесс, ибо «объяснить» — означает свести к известному, а в настоящее время нет такого психологического знания, с которым мы могли бы соотнести то, о чем в качестве основы объяснения можно сделать вывод из психологической проверки сновидений. Напротив, мы будем вынуждены выставить целый ряд новых гипотез, касающихся строения душевного аппарата и взаимодействия его сил, и мы должны будем проявлять осторожность, чтобы не заходить слишком далеко за пределы первой логической взаимосвязи, ибо в противном случае их ценность окажется неопределенной. Даже если мы не совершим ни одной ошибки в выводах и примем в расчет все логически допустимые возможности, нам все равно грозит вероятная неполнота в установлении элементов вместе с полным крушением всех расчетов. Самое тщательное исследование сновидения или другого *обособленного* явления не позволит нам судить (или, по крайней мере, судить обоснованно) о конструкции и функционировании душевного инструмента — для этого необходимо собрать воедино все то, что оказывается постоянным при сравнительном изучении целого ряда психических проявлений. Таким образом, психологические предположения, которые мы почерпнули из анализа процессов сновидения, должны, так сказать, «стоять на остановке», дожидаясь пока к ним не присоединятся результаты других исследований, которые, имея иные точки приложения, стремятся пробраться к ядру той же проблемы.

А
Забывание сновидений

Итак, сначала мы обратимся к теме, порождающей возражение, которое мы до сих пор игнорировали, но которое все же способно лишить всякой основы предпринимаемые нами попытки толкования сновидений. С самых разных сторон нам приходилось слышать, что, собственно говоря, мы вовсе не знаем сновидения, которое собираемся толковать, точнее, что у нас нет никаких гарантий, что мы его знаем таким, каким оно действительно было (ср. с. 64–66).

То, что мы вспоминаем о сновидении и к чему прилагаем наше искусство толкования, во-первых, исковеркано нашей ненадежной памятью, которая, похоже, совершенно непригодна для сохранения сновидения и, возможно, опускает как раз самые важные части своего содержания. Очень часто, собираясь уделить внимание нашим снам, мы склонны пожаловаться, что нам снилось гораздо больше, а теперь уже ничего, к сожалению, из этого уже не помним, за исключением какого-то отрывка, само воспоминание о котором кажется нам на удивление ненадежным. Во-вторых, все говорит о том, что наше воспоминание воспроизводит сновидение не только фрагментарно, но также неверно и искаженно. Таким образом, с одной стороны, мы можем сомневаться, действительно ли приснившееся было таким бессвязным и расплывчатым, каким сохранилось в памяти, с другой стороны, можно усомниться в том, было ли сновидение таким связным, как мы его пересказываем, не заполняем ли мы при попытке репродукции не имевшиеся или возникшие вследствие забывания пробелы произвольно выбранным новым материалом, не приукрашиваем, не дополняем, не подгоняем ли мы сновидение, в результате чего судить о том, каким было настоящее содержание нашего сна, становится невозможным. Более того, у одного автора (Spitta [1882, 338])[1] мы обнаружили следующее предположение: то, что представляется нам порядком и связностью сновидения, привносится в сновидение при попытке воскресить его в памяти. [Ср. выше, с. 66.] Таким образом, для нас существует опас-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* То же самое у Фуко [1906, 141–142] и Таннери [1898].

ность, что сам предмет, ценность которого мы собираемся определить, выскользнет из наших рук.

До сих пор при толковании сновидений мы игнорировали эти предостережения. Более того, применительно к самым незначительным, неочевидным и неопределенным содержательным компонентам сновидения мы, наоборот, не менее ясно ощущали необходимость толкования, чем в случае отчетливых и определенных. В сновидении об инъекции Ирме есть место: «Я *тотчас* подзываю доктора М.» [с. 130], и мы предположили, что и это добавление не попало бы в сновидение, если бы не имело на то особой причины. Таким образом, мы пришли к истории той несчастной пациентки, к постели которой я «тотчас» подозвал старшего коллегу. Во внешне абсурдном сновидении, которое считает различие между числами 51 и 56 *quantité negligeable*[1], число 51 упоминается несколько раз [см. с. 439]. Вместо того чтобы считать это чем-то естественным или безразличным, мы сделали вывод о наличии в скрытом содержании сновидения второй цепочки мыслей, ведущей к числу 51, а прослеженный нами путь привел нас к опасениям (в которых 51 год выступает как рубеж жизни), резко отличающимся от доминирующих мыслей, которые хвастливо разбрасываются годами. В сновидении *«Non vixit»* [с. 426 и далее] есть место — небольшая вставка, — которое вначале я не заметил: «*Поскольку П. его не понимает, Фл. спрашивает меня*» и т.д. Когда затем толкование застопорилось, я вернулся к этим словам и нашел от них путь к детской фантазии, которая в качестве промежуточного узлового пункта проявляется в мыслях сновидения. [Ср. с. 485–486.] Это случилось благодаря строкам поэта:

Вы редко меня *понимали*,
И редко я вас понимал;
И лишь оказавшись в *грязи*,
Мы стали понятны друг другу![2]

Любой анализ можно было бы снабдить примерами, доказывающими, насколько необходимы для толкования именно самые незначительные элементы сновидения и насколько затяги-

[1] [Незначительной величиной (фр.). — *Примечание переводчика*.]
[2] [Гейне, «Книга песен», «Возвращение домой», LXXVIII.]

вается решение задачи, если на них обращать внимание только потом. Такое же значение при толковании сновидений мы придаем и любому нюансу выражения речи, в котором предстал перед нами сон. Более того, даже в тех случаях, когда перед нами оказывался бессмысленный или недостаточный текст, а наши усилия перевести сновидение в верную форму вроде бы оказывались неудачными, мы учитывали и этот недостаток выражения. Словом, к тому, что, по мнению авторов, является произвольной импровизацией, поспешно скомпонованной в затруднительной ситуации, мы относились как к священному тексту. Это противоречие нуждается в объяснении.

Это объяснение звучит в нашу пользу, но и не делает неправыми других авторов. С точки зрения нашего вновь приобретенного знания о возникновении сновидения все противоречия соединяются без остатка. Действительно, пытаясь воспроизвести сновидение, мы его искажаем; мы снова обнаруживаем здесь то, что называли вторичной и зачастую неправильно понимаемой переработкой сновидения со стороны инстанции обычного мышления. [с. 491 и далее.] Но само это искажение есть не что иное, как часть переработки, которой закономерным образом вследствие цензуры подвергаются мысли сновидения. Авторы предполагали или замечали здесь явно действующее искажение в сновидении; для нас это мало что значит, поскольку мы знаем, что гораздо более интенсивная, но менее очевидная работа искажения уже избрала своим объектом сновидение вследствие содержащихся в нем скрытых мыслей. Авторы заблуждаются только в том, что считают модификацию сновидения при его воспроизведении в памяти и словесном выражении произвольной, то есть далее неразрешимой и, соответственно, пригодной лишь для того, чтобы в процессе его понимания сбивать нас с толку. Они недооценивают роль детерминации в психической сфере. Здесь нет ничего произвольного. Всегда можно показать, что вторая цепочка мыслей тотчас берет на себя определение элемента, который остался не определенным первой. Я хочу, например, совершенно произвольно задумать какое-нибудь число; но это невозможно; число, которое приходит мне в голову, однозначно и неизбежно обусловлено моими мыслями, которые могут быть далеки от моего намерения в данный момент [1]. Столь же мало

[1] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* Ср. «Психопатология обыденной жизни» (1901*b* [глава XII (А), № 2–7]).

произвольны и изменения, которые претерпевает сновидение, когда оно редактируется в бодрствовании. Они остаются в ассоциативной связи с содержанием, место которого занимают, и служат тому, чтобы указать нам путь к этому содержанию, которое само опять-таки может быть заменой другого.

При анализе сновидений моих пациентов я обычно не без успеха подвергаю это утверждение следующей проверке. Если рассказ о сновидении кажется мне вначале трудным для понимания, я прошу рассказчика его повторить. В редких случаях это происходит в тех же самых словах. Но те места, в которых он изменил выражение, выступают для меня в качестве слабых мест в маскировке сновидения, подобно тому, как для Хагена — вышитый знак на одеянии Зигфрида. С них-то и можно приступить к толкованию сновидения. Моей просьбой рассказчик предупрежден, что я намерен приложить особые усилия, чтобы разгадать сон; поэтому под напором сопротивления он сразу же начинает защищать слабые места в маскировке сновидения, заменяя предательское выражение отдаленным. Тем самым он обращает мое внимание на выражение, от которого он отказался. По усилиям, затраченным на защиту от разгадки сновидения, я могу судить о той тщательности, с которой соткано одеяние сна.

Менее правы авторы, когда они отводят слишком много места сомнению, которое мы испытываем, слушая рассказ о сновидении. Это сомнение лишено всякой интеллектуальной гарантии; наша память вообще не знает гарантий, и все же гораздо чаще, чем это имеет под собой объективные основания, мы считаем нужным доверять ее сведениям. Сомнение в правильной передаче сновидения или отдельных его частей опять-таки является лишь производной цензуры сновидения, сопротивления проникновению мыслей сна в сознание[1]. Это сопротивление не всегда исчерпывается вызываемыми им смещениями и замещениями; в виде сомнения оно касается затем еще и того, что было пропущено. Этого сомнения мы часто не замечаем, ибо в целях предосторожности оно всегда обращается не на интенсивные элементы сновидения, а только на слабые и неясные. Но мы теперь уже знаем, что между мыслями сновидения и самим

[1] [Относительно такого же механизма сомнения в случаях истерии см. пассаж в разделе I истории болезни «Доры» (1905*e*, *Studienausgabe*, т. 6, с. 95–96).]

сновидением произошла полная переоценка всех психических ценностей [см. с. 339]; искажение было возможно лишь благодаря лишению ценности, оно постоянно в этом выражается и порой этим довольствуется. Если к неясному элементу содержания сновидения добавляется еще и сомнение, то мы, следуя этой подсказке, можем распознать в нем непосредственную производную одной из предосудительных мыслей сновидения. Дело обстоит так, как после крупного переворота в одной из республик древности или эпохи Возрождения. Ранее господствовавшие аристократические и могущественные семьи теперь изгоняются, все высшие должности занимают выходцы из низов; в городе терпимо относятся только к полностью обнищавшим и безвластным гражданам или к дальним родственникам тех, кто был свержен. Но и они тоже не пользуются гражданскими правами в полной мере — за ними с недоверием бдят. В нашем случае место недоверия занимает сомнение. Поэтому при анализе сновидения я прошу, чтобы пациент отбросил всю целиком шкалу оценки надежности, а к малейшей возможности того, что в сновидении происходило нечто того или иного рода, относился как к достоверному факту. До тех пор, пока кто-нибудь, прослеживая элемент сновидения, не решается отказаться от своей критики, анализ здесь застопоривается. Недооценка данного элемента оказывает на анализируемого человека психическое воздействие, которое заключается в том, что ему никогда не придет на ум ни одно из нежелательных представлений, стоящих за этим элементом. Собственно говоря, такое воздействие не является естественным; не было бы ничего абсурдного в том, если бы кто-то сказал: «Было ли то или иное в сновидении, я точно не знаю, но в связи с этим мне приходит в голову следующее». Но такого он никогда не говорит, и именно это воздействие сомнения, которое мешает анализу, позволяет разоблачить его как производную и инструмент психического сопротивления. Психоанализ оправданно недоверчив. Одно из его правил гласит: *все, что мешает продолжению работы, является сопротивлением*[1].

---

[1] [*Дополнение, сделанное в 1925 году:*] Столь императивно звучащее здесь положение: «Все, что мешает продолжению работы, является сопротивлением» легко можно превратно истолковать. Разумеется, оно имеет значение всего лишь технического правила, напоминания психоаналитику. Нельзя оспаривать, что во время анализа могут случаться разные события, которые нельзя приписы-

Также и забывание сновидений остается непонятным до тех пор, пока для его объяснения не привлекается сила психической цензуры. Ощущение, будто ночью многое снилось, но сохранилось из этого очень мало, в ряде случаев может иметь иной смысл — например, тот, что работа сновидения совершалась всю ночь напролет, но она оставила после себя лишь короткое сновидение. [Ср. с. 290–291, 492 и 577.] В противном случае в том факте, что после пробуждения человек постепенно забывает свой сон, усомниться невозможно. Очень часто он забывается, несмотря на все мучительные усилия его запомнить. Однако я полагаю, что подобно тому, как объем этого забывания обычно переоценивается, точно так же переоценивается и убыток знания о сновидении, связанный с фрагментарностью последнего. Все, что утрачено в содержании сна вследствие забывания, часто можно восстановить посредством анализа; по крайней мере, во множестве случаев на основании сохранившегося фрагмента можно восстановить если не само сновидение — да и дело вовсе не в нем, — то хотя бы мысли сна. Здесь требуется большое внимание и преодоление себя в процессе анализа; все это, однако, указывает на то, что при забывании сновидения присутствует враждебный [то есть исходящий от сопротивления] умысел[1].

вать намерениям анализируемого человека. У пациента может умереть отец, которого тот не убивал, может также разразиться война, способная положить конец анализу. Но за очевидным преувеличением этого тезиса все же стоит здравый смысл. Даже если событие, ставшее помехой анализу, реально и не зависит от пациента, все-таки именно от него очень часто зависит, какое оно окажет воздействие. Сопротивление со всей очевидностью как раз и проявляется в том, что оно с готовностью и слишком рьяно ухватывается за представившуюся возможность.

[1] [*Дополнение, сделанное в 1919 году:*] В качестве примера, иллюстрирующего роль сомнения и неуверенности в сновидении при одновременном сокращении содержания сна до отдельного элемента, я заимствую из моих «Лекций по введению в психоанализ» [1916–1917, 7-я лекция, *Studienausgabe*, т. 1, с. 132–133] следующее сновидение, анализ которого после недолгой задержки все же оказался удачным:

«Одной скептически настроенной пациентке снится длинный сон, в котором некие люди рассказывают ей о моей книге "Остроумие" и очень ее хвалят. Затем что-то упоминается о "канале", возможно, о другой книге, в которой фигурирует канал, или еще что-то, связанное с каналом... она не знает... это совершенно неясно.

Убедительное доказательство тенденциозного характера забывания снов, которое служит сопротивлению[1], можно получить в ходе анализа при рассмотрении предварительной стадии забывания. Нередко бывает так, что посреди работы по толкованию неожиданно всплывает пропущенная часть сновидения, которая прежде считалась забытой. Эта часть сновидения, вырванная у забвения, каждый раз оказывается наиболее важной; она находится на кратчайшем пути к разгадке сна и поэтому больше других подвержена сопротивлению. Среди примеров снов, которые я привел в контексте данной главы, иногда случается, что одну из частей содержания сна я привожу лишь впослед-

---

Наверное, вы склонны будете предположить, что элемент "канал" не поддается толкованию, потому что он сам является весьма неопределенным. Что касается предполагаемого затруднения, то вы правы, но толкование трудно не потому, что этот элемент неясен. Напротив, он неясен по той же причине, по которой затруднено и толкование. Никакие мысли по поводу канала сновидице в голову не приходят; мне, разумеется, тоже сказать нечего. Некоторое время спустя, вернее, на следующий день, она говорит: ей пришло в голову нечто, что, *быть может,* относится к делу. А именно острота, о которой ей рассказали. На пароходе между Дувром и Кале известный писатель беседует с англичанином, который в некой связи цитирует: *"Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas"* [От великого до смешного всего один шаг. — Примечание переводчика.]. Писатель отвечает: *"Qui, le pas de Calais"* [Да, шаг до Кале — Па-де-Кале. — Примечание переводчика.]. Этим он хочет сказать, что находит Францию великой страной, а Англию — смешной. Но ведь *Pas de Calais* — канал, а именно пролив Ла-Манш, *Canal la Manche.* Не думаю ли я, что эта мысль имеет отношение к сновидению? Конечно, говорю я, она действительно объясняет загадочный элемент сновидения. Или вы сомневаетесь, что эта острота еще до сновидения присутствовала в качестве бессознательного в элементе "канал", и предполагаете, что она добавилась позднее? Пришедшая ей в голову мысль свидетельствует о скепсисе, который скрывается у нее за натужным восхищением, а сопротивление является, пожалуй, общей причиной того и другого: и того, что эта мысль пришла ей с таким опозданием, и того, что соответствующий элемент сновидения оказался таким неопределенным. Взгляните здесь на отношение элемента сна к его бессознательному. Он словно кусочек этого бессознательного, словно намек на него; благодаря своей изоляции он стал совершенно непонятным».

[1] О намерении при забывании как таковом см. мою небольшую статью о «психическом механизме забывчивости» в журнале «Monatsschrift fur Psychiatrie und Neurologie» (1898*b*). — *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* (впоследствии [с изменениями] она стала 1-й главой «Психопатологии обыденной жизни», 1901*b*).

ствии[1]. Речь идет о сновидении, приснившемся мне во время поездки, где я мщу двум моим нелюбезным попутчикам. Этот сон я оставил почти не истолкованным из-за его отчасти грубо скабрезного содержания. [Ср. с. 458 и далее.] Пропущенная часть такова: *«Я говорю по поводу книги Шиллера: "It is from...", но поправляюсь: "It is by..." Мужчина замечает сестре: "Он сказал правильно"*[2].

Самокоррекция в сновидении, кажущаяся многим авторам столь удивительной, большого интереса для нас, пожалуй, не представляет. В связи с речевыми ошибками в сновидении я лучше приведу пример из собственных воспоминаний. В девятнадцать лет я впервые оказался в Англии и провел целый день на берегу Ирландского моря. Разумеется, я был увлечен ловлей морских животных, оставшихся после отлива, и как раз разглядывал морскую звезду (сновидение начинается с: *Голлтурн-Голотурии*), когда ко мне подошла прелестная маленькая девочка и спросила: *«Is it a starfish? Is it alive?»* Я ответил: *«Yes, he is alive»*, но затем я устыдился своей ошибки и повторил фразу правильно. Речевую ошибку, совершенную мною тогда, сновидение заменяет другой, которую так же легко сделать немцу. «Книга Шиллера» следует перевести не *from...*, а *by...* После всего, что мы услышали о намерениях работы сновидения и о присущей ей бесцеремонности в выборе средств, нас уже не удивляет, что она производит эту замену, поскольку *from* благодаря созвучию с немецким прилагательным *fromm* [благочестивый] допускает грандиозное сгущение. Но что означает безобидное воспоминание о морском береге в контексте сновидения? Оно на самом невинном примере показывает, что я не в том месте употребляю *слово, имеющее род*, то есть привношу *половой*

---

[1] [Другой пример приведен на с. 172 и прим. 1; еще один пример содержится в анализе второго сновидения «Доры» (Freud, 1905*e*, раздел III, *Studienausgabe*, т. 6, с. 167, прим. 2).]

[2] [*Дополнение, сделанное в 1914 году:*] Такие исправления при употреблении иностранных языков в сновидениях не редки, но чаще они приписываются посторонним людям. Маури (1878, 143), когда он изучал английский язык, однажды приснилось, что он начал послание другому человеку словами: *«I called for you yesterday»*. И тот правильно возразил: «Следует говорить: *"I called on you yesterday"*».

аспект (he) там, где он не уместен. Но это является одним из ключей к разгадке сновидения. А кто слышал еще и о происхождении названия книги *«**Ma**tter and **Mo**tion» (**Mo**liere* в ***Ma**lade Imaginaire: La **ma**tiere est-elle laudable?*[1] — *a **mo**tion of the bowels)*, тот легко сможет дополнить недостающее[2].

Впрочем, то, что забывание сновидения большей частью есть результат сопротивления, я могу доказать посредством *demonstratio ad oculos*[3]. Пациент рассказывает, что ему что-то снилось, но сновидение забылось без следа; затем он ведет себя так, словно ничего не произошло. Мы продолжаем работу, я наталкиваюсь на сопротивление, что-то разъясняю пациенту, помогаю ему советами и увещеваниями примириться с какой-то неприятной мыслью, и едва это удалось, он восклицает: «Теперь я снова знаю, что мне снилось». То же самое сопротивление, которое мешало ему в этот день работать, заставило его забыть и сновидение. Через преодоление этого сопротивления я способствовал воскрешению в памяти сна.

Точно так же пациент, достигнув определенного места в работе, может вспомнить сон, приснившийся три, четыре и более дней назад и покоившийся доселе в забвении[4].

Психоаналитический опыт[5] предоставил нам и другое доказательство того, что забывание сновидений гораздо больше зависит от сопротивления, чем от расхождения между состояниями сна и бодрствования, как полагают авторы [см. с. 64]. Со мной, как и с другими аналитиками, а также с пациентами, про-

---

[1] [Старое медицинское выражение, означающее «В порядке ли выделения?»]

[2] [Здесь имеет место непереводимая игра слов и слогов: название книги «Matter and Motion» («Материя и движение» содержит слоги «ma» и «mo»; те же слоги имеются в имени Мольера (Moliere) и названии его пьесы «Мнимый больной» (Malade Imaginaire), а также в цитате «La matiere est-elle laudable?» и пояснении к ней «a motion of the bowels». — *Примечание редактора.*]

[3] [Наглядной демонстрации (лат.). — *Примечание переводчика.*]

[4] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Э. Джонс [1912*b*] описывает аналогичный, часто встречающийся случай, когда во время анализа сновидения вспоминается второй сон, приснившийся этой же ночью, который был позабыт и даже не вызывал на этот счет никаких подозрений.

[5] [Этот абзац был добавлен в 1911 году.]

ходящими такое лечение, нередко случается, что, проснувшись под влиянием сновидения, непосредственно вслед за этим, полностью владея своей мыслительной деятельностью, начинаем толковать сновидение. В таких случаях я часто не успокаивался до тех пор, пока не приходил к полному пониманию своего сна, и все же бывало и так, что по пробуждении я так же полностью забывал работу по толкованию, как и содержание сна, хотя и знал, что мне что-то снилось и что я истолковал сновидение. Гораздо чаще сновидение уносило с собой в забвение результат работы по толкованию, прежде чем духовной деятельности удавалось удержать сновидение в памяти. Однако между этой работой по толкованию и бодрствующим мышлением не существует той психической пропасти, которой разные авторы пытаются объяснить забывание сна. — Когда Мортон Принс [1910, 141] возражает против моего объяснения забывания снов, утверждая, что это лишь частный случай амнезии отщепленных состояний психики *(dissociated states)*, и указывая на невозможность перенести мое объяснение этой особого рода амнезии на другие типы амнезии, делая его непригодным для решения дальнейших задач, он напоминает читателю о том, что во всех своих описаниях таких состояний диссоциации он никогда не пытался найти динамического объяснения этих феноменов. Иначе он обнаружил бы, что вытеснение (или создаваемое им сопротивление) представляет собой причину как этих отщеплений, так и амнезии их психического содержания.

То, что сновидения столь же мало забываются, как и другие душевные акты, и что с точки зрения их закрепления в памяти они должны быть без каких-либо ограничений приравнены к другим результатам душевной деятельности, показывает мое наблюдение, которое мне удалось сделать при создании этой рукописи. В своих записях я сохранил множество собственных сновидений, которые раньше по каким-то причинам я истолковал лишь весьма фрагментарно или вообще не сумел подвергнуть истолкованию. Некоторые из них я попытался истолковать через год или два года, намереваясь получить материал для иллюстрации своих утверждений. Во всех без исключения случаях эта попытка мне удалась; я даже готов утверждать, что толкование спустя столь долгое время давалось легче, чем тогда, когда сновидения представляли собой свежие переживания, и в качестве возможного объяснения я хотел бы сказать, что с тех пор я избавился от разного рода сопротивлений в моей душе,

которые тогда мне мешали. В ходе таких последующих толкований я сравнивал тогдашние результаты мыслей сновидения с нынешними, как правило, более богатыми содержанием, и обнаруживал, что тогдашнее в условиях нынешнего осталось без изменений. Вскоре я перестал удивляться этому, ибо меня осенило, что ведь и со своими пациентами я давно уже упражняюсь толковать сновидения прошлых лет, которые они мне иногда рассказывают, как будто это сновидения, приснившиеся прошедшей ночью, — с помощью того же метода и с таким же успехом. При обсуждении страшных снов я приведу два примера такого запоздалого толкования. [См. с. 584 и далее.] Первый раз, когда я предпринимал такую попытку, я руководствовался обоснованным предположением, что и здесь сновидение будет вести себя точно так же, как невротический симптом. То есть, когда я лечу психоневротика, например истерию, с помощью психоанализа, я должен точно так же найти объяснение первым, давно преодоленным симптомам его недуга, как и существующим ныне, приведшим его ко мне, и я нахожу первую задачу более простой для решения, чем ту, которая неотложна сегодня. Еще в опубликованных в 1895 году «Очерках об истерии»[1] я дал объяснение первого истерического приступа, случившегося в пятнадцать лет с женщиной, которой было уже больше сорока лет, когда она проходила у меня лечение[2].

Я хотел бы здесь сделать небольшое отступление и высказать несколько замечаний, касающихся толкования сновидений, которые, возможно, сориентируют читателя, если он пожелает проконтролировать меня, дополнительно поработав над своими собственными сновидениями.

Никто не должен ожидать, что толкование его снов само собой свалится ему с неба. Уже для восприятия эндоптических

---

[1] [Breuer, Freud, 1895. Речь идет о госпоже Сесиль М., которая упоминается в конце истории болезни V.]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1919 году:]* Сны, снившиеся в первые детские годы и нередко сохранившиеся в памяти со всей свежестью чувств по прошествии десятилетий, почти всегда имеют большое значение для понимания развития и невроза сновидца. Их анализ оберегает врача от ошибок и неясностей, которые могут ввести его в заблуждение и в теоретическом плане. [Здесь, несомненно, Фрейд имел в виду прежде всего сновидение «Вольфсманна» (1918*b*).]

феноменов и других ощущений, обычно ускользающих от внимания, необходима известная тренировка, хотя ни один психический мотив этой группе восприятий сопротивления не оказывает. Гораздо сложнее овладеть «нежелательными представлениями». Кто стремится к этому, тот должен проникнуться ожиданиями, пробуждаемыми в этой главе, и, следуя правилам, даваемым здесь, будет стараться подавлять в себе во время работы всякую критику, всякую предвзятость, всякое аффективное или интеллектуальное пристрастие. Он будет помнить о наставлении Клода Бернара[1] экспериментатору, работающему в физиологической лаборатории: *«Travailler comme une bête»*[2], то есть будь настойчив, но и не заботься о результате. Тому, кто последует этим советам, эта задача уже не покажется такой трудной. Кроме того, толкование сновидения не всегда осуществляется одним махом; нередко, прослеживая цепочку мыслей, человек чувствует, что его работоспособность иссякла, и в этот день сновидение больше уже ничего ему скажет; в таком случае лучше всего — прервать работу и вернуться к ней на следующий день. Тогда внимание привлечет к себе другая часть содержания сновидения и обнаружится доступ к новому слою мыслей сновидения. Это можно назвать «фракционированным» толкованием сновидения.

Сложнее всего подвигнуть новичка в толковании сновидений к признанию того факта, что его задача не выполнена полностью, когда он имеет в руках исчерпывающее толкование сновидения, которое полно смысла, связно и дает информацию обо всех элементах содержания сна. Кроме него может быть и другое истолкование того же самого сна, которое он упустил. Действительно, нелегко составить себе представление о богатстве бессознательных мыслей, стремящихся выразиться в нашем мышлении, и поверить в умение работы сновидения благодаря многозначительности выражения, так сказать, каждый раз убивать по семь мух одним махом, подобно портняжке из сказки. Читатель всегда будет склонен упрекнуть автора в том, что он попусту расточает свое остроумие; кто сам приобрел такой опыт, убедится в своем заблуждении. [Ср. с. 307, прим.]

---

[1] [Французский физиолог (1873–1878).]

[2] [«Трудиться как зверь». — *Примечание переводчика.*]

Но, с другой стороны[1], я не могу согласиться с утверждением, которое первым высказал Г. Зильберер [например, 1914, часть II, раздел 5], что каждое сновидение — или лишь многочисленные и определенные группы снов — требует двух разных толкований, пусть даже и прочно друг с другом связанных. Одно из этих толкований, которое Зильберер называет *психоаналитическим*, дает сновидению любой, чаще всего инфантильно-сексуальный смысл, другое, более важное толкование, называемое им *анагогическим*, выявляет более серьезные, зачастую глубокие мысли, которые работа сновидения заимствовала в качестве материала. Зильберер не стал доказывать это утверждение сообщением ряда сновидений, которые бы он проанализировал в обоих направлениях. На это я должен возразить, что такого факта не существует. Большинство сновидений все же не требует двойного толкования и, в частности, не доступно анагогическому истолкованию. В теории Зильберера, как и в других теоретических построениях, появившихся в последние годы, нельзя не заметить влияние тенденции, способной завуалировать основные условия образования сновидения и отвлечь внимание от их первопричин, связанных с влечениями. Во многих случаях я сумел подтвердить данные Зильберера, и тогда анализ показывал мне, что работа сновидения выполняла задачу превратить ряд очень абстрактных и недоступных непосредственному изображению мыслей из бодрствующей жизни в сновидение. Она пыталась решить эту задачу посредством овладения другим мыслительным материалом, находившимся в более свободных, *аллегорических*, как их можно было часто назвать, отношениях с абстрактными мыслями и при этом доставлявшим меньше трудностей для изображения. Абстрактное толкование возникавшего таким образом сновидения дается сновидцем непосредственно; правильное толкование подмененного материала нужно искать с помощью известных технических средств[2].

На вопрос, можно ли истолковать любое сновидение, следует ответить отрицательно. Нельзя забывать, что во время работы по толкованию приходится бороться с психическими сила-

---

[1] [Этот абзац был добавлен в 1919 году.]

[2] [Фрейд обсуждает этот момент в пространном примечании в своей работе «Метапсихологическое дополнение к теории сновидения» (1917*d*), *Studienausgabe*, т. 3, с. 185, прим. 3.]

ми, которые повинны в искажении сновидения. Таким образом, это становится вопросом о соотношении сил — может ли человек благодаря своему интеллектуальному интересу, своей способности преодолевать себя, своим психологическим знаниям и своим навыкам в толковании сновидений справиться с внутренним сопротивлением. Отчасти это возможно всегда, по крайней мере, чтобы убедиться в том, что сновидение — это богатое смыслом образование, и, как правило, чтобы получить примерное представление об этом смысле. Очень часто последующее сновидение позволяет подтвердить и продолжить толкование первого. Целый ряд сновидений, которые простираются на несколько недель или месяцев, часто покоится на общей основе, и в таком случае они должны быть подвергнуты толкованию во взаимосвязи. [Ср. с. 208 и 370.] В сновидениях, следующих друг за другом, нередко можно заметить, что центральным пунктом одного становится то, что в следующем сновидении обозначается лишь на периферии, и наоборот, а потому оба они дополняют друг друга и при толковании. То, что различные сны, приснившиеся той же ночью, при толковании должны рассматриваться как единое целое, я уже доказал примерами [см. с. 342].

В сновидениях, истолкованных наилучшим образом, часто приходится оставлять какое-то место неясным, поскольку при толковании замечаешь, что там начинается клубок мыслей сновидения, который не желает распутываться, но и не вносит ничего нового в содержание сна. Это — пуповина сновидения, место, в котором оно соприкасается с тем, что не познано. [Ср. с. 130, прим. 1.] Мысли сновидения, на которые наталкиваешься при толковании, как правило, остаются незавершенными и разбегаются во все стороны похожего на сеть переплетения мира наших мыслей. Из более плотного места такого сплетения вырастает затем, словно гриб из мицелия, желание сновидения.

Вернемся к фактам забывания сновидений. Мы допустили одно упущение, а именно не сделали из них важного вывода. Если бодрствующая жизнь обнаруживает явное намерение забыть сон, образованный ночью, либо целиком сразу по пробуждении, либо по частям в течение дня, и если главным виновником этого забывания мы считаем психическое сопротивление сновидению, которое еще ночью сделало с ним свое дело, то возникает вопрос: что же, собственно говоря, вопреки этому сопротивлению позволило образоваться сновидению? Возьмем

самый яркий случай, когда бодрствующая жизнь устраняет сновидение, словно его вообще не было. Если при этом мы примем во внимание взаимодействие психических сил, то должны будем сказать, что сновидение вообще не возникло бы, будь сопротивление ночью таким же сильным, как днем. Наш вывод заключается в том, что ночью оно утратило часть своей силы; мы знаем, что оно не исчезло, ибо мы выявили его участие в образовании сна в виде искажения сновидения. Но напрашивается предположение, что ночью оно уменьшилось, что из-за этого ослабления сопротивления и стало возможным образование сновидения, и нам нетрудно понять, что оно, проявившись при пробуждении во всей своей силе, тотчас устраняет то, что ему пришлось допустить, пока оно было слабым. Описательная психология учит нас, что главным условием образования сновидений является состояние сна психики; мы могли бы теперь дополнить это объяснение: *состояние сна способствует образованию сновидения, ослабляя эндопсихическую цензуру.*

Разумеется, мы испытываем искушение рассматривать этот вывод как единственно возможный из фактов забывания сновидения и сделать из него дальнейшие заключения об энергетических отношениях сна и бодрствования. Однако давайте пока на этом остановимся. Если чуть больше углубиться в психологию сновидения, мы узнаем, что возможность образования сновидений можно представить себе еще и по-другому. Сопротивление осознанию мыслей сновидения можно, пожалуй, также обойти и без того, чтобы оно как таковое подверглось ослаблению. Также вполне вероятно, что оба момента, благоприятных для образования сновидения, — ослабление и обход сопротивления — одновременно становятся возможными благодаря состоянию сна. Здесь мы прервемся, чтобы через какое-то время снова вернуться к этому вопросу. [С. 575–576.]

Существует другой ряд возражений против нашего метода толкования сновидений, которыми мы должны теперь заняться. Мы поступаем следующим образом: опускаем все целевые представления, обычно господствующие над нашими размышлениями, обращаем свое внимание на отдельный элемент сновидения, а затем отмечаем, какие нежелательные мысли приходят нам на ум в связи с этим. Потом мы берем следующую составную часть содержания сновидения, повторяем с ней ту же работу и, не заботясь о направлении, в котором уводят нас

наши мысли, устремляемся вслед за ними, причем — как принято говорить — перескакиваем с пятого на десятое. При этом мы твердо уверены в том, что в конце концов безо всяких наших усилий придем к мыслям сновидения, из которых возник сон. Против этого критики возражают примерно так: в том, что от отдельного элемента сновидения можно к чему-то прийти, нет ничего удивительного. С любым представлением можно ассоциативно что-то связать; удивительно то, что при таком бесцельном и произвольном течении мыслей можно прийти именно к мыслям сновидения. Вероятно, это просто самообман; от одного элемента можно следовать по цепочке ассоциаций до тех пор, пока она по какой-то причине не обрывается; когда же затем подключается второй элемент, то совершенно естественно, что первоначальная неограниченность ассоциации претерпевает теперь сужение. У человека пока еще сохраняется прежняя цепочка мыслей, и поэтому при анализе второго представления сновидения проще натолкнуться на отдельные мысли, имеющие нечто общее и с мыслями первой цепочки. В таком случае можно вообразить, что найдена мысль, представляющая собой узловой пункт между двумя элементами сновидения. Поскольку обычно при соединении мыслей позволяют себе всякие вольности и, в сущности, исключают лишь переходы от одного представления к другим, которые вступают в силу при нормальном мышлении, то в конечном счете из ряда «промежуточных мыслей» нетрудно состряпать что-нибудь, что затем именуют мыслями сновидения и без каких-либо аргументов — поскольку обычно они не известны — выдают за психическую замену сна. Но все это — произвол и кажущееся остроумным использование случая, и каждый, кто возьмется за этот бесполезный труд, сможет таким образом выдумать любое истолкование любому сну.

Когда нам действительно выдвигаются такие возражения, мы можем в свою защиту сослаться на впечатление от наших толкований снов, на удивительные связи с другими элементами сновидения, которые выявляются при прослеживании отдельных представлений, и на невероятность того, чтобы нечто, что покрывает и объясняет сновидение столь исчерпывающе, как одно из наших толкований сна, можно было бы получить иначе, чем через прослеживание ранее созданных психических связей. В свое оправдание мы могли бы также сказать, что метод толкования сновидений идентичен методу разрешения истеричес-

ких симптомов, где правильность метода подтверждается появлением и исчезновением симптомов, где, следовательно, истолкование текста опирается на включенные иллюстрации. Но у нас нет причины избегать обсуждения проблемы того, каким образом благодаря прослеживанию произвольно и бесцельно развертывающейся цепочки мыслей можно прийти к изначально существующей цели, поскольку эту проблему мы способны если и не разрешить, то, по крайней мере, полностью устранить.

Совершенно неправильно утверждать, будто мы предаемся бесцельному течению представлений, когда, как при толковании сновидений, отказываемся от своих размышлений и даем проявиться нежелательным представлениям. Можно показать, что мы способны отказаться только от известных нам целевых представлений и что вместе с их исчезновением тут же начинают властвовать неизвестные — или, как мы не совсем правильно говорим: бессознательные — целевые представления, которые теперь и детерминируют течение нежелательных представлений. Мышления без целевых представлений посредством нашего собственного влияния на душевную жизнь нельзя создать в принципе; но мне также неизвестно, в каких состояниях психической неуравновешенности оно вообще создается иначе[1]. Пси-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Я лишь позднее обратил внимание на то, что в этом психологически важном пункте такую же точку зрения отстаивает Э. фон Гартманн: «Иногда при обсуждении роли бессознательного в художественном творчестве (1890, т. I, раздел В, глава V) Э. фон Гартманн четкими словами описывал закон ассоциации идей, управляемой бессознательными целевыми представлениями, не сознавая, однако, важности этого закона. Он стремился доказать, что "любая комбинация чувственных представлений, если она не полагается исключительно на волю случая, а должна привести к определенной цели, нуждается в содействии бессознательного" [ibid., т. I, 245] и что сознательная заинтересованность в определенном соединении мыслей служит для бессознательного стимулом для того, чтобы среди бесчисленных возможных представлений найти те, что соответствуют цели. "Именно бессознательное делает выбор сообразно с целями интереса; и это относится к *ассоциации идей при абстрактном мышлении, будь то чувственное представление или художественное комбинирование", а также в случае остроумных мыслей* [ibid., т. I, 247]. Поэтому нельзя согласиться со сведением ассоциации идей к вызываемым и вызванным представлениям в духе ассоциативной психологии в чистом виде. Такое ограничение было бы "фактически оправданным только в том слу-

хиатры слишком рано отказались здесь от прочности психической структуры. Я знаю, что беспорядочного течения мыслей, лишенного целевых представлений, не бывает при истерии и паранойе точно так же, как при образовании или при разъяснении сновидений. Пожалуй, при эндогенных психических заболеваниях оно вообще не возникает; даже делирий больных, находящихся в состоянии спутанности, согласно остроумному предположению Лере [1834, 131], полон смысла и становится для нас непонятным только вследствие пропусков. В тех случаях, где мне предоставлялась возможность делать свои наблюдения, я приходил к такому же убеждению. Делирий — это продукт цензуры, которая больше уже не старается скрывать свою власть и вместо того, чтобы содействовать переработке, устраняя то, что кажется предосудительным, бесцеремонно вычеркивает все, против чего она возражает, а затем то, что после нее осталось, оказывается бессвязным. Эта цензура ведет себя совершенно аналогично русской цензуре газет на границе, после которой иностранная пресса попадает в руки оберегаемых читателей сплошь усеянная черными полосами.

Свободное взаимодействие представлений в любой ассоциативной цепи проявляется, возможно, при деструктивных органи-

---

чае, если бы в человеческой жизни имелись состояния, в которых человек был бы свободен не только от всякой сознательной цели, но и от господства или содействия всякого бессознательного интереса, всякого настроения. Но такое состояние едва ли вообще бывает: даже если *человек полностью приписывает последовательность своих мыслей случаю или целиком предается непроизвольным мечтам фантазии, тем не менее всегда в одни часы в душе господствуют одни главные интересы, определяющие чувства и настроения, а в другое время — другие, и они всякий раз будут оказывать влияние на ассоциацию идей*". (Ibid., т. I, 246.) В наполовину бессознательных сновидениях всегда присутствуют только такие представления, которые соответствуют имеющемуся в данный момент (бессознательному) главному интересу (loc. cit.). Акцент на влиянии чувств и настроений на свободное течение мыслей делает теперь методическую процедуру психоанализа вполне обоснованной также и с точки зрения психологии Гартманна». (N. E. Pohorilles, 1913.) — Из того факта, что имя, которое мы тщетно пытаемся вспомнить, часто вдруг само собой приходит нам в голову, Дю Прель делает вывод, что существует бессознательное и тем не менее целенаправленное мышление, результат которого затем попадает в сознание (1885, 107).

ческих мозговых процессах; то, что считается таковым при психоневрозах, всегда можно объяснить воздействием цензуры на ряд мыслей, выдвигающихся на передний план под влиянием целевых представлений, которые остаются скрытыми[1]. Несомненным признаком ассоциации, лишенной целевых представлений, считалось появление друг за другом представлений (или образов), связанных так называемой поверхностной ассоциацией, то есть созвучием, неоднозначностью слова, совпадением по времени без внутренней смысловой взаимосвязи — словом, ассоциациями, которые мы позволяем себе использовать в остротах и в игре слов. Этот признак относится к соединениям мыслей, которые от элементов содержания сновидения ведут нас к промежуточным мыслям, а от них — к собственно мыслям сновидения; в многочисленных анализах сновидений мы находили примеры этого, которые должны были вызывать у нас удивление. Ни одна связь не была здесь слишком зыбкой, ни одна острота — слишком предосудительной, чтобы она не могла перебросить мостик от одной мысли к другой. Однако до правильного понимания такой терпимости не так далеко. *Всякий раз, когда один психический элемент связан с другим посредством предосудительной и поверхностной ассоциации, существует и другая — корректная и глубокая — связь между ними, которая подвергается сопротивлению цензуры*[2].

Давление цензуры, а не устранение целевых представлений и является истинной причиной господства поверхностных ассоциаций. Поверхностные ассоциации заменяют в изображении глубокие, когда цензура делает эти нормальные пути соединения непроходимыми. Это похоже на то, как если бы общее препятствие движению, например наводнение, преградило в горах большие и широкие дороги; в таком случае движение поддерживается по неудобным и крутым пешеходным тропам, по которым обычно ходил только охотник.

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* См. в этой связи блестящее подтверждение данного положения, которое представил К. Г. Юнг в результате анализов при dementia praecox (1907).

[2] [На протяжении всей этой книги Фрейд постоянно говорит и о «цензуре сновидения». Соотношение понятий «сопротивление» и «цензура» обсуждается позднее в «Новом цикле лекций по введению в психоанализ» (29-я лекция, 1933*a*, *Studienausgabe*, т. I, с. 458–459, 461 и далее.]

Здесь можно разграничить два случая, которые, в сущности, представляют собой единое целое. Либо цензура направляется лишь против соединения двух мыслей, которые, будучи отделенными друг от друга, возражения не вызывают. В таком случае обе мысли друг за другом попадают в сознание; их взаимосвязь остается скрытой. Но зато мы замечаем поверхностную связь между ними, про которую иначе мы бы и не подумали и которая, как правило, присоединяется к другому краю комплекса представлений, а не к тому, откуда исходит подавленная, но важная связь. Либо же обе мысли сами по себе подлежат цензуре из-за своего содержания. В таком случае обе они проявляются не в истинной, а в модифицированной, замененной форме, а обе замещающие мысли выбираются таким способом, что посредством поверхностной ассоциации они воспроизводят важную связь, в которой находятся замененные ими мысли. *Под давлением цензуры в обоих случаях произошло смещение с нормальной, существенной ассоциации к ассоциации поверхностной, кажущейся абсурдной.*

Поскольку мы знаем об этих смещениях, при толковании сновидений мы безо всяких сомнений доверяемся и поверхностным ассоциациям[1].

Обоими положениями, что с устранением сознательных целевых представлений власть над течением представлений переходит к скрытым представлениям и что поверхностные ассоциации представляют собой лишь заменяющее смещение для подавленных более глубоких ассоциаций, психоанализ неврозов пользуется самым активным образом. Более того, два этих положения он кладет в основание своей техники. Побуждая паци-

---

[1] Эти же рассуждения относятся, разумеется, также к случаю, когда поверхностные ассоциации обнаруживаются в содержании сновидения, как, например, в обоих сновидениях, сообщенных Маури (с. 78; *pelerinage — Пелетье — pelle; километр — килограмм — Гилоло — лобелия — Лопес — лото*). Из работы с невротиками я знаю, какая реминисценция любит изображать себя таким образом. Это воспоминание об изучении энциклопедического словаря (и словарей вообще), из которого большинство в период подросткового любопытства удовлетворяли свою потребность в разъяснении сексуальных тайн. [Подобный пример содержится в анализе второго сновидения «Доры» (Freud, 1905e, раздел III. *Studienausgabe,* т. 6. с. 166 и далее).]

ента отбросить всякие раздумья и рассказывать мне все, что ему приходит на ум, я придерживаюсь предположения, что он не может отрешиться от представлений о цели лечения, и считаю себя вправе сделать из этого вывод, что все, о чем он мне сообщает, даже кажущееся самым безобидным и произвольным, находится во взаимосвязи с его болезненным состоянием. Второе целевое представление, о котором пациент и не подозревает, — это представление о моей персоне. Полная оценка, а также подробное доказательство обоих объяснений относится, следовательно, к описанию психоаналитической техники как терапевтического метода. Мы подошли здесь к одной из точек соприкосновения, где мы намеренно оставляем тему толкования сновидений [1].

Верно только одно, и это остается несомненным, а именно: нам не нужно переносить все мысли работы по толкованию в ночную работу сновидения. [Ср. с. 291 и 321.] При толковании в бодрствовании мы идем путем, который от элементов сновидения ведет назад к мыслям сновидения. Работа сновидения следовала обратным путем, и маловероятно, чтобы эти пути можно было пройти в обратном направлении. Скорее оказывается, что днем мы пробиваем шахтные стволы через новые соединения мыслей, которые то в одном месте, то в другом соприкасаются с промежуточными мыслями и мыслями сновидения. Мы можем увидеть, как свежий мыслительный материал дня включается в ряды толкования, и, вероятно, также и усиление сопротивления, возникшее по прошествии ночи, заставляет нас искать новые, более далекие обходные пути. Однако количество и характер коллатералей, которые появляются у нас днем, в психологическом отношении не имеют никакого значения, если только они ведут нас по пути к искомым мыслям сновидения.

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* Приведенные здесь положения, в то время казавшиеся неправдоподобными, впоследствии были экспериментально подтверждены и использованы в «диагностических исследованиях ассоциаций», проведенных Юнгом и его учениками. [Jung, 1906.]

Б
Регрессия

Теперь, оградив себя от возможных возражений или, по крайней мере, указав, где хранится наше оружие для защиты, мы можем непосредственно перейти к психологическому исследованию, к которому мы долго готовились. Подытожим результаты нашего предшествующего исследования. Сновидение — это полноценный психический акт; его движущей силой всякий раз является желание, которое необходимо исполнить; под влиянием психической цензуры, которое испытывает сновидение при своем образовании, оно становится неузнаваемым как желание, и именно этим влиянием объясняются его многочисленные странности и абсурдности; помимо необходимости избежать этой цензуры, при его образовании свою лепту вносят необходимость сгущения психического материала, учет изобразительных возможностей в символах и — хотя и не всегда — учет рациональных и понятных внешних форм выражения. От каждого из этих положений путь ведет далее к психологическим постулатам и предположениям; взаимоотношения мотива желания и четырех этих условий, а также взаимоотношения последних между собой необходимо исследовать; само сновидение нужно включить во взаимосвязь душевной жизни.

В начале этого раздела [этой главы] [с. 511–512] мы привели сновидение, чтобы напомнить о загадке, решить которую нам еще предстоит. Толкование этого сновидения о горящем ребенке не доставило нам трудностей, хотя оно и не было дано полностью в нашем значении. Мы задали себе вопрос, почему здесь человек вообще видел сон вместо того, чтобы проснуться, и в качестве мотива сновидца выявили желание представить ребенка живым. То, что при этом определенную роль играет еще и другое желание, мы сможем увидеть после наших рассуждений, приведенных позднее [см. с. 572–573]. Итак, прежде всего именно ради исполнения желания мыслительный процесс во сне превратился в сновидение.

Если проделать обратный путь, то остается лишь еще одна особенность, разграничивающая два вида психического события. Мысль сновидения гласит: «Я вижу свет из комнаты, в которой лежит тело; быть может, упала свеча, и ребенок горит!» Сновидение воспроизводит результат этого рассуждения в неизменном виде, но изображает его в ситуации, которую следует

воспринимать в настоящем времени с помощью органов чувств, как переживание в бодрствовании. Но это является самой общей и самой характерной психологической особенностью сновидения; мысль, как правило, желанная, в сновидении объективируется, изображается в виде сцены или, как мы полагаем, переживается.

Как объяснить эту характерную особенность сновидения или — выражаясь скромнее — включить ее во взаимосвязь психических процессов?

При ближайшем рассмотрении можно заметить, что в форме проявления этого сна выражены две почти независимые друг от друга особенности. Первая из них — изображение в виде настоящей ситуации с опущением слов «быть может»; вторая — превращение мысли в зрительные образы и в речь.

Преобразование, которому подвергаются мысли сновидения в результате того, что выражаемое в них ожидание переносится в настоящее время, именно в этом сновидении, пожалуй, не столь очевидно. Это связано с особой, собственно говоря, второстепенной ролью исполнения желания в этом сне. Возьмем другое сновидение, например, об инъекции Ирме [с. 125 и далее], в котором желание не отличается от продолжения во сне мыслей, имевшихся в бодрствовании. Здесь изображаемая в сновидении мысль представляет собой желательное наклонение: «Эх, если бы Отто был виноват в болезни Ирмы!» Сновидение вытесняет желательное наклонение и заменяет его настоящим временем: «Да, Отто виноват в болезни Ирмы». Следовательно, это и есть первое превращение, которое даже свободный от искажений сон производит с мыслями сновидения. На этой первой особенности сновидения мы долго останавливаться не будем. Разве что мы укажем на сознательную фантазию, на дневную грезу, которая точно так же обходится с содержанием своих представлений. Когда герой Доде М. Жуайез[1] праздно разгуливает по улицам Парижа, в то время как его дочери думают, что он на службе и сидит в своем бюро, он тоже в настоящем времени грезит о происшествиях, которые помогут ему найти протекцию и устроиться на службу. Следовательно, сновидение использует настоящее время таким же образом и с тем же правом, что и дневная греза. Настоящее — это временная форма, в которой желание изображается как исполненное.

---

[1] [В «Набобе» (ср. с. 494 выше).]

Самому сновидению, в отличие от дневной грезы, присуща, однако, вторая особенность. Она заключается в том, что содержание представления не обдумывается, а превращается в чувственные образы, в которые сновидец верит и которые, как ему кажется, он переживает. Добавим сразу, что не во всех сновидениях происходит превращение представления в чувственный образ; есть сновидения, состоящие только из мыслей, но при этом главные особенности сновидений все же в них сохраняются. Мое сновидение «*автодидаскер* — дневная фантазия о профессоре Н. [с. 308 и далее]» относится к числу таковых; в нем едва ли подмешано больше чувственных элементов, чем если бы я продумывал его содержание днем. Кроме того, в каждом более продолжительном сновидении есть элементы, которые не трансформировались в чувственные образы, которые просто обдумываются или осознаются, как мы привыкли к этому в бодрствовании. Далее, мы хотим здесь же обратить внимание на то, что такое превращение представлений в чувственные образы присуще не только сновидению, но и галлюцинации, видениям, которые сами по себе возникают у здоровых людей либо в виде симптомов психоневрозов. Словом, отношения, которые мы здесь исследуем, ни в одном направлении не являются исключительными; вместе с тем эта особенность сновидения, если она имеет место, кажется нам наиболее примечательной, а потому невозможно представить себе, чтобы жизнь во сне была ее лишена. Однако чтобы ее понять, необходимы специальные пояснения.

Из всех замечаний, касающихся теории сновидения, которые можно встретить у авторов, я хотел бы выделить здесь одно как имеющее к этому отношение. Великий Фехнер в своей «Психофизике» (1889, т. 2, 520–521) в контексте рассуждений по поводу сновидений высказывает предположение, что *место действия сновидений иное, чем у жизни представлений в бодрствовании*. [Ср. выше, с. 67.] Ни одна другая гипотеза не позволяет нам понять особые свойства жизни сновидений.

Идея, которая, таким образом, имеется в нашем распоряжении, — это идея о *психической локальности*. Мы хотим полностью оставить в стороне то, что душевный аппарат, о котором здесь идет речь, известен нам в качестве анатомического органа, и хотим пресечь всякую попытку определить психическую локальность анатомически. Мы остаемся на психологической почве и собираемся только следовать требованию, что мы

представляем себе инструмент, служащий целям душевной деятельности, подобно собранному микроскопу, фотографическому аппарату и т.п. Психическая локальность соответствует в таком случае той части этого аппарата, в которой осуществляется одна из предварительных стадий создания образа. У микроскопа и подзорной трубы это, как известно, в какой-то мере воображаемые места и области, в которых не расположена ни одна конкретная составная часть аппарата. Просить извинения за несовершенство этих и всех аналогичных образных сравнений я считаю излишним. Эти сравнения должны лишь помочь нашей попытке понять всю сложность психической деятельности, разложив эту деятельность на составные части и приписав отдельные функции отдельным частям аппарата. Попытаться понять, из чего состоит душевный инструмент, путем подобного разложения, насколько я знаю, пока еще никто не отважился. Мне кажется, что в такой попытке нет ничего плохого. Я думаю, что мы вправе дать свободу нашим предположениям, если только сохраним при этом наш трезвый рассудок и не примем строительные леса за само строение. Поскольку для первого приближения к неизвестному нам не потребуется ничего, кроме вспомогательных представлений, то вначале мы предпочтем всем остальным самые грубые и конкретные предположения.

Итак, мы представляем себе психический аппарат в виде сложного инструмента, составные части которого мы назовем *инстанциями* или — наглядности ради — *системами*. Затем предположим, что эти системы имеют константную пространственную ориентацию по отношению друг к другу, подобно тому, например, как расположены различные системы линз подзорной трубы. Строго говоря, нам не обязательно выдвигать гипотезу о действительном *пространственном* расположении психических систем. Нам будет достаточно, если четкая очередность создается тем, что при известных психических процессах системы возбуждаются в определенной *временной* последовательности. При других процессах эта последовательность может претерпевать изменения; такую возможность мы оставляем открытой. Составные части аппарата краткости ради мы будем называть «ψ-системами».

Первое, что бросается нам в глаза: этот аппарат, состоящий из «ψ-систем», имеет определенное направление. Вся наша психическая деятельность начинается с (внутренних и внешних) раз-

дражителей и заканчивается иннервациями[1]. Тем самым мы приписываем аппарату два окончания — чувствительное и моторное; на чувствительном конце находится система, получающая восприятия, на моторном — другая система, открывающая шлюзы подвижности. Психический процесс протекает, как правило, от воспринимающего окончания к моторному. Таким образом, самая общая схема психического аппарата имеет следующий вид:

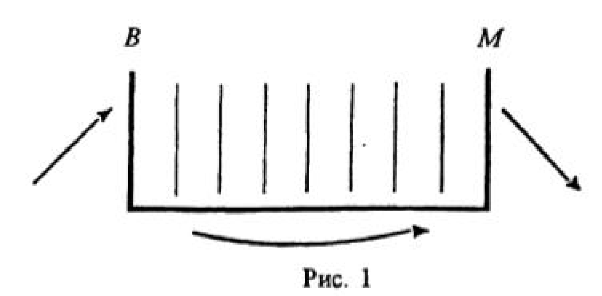

Рис. 1

Но это является лишь исполнением давно уже нам знакомого требования, что психический аппарат должен быть сконструирован, как рефлекторный аппарат. Рефлекторный процесс остается прототипом всей психической деятельности.

У нас есть теперь основание допустить, что на чувствительном конце происходит первая дифференциация. От подступающих к нам восприятий в нашем психическом аппарате остается след, который мы можем назвать *«следом воспоминания»*. Функцию, относящуюся к этому следу воспоминания, мы назовем «памятью». Если мы серьезно намерены связать психические процессы с системами, то след воспоминания может существовать только в виде сохраняющихся изменений элементов систем. Это, как уже отмечалось другой стороной[2], создает оп-

---

[1] [Термин «иннервация» неоднозначен. Часто он понимается в структурном значении и в таком случае означает анатомическое упорядочивание нервов в организме или в области тела. Фрейд нередко (но не исключительно) употребляет его в смысле транспортировки энергии к нервной системе или (как в вышеупомянутом случае) — к *эфферентной* системе, чтобы описать процесс, направленный на отвод энергии.]

[2] [Брейером в примечании в разделе I его теоретической части (Breuer, Freud, 1895), где он помимо прочего пишет: «Зеркало телескопа не может быть одновременно фотографической пластиной».]

ределенные затруднения, поскольку одна и та же система должна в точности сохранять изменения своих элементов и вместе с тем должна быть готова воспринимать новые поводы к изменению. В соответствии с принципом, которым мы руководствуемся в своем опыте, две эти функции мы разделим между двумя различными системами. Мы предположим, что первая система аппарата воспринимает раздражители, но не сохраняет их, то есть не обладает памятью, и что за ней располагается вторая система, превращающая мгновенное возбуждение первой в прочные следы. В таком случае наш психический аппарат будет иметь следующий вид (рис. 2):

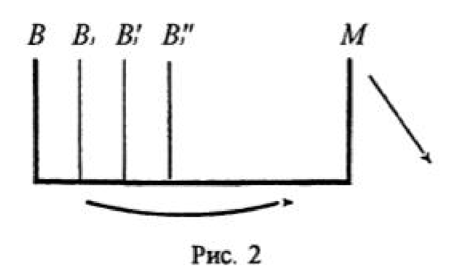

Рис. 2

Известно, что из восприятий, воздействующих на систему *В*, помимо их содержания сохраняется еще и нечто другое. Наши восприятия оказываются также связанными друг с другом в памяти, а именно прежде всего их совпадением по времени. Это мы называем фактом *ассоциации*. Очевидно, что, если система *В* вообще не обладает памятью, то она и не может сохранять следов для ассоциации; отдельные *В*-элементы были бы парализованы в своей функции, если бы в новое восприятие привносился остаток предыдущей связи. Поэтому основой ассоциации мы, скорее, должны считать систему воспоминаний. Факт ассоциации заключается тогда в том, что вследствие уменьшения сопротивления и прокладки пути возбуждение от одного *Вз*-элемента скорее передается второму элементу, а не третьему.

При ближайшем рассмотрении возникает необходимость предположить наличие не одного, а нескольких таких *Вз*-элементов, в которых одно и то же возбуждение, вызванное *В*-элементами, фиксируется по-разному. Первая из этих *Вз*-систем всякий раз будет содержать фиксацию ассоциации по *одновременности*, в системах, более отдаленных, этот же материал воспо-

минаний упорядочивается в соответствии с другими видами совпадения, а потому, например, отношения сходства, в частности, изображаются этими последующими системами. Разумеется, излишне было бы определить психическое значение этой системы словами. Ее характеризует тесная взаимосвязь с элементами сырого материала воспоминаний, то есть, если мы обратимся к общей теории, — градация сопротивления проводимости в соответствии с этими элементами.

Здесь следовало бы включить одно замечание общего характера, указывающее, возможно, на нечто важное. *В*-система, не обладающая способностью сохранять изменения, то есть памятью, дает нашему сознанию все многообразие чувственных качеств. И наоборот, наши воспоминания, не исключая и запечатлевшихся самым глубоким образом, сами по себе являются бессознательными. Они могут стать осознанными; однако не подлежит сомнению, что в бессознательном состоянии они оказывают все свое воздействие. То, что мы называем нашим характером, основывается на следах воспоминаний о впечатлениях, а именно о впечатлениях, которые сильнее всего на нас подействовали, о впечатлениях нашей юности, которые почти никогда не осознаются. Но, если эти воспоминания снова становятся осознанными, они не проявляют чувственных качеств, или же эти качества оказываются весьма незначительными по сравнению с восприятиями. Если бы теперь удалось подтвердить, *что память и качество исключают друг друга для сознания в ψ-системах*, то мы бы получили тогда важные сведения об условиях возбуждения нейронов[1].

То, что мы до сих пор предполагали, говоря о конструкции психического аппарата в его чувствительной части, не имело

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1925 году:]* Впоследствии я пришел к выводу, что сознание возникает как раз на *месте* следа воспоминания. (См. «Заметку о "Чудо-блокноте"», 1925*a*) [Ср. в этой связи главу IV в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*), где рассматривается этот тезис. — Все приведенные выше рассуждения о памяти становятся понятными, если обратиться соответствующим двум пассажам в упомянутых более поздних работах Фрейда. Они становятся еще более понятными в свете представлений Фрейда, изложенных в его письмах Флиссу (Freud, 1950*a*). См., например, 1-ю часть 3-го раздела «Проекта психологии» (написанного осенью 1895 года), а также письмо № 52 (от 6 декабря 1896 года).]

отношения к сновидению и к выводимым из него психологическим объяснениям. Для понимания другой части этого аппарата источником доказательств послужит нам сновидение. Мы видели [с. 161–162], что не можем объяснить образование сновидения, не выдвинув предположения о существовании двух психических инстанций, одна из которых подвергает деятельность другой строгой критике, в результате чего она не допускается в сознание.

Мы сделали вывод, что критикующая инстанция поддерживает более тесные отношения с сознанием, чем критикуемая. Она, словно ширма, располагается между нею и сознанием. Далее, мы нашли отправные точки [с. 491], позволяющие отождествить критикующую инстанцию с тем, что управляет нашей жизнью в бодрствовании и определяет наше произвольное, сознательное поведение. Если теперь мы заменим эти инстанции в рамках наших гипотез системами, то благодаря последнему из упомянутых выводов критикующая система сместится к моторному концу. Включим теперь обе эти системы в нашу схему и выразим их отношение к сознанию с помощью присвоенных им названий (рис. 3):

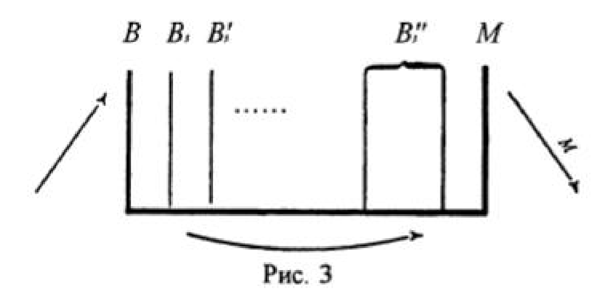

Рис. 3

Последнюю из систем на моторном конце мы называем *предсознательным*, чтобы указать на то, что процессы возбуждения в ней безо всякой задержки могут достигать сознания, если при этом выполнены определенные условия, например, достижение известной степени интенсивности, известное распределение той функции, которую следует назвать вниманием [см. с. 593], и т.п. Вместе с тем это и есть та система, которая владеет ключом к произвольной моторике. Систему, расположенную за ней, мы называем *бессознательным*, поскольку она не имеет иного доступа к сознанию, *кроме как через предсо-*

знательное, при прохождении через которое процесс ее возбуждения подвергается изменениям[1].

В какую из этих систем мы поместим теперь импульс к образованию сновидения? Простоты ради — в систему *Бсз*. Правда, в дальнейшем изложении мы увидим, что это не совсем верно, что при образовании сновидения приходится соприкасаться с мыслями, относящимися к системе предсознательного [с. 564]. Однако в другом месте, когда пойдет речь о желании в сновидении, мы узнаем, что движущая сила сновидения берется из системы *Бсз* [с. 562–563], и именно из-за этого последнего момента мы склонны предположить, что бессознательная система представляет собой исходный пункт сновидения. Это возбуждение в сновидении, как и все остальные мыслительные образования, обнаруживает стремление попасть в *Псз*, а от него получить доступ в сознание.

Как показывает нам опыт, днем этот путь, ведущий из предсознательного в сознание, из-за цензуры сопротивления для мыслей сновидения закрыт. Ночью же они создают себе доступ к сознанию, однако возникает вопрос: каким образом и благодаря каким изменениям? Будь это возможным в результате того, что сопротивление, бдящее на границе между бессознательным и предсознательным, ночью ослабевает, то мы получали бы сновидения в материале наших представлений, которые не носили бы интересующего нас здесь галлюцинаторного характера.

Следовательно, ослабление цензуры между системами *Бсз* и *Псз* может нам объяснить образование лишь таких сновидений, как *«автодидаскер»*, но не сновидение, например, о *горящем ребенке*, которое мы поставили как проблему в начале наших изысканий.

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1919 году:]* При дальнейшем использовании этой линейно развернутой схемы необходимо считаться с предположением, что система, следующая за *Псз*, — это система, к которой мы должны отнести сознание, то есть что *В* = *Сз*. [См. ниже с. 614 и далее. Более подробное обсуждение этой идеи см. в метапсихологической работе Фрейда о сновидениях (1917*d*). — В более позднем схематическом изображении душевного аппарата в работе «Я и Оно» (1923*b*), 2-я глава, которое он воспроизводит (с некоторыми изменениями) также в «Новом цикле лекций» (1933*a*), 31-я лекция (*Studienausgabe*, т. I, с. 515), акцент скорее делается на структуре, а не на функции.]

То, что происходит в галлюцинаторном сновидении, мы не можем описать иначе, как следующими словами: возбуждение следует *обратным* путем. Вместо моторного конца аппарата оно распространяется к чувствительному и в конце концов достигает системы восприятия. Если направление, по которому психический процесс протекает из бессознательного в бодрствовании, мы назовем *прогредиентным*, то о сновидении мы можем сказать, что оно имеет *регредиентный* характер[1].

В таком случае эта регрессия, несомненно, является одной из психологических особенностей процесса сновидения; но мы не должны забывать, что она присуща не только сновидениям. Также и намеренное припоминание и другие частные процессы нашего обычного мышления соответствуют обратному движению в психическом аппарате от какого-либо комплексного акта представления к сырому материалу следов воспоминаний, лежащих в его основе. Однако в бодрствовании это возвращение никогда не выходит за образы воспоминаний; оно не способно привести к галлюцинаторному оживлению образов восприятия. Но почему в сновидении дело обстоит иначе? Когда мы говорили о работе сгущения в сновидении, мы не могли избежать предположения, что в результате работы сновидения интенсивность одних представлений полностью переносится на другие [с. 338–339]. Вероятно, в этом и состоит изменение обычного психического процесса, которое позволяет катектировать систему *В* в обратном направлении — от мыслей до полной живости чувственных впечатлений.

Я надеюсь, мы далеки от того, чтобы питать иллюзии относительно значимости этих утверждений. Мы сделали не что иное, как дали название необъяснимому явлению. Когда в сновидении

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Первое указание на момент регрессии можно встретить еще у Альбертуса Магнуса. *Имагинация*, как он называет это, создает сновидение из сохранившихся в памяти образов видимых объектов. Процесс осуществляется обратным путем по сравнению с бодрствованием (см. Diepgen, 1912, 14). — Гоббс (в «Левиафане», 1651 [1-я часть, 2-я глава]) утверждает: *«In sum, our dreams are the reverse of our waking imaginations, the motion, when we are awake, beginning at one end, and when we dream another». [«В целом, наши сновидения — это противоположность наших представлений в бодрствовании; движение начинается с одного конца, когда мы бодрствуем, и с другого — когда видим сны».]* (См. H. Ellis, 1911, 112.)

представление обратно превращается в чувственный образ, из которого оно когда-то возникло, мы называем это регрессией. Но и этот шаг нуждается в обосновании. Зачем давать название, если оно не приносит нам ничего нового? Но я полагаю, что слово «регрессия» служит нам в том отношении, что оно связывает известный нам факт со схемой душевного аппарата, имеющего некое направление. Здесь, однако, впервые оправдывает себя то, что мы выстроили такую схему. Ибо другая особенность образования сновидения становится нам понятной без каких-либо новых пояснений при помощи одной только схемы. Если мы рассматриваем процесс сновидения как регрессию внутри предполагаемого нами душевного аппарата, то нам сразу становится понятным эмпирически установленный факт, что все взаимосвязи мыслей сновидения в ходе работы сновидения пропадают или лишь с огромным трудом находят свое выражение [с. 321–322]. В соответствии с нашей схемой, эти мыслительные взаимосвязи содержатся не в первых *Вз*-системах, а в последующих, и при регрессии к образам восприятия они лишаются своего выражения. *Структура мыслей сновидения при регрессии к своему сырому материалу распадается.*

Но вследствие каких изменений регрессия, невозможная днем, становится возможной? Здесь мы хотели ограничиться предположениями. Речь идет, пожалуй, об изменениях катексисов энергии в отдельных системах, в результате которых они становятся более или менее удобными для прохождения возбуждения; но в любом подобном аппарате один и тот же эффект в отношении пути возбуждения может достигаться изменениями разного рода. Разумеется, сразу же возникает мысль о состоянии сна и об изменениях катексиса, которые оно вызывает в чувствительном конце аппарата. Днем имеет место непрерывно текущий поток от «ψ-системы» *В* к подвижности; ночью он прекращается и уже не может препятствовать обратному потоку возбуждения. Это и есть та «отгороженность от внешнего мира», которая, по теории некоторых авторов, должна объяснять психологические особенности сновидения (ср. с. 69–70). Однако при объяснении регрессии сновидения необходимо учитывать и те другие регрессии, которые возникают при болезненных состояниях в бодрствовании. Разумеется, при таких формах указанное положение оказывается неверным. Регрессия возникает, несмотря на непрерывный чувственный поток в прогредиентном направлении.

Для галлюцинаций при истерии и паранойе, а также для видений психически нормальных людей я могу дать следующее объяснение: они действительно соответствуют регрессиям, то есть представляют собой мысли, превращенные в образы, этому превращению подвергаются только такие мысли, которые находятся в тесной взаимосвязи с подавленными и оставшимися бессознательными воспоминаниями. Например, одному из моих самых юных больных истерией, двенадцатилетнему мальчику, мешают заснуть *«зеленые лица с красными глазами»*, которых он боится. Источник этого феномена — подавленное, но когда-то осознанное воспоминание об одном мальчике, которого он часто видел четыре года назад. Он представлял собой для него устрашающую картину дурных детских привычек, в том числе онанизма, из-за которого он сам теперь испытывал постоянные угрызения совести. Мать тогда заметила, что невоспитанные мальчики имеют *зеленоватый* цвет лица и *красные* (то есть *с красной каймой*) глаза. Отсюда и ужасный призрак, который, впрочем, предназначен лишь для того, чтобы напоминать ему другое предсказание матери — что такие мальчики становятся глупыми, не могут учиться в школе и рано умирают. У нашего маленького пациента сбылась одна часть пророчества: он больше не ходит в гимназию и боится, как показывает анализ его нежелательных мыслей, исполнения второй. Однако спустя короткое время лечение дает результат: он спит, становится менее тревожным и заканчивает учебный год с хорошими отметками в табеле.

Я могу сюда же присоединить разгадку одного видения, о котором мне рассказала сорокалетняя истерическая больная. Это видение возникло у нее еще в те дни, когда она была здоровой. Однажды утром она раскрывает глаза и видит в комнате своего брата, который, однако, как ей известно, находится в доме для умалишенных. Рядом с ней в постели спит ее маленький сын. Чтобы ребенок не *испугался* и чтобы с ним не *случились судороги,* если он увидит *дядю*, она накрывает его *одеялом*, и затем видение исчезает. Это видение представляет собой переработку детского воспоминания женщины, которое хотя и было сознательным, все же находилось в самой тесной взаимосвязи со всем бессознательным материалом в ее душе. Ее нянька рассказывала ей, что ее рано умершая мать (она умерла, когда самой пациентке было всего полтора года) страдала эпилептическими или истерическими *судорогами*, которые возникли у нее после того, как ее брат (*дядя* моей пациентки) напугал ее, явившись в

комнату в виде привидения с *одеялом* на голове. Видение содержит те же элементы, что и воспоминание: появление брата, одеяло, испуг и его последствия. Однако эти элементы упорядочены в новую взаимосвязь и перенесены на других людей. Очевидным мотивом видения, замененной им мыслью, является обеспокоенность тем, что ее маленький сын, внешне так похожий на дядю, может разделить его участь.

Оба приведенных здесь примера связаны с состоянием сна и, возможно, непригодны для нужного мне доказательства. Поэтому я сошлюсь на свой анализ одной галлюцинирующей паранойяльной больной[1] и на результаты моих пока еще не опубликованных исследований по психологии психоневрозов[2], чтобы подтвердить, что в этих случаях регредиентного превращения мыслей нельзя упускать из виду влияние подавленного или оставшегося бессознательным, как правило, детского воспоминания. Это воспоминание словно вовлекает связанную с ним мысль, не нашедшую выражения под воздействием цензуры, в регрессию, в такую форму изображения, в которой оно само психически присутствует. В качестве вывода из своих исследований истерии я могу здесь указать[3], что детские сцены (будь то воспоминания или фантазии), если удается сделать их осознанными, видятся галлюцинаторно и только при рассказе о них утрачивают этот характер. Известно также, что даже у лиц, которые обычно не обладают хорошей зрительной памятью, самые ранние детские воспоминания до поздних лет сохраняют характер чувственной живости.

Если вспомнить о том, какая роль в мыслях сновидения принадлежит детским переживаниям или основанным на них фантазиям, как часто в содержании сновидения появляются их фрагменты, как часто по ним можно сделать вывод о самих желаниях, то и в отношении сновидения нельзя отрицать возможности того, что превращение мыслей в зрительные образы есть следствие *притягательной силы*, которой обладает визуально представленное воспоминание для стремящихся к оживлению и пытающихся найти выражение оторванных от сознания мыслей. В соответствии с этим воззрением сновидение можно также описать

---

[1] «Еще несколько замечаний о защитных невропсихозах» (1896*b*) [раздел III].

[2] [Публикации под этим названием не существует.]

[3] [См. «Очерки об истерии» Брейера и Фрейда, 1895 — например, описанную Брейером историю болезни «Анны О.».]

как замену детской сцены путем переноса ее на недавние события. Детская сцена не может быть воспроизведена; ей приходится довольствоваться возвращением в форме сновидения.

Указание на определенное значение детских сцен (или их повторений в фантазиях) как образцов для содержания сновидения делает излишним одно из предположений Шернера и его сторонников, касающихся внутренних источников раздражения. Шернер [1861] говорит о состоянии «зрительного раздражения», внутреннем возбуждении в зрительном органе, когда сновидения обнаруживают особую живость своих зрительных элементов или особое обилие таковых [ср. выше, с. 239]. Нам не нужно противиться такому предположению, и мы можем, например, ограничиться констатацией того, что такое состояние возбуждения относится лишь к психической системе восприятия органа зрения. Заметим, однако, что это состояние возбуждения вызвано воспоминанием и представляет собой освежение актуального в свое время зрительного возбуждения. В моем опыте нет ни одного хорошего примера такого влияния детского воспоминания; по сравнению с другими людьми мои сновидения вообще менее богаты чувственными элементами. Однако в одном из самых красивых и ярких сновидений этих последних лет мне будет нетрудно свести галлюцинаторную четкость содержания сновидения к чувственным качествам свежих, недавно возникших впечатлений. На с. 466 и далее я упомянул один сон, в котором темно-голубой цвет воды, коричневый дым из труб пароходов и мрачные коричневый и красный цвета увиденных мною строений произвели на меня глубокое впечатление. Это сновидение, должно быть, объясняется зрительным раздражением. Но что повергло мой орган зрения в это состояние возбуждения? — Одно недавнее впечатление, соединившееся с рядом более ранних. Краски, которые я видел во сне, относились к цветам кубиков «конструктора», из которых дети накануне моего сновидения воздвигли грандиозное сооружение, вызвав у меня восхищение. Большие кубики были точно такого же темного красного цвета, а маленькие — голубого и коричневого. К этому присоединились красочные впечатления от последнего путешествия по Италии — прекрасная голубизна Исонцо и лагуны и коричневые цвета Карста[1]. Красочность сновидения была лишь повторением виденного в воспоминании.

---

[1] [Известковое плато возле Триеста.]

Подытожим то, что мы узнали о способности сновидения переводить содержание своих представлений в чувственные образы. Мы не стали объяснять эту особенность работы сновидения, попытавшись свести ее, например, к известным законам психологии, а просто выхватили ее как указывающую на непонятные отношения и обозначили как имеющую *«регредиентный»* характер. Мы полагали, что везде, где встречается эта регрессия, она представляет собой следствие сопротивления, противодействующего проникновению мысли в сознание обычным путем, и вместе с тем притягательной силы, которой для нее обладают имеющиеся чувственные воспоминания[1]. В случае сновидения регрессию могло бы облегчить к тому же прекращение прогредиентного дневного потока от органов чувств; при других формах регрессии этот вспомогательный момент должен компенсироваться усилением других регрессивных мотивов. Не забудем также отметить, что в таких патологических случаях регрессии, как в сновидении, процесс переноса энергии может быть не таким, как при регрессии в нормальной душевной жизни, поскольку в результате него становится возможным полный галлюцинаторный катексис систем восприятии. То, что при анализе работы сновидения мы описывали как «учет изобразительных возможностей», может, пожалуй, быть связано с *избирательной притягательностью* зрительно припоминаемых сцен, затронутых мыслями сновидения.

По поводу регрессии мы хотим также заметить[2], что в теории образования невротических симптомов она играет не менее важную роль, чем в теории сновидений. Поэтому мы различаем три вида регрессии: а) *топическую* — в смысле представленной здесь схемы ψ-систем, б) *временную*, поскольку речь здесь идет об обращении к более старым психическим образованиям, и в) *формальную*, когда примитивные способы выражения и

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* При изложении теории вытеснения следовало бы отметить, что мысль оказывается вытесненной вследствие взаимодействия двух влияющих на нее моментов. С одной стороны (цензуры *Сз*) она отталкивается, с другой (*Бсз*) — притягивается, то есть это похоже на ситуацию, когда попадаешь на вершину большой пирамиды. *[Дополнение, сделанное в 1919 году:]* (Ср. статью «Вытеснение», 1915*d [Studienausgabe*, т. 3, с. 109 и прим. 3].)

[2] [Этот абзац был добавлен в 1914 году.]

изображения заменяют привычные. Все три вида регрессии составляют, в сущности, единое целое и в большинстве случаев совпадают, ибо более давняя по времени регрессия является одновременно формально примитивной, а с точки зрения психической топики — более близкой к концу, относящемуся к восприятию.

Мы не можем также оставить тему регрессии в сновидении[1], не высказав впечатления, которое уже не раз у нас возникало и которое еще больше усилилось после углубленного изучения психоневрозов: в конечном счете сновидение — это частичная регрессия к самым ранним обстоятельствам жизни сновидца, оживление его детства, господствовавших в нем импульсов влечений и имевшихся в распоряжении способов выражения. За этим индивидуальным детством нам открывается понимание филогенетического детства, развития человеческого рода, сокращенным повторением которого, подвергшимся влиянию случайных жизненных обстоятельств, фактически является развитие отдельного человека. Мы предполагаем, как метко заметил Ф. Ницше, что в сновидении «продолжается древняя часть человечества, к которой едва ли можно уже подобраться прямым путем», и ожидаем, что благодаря анализу сновидений получим сведения об архаичном наследии человека, узнаем его врожденные душевные свойства. Похоже, что сновидение и невроз сохранили для нас больше психических «древностей», чем мы могли предполагать, а потому психоанализ может претендовать на высокий ранг среди наук, пытающихся реконструировать самые древние и неизведанные фазы развития человечества.

Вполне возможно, что эта первая часть нашей психологической расшифровки сновидения не особенно удовлетворяет нас самих. Мы можем утешиться тем, что вынуждены пробиваться в неизвестность. Если мы не совсем сбились с пути, то из другого исходного пункта должны будем попасть примерно в этот же регион, в котором, возможно, сумеем разобраться лучше.

---

[2] [Этот абзац был добавлен в 1919 году.]

В
Об исполнении желаний

Вышеупомянутое сновидение о горящем ребенке дает нам желанный повод оценить трудности, на которые наталкивается учение об исполнении желаний. Все мы, наверное, с удивлением восприняли то, что сновидение есть не что иное, как исполнение желания, и не только, например, из-за противоречия, связанного со страшными снами. После того как первые разъяснения, полученные в результате анализа, убедили нас в том, что за сновидением скрываются смысл и психическое значение, мы отнюдь не ожидали столь однозначного определения этого смысла. Согласно правильному, но скупому определению Аристотеля, сновидение — это мышление, продолжающееся, поскольку человек спит, в состоянии сна. [Ср. с. 23.] Если же наше мышление днем создает столь разнообразные психические акты — суждения, умозаключения, опровержения, предположения, намерения и т.п., то что же тогда заставляет его ночью ограничиваться созданием только желаний? Разве нет множества снов, которые превращают в образ сновидения психический акт иного рода, например, беспокойство, и разве вышеупомянутое, совершенно очевидное сновидение отца таковым не является? В ответ на мерцание света, падающего ему, спящему, в глаза, он делает исполненный беспокойства вывод, что упала свеча и мертвое тело может загореться; этот вывод он превращает в сновидение, облекая его в форму очевидной ситуации, относящейся к настоящему времени. Какую роль играет при этом исполнение желания и как можно здесь не увидеть превосходящей силы мысли, продолжающейся с состояния бодрствования или вызванной новым чувственным впечатлением?

Все это правильно и заставляет нас подробнее остановиться на роли исполнения желания в сновидении и значении мыслей, которые появились в бодрствовании и продолжаются во сне.

Именно исполнение желания побудило нас разделить сновидения на две группы. Мы обнаружили сновидения, представлявшие собой явное исполнение желания; в других сновидениях исполнение желания было неочевидным, нередко всячески завуалированным. В последних из них мы распознали плоды цензуры сновидения. Неискаженные сны-желания мы встречали главным

образом у детей; *короткие* откровенные сны-желания, *по-видимому* — я делаю ударение на этой оговорке — случаются и у взрослых.

Мы можем задаться вопросом: откуда всякий раз берется желание, которое осуществляется в сновидении? Однако к какому противоречию или к какому разнообразию мы относим это «откуда»? Я полагаю — к противоречию между дневной жизнью, ставшей осознанной, и психической деятельностью, оставшейся бессознательной, которая может заявить о себе только ночью. Я нахожу три возможности происхождения желания. Оно может 1) возникнуть днем и в силу внешних обстоятельств не найти удовлетворения; в таком случае для ночи остается признанное и неисполненное желание; 2) оно может возникнуть днем, но быть отвергнутым; в таком случае у нас остается неисполненное, но подавленное желание; или 3) оно может быть не связанным с жизнью в бодрствовании и относиться к тем желаниям, которые подавлены и активизируются у нас только ночью. Если обратиться к нашей схеме психического аппарата, то желание первого рода мы поместим в систему *Псз*; по поводу желания второго рода мы предположим, что из системы *Псз* оно было оттеснено в систему *Бсз* и могло удерживаться только там. Что касается желания-побуждения третьего рода, то мы полагаем, что оно вообще не способно перешагнуть через систему *Бсз*. Обладают ли желания, проистекающие из этих разных источников, одинаковой ценностью для сновидения, одинаковой способностью стимулировать сны?

Обзор сновидений, имеющихся в нашем распоряжении для ответа на этот вопрос, заставляет нас прежде всего добавить в качестве четвертого источника желания в сновидении актуальные, возникающие ночью импульсы желания (например, жажду, сексуальную потребность). Далее, мы убеждаемся, что происхождение желания нисколько не влияет на его способность вызывать сновидение. Я напомню сновидение маленькой девочки, продолжающее прерванную днем морскую прогулку, и другие детские сны [см. с. 145 и далее]; они объясняются неисполненным, но не подавленным дневным желанием. Можно привести огромное множество примеров того, что подавленное днем желание дает себе волю во сне; здесь я мог бы добавить самое простое сновидение подобного рода. Одна весьма злоязычная дама, юная подруга которой обручилась, в течение дня отвечает на вопросы знакомых, знает ли она жениха и что она о нем

думает, восторженной похвалой, скрывая свое настоящее мнение, ибо она охотно сказала бы правду: *«Он человек дюжинный»*. Ночью ей снится сон, будто ей задают тот же вопрос, на который она отвечает штампом: *«При дополнительных заказах достаточно указать номер»*. И, наконец, в том, что во всех сновидениях, подвергшихся искажению, желание происходит от бессознательного и не могло заявить о себе днем, мы убеждались в результате многочисленных анализов. Таким образом, похоже, что все желания имеют для образования сновидения одинаковую ценность и одинаковую силу.

Я не могу здесь доказать, что дело все же обстоит иначе, но я склоняюсь к предположению о более строгой обусловленности желания в сновидении. Детские сновидения не позволяют усомниться в том, что возбудителем сновидения может быть желание, не исполненное днем. Но нельзя забывать, что в данном случае — это желание ребенка, побуждение, обладающее особой интенсивностью инфантильного как такового. Но у меня есть большие сомнения в том, что взрослому человеку достаточно не исполненного днем желания, чтобы создать сновидение. Скорее мне представляется, что в результате постоянно усиливающегося контроля над жизнью наших влечений благодаря мыслительной деятельности мы все больше отказываемся от образования или поддержания таких интенсивных желаний, какие знакомы ребенку, считая это ненужным. При этом, однако, могут проявиться индивидуальные различия: у одного человека инфантильный тип душевных процессов сохраняется дольше, чем у другого; такие же различия существуют и с точки зрения ослабления первоначально отчетливых зрительных представлений. Но в целом, как я полагаю, для образования сновидения у взрослого человека недостаточно желания, оставшегося не исполненным днем. Я охотно допускаю, что импульс желания, проистекающий из сознательного, может дать толчок к образованию сновидения, но, вероятно, не более того. Сновидения не возникло бы, если бы предсознательное желание не сумело получить подкрепления из другого места.

А именно из бессознательного. *Я полагаю, что сознательное желание только тогда становится возбудителем сновидения, когда ему удается пробудить созвучное бессознательное желание, благодаря которому оно усиливается.* Эти бессознательные желания я считаю, в соответствии с данными, полученными из психоанализа неврозов, всегда живыми, в лю-

бое время готовыми найти себе выражение, лишь только им представляется возможность объединиться с сознательным побуждением, перенести свою большую интенсивность на их незначительную[1]. В таком случае должно казаться, будто само по себе сознательное желание реализовалось в сновидении; однако одна небольшая особенность в образовании этого сновидения станет для нас указанием на то, как напасть на след могущественного помощника из бессознательного. Эти всегда живые, так сказать, бессмертные желания нашего бессознательного, напоминающие мифических титанов, на которых с древних времен лежат бременем тяжелые горные массивы, когда-то взваленные на них торжествующими богами и до сих пор время от времени потрясаемые подергиваниями их членов, — эти находящиеся в вытеснении желания, я бы сказал, имеют инфантильное происхождение, о чем нам известно благодаря психологическому исследованию неврозов. Поэтому я бы хотел устранить ранее высказанное [с. 553] утверждение, будто происхождение желания в сновидении значения не имеет, и заменить его другим, которое звучит следующим образом: *желание, изображаемое в сновидении, должно быть инфантильным.* В таком случае у взрослого оно проистекает из системы *Бсз*, у ребенка, у которого разделения и цензуры между *Псз* и *Бсз* пока еще нет или у которого оно только лишь постепенно создается, это — неисполненное, невытесненное желание из жизни в бодрствовании. Я знаю, что это воззрение нельзя доказать в целом; но я утверждаю, что его часто можно доказать, даже тогда, когда это и не предполагалось, и его нельзя опровергнуть в целом.

Таким образом, импульсы желаний, оставшиеся от сознательной жизни в бодрствовании, с точки зрения их роли в образовании

---

[1] Они разделяют этот характер неразрушимости со всеми другими, действительно бессознательными, то есть относящимися исключительно к системе *Бсз*, душевными актами. Последние представляют собой раз и навсегда проложенные пути, которые никогда не запустевают и всякий раз способствуют отводу возбуждения, как только оказываются вновь катектированными бессознательным возбуждением. Воспользуемся сравнением: нет другого способа их уничтожить, кроме способа для уничтожения теней в подземном мире Одиссея, которые пробуждаются к новой жизни, напившись крови. Процессы, зависящие от предсознательной системы, подвержены разрушению совсем в другом смысле. На этом различии покоится психотерапия неврозов. [См. ниже, с. 580.]

сновидений я отодвигаю на задний план. Я не собираюсь приписывать им никакой иной роли, кроме той, что принадлежит, например, материалу актуальных ощущений во время сна в содержании сновидения (ср. с. 241–242). Я останусь на линии, которую мне диктует этот ход мыслей, перейдя теперь к рассмотрению других психических побуждений, оставшихся от жизни днем и не являющихся желаниями. Нам может удаться временно устранить энергетические катексисы нашего бодрствующего мышления, когда мы решаем заснуть. Кто способен на это, тот обладает хорошим сном; образцом людей такого типа, по-видимому, был Наполеон. Но это нам удается не всегда и не полностью. Из-за нерешенных проблем, неприятных хлопот, чересчур сильных впечатлений мыслительная деятельность продолжается также во сне, и они поддерживают психические процессы в системе, которую мы обозначили как предсознательную. Если нам потребуется классифицировать эти сохраняющиеся во сне побуждения к мыслительной деятельности, то мы можем составить такие группы: 1) то, что днем не было доведено до конца из-за случайной задержки; 2) то, что не было закончено, завершено из-за ослабления силы мышления; 3) то, что было отвергнуто и подавлено днем. К этому в качестве важной четвертой группы добавляется то, что активизировалось днем в нашем *Бсз* в результате работы предсознательного. И, наконец, в качестве пятой группы мы можем присоединить индифферентные и поэтому оставшиеся неоконченными впечатления дня.

Психические интенсивности, которые из-за этих остатков дневной жизни переносятся в состояние сна, особенно из группы того, что не было решено, не следует недооценивать. Несомненно, эти возбуждения стремятся найти себе выражение также и ночью, и точно так же мы можем предположить, что состояние сна делает невозможным обычное продолжение процесса возбуждения в предсознательном и его завершение посредством осознания. Из-за того что также и в ночное время мы можем обычным путем осознать наши мыслительные процессы, мы и не спим. Какое изменение вызывает состояние сна в системе *Псз*, я указать не могу[1]; однако не подлежит сомнению, что пси-

[1] *[Дополнение, сделанное в 1919 году:]* Еще один шаг к пониманию отношений между состоянием сна и условиями возникновения галлюцинации я попытался сделать в статье «Метапсихологическое дополнение к теории сновидений» (1917*а*).

хологическую характеристику сна, в сущности, следует искать в изменениях катексиса именно этой системы, которая обладает также доступом к парализованной во сне подвижности. И наоборот, я не знаю ни одного повода из психологии сновидения, который заставил бы нас предположить, что в отношениях системы *Бсз* сон нечто меняет не только вторичным образом. Стало быть, ночному возбуждению в *Псз* не остается иного пути, кроме того, по которому направляются импульсы желания из *Бсз*; оно должно искать подкрепления из *Бсз* и идти по окольным путям бессознательных возбуждений. Но как соотносятся предсознательные дневные остатки со сновидением? Нет сомнения в том, что они с избытком проникают в сновидение, что они используют содержание сновидения для того, чтобы и в ночное время навязаться сознанию; более того, порой они доминируют и в содержании сновидения, вынуждают его продолжить дневную работу; несомненно также и то, что дневные остатки могут носить любой другой характер, а не только характер желаний; но при этом в высшей степени поучительно, а для теории исполнения желаний еще и крайне важно понять, какому условию должны они соответствовать, чтобы войти в сновидение.

Возьмем один из предыдущих примеров, допустим, сон, в котором приятель Отто привиделся мне с признаками базедовой болезни (с. 281 и далее). Накануне днем у меня возникло беспокойство, поводом к которому послужил внешний вид Отто, и это беспокойство я принял близко к сердцу, как и все, что касается этого человека. Оно преследовало меня — как я полагаю — и во сне. Вероятно, мне хотелось узнать, что с ним не так. Ночью это беспокойство нашло свое выражение в приведенном мной сновидении, содержание которого, во-первых, было бессмысленным, а, во-вторых, исполнению желания не соответствовало. Я начал, однако, допытываться, откуда взялось неподобающее выражение почувствованного днем беспокойства, и благодаря анализу я обнаружил взаимосвязь, ибо я отождествил его с бароном Л., а себя самого — с профессором Р. То, почему я выбрал именно эту замену дневным мыслям, имеет лишь одно объяснение. Должно быть, в *Бсз* я всегда был готов отождествить себя с профессором Р., поскольку благодаря такой идентификации исполнялось одно из бессмертных детских желаний — стремление быть великим. Нехорошие, отвергнутые днем мысли по отношению к моему другу воспользовались возможностью, чтобы добиться изображения; но и дневное беспокойство пришло к

особому выражению благодаря замене в содержании сновидения. [Ср. с. 278.] Дневная мысль, которая сама по себе была не желанием, а, наоборот, опасением, должна была каким-то образом создать себе связь с детским, ныне бессознательным и подавленным желанием, давшим ей возможность «возникнуть» для сознания, хотя и в основательно подправленном виде. Чем более доминировало это беспокойство, тем более насильственной могла быть создаваемая связь; между содержанием желания и содержанием беспокойства связи вообще могло не существовать, и ее не было и в нашем примере.

Возможно, имеет смысл[1] этот же вопрос рассмотреть также в форме исследования, как ведет себя сновидение, если в мыслях сновидения содержится материал, который полностью противоречит исполнению желания, а именно обоснованные тревоги, неприятные размышления, болезненные озарения. В таком случае различные возможные результаты можно будет классифицировать следующим образом: а) работе сновидения удается заменить все неприятные представления противоположными и подавить соответствующие неприятные аффекты. Тогда получается сон об удовлетворении в чистом виде, очевидное «исполнение желания», к которому, похоже, ничего больше нельзя добавить; б) неприятные представления, более или менее изменившиеся, но все же вполне узнаваемые попадают в явное содержание сна. Именно этот случай пробуждает сомнение в теории исполнения желания в сновидении и нуждается в дальнейшем исследовании. Такие сны неприятного содержания могут либо восприниматься индифферентно, либо вызывать весь неприятный аффект, который, как кажется, оправдан содержанием представления, либо — при развитии чувства страха — вести к пробуждению.

Анализ доказывает тогда, что и эти неприятные сны представляют собой исполнения желаний. Бессознательное и вытесненное желание, исполнение которого могло быть воспринято со стороны Я сновидца не иначе как неприятное, воспользовалось возможностью, предоставленной ему сохранением катексисов неприятных дневных остатков, подкрепило их и благодаря это-

---

[1] [Следующие шесть абзацев (до пробельной строки на с. 562) были добавлены в 1919 году.]

му сделало способными войти в сновидение. Однако если в случае *а* бессознательное желание совпадало с сознательным, то в случае *б* обнаруживается расщепление между бессознательным и сознательным — между вытесненным и «я», — и осуществляется ситуация из сказки о трех желаниях, которые фея предлагает загадать супругам (см. ниже с. 582–583, прим.). Удовлетворение от исполнения вытесненного желания может оказаться настолько большим, что оно поддерживает в равновесии неприятные аффекты, связанные с дневными остатками [ср. с. 473]; в таком случае сновидение по своему чувственному тону становится индифферентным, хотя, с одной стороны, оно является исполнением желания, а с другой стороны — опасением. Или может случиться так, что спящее «я» принимает еще более активное участие в образовании сновидения, что оно реагирует на произошедшее удовлетворение вытесненного желания сильнейшим негодованием и само в страхе кладет конец сновидению. Таким образом, нетрудно увидеть, что неприятные и страшные сны, согласно теории, являются такими же исполнениями желания, как и самые обычные сны об удовлетворении.

Неприятными снами могут быть также *«сны о наказании»*. [Ср. с. 476 и далее.] Следует согласиться, что благодаря их признанию к теории сновидений в известном смысле добавляется нечто новое. То, что благодаря им исполняется, — это опять-таки бессознательное желание, желание наказать сновидца за вытесненное непозволительное побуждение. В этом отношении сновидения соответствуют отстаиваемому здесь требованию, что энергия, необходимая для образования сновидения, должна поставляться желанием, принадлежащим бессознательному. Более тонкий психологический анализ позволяет, однако, увидеть их отличие от других снов, связанных с желаниями. В случаях группы *б* бессознательное желание, образующее сон, принадлежало вытесненному, в случае сновидений о наказании речь тоже идет о бессознательном желании, которое, однако, мы должны отнести не к вытесненному, а к «я». Следовательно, сны о наказании указывают на возможность еще более деятельного участия «я» в образовании сновидения. Механизм образования сновидения вообще будет гораздо более понятным, если вместо противоположности «сознательное» и «бессознательное» говорить о «я» и «вытесненном». Но этого нельзя делать без учета процессов при психоневрозах, а потому в данной книге осуществлено не было. Я только замечу, что сны о наказании не всегда

связаны с неприятными дневными остатками. Скорее, им проще всего возникнуть при противоречивых условиях, когда дневными остатками являются мысли приятного характера, которые, однако, выражают непозволительное удовлетворение. В таком случае из этих мыслей в явное сновидение не попадает ничего, кроме их прямой противоположности, подобно тому, как это происходило в сновидениях группы *а*. Следовательно, важная особенность снов о наказании заключается в том, что у них образом сновидения становится не бессознательное желание, относящееся к вытесненному (к системе *Бсз*), а реагирующее на него, принадлежащее «я», хотя и бессознательное (то есть предсознательное) желание наказания[1].

Кое-что из того, о чем здесь говорилось, я хочу пояснить на примере собственного сновидения, — прежде всего то, как работа сновидения поступает с дневными остатками неприятных ожиданий:

«Начало неясное. *Я говорю моей жене, что у меня есть для нее сообщение, нечто совершенно особенное. Она пугается и не хочет ничего слышать. Я заверяю ее, что, наоборот, это нечто такое, что ее очень обрадует, и начинаю рассказывать, что офицерский корпус, где служит наш сын, послал некую сумму денег (5000 крон?), ...то ли в знак признания ...распределение ...При этом я вместе с ней зашел в небольшую комнату, похожую на кладовую, чтобы что-то найти. Вдруг я вижу моего сына, он не в обмундировании, а, скорее, в облегающем спортивном костюме (как тюлень?), с небольшим колпаком. Он поднимается на корзину, которая находится сбоку от ящика, чтобы на этот ящик что-то положить. Я зову его; никакого ответа. Мне кажется, что у него перевязано лицо или лоб, он поправляет себе что-то во рту, что-то себе вставляет. Также и его волосы имеют серый отблеск. Я думаю: "Неужели он так исто-*

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1930 году:]* Здесь уместно включить позднее выявленное психоанализом Сверх-Я. [Ср. с. 479, прим. 1. — Категорию сновидений, которые не укладываются в теорию исполнения желания (а именно сновидения при травматических неврозах) Фрейд обсуждает во 2-й главе работы «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*) и на последних страницах 29-й лекции «Нового цикла лекций по введению в психоанализ» (1933*a*, *Studienausgabe*, т. 1, с. 469 и далее).]

щен? И у него что — вставные зубы?" Прежде чем снова я его смог окликнуть, я просыпаюсь — без страха, но с сердцебиением. Часы показывают два с половиной ночи».

Также и в этот раз я не могу привести здесь полный анализ. Я ограничусь тем, что выделю некоторые важные места. Поводом к сновидению послужили мучительные ожидания днем; от сражавшегося на фронте сына вновь уже больше недели не было ни одного сообщения. Легко увидеть, что в содержании сновидения выражается убеждение, что он ранен или убит. В начале сновидения можно заметить энергичную попытку заменить неприятные мысли их противоположностью. Я должен сообщить нечто очень радостное, что-то о денежном переводе, признании, распределении. (Денежная сумма связана с отрадным происшествием во врачебной практике, то есть к данной теме вообще не относится.) Однако эта попытка не удается. Мать подозревает что-то ужасное и не хочет меня выслушивать. Маскировка также слишком тонка, повсюду просвечивает связь с тем, что должно быть подавлено. Если сын погиб, его товарищи вышлют его вещи; я должен будет распределять то, что после него останется, я должен буду распределить между братьями, сестрами и другими; знаками признания офицера часто награждают после его «героической смерти». Стало быть, речь в сновидении идет о непосредственном выражении того, что сначала оно хотело отвергнуть, причем тенденция, связанная с исполнением желания, становится заметной еще и благодаря искажениям. (Изменение местности в сновидении, пожалуй, следует понимать как пороговую символику по Зильбереру [1912]. [Ср. выше, с. 506.]) Правда, мы не знаем пока, что придает ему для этого необходимую энергию. Сын появляется, однако, не как один из тех, кто «пал», а как один из тех, кто «поднимается». Он ведь был к тому же смелым альпинистом. Он появляется не в форменной одежде, а в спортивном костюме, то есть несчастье, которого мы теперь боялись, заменилось более ранним, тем, что произошло во время спортивных занятий, когда, катаясь на лыжах, он упал и сломал бедро. Но то, что в своем наряде он похож на тюленя, тотчас напоминает о маленьком мальчике, нашем забавном внуке; седые волосы напоминают о его отправившемся на войну отце, нашем зяте. Что это значит? Но довольно об этом; кладовая, ящик, взобравшись на который, он хочет что-то взять (в сновидении — что-то на него положить), — все это несомненные намеки на несчастный случай, произошедший со мной,

когда мне было больше двух, но меньше трех лет[1]. Я взобрался в кладовой на табуретку, чтобы взять какой-то предмет, лежавший на столе или на ящике. Табуретка опрокинулась и ударила меня своим краем по нижней челюсти. Я мог выбить все зубы. При этом доносится предостережение: «Так тебе и надо», словно враждебный импульс против храброго воина. Углубленный анализ позволяет мне затем найти скрытый импульс, удовлетворить который могло бы несчастье сына, которого мы боялись. Этот импульс — зависть к молодости, которую состарившийся человек, как он полагает, сумел основательно задушить, и очевидно, чтобы ослабить интенсивность мучительного волнения, если бы такая беда действительно произошла, понадобилось бы разыскать исполнение такого вытесненного желания.

Я могу теперь четко определить, что бессознательное желание означает для сновидения. Я признаю, что существует целый класс сновидений, *стимулом* к которым преимущественно или даже исключительно служат остатки дневной жизни, и полагаю, что даже мое желание стать когда-нибудь наконец внештатным профессором, наверное, позволило бы мне проспать ту ночь спокойно, не будь по-прежнему деятельным то возникшее днем беспокойство о здоровье моего друга [с. 282–283], если бы не было налицо остатка моей заботы днем о друге. Но это беспокойство не создало бы еще сновидения; *движущую силу,* которая требовалась сновидению, должно было придать желание, и уже делом самого беспокойства было раздобыть такое желание в качестве движущей силы. Приведем сравнение: вполне возможно, что дневная мысль играет для сновидения роль *предпринимателя*; но предприниматель, у которого, как говорят, есть идеи и стремление их осуществить, ничего все же не может сделать без капитала; ему нужен *капиталист*, который покроет издержки, и этим капиталистом, предоставляющим в распоряжение сновидения психический капитал, всякий раз непременно — какими бы ни были дневные мысли — является *желание из бессознательного*[2].

---

[1] [Ср. с. 37, прим. — Вероятно, воспоминание о времени пробуждения (см. с. 560) содействовало ассоциации с этим возрастом.]

[1] [Этот абзац Фрейд полностью цитирует в конце анализа первого сновидения «Доры» (1905*f*, раздел II, *Studienausgabe,* т. 6, с. 155–156). В связи с этим он замечает, что данный сон доказывает все его предположения.]

В другой раз капиталист и есть сам предприниматель; для сновидения это даже более типичный случай. В результате работы днем оказалось возбужденным бессознательное желание, и оно создает теперь сновидение. Также и для всех остальных возможностей экономических отношений, приведенных здесь в качестве примера, процессы сновидения остаются параллельными; предприниматель сам может внести небольшую часть капитала; к одному капиталисту могут обратиться несколько предпринимателей; несколько капиталистов могут совместно оплатить необходимое для предпринимателя. Так, существуют сновидения, движимые более чем одним желанием, и есть еще больше подобных вариаций, которые легко упустить из виду и которые уже не представляют для нас интереса. То, что в этих рассуждениях о желании в сновидении пока остается неполным, мы сможем дополнить лишь позже.

Tertium comparationis[1] использованных здесь сравнений, некое количество[2], предоставленное в свободное распоряжение в определенном объеме, допускает еще и более тонкое применение для прояснения структуры сна. В большинстве сновидений можно выявить центр, наделенный особой чувственной интенсивностью, о чем шла речь на с. 315 [и с. 338–339]. Как правило, это непосредственное изображение исполнения желания, ибо, если мы аннулируем смещения, возникшие в результате работы сновидения, то обнаружим, что психическая интенсивность элементов мыслей сновидения заменена чувственной интенсивностью элементов в содержании сна. Зачастую элементы вблизи исполнения желания не имеют ничего общего с его смыслом, а оказываются производными неприятных мыслей, идущих вразрез с желанием. Благодаря зачастую искусственно созданной взаимосвязи с центральным элементом они приобрели, однако, такую интенсивность, что стали способными к изображению. Таким образом, изобразительная сила исполнения желания диффундирует через определенную сферу взаимосвязей, внутри которой все элементы, в том числе и сами по себе «неимущие», достигают интенсивности, необходимой для изображения. В сно-

[1] [Третье в сравнении (лат.), то есть общее в двух сравниваемых между собой явлениях, служащее основанием для сравнения. — Примечание редактора.]

[2] [Капитала в приведенном примере, психической энергии в случае сновидения.]

видениях с несколькими стимулирующими желаниями без труда удается разграничить сферы отдельных исполнений желаний, а также часто понять пробелы в сновидении как пограничные зоны.

Хотя предыдущими замечаниями мы ограничили значение дневных остатков для сновидения, все-таки им стоит уделить еще немного внимания. Ведь они, должно быть, являются необходимым ингредиентом образования сновидений, если опыт способен вызвать у нас удивление тем, что в содержании каждого сновидения можно выявить связь с недавним дневным впечатлением, зачастую самым индифферентным по своему характеру. Необходимость этой добавки в смеси сна мы пока еще понять не способны. (с. 196–197.) Она также становится очевидной только в том случае, если, учитывая роль бессознательного желания, обратиться за информацией к психологии неврозов. Из нее узнаешь, что бессознательное представление как таковое вообще не способно войти в предсознательное и что там оно может вызвать только одно воздействие: вступить в соединение с безобидным, уже принадлежащим предсознательному представлением, перенести на него свою интенсивность и им прикрыться. В этом и состоит факт *переноса*[1], которым объясняется так много необычных явлений в душевной жизни невротиков. Перенос может оставить без изменений представление из предсознательного, которое тем самым достигает незаслуженно большой интенсивности, или же вынудить его самого к модификации благодаря содержанию переносимого представления. Пусть мне простят мою склонность к сравнениям из повседневной жизни, но меня так и подмывает сказать, что с вытесненным представлением дело обстоит точно так же, как с американским зубным врачом в нашем отечестве, который не может практиковать, если не

---

[1] [В более поздних трудах Фрейд использует выражение «перенос», как правило, для описания несколько иного, хотя и родственного психического процесса, открытого им вначале в ходе психоаналитической врачебной практики — а именно процесса «переноса» чувств, первоначально обращенных на детский объект (и бессознательно продолжающих к нему относиться) на объект нынешний. (См., например, Freud, 1905*f*, раздел IV, *Studienausgabe,* т. 6, с. 180–184.) В этом смысле данное слово употребляется также и в настоящей книге — см., например, с. 199 и 214.]

пользуется именем действительного доктора медицины в качестве вывески и прикрытия перед законом. И подобно тому, как далеко не самые занятые врачи вступают в такие союзы с зубными техниками, так и в сфере психического для прикрытия вытесненных представлений выбираются не те предсознательные или сознательные представления, которые сами в достаточной мере привлекали к себе внимание, действующее в предсознательном. Бессознательное опутывает своими соединениями главным образом те впечатления и представления предсознательного, которые либо, будучи индифферентными, остались без внимания, либо лишились этого внимания вследствие отвержения. В теории ассоциаций существует известный тезис, подтвержденный всем опытом, что представления, вошедшие в очень тесную связь в одном направлении, занимают, так сказать, отрицательную позицию ко всем группам новых связей; однажды я попытался обосновать теорию истерических параличей, основываясь на этом тезисе[1].

Если мы предположим, что эта же потребность в переносе вытесненных представлений, с которой нас знакомит анализ неврозов, проявляется также и в сновидении, то тогда мы объясним сразу две загадки сна: что любой анализ сновидения обнаруживает связь с недавним впечатлением и что этот свежий элемент зачастую носит самый индифферентный характер [с. 196]. Добавим то, о чем мы уже узнали в другом месте [с. 193]: эти недавние и индифферентные элементы так часто попадают в содержание сна в качестве замены самых ранних мыслей сновидения именно потому, что им при этом меньше всего приходится опасаться сопротивления цензуры. Но если свобода от цензуры объясняет нам лишь предпочтение тривиальных элементов, постоянство свежих элементов позволяет нам понять необходимость в переносе. Притязанию вытесненного представления на пока еще свободный от ассоциаций материал отвечают обе группы впечатлений: индифферентные — потому, что они не дают повода к чрезмерному количеству связей, недавние — потому, что у них не было еще для этого времени.

Итак, мы видим, что дневные остатки, к которым мы можем причислить теперь индифферентные впечатления, участвуя в образовании сновидения, не только заимствуют нечто у *Бсз*, а

---

[1] [См. Freud, 1893*f*, раздел IV.]

именно движущую силу, которой обладает вытесненное желание, но и сами дают бессознательному нечто незаменимое — необходимую привязку для переноса. Если бы мы захотели здесь глубже проникнуть в психические процессы, то должны были бы четче прояснить взаимодействие возбуждений между предсознательным и бессознательным, к чему, пожалуй, нас подталкивает изучение психоневрозов, но само сновидение оснований не дает.

Еще одно замечание по поводу дневных остатков. Не подлежит никакому сомнению, что они-то и являются истинными нарушителями сна, а вовсе не сновидение, которое, скорее, старается оберегать сон. Позднее мы еще вернемся к этому вопросу [с. 578 и далее].

До сих пор мы прослеживали желание в сновидении, выводили его из области *Бсз* и разбирали его отношение к дневным остаткам, которые, со своей стороны, могут быть либо желаниями, либо психическими побуждениями какого-либо иного рода, либо просто недавними впечатлениями. Таким образом, мы оставили место для требований, которые можно выдвинуть с точки зрения того значения, которое мыслительная работа в бодрствовании — во всем ее многообразии — имеет для образования снов. Не было бы ничего невозможного в том, что на основании вереницы наших мыслей мы объяснили бы даже те крайние случаи, в которых сновидение, продолжая дневную работу, доводит до удачного завершения задачу, которая была не разрешена в бодрствовании [см. с. 84]. Нам разве что недостает примера такого рода, чтобы посредством его анализа раскрыть инфантильный или вытесненный источник желания, привлечение которого столь успешно подкрепило усилия предсознательной деятельности. Но мы ни на шаг не приблизились к решению загадки, почему бессознательное во сне не может дать ничего, кроме движущей силы для исполнения желания. Ответ на этот вопрос должен пролить свет на психическую природу желания; мы попытаемся его дать, используя схему психического аппарата.

Мы не сомневаемся, что и этот аппарат достиг своего нынешнего совершенства лишь путем длительного развития. Попробуем перенести его на более раннюю ступень функционирования. Гипотезы, имеющие под собой иное обоснование, говорят нам о том, что вначале этот аппарат стремился по возмож-

ности оберегать себя от раздражений[1] и поэтому в первоначальной своей конструкции принял схему рефлекторного аппарата, которая позволяла ему поступавшее к нему извне чувственное возбуждение тотчас отводить по моторному пути. Но жизненная необходимость нарушает эту простую схему; ей психический аппарат и обязан толчком к дальнейшему совершенствованию. Жизненная необходимость предстает вначале перед ним в форме важных телесных потребностей. Вызванное внутренней потребностью возбуждение будет стремиться к оттоку в подвижность, которую можно охарактеризовать как «внутреннее изменение» или как «выражение душевного движения». Голодный ребенок будет беспомощно кричать или вертеться. Ситуация, однако, не меняется, ибо возбуждение, проистекающее из внутренней потребности, соответствует не подталкивающей в данный момент, а непрерывно действующей силе. Перемена может наступить только тогда, когда каким-то образом — у ребенка благодаря посторонней помощи — появляется опыт *переживания удовлетворения,* устраняющего внутреннее раздражение. Важная составная часть этого переживания — появление определенного восприятия (например, еды), образ воспоминания о котором отныне остается ассоциированным со следом памяти о возбуждении, вызванном потребностью. Как только эта потребность появляется в следующий раз, благодаря установившейся связи возникает психический импульс, который стремится вновь катектировать образ воспоминания о том восприятии и снова вызвать само восприятие, то есть, по существу, воспроизвести ситуацию первого удовлетворения. Такой импульс и есть то, что мы называем желанием; повторное появление восприятия — это исполнение желания, а полный катексис восприятия возбуждением, вызванным потребностью, — кратчайший путь к исполнению желания. Нам ничего не мешает допустить примитивное состояние психического аппарата, в котором действительно совершается этот путь, то есть в котором желание выливается в галлюцинацию. Стало быть, эта первая психическая деятель-

[1] [В этом состоит так называемый «принцип константности», который обсуждается на первых страницах работы «По ту сторону принципа удовольствия» (1920*g*, *Studienausgabe*, т. 3, с. 218–219). Однако в качестве базисного допущения речь о нем идет уже в самых ранних психологических работах Фрейда. См. выше «Предисловие издателей», с. 10 и далее.]

ность направлена на *идентичность восприятия*[1], а именно на повторение того восприятия, которое связано с удовлетворением потребности.

Горький жизненный опыт заставляет эту примитивную мыслительную деятельность измениться в более целесообразную, вторичную. Создание идентичности восприятия коротким регредиентным путем внутри аппарата не имеет в другом месте последствий, связанных с катексисом извне того же самого восприятия. Удовлетворение не наступает, потребность сохраняется. Чтобы внутренний катексис сделать равноценным внешнему, его пришлось бы непрерывно поддерживать, как это и в самом деле происходит при галлюцинаторных психозах и в фантазиях, вызванных голодом, которые исчерпывают свою психическую работу *удерживанием* желанного объекта. Чтобы достичь более целесообразного использования психической энергии, необходимо остановить полную регрессию, чтобы она не вышла за рамки образа воспоминания и, основываясь на нем, смогла бы найти себе другие пути, которые в конечном счете ведут из внешнего мира к созданию желанной идентичности[2]. Это торможение, а также последующее отклонение возбуждения становятся задачей второй системы, которая управляет произвольной подвижностью, то есть к работе которой добавляется использование подвижности в упомянутых ранее целях. Однако вся эта сложная мыслительная деятельность, которая развертывается от образа воспоминания до создания внешним миром идентичности восприятия, представляет собой лишь *окольный путь к исполнению желания*, ставший необходимым вследствие опыта[3]. Ведь мышление — это не что иное, как замена галлюцинаторного желания, и если сновидение представляет собой исполнение желания, то само собой разумеется, что толь-

---

[1] [То есть на нечто, что воспринимается идентично «переживанию удовлетворения».]

[2] *[Дополнение, сделанное в 1919 году:]* Другими словами: признается необходимым введение «проверки реальности».

[3] Исполнение желания в сновидении справедливо восхваляет Ле Лорен [1895]: *«Sans fatigue sérieuse, sans être obligé de recourir à cette lutte opiniâtre et longue qui use et corrode les jouissances poursuivies»*. [Без серьезной усталости, без необходимости вовлекаться в ту упорную, долгую и изнурительную борьбу, разрушающую радости жизни, к которым стремится человек. — *Примечание переводчика.*]

ко желание и способно побуждать наш психический аппарат к работе. Сновидение, исполняющее свои желания коротким регредиентным путем, тем самым лишь сберегло для нас образец *первичного* — отвергнутого как нецелесообразного — принципа действия психического аппарата. Как будто в ночную жизнь изгнано то, что некогда царило в бодрствовании, когда психическая жизнь была еще юна и нерадива; как будто мы снова находим в детской давно оставленное примитивное оружие взрослого человечества, лук и стрелы. *Сновидение — это кусок устаревшей детской душевной жизни.* При психозах эти принципы действия психического аппарата, обычно подавленные в бодрствовании, снова заставляют с собой считаться и затем обнаруживают свою неспособность удовлетворять наши потребности, относящиеся к внешнему миру[1].

Бессознательные импульсы желания стремятся, по-видимому, заявить о себе и днем, а факт переноса, а также психозы свидетельствуют о том, что они стремятся через систему предсознательного проникнуть в сознание и управлять подвижностью. Стало быть, в цензуре между *Бсз* и *Псз*, предположить которую нас прямо-таки заставляет сновидение, мы должны видеть и чтить стража нашего душевного здоровья. Но не будет ли неосторожным со стороны этого стража, что ночью он ослабляет свою деятельность, позволяет выразиться подавленным импульсам *Бсз* и вновь допускает галлюцинаторную регрессию? Я полагаю: не будет, ибо, когда критический страж отправляется отдыхать — у нас есть доказательства того, что сон его все же неглубокий, — он закрывает также ворота к подвижности. Какие бы импульсы ни стремились попасть на сцену из обычно сдержанного *Бсз*, к ним можно относиться спокойно, они остаются безобидными, потому что не способны привести в движение моторный аппарат, без которого нельзя повлиять на внешний мир, что-либо в нем меняя. Состояние сна гарантирует безопасность охраняемой крепости. Не так безобидно все складывается, когда смещение энергий происходит не в результате ночного снижения расхода энергии со стороны критической цен-

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Этот ход мыслей я изложил также в другой работе («Формулировка двух принципов психического события», 1911*b*) и в качестве двух принципов представил принцип удовольствия и принцип реальности. [Эта идея развивается также ниже на с. 598 и далее.]

зуры, а вследствие патологического ее ослабления или вследствие патологического усиления бессознательных возбуждений в то время, когда предсознательное катектировано, а ворота к подвижности открыты. Страж терпит тогда поражение, бессознательные возбуждения подчиняют себе *Псз*, овладевают оттуда нашей речью и нашими действиями или вынуждают к галлюцинаторной регрессии и управляют не предназначенным для них аппаратом вследствие притягательности восприятий, влияющих на распределение нашей психической энергии. Это состояние мы называем психозом.

У нас здесь есть самая благоприятная возможность продолжить работу по возведению психологического остова здания, которую мы оставили после добавления систем *Бсз* и *Псз*. Но у нас есть еще достаточно мотивов, чтобы задержаться на оценке желания как единственной психической движущей силы сновидения. Мы выяснили, что сновидение всякий раз представляет собой исполнение желания потому, что оно является продуктом системы *Бсз*, которая не знает иной цели своей работы, кроме исполнения желаний, и не располагает иными силами, кроме импульсов желаний. Если мы хоть на мгновение дольше будем настаивать на своем праве заниматься далеко идущими умозрительными психологическими рассуждениями, основываясь на толковании сновидений, то мы будем обязаны показать, что благодаря им мы включаем сновидение во взаимосвязь, способную охватить и другие психические образования. Если система *Бсз* — или нечто аналогичное ей в контексте наших рассуждений — существует, то сновидение не может быть ее единственным выражением; любой сон может быть исполнением желания, но кроме сновидений должны существовать еще и другие формы отклоняющегося от нормы исполнения желаний. И действительно, теория всех психоневротических симптомов сводится к одному положению, *что и они тоже должны пониматься как исполнения желаний бессознательного*[1]. Благодаря нашему объяснению сновидение становится лишь первым членом чрезвычайно важного для психиатра ряда, понимание которого означает решение чисто психологической стороны

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Правильнее сказать: одна часть симптома соответствует бессознательному исполнению желания, другая — реактивному образованию, направленному против него.

психиатрической задачи[1]. У других членов этого ряда исполнений желаний, например, у истерических симптомов, мне известна, однако, существенная особенность, которой не хватает в сновидении. Из исследований, неоднократно упоминавшихся в этой работе, я знаю, что для образования истерического симптома должны соединиться два течения нашей душевной жизни. Симптом — это не просто выражение реализованного бессознательного желания; должно добавиться еще и желание из предсознательного, которое исполняется посредством того же симптома, а потому симптом детерминируется *по меньшей мере* двояким образом, двумя желаниями находящихся в конфликте систем. Дальнейшей сверхдетерминации — как и в случае сновидения — не установлено никаких границ. Насколько я понимаю, детерминация, не происходящая из системы *Бсз*, обычно является реакцией на бессознательное желание, например, самонаказанием. Следовательно, я могу в целом сказать: *истерический симптом возникает лишь там, где в одном выражении могут совпасть два противоположных исполнения желаний, каждое из которых имеет источником свою психическую систему.* (Ср. мои последние формулировки возникновения истерических симптомов в статье «Истерические фантазии и их отношение к бисексуальности», 1908*a*[2].) Примеры едва ли принесут здесь пользу, поскольку только полное раскрытие имеющихся осложнений может пробудить убеждение. Поэтому я довольствуюсь утверждением и приведу пример просто не по причине его доказательной силы, а из-за его наглядности. Истерическая рвота одной моей пациентки оказалась, с одной стороны, исполнением бессознательной фантазии, относящейся к ее пубертатному возрасту, а именно желания постоянно быть беременной, иметь бесчисленное количество детей, к которому затем добавилась мысль: от как можно большего числа мужчин. В ответ на это необузданное желание возник сильнейший защитный импульс. Но так как от рвоты пациентка могла утра-

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Хьюлингс Джексон сказал: «Разузнайте все о сновидениях и вы узнаете все, что можно знать об умопомешательстве». *(«Find out all about dreams and you will have found out all about insanity».)* [Цитируется по Эрнесту Джонсу (1911), который сам слышал это высказывание Хьюлингса Джексона.]

[2] [Это заключенное в скобки предложение было добавлено в 1909 году.]

тить свою полноту и красоту и из-за этого не понравилась бы ни одному мужчине, симптом был верен также карающим мыслям и, допущенный с обеих сторон, мог реализоваться. Этот же способ обращаться с исполнением желания избрала парфянская царица в отношении триумвира Красса. Она считала, что он предпринял поход из-за жажды золота, и поэтому велела влить в глотку трупа расплавленное золото. «Вот тебе то, чего ты хотел». О сновидении до сих пор мы знаем лишь то, что оно выражает исполнение желания бессознательного; похоже, что господствующая предсознательная система позволяет исполнить желание, вынудив сновидение совершить определенные искажения. И в самом деле, как правило, невозможно выявить ход мыслей, противоположный желанию в сновидении, который, как и его антагонист, осуществляется во сне. Лишь кое-где при анализе сновидений нам попадались признаки реактивных образований, например, нежное чувство к приятелю Р. в сновидении о дяде (с. 157–158).

Мы можем, однако, в другом месте отыскать недостающую составляющую из предсознательного. Сновидение может выразить желание из *Бсз* после всякого рода искажений, тогда как господствующая система сосредоточилась на *желании спать*, реализовала это желание, вызвав возможные для себя изменения катексиса в психическом аппарате, и поддерживает его на протяжении всего сна[1].

Это поддерживаемое желание спать, относящееся к предсознательному, в общем и целом облегчает образование сновидения. Вспомним сон отца, которого свет в комнате покойника заставляет предположить, что тело могло загореться [с. 511 и далее]. В качестве одной из психических сил, сыгравших решающую роль в том, что отец делает в сновидении этот вывод, вместо того чтобы проснуться от мерцания света, мы выявили желание хотя бы на мгновение продлить жизнь представившегося во сне ребенка. Другие желания, проистекающие из вытесненного, вероятно, от нас ускользают, поскольку проанализировать это сновидение у нас нет возможности. Однако в качестве второй движущей силы этого сновидения мы можем добавить потребность отца во сне; подобно тому как благодаря сновиде-

---

[1] [Эти мысли я заимствую из теории сна Льебо, пробудившего интерес к гипнотическим исследованиям в наши дни (1889).]

нию продлевается жизнь ребенка, точно так же на мгновение продлевается и сон отца. Пусть будет это сновидение — гласит эта мотивировка, — иначе мне придется проснуться. Как в этом, так и во всех других сновидениях желание спать оказывает бессознательному желанию свою поддержку. На с. 141 и далее мы рассказывали о сновидениях, которые со всей очевидностью предстают как сновидения об удобстве. Собственно говоря, все сновидения претендуют на это название. В снах, приводящих к пробуждению, которые перерабатывают внешний чувственный раздражитель таким образом, что он становится сочетаемым с продолжением сна, вплетают его в сновидение, чтобы лишить его требований, которые он мог бы предъявить в качестве напоминания о внешнем мире, действенность желания продолжить спать обнаружить проще всего. Оно же, однако, должно вносить свою лепту в допущение всех других сновидений, способных посягать на состояния сна лишь изнутри. То, что *Псз* порой говорит сознанию, когда сновидение заходит чересчур далеко: «Не тревожься и продолжай спать, ведь это всего лишь сон» [см. с. 491], — в общем и целом описывает, пусть это и не произносится вслух, отношение нашей господствующей душевной деятельности к сновидениям. Я вынужден сделать вывод, *что в состоянии сна мы всегда твердо знаем, что нам что-то снится, как знаем и то, что мы спим.* Совершенно необходимо пренебречь возражением, что на одну мысль наше сознание не направляется никогда, на другую — только по определенному поводу, когда цензура, так сказать, чувствует себя застигнутой врасплох. Напротив[1], есть люди, у которых ночное знание о том, что они спят и видят сны, становится совершенно явным и которым, стало быть, по-видимому, присуща сознательная способность управлять жизнью во сне. Такой сновидец, например, недоволен оборотом, который принимает сновидение, он прерывает его, не просыпаясь, и начинает его сызнова, чтобы по-другому продолжить, подобно тому как популярный писатель по желанию дает своей пьесе более счастливый конец. Или в другой раз он рассуждает про себя во сне, когда сновидение ввергло его в сексуально возбуждающую ситуацию: «Я не хочу дальше видеть сон про это и истощить себя поллюцией, я лучше приберегу это для реальной ситуации».

---

[1] [Оставшаяся часть этого абзаца была добавлена в 1909 году.]

Маркиз д'Эрве [1867, 268 и далее][1] (Vaschide, 1911, 139) утверждал, что приобрел такую власть над своими снами, благодаря чему мог по своему желанию ускорить их течение и дать им любое направление. Похоже, что у него желание спать предоставило место другому предсознательному желанию — желанию наблюдать свои сновидения и наслаждаться ими. С таким желанием-намерением сон может уживаться точно так же, как и с ограничением, выступающим условием пробуждения (сон кормилицы) [с. 236]. Также известно, что интерес к сновидениям у всех людей значительно повышает количество запоминающихся после пробуждения снов.

О других наблюдениях, касающихся управления снами, сообщает Ференци [1911]: «Сновидение со всех сторон перерабатывает именно ту мысль, которая занимает психику, при грозящей опасности неудачи в исполнении желания создает во сне образ, испытывает его с точки зрения новой формы решения, пока наконец ему не удается исполнить желание удовлетворительным, компромиссным способом».

[2] [Два последних абзаца были добавлены в 1914 году.]

Г
Пробуждение вследствие сновидения
Функция сновидения
Страшные сны

Зная теперь о том, что предсознательное настроено ночью на желание спать, мы можем с пониманием проследить далее процесс сновидения. Но сначала мы подытожим все то, что знали о нем до сих пор. Итак, либо после работы в бодрствовании сохраняются дневные остатки, которые не могут полностью лишиться энергетического катексиса; либо в результате работы в бодрствовании днем оживляется одно из бессознательных желаний, либо то и другое совпадают; все эти разнообразные возможности мы уже обсуждали. Уже в течение дня или только с возникновением состояния сна бессознательное желание прокладывает себе путь к дневным остаткам и на них переносится. Теперь возникает желание, перенесенное на недавний материал, или же подавленное недавнее желание вследствие подкрепления из бессознательного оживляется заново. Через *Псз*, с которым это желание одной своей составной частью связано, оно стремится обычным путем мыслительных процессов проникнуть в сознание. Но оно наталкивается на цензуру, которая попрежнему существует, и испытывает на себе ее влияние. Здесь оно подвергается искажению, уже подготовленному переносом на свежий материал. До сих пор оно находится на пути к тому, чтобы стать чем-то сродни навязчивому представлению, бредовой идее и т. п., то есть усиленной переносом мыслью, выражение которой искажено цензурой. Но теперь состояние сна предсознательного не допускает дальнейшего продвижения; вероятно, эта система, вследствие ослабления ее возбуждений, защищена от вторжения. Поэтому сновидение выбирает путь регрессии, открытый именно благодаря особенностям состояния сна, следуя при этом той притягательной силе, которую имеют для него группы воспоминаний, причем сами эти воспоминания присутствуют лишь в качестве зрительных катексисов и не переведены в сигналы последующих систем [ср. с. 547–548]. На пути регрессии оно становится доступным изображению. О компрессии мы поговорим позднее [с. 595]. Теперь оно оставило позади вторую часть своего тернистого пути. Первая часть

имеет прогредиентное направление от бессознательных сцен или фантазий к предсознательному; вторая часть ведет от границы цензуры обратно к восприятиям. Но когда процесс сновидения становится содержанием восприятия, он словно обходит преграду, выставленную ему цензурой и состоянием сна в *Псз.* [Ср. с. 528.] Ему удается привлечь к себе внимание и стать замеченным сознанием. Сознание же, означающее для нас орган чувств для восприятия психических качеств, может возбуждаться в бодрствовании из двух пунктов. В первую очередь, от периферии всего аппарата, из системы восприятия; кроме того, приятными и неприятными возбуждениями, являющимися чуть ли единственными психическими качествами при энергетических катексисах внутри аппарата. Все остальные процессы в ψ-системах, в том числе и в *Псз*, лишены психического качества и не являются объектами сознания, поскольку не доставляют ему для восприятия чувства удовольствия или неудовольствия. Мы вынуждены были предположить, что *эти ощущения удовольствия и неудовольствия автоматически регулируют течение процессов катексиса.* Позднее, однако, для достижения более тонких результатов выявилась необходимость сделать ход представлений более независимым от сигналов неудовольствия. С этой целью системе *Псз* потребовались собственные качества, которые могли бы привлечь сознание, и, весьма вероятно, она получила их благодаря объединению предсознательных процессов с не лишенной качественных характеристик системой воспоминаний о сигналах речи. [Ср. с. 615–616.] Благодаря качествам этой системы сознание, бывшее до сих пор лишь органом чувств для восприятий, становится теперь еще и органом чувств для части наших мыслительных процессов. Теперь имеются, так сказать, две чувственные поверхности, одна из которых обращена к восприятию, другая — к предсознательным процессам мышления.

Я должен предположить, что обращенная к *Псз* чувственная поверхность сознания благодаря состоянию сна становится гораздо менее возбудимой, чем поверхность, направленная на *В*-системы. Более того, потеря интереса к ночным мыслительным процессам вполне целесообразна. В мышлении ничего не должно происходить; *Псз* желает спать. Если же сновидение стало восприятием, то благодаря приобретенным теперь качествам оно способно возбуждать сознание. Это чувственное возбуждение делает то, в чем, собственно, и состоит его функция; в фор-

ме внимания оно направляет часть имеющейся в *Псз* катектической энергии на то, что возбуждает. [См. с. 593.] Таким образом, следует признать, что сновидение всякий раз *будит*, приводит в действие часть покоящейся энергии *Псз*. Влияние, оказываемое на него этой энергией, мы назвали вторичной переработкой, имея в виду связность и понятность сновидения. Это означает, что со сновидением обращаются, как с любым другим содержанием восприятия; оно испытывает на себе влияние точно таких же представлений, продиктованных ожиданиями, если только их допускает его материал [с. 500–501]. С точки зрения направленности течения эта третья часть процесса сновидения снова носит прогредиентный характер.

Во избежание недоразумений, наверное, уместно будет сказать несколько слов о временных особенностях этих процессов сновидения. Гобло [1896, 289–290] своей весьма интересной идеей, навеянной, очевидно, загадкой сновидения Маури о гильотине, пытается показать, что время, которое занимает сновидение, относится лишь к переходному периоду между сном и пробуждением. Пробуждение требует времени; в это время и случается сновидение. Люди думают, что последний образ сновидения был настолько сильным, что вынудил к пробуждению. На самом деле он был таким сильным именно потому, что мы и так уже были близки к пробуждению. *«Un rêve c'est un réveil qui commence»*[1].

Еще Дюга [1897*b*] подчеркивал, что Гобло пришлось оставить в стороне многие факты, чтобы придать всеобщее значение своему тезису. Существуют также сновидения, от которых не просыпаешься, например такие, в которых снится, будто что-то снится. Исходя из того, что нам известно о работе сновидения, мы не можем согласиться, что она распространяется лишь на период пробуждения. Напротив, мы должны предположить, что первая часть работы сновидения начинается уже днем, еще под властью предсознательного. Вторая ее часть — изменение под влиянием цензуры, притяжение бессознательными сценами, проникновение в восприятие — продолжается, пожалуй, всю ночь, и в этом отношении мы, видимо, всегда будем правы, сообщая о своем ощущении, что всю ночь нам что-то снилось, даже если

---

[1] [Сон — это начинающееся пробуждение (фр.). — *Примечание переводчика*.]

мы и не можем сказать, что именно. [Ср. с. 518.] Но я не думаю, что необходимо предполагать, будто процессы сновидения вплоть до осознания действительно придерживаются описанной нами временной последовательности: сначала имеется перенесенное желание, потом происходит искажение вследствие цензуры, за этим следует изменение направления в сторону регрессии и т.д. При описании нам пришлось создать такую последовательность; в действительности речь идет, пожалуй, об одновременном испытании того и другого пути, о колебании возбуждения, пока наконец из его сообразного цели накопления не остается какая-то одна группа. Основываясь на своем личном опыте, сам я считаю, что работе сновидения часто требуется больше одного дня и одной ночи, чтобы дать свой результат, причем необычайное искусство в построении сновидения перестает тогда казаться чем-то удивительным. По моему мнению, даже понятность как результат восприятия может проявиться еще до того, как сновидение привлекает к себе сознание. С этого момента, однако, процесс ускоряется, поскольку сновидение встречает теперь такое же к себе отношение, как и все остальное, что было воспринято. Это похоже на фейерверк, который готовится долгие часы, а сгорает в одно мгновение.

Благодаря работе сновидения процесс сновидения либо достигает теперь достаточной интенсивности, чтобы привлечь к себе сознание и пробудить предсознательное совершенно независимо от времени и глубины сна; либо его интенсивность для этого недостаточна, и оно должно выжидать, пока непосредственно перед пробуждением ему не пойдет навстречу ставшее более подвижным внимание. Большинство сновидений оперируют, по-видимому, сравнительно незначительными психическими интенсивностями, ожидая пробуждения. Этим объясняется, однако, и то, что мы обычно воспринимаем нечто приснившееся, когда нас неожиданно вырывают из глубокого сна. При этом, как и при спонтанном пробуждении, взгляд вначале устремляется на содержание восприятия, созданное работой сновидения, и только затем — на восприятие, получаемое извне.

Наибольший теоретический интерес вызывают, однако, сновидения, способные пробуждать посреди сна. Можно вспомнить о доказуемой повсюду целесообразности и задаться вопросом, почему сновидению, то есть бессознательному желанию, предоставлена власть нарушать сон, то есть мешать исполнению предсознательного желания. Должно быть, все дело в соотно-

шениях энергии, о которых мы мало что знаем. Если бы мы обладали этими знаниями, то, наверное, обнаружили бы, что предоставление свободы сновидению и затраты на специальное внимание к нему представляют собой экономию энергии по сравнению с тем случаем, когда бессознательное ночью удерживается в тех же границах, что и днем. [Ср. с. 579.] Как показывает опыт, сновидение, даже если оно несколько раз за ночь прерывает сон, со сном совместимо. Человек на мгновение просыпается и тотчас вновь засыпает. Это похоже на то, как во сне отгоняешь от себя муху; просыпаешься специально с этой целью. Засыпая вновь, мы устраняем помеху. Исполнение желания спать, как показывают известные примеры о сне кормилиц и т.п. [с. 236], вполне совместимо с поддержанием известных затрат внимания в определенном направлении.

Здесь, однако, необходимо выслушать одно возражение, основанное на лучшем понимании бессознательных процессов. Мы сами характеризовали бессознательные желания как постоянно активные. Тем не менее днем они недостаточно сильны, чтобы дать о себе знать. Но если имеется состояние сна, а бессознательное желание проявило силу, чтобы образовать сновидение и с его помощью разбудить предсознательное, то почему эта энергия иссякает после того, как сновидение оказалось воспринятым? Не должно ли сновидение постоянно возобновляться подобно назойливой мухе, которая все снова и снова возвращается после того, как ее отгоняют? По какому праву мы утверждали, что сновидение устраняет нарушение сна?

Совершенно верно, что бессознательные желания всегда остаются активными. Они представляют собой пути, которые оказываются проходимыми всякий раз, когда ими пользуется некое количество возбуждения. [Ср. с. 555, прим.] Замечательная особенность бессознательных процессов как раз и состоит в том, что они остаются нерушимыми. В бессознательном ничего не кончается, ничего не пропадает и не забывается. Самое яркое впечатление об этом получаешь при изучении неврозов, особенно истерии. Бессознательный ход мыслей, ведущий к разрядке в виде приступа, тотчас становится вновь проходимым, когда накопилось достаточно возбуждения. Обида, возникшая тридцать лет назад, получив доступ к бессознательным источникам аффекта, все эти тридцать лет воздействует, словно недавняя. Стоит только затронуть воспоминание о ней, как она снова оживает и проявляется, катектированная возбуждением, кото-

рое находит себе моторный отвод в припадке. Именно здесь может вмешаться психотерапия. Ее задача заключается в том, чтобы обеспечить завершение и забывание бессознательных процессов. То, что мы склонны считать само собой разумеющимся и объясняем первичным влиянием времени на остатки душевных воспоминаний, стиранием воспоминаний и аффективной слабостью впечатлений, которые уже не являются свежими, — на самом деле представляет собой вторичные изменения, возникающие благодаря хлопотливой работе. Именно предсознательное совершает эту работу, *и психотерапия не может пойти по иному пути, кроме пути подчинения Бсз господству Псз.* [Ср. с. 555, прим.]

Таким образом, для отдельного бессознательного процесса возбуждения имеется два исхода. Либо он остается предоставленным самому себе, и тогда он в конце концов где-нибудь прорывается, обеспечивая своему возбуждению на сей раз выход к моторике, либо он подвергается воздействию предсознательного, и тогда его возбуждение *связывается* им, а не *отводится*. *Последнее и происходит при процессе сновидения.* [См. с. 601, прим.1.] Катексис, идущий со стороны *Псз* навстречу ставшему восприятием сновидению, управляется теперь возбуждением в сознании и поэтому связывает бессознательное возбуждение сновидения, обезвреживая его как помеху. Если сновидец на мгновение просыпается, то это означает, что он и в самом деле отогнал от себя муху, угрожавшую нарушить сон. Мы можем теперь увидеть, что действительно было целесообразнее и выгоднее предоставить свободу бессознательному желанию, открыть ему путь к регрессии, чтобы оно образовало сновидение, а затем связать это сновидение и покончить с ним благодаря небольшим затратам предсознательной работы, нежели все время во сне держать в узде бессознательное. [Ср. с. 578.] Ведь следовало ожидать, что сновидение, даже если первоначально оно не было целесообразным процессом, во взаимодействии сил душевной жизни должно было овладеть некой функцией. Мы видим, какова эта функция. Оно взяло на себя задачу вновь подчинить предсознательному отпущенное на волю возбуждение *Бсз*; при этом оно отводит возбуждение *Бсз*, служит ему клапаном и в то же время защищает сон предсознательного от незначительных затрат бодрствующей деятельности. Таким образом, в качестве компромисса, подобно другим психическим образованиям этого ряда, оно одновременно служит обеим системам, ис-

полняя желания той и другой, поскольку они совместимы друг с другом. Если еще раз вернуться к «секреторной теории» Роберта [1886], о которой рассказывалось на с. 98, то мы увидим, что должны признать правоту этого автора в главном — в определении функции сновидения, тогда как в предположениях и в оценке процесса сновидения мы с ним расходимся. [Ср. с. 193–194.][1]

Ограничение *«поскольку оба желания совместимы друг с другом»* содержит указание на возможные случаи, в которых функция сновидения терпит фиаско. Процесс сновидения внача-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Является ли это единственной функцией, которую мы можем признать за сновидением? Другой я не знаю. Хотя А. Мэдер сделал попытку [1912] отнести на счет сновидения другие, «вторичные» функции. Он исходил из верного наблюдения, что некоторые сны содержат в себе попытки решения конфликтов, которые действительно осуществляются впоследствии, то есть выступают своего рода упражнениями, предваряющими деятельность в бодрствовании. Поэтому он провел параллель между сновидением и игрой животных и детей, которую следует понимать как предварительную репетицию имеющихся инстинктов и как подготовку к последующему серьезному поведению, и указал на *fonction ludique* сновидения. Незадолго до Мэдера функция «предвосхищающего мышления» в сновидении подчеркивалась также А. Адлером [1911, 215, прим.]. (В опубликованном мною в 1905 году анализе [«Фрагмент анализа одного случая истерии», раздел II, см. *Studienausgabe*, т. 6, в частности с. 136–139] каждую ночь вплоть до его осуществления повторялся сон, который следует понимать как намерение). [Ср. также выше, с. 205.])

Однако несложное рассуждение должно нам показать, что в рамках толкования сновидений эта «вторичная» функция сновидения признания не заслуживает. Предвосхищающее мышление, осмысление намерений, проектирование попыток решения, которые затем при известных обстоятельствах могут осуществляться в бодрствующей жизни, — все это и многое другое является продуктом бессознательной и предсознательной духовной деятельности, которая в виде «дневного остатка» продолжается в состоянии сна и в таком случае может соединиться с бессознательным желанием (см. с. 552 и далее) для образования сновидения. Следовательно, функция предвосхищающего мышления в сновидении — это, скорее, функция предсознательного бодрствующего мышления, результат которой нам становится ясен благодаря анализу сновидений или же других феноменов. После того как в течение столь долгого времени сновидение отождествляли с его явным содержанием, теперь нужно остерегаться также того, чтобы смешивать сновидение с его скрытыми мыслям. [Ср. с. 508, прим.2.]

ле допускается как исполнение желания бессознательного; если эта попытка исполнить желание настолько сильно потрясает предсознательное, что оно не может уже сохранить свое спокойствие, то это значит, что сновидение нарушило компромисс и уже не выполняет второй части своей задачи. В таком случае оно тотчас прерывается и заменяется полным пробуждением. Собственно говоря, и здесь тоже нет вины сновидения, когда оно, будучи обычно стражем сна, вынуждено выступить в качестве его нарушителя, и нам не нужно подвергать сомнению его целесообразность. Это не единственный случай в организме, когда обычно целесообразное устройство становится нецелесообразным и мешающим после того, как в условиях его возникновения нечто меняется, и тогда нарушение служит, по меньшей мере, новой цели — указать на изменение и активизировать против него средства регуляции организма. Разумеется, я здесь имею в виду случай страшного сна, и, чтобы не показалось, будто я уклоняюсь от этого свидетельства против теории исполнения желаний всякий раз, когда на него наталкиваюсь, я постараюсь хотя бы в общих чертах разъяснить сновидения этого рода.

В том, что психический процесс, способствующий развитию страха, может быть тем не менее исполнением желания, давно уже для нас не содержится противоречия. Мы можем объяснить себе это явление тем, что желание относится к одной системе, *Бсз*, тогда как система *Псз* это желание отвергла и подавила[1]. Подчинение *Бсз* системой *Псз* даже при абсолютном пси-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1919 году:]* «Второй, гораздо более важный и глубокий момент, которому "непосвященный" также не уделяет внимания, следующий. Исполнение желания, конечно, должно было бы приносить удовольствие, но, спрашивается, кому? Разумеется, тому, кто имеет желание. Но о сновидце нам известно, что он поддерживает со своими желаниями совершенно особые отношения. Он отвергает их, подвергает цензуре, словом, не терпит их. Таким образом, их исполнение может принести ему не удовольствие, а только противоположное чувство. В таком случае опыт показывает, что это противоположное чувство, которое следует еще объяснить, проявляется в форме страха. Стало быть, в отношении к своим желаниям во сне сновидца можно сравнить лишь с существом, состоящим из двух людей, которые, однако, связаны между собой и имеют много общего. Вместо дальнейших рассуждений я приведу вам известную сказку [ср. выше, с. 559], в которой вы обнаружите такие же отношения. Добрая фея обещает бедной супружеской паре, мужу и жене, исполне-

хическом здоровье не является полным; размеры этого подчинения определяют степень нашей психической нормальности. Невротические симптомы показывают нам, что обе системы находятся в конфликте друг с другом; они являются компромиссными результатами этого конфликта, которые на какое-то время кладут ему конец. С одной стороны, они обеспечивают *Бсз* канал для отвода его возбуждения, служат ему выходными воротами, но с другой стороны, дают *Псз* возможность иметь определенную власть над *Бсз*. Поучительно, например, рассмотреть значение истерической фобии или страха пространства. Невротик не в состоянии один идти по улице, и это мы справедливо называем «симптомом». Попытаемся устранить этот симптом, вынуждая больного совершать то действие, к которому он считает себя неспособным. В таком случае возникает приступ страха, подобный приступу страха на улице, который стал для него поводом к развитию агорафобии. Таким образом, мы узнаем, что симптом был конституирован, чтобы предотвратить вспышку страха; фобия предстает перед страхом как своего рода пограничная крепость.

Наше обсуждение не сможет продолжиться, если мы не остановимся на роли аффектов в этих процессах, что, впрочем, возможно здесь сделать только отчасти. Итак, мы выдвигаем тезис, что подавление *Бсз* необходимо прежде всего потому, что предоставленное самому себе течение представлений в *Бсз* вызывает аффект, который первоначально носит характер удоволь-

---

ние их первых трех желаний. Они счастливы и собираются тщательно выбрать эти три желания. Но жена соблазняется запахом жареных сосисок из соседней хижины и желает получить пару таких сосисок. Через мгновение они уже здесь; таково первое исполнение желания. Муж сердится и в горькой обиде загадывает желание, чтобы сосиски повисли у жены на носу. Это тоже сбывается, и удалить сосиски с их нового места расположения невозможно; таково второе исполнение желания, но уже желания мужа; жене исполнение этого желания весьма неприятно. Вы знаете, что происходит дальше в сказке. Но поскольку оба, в сущности, составляют все-таки единое целое, мужа и жену, третье желание должно заключаться в том, чтобы сосиски оставили нос жены. Мы могли бы использовать эту сказку еще много раз в другой связи; здесь она служит нам лишь иллюстрацией того, что исполнение желания одного может привести к неудовольствию другого, если они между собой не согласны». («Лекции по введению в психоанализ» [*Studienausgabe*, т. I, с. 219–220].)

ствия, а после процесса *вытеснения* — характер неудовольствия. Подавление имеет целью, но также и результатом предотвращение развития этого неудовольствия. Подавление простирается на содержание представлений *Бсз* потому, что именно содержание представления может послужить причиной неудовольствия. Здесь в основу положено совершенно определенное предположение о природе развития аффекта[1]. Это развитие рассматривается как моторный или секреторный акт, иннервационный ключ к которому находится в представлениях *Бсз*. Благодаря контролю со стороны *Псз* эти представления, так сказать, зажимаются, а распространение импульсов, развивающих аффект, тормозится. Опасность, возникающая при прекращении катексиса со стороны *Псз*, состоит, следовательно, в том, что бессознательные возбуждения высвобождают такой аффект, который — вследствие ранее произошедшего вытеснения — может ощущаться только как страх, как неудовольствие.

Эта опасность возникает из-за предоставления свободы процессу сновидения. Условия для ее осуществления заключаются в том, что произошли вытеснения и что подавленные импульсы желаний могут оказаться достаточно сильными. Следовательно, они всецело находятся за психологическими рамками образования сновидения. Если бы наша тема этим моментом — освобождением *Бсз* во время сна — не была связана с темой развития страха, то я мог бы отказаться от обсуждения страшных снов и избавить себя ото всех им присущих неясностей.

Теория страшных снов относится, как я уже не раз говорил, к психологии неврозов. Указав на ее точку соприкосновения с темой процесса сновидения, мы можем на этом остановиться. Разве что я могу сделать еще кое-что. Поскольку я утверждал, что невротический страх проистекает из сексуальных источников, я могу подвергнуть анализу страшные сны, чтобы выявить сексуальный материал в их мыслях[2].

В силу веских причин я откажусь здесь от всех примеров, которые в изобилии предоставляют мне невротические пациенты, и отдам предпочтение страшным снам малолетних.

---

[1] [По поводу этой гипотезы см. с. 470 и прим.]

[2] [В дальнейших рассуждениях отдельные места, по-видимому, были скорректированы в свете более поздних представлений Фрейда о страхе. См. также с. 178, 249 и 347.]

У меня самого уже несколько десятилетий не было ни одного настоящего страшного сна. Из своего семи- или восьмилетнего возраста я помню одно такое сновидение, которое лет тридцать спустя я подверг толкованию. Оно было очень живым; мне снилась *любимая мать с необычно спокойным, как у спящего человека, выражением лица; ее внесли в комнату и положили на кровать два (или три) человека с птичьими клювами.* Я проснулся в слезах и своим плачем нарушил сон родителей. Необычно задрапированные, слишком длинные фигуры с птичьими клювами я заимствовал из иллюстраций к библии *Филипсона*[1]; я думаю, это были боги с ястребиными головами с египетского надгробного барельефа. Кроме того, анализ дает мне воспоминание об одном невоспитанном мальчике, сыне дворника, который часто играл с нами, детьми, на лужайке перед домом; и я почти уверен, что его звали *Филипп*. Далее, мне кажется, что именно от этого мальчика я впервые услышал вульгарное слово, которое обозначает половой акт, а образованными людьми заменяется латинским словом *«коитировать»*, имеющим, однако, довольно четкую аналогию с ястребиными головами. О сексуальном значении этого слова я, видимо, догадался по виду моего познавшего свет наставника. Выражение лица матери в сновидении было мною скопировано с лица деда, которого я тайком увидел в коме за несколько дней до его смерти. Стало быть, толкование вторичной переработки [см. с. 493] в сновидении гласило, что *мать* умирает; с этим согласуется и *надгробный* барельеф. В этом страхе я проснулся и не мог успокоиться до тех пор, пока не разбудил родителей. Я вспоминаю, что сразу же успокоился, когда увидел лицо матери, словно мне требовалось утешение: она не умерла. Однако это вторичное истолкование сна произошло уже под влиянием возникшего страха. Я был встревожен не потому, что мне приснилось, будто мать умирает; напротив, я истолковал сновидение в предсознательной переработке так потому, что мною уже владел страх. Страх же посредством вытеснения сводится к смутному, несомненно, сексуальному чувству, которое нашло свое выражение в зрительном содержании сновидения.

---

[1] [«Иудейская библия», издание Ветхого завета на иврите и немецком языке, Лейпциг, 1839–1854 (2-е изд. 1858). В Пятой книге Моисея, 4-я глава, в одном подстрочном примечании имеется изображение египетских божеств, некоторых из них с птичьими головами.]

Одному 27-летнему мужчине, который уже больше года страдает тяжелым недугом, в возрасте между одиннадцатью и тринадцатью годами постоянно снился сон, сопровождавшийся чувством страха, *будто за ним гонится какой-то человек с мотыгой; он хочет бежать, но словно парализован и не может сойти с места.* Пожалуй, это хороший образец очень типичного и не внушающего подозрений в сексуальном отношении страшного сна. При анализе сновидец сначала вспоминает один, относящийся к более позднему времени рассказ своего дяди о том, как ночью на него напал на улице какой-то подозрительный тип, и сам заключает отсюда, что, возможно, в то время, когда ему приснился сон, он слышал об аналогичном происшествии. По поводу *мотыги* он вспоминает, что однажды в тот же период жизни, выкорчевывая дерево, он поранил себе руку *мотыгой.* Затем он непосредственно переходит к своему отношению к младшему брату, с которым он часто жестоко обращался; в частности, он вспоминает один случай, когда он попал ему в голову сапогом и разбил ее в кровь, а мать сказала тогда: «Я боюсь, что когда-нибудь он его убьет». Остановившись, таким образом, на теме *насилия*, он вдруг вспоминает один эпизод, относящийся к девятилетнему возрасту. Родители поздно вечером вернулись домой и легли в постель, а он, притворившийся спящим, вскоре услышал тяжелое дыхание и другие звуки, показавшиеся ему жуткими, он мог даже догадаться об их положении в постели. Его дальнейшие мысли показывают, что между этими отношениями родителей и своим отношением к младшему брату он провел аналогию. То, что происходило между родителями, он обозначил для себя словами *«насилие»* и *«драка»*. Доказательством такой точки зрения явилось для него то, *что в постели матери он часто замечал кровь.*

То, что половой акт взрослых кажется детям, которые его замечают, чем-то ужасным и вызывает у них страх, — это вывод, сделанный, я бы сказал, на основании повседневного опыта. Этому страху я дал следующее объяснение: речь идет о сексуальном возбуждении, которое недоступно их пониманию; это возбуждение отвергается, пожалуй, из-за того, что в него впутаны родители, и поэтому оно превращается в страх. В более ранний период жизни сексуальный импульс по отношению к родителю противоположного пола пока еще не наталкивается на вытеснение и выражается, как мы видели (с. 267 и далее), свободно.

Я бы безо всяких сомнений применил это же объяснение и к столь часто встречающимся у детей ночным приступам страха с галлюцинациями *(pavor nocturnus)*. Также и здесь речь может идти лишь о непонятных и отвергнутых сексуальных импульсах, при описании которых, вероятно, выявилась бы временная периодичность, так как усиление сексуального либидо может происходить как вследствие случайных возбуждающих впечатлений, так и в результате спонтанных, периодически активизирующихся процессов развития.

Мне недостает необходимого материала наблюдений, чтобы подтвердить это заявление[1]. И наоборот, детским врачам, похоже, недостает точки зрения, которая позволила бы понять целый ряд феноменов как с соматической, так и с психической стороны. В качестве курьезного примера того, как легко в ослеплении медицинской мифологией пройти мимо понимания таких случаев, я приведу один случай, обнаруженный мной в тезисе Дебаккера (1881, 66) о *pavor nocturnus*.

Один тринадцатилетний мальчик слабого здоровья становился все более тревожным и рассеянным, его сон стал беспокойным и почти каждую неделю хотя бы раз прерывался тяжелым приступом страха с галлюцинациями. Воспоминания об этих снах всегда были очень отчетливыми. Так, он рассказывал, как на него кричал черт: «Теперь ты наш! Теперь ты наш!», — кругом пахло смолой и серой, а огонь обжигал его кожу. Проснувшись в страхе после такого сна, он вначале ничего не мог вымолвить, пока, наконец, к нему не вернулся голос, и тогда было отчетливо слышно, как он говорил: «Нет, нет, не меня, я ведь ничего не сделал», — или: «Пожалуйста, нет, я никогда не буду больше так делать!» Однажды он также сказал: «Альберт этого не делал!» Позднее он стал избегать раздеваться, потому что, по его словам, «огонь охватывал его только тогда, когда он был раздет». В то самое время, когда ему снились эти сны про чертей, грозившие подорвать его здоровье, его отправили в деревню. Он провел там полтора года, поправился, а затем, когда ему было пятнадцать лет, однажды признался: *«Je n'osais pas l'avouer, mais j'éprouvais continuellement des picotements et des*

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1919 году:]* С тех пор этот материал в более чем достаточном объеме был предоставлен психоаналитической литературой.

surexcitations aux p a r t i e s[1], *à la fin, cela m'énervait tant que plusieurs fois, j'ai pensé me jeter par la fenêtre du dortoir»*[2].

В действительности нетрудно догадаться, 1) что мальчик в прежние годы мастурбировал, вероятно, это отрицал, и ему угрожали суровым наказанием за его дурную привычку. (Его признание: *«Je ne le ferai plus*[3]*»*; его отрицание: *«Albert n'a jamais fait ça*[4]*»*); 2) что под напором полового созревания у него снова пробудилось желание мастурбировать, но теперь 3) он стал бороться и сопротивляться, и в результате этой борьбы либидо оказалось подавленным и преобразовалось в страх, который впоследствии включил в себя также страх грозивших тогда наказаний.

Послушаем, однако, выводы нашего автора (ibid., 69). «Из этого наблюдения вытекает, что:

1) влияние полового созревания у мальчика со слабым здоровьем может вызвать состояние общей слабости и даже привести к *весьма значительной анемии мозга*[5];

2) эта анемия мозга является причиной изменения характера, демономанических галлюцинаций и очень сильных ночных, возможно, также дневных состояний страха;

3) демономания и самообвинения мальчика объясняются влиянием религиозного воспитания, полученного им в детстве;

4) вследствие продолжительного пребывания в деревне, физических упражнений и восстановления сил все эти явления по окончании пубертата исчезли;

5) наверное, наследственности и застарелому сифилису отца можно приписать предрасполагающую причину возникновения мозговых явлений у ребенка».

Заключительное слово: *«Nous avons fait entrer cette observation dans le cadre des délires apyrétiques d'inanition, car c'est à l'ischémie cérébrale que nous rattachons cet état particulier»*[6].

---

[1] Выделено мной; впрочем, недоразумений не вызывает.

[2] [Я не осмеливался признаться, но я постоянно испытывал покалывания и чрезмерное возбуждение в половых органах; в конце концов это стало настолько меня нервировать, что я думал выброситься из окна спальни (фр.). — *Примечание переводчика.*]

[3] [Я не буду больше так делать (фр.). — *Примечание переводчика.*]

[4] [Альберт этого не делал (фр.). — *Примечание переводчика.*]

[5] Курсив мой.

[6] [Мы отнесли это наблюдение к разряду апиретического делирия, вызванного истощением, ибо это специфическое состояние мы связываем с церебральной ишемией (фр.). — *Примечание переводчика.*]

Д
Первичный и вторичный процессы
Вытеснение

Отважившись на попытку глубже проникнуть в психологию процессов сновидения, я взялся за трудную задачу, которая едва ли по силам моему искусству изображения. Воспроизвести одновременность столь сложной взаимосвязи при помощи последовательности в изложении и при этом при выдвижении любого тезиса казаться бездоказательным — слишком тяжело для меня. Этим я расплачиваюсь за то, что при изложении психологии сновидений не могу следовать за историческим развитием своих взглядов. Точка зрения на понимание сновидений была мне дана предшествующими работами в области психологии неврозов, на которые я здесь не могу и в то же время должен постоянно ссылаться, тогда как мне лично хотелось бы идти обратным путем и от сновидения перекинуть мост к психологии неврозов. Я знаю все трудности, возникающие из-за этого для читателя, но не знаю средства, как их избежать. [Ср. с. 123, прим. 2.]

Неудовлетворенный таким положением вещей, я охотно остановлюсь на другой точке зрения, которая, по-видимому, повысит ценность моего труда. Я выявил тему, в отношении которой в воззрениях авторов царили острейшие противоречия, как это было показано во введении в первой главе. При обсуждении проблем сновидения мы уделили внимание большинству этих противоречий. Лишь два высказанных мнения — что сновидение бессмысленно [с. 73 и далее] и что оно представляет собой соматический процесс [с. 96–97] — мы вынуждены были категорически опровергнуть. Что касается всех остальных противоречащих друг другу мнений, то их правоту хоть в каком-либо месте запутанной взаимосвязи мы признаем и можем подтвердить, что в них содержится нечто верное. То, что в сновидении продолжают существовать побуждения и интересы жизни в бодрствовании [с. 27–28], в общем и целом подтвердилось благодаря обнаружению скрытых *мыслей сновидения*. Их занимает лишь то, что нам кажется важным и необычайно интересует. Сновидение не растрачивает себя по мелочам. Но мы признаем и обратное: что сновидение собирает индифферентные побоч-

ные продукты дня [с. 38–39] и может проявить большую заинтересованность дневными событиями не раньше, чем этого интереса в известной степени будет лишена работа бодрствования [с. 37]. Мы сочли это верным для *содержания сновидения,* которое путем искажения дает мыслям сна измененное выражение. Мы говорили, что в силу законов механики ассоциаций процесс сновидения проще овладевает свежим или индифферентным материалом представлений, на который еще не был наложен запрет со стороны бодрствующей мыслительной деятельности, и по причинам цензуры он переносит психическую интенсивность с чего-то важного, но вместе с тем предосудительного, на индифферентное. Гипермнезия сновидения [с. 31 и далее] и использование детского материала [с. 35 и далее] легли в основу нашего учения; в нашей теории сновидения мы приписали желанию, проистекающему из детства, роль незаменимой движущей силы при образования сновидения. Сомневаться в экспериментально подтвержденном значении внешних чувственных раздражителей во сне нам, разумеется, не приходило и в голову [с. 43 и далее], но мы включили этот материал в такие же отношения с желанием во сне, что и сохранившиеся от работы днем остатки мыслей. То, что сновидение иллюзорно истолковывает объективный чувственный раздражитель [с. 48–49], нам оспаривать не приходится; но мы добавили мотив этого толкования, остававшийся не проясненным другими авторами. Толкование происходит таким образом, что воспринятый объект становится безвредным с точки зрения нарушения сна и пригодным для исполнения желания. Субъективное состояние возбуждения органов чувств во сне, которое, по-видимому, доказано Трамбеллом Лэддом [1892; см. выше, с. 52], мы не считаем особым источником сновидения, но можем объяснить его регредиентным оживлением воспоминаний, стоящих за сновидением. Также и внутренним органическим ощущениям, которые многие кладут в основу объяснения сновидений [с. 53 и далее], принадлежит, по нашему мнению, определенная, хотя и более скромная роль. Они предоставляют нам — в виде ощущений падения, парения, заторможенности — всегда готовый материал, которым работа сновидения в случае необходимости пользуется для изображения мыслей сна.

Утверждение, что процесс сновидения стремителен, мгновенен [с. 84], кажется нам верным с точки зрения восприятия сознанием сновидения, содержание которого уже было заранее

подготовлено; что касается предшествующих стадий процесса сновидения, то мы сочли вероятным медленное, спокойное течение. По поводу загадки чрезвычайно богатого содержания сновидения, втиснутого в самое короткое мгновение, мы говорили, что речь здесь идет о привлечении уже готовых образований психической жизни. То, что сновидение искажается и коверкается воспоминанием [с. 65–66], мы сочли верным, но не затруднительным, ибо это является всего лишь последней очевидной частью искажающей работы, совершаемой с самого начала образования сновидения. В ожесточенном и, похоже, непримиримом споре о том, спит ли ночью душевная жизнь [с. 72–73] или, как днем, располагает всей своей работоспособностью [с. 80–81], мы признаем правоту обеих сторон и вместе с тем не можем считать ни одну из них полностью правой. В мыслях сновидения мы нашли свидетельства крайне сложной интеллектуальной работы с использованием почти всех средств психического аппарата; и все же нельзя отрицать, что эти мысли сновидения возникли днем, и, безусловно, следует допустить, что состояние сна душевной жизни все-таки существует. Таким образом, мы признаем теорию частичного сна [с. 96]; но особенность состояния сна мы усмотрели не в распаде психических взаимосвязей, а в настроенности психической системы, которая властвует днем, на желание спать. Отвлечение от внешнего мира [с. 27] сохранило свое значение и в нашем подходе; оно способствует, хотя и не в качестве единственного момента, регрессии изображения в сновидении. Отказ от произвольного управления течением представлений [с. 68–69] сомнений не вызывает; однако психическая жизнь не становится из-за этого бесцельной, ибо мы слышали, что после устранения желательных целевых представлений начинают царить нежелательные. Мы не только признали наличие слабой ассоциативной связи в сновидении [с. 77], но и даже придали ей гораздо большее значение, чем можно было предполагать; однако мы обнаружили, что она служит всего лишь вынужденной заменой другой связи — правильной и осмысленной. Разумеется, мы тоже называли сновидение абсурдным; но примеры могли показать нам, насколько умно сновидение, притворяясь абсурдным. В вопросе о функциях, приписываемых сновидению, у нас нет никаких расхождений. То, что сновидение, словно клапан, разгружает психику [с. 98] и что, по выражению Роберта [1886, 10–11], всякого рода вредности в результате представления во сне становятся безвредными, не толь-

ко в точности совпадает с нашим учением о двояком исполнении желаний сновидением, но и даже в своей формулировке становится для нас более понятным, чем у Роберта. Свободное проявление душой своих способностей [с. 101–102] соответствует у нас предоставлению сновидению свободы посредством предсознательной деятельности. «Возвращение к эмбриональной позиции душевной жизни в сновидении» и замечание Хэвлока Эллиса [1899, 721]: *«An archaic world of vast emotions and imperfect thoughts»* [с. 79] — представляются нам удачным предвосхищением наших рассуждений о том, что *примитивные*, подавленные днем методы работы могут участвовать в образовании сновидения; утверждение Салли [1893, 362]: «Наши сновидения являются средством возвращения ранних последовательных стадий развития личности. Засыпая, мы возвращаемся к старым способам смотреть на вещи и размышлять о них, к импульсам и действиям, которые когда-то давно у нас преобладали» [с. 79] — мы могли бы в полном объеме сделать своим собственным[1]; как у Делажа [1891], так и у нас *«подавленное»* [с. 100] становится движущей силой сновидения.

Роль, которую приписывает Шернер [1861] фантазии во сне, и сами толкования Шернера мы приняли в полном объеме [с. 103 и далее], но должны, так сказать, отвести ей другое место в проблеме. Не сновидение образует фантазию, а, наоборот, в образовании мыслей сновидения наибольшее участие принимает бессознательная деятельность фантазии. Мы остаемся обязаны Шернеру указанием на источник мыслей сновидения; однако чуть ли не все, что он приписывает работе сновидения, необходимо отнести на счет деятельности активного днем бессознательного, которая дает сновидениям не меньше импульсов, чем невротическим симптомам. Работу сновидения мы должны были отделить от этой деятельности как нечто совершенно отличное и гораздо более связное. Наконец, мы не только не отрицали взаимосвязи снов с душевными расстройствами [с. 107 и далее], но и дали ей более прочное обоснование с новых позиций.

Благодаря тому новому, что содержится в нашем учении о сновидениях и обеспечивает, подобно единице более высокого

---

[1] [Часть предложения от слов «утверждение Салли» до «своим собственным» была добавлена в 1914 году.]

уровня, его прочность, мы обнаруживаем, что самые разные и противоречивые выводы авторов включены в нашу систему; некоторые из них получили иную трактовку и лишь немногие были отвергнуты полностью. Но и наше строение пока еще не закончено. Не говоря уже о многих неясностях, с которыми мы столкнулись, проникая в глубь психологии, нас, по-видимому, поджидает еще одно новое противоречие. С одной стороны, мы допустили, что мысли сновидения возникают в результате совершенно нормальной умственной работы, но, с другой стороны, среди мыслей сновидения, а через них и в содержании сновидения, мы обнаружили целый ряд отклоняющихся от нормы мыслительных процессов, которые мы затем воспроизводим при толковании снов. Все, что мы называли «работой сновидения», похоже, так далеко от процессов, которые мы считаем корректными, что самые резкие суждения авторов о низких психических результатах сновидения, пожалуй, должны показаться нам обоснованными.

Здесь, наверное, лишь путем дальнейшего продвижения мы сможем прийти к прояснению и преодолению затруднений. Я хотел бы остановиться на одной из констелляций, ведущих к образованию сновидения.

Мы узнали, что сновидение замещает множество мыслей, которые относятся к нашей жизни днем и совершенно логично друг с другом связаны. Поэтому мы не можем сомневаться в том, что эти мысли проистекают из нашей нормальной духовной жизни. Все качества, которые мы высоко ценим в своих цепочках мыслей и благодаря которым они характеризуются как сложные результаты работы высшего уровня, мы обнаруживаем в мыслях сновидения. Однако нет никакой надобности предполагать, будто эта мыслительная работа была осуществлена во сне, что серьезно поколебало бы наше прежнее представление о психическом состоянии сна. Скорее, эти мысли происходят от того, что происходило днем; получив толчок, они, незаметно для сознания, могут продолжиться, а затем после засыпания предстать в готовом виде. Если мы что и должны извлечь из такого положения вещей, то в лучшем случае это будет доказательство того, *что самая сложная мыслительная работа возможна без участия сознания,* что, впрочем, нам и так было известно из психоанализа истерических больных или людей, страдающих навязчивыми представлениями. Несомненно, что сами по себе эти мысли сновидения доступ-

ны сознанию; если днем мы их не сознаем, то это может иметь различные причины. Осознание связано с привлечением определенной психической функции [с. 542 и далее], внимания, по-видимому, используемого лишь в определенном количестве и способного отвлекаться от данного хода мыслей на другие задачи[1]. Другой способ, с помощью которого такие цепочки мыслей могут скрываться от сознания, следующий. Благодаря нашим сознательным размышлениям мы знаем, что при использовании внимания мы следуем определенным путем. Если на этом пути мы наталкиваемся на представление, которое не выдерживает критики, мы прерываемся, допуская снижение катексиса внимания. По всей видимости, начатый и оставленный ход мыслей может затем продолжаться без участия внимания, если только в каком-либо месте он не достигает особенно большой интенсивности, которая заставляет обратить на себя внимание. Первоначальное отвержение мыслительного акта из-за его оценки сознанием как неправильного или непригодного для насущных целей может быть, следовательно, причиной того, что незаметно для сознания мыслительный процесс продолжается до самого засыпания.

Подытожим: такой ход мыслей мы называем *предсознательным*, считаем его совершенно корректным и полагаем, что им могут пренебрегать, а также его могут прерывать и подавлять. Скажем также открыто, в каком виде можно изобразить течение представлений. Мы полагаем, что от целевого представления вдоль по ассоциативным путям, избранным этим целевым представлением, перемещается определенная величина возбуждения, которую мы называем энергией катексиса. Ход мыслей, которым «пренебрегают», такого катексиса не получает; от «подавленного» или «отброшенного» его забирают назад; оба течения мыслей оказываются предоставленными их собственным возбуждениям. Катектированный целью ход мыслей при определенных условиях способен привлекать к себе внимание сознания, и тогда благодаря его содействию он получает «гиперкатексис». Наши допущения о природе и работе сознания мы поясним несколько позже. [См. с. 614–615.]

---

[1] [Понятие «внимание» в более поздних сочинениях Фрейда особой роли не играет, и, наоборот, оно занимает видное место в «Проекте психологии» (Freud, 1950*a*). Ср. также с. 547 и 582.]

Такой ход мыслей, возбужденный в предсознательном, может спонтанно угаснуть или сохраниться. Первый случай мы представляем себе таким образом, что его энергия диффундирует по всем исходящим от него ассоциативным направлениям и приводит всю вереницу мыслей в состояние возбуждения, которое длится какое-то время, а затем исчезает, по мере того как нуждающееся в отводе возбуждение преобразуется в бездействующий катексис. Если имеет место такой исход, то далее этот процесс никакого значения для образования сновидений не имеет. Однако в нашем предсознательном ждут своего часа другие целевые представления, проистекающие из источников наших бессознательных и постоянно активных желаний. Они могут овладеть возбуждением в предоставленном самому себе круге мыслей, установить связь между ним и бессознательным желанием, *перенести* на него энергию, присущую бессознательному желанию, и отныне «пренебрегаемый» или подавленный ход мыслей способен сохраниться, хотя благодаря этому усилению он все же не претендует на доступ к сознанию. Мы можем сказать, что ход мыслей, бывший до сих пор предсознательным, *оказался вовлечен в бессознательное*.

Другие констелляции образования сновидений следующие: предсознательный ход мыслей с самого начала связан с бессознательным желанием и поэтому наталкивается на отвержение со стороны господствующего целевого катексиса; или же бессознательное желание стало активным по другим (например, соматическим) причинам и безо всякого содействия пытается перенестись на психические остатки, не катектированные из *Псз*. В конечном счете все эти три случая совпадают в общем выводе, что в предсознательном совершается ход мыслей, который, лишаясь предсознательного катексиса, получает катексис от бессознательного желания.

Вслед за этим ход мыслей претерпевает ряд превращений, которые мы уже не считаем нормальными психическими процессами и которые дают результат, вызывающий у нас недоумение, — психопатологическое образование. Попытаемся теперь его выделить и сопоставить.

1) Интенсивности отдельных представлений во всем своем объеме становятся способными к оттоку и переходят с одного представления на другое, в результате чего образуются отдельные представления, наделенные большой интенсивностью. [Ср. с. 329.] После того как этот процесс много раз повторяется, ин-

тенсивность всего хода мыслей в конце концов может оказаться сосредоточенной на одном-единственном элементе представлении. Это и есть феномен *компрессии* или *сгущения*, с которым мы познакомились при рассмотрении работы сновидения. На нем и лежит главная вина за странное впечатление от сновидения, ибо чего-либо аналогичного ему в нормальной и доступной сознанию душевной жизни мы совершенно не знаем. Также и здесь у нас есть представления, которые в качестве узловых пунктов или конечных результатов вереница мыслей обладают большим психическим значением; но эта ценность не выражается в каком-либо *очевидном* для внутреннего восприятия свойстве; поэтому то, что в ней представлено, отнюдь не становится интенсивнее. В процессе сгущения вся психическая взаимосвязь преобразуется в *интенсивность* содержания представления. Точно так же обстоит дело, когда некое слово в книге, которому я придаю особое значение для понимания текста, я прошу напечатать вразрядку или жирным шрифтом. В разговоре я произнес бы это слово громко, медленно и с ударением. Первое сравнение ведет непосредственно к примеру, заимствованному из работы сновидения (*триметиламин* в сновидении об инъекции Ирме [с. 135]). Искусствоведы обращают наше внимание на то, что древнейшие исторические скульпторы следуют аналогичному принципу, выражая знатность изображенных людей размерами статуи. Царь изображается вдвое или втрое выше, чем его свита или поверженный враг. Произведения искусства римской эпохи для достижения этой же цели пользуются более тонким средством. Художник поместит фигуру императора посередине, придаст ей величественную осанку, с особой тщательностью будет совершенствовать его образ, положит врагов у его ног, но уже не будет изображать его великаном средь карликов. Между тем поклон подчиненного перед начальником до сих пор представляет собой в нашем обществе отголосок этого древнего принципа изображения.

Направление, по которому следуют сгущения во сне, определяется, с одной стороны, корректными предсознательными отношениями мыслей сновидения, с другой стороны — привлекательностью зрительных воспоминаний в бессознательном. Результат работы сгущения достигает тех интенсивностей, которые необходимы для прорыва систем восприятия.

2) Опять-таки благодаря свободному переносу интенсивностей и в целях сгущения образуются *промежуточные пред-*

ставления — своего рода компромиссы (ср. многочисленные примеры [например, на с. 303 и далее]). Это тоже нечто небывалое в нормальном течении представлений, где речь идет прежде всего о выборе и фиксации «правильных» элементов представлений. И наоборот, когда мы подыскиваем словесное выражение предсознательным мыслям, очень часто возникают смешанные и компромиссные образования, которые приводят в качестве примеров «оговорок».

3) Представления, переносящие друг на друга свои интенсивности, имеют между собой *очень непрочную связь* и объединены такими ассоциациями, которыми наше мышление пренебрегает и которые используются только для достижения комического эффекта. В частности, равноценными другим являются ассоциации по созвучию.

4) Противоречащие друг другу мысли не стремятся уничтожить друг друга, а существуют рядом друг с другом, нередко объединяясь в продукты сгущения, *словно между ними не существует противоречия,* или образуют компромиссы, которые мы бы никогда не простили нашему мышлению, но которые одобряем в своих поступках.

Таковы некоторые из наиболее выделяющихся аномальных процессов, которым в ходе работы сновидения подвергаются ранее рационально образованные мысли во сне. Их главной особенностью можно считать стремление сделать подвижной и *способной к отводу* энергию катексиса; содержание и собственное значение психических элементов, к которым привязаны эти катексисы, становятся второстепенной вещью. Можно было бы предположить, что сгущение и образование компромиссов происходят лишь в угоду регрессии, когда речь идет о превращении мыслей в образы. Однако анализ — и еще отчетливее синтез — таких сновидений, которые лишены регрессии к образам, например, анализ сновидения «автодидаскер — разговор с профессором Н.» [с. 309 и далее], выявляет те же процессы смещения и сгущения, что и в других случаях.

Таким образом, мы не можем игнорировать вывод, что в образовании сновидений участвуют психические процессы двоякого рода, различные по своей сути. Один из них создает совершенно корректные мысли сновидения, равноценные нормальному мышлению; другой поступает с ними крайне странным, некорректным образом. Последний процесс мы уже выделили в

разделе [главе] VI в качестве собственно работы сновидения. Что мы можем теперь сказать о происхождении этого психического процесса?

Мы не смогли бы дать здесь никакого ответа, если бы не проникли чуть глубже в психологию неврозов, в частности истерии. Из нее мы узнаем, что такие же некорректные психические процессы — и еще другие, не перечисленные — определяют возникновение истерических симптомов. Также и при истерии мы обнаруживаем вначале ряд совершенно корректных мыслей, равноценных нашему сознательному мышлению, о существовании которых в этой форме ничего узнать мы, однако, не можем и которые мы реконструируем только задним числом. Если они когда-либо проникли в наше восприятие, то в результате анализа образованного симптома мы убеждаемся, что эти нормальные мысли подверглись аномальной обработке и *посредством сгущения, образования компромисса, через поверхностные ассоциации, под прикрытием противоречий, возможно, также путем регрессии были переведены в симптом*. При полной тождественности особенностей работы сновидения и психической деятельности, выливающейся в психоневротические симптомы, мы будем считать себя вправе перенести на сновидение выводы, к которым вынуждает нас истерия.

Из учения об истерии мы заимствуем положение, *что такая аномальная психическая переработка нормального хода мыслей происходит только тогда, когда он становится переносом бессознательного желания, которое проистекает из инфантильного материала и находится в вытесненном*. Ради этого принципа мы построили теорию сновидения на допущении, что побуждающее желание во сне всегда проистекает из бессознательного, что, как мы сами признали, не всегда можно доказать, хотя и нельзя опровергнуть. Но, чтобы суметь сказать, что такое *«вытеснение»*, чье название мы часто уже использовали, мы должны будем построить еще одну часть в нашем психологическом сооружении.

Мы углубились в рассмотрение вымышленного примитивного психического аппарата [с. 566 и далее], работа которого регулируется стремлением избежать накопления возбуждения и по возможности поддерживать себя в невозбужденном состоянии. Поэтому он был построен по схеме рефлекторного аппарата; подвижность — прежде всего путь к внутреннему измене-

нию тела — представляла собой отводной путь, находящийся в его распоряжении. Далее мы обсудили психические последствия переживания удовлетворения и могли бы при этом добавить второе предположение: что накопление возбуждения — различными, нас не интересующими способами — ощущается как неудовольствие и приводит аппарат в действие, чтобы снова вызвать чувство удовлетворения, при котором уменьшение возбуждения ощущается как удовольствие. Такой исходящий из неудовольствия, нацеленный на удовольствие поток в аппарате мы называем желанием; мы говорили, что привести в действие аппарат не может ничего, кроме желания, и что течение возбуждения в нем автоматически регулируется восприятиями удовольствия и неудовольствия. Первым желанием, пожалуй, является галлюцинаторный катексис воспоминания об удовлетворении. Однако эта галлюцинация, если ее не поддерживать до изнеможения, оказывается неспособной утолять потребность, то есть доставлять удовольствие, связанное с удовлетворением.

Таким образом, оказалась необходимой вторая деятельность — на нашем языке: деятельность второй системы, — которая не позволяла бы катексису воспоминания проникать к восприятию и оттуда связывать психические силы; он должен направлять возбуждение, исходящее от потребности, на окольный путь, который в конечном счете благодаря произвольной моторике настолько изменяет внешний мир, что может произойти реальное восприятие объекта удовлетворения. В общем и целом мы уже прослеживали схему психического аппарата; обе системы представляют собой зачаток того, что в качестве *Бсз* и *Псз* мы включаем в полностью сформированный аппарат.

Чтобы иметь возможность посредством моторики целесообразно изменять внешний мир, необходима аккумуляция большой суммы переживаний в системах воспоминаний и разнообразная фиксация связей, возникающих в этом материале воспоминаний под влиянием различных целевых представлений. [Ср. с. 540.] Пойдем дальше в наших гипотезах. Деятельность второй системы, заключающаяся в многократном ощупывании, испускании катексисов и убирании их обратно, с одной стороны, нуждается в возможности свободно распоряжаться всем материалом воспоминаний; с другой стороны, было бы излишней расточительностью, если бы она посылала большие количества катексиса на отдельные мыслительные пути, которые растекались бы затем нецелесообразным образом и уменьшали бы ко-

личество, необходимое для изменения внешнего мира. Ввиду этой целесообразности я постулирую, следовательно, что второй системе удается сохранить в покое большую часть энергетических катексисов и использовать для смещения лишь незначительную их часть. Механика этих процессов мне совершенно неизвестна; кто захотел бы всерьез отнестись к этим представлениям, должен был бы подыскать аналогии из физики и проложить себе путь к наглядному объяснению процесса движения при возбуждении нейронов. Я лишь придерживаюсь представления, что деятельность первой ψ-системы направлена *на свободное истечение возбуждения* и что вторая система благодаря исходящим от нее катексисам *препятствует* этому истечению, способствует преобразованию в бездействующий катексис, возможно, при повышении уровня. Я предполагаю, следовательно, что протекание возбуждения при господстве второй системы связано с совершенно другими механическими условиями, чем при господстве первой. Когда вторая система завершает свою пробную мыслительную работу, торможение и застой возбуждений прекращаются, что позволяет им обрести подвижность.

Если принять во внимание взаимосвязь такого сдерживания оттока второй системой и регуляции посредством принципа неудовольствия[1], то возникает любопытный ход мыслей. Подыщем противоположность первичному переживанию удовлетворения — *внешнее переживание испуга*. На примитивный аппарат воздействует воспринимаемый раздражитель, который является источником боли. Тогда беспорядочные моторные проявления будут продолжаться до тех пор, пока одно из них не лишит аппарат восприятия и вместе с тем боли, и при новом появлении восприятия оно сразу же будет повторяться (например, в виде бегства) до тех пор, пока восприятие вновь не исчезнет. Здесь, однако, не остается никакой склонности вновь катектировать восприятие источника боли, будь то галлюцинаторным или еще каким-либо образом. Скорее, в первичном аппарате будет иметься склонность сразу же оставлять этот неприятный образ воспоминания, если он так или иначе вновь пробуждается, ибо перетекание его возбуждения на восприятие вызвал бы (вернее, начинает вызывать) неудовольствие. Уклонение от

[1] [В своих более поздних трудах Фрейд говорит об этом факторе как о «принципе удовольствия».]

воспоминания, являющееся лишь повторением прежнего бегства от восприятия, облегчается также тем, что воспоминание, в отличие от восприятия, не обладает достаточным качеством, чтобы возбудить сознание и тем самым привлечь к себе новый катексис. Это без труда и регулярно происходящее уклонение психического процесса от воспоминания о том, что когда-то было неприятным, дает нам модель и первый пример *психического вытеснения*. Всем известно, в какой мере эта страусиная политика, это уклонение от неприятного сохраняется в душевной жизни обычного взрослого человека.

Итак, согласно принципу неудовольствия, первая ψ-система вообще не способна включить во взаимосвязь мыслей что-либо неприятное. Эта система может только желать. Но если бы все оставалось так, то мыслительная работа второй системы, которой необходимо располагать всеми отложившимися в опыте воспоминаниями, была бы парализована. Здесь открываются два пути: либо работа второй системы полностью избавляется от принципа неудовольствия и продолжает свой путь, не обращая внимания на неприятные воспоминания; либо ей удается катектировать неприятное воспоминание таким образом, что она избегает при этом высвобождения неудовольствия. Первую возможность мы можем отвергнуть, ибо принцип неудовольствия выступает также регулятором течения возбуждения второй системы; тем самым мы указываем на вторую возможность, что эта система катектирует воспоминание таким образом, что отток от него, то есть отток, сопоставимый также с моторной иннервацией, который приводит к развитию неудовольствия, сдерживается. Следовательно, к гипотезе о том, что катексис со стороны второй системы одновременно представляет собой сдерживание отвода возбуждения, мы приходим с двух исходных позиций: исходя из принципа неудовольствия и [как было показано в предпоследнем абзаце] исходя из принципа наименьших иннервационных затрат. Теперь констатируем — и это будет ключом ко всей теории вытеснения, — *что вторая система может катектировать представление только тогда, когда она способна затормозить исходящее от него развитие неудовольствия*. То, что не поддается этому торможению, остается недоступным и для второй системы и — в соответствии с принципом неудовольствия — должно быть вскоре оставлено. Между тем торможение неудовольствия не обязательно бывает полным; его начало должно быть дозволено, посколь-

ку это демонстрирует второй системе природу воспоминания и, например, его недостаточную пригодность для преследуемой мышлением цели.

Психический процесс, который допускает первая система, я буду теперь называть *первичным процессом;* другой процесс, происходящий при торможении со стороны второй системы, — *вторичным*[1]. Я могу еще в одном пункте показать, с какой целью вторая система должна корректировать первичный процесс. Первичный процесс стремится к отводу возбуждения, чтобы с помощью накопленной таким образом величины возбуждения добиться идентичности восприятия [с переживанием удовлетворения (см. с. 567–568)]; вторичный процесс оставляет это намерение и вместо него ориентируется на другое — достичь *идентичности мыслей.* Все мышление — это всего лишь обходной путь от воспоминания об удовлетворении, принятого в качестве целевого представления, до идентичного катексиса того же воспоминания, который должен быть снова достигнут через моторный опыт. Мышление должно интересоваться соединительными путями между представлениями, не позволяя сбивать себя с толку их интенсивностями. Вместе с тем очевидно, что сгущения представлений, промежуточные и компромиссные образования препятствуют достижению этой цели идентичности; заменяя одно представление другим, они отклоняются от пути, который вел от первых. Поэтому вторичное мышление тщательно избегает таких процессов. Легко также упустить из виду, что на пути к достижению идентичности мыслей принцип неудовольствия создает также трудности мыслительному процессу, которому обычно предоставляет важнейшие отправные точки. Таким образом, мышление должно склоняться к тому, чтобы все

---

[1] [Разграничение первичной и вторичной систем, а также гипотеза, что психика функционирует в них разным способом, относятся к наиболее важным базисным допущениям Фрейда. С ними (как отмечалось на с. 599 и в начале следующего раздела) связана гипотеза, что психическая энергия проявляется в двух формах: как «свободная» или «подвижная» (в системе *Бсз*) и как «связанная» или «бездействующая» (в системе *Псз*). Всякий раз, когда Фрейд в более поздних работах затрагивает эту тему (например, в работах «Бессознательное», 1915*f*, в конце 5-го раздела, и «По ту сторону принципа удовольствия», 1920*g*, глава IV), он приписывает это разграничение определенным идеям Брейера в их совместном труде «Очерки об истерии» (1895).]

больше освобождаться от исключительной регуляции со стороны принципа неудовольствия и благодаря мыслительной работе ограничивать развитие аффектов до минимума, который по-прежнему может использоваться в качестве сигнала[1]. Это повышение качества работы должно быть достигнуто благодаря новому гиперкатексису, которому содействует сознание. [См. ниже с. 614 и далее.] Однако мы знаем, что даже в нормальной душевной жизни это редко удается сделать полностью и что наше мышление всегда остается доступным для фальсификаций из-за вмешательства принципа неудовольствия.

Но не это является недостатком работоспособности нашего душевного аппарата, из-за которого становится возможным то, что мысли, представляющие собой результат вторичной мыслительной работы, подвергаются воздействию первичного психического процесса. Этой формулой мы можем теперь описать работу, приводящую к сновидению и к истерическим симптомам. Случай недостаточности возникает при совпадении двух моментов из истории нашего развития, один из которых всецело относится к душевному аппарату и оказывает решающее влияние на отношения обеих систем; другой дает о себе знать в меняющейся степени и вводит в душевную жизнь движущие силы органического происхождения. Оба проистекают из периода детства и представляют собой результат того изменения, которое с тех инфантильных времен претерпел наш психический и соматический организм.

Назвав один психический процесс в душевном аппарате *первичным*, я сделал это, имея в виду не только ранговый порядок и дееспособность, но и временные отношения. Хотя психического аппарата, который бы обладал только первичным процессом, насколько нам известно, не существует, и поэтому он является лишь теоретической фикцией, однако все говорит о том, что первичные процессы даны в нем с самого начала, тогда как вторичные развиваются в течение жизни лишь постепенно, сдерживают первичные, накладываются на них и достигают полного господства

---

[1] [Эта идея о минимальном количестве неудовольствия, которое служит «сигналом», чтобы защитить от большего неудовольствия, несколько лет спустя снова была взята на вооружение Фрейдом и использована при обсуждении проблемы страха. См. «Торможение, симптом и страх» (1926*d*, глава XI, раздел А(б), *Studienausgabe*, т. 6, с. 298 и далее).]

над ними, вероятно, только в зените жизни. Вследствие этого запоздалого проявления вторичных процессов ядро нашей сущности, состоящее из бессознательных побуждений, остается недоступным и неподвластным для предсознательного, роль которого раз и навсегда ограничивается указанием наиболее целесообразных путей импульсам, проистекающим из бессознательного. Для всех последующих душевных устремлений эти бессознательные желания представляют собой принуждение, под которое они должны подлаживаться; но они могут попытаться его отвести и направить на более высокие цели. Кроме того, вследствие такого запаздывания большая область материала воспоминаний остается недоступной для предсознательного катексиса.

Среди этих проистекающих из детского возраста, неразрушимых и неудержимых импульсов имеются также такие желания, исполнение которых вступает в противоречие с целевыми представлениями вторичного мышления. Исполнение этих желаний вызвало бы уже не удовольствие, а аффект неудовольствия, *и именно это превращение аффекта и составляет сущность того, что мы называем «вытеснением».* Каким путем, при помощи каких движущих сил может происходить такое превращение — в этом и состоит проблема вытеснения, которую мы должны здесь только затронуть[1]. Нам достаточно констатировать, что такое превращение аффекта совершается в ходе развития (вспомним хотя бы о появлении первоначально отсутствующего отвращения в детстве) и что оно связано с деятельностью вторичной системы. Воспоминания, из которых бессознательное желание высвобождает аффект, никогда не были доступны *Псз*; поэтому высвобождение их аффектов и нельзя сдержать. Именно из-за такого развития аффектов эти представления недоступны теперь и предсознательным мыслям, на которые они перенесли свою силу желания. Более того, в действие вступает принцип неудовольствия и заставляет *Псз* отвернуться от этих перенесенных мыслей. Они предоставляются самим себе, «вытесняются», и, таким образом, наличие комплекса детских воспоминаний, с самого начала не доступных *Псз*, становится предпосылкой вытеснения.

---

[1] [Эта тема гораздо подробнее обсуждается в работе Фрейда «Вытеснение» (1915*d*); его более поздние взгляды на эту проблему представлены в 32-й лекции «Нового цикла лекций» (1933*a*, *Studienausgabe*, т. 1, с. 519–529).]

В лучшем случае развитие неудовольствия прекращается, когда перенесенные мысли в *Псз* лишаются катексиса, и этот исход характеризует вмешательство принципа неудовольствия как целесообразное. Иначе, однако, обстоит дело в том случае, когда вытесненное бессознательное желание получает органическое подкрепление, которое оно может ссудить своим мыслям, тем самым позволяя им благодаря своему возбуждению попытаться проникнуть далее, даже если они лишены катексиса *Псз*. Это приводит затем к оборонительной борьбе, поскольку *Псз* усиливает противодействие вытесненным мыслям (контркатексис[1]), а в дальнейшем к проникновению перенесенных мыслей, являющихся носителями бессознательного желания, в форме некоего компромисса благодаря образованию симптома. Однако с того момента, когда вытесненные мысли оказываются катектированными бессознательным импульсом-желанием и, наоборот, лишаются предсознательного катексиса, они подлежат первичному психическому процессу, нацелены только на моторный отвод либо, если путь свободен, на галлюцинаторное оживление желанной идентичности восприятия. Ранее мы эмпирически обнаружили, что описанные некорректные процессы происходят только с мыслями, подвергшимися вытеснению. Теперь мы поймем еще одну часть этой взаимосвязи. Эти некорректные процессы представляют собой *первичные* процессы в психическом аппарате; они возникают везде, где представления лишаются предсознательного катексиса, предоставляются самим себе и могут осуществиться благодаря несдерживаемой, стремящейся к оттоку энергии бессознательного. К этому добавляются некоторые другие наблюдения, подтверждающие идею, что эти процессы, названные нами некорректными, на самом деле являются не фальсификациями обычных ошибок мышления, а свободными от торможения способами работы психического аппарата. Так, мы видим, что перетекание предсознательного возбуждения к двигательной сфере совершается с помощью тех же процессов и что связывание бессознательных представлений со словами обнаруживает точно такие же смещения и смешения, приписываемые невнимательности. Наконец, доказательство усиления действия, необходимого при торможении этих первичных способов работы, вытекает из того факта, что мы дос-

[1] [Это слово было добавлено в 1919 году.]

тигаем *комического* эффекта, избытка, который должен быть отведен с помощью *смеха, когда позволяем этим способам работы мышления проникнуть в сознание*[1].

Теория психоневрозов с полной убежденностью утверждает, что только сексуальные побуждения, относящиеся к инфантильному периоду, которые подверглись в ходе развития в детстве вытеснению (превращению аффекта), способны возобновляться в более поздние периоды развития, будь то вследствие сексуальной конституции, которая формируется из первоначальной бисексуальности, будь то вследствие неблагоприятных влияний половой жизни, и придавать этим силы для образования всякого рода психоневротических симптомов[2]. Только благодаря включению этих сексуальных сил удается заполнить пробелы, которые по-прежнему можно обнаружить в теории вытеснения. Я хочу оставить открытым вопрос, может ли требование сексуального и инфантильного свойства относиться и к теории сновидения; я оставлю ее здесь незавершенной, потому что уже самой гипотезой о том, что желание в сновидении всегда происходит из бессознательного, я сделал шаг за пределы доказуемого[3]. Я не хочу также продолжать исследование того, в чем

---

[1] [Эти идеи подробно обсуждаются в 5-й главе книги об остроумии (1905). См. *Studienausgabe*, т. 4, в частности с. 138–142.]

[2] [Эту тему Фрейд далее разрабатывает в своих «Трех очерках по теории сексуальности» (1905*d*).]

[3] Здесь, как и в других местах, я намеренно оставляю эти пробелы в обсуждении темы, поскольку их заполнение потребовало бы, с одной стороны, слишком большого труда, с другой стороны — опоры на материал, не относящийся к сновидениям. Так, например, я избегал говорить о том, связываю ли я со словом «подавленный» иной смысл, чем со словом «вытесненный». Наверное, стало понятно, что последнее делает больший акцент на принадлежности к бессознательному, нежели первое. Я не останавливался подробно на проблеме, почему мысли сновидения подвергаются искажению цензурой также и в том случае, когда они отказываются от прогредиентного движения к сознанию и избирают путь регрессии, и на других упущениях. Моя задача прежде всего заключалась в том, чтобы дать представление о проблемах, к которым ведет дальнейший анализ работы сновидения, и обозначить другие темы, с которыми соприкасается данная. Решение, в каком месте следовало прерывать изложение, не всегда было для меня простым. То, что я не стал исчерпывающе объяснять

состоит различие в проявлении психических сил при образовании сновидений и при образовании истерических симптомов; для этого нам недостает точных знаний об одном из подлежащих сравнению звеньев. Но другому пункту я придаю большое значение и должен заранее признаться, что только ради этого пункта я и привел здесь все рассуждения о двух психических системах, способах их работы и вытеснении. Собственно, дело не в том, правильно ли я в целом понял рассматриваемые психологические отношения или, как это часто бывает в таких сложных вещах, — искаженно и фрагментарно. Как бы ни менялось истолкование психической цензуры, корректной и отклоняющейся от нормы переработки содержания сновидения, остается справедливым то, что такие процессы действуют при образовании сновидения и что в сущности они обнаруживают несомненную аналогию с процессами, выявленными при образовании истерических симптомов. Сновидение — не патологический феномен; его предпосылкой не является нарушение психического равновесия; оно не ослабляет психической работоспособности. Возражение, что мои сновидения и сновидения моих невротических пациентов не дают права судить о сновидениях здоровых людей, можно, пожалуй, отклонить без обсуждения. Когда по явлениям мы судим об их движущих силах, мы обнаруживаем, что психический механизм, которым пользуется невроз, не создает-

---

роль сексуальных представлений в сновидении и избегал толкования сновидений с явно сексуальным содержанием, основывается на особых мотивах, которые, возможно, не совпадают с ожиданиями читателя. В своих взглядах и научных воззрениях, отстаиваемых мною в невропатологии, я далек от того, чтобы рассматривать половую жизнь как нечто постыдное, то, чем не должен интересоваться ни врач, ни научный исследователь. Я также нахожу смешным нравственное негодование, которым руководствовался переводчик «Символики сновидений» Артемидора из Дальдиса, утаив от читателя содержащуюся там главу о сексуальных сновидениях. Единственно важным моментом для меня было понимание того, что при объяснении сексуальных снов мне пришлось бы углубиться в пока еще не проясненные проблемы перверсии и бисексуальности, и поэтому весь этот материал я приберег для другого контекста.

[Впрочем, переводчик «Oneirocritica», Ф. С. Краус, в своем журнале «Anthropophyteia», из которого Фрейд приводил цитату (с. 364, прим. 2), самостоятельно позднее опубликовал пропущенную главу.]

ся болезненным нарушением, охватывающим душевную жизнь, а уже имеется наготове в нормальной конструкции психического аппарата. Обе психические системы, цензура на переходе между ними, торможение и наслоение их деятельности друг на друга, связь обеих с сознанием (или то, что могло бы дать вместо этого более правильное истолкование действительных условий) — все это относится к нормальной конструкции нашего душевного инструмента, и сновидение показывает нам один из путей, ведущих к познанию его структуры. Если мы захотим ограничиться минимумом знаний, за которые можно ручаться полностью, то мы скажем: сновидение доказывает нам, *что подавленное продолжает существовать и у нормального человека, оставаясь способным к психическому функционированию.* Сновидение и есть одно из выражений того, что было подавлено; согласно теории, оно является этим всегда, согласно имеющемуся опыту — во множестве случаев, в которых отчетливее всего проявляются главные особенности жизни во сне. Психически подавленное, проявлению которого в бодрствующей жизни воспрепятствовало *антагонистическое разрешение противоречий* и которое было изолировано от внутреннего восприятия, в ночной жизни при господстве компромиссных образований находит себе пути и средства, чтобы проникнуть в сознание.

«Flectere si nequeo superos, Acheronta movebo»[1].

Толкование же сновидений есть via regia к познанию бессознательного в душевной жизни.

Следуя за анализом сновидения, мы делаем шаг вперед в понимании устройства этого самого удивительного и самого таинственного инструмента. Правда, этот шаг небольшой, но он кладет начало тому, чтобы, исходя из других — называемых патологическими — образований, продвинуться в изучении этого инструмента. Ибо болезнь — по крайней мере, функциональная, как ее по праву называют — имеет своей предпосылкой не

---

[1] [«Если небесных богов не склоню — Ахеронт я подвигну». В собр. соч., т. 3 (1925), в примечании на с. 169 Фрейд указывает, что этот стих Вергилия («Энеида», VII) «обозначает стремление вытесненных импульсов влечений». Он также сделал его эпиграфом ко всей книге. Следующее предложение было добавлено в 1909 году.]

разрушение этого аппарата и не возникновение новых несогласованностей внутри его; ее следует объяснять *динамически* — усилением и ослаблением отдельных компонентов во взаимодействии сил, которое скрывает так много влияний при нормальном функционировании. В другом месте можно было бы также показать, что благодаря тому, что этот аппарат состоит из двух инстанций, совершенствуется также и его нормальная работа, а в случае только одной инстанции это было бы невозможно[1].

---

[1] Сновидение — не единственный феномен, позволяющий подвести под психопатологию психологическую основу. В небольшом, еще не законченном цикле статей в журнале «Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie» («О психическом механизме забывчивости», 1898*b*, «О покрывающих воспоминаниях», 1899*a*) я пытаюсь истолковать множество повседневных психических явлений как доказательство этого же научного вывода. *[Дополнение, сделанное в 1909 году:]* С тех пор эти и последующие статьи о забывании, обмолвках, неловких действиях и т.д. опубликованы в виде книги «Психопатология обыденной жизни» (1901*b*).

Е
Бессознательное и сознание
Реальность

При более тщательном рассмотрении выясняется, что речь идет не о наличии *двух систем* вблизи моторного конца аппарата, а о *двоякого рода процессах* или *способах отвода возбуждения*, к гипотезе о которых мы пришли в результате психологического обсуждения в предыдущих разделах. Но для нас это значения не имеет; ибо мы всегда должны быть готовы отказаться от наших вспомогательных представлений, если считаем себя способными заменить их чем-то другим, более приближенным к незнакомой нам действительности. Попытаемся теперь уточнить некоторые представления, которые могли сложиться неправильно, пока мы рассматривали две системы в самом приближенном и грубом значении как две локальности внутри психического аппарата, — представления, оставившие след в выражениях «вытеснить» и «проникнуть». Итак, если мы говорим, что бессознательная мысль стремится к переводу в предсознательное, чтобы затем проникнуть в сознание, то мы не имеем в виду, что на новом месте, словно копия, должна образоваться вторая мысль, рядом с которой продолжает существовать оригинал; также и от «проникновения в сознание» мы хотим отделить всякую идею о пространственном изменении. Когда мы говорим, что предсознательная мысль вытесняется, а затем принимается бессознательным, то эти образные выражения, заимствованные нами из круга представлений о борьбе за территорию, могут склонить нас к предположению, что и в самом деле в одной психической локальности происходит перестановка и одно расположение сменяется новым в другой локальности. Вместо этого сравнения возьмем другое, которое, похоже, более соответствует реальному положению вещей: энергетический катексис переносится на определенное расположение или из него изымается, вследствие чего психическое образование попадает под власть той или иной инстанции или от нее избавляется. Мы снова заменяем здесь топический способ пред-

ставления динамическим; не психическое образование кажется нам подвижным, а его иннервация[1].

Тем не менее я считаю целесообразным и правомерным сохранить наглядное представление об обеих системах. Мы избежим всяких недоразумений, связанных с таким способом изложения, если вспомним о том, что представления, мысли, психические образования в целом следует локализовать не в органических элементах нервной системы, а, так сказать, *между ними,* там, где сопротивления и проторенные пути образуют соответствующий им коррелят. Все, что может стать объектом нашего внутреннего восприятия, является *виртуальным*, подобно изображению в подзорной трубе, получающемуся в результате пересечения световых лучей. Но сами системы, которые не являются чем-то психическим и никогда не становятся доступными нашему психическому восприятию, подобны, как мы вправе предположить, линзам подзорной трубы, проецирующим изображение. Если продолжить это сравнение, цензура между двумя системами соответствует преломлению лучей при переходе в новую среду.

До сих пор мы занимались психологией, опираясь на собственные силы; теперь настало время посмотреть на научные представления, господствующие в современной психологии, и прояснить их отношение к нашим воззрениям. По меткому выражению Липпса (1897), вопрос о бессознательном в психологии — это не столько *некий* психологический вопрос, сколько вопрос *всей* психологии. До тех пор пока психология разрешала этот вопрос путем разъяснения слов, например, что «психическое» и есть «сознательное», а «бессознательные психические процессы» — явная бессмыслица, психологическое использование наблюдений, которые удавалось сделать врачу над аномальными душевными состояниями, было исключено. Врач и философ начинают взаимодействовать только тогда, когда тот и дру-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1921 году:]* Это воззрение было доработано и видоизменено после того, как в качестве важной характеристики предсознательного представления была выявлена его связь с остатками словесных представлений («Бессознательное», 1915*e* [раздел VII]). [Как отмечается в упомянутой работе, на это указывалось уже в первом издании настоящего сочинения. (См. с. 576 и 615–616.) Об использовании термина «иннервация» см. примечание на с. 539.]

гой признают, что бессознательные психические процессы служат «целесообразным и вполне обоснованным выражением установленного факта». На заявление, что «сознание — это непременная характеристика психического» врач может только недоуменно пожать плечами и, если, допустим, его уважение к высказываниям философов все-таки достаточно велико, предположить, что они рассматривали разный объект и занимались разной наукой. Ибо достаточно одного-единственного внимательного наблюдения над душевной жизнью невротика, одного единственного анализа сновидения, чтобы у него появилось непоколебимое убеждение в том, что самые сложные и корректные мыслительные процессы, которым все же нельзя отказать в названии «психические процессы», могут происходить, не возбуждая сознания человека[1]. Разумеется, врач получает сведения об этих бессознательных процессах не раньше, чем они оказывают на сознание воздействие, которое можно наблюдать или передать словами. Но психический характер этого сознательного эффекта может полностью отличаться от бессознательного процесса, а потому внутреннему восприятию невозможно увидеть в одном замену другого. Врач должен оставить за собой право на основании делаемых *выводов* продвигаться от сознательного эффекта к бессознательному психическому процессу. На этом пути он узнает, что сознательный эффект представляет собой лишь отдаленное психическое воздействие бессознательного процесса и что последний не осознается как таковой, а также что он существовал и действовал, никак себя не выдавая сознанию.

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Я рад, что могу сослаться на одного автора, который в результате изучения сновидений сделал такой же вывод об отношении сознательной деятельности к бессознательной.

Дю Прель утверждает: «Вопрос, что такое душа, требует, очевидно, предварительного исследования того, тождественны ли душа и сознание. Именно на этот предварительный вопрос сновидение отвечает отрицательно, демонстрируя, что понятие души не укладывается в понятие сознания, подобно тому как сила притяжения небесного светила не ограничивается сферой его свечения» (1885, 47).

«Истина, которую нельзя не подчеркнуть достаточно категорично, заключается в том, что сознание и душа не являются понятиями одинаковой протяженности» (ibid., 306 [цит. по Maudsley, 1868, 15]).

Отказ от переоценки качеств сознания становится необходимой предпосылкой всякого правильного понимания происхождения психического. Бессознательное, по выражению Липпса [1897, 146–147], должно восприниматься как общее основание психической жизни. Бессознательное — это больший по своему размеру круг, включающий в себя меньший круг сознательного; все сознательное имеет предварительную бессознательную ступень, тогда как бессознательное может оставаться на этой ступени и тем не менее претендовать на полную ценность психической деятельности.

Бессознательное — это истинно реальное психическое, *по своей внутренней природе столь же нам неизвестное, как реальность внешнего мира, и представленное данными сознания столь же неполно, как внешний мир — сведениями наших органов чувств.*

Если давнее противопоставление сознательной жизни и жизни в снах обесценивается благодаря отведению бессознательной психике подобающего ей места, то отпадает ряд проблем сновидения, которыми обстоятельно занимались прежние авторы. Так, многие результаты работы, осуществление которой во сне могло вызывать удивление, следует относить не к сновидению, а к действующему также и днем бессознательному мышлению. Если сновидение, согласно Шернеру [1861, 114–115], занимается символическим изображением тела [см. выше, с. 104], то мы знаем, что это продукт деятельности определенных бессознательных фантазий, которые не выдерживают напора сексуальных импульсов и выражаются не только в сновидении, но и в истерических фобиях и прочих симптомах. Если сновидение продолжает и доводит до конца дневную работу и даже извлекает на свет божий ценные мысли, то мы можем разоблачить маскировку сна как результат работы сновидения и как опознавательный знак вспомогательной деятельности темных сил, действующих в глубинах души (ср. образ дьявола в приснившемся Тартини сне о сонате[1]). Сама интеллектуальная работа выпадает

---

[1] [Композитору и скрипачу Тартини (1692–1770) якобы однажды приснилось, будто он продал душу дьяволу. После этого дьявол взял скрипку и сыграл, демонстрируя совершенную технику, прекраснейшую сонату. Проснувшись, Тартини тотчас записал все, что он сумел вспомнить, и таким образом появилась знаменитая соната «Трель дьявола».]

на долю тех же самых душевных сил, которые выполняют всю ее днем. Вероятно, мы склонны к чрезмерной переоценке сознательного характера интеллектуальных и художественных творений. Из признаний некоторых в высшей степени одарённых натур, таких, как Гёте и Гельмгольц, мы знаем, однако, что все важное и новое в их творениях открывалось им внезапно и в почти готовом виде доходило до их восприятия. И нет ничего странного в участии сознательной деятельности в других случаях — там, где требовалось напряжение всей силы ума. Однако привилегия сознательной деятельности, которой она так много злоупотребляет, и состоит в том, что она скрывает от нас все остальные силы, в чем бы она ни участвовала.

Едва ли стоит труда выставлять историческое значение сновидений в качестве особой темы. Если, например, некоего военачальника сновидение подвигло на смелую операцию, успех которой изменил ход истории, то новая проблема будет существовать лишь до тех пор, пока сновидение, словно чужеродная сила, противопоставляется другим, более знакомым, силам души. И этой проблемы не будет, если рассматривать сновидение как *форму выражения* импульсов, над которыми днем тяготело сопротивление и которые смогли получить подкрепление ночью из глубинных источников возбуждения[1]. Почтительное же отношение древних народов к снам является преклонением — основанным на психологически верном предчувствии — перед чем-то неукротимым и несокрушимым в человеческой душе, перед *демоническим*, из которого проистекает желание сновидения и которое мы вновь обнаруживаем в нашем бессознательном.

Я не без умысла говорю: *«в нашем бессознательном»*, ибо то, что мы так называем, не совпадает с бессознательным у философов, а также и с бессознательным у Липпса. Там оно означает лишь противоположность сознательному; то, что помимо сознательных существуют также и бессознательные психические процессы, представляет собой научный вывод, который вызывает бурные споры и энергично отстаивается. У Липпса мы обнаруживаем еще один тезис, что все психическое существует как бессознательное, кое-что из него затем — также и как сознательное.

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1911 году:]* Ср. приведенный выше (прим. на с. 117–118) сон (Σὺ Τύρος) Александра Великого во время осады Тира.

Но не для доказательства *этого* тезиса мы привлекли феномены сновидения и образования истерических симптомов; достаточно одних наблюдений над обычной дневной жизнью, чтобы это установить, развеяв любые сомнения. Новое, чему научил нас анализ психопатологических образований и первого их звена, сновидений, состоит в том, что бессознательное — то есть психическое — выступает как функция двух отдельных систем, причем предстает таковым уже в нормальной душевной жизни. Следовательно, есть *бессознательное двоякого рода,* и этого разграничения у психологов мы не встречаем. И то, и другое — бессознательное в психологическом смысле. Но в нашем понимании то, что мы называем *Бсз*, *осознанию не поддается,* тогда как другое, *Псз*, названо нами так потому, что его возбуждения, хотя и после соблюдения определенных правил, возможно, только после преодоления новой цензуры, но все же независимо от системы *Бсз*, могут достичь сознания.

Тот факт, что возбуждения, чтобы попасть в сознание, должны в неизменной последовательности пройти все инстанции, о чем мы можем судить по их цензурному изменению, позволил нам провести сравнение с пространственными взаимосвязями. Мы описали отношения обеих систем друг с другом и с сознанием, сказав, что система *Псз* стоит, словно ширма, между системой *Бсз* и сознанием. Система *Псз* преграждает не только доступ к сознанию, — она также владеет доступом к произвольной подвижности и распоряжается передачей мобильной энергии катексиса, часть которой знакома нам в форме внимания. [Ср. с. 593.][1]

Также мы должны держаться в стороне и от разделения на *над-* и *подсознание*, ставшего столь популярным в современной литературе по психоневрозам, поскольку им, как нам кажется, подчеркивается тождество психического и сознательного.

Какая же роль достается в нашем описании некогда всемогущему, скрывающему все остальное сознанию? Никакая дру-

---

[1] *[Дополнение, сделанное в 1914 году:]* Ср. в этой связи мои «Замечания о понятии бессознательного в психоанализе» [1912*g*] (на англ. яз. в *Proceedings of the Society for Psychical Research,* т. 26 [312]), где разграничивается дескриптивное, динамическое и систематическое значения слова «бессознательный». [В свете более поздних представлений Фрейда весь этот тематический комплекс обсуждается в 1-й главе работы «Я и Оно» (1923*h*).]

гая, кроме *роли органа чувств для восприятия психических качеств*. В соответствии с главной идеей нашей попытки схематизации мы можем понимать сознательное восприятие только как самостоятельную функцию особой системы, которой дадим сокращенное обозначение *Сз*. Эта система, как мы думаем, по своим механическим характеристикам аналогична системе восприятия *В*, то есть она возбуждается качествами и неспособна сохранять следы изменений, стало быть, не имеет памяти. Психический аппарат, обращенный органом чувств *В*-систем к внешнему миру, сам является внешним миром для органа чувств *Сз*, телеологическое оправдание которой основывается на этих отношениях. Принцип движения по инстанциям, по-видимому, определяющий строение аппарата, здесь нам встречается еще раз. Материал возбуждений поступает к органу чувств *Сз* с двух сторон — из *В*-системы, возбуждение которой, обусловленное качествами, подвергается, вероятно, новой переработке до тех пор, пока оно не становится сознательным ощущением, и изнутри самого аппарата, количественные процессы которого качественно воспринимаются в виде качественных рядов удовольствия и неудовольствия, когда они оказываются доступными при определенных изменениях.

Философы, которые убедились, что корректные и очень сложные мыслительные образования возможны и без содействия сознания, столкнулись затем с затруднением — приписать сознанию функцию; это казалось им излишним отражением законченного психического процесса. Аналогия нашей *Сз-системы* с системами восприятия выводит нас из этого затруднительного положения. Мы видим, что вследствие восприятия при помощи органов чувств катексис внимания направляется на пути, по которым распространяется подступающее чувственное возбуждение; качественное возбуждение *В*-системы служит регулятором оттока подвижного количества в психическом аппарате. Такой же функцией мы можем наделить орган чувств системы *Сз*. Воспринимая новые качества, он вносит новый вклад в управление и целесообразное распределение подвижных количеств катексиса. Благодаря восприятию удовольствия и неудовольствия он оказывает влияние на течение катексисов внутри обычно неосознаваемого психического аппарата, работающего посредством перемещения количеств. Вероятно, вначале принцип неудовольствия регулирует перемещения катексисов автоматически; однако вполне возможно, что сознание дополнительно осу-

ществляет вторую, более тонкую регуляцию, которая может даже противоречить первой, и улучшает работоспособность аппарата, делая его способным — вопреки первоначальному предназначению — подвергать катексису и переработке также и то, что связано с высвобождением неудовольствия. Из психологии неврозов известно, что этим регуляциям посредством качественного возбуждения органов чувств отведена важная роль в функциональной деятельности аппарата. Автоматическое господство первичного принципа неудовольствия и с этим связанное ограничение работоспособности прерываются чувствительными регуляциями, которые сами опять-таки являются автоматизмами. Мы видим, что вытеснение, вначале целесообразное, затем выливается в пагубный отказ от торможения и от управления психикой, намного проще совершается с воспоминаниями, чем с восприятиями, поскольку у первых, видимо, не происходит усиления катексиса в результате возбуждения психических органов чувств. Если мысль, от которой нужно защититься, не сознается, поскольку оказалась вытесненной, то в другой раз она может быть вытеснена лишь потому, что в силу иных причин она была лишена сознательного восприятия. Таковы указания, которыми руководствуется терапевт, чтобы устранить произошедшие вытеснения.

Ценность гиперкатексиса, который создается в результате регулирующего воздействия со стороны органа чувств *Сз* на подвижное количество, в телеологическом плане нельзя продемонстрировать лучше, чем через создание нового качественного ряда и тем самым новой регуляции, которая и составляет преимущество человека перед животными. Сами по себе мыслительные процессы качества не имеют, вплоть до сопровождающих их возбуждений, исполненных удовольствием и неудовольствием, которые в качестве возможных факторов нарушения мышления должны удерживаться в определенных рамках. Чтобы придать им качество, они ассоциируются у человека со словесными воспоминаниями, качественных остатков которых достаточно для того, чтобы привлечь к ним внимание сознания и при его поддержке предоставить мышлению новый подвижный катексис. [Ср. с. 576 и примечание на с. 609.]

Все многообразие проблем сознания можно окинуть взглядом при анализе истерических мыслительных процессов. Создается впечатление, что и переход от предсознательного к катексису сознания связан с цензурой, аналогичной цензуре меж-

ду *Бсз* и *Псз*[1]. Также и эта цензура впервые вводится на определенном количественном рубеже, а потому не очень интенсивные мыслительные образования от нее ускользают. Всевозможные случаи уклонения от сознания, а также проникновения в него при определенных ограничениях в рамках психоневротических феноменов объединяются; все они указывают на тесную и двустороннюю связь между цензурой и сознанием. Сообщением о двух таких случаях я хочу завершить эти психологические рассуждения.

В прошлом году я был приглашен на консилиум к одной смышленой и непринужденно державшейся девушке. Ее костюм производил странное впечатление; если обычно одежда женщины отутюжена до последней складки, то она была одета небрежно — один чулок свисал, а две пуговицы на блузке были расстегнуты. Она пожаловалась на боль в ноге и, не дожидаясь приглашения, оголила икроножную мышцу. Главная же ее жалоба дословно состояла в следующем: у нее такое ощущение в животе, как будто *в нем что-то находится, движется взад и вперед*, и ее от этого *колотит*. При этом иногда ее тело словно *деревенеет*. Мой присутствовавший при этом коллега посмотрел на меня; он считает, что жалоба не может быть истолкована двояко. Но нам обоим показалось странным, что мать больной ни о чем не догадывается; ей, наверное, не раз приходилось бывать в ситуации, которую описывает ее ребенок. Сама девушка не имеет и понятия о значении своих слов, иначе они не слетели бы с ее уст. Здесь удалось ослепить цензуру настолько, что фантазия, обычно остающаяся в предсознательном, так сказать, простодушно, под маской жалобы, допускается в сознание.

Другой пример. Я приступаю к психоаналитическому лечению четырнадцатилетнего мальчика, страдающего конвульсивным тиком, истерической рвотой, головной болью и т. п.; я уверяю его, что, если он закроет глаза, то увидит некие образы или ему в голову придут какие-то мысли, о которых он должен будет мне рассказать. Он отвечает образами. Последнее впечатление перед его приходом ко мне зрительно оживает в его воспоминании. Он играл со своим дядей в шахматы, и видит теперь

---

[1] [О цензуре между *Псз* и *Сз* в более поздних сочинениях Фрейда говорится лишь в редких случаях. Вместе с тем она подробно обсуждается в 6-м разделе его работы «Бессознательное» (1915*e*).]

перед собой доску. Он разбирает различные положения, благоприятные или неблагоприятные, ходы, которые не следует делать. Затем он видит на доске кинжал — предмет, принадлежащий его отцу, но перемещенный его фантазией на доску. Потом на доске появляется серп, а за ним коса; возникает образ старого крестьянина, который косит траву перед их домом, стоящим на отшибе. Через несколько дней мне стала понятной последовательность этих образов. Из-за неблагоприятных семейных условий мальчик пришел в состояние нервного возбуждения. Черствый, вспыльчивый отец, живший не в ладу с матерью, главным воспитательным средством которого были угрозы; развод отца с доброй и ласковой матерью; вторая женитьба отца, который однажды привел в дом молодую жену в качестве новой мамы. Через несколько дней после этого разразилась болезнь четырнадцатилетнего мальчика. Подавленная ярость к отцу соединила эти образы в очевидные намеки. Материалом послужили воспоминания из мифологии. Серпом Зевс кастрировал отца, коса и крестьянин изображают Кроноса, жестокого старика, пожирающего своих детей, которому так не по-детски мстит Зевс. [Ср. с. 268.] Женитьба отца послужила поводом вернуть ему упреки и угрозы, которые ребенок когда-то раньше слышал от него из-за того, что *играл* гениталиями (игра в шахматы; запрещенные ходы; кинжал, которым можно убить). Здесь давно вытесненные воспоминания и их оставшиеся бессознательными производные прокрадываются в сознание по открытым для них обходным путям в виде *якобы бессмысленных* образов.

Таким образом, теоретическую ценность исследования сновидений я бы искал во вкладе в психологическое познание и в подготовке к пониманию психоневрозов. Кто способен предугадать, какое значение может еще приобрести основательное знакомство со строением и функциями психического аппарата, если уже нынешнее состояние нашего знания позволяет успешно терапевтически воздействовать на излечимые формы психоневрозов? Но в чем — спросят меня — состоит практическая ценность этой работы для познания психики, для выявления скрытых характерных черт индивидов? Разве бессознательные побуждения, которые раскрывает сон, не обладают ценностью реальных сил в душевной жизни? Надо ли низко оценивать этическое значение подавленных желаний, которые, подобно тому, как создают сновидения, однажды могут создать и нечто другое?

Я не чувствую себя вправе отвечать на эти вопросы. В своих размышлениях я не прослеживал эту сторону проблемы сновидения. Я только думаю, что римский император, наверное, был не прав, приказав казнить своего подданного за то, что тому приснилось, будто он убил императора. [Ср. с. 86.] Ему следовало бы сначала поинтересоваться, что этот сон означает; вполне вероятно, его смысл не совпадал с тем, что было изображено. И даже если бы другое какое-либо сновидение имело такое значение, связанное с преступлением против монарха, все же было бы уместно напомнить слова Платона, что добродетельный человек довольствуется сном о том, что дурной человек совершает в жизни. [См. с. 86 выше]. То есть я полагаю, что лучше уж предоставлять снам свободу. Следует ли считать бессознательные желания *реальностью*, я сказать не могу. Во всех переходных и промежуточных мыслях ее, разумеется, не существует. Если представить себе бессознательные желания в их конечной и истинной форме, то, пожалуй, надо будет сказать, что *психическая* реальность представляет собой особую форму существования, которую нельзя путать с *материальной* реальностью[1].

Поэтому представляется неправомерным, когда люди отказываются брать на себя ответственность за аморальность своих снов. Благодаря оценке принципа действия душевного аппарата и пониманию отношений между сознательным и бессознательным то, что является этически предосудительным в наших снах и фантазиях, по большей части сходит на нет.

«То, что сновидение позволило нам узнать об отношениях с настоящим (реальностью), мы хотим поискать затем и в сознании, и мы не должны удивляться, если чудовище, которое мы увидели под увеличительным стеклом анализа, мы обнаружим потом и в виде инфузории» (H. Sachs [1912, 569].)

Для практической потребности — оценки характера человека — чаще всего бывает достаточно поступков и сознательно выражаемых убеждений. Именно поступки прежде всего заслуживают того, чтобы быть поставленными в первые ряды, ибо

---

[1] [Это предложение в данной форме добавилось в 1914 году. Однако в нем вместо «материальной» говорилось о «фактической» реальности. Слово «материальная» появилось в 1919 году. Остальная часть этого абзаца и следующий абзац были добавлены в 1914 году.]

многие проникшие в сознание импульсы устраняются реальными силами душевной жизни еще до того, как они переходят в дело. Более того, нередко они не встречают психических преград на своем пути именно потому, что бессознательное уверено, что они столкнутся с препятствием в другом месте. В любом случае поучительно ближе познакомиться с много раз перерытой почвой, на которой горделиво вздымаются наши добродетели. Динамически подвижные во всех направлениях сложности человеческого характера крайне редко может устранить с помощью простой альтернативы, как того бы хотела наша стародавняя моральная доктрина[1].

А значение сновидения для знания будущего? Об этом, разумеется, не следует думать. [Ср. с. 25 и прим. 2.] Вместо этого хотелось бы сказать: для знания прошлого. Ибо сновидение в любом смысле проистекает из прошлого. Хотя и древняя вера в то, что сновидение раскрывает перед нами будущее, не лишена доли истины. Сновидение, изображая желание исполненным, уводит нас в будущее; но это будущее, воспринимаемое сновидцем как настоящее, из-за желания, которое нельзя разрушить, представляется точным подобием прошлого.

---

[1] [В издании 1911 года, и только в нем, здесь было добавлено следующее примечание: «Проф. Эрнст Оппенхайм (Вена) на этнологическом материале показал мне, что существует класс сновидений, которым также и простые люди не придают значения для предсказания будущего и которые совершенно правильно сводятся к импульсам желаний и потребностям, появляющимся во время сна. В ближайшее время он даст подробный отчет об этих снах, рассказываемых обычно под видом "шуток"». Ср. статью, совместно написанную Фрейдом и Оппенхаймом, под названием «Сновидения в фольклоре» (1957*a* [1911]).]

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список сочинений Фрейда, в которых преимущественно или достаточно подробно освещается тема сновидений

Едва ли будет преувеличением сказать, что во многих работах Фрейда затрагивается проблема сновидений. И все же следующий список его сочинений (совершенно разных по своему значению), наверное, будет полезен с практической точки зрения. В этом списке вначале указан год, когда была написана соответствующая работа, а в конце — год ее издания. После второй даты приведены более детальные сведения о работах, представленных в этом приложении под рубрикой «Библиография А». Сведения, приведенные в квадратных скобках, относятся к сочинениям Фрейда, опубликованным после его смерти.

[1895 «Entwurf einer Psychologie» (разделы 19, 20 и 21 1-й части). (1950)]

1899 *Die Traumdeutung*. (1900*a*.) [1899 «Eine erfüllte Traumahnung.» (1941*c*)]

1901 *Über den Traum*. (1901*a*) 1901 «Bruchstück einer Hysterie-Analyse». [Первоначальное название: «Traum und Hysterie»] (1905*e*)

1905 *Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten* (глава VI). (1905*c*)

1907 *Der Wahn und die Träume in W. Jemens «Gradiva»*. (1907*a*)

1910 «Typisches Beispiel eines verkappten Ödipustraumes.» (1910*l*)

1911 «Nachträge zur Traumdeutung.» (1911*a*)

1911 «Die Handhabung der Traumdeutung in der Psychoanalyse.» (1911*e*)

[1911 «Träume im Folklore» (в соавторстве с Д. Э. Оппенхаймом). (1957*a*.)]

1913 «Ein Traum als Beweismittel.» (1913*a*)

1913 «Märchenstoffe in Träumen.» (1913*d*)

1913 «Erfahrungen und Beispiele aus der analytischen Praxis.» (1913*h*)

1914 «Darstellung der «großen Leistung» im Traum.» (1914*e*)

1914 «Aus der Geschichte einer infantilen Neurose» (раздел IV). (1918*b*)

1916 *Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse* (часть II). (1916–1917)

1917 «Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre.» (1917*d*)

1920 «Ergänzungen zur Traumlehre.» (1920*f*)

1922 «Traum und Telepathie.» (1922*a*)

1923 «Bemerkungen zur Theorie und Praxis der Traumdeutung.» (1923*c*)

1923 «Josef Popper-Lynkeus und die Theorie des Traumes.» (1923*f*)

1925 «Einige Nachträge zum Ganzen der Traumdeutung.» (1925*i*)

1929 Brief an Maxime Leroy: «Über einen Traum des Cartesius.» (1929*t*)

1932 «Meine Berührung mit Josef Popper-Lynkeus.» (1932*c*)

1932 «Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse» (лекции 29 и 30). (1933*a*)

[1938 «Abriß der Psychoanalyse» (глава V). (1940*a*)]

БИБЛИОГРАФИЯ

Предварительное замечание. Названия книг и журналов выделены курсивом, названия статей в журналах или книгах заключены в кавычки. Сокращения соответствуют изданию «World List of Scientific Periodicals» (Лондон, 1963–1965). Другие используемые в этом томе сокращения разъясняются в «Списке сокращений» на с. 655. Сведения, маркированные знаками сноски, проверить не удалось (см. «Предисловие издателей», с. 7 и 8). Относительно авторов, труды которых не относятся к научной литературе или специально не упоминаются, см. «Именной и предметный указатель».

А

Список цитированных трудов и указатель авторов

Цифры в круглых скобках в конце библиографических пометок означают страницы данного тома, где имеется ссылка на данную работу. Выделенные курсивом буквы после указания года приведенных ниже сочинений Фрейда относятся к библиографии Фрейда, представленной в последнем томе англоязычного собрания сочинений «Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud». Расширенный немецкоязычный вариант этой библиографии содержится в томе «Freud-Bibliographie mit Werkkonkordanz», подготовленном Ингеборг Мейер-Пальмедо и Герхардом Фихтнером (издательство С. Фишера, Франкфурт-на-Майне, 1989).

ABEL, K. (1884) *Über den Gegensinn der Urworte,* Leipzig. (316)

ABRAHAM K. (1909) *Traum und Mythus: Eine Studie zur Völkerpsychologie,* Leipzig und Wien. Neuausgabe in: K. Abraham, *Psychoanalytisthe Studien zur Charakterbildung* (Und andere Schriften), hrsg. von J. Cremerius, *Conditio humana,* Frankfurt am Main, 1969, c. 261; в 1971 году второе издание под названием *Psychoanalytische Studien I.* (346, 392)

ADLER, A. (1910) «Der psychische Hermaphroditismus im Leben und in der Neurose», *Fortschr. Med.*, т. 28, с. 486. (387–388)

(1911) «Beitrag zur Lehre vom Widerstand», *Zentbl.Psychoanal.*, т. 1, с. 214. (551)

ALLISON, A. (1868) «Nocturnal Insanity», *Med. Times & Gaz.*, т. 947, с. 210. (110)

ALMOLI, S. (1637) *см.* Salomon Almoli (1637)

AMRAM, N. (1901) *Sepher pithrôn chalômôth,* Jerusalem. (32)

ARISTOTELES *De somniis è De divinatione per somnum.* (30, 59, 118, 317, 525)

ARTEMIDORUS VON DALDIS *Oneirocritica.* (31, 119, 120, 325, 349, 575)

ARTIGUES, R. (1844) *Essai sur la valeur séméiologique du rêve* (диссертация), Paris. (59)

BENINI, V. (1898) «La memoria e la durata dei sogni» *Riv. ital. filos.*, т. 13*a*, с. 149. (70, 93)

BERNARD-LEROY, E., TOBOWOLSKA, J. (1901) «Mécanisme intellectuel du rève», *Rev. phil.*, т. 51, с. 570. (482–483)

BERNFELD, S. (1944) «Freud's Earliest Theories and the School of Helmholtz», *Psychoanal. Quart.*, т. 13, с. 341. (17, 464)

BERNSTEIN, L, SEGEL, B. W. (1908) *Jüdische Sprichwörter und Redensarten,* Warschau. (150)

BETLHEIM, S., HARTMANN, H. (1924) «Über Fehlreaktionen des Gedächtnisses bei der Korsakoffschen Psychose», *Arch. Psychiat. Nervenkr.*, т. 72, с. 278. (376–377)

BIANCHIERI, F. (1912) «I sogni dei bambini di cinque anni», *Riv. psicol.*, т. 8, с. 325. (149)

BINZ, C. (1878) *Über den Traum,* Bonn. (46, 79–80, 98–99, 108)

BLEULER, E. (1910) «Die Psychoanalyse Freuds», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, т. 2, с. 623. (346)

BONATELLI, F. (1880) «Del sogno», *La filosofia delle scuole italiane,* Feb. 16. (70)

BÖRNER, J. (1855) *Das Alpdrücken, seine Begründung und Verhütung,* Würzburg. (60)

*BOTTINGER (1795) In C. P. J. Sprengel : *Beiträge zur Geschichte der Medizin,* т. 2. (59) *См. также* Doglia, S., Bianchieri, F.

BOUCHÉ-LECLERCQ, A. (1879-1882) *Histoire de la divination dans l'antiquité,* Paris. (59)
BREUER, J., FREUD, S. (1895) *см.* Freud, S. (1895*d)*
(1940 [1892]) *см.* Freud, S. (1940*d*)
BÜCHSENSCHÜTZ, B. (1868) *Traum und Traumdeutung im Altertum,* Berlin. (30, 118, 150)
BURDACH, K. F. (1838) *Die Physiologie als Erfahrungswissenschaft,* т. 3d. 2-е изд., 1832-1840. (1-е изд., 1826–1832.) (34, 49, 74, 76–77, 100, 103–104, 231)
BUSEMANN, A. (1909) «Traumleben der Schulkinder», *Z. päd. Psychol.,* т. 10, с. 294. (149)
(1910) «Psychologie der kindlichen Traumerlebnisse», *Z. päd. Psychol.,* т. 11, с. 320. (149)
CABANIS, P. J. G. (1802) *Rapports du physique et du moral de l'homme,* Paris. (110)
CALKINS, M. W. (1893) «Statistics of Dreams», *Am. J. Psychol.,* т. 5, с. 311. (46, 47, 68–69, 229)
CAREÑA, CAESARE (1631) *Tractatus de Officio Sanctissimae Inquisitionis,* ... etc., Cremona. (92)
CHABANEIX, P. (1897) *Physiologie cérébrale: le subconscient chez les artistes, les savants, et les écrivains,* Paris. (69, 87)
CICERO *De divinatione.* (36, 79)
CLAPARÈDE, E. (1905) «Esquisse d'une théorie biologique du sommeil», *Arch. psychol.,* т. 4, с. 245. (76)
CLERK-MAXWELL, J. (1876) *Matter and Motion,* London. (440, 498)
CORIAT, I. H. (1913) «Zwei sexual-symbolische Beispiele von Zahnarzt-Träumen», *Zentbl. Psychoanal.,* т. 3, с. 440. (379)
DATTNER, B. (1913) «Gold und Kot», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.,* т. 1, с. 495. (394)
DAVIDSON, WOLF (1799) *Versuch über den Schlaf* (2-е изд.), Berlin. (1-е изд., 1795.) (84)
DEBACKER, F. (1881) *Des hallucinations et terreurs nocturnes chez les enfants* (диссертация), Paris. (151–152, 557–558)
DELACROIX, H. (1904) «Sur la structure logique du rêve», *Rev. métaphys.,* т. 12, с. 921. (482)
DELAGE, Y. (1891) «Essai sur la théorie du rêve», *Rev. industr.,* т. 2, с. 40. (44–45, 102–103, 192, 562)
DELBOEUF, J. R. L. (1885) *Le sommeil et les rêves,* Paris. (38–39, 46–47, 75, 81, 83, 97–98, 125, 192, 196)

DIEPGEN, P. (1912) *Traum und Traumdeutung als medizinisch-naturwissenschaftliches Problem im Mittelalter,* Berlin (31, 518)

DOGLIA, S., BIANCHIERI, F. (1910–1911) «I sogni dei bambini di tre anni», *Contrib. psicol.,* т. 1, с. 9. (149)

DÖLLINGER, J. (1857) *Heidenthum und Judenthum,* Regensburg. (59)

DREXL, F. X. (1909) *Achmets Traumbuch: Einleitung und Probe eines kritischen Textes* (Dissertation), München. (32)

DUGAS, L. (1897*a*) «Le sommeil et la cerebration inconsciente durant le sommeil», *Rev. phil.,* т. 43, с. 410. (78, 82–83)

(1897*b*) «Le souvenir du rêve», *Rev. phil.,* т. 44, с. 220. (548)

DU PREL.C. (1885) *Die Philosophie der Mystik,* Leipzig. (86, 149, 151, 283, 506, 580)

EDER.M. D. (1913) «Augenträume», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.,* т. 1, с. 157. (389)

EGGER, V. (1895) «La durée apparente des rêves», *Rev. phil.,* т. 40, с. 41. (53, 86–87, 477)

(1898) «Le souvenir dans le rêve», *Rev. phil.,* т. 46 с. 154 (71)

ELLIS, HAVELOCK (1899) «The Stuff that Dreams are made of», *Popular Science Monthly,* т. 54, с. 721. (45, 83, 562)

(1911) *The World of Dreams,* London. (87, 182, 195, 347–348, 367, 393, 482, 518)

ERDMANN, J. E. (1852) *Psychologische Briefe* (письмо VI), Leipzig. (93)

FECHNER, G. T. (1860) *Elemente der Psychophysik* (2 тома), Leipzig. (2-е изд., Leipzig, 1889.) (72, 79, 512)

FEDERN, P. (1914) «Über zwei typische Traumsensationen», *Jb. Psychoanalyse,* т. 6, с. 89. (385–386)

FÉRÉ, C. (1886) «Note sur un cas de paralysie hystérique consécutive à un rêve», *Soc. biolog.,* т. 41 (ноябрь 20). (109–110)

(1887) «A Contribution to the Pathology of Dreams and of Hysterical Paralysis», *Brain,* т. 9, с. 488. (109)

Ferenczi, S. (1910) «Die Psychoanalyse der Träume», *Psychiat.-neurol. Wschr.*, т. 12, с. 102, 114, 125. (120, 150, 250–251, 323)

(1911) «Über lenkbare Träume», *Zentbl. Psychoanal.*, т. 2, с. 31. Переиздание: S. Ferenczi, *Schriften zur Psychoanalyse I*, hrsg. von M. Balint, *Conditio humana*, Frankfurt am Main, 1970, с. 97. (545)

(1912) «Symbolische Darstellung des Lust- und Realitätsprinzips im Ödipus-Mythos», *Imago*, т. 1, с. 276. (267–268)

(1913) «Zur Augensymbolik», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 1, с. 161. (389)

(1916) «Affektvertauschung im Traume», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 4, с. 112. Переиздание: S. Ferenczi, *Schriften zur Psychoanalyse I*, hrsg. von M. Balint, *Conditio humana*, Frankfurt am Main, 1970, с. 227. (455)

(1916) «Träume der Ahnungslosen», *Int. 2. ärztl. Psychoanal.*, т. 4, с. 208. Переиздание: S. Ferenczi, *Schriften zur Psychoanalyse I*, hrsg. von M. Balint, *Conditio humana*, Frankfurt am Main, 1970, с. 239. (370)

Fichte, I. H. (1864) *Psychologie: die Lehre vom bewußten Geiste des Menschen* (2 Bde.), Leipzig. (34, 85–86, 93)

Fischer, K. P. (1850) *Grundzüge des Systems der Anthropologie* (Teil I, т. 2, in *Grundzüge des Systems der Philosophie*, Erlangen. (88–99)

Fliess, W. (1906) *Der Ablauf des Lebens*, Wien. (115, 180-182, 424)

Förster, M. (1910) «Das lateinisch-altenglische pseudo-Danielsche Traumbuch in Tiberius A. III», *Archiv Stud. neueren Sprachen und Literaturen*, т. 125, с. 39. (31)

(1911) «Ein mittelenglisches Vers-Traumbuch des 13. Jahrhunderts», *Archiv Stud. neueren Sprachen und Literaturen*, т. 127, с. 31. (31)

Foster, M., Sherrington, C. S. (1897) «The Central Nervous System», *A Textbook of Physiology*, Teil III, 7-е изд., London. (17)

Foucault, M. (1906) *Le rêve: études et observations*, Paris. (482–483, 491)

FREUD, S.

(1877*a*) «Über den Ursprung der hinteren Nervenwurzeln im Rückenmarke von Ammocoetes (Petromyzon Planeri)», *S. B. Akad. Wiss. Wien* (Math.-Naturwiss. Kl.), III Abt., т. 75, с. 15. (402)

(1884*e*) «Über Coca», *Zentbl. ges. Ther.*, т. 2, с. 289. (131, 183)

(1893*c*) «Quelques considérations pour une étude comparative des paralysies motrices organiques et hystériques. *G. W.*, т. 1, с. 39. (537)

(1894*a*) «Die Abwehr-Neuropsydiosen», *G. W.*, т. 1, с. 59. (238)

(1895*b*) [1894]) «Über die Berechtigung, von der Neurasthenie einen bestimmten Symptomenkomplex als "Angstneurose" abzutrennen», *G. W.*, т. 1, с. 315; *Studienausgabe*, т. 6, с. 25. (171, 176)

(1895*d*), Breuer, J., *Studien über Hysterie*, Wien; Переиздание (Fischer Taschenbuch), Frankfurt am Main, 1970. *G. W.*, т. 1, с. 75; Nachtr., с. 217, 221. (16, 120–121, 192, 464, 500, 514, 521, 571)

(1896*b*) «Weitere Bemerkungen über die Abwehr-Neuropsychosen», *G. W.*, т. 1, с. 379. (238, 521)

(1898*b*) «Zum psychischen Mechanismus der Vergesslichkeit», *G. W.*, т. 1, с. 519. (496, 577)

(1899*a*) «Über Deckerinnerungen» *G. W.*, т. 1, с. 531. (186, 577)

(1900*a*) *Die Traumdeutung*, Wien. *G. W.*, т. 2-3; *Studienausgabe*, т. 2. (13–19, 114, 116, 120, 135, 141, 195, 268, 359, 381–384, 388, 400, 438, 591)

(1901*a*) *Über den Traum*, Wiesbaden. *G. W.*, т. 2–3, с. 643 (591)

(1901*b*) *Zur Psychopathologie des Alltagslebens*, Berlin, 1904. *G. W.*, т. 4. (208, 440, 493, 496, 577)

(1905*c*) *Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten*, Wien. *G. W.*, т. 6; *Studienausgabe*, т. 4, с. 9. (139, 206, 272, 299, 303, 336, 350, 429, 462, 574, 591)

(1905*d*) *Drei Abhandlungen zur Sexnabbeorie,* Wien. *G. W.*, т. 5, с. 29; *Studienausgabe,* т. 5, с. 37. (13, 24–25, 148, 250, 276, 349, 387, 575)
(1905*e* [1901]) «Bruchstück einer Hysterie-Analyse», *G. W.*, т. 5, с. 163; *Studienausgabe,* т. 6, с. 83. (202, 309, 313, 336, 349, 379, 386, 475, 494, 497, 508, 535, 536, 551, 591)
(1906*a*) «Meine Ansichten über die Rolle der Sexualität in der Ätiologie der Neurosen», *G. W.*, т. 5, с. 149; *Studienausgabe,* т. 5, с. 147. (290)
(1907*a* [1906]) *Der Wahn und die Träume in W. Jensens «Gradiva».*Wien. *G. W.*, т. 7, с. 31; *Studienausgabe,* т. 10, с. 9. (118, 366, 591)
(1908*a*) «Hysterische Phantasien und ihre Beziehung zur Bisexualität», *G. W.*, т. 7, с. 191; *Studienausgabe,* т. 6, с. 187. (473, 542)
(1908*b*) «Charakter und Analerotik», *G. W.*, т. 7, с. 203; *Studienausgabe,* т. 7, с. 23. (211, 394)
(1908*c*) «Über infantile Sexualtheorien», *G. W.*, т. 7, с. 171; *Studienausgabe,* т. 5, с. 169. (255, 357)
(1908*e* [1907]) «Der Dichter und das Phantasieren», *G. W.*, т. 7, с. 213; *Studienausgabe,* т. 10, с. 169. (473)
(1909*a* [1908]) «Allgemeines über den hysterischen Anfall», *G. W.*, т. 7, с. 235; *Studienausgabe,* т. 6, с. 197. (325)
(1909*b*) «Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben», *G. W.*, т. 7, с. 243; *Studienausgabe,* т. 8, с. 9 (149, 255, 256, 258)
(1909*d*) «Bemerkungen über einen Fall von Zwangsneurose», *G. W.*, т. 7, с. 31. *Studienausgabe,* т. 7, с. 31. (304, 336, 429)
(1910*a* [1909]) *Über Psychoanalyse,* Wien. *G. W.*, т. 8, с. 3. (28)
(1910*d*) «Die zukünftigen Chancen der psychoanalytischen Therapie», *G. W.*, т. 8, с. 104. (349–350, 359, 364, 394)

(1910e) «"Über den Gegensinn der Urworte"», *G. W.*, т. 8, с. 214; *Studienausgabe,* т. 4, с. 227. (316)
(1910*h*) «Über einen besonderen Typus der Objektwahl beim Manne», *G. W.*, т. 8, с. 66; *Studienausgabe,* т. 5, с. 185. (394)
(1910*l*) «Typisches Beispiel eines verkappten Ödipus-traumes», *Zentbl. Psychoanal.*, т. 1, с. 45; перепечатано в: *Die Traumdeutung, G. W.*, т. 2–3, с. 404 Anm.; *Studienausgabe,* т. 2, с. 389–390 Anm. (161, 389–390, 591)
(1911*a*) «Nachträge zur Traumdeutung», in: *Die Traumdeutung, G. W.*, т. 2-3, с. 365-370, с. 412–413 (не полностью); *G. W.*, Nachtr., с. 604 (полностью); *Studienausgabe,* т. 2, с. 354–359, 397–398 (полностью). (354–355, 359, 397, 591)
(1911*b*) «Formulierungen über die zwei Prinzipien des psychischen Geschehens», *G. W.*, т. 8, с. 230; *Studienausgabe,* т. 3, с. 13. (417, 540)
(1911*e*) «Die Handhabung der Traumdeutung in der Psychoanalyse», *G. W.*, т. 8, с. 350; *Studienausgabe,* дополнительный том, с. 149. (591)
(1912*g*) «A Note on the Unconscious in Psycho-Analysis» [на английском языке]. *[Немецкий перевод* Ганса Захса: «Einige Bemerkungen über den Begriff des Unbewußten in der Psychoanalyse», *G. W.*, т. 8, с. 340; *Studienausgabe,* т. 3, с. 25. (582)
(1912-1913) *Totem und Tabu,* Wien, 1913. *G. W.*, т. 9; *Studienausgabe,* т. 9, с. 287. (260, 261, 268, 399, 481)
(1913*a*) «Ein Traum als Beweismittel», *G. W.*, т. 10, S.12 (591)
(1913*d)* «Märchenstoffe in Träumen», *G. W.*, т. 10, с. 2. (591)
(1913*f*) «Das Motiv der Kästchenwahl», *G. W.*, т. 10, с. 244; *Studienausgabe,* т. 10, с. 181. (260)
(1913*g*) «Erfahrungen und Beispiele aus der analytischen Praxis», *G. W.*, т. 10, с. 40 (не

полностью); in: *Die Traumdeutung, C. W.*, т. 2–3, с. 238, 359ff., 413f., 433 (не полностью); *G. W.*, Nachtr. с. 614 (полностью); *Studienausgabe*, т. 2, с. 239, 349, 350, 398, 417-418 (не полностью). (239, 398, 591)
(1914*c*) «Zur Einführung des Narzißmus», *G. W.*, т. 10, с. 138; *Studienausgabe*, т. 3, с. 37. (485)
(1914*d)* «Zur Geschichte der psychoanalytischen Bewegung», *G. W.*, т. 10, с. 43. (18)
(1914*e*) «Darstellung der "großen Leistung" im Traum», in: *Die Traumdeutung, G. W.*, т. 2–3, с. 416 (не полностью); *G. W.*, Nachtr., с. 620 (полностью); *Studienausgabe*, т. 2, с. 401 (не полностью). (401, 591)
(1915*b*) «Zeitgemäßes über Krieg und Tod», *G. W.*, т. 10, с. 324; *Studienausgabe*, т. 9, с. 33. (260)
(1915*d*) «Die Verdrängung», *G. W.*, т. 10, с. 248; *Studienausgabe*, т. 3, с. 103. (523, 573)
(1915*e)* «Das Unbewußte», *G. W.*, т. 10, с. 264; *Studienausgabe*, т. 3, с. 119. (297, 571, 578, 585)
(1916*d*) «Einige Charaktertypen aus der psychoanalytischen Arbeit», *G. W.*, т. 10, с. 364; *Studienausgabe* т. 10, с. 229. (270)
(1916–1917 [1915–1917]) *Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse*, Wien. *G. W.*, т. 11; *Studienausgabe* т. 1, с. 33. (26, 44, 150, 160, 170, 239, 299, 353-354, 358, 395, 397, 398, 402, 405, 417, 481, 496, 552–553, 591)
(1917*d* [1915]) «Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre», *G. W.*, т. 10, с. 412; *Studienausgabe* т.3, с. 175. (502, 517, 529, 591)
(1918*b* [1914]) «Aus der Geschichte einer infantilen Neurose», *G. W.*, т. 12, с. 29; *Studienausgabe*, т. 8, с. 125 (196, 309, 366, 500, 591)
(1919*h*) «Das Unheimliche», *G. W.*, т. 12, с. 229; *Studienausgabe*, т. 4, с. 241. (351)
(1920*a*) «Über die Psychogenese eines Falles von weiblicher Homosexualität», *G. W.*, т. 12, с. 271; *Studienausgabe*, т. 7, с. 255. (459)

(1920*f*) «Ergänzungen zur Traumlehre», *G. W.* Nachtr. c. 622-623. (591)
(1920*g*) *Jenseits des Lustprinzips,* Wien. *G. W.*, т. 13, с. 3; *Studienausgabe,* т. 3, с. 213. (251, 272, 445 516, 532, 538, 571)
(1921*b*) Предисловие [на английском языке] к книге Varendonck, *The Psychology of Day-Dreams,* London. *Deutsche Fassung* (не полностью): *G. W.*, т. 13, с. 439. (473)
(1921*c*) *Massenpsychologie und Ich-Analyse,* Wien. *G. W.*, т. 13, с. 73; *Studienausgabe,* т. 9, с. 61. (166, 459)
(1922*a*) «Traum und Telepathie», *G. W.*, т. 13, с. 165. (591)
(1922*b*) «Über einige neurotische Mechanismen bei Eifersucht, Paranoia und Homosexualität», *G. W.*, т. 13, с. 195; *Studienausgabe,* т. 7, с. 217. (110)
(1923*b*) *Das Ich und das Es,* Wien. *G. W.*, т. 13, с. 237; *Studienausgabe,* т. 3, с. 273. (175, 459, 517, 582–583)
(1923*c* [1922]) «Bemerkungen zur Theorie und Praxis der Traumdeutung», *G. W.*, т. 13, с. 301; *Studienausgabe,* дополнительный том, с. 257. (591)
(1923*d* [1922]) «Eine Teufelsneurose im siebzehnten Jahrhundert», *G. W.*, т. 13, с. 317; *Studienausgabe,* т. 7, с. 283. (352)
(1923*f*) «Josef Popper-Lynkeus und die Theorie des Traumes», *G. W.*, т. 13, с. 357. (115, 308, 591)
(1924*c*) «Das ökonomische Problem des Masochismus», *G. W.*, т. 13, с. 301; *Studienausgabe,* т. 3, с. 339. (174)
(1925*a* [1924]) «Notiz über den «Wunderblock»», *G. W.*, т. 14, с. 3; *Studienausgabe,* т. 3, с. 363. (516)
(1925*i*) «Einige Nachträge zum Ganzen der Traumdeutung», *G. W.*, т. 1, с. 561. (591)
(1925*j*) «Einige psychische Folgen des anatomischen Geschlechtsunterschieds»,

G. W., т. 14, с. 19; *Studienausgabe*, т. 5, с. 253. (262)
(1926*d* [1925]) *Hemmung, Symptom und Angst*, Wien. *G. W.*, т. 14, с. 113; *Studienausgabe*, т. 6, с. 227. (176, 334, 391, 572)
(1927*c*) *Die Zukunft einer Illusion*, Wien, *G. W.*, т. 14, с. 325; *Studienausgabe*, т. 9, с. 135. (438)
(1929*b*) Brief an Maxim *[sic]* Leroy: «Über einen Traum des Cartesius» (предположительно, французский перевод Максима Леруа), *G. W.*, т. 14, с. 558. (591)
(1930*a*) *Das Unbehagen in der Kultur*, Wien. *G. W.*, т. 14, с. 421; *Studienausgabe*, т. 9, с. 191. (99)
(1930*e*) Ansprache im Frankfurter Goethe-Haus, *G. W.*, т. 14, с. 547; *Studienausgabe*, т. 10, с. 292. (158, 270)
(1931*b*) «Über die weibliche Sexualität», *G. W.*, т. 14, с. 517; *Studienausgabe*, т. 5, с. 273. (262)
(1932*c*) «Meine Berührung mit Josef Popper-Lynkeus», *G. W.*, т. 16, с. 261. (115, 308, 591)
(1932*e* [1931]) Preface to the Third (revised) English Edition of *The Interpretation of Dreams* [на английском языке], London und New York. *G. W.*, Nachtr., с. 746; *Studienausgabe*, т. 2, с. 28. (19, 28)
(1933*a* [1932]) *Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse*, Wien. *G. W.*, т. 15; *Studienausgabe*, т. 1, с. 447. (32, 113, 330, 350, 472, 507, 517, 532, 573, 592)
(1933*e* [1932]) Drei Briefe an André Breton [французский перевод], *Le surréalisms au service de la révolution*, Nr. 5, с. 10. Факсимиле немецкого оригинала письма. (14)
(1940*a* [1938]) *Abriß der Psychoanalyse*, *G. W.*, т. 17, с. 63; предисловие: *G. W.*, Nachtr., с. 749; Kap. VI in: *Studienausgabe*, дополнительный том, с. 407. (592)
(1940*d* [1892]), Breuer, J., «Zur Theorie des hysterischen Anfalls», *G. W.*, т. 17, с. 9. (17)

(1941*c* [1899]) «Eine erfüllte Traumahnung., *G. W.*, т. 17, с. 21. (591)
(1942*a* [1905–1906]) «Psychopathische Personen auf der Bühne», *G. W.*, Nachtr., с. 655; *Studienausgabe*, т. 10, с. 161. (270)
(1950*a* [1887-1902]) *Aus den Anfängen der Psychoanalyse*, London; Frankfurt am Main 1962. (Содержит «Entwurf einer Psychologie», 1895 [эта работа (1950c) включена в: *G. W.*, Nachtr., с. 375].) (16–19, 24, 115, 135, 140, 141, 206, 215, 238, 268, 316, 438, 488, 516, 563, 591)
(1957a [1911]), Oppenheim, D. E., «Träume im Folklore», *G. W.*, Nachtr., с. 573. (394, 588, 591)

FUCHS, E. (1909–1912) *Illustrierte Sittengeschichte* (Ergänzungsbände), München. (341)

GALTON, F. (1907) *Inquiries into Human Faculty and its Development* (2-е изд.), London. (1-е изд., 1883.) (155, 295, 475)

GARNIER, A. (1872) *Tratté des facultes de l'âme, contenant l'histoire des principales théories psychologiques* (3 тома.), Paris, (1-е изд., 1852.) (52, 240)

GIESSLER, C. M. (1888) *Beiträge zur Phänomenologie des Traumlebens*, Halle. (109)
(1890) *Aus den Tiefen des Traumlebens*, Halle.(109)
(1896) *Die physiologischen Beziehungen der Traumvorgänge, Halle.* (109)

GIROU DE BOUZAREINGES, S., GIROU DE BOUZAREINGES, L. (1848) *Physiologie: essai sur le mécanisme des sensations, des idées et des sentiments*, Paris. (50–51)

GOBLOT, E. (1896) «Sur le souvenir des rêves», *Rev. phil.*, т. 42, с. 288. (482–483, 548)

GOMPERZ, T. (1866) *Traumdeutung und Zauberei*, Wien. (119)

GOTTHARDT, O. (1912) *Die Traumbücher des Mittelalters*, Eisleben. (31–32)

GRIESINGER, W. (1845) *Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten*, Stuttgart. (151)
(1861) *Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten*, 2-е изд. (цит. Радештока). (111–112, 238)

GRUPPE, P. O. (1906) *Griechische Mythologie und Religionsgeschichte,* München. In I. E. P. von Müller, *Handbuch der klassischen Altertums-Wissenschaß,* т. 5, с. 2. (31)

GUISLAIN, J. (1833) *Leçons orales sur les phrénopathies* (3 òüa), Brüssel. (110)

HAFFNER, P. (1887) «Schlafen und Träumen», *Sammlung zeitgemäßer Broschüren,* Frankfurt, с. 226. (32, 34, 75–76, 85, 89–91)

HAGEN, F. W. (1846) «Psychologie und Psychiatrie», *Wagners Handwörterbuch der Physiologie,* Braunschweig, т. 2, с. 692. (111)

HALLAM, F., WEED, S. (1896) «A Study of Dream Consciousness», *Am. J. Psychol.,* т. 7, с. 405. (44–45, 151, 177)

HARTMANN, E. VON (1890) *Philosophie des Unbewußten* (10-е изд.), Leipzig. (1-е изд., 1869.) (151, 506)

HARTMANN, H. (1924) *см.* Betlheim, S., Hartmann, H. (1924)

HENNINGS, J. C. (1784) *Von den Träumen und Nachtwandlern,* Weimar. (40, 50)

HENZEN, W. (1890) *Über die Träume in der altnordisdien Sagaliteratur* (диссертация), Leipzig. (397)

HERBART, J. F. (1892) *Psychologie als Wissenschaft neu gegründet auf Erfahrung, Metaphysik und Mathematik. (Zweiter, analytischer Teil);* т. 6 in *Herbarts Sämtliche Werke* (hrsg. von K. Kehrbach), Langensalza. (1-е изд., Königsberg, 1825.) (98)

HERMANN, K. F. (1858) *Lehrbuch der gottesdienstlichen Alterthümer der Griechen* (2-е изд.), Heidelberg. (Teil II in *Lehrbuch der griechischen Antiquitäten.)* (59)
(1882) *Lehrbuch der griechischen Privatalterthümer* (3-е изд.), Freiburg. Teil IV in *Lehrbuch der griechischen Antiquitäten.)* (59)

HERODOT Geschichte. (389)

HERVEY DE SAINT-DENYS, MARQUIS D' (1867) *Les rêves et les moyens de les diriger,* Paris. (Опубликовано анонимно.) (40–41, 51, 83–84, 544–545)

HILDEBRANDT, F. W. (1875) *Der Traum und seine Verwerthung für's Leben,* Leipzig. (36–37, 42, 45–46, 51–54, 79, 84–86, 89–94, 177)

HIPPOKRATES Περί ἀρχαίας ἰατρικῆς. (30)
Περί διαίτης. (30, 59, 393)

HITSCHMANN, E. (1913) «Goethe als Vatersymbol», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 1, с. 569. (348)
HOBBES, T. (1651) *Leviathan*, London. (518)
HOFFBAUER, J. C. (1796) *Naturlehre der Seele*, Halle. (50)
*HOHNBAUM, C. (1830) in C. F. Nasse: *Jb. Anthrop.*, т. 1. (109)
HUG-HELLMUTH, H. VON (1911) «Analyse eines Traumes eines 5¹/₂jährigen Knaben-, *Zentbl. Psychoanal.*, т. 2, с. 122. (149)
(1913) «Kinderträume», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 1, с. 470. (149)
(1915) «Ein Traum, der sich selbst deutet», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 3, с. 33. (159–160)
IDELER, K. W. (1853) «Über die Entstehung des Wahnsinns aus Träumen», *Annalen des Charité-Krankenhauses*, Berlin, т.3 (2), с. 284. (109)
IWAYA, S. (1902) «Traumdeutung in Japan», *Ost-Asien*, т. 5, с. 312. (32)
JEKELS, L. (1917) «Shakespeares Macbeth», *Imago*, т. 5, с. 170. (270)
JESSEN, P. (1855) *Versuch einer wissenschaftlichen Begründung der Psychologie*, Berlin. (35, 40, 49–51, 70–71, 88, 94–95)
JODL, F. (1896) *Lehrbuch der Psychologie*, Stuttgart. (80)
JONES, E. (1910*a*) «The Oedipus Complex as an Explanation of Hamlet's Mystery», *Am. J. Psychol.*, т. 21, с. 72. (270)
(1910*b*) «Freud's Theory of Dreams», *Am. J. Psychol.*, т. 21, с. 283. (391-392)
(1911) «The Relationship between Dreams and Psycho-neurotic Symptoms», *Am. J. Insanity*, т. 68, с. 57. (542)
(1912*a*) «Unbewußte Zahlenbehandlung», *Zentbl. Psychoanal.* т. 2, с. 241, (406)
(1912*b*) «A Forgotten Dream», *J. abnorm. Psychol.*, т. 7, с. 5. (498)
(1914*a*) «Frau und Zimmer», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 2, с. 380. (349)
(1914*b*) «Zahnziehen und Geburt», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 2, с. 380. (379)
(1916) «The Theory of Symbolism», *Brit. J. Psychol.*, т. 9, с. 181. (346)

(1949) *Hamlet and Oedipus*, London. (270)
(1960) *Das Leben und Werk von Sigmund Freud*, т. 1, Bern und Stuttgart. (131, 183, 464)

JOSEPHUS, FLAVIUS *Antiquitates Judaicae*. (330–331)

JUNG, C. G. (1906) (hrsg. von) *Diagnostische Assoziationsstudien* (2 тома), Leipzig. (509)
(1907) *Über die Psychologie der Dementia praecox*, Halle. (507)
(1910*b*) «Über Konflikte der kindlichen Seele», *Jb. psychoanalyt. psychopath, Forsch.*, т. 2, с. 33. (149)
(1910 *b)* «Ein Beitrag zur Psychologie des Gerüchtes», *Zentbl. Psychoanal.*, т. 1, с. 81. (331)
(1911) «Ein Beitrag zur Kenntnis des Zahlentraumes», *Zentbl. Psychoanal.*, т. 1, с. 567. (406)

KANT, I. (1764) *Versuch über die Krankheiten des Kopfes*, Königsberg. (110–111)
(1798) *Anthropologie in pragmatischer Hinsicht abgefaßt*, Königsberg. (92-93)

KARPINSKA, L. VON (1914) «Ein Beitrag zur Analyse "sinnloser" Worte im Traume», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 2, с. 164. (304)

KAZOWSKY, A. D. (1901) «Zur Frage nach dem Zusammenhange von Träumen und Wahnvorstellungen», *Neurol. Zentbl.*, т. 20, с. 440, 508. (109)

KIRCHGRABER, F. (1912) «Der Hut als Symbol des Genitales», *Zentbl. Psychoanal.*, т. 3, с. 95. (356)

KLEINPAUL, R. (1898) *Die Lebendigen und die Toten in Volksglauben, Religion und Sage*, Leipzig. (346)

KRAUSS, A. (1858–1859) «Der Sinn im Wahnsinn», *Allg. Z. Psychiat.*, т. 15, с. 617 и т. 16, с. 10, 222. (62, 109, 110–113)

KRIS, E. (1950) Einleitung zu S.Freud, *Aus den Anfängen der Psychoanalyse*, London; Frankfurt am Main (Fischer Paperbacks), 1962. (17, 115)

LADD, G. T. (1892) Kontribution to the Psychology of Visual Dreams», *Mind*, (New Series) т. 1, с. 299. (58, 560)

LANDAUER, K. (1918) «Handlungen des Schlafenden», Z. *ges. Neurol. Psychiat.*, т. 39, с. 329. (232)

LASÈGUE, G. (1881) «Le délire alcoolique n'est pas un délire, mais un rêve», *Archs gén Méd.*, т. 2, с. 513. (109)

LAUER, C. (1913) «Das Wesen des Traumes in der Beurteilung der talmudischen und rabbinischen Literatur», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 1, с. 459. (32)

LEHMANN, A. (1908) *Aberglaube und Zauberei von den ältesten Zeiten bis in die Gegenwart* (немецкий перевод Петерсена), Stuttgart. (59)

LE LORRAIN, J. (1894) «La durée du temps dans les rêves», *Rev. phil.*, т. 38, с. 275. (53, 86–87, 477)
(1895) «Le rêve», *Rev. phil.*, т. 40, с. 59. (477, 540)

LÉLUT, L.-F. (1852) «Mémoire sur le sommeil, les songes et le sonnambulisme», *Ann. méd.-psychol.*, [2. série] т. 4, с. 331. (110)

LEMOINE, A. (1855) *Du sommeil au point de vue physiologique et psychologique*, Paris. (78)

LEROY *См.* Bernard-Leroy

LEURET, F. (1834) *Fragmens psychologiques sur la folie*, Paris. (506)

LIEBEAULT, A. A. (1889) *Le sommeil provoque et les etats analogues*, Paris. (543)

LIPPS, T. (1883) *Grundtatsachen des Seelenlebens*, Bonn. (231)
(1897) «Der Begriff des Unbewußten in der Psychologie», *Records of the Third Int. Congr. Psychol.*, München. (579–580, 582)

*LLOYD, W. (1877) *Magnetism and Mesmerism in Antiquity*, London. (59)

*LÖWINGER (1908) «Der Traum in der jüdischen Literatur», *Mitt. jüd. Volksk.*, т. 10. (32)

LUCRETIUS *De rerum natura.* (35–36)

«LYNKEUS» [J. POPPER] (1899) *Phantasien eines Realisten*, Dresden. (2-е изд., Wien, 1900.) (115, 308)

MAASS, J. G. E. (1805) *Versuch über die Leidenschaften*, Halle. (35)

MACARIO, M. M. A. (1847) «Des rêves considerés sous le rapport physiologique et pathologique», Teil IV, *Ann. méd.-psychol.*, [1. série] т. 9, с. 27. (110)
(1857) *Du sommeil, des rêves et du sonnambulisme dans l'état de santé et de maladie*, Paris-Lyon. (478–479)

MACNISH, R. (1830) *Philosophy of Sleep*, Glasgow. (50–51)

Maeder, A. (1908) «Die Symbolik in den Legenden, Märchen, Gebräuchen und Träumen», *Psychiat.-neurol. Wschr.*, т. 10, с. 55. (346)
(1912) «Über die Funktion des Traumes», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, т. 4, с. 692. (551–552)
Maine de Biran, M. F. P. (1834) *Nouvelles considérations sur les rapports du physique et du moral de l'homme* (hrsg. von V. Cousin), Paris. (110)
Marcinowski, J. (1911) «Eine kleine Mitteilung», *Zentbl. Psychoanal.*, т. 1, с. 575. (303)
(1912*a*) «Gezeichnete Träume», *Zentbl. Psychoanal.*, т. 2, с. 490. (351)
(1912*b*) «Drei Romane in Zahlen», *Zentbl. Psychoanal.*, т. 2, с. 619. (406)
Maudsley, H. (1868) *Physiology and Pathology of Mind* (2-е изд.), London. (580)
Maury, L. F. A. (1853) «Nouvelles observations sur les analogies des phénomènes du rêve et de l'aliénation mentale», Teil II, *Ann. méd-psychol.*, [2. série] т. 5, с. 404. (53, 110, 111)
(1878) *Le sommeil et les rêves,* Paris. (1-е изд., 1861.) (35, 36, 39-40, 43, 51–53, 57–58, 60, 78, 80, 82–84, 86, 95, 99, 109, 113, 201, 476–478, 497, 508, 548)
*Meier, G. F. (1758) *Versuch einer Erklärung des Nachtwandeins,* Halle. (50)
Meynert, T. (1892) *Sammlung von populärwissenschaftlichen Vorträgen über den Bau und die Leistungen des Gehirns,* Wien. (256)
Miura, K. (1906) «Über japanische Traumdeuterei», *Mitt. dt, Ges. Naturk. Ostasiens,* т. 10. с. 291. (32)
Moreau, J. (1855) «De l'identité de l'état de rêve et de folie», *Ann. méd.-psychol.,* (3. série) т. 1, с. 361. (110)
Müller, j. (1826) *Über die phantastischen gesichtserscheinungen,* Koblenz. (57–58)
Myers, F. W. H. (1892) «Hypermnesic Dreams», *Proc. Soc. Psych. Res.,* т. 8, с. 362. (41)
Näcke, P. *(1903) «Über sexuelle Träume», *Arch. KrimAnthropol.,* с. 307. (387)

(1905) «Der Traum als feinstes Reagens f. d. Art d. sexuellen Empfindens», *Mschr, Krim.-Psychol.*, т. 2, с. 500. (387)
(1907) «Kontrastträume und spezielle sexuelle Kontrastträume», *Arch. KrimAnthropol.*, т. 24, с. 1. (387)
(1908) «Beiträge zu den sexuellen Träumen», *Arch. KrimAnthropol.*, т. 29, с. 363. (387)
*(1911) «Die diagnostische und prognostische Brauchbarkeit der sexuellen Träume», *Ärztl. Sachv.-Ztg.*, Nr. 2. (387)

NEGELEIN, J. VON (1912) «Der Traumschlüssel des Jaggadeva», *Relig. Gesch. Vers.*, т. 11, с. 4. (32)

NELSON, J. (1888) «A Study of Dreams», *Am. J. Psychol.*, т. 1, с. 367. (44)

NORDENSKJÖLD, O. *et al.* (1904) *Antarctic. Zwei Jahre in Schnee und Eis am Südpol* (2 Bde.), Berlin. (149)

OPPENHEIM, D. E., FREUD, S. (1957) см. Freud, S. (1957*a* [1911])

PACHANTONI, D. (1909) «Der Traum als Ursprung von Wahnideen bei Alkoholdeliranten», *Zentbl. Nervenheilk.*, т. 32, с. 796 (109)

PAULHAN, F. (1894) «À propos de l'activité de l'esprit dans le rêve», in «Correspondence», *Rev. phil.*, т. 38, с. 546. (482)

PEISSE, L. (1857) *La médecine et les médecins*, Paris. (113)

PESTALOZZI, R. (1956) Artikel in *Neue Zürcher Zeitung*, Juli 1. (426)

PFAFF, E. R. (1868) *Das Traumleben und seine Deutung nach den Prinzipien der Araber, Perser, Griechen, Inder und Ägypter*, Leipzig. (89)

PFISTER, O. (1909) «Ein Fall von psydioanalytischer Seelsorge und Seelenheilung», *Evangelische Freiheit*, Tübingen, (neue Folge) т. 9, с. 108. (394)
(1911–1912) «Die psychologische Enträtselung der religiösen Glossolalie und der automatischen Kryptographie», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, т. 3, с. 427 und с. 730.(351)
(1913) «Kryptolalie, Kryptographie und unbewußtes Vexierbild bei Normalen», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, *Úa.* 5, с. 117. (351)

PICHON, A. E. (1896) *Contribution à l'étude des délires oniriques ou délires de rêve,* Bordeaux. (109)

PILCZ, A. (1899) «Über eine gewisse Gesetzmäßigkeit in den Träumen», ðåçþìå (íaïècaíííå aåòiðîi), *Mschr. Psychiat. Neurol.* т. 5, с. 231. (47)

PLATO *Staat.* (89, 587)

POHORILLES, N. E. (1913) «Eduard von Hartmanns Gesetz der von unbewußten Zielvorstellungen geleiteten Assoziationen», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.,* т. 1, с. 605. (506)

PÖTZL, O. (1917) «Experimentell erregte Traumbilder in ihren Beziehungen zum indirekten Sehen», *Z. ges. Neurol. Psychiat.,* т. 37, с. 278. (194)

PRINCE, MORTON (1910) «The Mechanism and Interpretation of Dreams», *J. abnorm. Psychol.,* т. 5, с. 139. (499)

PURKINJE, J. E. (1846) «Wachen, Schlaf, Traum und verwandte Zustände», in R. Wagner, *Handwörterbuch der Physiologie mit Rücksicht auf physiologische Pathologie,* Braunschweig, т. 3, с. 412. (104, 151)

PUTNAM, J. J. (1912) «Ein charakteristischer Kindertraum», *Zentbl. Psychoanal.,* т. 2, с. 328. (149)

*RAALTE, F. VAN (1912) «Kinderdroomen», *Het Kind,* Januar. (149)

RADESTOCK, P. (1879) *Schlaf und Traum,* Leipzig. (35, 60, 69–70, 79–80, 88, 93, 109–112, 151)

RANK, O. (1909) Der *Mythus von der Geburt des Helden,* Leipzig und Wien. (261, 391)

(1910) «Ein Traum, der sich selbst deutet», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.,* т. 2, с. 465. (175, 244, 309, 331, 343, 389, 396)

(1911*a*) «Beispiel eines verkappten Ödipustraumes», *Zentbl. Psychoanal.,* т. 1, с. 167. (389)

(1911*b*) «Belege zur Rettungsphantasie», *Zentbl. Psychoanal.,* т. 1, с. 331. (394)

(1911*c*) «Zum Thema der Zahnreizträume·, *Zentbl. Psychoanal.,* т. 1, с. 408. (380–384)

(1912*a*) «Die Symbolschiditung im Wecktraum und ihre Wiederkehr im mythischen Denken», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.,* т. 4, с. 51. (227, 244, 347, 361, 392–394)

(1912*b*) «Aktuelle Sexualregungen als Traumanlässe», *Zentbl. Psychoanal.,* т. 2, с. 596. (244)

(1912c) *Das Inzest-Motiv in Dichtung und Sage,* Leipzig und Wien. (261)
(1913) «Eine noch nicht beschriebene Form des Ödipus-Traumes», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.,* т. 1, с. 151. (389)
(1914a) «Traum und Dichtung», in S. Freud, *Die Traumdeutung* (4–7-е изд.), Leipzig und Wien. (14, 15, 26, 28, 487)
(1914b) «Traum und Mythus», in S. Freud, *Die Traumdeutung* (4–7-е изд.), Leipzig und Wien. (14, 15, 26, 28, 487)
(1914c) «Die "Geburts-Rettungsphantasie" in Traum und Dichtung», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.,* т. 2, с. 43. (394)

RANK, O., SACHS, H. (1913) *Die Bedeutung der Psychoanalyse für die Geisteswissenschaften,* Wiesbaden. (346)

RÉGIS, E. (1894) «Les hallucinations oniriques ou du sommeil des dégénerés mystiques, *Campte rendu Congrès Méd. Alién.,* Paris, 1895, с. 260. (109)

REIK, T. (1911) «Zur Rettungssymbolik», *Zentbl. Psychoanal.,* т. 1, с. 499. (394)
(1915) «Gold und Kot», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.,* т. 3, с. 183. (394)

REITLER, R. (1913a) «Zur Augensymbolik», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.,* т. 1, с. 159. (389)
(1913b) «Zur Genital- und Sekret-Symbolik», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.,* т. 1, с. 492. (353)

ROBERT, W. (1886) *Der Traum als Naturnotwendigkeit erklärt,* Hamburg. (44, 100–103, 177, 178, 190–191, 201, 551, 561)

ROBITSEK, A. (1912) «Zur Frage der Symbolik in den Träumen Gesunder», *Zentbl. Psychoanal.,* т. 2, с. 340. (367–370)

ROFFENSTEIN, G. (1923) «Experimentelle Symbolträume», *Z. ges. Neurol. Psychiat.,* т. 87, с. 362. (376)

R[ORSCHACH], H. (1912) «Zur Symbolik der Schlange und der Krawatte», *Zentbl. Psychoanal.,* т. 2, с. 675. (350)

SACHS, H. (1911) «Zur Darstellungs-Technik des Traumes», *Zentbl. Psychoanal.,* т. 1, с. 413. (400)

(1912) «Traumdeutung und Menschenkenntnis», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, т. 3, с. 568. (587)
(1913) «Ein Traum Bismarcks», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 1, с. 80. (371-374)
(1914) «Das Zimmer als Traumdarstellung des Weibes», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 2, с. 35. (349)

SACHS, H., RANK, O. (1913) *см.* Rank, O., Sachs, H. (1913)

SALOMON ALMOLI BEN JACOB (1637) *Pithrôn Chalômôth*, Amsterdam. (32)

SANCTIS, SANTE DE (1896) *I sogni e il sonno nell' isterismo e nella epilessia*, Rom. (109)
(1897*a)* «Les maladies mentales et les rêves», extrait des *Ann. Soc. Méd. de Gand*, т. 76, с. 177. (109)
*(1897*b*) «Sui rapporti d'identità, di somiglianza, di analogia e di equivalenza fra sogno e pazzia», *Riv. quindicinale Psicol. Psichiat, Neuropatol.*, Nov. 15. (109)
(1898*a*) «Psychoses et rêves», *Rapport au Congrès de neurol. et d'hypnologie de Bruxelles 1897; Comptes rendus.ud.* l, с. 137. (109)
(1898*b*) «I sogni dei neuropatici e dei pazzi», *Arch, psichiat. antrop. crim.*, т. 19, с. 342. (109)
(1899) *I sogni,* Turin. (110, 114-115)

SCHERNER, K. A. (1861) *Das Leben des Traumes,* Berlin. (62, 104–108, 117, 150, 232-234, 331, 341, 347, 353, 393, 522, 562, 580–581)

SCHLEIERMACHER, F. E. D. (1862) *Psychologie,* in *Gesammelte Werke* (hrsg. Von L. George), т. 6, III, Berlin. (73, 93, 122)

SCHOLZ, F. (1887) *Schlaf und Traum,* Leipzig. (46–47, 81, 89, 151)

SCHOPENHAUER, A. (1862) «Versuch über das Geistersehen und was damit zusammenhängt», *Parerga und Paralipomena* (V) (2-е изд.), т. 1, с. 213, Berlin. (1-е изд., Leipzig, 1851.) In *Sämtliche Werke* (hrsg. von A. Hübscher) (2-е изд.), т. 5, с. 239, Wiesbaden, 1946. (61-62, 88, 110-111)

SCHRÖTTER, K. (1912) «Experimentelle Träume», *Zentbl. Psychoanal.,* т. 2, с. 638. (376)

Schubert, G. H. von (1814) *Die Symbolik des Traumes,* Bamberg. (85–86, 347)

Schwarz, F. (1913) «Traum und Traumdeutung nach «Abdalgani an-Nabulusi»», *Z. dt. morgenl. Ges.,* т. 67, с. 437. (32)

Secker, F. (1910) «Chinesische Ansichten über den Traum», *Neue metaphysische Rundschau,* т. 17, с. 101. (32)

Segel, B. W., Bernstein, I. (1908) *см.* Bernstein, I., Segel, B. W. (1908)

Siebeck, H. (1877) «Das Traumleben der Seele», *Sammlung gemeinverständlicher Vortrage,* Berlin. (81)

Silberer, H. (1909) «Bericht über eine Methode, gewisse symbolische Halluzinations-Erscheinungen hervorzurufen und zu beobachten», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.,* т. 1, с. 513. (73, 122, 339–340, 371, 483–485)

(1910) «Phantasie und Mythos», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.,* т. 2, с. 541. (122, 223)

(1912) «Symbolik des Erwachens und Schwellensymbolik überhaupt», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.,* т. 3, с. 621. (122, 483–485, 533)

(1914) *Probleme der Mystik und ihrer Symbolik,* Leipzig und Wien. (501–502)

Simon, P. M. (1888) *Le monde des rêves,* Paris. (55–56, 59, 60, 63, 151)

Sperber, H. (1912) «Über den Einfluß sexueller Momente auf Entstehung und Entwicklung der Sprache», *Imago,* т. 1, с. 405. (347)

Spielrein, S. (1913) «Traum von "Pater Freudenreich"», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.,* т. 1, с. 484. (149)

Spitta, H. (1882) *Die Schlaf- und Traumzustände der menschlichen Seele* (2-е изд.), Tübingen. (1-е изд., 1878.) (60, 71, 74, 78, 80–82, 85, 88–89, 92, 94, 109, 111, 229, 491)

Spitteler, C. (1914) *Meine frühesten Erlebnisse,* Jena. (175, 257)

Stannius, H. (1849) *Das peripherische Nervensystem der Fische, anatomisch und physiologisch untersucht,* Rostock. (402, 437)

Stärcke, A. (1911) «Ein Traum, der das Gegenteil einer Wunscherfüllung zu verwirklichen schien», *Zentbl. Psychoanal.,* т. 2, с. 86. (173–174)

STÄRCKE, J. (1913) «Neue Traumexperimente in Zusammenhang mit älteren und neueren Traumtheorien», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, т. 5, с. 233. (84, 150)

STEKEL, W. (1909) «Beiträge zur Traumdeutung», *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, т. 1, с. 458. (279, 334, 343, 351–352, 356, 373)

(1911) *Die Sprache des Traumes,* Wiesbaden. (2-е изд., 1922.) (345–346, 352–353, 387–388, 400)

STRICKER, S. (1879) *Studien über das Bewußtsein,* Wien. (80, 95–96, 444)

STRÜMPELL, A. VON (1883–1884) *Lehrbuch der speciellen Pathologie und Therapie der inneren Krankheiten,* Leipzig. (49)

STRÜMPELL, L. (1877) *Die Natur und Entstehung der Träume,* Leipzig. (34, 42–43, 45, 47, 49, 54–55, 59, 63, 68–70, 74–75, 77, 80–81, 100, 141, 177, 194, 229–231, 233–234, 241, 444)

STUMPF, E. J. G. (1899) *Der Traum und seine Deutung,* Leipzig. (120)

SULLY, J. (1893) «The Dream as a Revelation», *Fortnightly Rev.*, т. 53, с. 354. (83, 152, 482, 562)

SWOBODA, H. (1904) *Die Perioden des menschlichen Organismus in ihrer psychologischen und biologischen Bedeutung,* Leipzig und Wien. (115, 180–182, 376)

TANNERY, M. P. (1898) «Sur la mémoire dans le rêve», *Rev. phil.*, т. 45, с. 637. (491)

TAUSK, V. (1913) «Zur Psychologie der Kindersexualität», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 1, с. 444. (149, 304)

(1914) «Kleider und Farben im Dienste der Traumdarstellung», *Int. Z. ärztl. Psychoanal.*, т. 2, с. 464. (400–401)

TFINKDJI, J. (1913) «Essai sur les songes et l'art de les interpréter (onirocritie) en Mésopotamia, *Anthropos,* т. 8, с. 505. (32, 119)

THOMAYER, J. (1897) «La signification de quelques rêves», recueilli par V. Simerka, *Rev. neural,* т. 5, с. 98. (110)

TISSIÉ, P. (1898) *Les rêves, physiologie et pathologie,* Paris. (1-е изд., 1870.) (59, 60, 61, 66, 70, 109–110, 151)

TOBOWOLSKA, J. (1900) *Étude sur les illusions de temps dans les rêves du sommeil normal* (диссертация), Paris. (87, 478–479, 482)

TOBOWOLSKA, J., BERNARD-LEROY, E. (1901) *см.* Bernard-Leroy, E., Tobowolska, J. (1901)
VARENDONCK, J. (1921) *The Psychology of Day-Dreams*, London. (473)
VASCHIDE, N. (1911) *Le sommeil et les rêves*, Paris. (38, 40–41, 84, 544–545)
VESPA, B. (1897) «II sonno e i sogni nei neuro- e psicopatici», *Boll. Soc. Lancisiana Osp.*, т. 17, с. 193. (109)
VOLD, J. MOURLY (1896) «Expériences sur les rêves et en particulier sur ceux d'origine musculaire et optique» (реферат), *Rev. phil.*, т. 42, с. 542. (64)
(1910–1912) *Über den Traum* (2 тома.) (hrsg. von O. Klemm), Leipzig. (64, 231, 386)
VOLKELT, J. (1875) *Die Traum-Phantasie*, Stuttgart. (43, 52, 62, 65–66, 78–79, 81–82, 88, 93, 104–107, 151, 232–234, 341)
WALDEYER, W. (1891) «Über einige neuere Forschungen im Gebiete der Anatomie des Centralnervensystems», *Berl. klin. Wschr.*, т. 28, с. 691. (17)
WEED, S., HALLAM, F. (1896) *см.* Hallam, F., Weed, S. (1896)
WEYGANDT, W. (1893) *Entstehung der Träume*, Leipzig. (34–35, 51, 60, 66, 81, 143)
WHITON CALKINS *См.* Calkins, M. W.
WIGGAM, A. (1909) «A Contribution to the Data of Dream Psychology», *Fed. Sem. J. Genet. Psychol.*, т. 16, с. 250. (149)
WINTERSTEIN, A. VON (1912) «Zwei Belege für die Wunscherfüllung im Traume», *Zentbl. Psychoanal.*, т. 2, с. 292. (35)
WITTELS, F. (1924) *Sigmund Freud: der Mann, die Lehre, die Schule*, Wien. (223, 410)
WUNDT, W. (1874) *Grundzüge der physiologischen Psychologie*, Leipzig. (54, 56, 65–66, 80–81, 111, 230–231, 241)
ZELLER, A. (1818) «Irre», in J. S. Ersch und J. G. Gruber, *Allgemeine Encyclopedie der Wissenschaften und Künste*, т. 24, с. 120. (92)

Б

Список работ о сновидении, опубликованных до 1900 года

[Далее приводятся сочинения, которые включены Фрейдом в библиографию, но в самом тексте не упоминаются.]

AHMAD IBN SIRIN *Achmetis f. Seirim Oneirocriticae,* ed. N. Rigaltius, Paris, 1603.

*ALBERTI, MICHAEL (1744) *Diss. de insomniorum influxi in sanitatem et morbos.* Resp. Titius Halae M.

ALIX (1883) «Les rêves», *Rev. Sci. Industr.* (3. série), т. 6, с. 554.

*ANON (1890) «Rêves et l'hypnotisme», *Le Monde,* авг. 25.
*(1890) «Science of Dreams», *The Lyceum,* p. 28, Dublin.
(1893) «The Utility of Dreams», *J. Comp. Neural.,* т. 3, с. 17, Granville.

BACCI, DOMENICO (1857) *Sui sogni e sul sonnambulismo, pensiero fisio-logico-metafisici.* Venedig.

BALL, B. (1885) *La morphinomanie, les reves prolonges,* Paris.

BENEZÉ, EMIL (1897) «Das Traummotiv in der mittelhochdeutschen Dichtung bis 1250 und in alten deutschen Volksliedern», Beneze: *Sageng, und lit.-hist. Unters.,* l, *Das Traummotiv,* Halle.

*BENINI, V. (1898) «Nel moneto dei sogni», *II Pensiero nuovo,* Apr.

*BIRKMAIER, HIERON (1715) *Licht im Finsterniss der nächtlichen Gesichte und Träume,* Nürnberg.

BISLAND, E. (1896) «Dreams and their Mysteries», *N. Am. Rev.,* т. 162, с. 716.

BRADLEY, F. H. (1894) «On the Failure of Movement in Dream», *Mind,* (new series), т. 3, с. 373, London.

BRANDER, R. (1884) *Der Schlaf und das Traumleben,* Leipzig.

BREMER, L. (1893) «Traum und Krankheit», *New York med. Mschr.,* т. 5, с. 281.

*BUSSOLA, SERAFINO (1834) *De somniis,* (диссертация) Ticini Reg.

CAETANI-LOVATELLI, E. (1889) «I sogni e l'ipnotismo nel mondo antico», *Nuova Antologia,* т. 24, Serie III, 1. дек.

CANE, FRANCIS E. (1889) «The Physiology of Dreams», *The Lancet*, т. 67, (II), с.1330 (28. дек.)
CARDANO, GIROLAMO (1562) *Somniorum synesiorum, omnis generis insomnia explicantes libri IV*, Basel.
(2-е изд. in *Opera omnia Cardani*, т. 5, с. 593, Lyon, 1663.)
CARIERO, ALESSANDRO (1575) *De somniis deque divinatione per somnia*, Padua.
CARPENTER (1849–1852) «Dreaming» (under «Sleep»), *Cyclop. of Anat. and Physiol.*, т. 4, с. 687, London.
CLAVIÈRE (1897) «La rapidité de la pensée dans le rêve», *Rev. phil.*, т. 43, с. 507.
COUTTS, G. A. (1896) «Night-terrors», *Amer. J. med. Sc.*
D. L. (1895) «À propos de l'appréciation du temps dans le rêve», *Rev. phil.*, т. 40, с. 69.
DAGONET, H. (1889) «Du rêve et du délire alcoholique», *Ann. med.-psychol*, (7. série) т. 10, с. 193.
DANDOLO, G. (1889) *La conscienza nel sogno*, Padua.
DECHAMBRE, A. (1880) «Cauchemar», *Diet, encycl. sc. méd.*, т. 2, с. 48.
*DIETRICH, J. D. (1726) *An ea, quae hominibus in somno et somnio accidunt, iisdem possint imputari?* resp. Gava, Wittemberg.
*DOCHMASA, A. M. (1890) *Dreams and their Significance as Forebodings of Disease*, Kazan.
DREHER, E. (1890) «Sinneswahrnehmung und Traumbild», *Reichs-med. Anzeiger*, т. 15, Nr. 20, 21, 22, 23, 24; т. 16, Nr. 3, 8, Leipzig.
DUCOSTÉ, M. (1899) «Les songes d'attaques des épileptiques», *Journ. Méd. Bordeaux*, 26 ноября и 3 дек.
*DU PREL, C. (1869) «Oneirokritikon: der Traum vom Standpunkte des transcend. Idealismus», *Deutsche Vierteljahrschrift*, т. 2, Stuttgart.
(1880) *Psychologie der Lyrik*, Leipzig.
*(1889) «Künstlidie Träume», *Sphinx*, июль.
EGGER, V. (1888) «Le sommeil et la certitude, le sommeil et la mémoire», *Critique philos.*, т. 1, с. 341, Paris.
ELLIS, HAVELOCK (1895) «On Dreaming of the Dead», *Psychol. Rev.*, т. 2, с. 458.
(1897) «A Note on hypnagogic Paramnesia», *Mind*, т. 6, с. 283.

ERDMANN, J. E. (1855) «Das Träumen», *Ernste Spiele*, Kap. 12, Berlin.

ERK, VINZ. VON (1874) *Über den Unterschied von Traum und Wachen*, Prag.

*ESCANDE DE MESSIÈRES (1895) «Les rêves chez les hystériques» (диссертация), Bordeaux.

FAURE (1876) «Études sur les rêves morbides. Rêves persistants», *Arch, géner. Méd.*, (6. série) т. 27, с. 550.

*FENIZIA (1896) «L'azione suggestiva délie cause esterne nei sogni», *Arch, per l'Antrop.*, т. 26.

*FÉRÉ, C. (1897) «Les rêves d'accès chez les épileptiques», *Méd. mod.*, 8. дек.

FISCHER, JOH. (1899) *Ad artis veterum onirocriticae historiam symbola*, (диссертация) Jena.

FLORENTIN, V. (1899) «Das Traumleben: Plauderei», *Alte und neue Welt*, т. 33, с.725.

FORNASCHON, H. (1897) «Die Geschichte eines Traumes als Beitrag der Transcendentalpsychologie», *Psychische Studien*, т. 24, с. 274.

FRENSBERG (1885) «Schlaf und Traum», *Sammlung gemeinverst. wiss. Vortr.*, Virchow-Holtzendorff, Serie 20, т. 466.

FRERICHS, J. H. (1866) *Der Mensch: Traum, Herz, Verstand*, Norden.

GALEN *De praecognitione, ad Epigenem*, Lyon, 1540.

*GIRGENSOHN, L. (1845) *Der Traum: psychol.-physiol. Versuch.*

*GLEICHEN-RUSSWURM, A. VON (1899) «Traum in der Dichtung», *Nat. Z.*, Nr. 553–559.

*GLEY, E. (1898) « Appréciation du temps pendant le sommeil», *L'intermédiaire des Biologistes*, т. 10, с. 228.

GORTON, D. A. (1896) «Psychology of the Unconscious», *Amer. med. Times*, т. 24, с. 33 und с. 37.

GOULD, G. M. (1889) «Dreams, Sleep, and Consciousness», *The Open Court* (Chicago), 2, 1433–1436, 1444–1447.

*GRABENER, G. C. (1710) *Ex antiquitate judaica de menûdim bachalôm sive excommunicatis per insomnia exerc. resp. Klebius*, Wittemberg.

GRAFFUNDER, P. C. (1894) «Traum und Traumdeutung», *Sammlung gemeinverständlicher wiss. Vorträge*, т. 197.

GREENWOOD, F. (1894) *Imaginations in Dreams and their Study*, London.
*GROT, N. (1878) *Dreams, a Subject of Scientific Analysis* (на русском языке), Kiew.
GUARDIA, J. M. (1892) «La personnalité dans les rêves», *Rev. phil.*, т. 34, с. 225.
GUTFELDT, I. (1899) «Ein Traum», *Psychol. Studien*, т. 26, с. 491.
HAMPE, T. (1896) «Über Hans Sachsens Traumgedichte», *Z. deutsch. Unterricht*, т. 10, с. 616.
HEERWAGEN (1889) «Statist. Untersuch, über Träume u. Schlaf», *Philos. Stud.,Zd.* 5, с. 301.
HILLER, G. (1899) «Traum, Ein Kapitel zu den zwölf Nächten», *Leipz. Tagbl. und Anz.*, Nr. 657, Zusatz 1.
HITSCHMANN, F. (1894) «Über das Traumleben der Blinden», *Z. Psychol.*, т. 7, с. 387.
JASTROW, J. (1888) «The Dreams of the Blind», *New Princeton Rev.*,т. 5.с. 18.
JENSEN, J. (1871) «Träumen und Denken», *Samml. gemeinv. wiss. Vortr.*, Virchow-Holtzendorff, Serie 6, т. 134.
KINGSFORD, A. (1888) *Dreams and Dream-Stories*, (hrsg. von E. Maitland) (2-е изд.), London.
KLOEPFEL, F. (1899) «Träumerei und Traum: Allerlei aus unserem Traumleben», *Universum*, т. 15, с. 2469, 2607.
*KRAMAR, OLDRICH (1882) O *spànku a. snu, Prager Akad. Gymn.*
KRASNICKI, E. VON (1897) «Karls IV. Wahrtraum», *Psych. Stud.*, т. 24, с. 697.
KUCERA, E. (1895) «Aus dem Traumleben*, *Mähr-Weisskirchen, Gymn.*
LAISTNER, L. (1889) *Das Rätsel der Sphinx* (2 тома), Berlin.
*LANDAU, M. (1892) «Aus dem Traumlebens *Münchner Neueste Nachrichten*, 9. Jan.
LAUPTS (1895) «Le fonctionnement cérébral pendant le rêve et pendant le sommeil hypnotiques *Ann. méd.-psychol.*, (8. série)., т. 2, с. 354.
*LEIDESDORF, M. (1880) «Das Traumleben», *Sammlung der «Alma Mater»*, Wien.
*LERCH, M. F. (1883–1884) «Das Traumleben und seine

Bedeutung., *Gymn. Progr.,* Komotau.
*LLBERALI, FRANCESCO (1834) *Dei sogni,* (диссертация) Padua.
LIÉBEAULT, A. (1893) «A travers les états passifs, le sommeil et les rêvess», *Rev. hypnot.,* т. 8, 41, 65, 106.
LUKSCH, L. (1894) *Wunderbare Traumerfüllung als Inhalt des wirklichen Lebens,* Leipzig.
MACARIO, M. M. A. (1846) «Des rêves, considérés sous le rapport physiologique et pathologiques Teil I, II, III, *Ann. méd-psychol.,* [1. série] т. 8, с. 170, 180, 184.
(1889) «Des rêves morbidess *Gaz. méd. de Paris,* т. 8, с. 1, 85, 97, 109, 121.
MACFARLANE, A. W. (1890) «Dreaming', *Edinb. med.J.,* т. 36, с. 499.
MAINE DE BIRAN, M. F. P. (1792) «Nouvelles considérations sur le sommeil, les songes, et le sonnambulismes *Œuvres Philosophiques,* с. 209, (hrsg. von V. Cousin), Paris, 1841.
MAURY, L. F. A. (1857) «De certains faits observés dans les rêvess *Ann. méd.-psychol.,* (3. série) т. 3, с. 157.
*MEISEL, JOS. (псевдоним) (1783) *Natürlich-göttliche und teuflische Träume,* Sieghartstein.
MELINAND, M. C. (1898) «Dream and Realitys *Popular Science Monthly,* т. 54, с. 96.
MELZENTIN, C. (1899) «Über wissenschaftliche Traumdeutung», *Gegenwart,* Nr. 50, Leipzig.
MENTZ, R. (1888) *Die Träume in den altfranzösischen Karls- und Artusepen,* Marburg.
MONROE, W. S. (1899) «A study of taste-dreams», *Am. J. Psychol.,* т. 10, с. 326.
MOREAU DE LA SARTHE, J. L. (1820) «Reves *Diet. se. méd.,* т. 48, с. 245.
MOTET (1829–1936) «Cauchemar», *Diet. méd. chir. pratiques,* Paris.
MURRAY, J. C. (1894) «Do we ever dream of tasting?» *Proc. Am. psychol. Ass.,* с. 20.
*NAGELE, A. (1889) «Der Traum in der epischen Dichtung», *Programm der Realschule,* Marburg.
NEWBOLD, W. R. (1896) «Sub-conscious Reasoning», *Proc. Soc. psychic. Res.,* т. 12, с. 11, London.
PASSAVANTI, J. (1891) *Libra del sogni,* Rom.
PAULHAN, F. (1894) «À propos de l'activité de l'esprit dans le rêves *Rev. Phil.,* т. 38, с. 546.
PICK, A. (1896) «Über pathologische Träumerei und ihre

Beziehungen zur Hysterie», *Jb. Psychiat.*, т. 14, с. 280.
*RAMM, K. (1889) *Diss. pertractans somnia*, Wien.
*RÉGIS, E. (1890) «Les rêves Bordeaux», *La Gironde* (Variétés), 31 мая.
RICHARD, JEROME (1766) *La théorie des songes*, Paris.
RICHARDSON, B. W. (1892) «The Physiology of Dreams», *Asclep.*, т. 9, с. 129.
RICHIER, E. (1816) *Onéirologie ou dissertation sur les songes, considérés dans l'état de maladie*, (диссертация) Paris.
*RICHTER, J. P. [JEAN PAUL] (1813) «Blicke in die Traumwelt», *Museum*, т. 2, (также в: *Werke*, hrsg. von Hempel, т. 44, с. 128.)
*«Über Wahl- und Halbträume», *Werke*, т. 44, с. 142. (1826–1933) *Wahrheit aus Jean Pauls Leben*.
ROBINSON, L. (1893) «What Dreams are made of», *N. Am. Rev.*, т. 157, с. 687.
ROUSSET, C. (1876) *Contribution à l'étude du cauchemar*, (диссертация) Paris.
ROUX, J. (1898) «Le rêve et les délires onitiquess *Province méd. Lyon.Zd.* 12, с. 212.
*RYFF, W. H. (1554) *Traumbüchlein*, Straßburg.
*SANTEL, A. (1874) «Poskus raz kladbe nekterih pomentjivih prokazni spanja in sanj», *Progr. Gymn.*, Görz.
SARLO, F. DE (1887) *I sogni. Saggio psicohgico*, Neapel.
SCH. FR. (1897) «Etwas über Träume», *Psych. Studien*, т. 24, с. 686.
SCHLEICH, K. L. (1899) «Schlaf und Traum», *Zukunft*, т. 29, с. 14, 54.
SCHWARTZKOPFF, P. (1887) *Das Leben im Traum: eine Studie*, Leipzig.
STEVENSON, R. L. (1892) «A Chapter on Dreams», *Across the Plain*.
STRYK, M. VON (1899) «Der Traum und die Wirklichkeit», (nach C. Mélinand), *Baltische Mschr.*, с. 189, Riga.
SULLY, J. (1881) *Illusions, a Psychological Study*, London
(1882) «Études sur les rêves», *Rev. scientif.*, (3. série) т. 3, с. 385.
(1892) *The Human Mind*, (2 тома), London.
(1875–1889) «Dreams», *Enc. Brit.* (9-е изд.)

Summers, T. O. (1895) «The Physiology of Dreaming», *St. Louis Clin.*, т. 8, с. 401.

Surbled, G. (1895) «Origine des rêves», *Rev. quest, scient.*
(1898) *Le rêve,* Paris.

Synesius of Syrene *Liber de insomniis.*

Tannery, M. P. (1894) «Sur l'activité de l'esprit dans le rêve», *Rev. phil.*, т. 38, с. 630.
(1898) «Sur la paramnésie dans les rêves», *Rev. phil.*, т. 46, с. 420.

Thiéry, A. (1896) «Aristote et la psychologie physiologique du rêve», *Rev. neo-scol.*, т. 3, с. 260.

*Thomayer, S. (1897) «Beiträge zur Pathologie der Träume» (на чешском языке), *Poliklinik der tschechischen Universität,* Prag.

Tissié, P. (1896) «Les rêves; rêves pathogènes et thérapeutiques; rêves photographiés», *Journ. méd. Bordeaux,* т. 36, с. 293, с. 308 und с. 320.

Titchener, E. B. (1895)»Taste Dreams», *Am J. Psychol.*, т. 6, с. 505.

Tonnini, S. (1887) «Suggestione e sogni», *Arch, psichiatr. antrop. crim.*, т. 8, с. 264.

*Tonsor, J. H. (1627) *Disp. de vigilia, somno et somniis, prop. Lucas,* Marburg.

Tuke, D. H. (1892) «Dreaming», *Diet, of Psychol. M ed.* (hrsg. von Hack Tuke), London.

Ullrich, M. W. (1896) *Der Schlaf und das Traumleben, Geisteskraft und Geistesschwäche* (3-е изд.), Berlin.

Unger, F. (1898) *Die Magie des Traumes als Unsterblichkeitsbeweis. Nebst e. Vorwort: Okkultismus und Sozialismus von* C. *du Frei,* (2-е изд.), Münster.

Vignoli, T. (1879) *Mito e scienza: Saggio,* Mailand.

*Vischer, F. T. (1876) «Studien über den Traum», *Beilage allg. Z.*, с. 105.

Vold, J. Mourly (1897) «Einige Experimente über Gesichtsbilder im Traume», *Bericht über d. 3. Psych. Kongr.*, München, und 2. *Psychol. Physiol. Sinnesorgane,* т. 13, с. 66.

*Vykoukal, F. V. (1898) *Über Träume und Traumdeutungen,* (на чешском языке) Prag.

Wedel, R. (1899) «Untersuchungen ausländischer Gelehr-

ter über gew. Traumphänomene», *Beitr. zur Grenzwissenschaft*, c. 24.

*WEHR, H. (1887) «Das Unbewußte im menschlichen Denken», *Programm der Oberrealschule*, Klagenfurt.

WEILL, A. (1872) *Qu'est-ce que le rêve?* Paris.

*WENDT, K. (1858) *Kriembilds Traum, (диссертация)* Rostock.

WILKS, S. (1893–1894) «On the Nature of Dreams», *Med. Mag.*, т. 2, c. 597, London.

WILLIAMS, H. S. (1891–1892) «The Dream State and its Psychic Correlatives», *Amer. J. Insanity*, т. 48, c. 445.

WOODWORTH, R. S. (1897) «Note on the Rapidity of Dreams», *Psychol. Rev.*, т. 4, c. 524.

*(1886) «Ce qu'on peut rêver en cinq secondes», *Rev. sc.*, (3. série) т. 11, c. 572.

ZUCCARELLI (1894–1895) «Polluzioni notturne ed epilepsia», *L'anomalo*, т. 1-3.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Conditio humana. Серия «Conditio humana, Ergebnisse aus den Wissenschaften vom Menschen», издательство С. Фишера, Франкфурт-на-Майне, 1969–1975.

G. S. S. Freud, *Gesammelte Schriften* (12 томов). Международное психоаналитическое издательство, Вена, 1924–1934.

G. W. S. Freud, *Gesammelte Werke* (18 томов и один непронумерованный дополнительный том), тома 1–17, London, 1940–1952, том 18, Франкфурт-на-Майне, 1968, дополнительный том Франкфурт-на-Майне, 1987. Полное издание с 1960 года — издательство С. Фишера, Франкфурт-на-Майне.

Studienausgabe. S. Freud, *Studienausgabe* (10 томов и один непронумерованный дополнительный том), издательство С. Фишера, Франкфурт-на-Майне, 1969–1975.

Остальные использованные в этом томе сокращения соответствуют 4-му изданию «World List of Scientific Periodicals» (Лондон, 1963–1965).

УКАЗАТЕЛЬ СНОВИДЕНИЙ

А

Собственные сновидения Фрейда

Б

Сновидения других людей

В скобках первым указан сновидец, вторым — автор, рассказавший об этом сне.

УКАЗАТЕЛЬ СИМВОЛОВ

А

Символы

Б

Символизируемое

УКАЗАТЕЛЬ СРАВНЕНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ОБОРОТОВ РЕЧИ, КАЛАМБУРОВ, ШУТОК, АНЕКДОТОВ, ОСТРОТ И ЦИТАТ

А

Обороты речи — каламбуры — шутки

Б

Анекдоты — остроты

В

Цитаты

СОДЕРЖАНИЕ

Зигмунд Фрейд

ТОЛКОВАНИЕ СНОВИДЕНИЙ

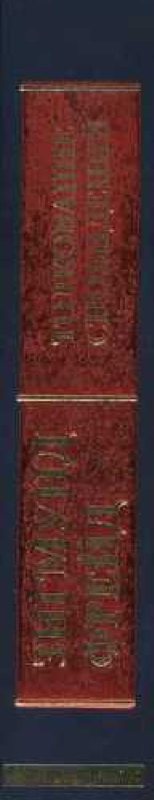
ISBN 978-5-89808-040-2

Подписано в печать 24.12.07.
Формат 84×108[1]/32. Бумага писчая. Печать офсетная. Физ. печ. л. 21,5.
Тираж 3000 экз. Заказ № 5531

ООО «Фирма СТД».
119361, г. Москва, ул. Кибальчича, д. 3

ЛУЧШИХ РОСТО ТОВАРОВ

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Издательско-
полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 29-20-81
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

Зигмунд Фрейд

толкование сновидений